

ВОЦАРЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

В О Ц А Р Е Н І Е
ИМПЕРАТРИЦЫ
АННЫ ІОАННОВНЫ.

537

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮДЪ

Д. А. КОРСАКОВА.

D. A. Korsakov

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1880.

Slav 950.11

Казань
NOV 2 1912
LIBRARY
Научная библиотека
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

По определению Историко-Филологического факультета Императорского Казанского Университета печатать дозволяется. Казань, 10 января 1880 г.

Деканъ Н. Ойрсовъ.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

Предлагаемый этюд касается событія весьма мало изслѣдованнаго въ русской исторической литературѣ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны составляетъ очень важный и интересный эпизодъ изъ русской исторіи первой половины XVIII в. Съ одной стороны онъ является естественнымъ результатомъ общественныхъ нестрасній, послѣдовавшихъ за кончиной Преобразователя Россіи и служившихъ выраженіемъ реакціи противъ нѣкоторыхъ реформъ Петра В.; съ другой стороны—составляетъ прологъ къ исторіи мрачнаго и суроваго царствованія Анны Іоанновны.

Во время воцаренія Анны Іоанновны оцутительно выражается тотъ антагонизмъ между русскими и иноземцами, который достигаетъ своего апогея къ концу царствованія этой государыни; въ воцареніе Анны Іоанновны сказывается и та рознь между русскими людьми, которая характеризуетъ ихъ послѣдующее несогласіе въ политическихъ воззрѣніяхъ и мѣропріятіяхъ. Среди этой борьбы и розни весьма замѣтно выражаются политическіе замыслы преобладавшихъ въ то время въ русскомъ обществѣ людей родословныхъ и средняго шляхетства. Замыслы эти ошибочны и произвольны на нашъ теперешній взглядъ, но они имѣютъ историческія причины для своего существованія.

II

Принципы, во имя которых враждовали и соединялись русскіе родословные люди и шляхтичи 1730 года,—для насъ не существуютъ болѣе: они стали достояніемъ прошлаго; страсти ихъ волновавшія,—чужды намъ. Мы отдѣлены отъ 1730 года временемъ въ полтора ста лѣтъ, живемъ и дѣйствуемъ совершенно въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ жили и дѣйствовали русскіе люди первой половины XVIII в. Реформы настоящаго Царствованія, обновившія общественный бытъ Россіи, дали нашей политической и общественной жизни инны основы, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ 1730 году. Поэтому мы, русскіе люди второй половины XIX в., можемъ совершенно объективно и вполне спокойно отнестись къ событіямъ, происходившимъ полтора столѣтія назадъ.

Въ концѣ 1877 года, по ходатайству его Сіятельства Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, пинупцій эти строки получилъ ВЫСОЧАЙШЕЕ разрѣшеніе на занятія въ Государственномъ Архивѣ, и только въ силу этого благосклоннаго вниманія со стороны его Сіятельства къ научнымъ цѣлямъ автора, онъ могъ положить въ основу своей работы документы, бывшіе доступными весьма немногимъ.

При составленіи предлагаемаго этюда авторъ останавливался преимущественно на вопросахъ менѣе другихъ изслѣдованныхъ; поэтому онъ имѣлъ въ виду слѣдующія задачи:

- 1) Подвергнуть строгой критикѣ источники исторіи воцаренія императрицы Анны Іоанновны.

III

2) Изучить личности всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ участниковъ въ событіяхъ. На второстепенныхъ, какъ на совсѣмъ почти не изслѣдованныхъ, авторъ обратилъ особое вниманіе.

3) Изложить политическіе планы верховниковъ и шляхетства, которые (особенно планы шляхетства) до сихъ поръ представляются въ не совсѣмъ ясномъ свѣтѣ.

Сообразно съ этими задачами книга распадается на три части: 1) введене, въ которомъ указываются причины, подготовившія событія воцаренія Анны Иоанновны и рассматриваются главнѣйшіе источники и монографическія изслѣдованія, послужившія матеріаломъ для этюда. 2) подробное прагматическое изложеніе самаго хода событій и характеристики главныхъ участниковъ въ нихъ, 3) приложения.

Приложенія предназначаются для немногихъ. Они интересуютъ весьма небольшой кружокъ специалистовъ по исторіи русскаго XVIII в. Въ нихъ авторъ сгруппировалъ данныя интересныя, но слишкомъ мелочныя, чтобы внести ихъ въ текстъ, и помѣстилъ три источника, изъ которыхъ два являются въ свѣтѣ впервые, а одинъ былъ извѣстенъ только въ нѣмецкомъ переводѣ. Мелочныя данныя состоятъ во 1-хъ, изъ критико-библіографическихъ замѣтокъ о важнѣйшихъ, но мало изслѣдованныхъ, документахъ по исторіи воцаренія Анны Иоанновны, во 2-хъ, изъ свѣдѣній біографическихъ объ участникахъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ и челобитныхъ.

Авторъ видитъ вполне ясно недостатки и промахи своего труда, и, совершенно отстраняя отъ

себя личное самолюбіе, искренно желаетъ лишь одного: строгаго и безпристрастнаго суда ученой и литературной критики. Въ ихъ приговорѣ, какъ бы суровъ онъ ни былъ, авторъ надѣется найти силы на дальнѣйшіе труды въ области русской исторіи.

Въ заключеніе авторъ считаетъ особо отряднымъ для него долгомъ привести глубочайшую и искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ, наиболѣе споспѣшествовавшимъ его труду своими указаніями и совѣти: академикамъ А. Ѳ. Бычкову и Я. К. Гроту, директору главнаго Архива М. И. Д. барону Ѳ. А. Бюлеру, профессорамъ—К. Н. Бестужеву-Рюмину и Е. Е. Замысловскому; Л. Н. Майкову, А. Н. Пыпину и Г. Ѳ. Штендману, начальнику Сенатскаго Архива П. И. Баранову, управляющему Синодальнымъ Архивомъ Н. И. Григоровичу и старшему дѣлопроизводителю Государственнаго Архива Н. А. Гюббенету.

ВВЕДЕНИЕ.

Характеръ реакціи, наступившей вслѣдъ за кончиной Петра В.—Главнѣйшія явленія внутренней государственной жизни Россіи съ 1725 по 1730 годъ.—Событія воцаренія Анны Іоанновны, какъ результатъ этихъ явленій.—Главнѣйшіе источники и литература исторіи воцаренія Анны Іоанновны.

Первые пять лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго характеризуются особенно сильной реакціей противъ программы царя-преобразователя. Реакція эта выражается съ одной стороны въ произвольномъ толкованіи нѣкоторыхъ воззрѣній Петра, съ другой—въ противодѣйствіи началамъ его реформы. [Петръ унесъ съ собой въ могилу ключъ отъ своихъ великихъ замысловъ, и ближайшіе продолжатели его дѣла не могли найти этого ключа. Они восприняли только внѣшность, форму его преобразованій, но не въ состояніи были постичь содержанія этой формы;] они не были въ силахъ воскресить духа перваго императора. Преобразовательная программа Петра Великаго была обширна. Она обнимала не только политическую сферу московскаго государства, но касалась мысли, совѣсти и частной жизни всѣхъ подданныхъ московскаго царя. Сфера нравственной жизни и бытовыхъ условий не поддается передѣлкѣ такъ легко, какъ внѣшне-государственная жизнь страны; при насильственномъ прикосновеніи къ этой сферѣ—протестъ и реакція всегда неизбѣжны и всегда понятны. Открыто сопротивляться Петру было нельзя: онъ былъ самодержавный царь, воля его была непреклонна и для подданныхъ эта воля являлась закономъ. И вотъ мы видимъ цѣлое теченіе пассивно-отрицательнаго отношенія къ реформѣ; теченіе это рѣзче всего

выразилось въ двухъ противоположныхъ т. сказ. общественныхъ полюсахъ, въ самомъ верхнемъ слоѣ русскаго народа, и въ самомъ низшемъ—въ боярствѣ и въ крестьянствѣ. Пассивные протестанты изъ того и изъ другаго слоя—убѣгають отъ тягостей петровыхъ „новшествъ“, но тѣ и другіе бѣгутъ разно, безъ общаго плана, безъ ясно сознанный мысли. Крестьяне убѣгають въ дѣйствительности, бояре убѣгають въ переносномъ смыслѣ, углубляются мысленно въ самихъ себя. Крестьяне убѣгають или на Волгу, на „широкое раздолье“, въ степь, въ „мать-тихую пустыню“, или зарубежные лѣса литовскіе; бояре убѣгають своими воспоминаніями и мечтами въ московскую, допетровскую Русь, или въ заморскія страны, стремясь найти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны, или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ.

Но Петра Великаго не стало: весьма естественно протестъ изъ пассивнаго перешелъ въ активный. Выразителемъ этого протеста является высшій слой русскаго народа, который всего болѣе былъ придавленъ реформой—„родословные люди“. Они возстають и противъ „новыхъ русскихъ людей“, выдвинутыхъ реформой, и противъ иноземцевъ, явившихся къ намъ въ обиліи во время реформы. И тѣ и другіе даютъ отпоръ: возникаетъ двойная борьба—общественная и національная.

При Екатеринѣ I—одерживають побѣду новыя русскіе люди и иноземцы, при Петрѣ II-мъ—побѣдителями являются родословные люди; во время воцаренія Анны Иоанновны родословные люди думаютъ побѣдить окончательно, но проигрываютъ навсегда свое дѣло. [Участія въ государственной жизни русской земли требуетъ себѣ также средній служилый классъ—шляхетство, но родословные люди не допускають его до этого участія и тѣмъ создаютъ себѣ враговъ среди русскихъ же людей]. Побѣждаютъ иноземцы; „родословные русскіе люди“ принижены совершенно; они „искощаются“ систематически и гибнутъ въ безсильной борьбѣ съ нѣмцами и новыми людьми.

Еще очень недавно смотрѣли на реакцію, послѣдовавшую за кончиной царя-преобразователя, какъ на выраженіе олигархическихъ замысловъ немногихъ своекорыстныхъ вельможъ и стремленіе русскихъ людей возвратиться къ до-реформеннымъ порядкамъ, къ старинному строю москов-

III

скаго государства. Въ особенности такой взглядъ прилагался къ событіямъ воцаренія императрицы Анны Іоанновны. Но если мы пристальнѣе взглянемъ въ явленія внутренней государственной жизни Россіи съ 1725 по 1730 г.—то неизбежно придемъ къ инымъ заключеніямъ. Эти явленія были главнѣйшими элементами, образовавшими фактъ воцаренія Анны Іоанновны. Они были слѣдующія: 1) неопредѣленность престолонаслѣдія послѣ Петра Великаго, 2) личныя качества его ближайшихъ преемниковъ, 3) государственное значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, 4) неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія, 5) отношенія русскихъ людей къ иностранцамъ.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ явленій.

1) Петръ Великій, отстранивъ отъ престолонаслѣдія сына своего, царевича Алексѣя Петровича, предпочелъ наслѣдственному династическому началу принципъ *избирательный*. Право избранія наслѣдника престола онъ предоставилъ исключительно царствующему государю, выходя въ этомъ случаѣ логически изъ своего представленія о самодержавной власти государя; власть эту Петръ В. опредѣляетъ въ воинскомъ артикулѣ слѣдующимъ образомъ: „Его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанской государь, по своей волѣ и благонамѣренію управлять“.—Но Петръ В. умеръ не избравъ себѣ наслѣдника. Новые люди реформы, опираясь на войско, возвели послѣ его кончины на престолъ російскій его супругу Екатерину І-ю, какъ императрицу коронованную имъ при жизни. [Манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины былъ изданъ отъ имени *сената, синода и генералитета*, которые согласно приказамъ объявить въ народъ о воцареніи Екатерины І-й] Манифестъ этотъ заключалъ въ себѣ нарушеніе основныхъ законовъ Петра Великаго, которыми не указанъ случай *согласнаго приказа* двухъ верховныхъ коллегій и совершенно произвольной группы высшихъ военныхъ служилыхъ людей. Сенатъ не облеченъ былъ правомъ избирать государя Россіи по кончинѣ безнаслѣдственнаго государя; тѣмъ менѣе могъ претендовать на это право синодъ, изолированный Петромъ Великимъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла „гражданскія“; генералитетъ не имѣлъ при Петрѣ никакого политическаго зна-

ченія и былъ просто офіціальнымъ терминомъ для обозначенія совокупности генераловъ. [Между тѣмъ это нарушеніе имѣло громадныя послѣдствія: оно служило прецедентомъ избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію.]

Еще въ 1722 г. при самомъ изданіи „Устава“ о правѣ царствующаго государя назначать себѣ наслѣдника, многіе сомнѣвались въ этомъ правѣ, такъ что потребовались доказательства его; съ этой цѣлью была издана политическая прокламація — „Правда воли Монаршей“. „Правда“ предусматриваетъ возможность кончины государя до назначенія имъ преемника, и если придерживаться строго толкованій „Правды“, то послѣ Петра В. должна была воцариться одна изъ его дочерей, Анна или Елизавета. При воцареніи Екатерины I-й явилось еще болѣе недовольныхъ. Противниками ея было большинство „родословныхъ людей“, желавшихъ видѣть на престолѣ внука Петра Великаго, Петра Алексѣевича. Они распались на двѣ партіи: умѣренные предлагали объявить Екатерину регентомъ государства до совершенвольтія Петра Алексѣевича, крайніе — хотѣли заключить ее и двухъ ея дочерей въ монастырь. По воцареніи Екатерины явилась новая „конъюнктура“: Остерманъ предлагалъ обвинять десятилѣтняго Петра Алексѣевича съ его семнадцатилѣтней теткой Елизаветой Петровной — но эта „конъюнктура“ не исполнилась, какъ прямо противорѣчащая постановленіямъ Православной Церкви.

Екатерина I-я, умирая, опредѣлила престолонаслѣдіе „тестаментамъ“: она передавала престолъ Петру Алексѣевичу, а въ случаѣ его кончины безъ избранія себѣ преемника, должны послѣ него царствовать, сначала старшая ея дочь, Анна Петровна, съ ея „десцендентами“, а за нею вторая дочь, Елизавета Петровна, и ея „десценденты“. При составленіи „тестаментовъ“ явились противники воцаренія Петра II-го: то были „новые люди реформы“, игравшіе активную, но позорную роль въ гибели царевича Алексѣя и боавшіеся мести отъ его сына. Въ то же время носились слухи, что „тестаментамъ“ Екатерины I-й былъ составленъ Меншиковымъ. Тестаментъ Екатерины и слухъ о совершеніи его Меншиковымъ дали мысль князьямъ Долгорукимъ составить въ послѣдствіи подложный тестаментъ отъ имени Петра II

въ пользу „государыни-невѣсты“, княжны Екатерины Долгорукой.

2) Петръ Великій былъ на дѣлѣ именно такимъ самодержцемъ, идеалъ котораго онъ выразилъ въ „воинскомъ артикулѣ“. Тяжело приходилось его подданнымъ, но не легко было и самому царю. Онъ, не смотря на свою крутость и своенравность, могъ всегда служить русскимъ людямъ образцомъ трудолюбца и подвижника на престолѣ. Немногіе изъ его современниковъ-подданныхъ оцѣнили его съ этой стороны; для большинства изъ нихъ онъ былъ источникомъ „тяготы неудобноносимой“; но и для этого большинства онъ являлся съ ореоломъ славы и величія. Совершенно иными личностями были Екатерина I и Петръ II. Первая—была женщина добрая и даже умная, но необладавшая широкимъ государственнымъ умомъ; второй—былъ ребенокъ, личность котораго не могла опредѣлиться вполне. Весьма естественно, что самодержавіе Екатерины I и Петра II—было фиктивно. Фактическимъ правителемъ государства во все правленіе Екатерины и въ первый годъ правленія ребенка-императора былъ князь Меншиковъ, этотъ „прегордый Голяеъ“, какъ называли его современники. Весьма естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ въ умахъ людей родословныхъ, этихъ потомковъ „думцевъ“ царей московскихъ, являлась мысль о томъ, что они имѣютъ болѣе право на официальное участіе въ управленіи страной, чѣмъ имѣетъ это право выскочка-пирожникъ, лукаво прикрывавшійся самодержавіемъ женщины и ребенка. Была мысль ограничить власть Екатерины I-й сенатомъ.

3) При отсутствіи дѣйствительнаго самодержца на престолѣ, у родословныхъ людей развивалась и другая мысль: о болѣшемъ расширеніи и распространеніи коллегіальнаго порядка, введеннаго Петромъ Великимъ въ его государственныхъ учрежденіяхъ. „Въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ“—говорилъ Петръ, мотивируя преимущество коллегіальнаго порядка передъ управленіемъ единоличнымъ. Князь Меншиковъ былъ полнымъ олицетвореніемъ именно такой „единой персоны“, преисполненной „страсти“, и родословные люди весьма естественно приходятъ къ мысли о необходимости верховной коллегіи. Таковой коллегіей явился Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный въ 1726 году.

Обыкновенно съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ соединяется представленіе о какомъ то сборищѣ олигарховъ, преслѣдовавшихъ исключительно свои эгоистическія цѣли, въ ущербъ интересовъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ земли русской. Такое представленіе невѣрно.

Верховный Тайный Совѣтъ съ самаго учрежденія своего задается широкимъ планомъ „поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, одушевляясь мыслію объ общемъ благѣ. Прежде всего онъ заботится объ улучшеніи финансовъ и экономическихъ и промышленно-торговыхъ условий страны, сильно распатавшихся во время двадцатилѣтней войны. „Деньги суть артерія войны“—говорилъ Петръ Великій и стремился къ тому, чтобы „денегъ какъ возможно болѣе искать“. Вся тяжесть этого исканія само-собою пала на преобладающій въ Россіи классъ земледѣльцевъ—крестьянство. По этому Верховный Тайный Совѣтъ особенно заботится объ улучшеніи участи крестьянъ именно съ финансовой, экономической стороны. Измѣненіе податной системы въ смыслѣ облегченія для крестьянъ—„для бѣднаго крестьянства“, какъ выражается Верховный Тайный Совѣтъ,—является для него существенной реформой въ цѣломъ рядѣ предпринятыхъ имъ реформъ.

Не вдаваясь въ излишнія подробности, отмѣтимъ лишь главнѣйшія изъ распоряженій Верховнаго Тайнаго Совѣта за четырехлѣтнее его существованіе.

1) Верховный Совѣтъ принимаетъ рядъ мѣръ для облегченія крестьянамъ платежа подушныхъ денегъ, какъ за текущіе годы, такъ и недоимокъ прежнихъ лѣтъ, 2) изыскиваетъ способы, чтобы избавить крестьянъ отъ чрезмѣрнаго количества начальниковъ и „командировъ“, которые только ихъ притѣсняють и кормятся на ихъ счетъ; съ этой цѣлью предпринимается въ областномъ управленіи рядъ реформъ, сосредоточивающихъ всю власть въ лицѣ губернатора, 3) заботится о расширеніи торговли, о свободѣ ея и объ уничтоженіи стѣснительныхъ монополій и привилегій, выражая эти воззрѣнія въ „Вексельномъ уставѣ 1729 г.“ и въ дѣятельности комиссіи о коммерціи; мануфактуръ-коллегія была уничтожена для большаго облегченія торговли, 4) заботится о благосостояніи посадскихъ людей и горожанъ; главный магистратъ упраздненъ „для лучшаго посадскихъ охраненія“, 5) стремится уравнивать государствен-

ные расходы съ доходами и съ этою цѣлью уменьшаетъ бюджетъ расходовъ, сокращаетъ штаты чиновниковъ въ коллегіяхъ и возстановляетъ ревизіонъ-коллегію.

Верховный Совѣтъ обращаетъ вниманіе на всѣ стороны государственной жизни. Онъ заботится и о развитіи юстиціи, и о просвѣщеніи, и о духовенствѣ, и о войскѣ, и о возстановленіи самоуправленія Малороссійскаго народа. Его озабочиваетъ мысль о сочиненіи новаго уложенія и для этого образуется комиссія изъ выборныхъ отъ шляхетства (1728—1729 г.), поддерживается типографія и изданіе „публичныхъ вѣдомостей“, совѣтъ было прекратившихся влѣдъ за кончиной Петра В. Въ вопросахъ о духовенствѣ Верховный Совѣтъ становится защитникомъ отъ таки массы народа и монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ; въ вопросахъ о войскѣ—его заботитъ лучший способъ расквартированія полковъ по губерціямъ и онъ изыскиваетъ шѣры для облегченія воинскихъ постоевъ какъ относительно обывателей, такъ и относительно солдатъ; являлась мысль отпускать ежегодно по домамъ двѣ трети всѣхъ наличныхъ солдатъ и офицеровъ изъ шляхетства, чтобы „могли привести свои деревни и дома въ надлежащій порядокъ“. Въ 1727 г. были возстановлены статьи и Хмельницкаго Тайнаго Совѣта, а равно и нѣкоторыя другія (выборные отъ шляхетства для сочиненія „уложенія“, учрежденіе комиссіи о коммерціи и изданіе Вексельнаго Устава)—происходить въ правленіе Петра II, въ то время, которое почитается у насъ исключительно временемъ придворныхъ крамоль и интригъ.

Въ правленіе князя Меншикова, при Екатеринѣ I-й, Верховный Тайный Совѣтъ стремился упрочить за еобой высшую правительственную власть. Въ присягѣ гг. министровъ (членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и сенаторовъ, изданной влѣдъ за учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, императрица Екатерина I не имѣетъ титула самодержицы, а присягающій обѣщается, что будетъ исполнять свою должность по „регламентамъ и инструкціямъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“. Всѣ резолюціи Верховнаго Тайнаго Совѣта получали силу высочайшаго указа, если онѣ подписаны всѣми членами Совѣта; воспрещалось исполнять указы не подписанные, или императрицею, или членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ формулѣ императорскаго

титула указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Екатерина также не называлась самодержицею. По „тестаменту“ Екатерины, Верховному Тайному Совѣту во время малолѣтства Петра II-го прямо предоставляется „полная власть, равная государственной“, только „онъ ничего не можетъ перемѣнить въ наслѣдіи престола“. Всѣ члены его, вмѣстѣ съ двумя принцессами (Анной Петровной и Елизаветой Петровной) и герцогомъ голштинскимъ назначались членами регентства надъ малолѣтнимъ императоромъ.

При Петрѣ II, особенно по сверженіи Меншикова, Верховный Тайный Совѣтъ почувствовалъ въ себѣ еще болѣе силы и весьма естественно стремился все болѣе и болѣе расширять свою власть.

Иностранцы съ самаго учрежденія Верховнаго Совѣта видѣли въ немъ первый шагъ въ измѣненію существующей формы правленія. Указавъ на это значеніе Верховнаго Совѣта, французскій резидентъ Кампредовъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Но они (родословные люди) рѣшатся и на быструю перемѣну, если имъ удастся упрочить свое значеніе и пересилить верховную власть, получивъ преимущества, которыя они сочтутъ нужными для учрежденія и поддержанія формы правленія, подобной англійской. Вѣроятно, это и побудило предпринять такой образъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ наиболѣе разсудительные люди ожидаютъ подобныхъ послѣдствій отъ этого новаго учрежденія; мнѣніе это вполне согласно съ тѣмъ, что уже извѣстно о намѣреніяхъ главнѣйшихъ изъ русской націи“.

4) Терминъ „шляхетство“, которымъ опредѣлялась въ первую половину XVIII в. совокупность служилыхъ людей, — новое сословіе образованное Петромъ В., — при самомъ преобразованіи отличался большою сбивчивостью и неопредѣленностью. Первоначально этимъ терминомъ Петръ опредѣлялъ только среднихъ и низшихъ служилыхъ чиновъ московскаго государства; высшіе старинные чины бояре, окольничіе, думные дворяне и новые чины, тайные и дѣйствительные тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники — не входили въ его составъ; офицеры вновь образованныхъ арміи и флота, не только не входили въ составъ шляхетства но даже ставились выше шляхтичей. Мало по малу терминъ „шляхетство“ переносится на всѣхъ служилыхъ людей, высшихъ и низшихъ, старыхъ и новыхъ.

IX

Въ московскомъ государствѣ служилые люди не составляли сословія, въ нихъ не было корпоративнаго единства; совершенно наоборотъ, высшіе чины не имѣли ничего общаго съ низшими. Ихъ раздѣляла непроходимая пропасть, черезъ которую не могъ никогда переступить низшій служилый чинъ, отбывавшій натуральную служебную повинность за вознагражденіе земельнымъ надѣломъ—помѣстьемъ и вотчиной. Высшіе чины, думные люди, состояли почти исключительно изъ людей родословныхъ; не одна личная заслуга, но и *порода*, происхожденіе отъ заслуженныхъ предковъ, давала право на чинъ боярина и окольного. (Къ нимъ примыкали младшіе члены родословныхъ семей, носившіе обыкновенно средній чинъ стольника). Петръ Великій выставилъ для службы иной принципъ: самъ „худородный“ человекъ могъ достигъ высшаго положенія въ государствѣ только своими личными заслугами. Эти новыя основанія службы были ясно и категорически опредѣлены въ табели о рангахъ. Табель устанавливала іерархію чиновъ, раздѣленную на 14 классовъ; первый офицерскій чинъ и чинъ 8-го класса гражданской службы давалъ потомственнымъ права сословія, названнаго официально не шляхетствомъ, а дворянствомъ; пріобрѣтеніе высшаго служебнаго положенія посредствомъ родословности, происхожденія, было совсѣмъ уничтожено, но все-таки допущена нѣкоторая уступка происхожденію: всѣ потомки служилыхъ людей, могущіе доказать, что предки ихъ за сто лѣтъ до изданія „табели“ были также служилыми людьми какого бы то ни было чина,—признавались потомственными дворянами даже еслибы они были простыми рядовыми, или низшими чиновниками. За особыя заслуги давались титулы, свойственныя западно-европейской родовой аристократіи—князей, графовъ, бароновъ, устанавливались гербы для дворянъ и особое дворянское учрежденіе—герольдія, вѣдавшее новое дворянское сословіе. Такимъ образомъ „табель о рангахъ“ создавала новую аристократію чиновно-бюрократическую со всѣми высшими атрибутами западно-европейской родовой аристократіи.

Въ чемъ же заключались права и обязанности этого новаго шляхетскаго, или дворянскаго сословія?

Въ первую половину XVIII в. оно вовсе не было тѣмъ привилегированнымъ сословіемъ, какимъ явилось позднѣе;

у него не только не было никаких привилегій сравнительно съ другими сословіями, у него даже не было правъ. Сословіе шляхетское освобождалось отъ личной переписи (ревизіи) и личной подушной подати, въ иныхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ—отъ пытокъ, и пользовалось нѣкоторыми льготами въ торговлѣ, но всѣ остальные натуральныя и денежныя повинности оно несло наравнѣ съ другими сословіями и не было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя въ созваніи большинства шляхтичей не считались даже позорными. При такомъ почти полномъ отсутствіи правъ, на шляхетствѣ лежала весьма тяжкая обязанность—постоянной службы государству, которая при Петрѣ В. была не отбываніемъ повинности, а приложеніемъ знанія въ государственнымъ потребностямъ. Поэтому для шляхетства кромѣ службы явилось другое обязательное занятіе—ученье: отправка молодыхъ дворянъ за море и обязательное поступленіе въ „цифирныя“ и „навигаторскія“ и „инженерныя“ школы. И служба и наука не легко дались шляхетству. Военная служба, какъ въ сухопутномъ войскѣ, такъ и во флотѣ, была пожизненная, отставки были очень рѣдки и затруднительны, строгости „воинскаго артикула“ и продолжительныя войны—дѣлали военную службу весьма тяжелою, почти невыносимою. Ежегодные смотры недорослей у воеводъ и губернаторовъ и экстренные смотры въ Москвѣ въ сенатѣ и у герольдмейстера, контроль съ его стороны надъ шляхетскими подростками, годными къ службѣ—все это весьма естественно стѣсняло шляхетство, которому еще такъ памятно было привольное житіе дворянъ и дѣтей боярскихъ въ своихъ деревняхъ въ свободное отъ походовъ время. При опредѣленіи шляхтичей въ школы и при отправленіи ихъ „за море“ не принимались въ соображеніе природныя склонности молодыхъ людей: и въ школы и за море ихъ отправляли насильно. Вслѣдствіе отсутствія моря и флота въ Московскомъ государствѣ, морское дѣло было ему совершенно чуждо и молодые баричи конечно не могли имѣть склонности къ „навигаторской“ наукѣ. Герольдмейстеръ былъ верховный наблюдатель за успѣхами шляхтичей въ наукахъ: онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы молодые шляхтичи, подготовлявшіеся къ гражданской службѣ, учились бы „по крайней мѣрѣ“ „экономіи“ и „закону“.

Служба въ московскомъ государствѣ опредѣлялась весьма важнымъ преимуществомъ: вознагражденіе за службу было владѣніе населенною землею. Всѣ служилые люди были помѣщиками и вотчинниками; это такъ срослось съ понятіемъ современниковъ, что иначе они не могли себѣ представить служилаго человѣка. Петръ Великій не только ввелъ совершенно иную систему вознагражденія за службу, но сильно измѣнилъ какъ старинное понятіе о помѣстьѣ и вотчинѣ, такъ и отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Въмѣсто раздачи помѣстій и вотчинъ, Петръ В. ввелъ *денежное жалованье*, но рядомъ съ этимъ онъ смѣшалъ различіе между помѣстьемъ—владѣніемъ временнымъ и вотчиной—владѣніемъ наследственнымъ, приравнявъ первое ко второму, а земледѣльцевъ при этихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, крестьянъ, смѣшалъ совершенно съ холопами. Владѣніе вотчинами, право пользованія ими, и право распоряжаться ими—было подвергнуто сильнымъ ограниченіямъ. Право пользованія ограничивалось разными исключеніями, вновь созданными регаліями; право распоряженія ограничивалось весьма существенно закономъ о единонаслѣдіи (1714 г.).

Законъ 1714 г. о единонаслѣдіи исходилъ изъ принципа аристократическаго. Онъ стремился создать классъ родовитыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Недвижимое имѣніе должно было переходить по наслѣдству къ одному изъ сыновей владѣльца, по его усмотрѣнію, если же владѣлецъ самъ не назначалъ наслѣдника, то таковымъ признавался старшій сынъ; владѣлецъ, не имѣвшій сыновей, могъ отдать свое недвижимое имущество одному изъ членовъ своей фамиліи по своему выбору; если онъ не сдѣлалъ распоряженія при жизни, то имѣніе отдавалось ближайшему въ родѣ. Младшіе братья (кадеты) должны служить въ военной и гражданской службѣ и заниматься торговлей, промыслами и ремеслами, или могли даже поступать въ бѣлое духовенство; кадеты могли сами пріобрѣтать вотчины лишь съ извѣстными ограниченіями: для этого положено было извѣстное число лѣтъ обязательной службы, или обязательнаго занятія торговлею и промышленностью. Послѣдній въ родѣ, если имѣетъ только дочерей, можетъ отдать недвижимое имѣніе одной изъ нихъ; но для возобновленія фамиліи мужъ дочери долженъ принять фамилію тестя. Такимъ образомъ Петръ Великій хотѣлъ ограничить вотчинное право из-

ХП

вѣстнымъ только количествомъ служилыхъ людей, а остальныхъ желалъ ввести въ классъ промышленный и торговый, даже въ бѣлое духовенство.

Законъ о единонаслѣдіи произвелъ большое разстройство въ шляхетскомъ хозяйствѣ, преимущественно у средняго и мелкаго шляхетства. Русскіе люди привыкли къ раздѣлу имущества, а потому считали законъ несправедливымъ по существу. Шляхетство смотрѣло на меньшихъ членовъ семьи какъ на обиженныхъ сравнительно со старшимъ. Начинали различными путями обходить законъ, или доводить его результаты до крайнихъ предѣловъ: стали продавать, несмотря на запрещеніе, деревни въ чужой родъ, а полученныя деньги дѣлили поровну между дѣтьми; перепродавали имѣнія для укрѣпленія кадетамъ; писали на себѣ чей нибудь долгъ въ духовномъ завѣщаніи, прося наслѣдника выплатить его меньшимъ дѣтямъ; святой съ полей хлѣбъ, рогатый скотъ и лошадей, какъ движимое имущество, отдавали кадетамъ, вслѣдствіе чего наслѣдникъ получалъ имѣніе безъ рабочаго скота и безъ сѣмянъ на слѣдующій годъ, а кадеты получали хлѣбъ и скотъ безъ земли. Иногда между членами семьи случались кровавыя драки изъ-за наслѣдства. Чѣмъ меньше было состояніе и многочисленнѣе семья—тѣмъ болѣе было разстройства и обѣдненія. Бѣдные шляхтичи, кадеты небольшихъ имѣній, записывались охотой въ подушный окладъ.

5) Петръ Великій, перестраивая московское государство на европейскій образецъ, весьма естественно призвалъ „изъ-за моря“ большое количество иностранцевъ для обученія русскихъ людей рѣшительно всему, начиная съ администраціи и военнаго дѣла и кончая мелочными ремеслами; но онъ смотрѣлъ на этихъ иностранцевъ не иначе, какъ на экспертовъ, знающихъ людей, какъ на учителей, которые послѣ наученія русскаго народа „какъ дѣтей“ (Петръ В. считалъ русскій народъ дѣтьми), должны уступить мѣсто своимъ ученикамъ. Иностранцы служилые люди и мастера одинаково *анимались* имъ по контракту; офицеры-иностранцы получали жалованья больше, чѣмъ русскіе, но принимались на службу ниже тѣхъ чиновъ, какіе занимали у себя дома; права иностранцевъ жившихъ въ Россіи были ограничены. Весьма немногіе изъ этихъ наемниковъ достигли высшихъ служебныхъ мѣстъ: этого достиг-

ли или люди дѣйствительно выдающихся умственныхъ способностей, или личные любимцы Петра В. Во главѣ всѣхъ отраслей управленія при Петрѣ стояли русскіе. Въ числѣ сенаторовъ при учрежденіи сената мы не видимъ ни одного иноземца; всѣ президенты коллегій (за весьма малыми исключеніями) были русскіе, большинство губернаторовъ и генераловъ—тоже. Только въ послѣдніе годы царствованія Петра В. роль иноземцевъ усиливается. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большое значеніе помолвка старшей дочери Петра В. съ герцогомъ голштинскимъ. Герцогъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и его министръ Бассевичъ становится вскорѣ рѣшителемъ судебъ русскаго государства. Около Екатерины сосредоточиваются разные иноземцы-авантюристы, частію изъ московской Нѣмецкой Слободы, частію изъ вновь завоеванныхъ балтійскихъ провинцій и Польши; наряду съ родословными иноземцами вродѣ Лёвенвольде и графа Сапѣги, возвышаются разные Монсы, Балки и Крамеры. По кончинѣ Петра В. выражается въ русскіхъ людяхъ ненависть противъ этихъ иноземцевъ и голштинцевъ. Едва вступила на престолъ Екатерина, какъ по Петербургу стали распространяться слухи о нападеніи на иностранцевъ, и даже такіе иноземцы, какъ Остерманъ и Ягупинской, начали укладывать свои пожитки, чтобы выбраться изъ Россіи по добру-по здорю. Въ два года царствованія Екатерины все болѣе и болѣе развивается у русскіхъ людей злоба противъ нѣмцевъ-проходимцевъ и наконецъ выражается открытымъ протестомъ при Петрѣ II-мъ. Князь Долгорукіе, видя очень хорошо, что въ новомъ Петербургѣ уже стала образовываться нѣмецкая закваска, перевозятъ ребенка-императора въ старую Москву, гдѣ не смотря на ломку, произведенную Петромъ Великимъ, были сильны національныя русскія традиціи. Предполагавшійся бракъ отрока-императора съ русской княжной Долгорукой возбуждалъ въ современникахъ симпатію именно съ національной точки зрѣнія.

Исчисленныя явленія и подготовили тѣ замыслы, которые выразились при воцареніи Анны Іоанновны. Замыслы эти были логическимъ результатомъ предыдущаго, какъ является все въ исторіи, природѣ которой такъ же чуждо явленіе случайное, какъ оно чуждо природѣ физической и нравственной, индивидуальной природѣ чловѣка. Верховный

Тайный Совѣтъ, избирая Анну Іоанновну, нарушилъ „тестаментъ“ Екатерины I-й, но тестаментъ этотъ признавался въ то время подложнымъ. Избирая ее, онъ считалъ себя представителемъ высшей власти въ Россіи и въ фактъ избранія выходилъ изъ мыслей Петра В. объ *избраніи* достойнѣйшаго себѣ преемника. Въ этомъ случаѣ Верховный Совѣтъ впалъ въ существенную ошибку, будучи на дѣлѣ совершенно самозваннымъ представителемъ Россіи, но онъ подражалъ въ этомъ случаѣ генералитету и сенату при воцареніи Екатерины I-й. Противъ этой-то его роли и возстало шляхетство.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Приступая къ обзору источниковъ исторіи воцаренія императрицы Анны Іоанновны, мы должны прежде всего оговориться. Мы рассмотримъ только главнѣйшіе источники, относящіеся преимущественно къ самому факту избранія Анны Іоанновны и вступленія ея на престолъ. Всѣ остальные источники, какъ относительно событій воцаренія Анны Іоанновны, такъ и относительно лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ—мы указываемъ въ своемъ мѣстѣ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Источники нашего изслѣдованія сами собою распадутся на двѣ большія группы: отечественные и иноземные. Первая группа состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) документовъ, касающихся избранія и воцаренія Анны Іоанновны, официальныхъ записокъ и разныхъ правительственныхъ и официальныхъ актовъ, 2) записокъ русскихъ людей. Иноземные источники, не столь богатые по матеріалу, состоятъ главнымъ образомъ изъ донесеній пословъ и изъ мемуаровъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

ДОКУМЕНТЫ ОФИЦИАЛЬНЫЕ.

Изъ этой категоріи документовъ въ VIII т. перваго **Полнаго Собранія Законовъ**, напечатано всего лишь *семь* указовъ, а именно: а) *28 января*, указъ изъ В. Т. С. объ учрежденіи входа Ея Величества Государыни Царевны Анны Иоанновны въ Москву противъ того, какъ учреждено было въ 1728 году для входа блаженной памяти Государя Императора Петра II (№ 5497).—б) *того же числа*, указъ В. Т. С. о поставкѣ подводъ для шествія Ея Величества отъ Лифляндской границы къ Москвѣ (№ 5498).—с) *4 февраля*, манифестъ отъ имени В. Т. С. о кончинѣ Императора Петра II и о воспріятіи Россійскаго престола Государыней Царевною Анною Иоанновною (№ 5499).—д) *5 февраля*, указъ изъ В. Т. С. о возношеніи Ея Императорскаго Величества въ церковномъ служеніи и о писаніи Высочайшаго имени въ грамотахъ, указахъ и прочихъ актахъ такимъ же титуломъ, какъ сіе было при императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (I-й) и о сдѣланіи государственныхъ печатей по тому же примѣру (№ 5500).—е) *9 февраля*, форма о титулахъ Государыни Императрицы Анны Иоанновны (№ 5501).—ф) *26 февраля*, о посылкѣ въ губерніи и провинціи нарочныхъ и о возвращеніи въ Москву прежде посланныхъ изъ сената съ указами и присягами унтеръ-офицеровъ (№ 5508).—г) *28 февраля*, манифестъ о вступленіи на російскій престолъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Анны Иоанновны, о *воспріятіи* самодержавія и объ учиненіи вновь присяги, съ приложеніемъ клятвеннаго обѣщанія (№ 5509).

Изъ этого перечисленія видно, какъ неполны правительственныя сообщенія о воцареніи Анны Иоанновны, вошедшія въ П. С. З. Впрочемъ, неполнота эта весьма понятна. Въ П. С. З. вносились только обнародованные въ свое время печатные манифесты и указы, а документы о воцареніи Анны Иоанновны по самому существу своему не могли быть *всѣ* обнародованы.

Кромѣ „Полнаго Собранія Законовъ“ издано въ свѣтъ нѣсколько правительственныхъ распоряженій и официальныхъ документовъ касающихся воцаренія Анны Иоанновны

въ различныхъ спеціальныхъ сборникахъ и періодическихъ издавіяхъ. Но всѣ эти документы (которые мы подробно указываемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на тѣхъ страницахъ нашей книги, гдѣ идетъ о нихъ рѣчь)—въ большинствѣ случаевъ изданы по частнымъ, не всегда вѣрнымъ, копіямъ; вслѣдствіе чего мы должны были обратиться къ изученію подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ: Государственномъ, Сенатскомъ, Синодальномъ—въ С.-Петербургѣ и въ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Всѣ разсмотрѣнные нами документы въ этихъ архивахъ также подробно указываются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Здѣсь же мы остановимся только на общемъ характерѣ самыхъ важныхъ документовъ.

А) ГОСУДАРСТВЕННЫИ АРХИВЪ.

I) Подлинные документы о восшествіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны (разд. III, дѣла №№ 4 и 6). Ко всѣмъ этимъ документамъ имѣется современная обложка съ собственноручною надписью императрицы Анны Іоанновны: „о коварныхъ письмахъ, какъ я на престолъ возшла“. Сохранился также въ дѣлѣ № 6 конвертъ съ слѣдующей надписью Екатерины II-й: „безъ именного указа никому не выдавать“, подъ которою рукою Н. И. Панина написано: „Въ семь пакетѣ находятся въ подлинникахъ пункты отъ верховнаго совѣта императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ предложенныя, ею подписанныя и потомъ изорванныя, прошеніе отъ дворянства къ Ея Величеству о уничтоженіи оныхъ и о принятіи нами самодержавной власти и разныя бумаги до сего важнаго происшествія касающіеся“. „Кондиціи“ многими изслѣдователями считались утраченными. Такого мнѣнія держатся, напримеръ, составитель сборника „La Cour de Russie il y a cent ans“, г. Щебальскій, въ статьѣ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и князь П. В. Долгорукой, въ своихъ „Mémoires“, изданныхъ въ 1867 году.

II) Слѣдственные дѣла о князьяхъ Долгорукихъ съ 1730 по 1741 годъ включительно. Всѣхъ такихъ дѣлъ въ Государственномъ архивѣ *двадцать одинъ* номеръ въ 34 фоліантахъ. Изъ нихъ для настоящаго изслѣдованія послужили главнымъ образомъ экстракты,

составленные въ 1738—1741 гг. изъ дѣлъ по доносу на Долгорукихъ тобольскаго подъячаго Тишина, 28 экстрактовъ въ 3-хъ частяхъ (дѣло № 181), и судъ и приговоръ надъ Долгорукими въ 1739 году (дѣло № 182).

В) АРХИВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Занятія въ немъ значительно облегчаются прекрасной „Описью Высочайшихъ повелѣній, хранящихся въ этомъ архивѣ“, составленной и изданной начальникомъ его П. И. Барановымъ (Спб. 1872—78, 4 т.). Въ Сенатскомъ архивѣ нами рассмотрѣны Книги именныхъ указовъ и высочайшихъ повелѣній за 1704—1740 года и дѣлъ Кабинета 1731—1740 г. Эти книги весьма много пополняютъ такъ наз. „Полное Собрание Законовъ“, и представляютъ богатый матеріалъ для фактическихъ свѣдѣній о служебной карьерѣ очень многихъ участниковъ въ шляхетскихъ проектахъ и мнѣніяхъ. Благодаря почти исключительно этому источнику, мы могли опредѣлить большую часть личностей, подписавшихъ шляхетскіе проекты и мнѣнія.

С) ДѢЛА ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА

хранятся въ трехъ архивахъ: Государственномъ, Сенатскомъ и Главномъ М. И. Д. въ Москвѣ.

Въ Государственномъ Архивѣ находятся Черновые журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 19 января по 28 февраля 1730 года включительно, на 72 листахъ (разд. III, д. № 5). Журналы эти важны тѣмъ, что бѣловыхъ журналовъ за это время не сохранилось. Написанные второпяхъ, на скоро, они представляютъ скорѣе конспектъ засѣданія, чѣмъ его журналъ. Присутствующіе члены Верховнаго Тайнаго Совѣта въ нѣкоторыхъ журналахъ названы только по именамъ, безъ фамилій,—очевидно писецъ не считалъ нужнымъ заносить хорошо извѣстна ему фамилій въ черновой набросокъ журнала. Журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта представляютъ полную картину его распоряженій по внутреннему государственному управленію за все время отъ смерти Петра II до присяги на самодержавіе Анны Иоанновны.

Въ Сенатскомъ Архивѣ хранятся: 1) Книга вѣрными протоколамъ, состоявшимся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ за январь и февраль 1730 года, на 215 листахъ, in fol. (кн. лит. к), 2) Книги указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 1726 по 1730 годъ.

Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта (св. № 7) въ Главномъ Архивѣ М. И. Д. въ Москвѣ касаются дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами за указанное время и заключаютъ въ себѣ:

1) Отпуска протоколовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, на 38 листахъ.

2) Бѣловой журналъ, или дневную записку дѣламъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, на 79 листахъ.

3) Черновое сообщеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ о вспомогательныхъ цесарю нѣмецкому войскахъ, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 19 февраля 1730 года, на 3-хъ листахъ.

Въ томъ же архивѣ просмотрѣна нами рукопись въ листъ, подъ заглавіемъ: „Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Совѣта“— въ черновомъ спискѣ, съ пометками и поправками, сдѣланными рукою А. Ѳ. Малиновскаго, бывшаго директоромъ Архива М. И. Д. (№ 15/111). Въ рукописи находится всего 458 нумерованныхъ листовъ. Рукопись эта есть сводъ, составленный Малиновскимъ преимущественно изъ журналовъ и протоколовъ В. Т. С., хранящихся въ главномъ архивѣ М. И. Д.; кромѣ нихъ, источниками для Малиновскаго послужили: а) печатные манифесты и указы, б) переписка князя В. Л. Долгорукаго, в) разные архивные документы и выписки, г) „Supplement au corps diplomatique“, сборникъ составленный Руссе, и другіе иностранные сборники въ томъ же родѣ; но дѣлами Верховнаго Тайнаго Совѣта, хранящимися въ архивахъ Государственномъ и Сенатскомъ, Малиновской не пользовался: это доказывается сличеніемъ его рукописи съ вышеназванными дѣлами. Весьма, плохимъ и исполненнымъ ошибокъ и недосмотровъ извлеченіемъ изъ рукописи Малиновскаго являются такъ наз. „Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта“, напечатанные въ „Чтеніяхъ Московскаго Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, (1858 года, книга II). Не имѣя никакого официального значенія и будучи составлены столѣтіемъ позже событій,

о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь,—эти извлеченія никакъ не могутъ быть почтены официальными протоколами.

Д) АРХИВЪ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

заключаетъ въ себѣ весьма немного документовъ относящихся непосредственно къ воцаренію Анны Іоанновны. Къ нему относятся только Дѣла о кончинѣ Петра II и о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны за №№ 32, 34, 35 и 36.

ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ

Русскіе мемуары, сообщающіе свѣдѣнія о разсматриваемыхъ событіяхъ, принадлежатъ лицамъ двухъ поколѣній: современники, участники и неучастники въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны, а за тѣмъ люди слѣдующаго поколѣнія повѣствуютъ намъ объ этихъ событіяхъ и ихъ дѣятеляхъ. После раздражительныхъ отзывовъ непосредственныхъ участниковъ въ событіяхъ, принадлежавшихъ притомъ къ разнымъ партіямъ, какъ на примѣръ, Теофана Прокоповича, Татищева, и др.—до насъ доходятъ болѣе спокойныя сужденія мемуаристовъ современниковъ - не очевидцевъ и не принимавшихъ личнаго участія въ событіяхъ; сюда относятся двое Миниховъ —отецъ и сынъ. Мемуаристы втораго поколѣнія, едва родившіеся около 1730 года, или даже увидѣвшіе свѣтъ въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, еще хладнокровнѣе говорятъ о событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны, которыя являются для нихъ уже прошлымъ, историческимъ фактомъ; онъ ихъ не волнуетъ; они относятся къ нему критически, хотя въ большинствѣ случаевъ тенденціозно: ихъ критерій лежитъ, частію въ личныхъ воззрѣніяхъ на дѣятелей этихъ событий, частію въ общемъ воззрѣніи той или другой партіи.

А) ОЧЕВИДЦЫ И УЧАСТНИКИ СОБЫТІЙ.

1) Теофанъ Прокоповичъ оставилъ намъ особое сказаніе „о кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны“, написанное въ скоромъ времени по принятіи императрицею самодержавія. Сказаніе Теофана, какъ

видно, было довольно распространено среди образованныхъ русскихъ людей второй половины XVIII и XIX вв. Нами просмотрѣны и сличены *десять* списковъ этого сказанія, а именно: 1) Государственнаго Архива подъ заглавіемъ: „конецъ Петра II-го“, (разд. III, дѣло № 6, л. л. 57—72), списокъ исправляющій явныя ошибки текста въ печатномъ изданіи этого сказанія А. В. Терещенки (Сынъ Отеч. 1837 г. ч. CLXXXIV, стр. 23—73 и отд. изданіе въ томъ же году). Списокъ Государственнаго Архива почти дословно схожъ со спискомъ Языкова, напечатаннымъ имъ въ приложеніи къ „Запискамъ дюка Лирійскаго и Бервикскаго“, Спб. 1845 (стр. 186—217): поэтому мы вездѣ ссылаемся на текстъ Языкова, 2) и 3) Списки известнаго русскаго историографа Герг. Фрир. Мюллера (Глав. Арх. М. И. Д., Портфели Мюллера, № 150, тетр. 1 и 8), 4) Списокъ А. Ѳ. Малиновскаго (тамъ же, Бумаги Малиновскаго, портф. № 9), 5) Списокъ Императорской Публичной Библіотеки, 6) Д. М. Бяжжевича, 7) П. П. Бекетова, 8) и 9) Печатные тексты Терещенки и Д. И. Языкова. (Объ изданіяхъ ихъ см. выше).

Лучшій и самый достовѣрный изъ списковъ—есть списокъ Государственнаго Архива. Онъ относится, если не къ самому 1730 г., то несомнѣнно къ тридцатымъ годамъ XVIII ст. Написанъ онъ весьма четкимъ, красивымъ почеркомъ, близко подходящимъ къ почерку важнѣйшихъ государственныхъ актовъ 1730 года. Онъ заключаетъ въ себѣ 29 стр. въ листъ и помѣщается въ дѣлѣ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, въ концѣ подлинныхъ документовъ о ея воцареніи. Три списка Главнаго Московскаго Архива М. И. Д., *два* Г. Ф. Мюллера (второй половины XVIII вѣка) и *одинъ* Малиновскаго (XIX вѣка)—представляютъ нѣкоторыя отмѣны въ отдѣльныхъ словахъ списка Государственнаго Архива; но отмѣны эти въ большинствѣ случаевъ не важны, иныя же просто описки. Списокъ Импер. Публичной Библіотеки относится къ концу XVIII вѣка. Списки Бяжжевича, Бекетова и печатные тексты Терещенки и Языкова—все новыя, двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Списокъ Бекетова изданъ М. П. Погодинымъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1830 года, (ч. I. стр. 42—74) съ измѣненіемъ правописанія на нынѣшнее. Са-

мый неисправный изъ нихъ — текстъ Терещенки; наполненный некоторыми очень грубыми ошибками, искажающими смыслъ повѣствованія. Въ печатномъ изданіи онъ названъ: „Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, Самодержицы Всероссійской“. Самое это заглавіе, показываятъ его позднее происхожденіе, во всякомъ случаѣ уже по смерти Анны Иоанновны, а ошибки текста Терещенки ясно свидѣтельствуютъ что онъ изданъ по новой и неисправной копіи. Вотъ самыя главныя изъ этихъ ошибокъ.

Списокъ Государств. Архива: «Который владѣнія образъ въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарещися владѣтельство избранныхъ гречески аристократія, но развѣ сковническое тираниство или насильство, которое олигархія у Еллиновъ именуется».

Терещенко, отд. изд., стр. 14: «Который владѣнія образъ (В. Т. С.) въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарещися владѣтельство избранныхъ, греческа аристократія, но развѣ сковническое (у Терещенки здѣсь поставленъ знакъ вопроса) торжество или насильство, которая олигархія у Еллиновъ именуется».

Феофанъ, описавъ собраніе 2 февраля, на которомъ выслушано было письмо Анны Иоанновны съ согласіемъ ея на кондиціи, говоритъ:

Списокъ Государств. Архива: «И сами тѣ, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики».

Терещенко: ibid., с. 23. «И сами тѣ, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялся, опустили уши, какъ бѣдные ослики».

Сказаніе Феофана Прокоповича, направленное противъ верховниковъ, имѣетъ цѣлю доказать произвольность и преступность ихъ олигархической „затѣйки“ ограничить самодержавіе. Оно написано витіевато-рѣзкимъ языкомъ; какъ проповѣди Прокоповича, и отличается особой злобностью тона и ироніей въ отзывахъ о князьяхъ Голицыныхъ и Долгорукихъ: очевидно перомъ Феофана руководить оскорбленное самолюбіе. Вообще это произведеніе крайне субъективно и тенденціозно: это памфлетъ на побитую партію

верховниковъ. Сказаніе передаетъ весьма любопытныя фактическія подробности о воѣхъ событіяхъ отъ смерти Петра II до „воспріятія“ самодержавія Анной Іоанновной, съ весьма рѣзкими и произвольными характеристиками дѣятелей этихъ событій и сужденіями о самыхъ событіяхъ.

Въ неразрывной связи съ этимъ „сказаніемъ“ находится: „Изъясненіе, каковы были нѣкихъ лицъ умыслы, затѣйки и дѣйствія въ привовѣ на престолъ Ея Императорскаго Величества“, принадлежащее *неизвѣстному* автору. Издатель этого „изъясненія“ по списку И. П. Шульгина (въ „Памятникахъ Новой Русск. Истор.“ Кашпирева, томъ I, отд. II, стр. 11—16), предполагаетъ, что оно можетъ принадлежать Теофану Прокоповичу. „Записка (изъясненіе)“—говоритъ издатель—„судя по слогу, писана какимъ либо лицомъ, учившимся въ малороссійскихъ духовныхъ училищахъ. Слово затѣйка напоминаетъ Теофана“. Тщательное сличеніе „изъясненія“, съ „сказаніемъ“, какъ по языку, такъ и по содержанию, привело насъ къ несомнѣнному заключенію, что то и другое написано однимъ лицомъ: языкъ, выраженія, воззрѣнія политическія и отношеніе къ верховникамъ—и тутъ и тамъ одинаковы.

„Изъясненіе“ писано раньше „сказанія“, которое есть ничто иное, какъ подробное развитіе фактической стороны избранія Анны Іоанновны. Изъясненіе написано, какъ видно, вскорѣ послѣ 25 февраля 1730 г., въ то время, когда собирались свѣдѣнія о степени виновности Голицыныхъ и Долгорукихъ въ *республиканскихъ*, какъ тогда выражались, замыслахъ и есть, по всей вѣроятности, записка, поданная Теофаномъ Аннѣ Іоанновнѣ. Фактическая сторона событій изложена кратко, занимая всего 39 печатныхъ строкъ. Затѣмъ слѣдуетъ 19 обвинительныхъ пунктовъ противъ себялюбивыхъ, эгоистическихъ, олигархическихъ дѣяній верховниковъ.

Весьма возможно, что „сказаніе“ написано Теофаномъ для пополненія фактической стороны „изъясненія“ и представлено имъ также Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1730 г. онъ подалъ императрицѣ нѣсколько „записокъ“. (См. напр. записку „о притѣсненіяхъ православныхъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ“ напечатанную въ „Русскомъ Арх.“ 1863).

2) В. Н. Татищевъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ событіяхъ 1730 года, оставилъ записку о шляхетскихъ со-

вѣщавіяхъ по вопросамъ о государственномъ устройствѣ Россіи, бывшихъ въ Москвѣ въ февралѣ 1730 г. Записка его называется: „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ“. Она напечатана въ сборникѣ „Утро“ на 1859 г., стр. 369 — 379, по списку М. П. Погодина. Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій дозволилъ намъ сличить эту политическую записку Татищева съ своимъ спискомъ въ рукописномъ сборникѣ in fol. подъ заглавіемъ: „Историческія бумаги“ (т. 12). Записка Татищева въ этомъ сборникѣ находится въ новой современной намъ копіи (почеркъ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія), но представляеть любопытные варианты въ тексту, напечатанному Погодинымъ, и во многихъ мѣстахъ исправляеть его ошибки. Дѣятельный участникъ шляхетскихъ совѣщаній и редакторъ одного изъ политическихъ проектовъ шляхетства, Татищевъ представляетъ въ своей запискѣ политическіе моменты, положенные въ основу редакторовавшаго имъ мнѣнія и представленнаго Верховному Тайному Совѣту княземъ Черкасскимъ.

3) Записка, поданная императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ правителемъ дѣлъ В. Т. С., В. П. Степановымъ, заключаетъ подробности о сочиненіи „кондицій“. Записка эта напечатана безъ имени автора по списку Шудьгина въ 1. 2. Памятницѣхъ Новой Русской Исторіи Кашпирева (отд. II, с. 10—11). Доказательства ея принадлежности В. П. Степанову слѣдующія. Въ подлинномъ черновомъ журналѣ В. Т. С. 19 января 1730 года читаемъ: „При выходѣ приказаніи т. с. г-ну Степанову, съ вышеписанною инструкціею и письмомъ, написаннымъ къ государынѣ царевнѣ, и съ кондиціями ѣхать къ барону Андрею Ивановичу (т. е. Остерману) и князю Алексѣю Григорьевичу (Долгорукову)“. (См. Государ. Арх., разд. III, д. № 5, л. 5). — Возвращенія Степанова отъ Остермана и А. Г. Долгорукова дожидался во дворцѣ Анисимъ Масловъ (Зап., с. 11). Масловъ былъ второй секретарь Верховнаго Тайнаго Совѣта и, кромѣ Степанова, никого не могъ въ этотъ день дожидаться: члены совѣта всѣ разъѣхались по домамъ, а въ канцеляріи Совѣта одинъ только Степановъ былъ непосредственнымъ начальникомъ Маслова, всѣ же остальные чиновники были или ниже его по службѣ, или же прямо подчинены ему. Въ запискѣ го-

ворится, что съ вышеназванными документами ѣздилъ въ Остерману и кн. А. Г. Долгорукому авторъ записки.

4) Записка неизвѣстнаго о сношеніяхъ съ Анной Иоанновной сторонниковъ самодержавія по пріѣздѣ императрицы въ Москву. Эта записка составляетъ отрывокъ изъ рукописи А. Ѳ. Малиновскаго; „Управленіе Всероссийской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Совѣта“. Неизвѣстно, откуда заимствованы эти подробности Малиновскій; во всякомъ случаѣ ихъ могъ знать только современникъ, и при томъ близко посвященный въ тайные переговоры. Записка напечатана Д. И. Языковымъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію Записокъ герцога Лярійскаго (Спб. 1845, стр. 180—182).

В) СОВРЕМЕННОКИ НЕ ОЧЕВИДЦЫ И НЕ УЧАСТВОВАВШІЕ ВЪ СОБЫТІЯХЪ.

1) Графъ Христ. Бурхардъ Минихъ, фельдмаршалъ (р. 1683 г. † 1766) въ своей запискѣ, „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie“, представленной имъ императрицѣ Екатеринѣ II около 1765 года—сообщаетъ краткій обзоръ происшествій 1730 г., въ связи съ предыдущими и послѣдующими измѣненіями въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Россіи. (Въ первый разъ записка Миниха издана въ Копенгагенѣ въ 1774 году; мы пользовались русскимъ ея переводомъ Е. П. Карновича, изд. Исаковымъ подъ редакціею С. Н. Шубинскаго въ Спб., въ 1874 г.). Лично Минихъ очень нерасположенъ къ В. Т. С., видя въ немъ олигархическую коте-рію себялюбцевъ, но онъ маскируетъ свое нерасположеніе, приписывая ненависть къ верховникамъ всѣмъ русскимъ вообще. Минихъ, самъ честолюбивый олигархъ въ душѣ, не былъ членомъ Верховнаго Совѣта и весьма естественно завидовалъ верховникамъ. Но помимо зависти, онъ не могъ равнодушно переносить преобладаніе *русскаго* элемента въ В. Т. С. Всѣ факты воцаренія императрицы Анны Иоанновны изложены въ четырехъ параграфахъ (35—38) и занимаютъ всего *восемь* печатныхъ страницъ русскаго перевода (с. 37—44). Скользя по фактамъ, Минихъ высказываетъ глубокую симпатію къ Аннѣ Иоанновнѣ, называя

ее великой государыней. Последующая роль Миниха въ нѣмецкомъ правительствѣ Анны Иоанновны заставляетъ историка съ особенной осторожностью пользоваться его „Записками“.

2) Сынъ фельдмаршала, графъ Іоаннъ Эрнестъ Минихъ, (р. 1708 † 1788 г.) въ своихъ Запискахъ, написанныхъ имъ въ ссылкѣ, въ Вологдѣ, въ 1758 г., (изд. въ русскомъ переводѣ 1817 года) отводитъ событіямъ воцаренія Анны Иоанновны всего шесть страницъ (стр. 42—48). Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, любопытны тѣмъ, что они или состоятъ въ передачѣ ходившихъ объ этихъ событіяхъ слуховъ за границей, или же основаны на позднѣйшихъ о нихъ разсказахъ. Минихъ-сынъ ничѣмъ не былъ заинтересованъ въ исходѣ разсматриваемыхъ событій, а потому разсказъ его отличается большей объективностью и справедливостью сравнительно съ разсказами о тѣхъ же событіяхъ другихъ современниковъ.

с) МЕМУАРИСТЫ ВТОРАГО ПОКОЛѢНІЯ.

1) Христіанъ Германъ Манштейнъ (р. 1711 † 1757 г.) въ своихъ „Запискахъ о Россіи“ (1727—1744) отводитъ довольно много мѣста событіямъ воцаренія Анны Иоанновны. Главы III и IV и часть V-й главы (с. 19—33) посвящены этимъ событіямъ. Полнота свѣдѣній, по видимому точное знакомство съ подробностями событій и мастерское литературное изложеніе издавна упрочили за Записками Манштейна репутацію одного изъ важнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ источниковъ по русской, послѣпетровской исторіи. Такъ смотрѣли на него любители русской исторіи XVIII вѣка, такъ же относились къ нему и ученые изслѣдователи. Извѣстность Записокъ Манштейна превосходитъ собою не только извѣстность всѣхъ остальныхъ мемуаровъ о Россіи XVIII вѣка, но большинство источниковъ русской исторіи. Почти всѣ свѣдѣнія о воцареніи Анны Иоанновны до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда начались архивныя работы по русской исторіи XVIII вѣка, черпались изъ Манштейна. Между тѣмъ, при строгомъ критическомъ изученіи этихъ Записокъ, мы не можемъ отнести Манштейну первенствующаго мѣста въ числѣ источниковъ для исторіи воцаренія Анны Иоанновны.

Манштейнъ, родившійся въ Петербургѣ, съ четырнадцати-лѣтняго возраста до 1736 года проживалъ въ Пруссіи сначала кадетомъ, а потомъ офицеромъ прусской службы. 19-ти лѣтній юноша Манштейнъ не былъ, т. обр., вопреки увѣрѣніямъ иныхъ писателей (напр. А. В. Терещенки, въ примѣчаніяхъ къ Сказанію о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны), очевидцемъ избранія на російскій престолъ герцогини курляндской; но до него не могли не доходить тѣ разнообразныя слухи объ этомъ избраніи, которые обращались въ то время въ Западной Европѣ и находили себѣ мѣсто въ иностранной журналистикѣ. Манштейнъ прожилъ въ Россіи съ 1736 по 1744 г., въ то время, когда послѣ всецѣлаго господства въ правительствѣ нѣмецкаго триумvirата и затѣмъ короткаго правленія Анны Леопольдовны, по восшествіи Елизаветы Петровны, произошла въ правительственныхъ сферахъ реакція противъ нѣмцевъ. Стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ Миниху, Манштейнъ, послѣ его паденія, долженъ былъ оставить Россію. Записки свои онъ началъ писать въ Пруссіи, послѣ 1745 г., будучи въ то время человекомъ очень близкимъ къ Фридриху II-му. Во время пребыванія Манштейна въ Россіи ходили самыя недостоверныя слухи и пересказы о событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны. Въ царствованіе самой императрицы объ этихъ событіяхъ нельзя было говорить свободно и открыто. Впослѣдствіи, при Елизаветѣ, истинный ихъ характеръ все болѣе и болѣе утрачивался; и вслѣдствіе естественной забывчивости отъ теченія времени, и вслѣдствіе антагонизма правительства Елизаветы Петровны съ нѣмецкимъ правительствомъ Анны Іоанновны. Видные дѣятели 1730 года или сошли въ могилу, или не мечтали болѣе о томъ, о чемъ мечтали тогда, а официальные вружки елизаветинскаго времени не дружелюбно смотрѣли на побѣдителей 1730 г., сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны, считавшейся, по воцареніи дочери Петра Великаго, узурпаторомъ верховной власти. Весьма естественно, что такое положеніе вопроса о событіяхъ 1730 года въ то время, какъ жилъ въ Россіи Манштейнъ, только затемняло его, а не разъясняло.

Въ общемъ разсказъ Манштейна передаетъ именно тѣ событія, которыя дѣйствительно происходили, но въ частностяхъ, при передачѣ подробностей событій и при ихъ оцѣнкѣ, онъ впадаетъ въ ошибки. Манштейну была неиз-

вѣстна одна очень важная сторона въ этихъ событіяхъ: стремленіе шляхетства къ измѣненію русскаго государственнаго устройства, мнѣнія подавныя имъ по этому вопросу въ В. Т. С. и пререканіи, происшедшія вслѣдствіе этого между В. Т. С. и шляхетствомъ. Изъ подробностей передаваемыхъ Манштейномъ, основанныхъ на слухахъ и устныхъ преданіяхъ, для историка особенно важны тѣ, которыя по характеру своему не могутъ быть проверены несомнѣнно-достоверными источниками; къ нимъ относятся: а) роль Остермана въ провозглашеніи самодержавія Анны Иоанновны и старанія ея образовать себѣ партію по пріѣздѣ въ Москву; б) шансы Елизаветы Петровны на воцареніе въ 1730 году и уклоненіе ея отъ этого, в) сѣверное оианіе, видѣнное въ Москвѣ въ день провозглашенія Анны Иоанновны самодержавной и аллегорически-пророческія слова по этому случаю князя Д. М. Голицына.

2) Невѣрности Манштейна обратили на себя скоро вниманіе. Вслѣдъ за изданіемъ его записокъ (1775 г.) появились анонимныя замѣчанія на записки Манштейна. До прошлаго 1879 года авторъ ихъ не былъ съ точностью опредѣленъ; ихъ приписывали сначала графу И. А. Остерману (сыну канцлера), а затѣмъ графу І. Э. Миниху (сыну фельдмаршала). Только въ прошломъ году, въ послѣсловіи къ новому изданію „Замѣчаній“ въ „Русской Старинѣ“ (т. XXVI) П. Н. Петровъ высказалъ весьма основательныя соображенія въ пользу того, что авторъ этихъ замѣчаній былъ никто другой, какъ извѣстный дѣятель екатерининской эпохи, графъ П. И. Панинъ. Изъ фактовъ воцаренія Анны Иоанновны авторъ „замѣчаній“ останавливается на слѣдующихъ свидѣтельствахъ Манштейна: а) на обвиненіи Остермана въ сокрытіи „тестамента“ Екатерины I-й, б) на отправкѣ Ягушинскимъ Сумарокова, в) на стараніи Анны Иоанновны образовать себѣ партію по пріѣздѣ въ Москву. Опровергая Манштейна въ неточности показаній, авторъ замѣчаній самъ впадаетъ въ нѣкоторыя, впрочемъ мелкія, ошибки.

3) Записка князя Мих. Мих. Щербатова (р. 1733 † 1790 г.) „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“ написана въ 1788—89 г. (доказательства см. въ Русск. Стар. 1871, III, с. 688) и обнимаетъ собою все время отъ Петра В. до Екатерины II включительно. Избранію Анны Иоанновны посвя-

цено семь страниц VI главы. (Р. Ст. 1870, II, с. 47—53). Авторъ останавливается здѣсь не столько на изложеніи фактовъ, сколько на ихъ анализѣ и объясненіи съ своей аристократической точки зрѣнія. Его симпатіи лежатъ на сторонѣ ограниченія, но онъ врагъ олигархіи; въ особенности врагъ исключительнаго господства Долгорукихъ. У него видна какая-то затаенная, намъ невѣдомая, давнишняя фамиліальная вражда къ Долгорукимъ. О князьяхъ Голицыныхъ вообще и о Дм. Мих. Голицынѣ въ частности Щербатовъ отзывается съ сочувствіемъ. Неудача движенія въ пользу ограниченія, по мнѣнію Щербатова, произошла вслѣдствіе „паденія въ благородныхъ духа благородной гордости“, бывшаго знаменемъ времени общаго „поврежденія нравовъ“. Дѣятели этого движенія отличались трусостью. Разрушители „установленій“, такъ называетъ князь Щербатовъ ограниченіе, — Теофанъ Прокоповичъ, В. Н. Татищевъ и кн. А. Д. Кантемиръ, — дѣйствовали изъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Личныя отношенія къ Долгорукимъ и Голицынымъ, какъ этихъ „разрушителей“, такъ и другихъ дѣятелей въ пользу самодержавія — Ягушинскаго, Головкина, кн. Черкаскаго, кн. Трубецкаго и Салтыковыхъ, очерчены мастерски и даютъ историку весьма любопытное и важное освѣщеніе всего переворота, совершеннаго 25 февраля 1730 г. Взглядъ Щербатова, по поводу избранія Анны Іоанновны, на „перемѣны въ государствѣ“, которыя „всегда согласны съ нравами и умоначертаніемъ народа“, и характеристики главныхъ дѣятелей разсматриваемыхъ событій — дополняютъ интересъ его записки и, вмѣстѣ съ изложенными воззрѣніями на фактъ избранія Анны Іоанновны, ставятъ эту записку въ рядъ первостепенныхъ источниковъ. Предвзятія воззрѣнія мѣшаютъ кн. Щербатову давать вѣрныя характеристики: ихъ нужно принимать со строгой критикой. Кромѣ того, писавши, какъ видно, по памяти и по фамиліальнымъ преданіямъ, не справляясь съ письменными свидѣтельствами, князь Щербатовъ нерѣдко впадаетъ въ грубыя ошибки. Такъ напримѣръ, онъ считаетъ голштинскую герцогиню Анну Петровну живой въ 1730 г. и разсуждаетъ о ея кандидатурѣ на русскій престолъ. Имена и отчества Долгорукихъ онъ, кажется, перепутываетъ намѣренно, изъ пренебреженія къ нимъ; — трудно предположить, чтобы онъ дѣйствительно могъ ихъ не знать;

или случайно перепутать: Алексѣя Григорьевича Долгорукаго онъ называетъ Григорьемъ Алексѣевичемъ, Сергѣя Григорьевича—Григорьемъ Θεодоровичемъ, ставя отца вмѣсто сына. Прошеніе шляхетства Аннѣ Іоанновнѣ о восстановленіи самодержавія является у него послѣ коронаціи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было подано до коронаціи за два мѣсяца. Первое прошеніе князя Черкаскаго—о пересмотрѣ всѣхъ мнѣній и проектовъ выборными отъ шляхетства, поданное за нѣсколько часовъ до прошенія о самодержавіи,—очевидно князю Щербатову совершенно неизвѣстно.

4) Записка князя Петра Петровича Долгорукаго (р. 1744 † 1815) о засѣданіи В. Т. С. 19 янв. 1730 г., избравшемъ Анну Іоанновну; составлена на основаніи разсказовъ кн. Вас. Михайл. Долгорукаго-Крымскаго (р. 1722 † 1782), сына кн. Мих. Влад. Долгорукаго.

Записка эта не издана вполнѣ, но въ извлеченіи находится въ „Memoires du prince Pierre Dolgoroukow“, (t. I, p. 305—306) и въ брошюрѣ кн. Алексѣя Долгорукаго и Н. Шпилевской, изд. подъ редакціей кн. Всева Долгорукаго, Спб. 1869 г., подъ заглавіемъ: „Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе (стр. 113—116). Князь П. В. Долгорукой въ своихъ „Memoires“ указываетъ источникъ, а брошюра приводитъ „записку“ безъ цитаты, по видимому изъ „Memoires“ кн. П. В. Долгорукаго.—Записка передаетъ подробно порядокъ засѣданія В. Т. С., разныя мнѣнія о престолонаслѣдїи и о кандидатахъ на русскій престолъ, указывая лицъ, которыя высказывали эти мнѣнія, послѣдовательность, въ какой они выражались, и пренія ими возбужденныя. При сличеніи этихъ любопытныхъ подробностей съ разсказомъ объ этомъ же засѣданіи В. Т. С. Манштейна и кн. Щербатова, приходишь къ заключенію, что оба они въ данномъ случаѣ пользовались разсказомъ или фельдмаршала кн. Долгорукаго, или его брата. Разказы того и другаго очень близки къ Запискѣ кн. П. П. Долгорукаго, составляя ея сокращеніе или résumé. На основаніи этой же записки изложено засѣданіе В. Т. С. объ избраніи Анны Іоанновны въ „Сказаніи о родѣ князей Долгорукихъ“. (См. изд. 1840 г., стр. 116—118). Кн. П. В. Долгорукой въ своихъ „Memoires“ (t. I, p. 312) сообщаетъ кромѣ того текстъ „вондїцій“ В. Т. С., записанный его дѣдомъ также со словъ князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго. Этотъ текстъ интере-

сень по вариантамъ сравнительно съ другими словесными пересказами „кондицій“. (Объ этой редакціи см. въ I-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію).

ИСТОЧНИКИ ИНОЗЕМНЫЕ.

ДОНЕСЕНІЯ ПОСЛОВЪ И МЕМУАРЫ.

1) Во главѣ этого отдѣла долженъ быть поставленъ сборникъ извлеченій изъ депешъ англійскихъ и французскихъ пословъ подъ заглавіемъ: *La cour de Russie il y a cent ans. (1725—1783), Paris, Berl. et Leipzig, in 8°, 1-е изд. 1858 г., 3-е 1860 года.* (Мы пользовались третьимъ изданіемъ). Сборникъ этотъ очень распространенъ у насъ, и на основаніи его главнымъ обр. сообщались свѣдѣнія въ журнальныхъ статьяхъ о событіяхъ изъ исторіи преемниковъ Петра В. до Екатерины II. ⁽¹⁾ Происшествія воцаренія Анны Иоанновны изложены выписками изъ депешъ резидентовъ, англійскаго Кл. Рондо и французскаго Маньяна, и вѣбого де-Бюсси. Для насъ важны въ „*La Cour de Russie*“ только депеши англійскаго резидента Рондо, подлинниками которыхъ мы не имѣли возможности воспользоваться; французскій переводъ ихъ тщательно провѣренъ нами по тексту Раумера (*Beiträge, II, Leipz. 1836 г.*) Что же касается до выписокъ изъ депешъ Маньяна и де-Бюсси, то мы пользовались ими въ болѣе подробныхъ редакціяхъ, — о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Кромѣ депешъ, англійскій резидентъ Кл. Рондо оставилъ еще записку подъ заглавіемъ: „*Characters of the*

⁽¹⁾ По словамъ книгопродавца Шлейдера въ Берлинѣ, сборникъ этотъ составлялъ нѣкто Гранблѣ, издатель газеты „*Messenger de Berlin*“ и сотрудникъ многихъ парижскихъ газетъ — изъ разныхъ сочиненій, преимущественно изъ „*Beiträge zur neuern Geschichte*“ Раумера, 1836—1839 5 томовъ. (См. каталогъ книгъ Чертковской б-ки, отд. I, Исторія, М. 1863 г. с. 313 примѣчаніе къ № 1549). — Составитель каталога ошибочно указываетъ вмѣсто приведеннаго сочиненія Раумера его же *Historisches Taschenbuch*. Клейншмидтъ назыв. составителемъ эт. сборника Принца де-Линь (см. его книгу „*Russland's Geschichte und Politik dargestellt in der Gesch. des russ. hohen Adels*“, Cassel 1877).

some Russian noblemen"; записка эта найдена въ 1858 году Ю. В. Толстымъ въ лондонскомъ королевскомъ архивѣ и издана въ переводѣ на русскій языкъ дважды: а) въ 1861 году, въ „Чтеніяхъ Московскаго общ. Исторіи и Древностей Россійск.“, кн. II, и б) въ „Письмахъ леди Рондо“, изд. С. Н. Шубинскаго, Спб. 1874 г., стр. 215—246. По мнѣнію г. Толстаго, записка эта составлена между 21 декабря 1730 года и 19 января 1731 ст. ст., (въ теченіи января 1731 нов. ст.) Характеристики Рондо часто противорѣчатъ подобнымъ же замѣткамъ испанскаго посла герцога де-Лирія.

2) Французскій резидентъ Маньянъ (Magnan) былъ аккредитованъ при русскомъ дворѣ съ 1727 по 1734 годъ. Депеши его извлечены А. И. Тургеневымъ изъ парижскаго государственнаго архива, а выдержки изъ нихъ, относящіяся къ событіямъ отъ 2 февраля до 24 апрѣля 1730 года, напечатаны Н. И. Тургеневымъ въ приложеніяхъ къ его книгѣ „La Russie et les Russes“ (ed. de Bruxelles 1847, III, 258—286). Русскій переводъ этихъ выдержекъ помѣщенъ въ „Памятникахъ Новой Русской исторіи“ Кашпирева (т. I, отд. II, с. 360—378). Переводъ этотъ не совсѣмъ точенъ, вслѣдствіе чего мы вездѣ ссылаемся на Тургенева. Маньянъ не всегда справедливо оцѣниваетъ событія и людей. Онъ видитъ въ замыслахъ верховниковъ и шляхетства исключительное желаніе возвратиться къ старицѣ.

3) Нѣкто де-Бюсси, французъ, оставилъ любопытную по своимъ подробностямъ записку о 25 февраля 1730 года, днѣ провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной императрицей.—Записка эта напечатана также Н. И. Тургеневымъ, въ его „La Russie et les Russes“, вмѣстѣ съ извлеченіями изъ Маньяна, вслѣдствіе чего вошла и въ русскій переводъ ихъ.

4) Донесенія саксонско-польскаго посла Іоанна Ледовика Лефорта († 1738) были давно извѣстны занимающимся русскою исторіей по обширнымъ выпискамъ изъ нихъ профессора Марбургскаго университета Эрнеста Германа въ его „Geschichte des Russischen Staates“ Bd. IV, Hamburg 1849.—Воцареніе императрицы Анны Іоанновны (Gesch. des Russ. Staates, IV, S. 538—548) рассказано Германомъ почти исключительно на основаніи депешъ Лефорта. Въ 1868 году профессоръ Германъ началъ издавать

подлинники донесеній Лефорта, сопровождаая ихъ русскимъ переводомъ, въ „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Относящіяся до изслѣдованнаго нами вопроса депеши Лефорта находятся въ V томѣ „Сборника“ (стр. 338—382).

1. Л. Лефортъ, племянникъ извѣстнаго любимца Петра Великаго, Франца Лефорта, состоялъ въ русской службѣ съ 1715 г., а въ 1720 г. поступилъ на службу къ польскому королю Августу II и былъ его представителемъ при русскомъ дворѣ съ 1721 по 1734 г. Давнишнее пребываніе и служба Лефорта въ Россіи сблизили его совершенно съ русскими. Онъ былъ свой человѣкъ у Долгорукихъ и Голицыныхъ, и они не стѣснялись откровенно выражать ему свои мысли. Вслѣдствіе такого исключительнаго положенія среди русскихъ, депеши Лефорта имѣютъ особую цѣну для историка.

5) Депеши прусскаго посланника, **Акселя фонъ Мардефельда** изданы въ XV томѣ „Сборника Русскаго Ист. Общ.“, но доведены тамъ лишь до 23 (12) февраля 1730 г. Продолженіе этихъ депешъ еще не изданное, а именно съ 23 февраля по 16 марта нов. ст. 1730 г., обязательно сообщено намъ членомъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, **Г. Э. Штендано**мъ съ дозволеніемъ сдѣлать изъ этихъ депешъ извлеченія. Депеши Акс. Мардефельда кратки и не показываютъ въ прусскомъ посланникѣ настоящаго пониманія тогдашнихъ русскихъ событій. Онъ судитъ обо всемъ, какъ чужеземецъ и притомъ нѣмецкаго происхожденія. Сердце его, конечно, не могло лежать къ тогдашнему движенію среди русскаго дворянства, направленнаго противъ нѣмцевъ.

6) Доселѣ неизданныя и неизвѣстныя нашимъ ученымъ депеши датскаго посланника при русскомъ дворѣ **І. Вестфалена** обязательно доставлены намъ, благодаря посредству академика **Я. К. Грота**, въ копіяхъ съ подлинниковъ, хранящихся въ копенгагенскомъ королевскомъ архивѣ. Копіи сняты подъ наблюденіемъ проф. **К. Смита** и имъ проверены.—Интересы Дави заставляли ее всячески стараться, чтобы голштинскій принцъ **Петръ-Ульрихъ**, воцарившійся въ Россіи въ 1762 году съ именемъ Петра III, не получилъ русскаго императорскаго престола въ 1730 году, по смерти Петра II, а также опасаться воцаренія въ это

время Елизаветы Петровны, родной тетки Петра-Ульриха. Поэтому датскій посланникъ Вестфаленъ примыкаетъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ, противникамъ Петра-Ульриха и Елизаветы Петровны, и привѣтствуетъ избраніе Анны Иоанновны, герцогини курляндской. Въ депешахъ своихъ Вестфаленъ зорко слѣдитъ за Елизаветой Петровной во все время съ болѣзни Петра II до провозглашенія Анны Иоанновны самодержавной императрицей. Его занимаютъ не столько тогдашніе толки и мѣропріятія генералитета и шляхетства о государственномъ устройствѣ Россіи и подробности избранія Анны Иоанновны, сколько колебанія общественнаго мнѣнія за и противъ голштинскаго принца и Елизаветы Петровны.

Извлеченія изъ депешъ Вестфалена, касающіяся воцаренія Анны Иоанновны, мы помѣщаемъ въ приложеніи къ настоящему изслѣдованію (приложен. № 3-й).

7) Герцогъ де-Лирія и де-Херико, испанскій посолъ при русскомъ дворѣ съ мая 1727 г. до ноября 1730 г., былъ сынъ маршала Франціи, извѣстнаго полководца XVIII в., герцога де-Лирія и Бервика (¹). Посолъ де-Лирія оставилъ важные матеріалы для исторіи воцаренія Анны Иоанновны: 1) Донесенія испанскому правительству, 2) извлеченія изъ дневника, 3) записку о характерѣ лицъ, находившихся въ его время при русскомъ дворѣ. Донесенія изданы впервые въ 1868—1869 гг. въ переводѣ съ испанскаго на русскій языкъ К. Л. Кустодіева, священника при русской миссіи въ Мадридѣ, съ примѣчаніями переводчика и П. И. Бартенева (Сборн. Бартенева XVIII-й вѣкъ, вв. II и III). Донесенія переведены о. Кустодіевымъ съ подлинныхъ отпусковъ де-Лирія, находящихся въ дневникѣ, который онъ велъ со дня назначенія своего посломъ, и хранящихся въ домашнемъ архивѣ теперешняго представителя дома де-Лирія въ Испаніи, герцога де-Альба и де-Лирія.

(¹) Испанскій посолъ нигдѣ не называется въ современныхъ документахъ де-Бервикъ. Въ 1730 г. онъ подписывалъ свою фамилію такъ: «Duc de Liria et de Xerico». Въ грамотѣ Филиппа V, короля испанскаго, отъ 25 іюля 1730 года, названъ онъ герцогомъ де-Лирія и де-Херико, графомъ Фанмуть, барономъ де-Босвортъ (См. гл. Моск. Арх. Мин. Ист. Д., св. IX, тетрадь № 6).

Профессоръ петербургскаго университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ обязательно сообщилъ намъ подлинную французскую рукопись, русскій переводъ которой изданъ Языковымъ въ 1845 г. подъ заглавiемъ: „Записки дюка Лирiйскаго и Бервикскаго во время пребыванiя его при императорскомъ руссiйскомъ дворѣ въ званiи посла короля испанскаго, 1727—1730 гг.“ Языковъ неправильно назвалъ свой переводъ „Записками“ и еще болѣе неправильно почелъ ихъ отрывками изъ будто бы изданныхъ „Записокъ“ де-Лирiа. Такихъ Записокъ не существуетъ. Языковъ принялъ за Записки испанскаго посла Записки его отца, маршала Бервика, неимѣющiя ничего общаго съ русскими происшествiями; онѣ оканчиваются 1716 годомъ. Записки эти были изданы нѣсколько разъ на французскомъ языкѣ (въ 1737, 1738 и 1778 г.—два изданiя). Переданная намъ проф. Бестужевымъ-Рюминымъ рукопись состоитъ изъ 164 нумер. страницъ въ поллиста писчей бумаги и, судя по почерку, относится къ двадцатымъ годамъ XIX в. Въ ней находятся: а) вышеупомянутое извлеченiе изъ журнала де-Лирiа подъ слѣдующимъ заглавiемъ: „Extrait du journal du duc de Lihria et Berwick, ambassadeur de Philippe V, roi d'Espagne, étant parti de Madrid le 10 Mars 1727“. (с. 3—137) и б) *Traité particulier des caractères de différentes personnes* (о лицахъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ) (с. 137—164).

При сличенiи оригинала съ переводомъ, оказываются непростительныя ошибки противъ французскаго текста, на что было уже указано въ „Русской Старинѣ“ (1873 г., 1-е изд., VIII, с. 28—40, ст. „О запискахъ де-Лирiа“). Цензурныя условiя того времени заставили издателя многое исключить какъ изъ „дневника“ герц. де-Лирiа, такъ и изъ „характеристикъ“, но нѣкоторыя мѣста выброшены Языковымъ по непонятной причинѣ. И тѣ и другiя исключенiя возстановлены въ вышеприведенной статьѣ. Особенно бросаются въ глаза искаженiя текста въ „характеристикахъ“. Впрочемъ, поправки, сдѣланныя въ „Русской Старинѣ“, не всегда отличаются полнотой и правильноcтью перевода.

При сличенiи извлеченiй изъ дневника де-Лирiа съ его депешами оказывается, что первыя состоятъ изъ сокращенiй послѣднихъ. Сокращенiе это герцогъ сдѣлалъ впоследствии, вспоминая свое пребыванiе въ Россiи, какъ онъ самъ выражается, „для его собственнаго удовольствiя и для по-

ученія его дѣтей“; (рукоп., стр. 164), изъ чего само собою слѣдуетъ, что извлеченія эти никогда не предназначались для обнародованія. Дешпи носятъ на себѣ отпечатокъ свѣжести впечатлѣній, что, весьма естественно, сглажено самимъ герцогомъ въ извлеченіяхъ. Де-Лирія внесъ въ свои извлеченія только сущность тѣхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ 1727 по 1730 г. влѣчательно, опустивъ всѣ подробности. Онъ исключилъ также всѣ свои сообщенія о тогдашнихъ общихъ европейскихъ дѣлахъ. Въ виду этихъ соображеній мы пользуемся въ своемъ трудѣ исключительно депешами де-Лирія, а не его „извлеченіями“. Характеристики, приложенныя къ извлеченіямъ, отличаются рѣзкостью, желчностью тона и не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительному характеру лица, къ которому относятся. Это опредѣляется, какъ личнымъ характеромъ и воззрѣніями де-Лирія, такъ и исключительностью его положенія при русскомъ дворѣ. Интересы испанскаго правительства были прямо противоположны интересамъ нѣмецкаго императора, а между тѣмъ большинство русскихъ государственныхъ людей того времени находилось подъ сильнымъ вліяніемъ цесарскаго посла, графа Вратислава. Донесенія де-Лирія отличаются необыкновенной полнотой съ фактической стороны. Въ объясненіяхъ событій онъ пристрастенъ. До провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной государыней де-Лирія на все смотритъ глазами Долгорукихъ, а послѣ этого событія держитъ исключительно сторону императрицы. Политическія воззрѣнія генералитета и шляхетства для де-Лирія или просто непонятны, или антипатичны: онъ видитъ въ нихъ стремленіе возвратиться къ „московскому“ варварству. Передъ личностью и реформой Петра В. онъ благоговѣетъ, всюду называя его „великимъ“.

Кромѣ перечисленныхъ донесеній пословъ мы пользовались современными событіямъ корреспонденціями изъ Россіи, помѣщенными въ нѣмецкихъ и французскихъ періодическихъ изданіяхъ 1730 года: „Die Europäische Fama“, (выход. въ Лейпцигѣ), „Mercure historique et politique“ (изд. въ Гатѣ Н. Scheuerler'омъ) и „Nationen Gespräche, oder cu-

rieuse Discourse über die jetzigen Coniuncturen und wichtigsten Begebenheiten“ (выход. въ Берлинѣ у Ambr. Haude), а также позднѣйшими замѣтками о воцареніи Анны Іоанновны, находящимися въ различныхъ мемуарахъ и сборникахъ. Изъ нихъ мы остановимся только на двухъ, болѣе важныхъ: на книгѣ Шмидтъ-Физельдека и на Запискахъ князя П. В. Долгорукаго.

Шмидтъ-Физельдекъ, бывшій въ царствованіе Елизаветы Петровны гувернеромъ дѣтей графа Миниха-сына, въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. занимавшій касседу государственнаго права и исторіи въ брауншвейгскомъ лицейѣ (am Braunschweigischen Carolino), а затѣмъ должность совѣтника и архиваріуса брауншвейгскаго герцога,—составилъ сводъ извѣстныхъ ему матеріаловъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, за время отъ смерти Петра Великаго до воцаренія Елизаветы Петровны, подъ заглавіемъ: „Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen“, 2 Bd., Riga 1777—1784 г.⁽¹⁾. Свѣдѣнія о царствованіи Анны Іоанновны, находящіяся у Шмидтъ-Физельдека, не полны и не отличаются строго критическимъ анализомъ, но наводятъ на многія любопытныя соображенія. Сравнительная близость автора къ описываемымъ событіямъ весьма естественно мѣшала ему вполне ясно понимать явленія тридцатыхъ годовъ XVIII в. Шмидтъ-Физельдекъ въ рассказѣ о воцареніи Анны Іоанновны (т. II, стр. 1—58), приводитъ въ приложеніяхъ подлинныя документы изъ русскихъ государственныхъ архивовъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ появились въ его книгѣ впервые и были извѣстны ученымъ только изъ его книги до 1869 года, т. е. до появленія XIX т. „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Кромѣ этихъ документальныхъ свидѣтельствъ, въ книгѣ Шмидтъ-Физельдека встрѣчается нѣсколько извѣстій, безъ указанія откуда онъ ихъ заимствовалъ. Иныя изъ нихъ мы приводимъ въ своемъ мѣстѣ.

Книга князя П. В. Долгорукаго (р. 1816 † 1868 г.), написанная имъ на французскомъ языкѣ и изданная въ

⁽¹⁾ См. Письмо Альбаума, профессора въ Ревельской Ritterschule къ академикъ Штелину отъ 31 авг. 1774 г.—въ статьѣ П. П. Чекарскаго: «о перепискѣ Штелина», Зап. акад. Н., т. III, кн. 2, с. 123—129.

Женевѣ въ 1867 г. подъ заглавіемъ: „Memoires du Prince Pierre Dolgoroukow“, заключаетъ въ себѣ не мемуары, не Записки кн. П. В. Долгорукаго, а собраніе свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ о событіяхъ въ жизни знатнѣйшихъ русскихъ семействъ за первую половину XVIII в. Кромѣ семейныхъ преданій князей Долгорукихъ и другихъ извѣстныхъ русскихъ титулованныхъ и не титулованныхъ родовъ, источниками для автора этой книги были: сказанія о родѣ князей Долгорукихъ и нѣкоторыхъ другихъ семействахъ, отдѣльно изданныя родословныя княжескихъ и дворянскихъ семействъ, фамильныя бумаги князей Долгорукихъ, бумаги Карабанова, генеалогиста и анекдотиста русскаго дворянства, современные эпохѣ мемуары русскихъ и иностранцевъ, разныя записки, частію рукописныя, частію напечатанныя въ Россіи въ разныхъ сборникахъ, архивныя документы и, наконецъ, монографіи, появлявшіяся въ русскихъ журналахъ 1857—1867 гг., преимущественно статьи гг. Семейскаго, Шипкина и Щебальскаго. При сличеніи книги Долгорукаго съ архивными источниками и монографіями, несомнѣнно приходило къ заключенію, что авторъ пользовался какъ тѣми, такъ и другими весьма добросовѣстно съ фактической стороны, позволяя себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ высказывать иногда весьма рѣзкія и не всегда основательныя сужденія; отсутствіе цитатъ придаетъ, правда, видъ недостоверности книгѣ и вводитъ въ невольное сомнѣніе читателя, мало знакомаго съ источниками исторіи русскаго XVIII в. Въ смыслѣ источника, книга князя Долгорукаго имѣетъ значеніе только въ тѣхъ частяхъ, гдѣ передаетъ неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія, иной разъ недостоверныя въ подробностяхъ, но весьма характеристическія для иллюстраціи эпохи и ея дѣятелей.

Въ заключеніи разсмотрѣнія источниковъ, мы считаемъ долгомъ оговориться относительно пользованія тремя трудами, цитаты на которые для иныхъ могутъ показаться не убѣдительными: 1) Дѣянія Петра Великаго, Голицына, 2) Бянтыша-Каменскаго, „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“ (1836 г. 5 т. и 1847 г. 3 т. всего 8 томовъ) и 3) разныя статьи П. О. Карабанова. Изъ „Дѣяній“, мы позволили себѣ заимствовать, и то весьма рѣдко, нѣкоторыя письма Петра Великаго и нѣсколько анекдотовъ, приводя ихъ только какъ анекдоты—небольше. Въ

смыслъ анекдотовъ или біографическихъ деталей указывали мы и на характерныя преданія въ статьяхъ Карабанова. Что же касается до книги Бантыша-Каменскаго, то провѣривъ большинство его показаній письменными источниками, на которые онъ ссылается, мы пришли къ заключенію, что фактическая сторона его біографій вполне достовѣрна; на отвѣтственности Бантыша-Каменскаго лежатъ только его ссылки на устные преданія и рассказы, которые, разумѣется, мы не могли провѣрить.

Вопросъ о воцареніи Анны Іоанновны не былъ разсмотрѣнъ вполне научно русскими учеными до 1861 г. Въ этомъ году является небольшая замѣтка покойнаго С. М. Соловьева, впервые ставящая вопросъ этотъ научнымъ образомъ въ русской исторической литературѣ. („Птенцы Петра Великаго“, Русск. Вѣстн. 1861 г., т. XXXIII).

Нельзя считать учеными изслѣдованіями немногія страницы посвященныя воцаренію Анны Іоанновны въ разныхъ историческихъ компиляціяхъ начала нынѣшняго вѣка и двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, вродѣ „Новаго Ядра Россійской Исторіи“ И. в. Нехачина (3-е изд., М. 1810 г., ч. VIII, стр. 20—26) „Русской исторіи“ С. Н. Глинки (3-е изд., М. 1823 г., ч. VIII, с. 76—78), „Обзора главнѣйшихъ происшествій съ кончины Петра В. до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны“ А. Вейдемейера (1-е изд., 1831, 4-е изд. 1848.—См. 4-е изд., ч. I, с. 92—110). Всѣ свѣдѣнія у названныхъ авторовъ изложены, главнымъ образомъ, на основаніи Манштейна, вслѣдствіе чего игнорируется шляхетское движеніе, выразившееся въ проэктахъ и мнѣніяхъ. Общая картина событій представляется въ слѣдующемъ видѣ: Своекорыстные верховники, побуждаемые олигархическими стремленіями, намѣренно обошли прямого и законнаго наслѣдника русскаго престола (голштинскаго принца Петра-Ульриха) и избрали самовольно Анну Іоанновну, ограничивъ ея власть, ради своихъ собственныхъ эгоистическихъ интересовъ. Но противъ ихъ замысловъ возстало дворянство и, предводимое княземъ Черкасскимъ, просило императрицу принять самодержавіе.

Съ 1858 года наступаетъ новая эра въ изслѣдованіи русскаго XVIII в. Завѣса тайны, такъ долго скрывавшая его отъ любопытства публики, нѣсколько приподнялась. Было издано множество матеріала и появилась масса монографій и биографій изъ исторіи первой половины XVIII в. Изъ нихъ двѣ монографіи спеціально посвящены восшествію на престолъ императрицы Анны Іоанновны, именно: П. К. Щебальскаго (Русск. Вѣст. 1859 г., т. XIX, с. 5—64) и І. Н. Шишкина. (Сѣверное Сіаніе 1862 г., № 8).

Статья г. Щебальскаго, написанная живо и бойко, кромѣ извѣстныхъ прежде свѣдѣній изъ Манштейна, де-Лиріа, Теофана Прокоповича и друг., заключаетъ въ себѣ новыя для времени ея появленія данныя изъ архивныхъ, неизданныхъ источниковъ (выписокъ изъ дѣла Долгорукихъ, бумагъ Малиновскаго, „Произвольнаго разсужденія“ Татищева, въ то время еще не обнародованнаго), а также изъ только что вышедшихъ тогда за границей мемуара кн. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ и сборника „La Cour de Russie“. Изъ послѣдней книги г. Щебальскій черпаетъ особенно обильно. При появленіи своей статья г. Щебальскаго встрѣчена была, по достоинству, весьма сочувственно. Страдая недостаточнымъ изученіемъ источниковъ, статья эта до сихъ поръ представляетъ интересъ, какъ связанное и въ общихъ чертахъ правдивое изложеніе событій воцаренія Анны Іоанновны. Статья талантливаго писателя по русской исторіи XVIII в. І. Н. Шишкина представляетъ очень хорошо написанный, популярный очеркъ исторіи воцаренія Анны Іоанновны, не сообщающій, впрочемъ, ничего новаго сравнительно со статьею г. Щебальскаго.

Статьей С. М. Соловьева—„Птенцы Петра В.“ (Русск. Вѣстн. 1861 г., т. XXXIII. стр. 5—49), какъ мы уже говорили выше, открывается серія научныхъ трудовъ послѣдняго времени по исторіи воцаренія Анны Іоанновны. Кромѣ сообщенія новыхъ архивныхъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи, ученый изслѣдователь исторіи Россіи въ этой небольшой статьѣ освѣщаетъ фактъ воцаренія Анны Іоанновны общимъ историческимъ взглядомъ на реформу Петра и ея послѣдствія. Для С. М. Соловьева воцареніе Анны есть эпизодъ изъ борьбы птенцовъ Петра Великаго съ иностранцами съ одной стороны, и—противниками реформы съ другой.

Въ одинъ годъ со статьей С. М. Соловьева появилась въ Москвѣ магистерская диссертация Н. А. Попова: „Татищевъ и его время“. Событіямъ воцаренія Анны Іоанновны, въ которыхъ Татищевъ принималъ столь дѣятельное участіе, г. Поповъ посвящаетъ въ своей книгѣ цѣлую 2-ю главу (стр. 66—133). Г. Поповъ для объясненія этихъ событий, разсматриваетъ теорію и практику царской власти на Руси съ Іоанна Грознаго и вліяніе на политическія воззрѣнія русскаго шляхетства первой половины XVIII в. политическихъ западно-европейскихъ сочиненій. Затѣмъ онъ излагаетъ фактическую сторону событий преимущественно по де-Лиріа, Маньяну, Теофану Прокоповичу и „Произвольному разсужденію“ Татищева (по изданію Погодина въ „Утрь“ 1859). Политическія мнѣнія шляхетства не разъяснены достаточно и переданы исключительно по одному „Произвольному разсужденію“ Татищева (стр. 111—122).

Весьма любопытныя замѣчанія на вторую главу книги Н. А. Попова встрѣчаемъ въ рецензіи М. Н. Лонгинова. (Р. В. 1861 г, т. XXXIV, Лит. обзор., стр. 108—115). На основаніи шляхетскихъ заявленій, изложенныхъ въ статьяхъ Щебальскаго и Соловьева, и „Произвольнаго разсужденія“ Татищева,—рецензентъ выдвигаетъ на первый планъ въ исторіи воцаренія Анны Іоанновны воззрѣнія шляхетства и даетъ этимъ воззрѣніямъ должную оцѣнку. Также заслуживаютъ вниманія его отзывы о верховникахъ, которыхъ онъ не осуждаетъ безусловно. Г. Лонгиновъ съ сочувствіемъ останавливается на ихъ мысляхъ, выраженныхъ въ кондиціяхъ, объ уничтоженіи конфискацій имѣній и раздачи государственныхъ имуществъ частнымъ лицамъ (стр. 112—113) и даетъ правдивую характеристику личностей „верховниковъ“ (стр. 109).

Въ XIX т. „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева (М. 1869 г.) переданы событія воцаренія Анны Іоанновны на основаніи всего извѣстнаго печатнаго матеріала и новыхъ изслѣдованій автора въ государственномъ архивѣ и главномъ московскомъ архивѣ М. И. Д. (стр. 241—271). Спокойно обсуждая, по своему обычаю, событія, С. М. Соловьевъ представляетъ намъ не полную картину воцаренія Анны Іоанновны, но мастерской очеркъ „умоначертанія“ какъ верховниковъ, такъ и главныхъ вождей оппозиціонной партіи шляхетства. По воззрѣніямъ поч-

теннаго историка, олигархическое правительство верховниковъ вергло бы Россію въ тѣ же смуты, какія испытала Польша и Швеція; спасеніе именно этихъ смуть руководило сторонниками самодержавія, которые не предусмотрѣли только, что самодержавіе Анны Иоанновны будетъ направляться нѣмцами; отъ которыхъ придется плакать русскимъ людямъ. (стр. 217—269).

Въ XIX-мъ томѣ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева выдѣлены двѣ статьи: 1) рецензія на ездъ въ стн аго автора „Русскіе верховники прошлаго вѣка“, въ „Вѣстн. Евр.“ 1870 г. (т. I, кн. 2, стр. 245—257) и 2) В. П. Барновича—Замыслы верховниковъ и челобитниковъ въ 1730-году“ (Отеч. Зап. 1872 т. СХІХ, отд. I, стр. 209—237; 485—516; кн. I, кн. 2).

Статья „Вѣстника Европы“, написанная кратко, по Соловьеву, происшествія съ 19 января по 26 февраля 1730 г.; выдвигаетъ на первый планъ верховниковъ, только вскользь упомяная о движеніи шляхетства. Замыслы верховниковъ авторъ статьи считаетъ замыслами олигархическими, враждебно настроенными къ интересамъ русскаго народа. (подъ которыми разуметь, однихъ вѣрстлянь) и видитъ въ стремленіи верховниковъ только продолженіе старинныхъ боярскихъ тенденцій ограничить самодержавіе исключительно ради своей выгоды.

Иначе смотритъ на эти событія г. Барновичъ. Онъ считаетъ преувеличеніемъ обвиненія верховниковъ въ олигархическіхъ замыслахъ и доказываетъ, что ихъ мысль объ ограниченіи самодержавія Анны Иоанновны находила сочувствіе и въ остальномъ шляхетствѣ. Въ движеніи шляхетства г. Барновичъ видитъ лишь выраженіе недовольства на исключительное присвоеніе верховниками права избранія Анны Иоанновны и предложенія ей „кондицій“, право это шляхетство признавало за собой. Г. Барновичъ подробно анализируетъ политическія, экономическія и культурныя условія Россіи XVII в. и первой четверти XVIII в., и замыслы верховниковъ, а равно и притязанія шляхетства, — авляются для него логическимъ результатомъ этихъ условій. Въ изложеніи событій у С. М. Соловьева, не смотря на ихъ полноту, сравнительно съ предшествовавшими изслѣдованіями, г. Барновичъ видитъ пробѣлы и недомолвки и дается пополнить то и другое. Статья г. Барновича сообщаетъ наслѣдствителю объ-

ный материал для размышлений, дающая на очень важные соображения, вследствие чего и является весьма существенным пособіемъ при изученіи исторіи воцаренія Анны Иоанновны.

Изъ иностранныхъ ученыхъ изслѣдованій, въ которыхъ излагается воцареніе Анны Иоанновны, мы остановимся лишь на двухъ, какъ на болѣе замѣчательныхъ, именно—на монографіи Л. Б. Бартольда: „Anna Ioannowna. Cabinet, Hof, Sitte und gesellschaftliche Bildung in Moskau und St.-Petersburg“,—помѣщенной въ „Historisch. Taschenbuch“. Paupera (1836, Bd. I, S. 175—196) и на IV-мъ т. „Geschichte des Russischen Staates“ Марбургскаго профессора Германа (Hamb. 1849).

Монографія Бартольда обнимаетъ собою все царствованіе Анны Иоанновны; и составлена исключительно по печатнымъ иностраннымъ источникамъ; впрочемъ, списовъ ихъ, приведенный авторомъ въ концѣ, далеко не полонъ. Монографія написана съ тѣми научными приемами и съ той тщательностью, съ какими пишутся обыкновенно хорошія гѣмиднія историческія изслѣдованія, хотя Бартольдъ, по своей національности и до малому, знакомству съ внутреннимъ положеніемъ страны, симпатизируетъ вполне гѣмидскому правительству Анны Иоанновны. Воцаренію Анны Иоанновны посвящена большая часть III-й главы (с. 229—236); остальная часть этой главы излагаетъ жизнь и характеристику Остермана (с. 236—250). Въ вопросѣ объ организціи власти Анны Иоанновны съ симпатіею автора—на сторонѣ императрицы и сторонника самодержавія. Образъ дѣйствій верховниковъ названъ восточнымъ (east-orientalisch), а поступки противниковъ Анны Иоанновны вообще признаются блудными. Самому замыслу ограниченія самодержавной власти Бартольдъ не придаетъ особаго значенія; онъ отдѣляясь отъ него только упоминаетъ, не излагая оцѣнокъ о немъ. Известный изслѣдователь исторіи русскаго XVIII в. профессоръ Германъ сообщаетъ въ своей книгѣ вѣдѣ о ученомъ обстоятельномъ изложеніи воцаренія Анны Иоанновны (с. 533—548). Составленное, вѣдѣ, образомъ, на основаніи депешъ саксонско-польскаго посла Шефорта, съ добавленіемъ свѣдѣній изъ Маньяна и Шмидта-Физельдеса, повѣствованіе проф. Германа отличается фактической полнотой и

XLIII

совершеннымъ безпристрастіемъ. Здѣсь впервые обращено должное вниманіе на петиціи шляхетства, изъ которыхъ приводятся главнѣйшія, какъ въ текстѣ, такъ и въ приложеніяхъ. (Русскій переводъ исторіи царствованія Анны Іоанновны Германа помѣщенъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., О воцареніи ея, см. с. 1—38).

1112

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

I.

19 ЯНВАРЯ 1730 ГОДА.

Кончина Петра II. — Удаление трех архiereевъ. — Составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, его засѣданіе въ ночь съ 18 на 19 января и избраніе Анны Иоанновны. — Подробности этого засѣданія и роль въ немъ князя Д. М. Голицына. — Ожиданія генералитета и разговоръ П. И. Ягужинскаго съ княземъ С. Г. Долгорукинымъ. — Составленіе «пунктовъ» и ихъ первоначальная редакція — Собраніе генералитета, знатнаго шляхетства и духовенства въ Кремль, утромъ 19 января. — Пересмотръ и дополненіе «пунктовъ». — Назначеніе въ Митаву трехъ депутатовъ и данная имъ инструкція. — Письмо верховниковъ къ Аннѣ Иоанновнѣ. — Окончательная редакція «пунктовъ».

18 января 1730 года первопрестольная русская столица Москва находилась въ очень тревожномъ положеніи. Въ „Лафертовскомъ“ дворцѣ кончалъ жизнь отрокъ-императоръ, 15-ти лѣтній Петръ II, съ которымъ пресѣкалась мужская отрасль дома Романовыхъ. То былъ канунъ дня, назначеннаго для его бракосочетанія съ княжною Екатериною Долгорукою.

Понятна тревога столицы, понятны тѣ страхи, которые рисовались напуганному воображенію москвичей, столько разъ испившихъ уже горькую чашу „нестроеній земскихъ“ отъ „перемѣнъ“ на „верху“. Москвѣ приходилось постоянно начинать эту чашу; на ея долю выпадалъ всегда первый глотокъ—самый горькій. Люди родословные, и книжники, и грамотники московскіе—припоминали то время, когда замутилась вся земля русская, когда настала великая смута, послѣ того какъ умеръ въ Угличѣ меньшей сынъ грознаго царя. Смуты стрѣлцкія были хорошо памяты многимъ старикамъ, а отъ нихъ переходилъ разсказъ къ дѣтямъ и внукамъ. Кто будетъ править царствомъ, когда не станетъ „второго императора?“ какъ и посредствомъ кого устроится

„нарядъ и земское строеніе“ русской земли? Эти вопросы невольно озабочивали и смущали всѣхъ и каждаго, и каждый рѣшалъ ихъ по своему.

Поздно вечеромъ 18 января къ „Лафертовскому“ дворцу стали съѣзжаться министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, сенаторы, генералитетъ, члены синода. Умирающаго государя причастили и соборовали. Онъ впалъ въ безпамятство. Началась предсмертная агонія.

— „Запрагайте сани—я ѣду къ сестрѣ!...“ вскрикнулъ Петръ II въ бреду—и испустилъ духъ. Былъ въ началѣ первый часъ ночи на 19-е января.

Странное стеченіе обстоятельствъ поражаетъ насъ при кончинѣ отрока-императора. Сынъ злосчастнаго царевича Алексѣя Петровича, ненавистнива и хулителя иноземныхъ новшествъ Петра Великаго, жилъ, былъ боленъ и преждевременно скончался въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ нѣкогда принадлежавшемъ первому другу изъ иноземцевъ царя преобразователя, тому самому женевицу Лефорту, которому на Западѣ долго приписывали самый замыселъ реформы. Въ Нѣмецкой Слободѣ дѣдъ Петра II, первый Петръ, воспиталъ въ себѣ отрицательное отношеніе къ московской дѣйствительности, а въ домѣ Лефорта справлялъ веселые праздники въ честь побѣдъ надъ застарѣлыми московскими обычаями.

Едва успѣли сановники нѣсколько придти въ себя отъ горестнаго впечатлѣнія смерти отрока-императора, какъ господа министры Верховнаго Совѣта и „бывшіе въ то время въ домѣ Его Величества изъ сената и изъ генералитета“—стали между собою о чемъ то перешептываться. Синодальные члены, три архіерея, соборовавшіе императора: Теофанъ Прокоповичъ, Георгій Дашковъ и Теофилактъ Лопатинскій—собрались уходить. Ихъ остановилъ фельдмаршалъ кн. Долгорукой. Именемъ прочихъ онъ просилъ архіереевъ „поумѣшкать немного, внушая, что скоро имѣетъ быть совѣтованіе о избраніи государя новаго“. Затѣмъ онъ ушелъ въ отдѣльную палату къ сановникамъ и, возвратившись черезъ нѣсколько времени, объявилъ архіереямъ новое рѣшеніе“.

— „Верховному Совѣту“ — говорилъ фельдмаршалъ— „заблагоразсудилось къ находящему дню (19 января) быть всѣхъ чиновъ собранію въ 10-мъ часу по полуночи, когда

и они, архіереи, изволили бы прибыть сами и другихъ, бы, какъ архіереевъ, такъ и тѣхъ архимандритовъ, которые состоятъ синодальными членами, съ собою привели бы“.

Архіереи уѣхали изъ дворца, весьма основательно замѣтивъ „уже въ самомъ семъ поступкѣ нѣкую хитрость, ибо верховные (члены Верховнаго Совѣта) и другіе начальники тамъ (т. е. во дворцѣ) остались“⁽¹⁾.

Верховный Тайный Совѣтъ состоялъ въ то время собственно изъ пяти членовъ, которые на официальномъ языкѣ назывались тогда министрами. То были: канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, вице-канцлеръ и старшій гофмейстеръ умершаго императора, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, второй гофмейстеръ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, князь Василій Дукичъ Долгорукой и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Засѣдалъ также въ Совѣтѣ, но званія министра не имѣлъ; сибирскій губернаторъ, князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукой. Онъ прибылъ къ ожидаемому бракосочетанію своей племянницы, княжны Екатерины Долгорукой, съ Петромъ II. Всѣ эти лица находились во дворцѣ во время кончины императора. Кромѣ нихъ въ то время находились во дворцѣ слѣдующія лица изъ сената и генералитета: три фельдмаршала—князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, князь Михаилъ Михайловичъ-старшій Голицынъ и князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой; трое князей Долгорукихъ—сенаторъ Иванъ Григорьевичъ, камергеръ Сергѣй Григорьевичъ и ихъ племянникъ, оберъ-камергеръ и фаворитъ Петра II, Иванъ Алексѣевичъ; шталмейстеръ Павелъ Ивановичъ Ягушинской и генералы—Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ и Левъ Васильевичъ Измайловъ. Остальные лица „изъ сената и изъ генералитета, которые при томъ, въ домѣ его Императорскаго Величества случились“ (какъ выражается современный официальный актъ)—по именамъ не извѣстны, но, по всей вѣроятности, въ числѣ ихъ были всѣ первенствующие придворные чины.

Министры Верховнаго Совѣта, пригласивъ съ собою князя Михаила Владиміровича Долгорукаго и двухъ фельд-

⁽¹⁾ Черновые журналы В. Т. С., Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 5, л. 3.—Сказ. Ѳеоф. Прокоповича, стр. 186—187.

маршаловъ—Долгорукаго и Голицына, удалились въ особую камору для совѣщанія о томъ, кому быть государемъ на Руси. Третій фельдмаршалъ, князь Трубецкой, и всѣ остальные „изъ сената и генералитета“—остались дожидаться рѣшенія „осьмичнаго совѣта“ (какъ называлъ это собраніе **Феофанъ Прокоповичъ**).

Весьма любопытны дошедшія до насъ подробности объ этомъ ночномъ засѣданіи.

Князья Долгорукие были очень взволнованы, особенно князь **Алексѣй Григорьевичъ**, отецъ „государыни-невѣсты“, княжны **Екатерины**. Онъ заявилъ, что **Петръ II** оставилъ завѣщаніе, которымъ „наслѣдіе“ престола передаетъ по своей кончинѣ обрученной своей невѣстѣ, но встрѣтилъ рѣзкія возраженія со стороны князя **Дмитрія Михайловича Голицына** и двухъ фельдмаршаловъ—**Голицына** и **Долгорукаго**.

Князь **Дмитрій Михайловичъ Голицынъ** обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

— „Мужская отрасль императорскаго дома пресѣклась“, говорилъ онъ, „и съ нею пресѣлось прямое потомство **Петра I**. Нечего думать о его дочеряхъ, рожденныхъ до брака съ **Екатериной**; завѣщаніе **Екатерины I** не можетъ имѣть для насъ никакого значенія. Эта женщина низкаго происхожденія (князь **Голицынъ** выразился гораздо рѣзче) не имѣла никакого права возсѣсть на **россійскій престолъ**, тѣмъ менѣе располагать короной **россійской**. Завѣщаніе покойнаго императора подложно“.

Князь **Василій Лукичъ Долгорукой** хотѣлъ возразить **Голицыну**, но фельдмаршалъ **Долгорукой** остановилъ его рѣзкимъ движеніемъ, и громко, голосомъ полнымъ энергіи и убѣжденія, воскликнулъ:

„Да, это завѣщаніе подложно! Никто не въ правѣ вступать на престолъ, когда находятся на лицѣ женскіе члены императорскаго дома. Всего справедливѣе и разумнѣе было бы избрать государыню-бабку, царицу **Евдокію Феодоровну**“.

— „Я воздаю полную дань достоинствамъ вдовствующей царицы“—снова началъ князь **Дмитрій Михайловичъ Голицынъ**,—но она только вдова государя. Есть дочери царя, три дочери царя **Ивана**. Избраніе старшей изъ нихъ, **Екатерины Ивановны**, привело бы къ затрудненіямъ. Сама она добрая женщина, но ея мужъ, герцогъ **мекленбургскій**, золь и сумасброденъ. Мы забываемъ **Анну Ивановну**, гер-

цогиню курляндскую—это умная женщина; правда, у нея тяжелый характер, но въ Курляндіи на нее вѣтъ неудовольствій“.

Голицына поддержалъ князь Василій Лукичъ Долгорукой.

— „Ваша воля“, закончилъ князь Голицынъ свою рѣчь, обращаясь къ остальнымъ членамъ собранія „кого изволите, только надобно *себѣ полегчить*“.

— „Какъ это полегчить?“—спросилъ канцлеръ Головкинъ.

— „Такъ полегчить, *чтобы воли себѣ прибавить*“—отвѣчалъ князь Голицынъ.

— „Хоть и зачнемъ, да не удержимъ этого“—возразилъ князь Василій Лукичъ Долгорукой.

— „Право удержимъ!“ утверждалъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

Никто не отвѣчалъ ему на это, но на избраніе курляндской герцогини согласились всѣ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, видя, что вопросъ о томъ, чтобы „воли себѣ прибавить“, не разсматривается, снова замѣтилъ:

— „Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству *пункты*“^(*).

Въ то время, какъ происходило совѣщаніе восьми сановниковъ, — въ другой залѣ Лефортовскаго дворца съ нетерпѣніемъ и злорадствомъ ожидали ихъ рѣшенія „особы изъ

(*) Записка кн. П. П. Долгорукаго, въ „Memoires du pr. P. Dolgoroukow“. I, p. 305—306. — Показанія кн. В. Л. Долгорукаго 6 ноября 1739 года, Госуд. Арх. разд. VI, д. № 181, ч. I, л. 243—246. — Саксенкопольскій посланникъ Лефортъ доносилъ своему правительству 20/31 января: «Фельдмаршалъ Долгорукій объявилъ въ присутствіи всего собранія, что, пока будетъ жива хотя единая отрасль царскаго рода, онъ не позволитъ Долгорукиимъ домогаться престола, котораго добивался князь Алексѣй для своей дочери, невѣсты царя. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этого событія снова соединились старинные роды князей Долгорукиихъ и князей Голицыныхъ». (См. Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, с. 343.) — Подробности объ этомъ засѣданіи Верховнаго Совѣта см. въ депешѣ датскаго посла Вестфалена, № 4, (III-е приложеніе къ настоящему изслѣдованію). — Сообщенія Вестфалена представляютъ любопытный вариантъ къ подробностямъ, находящимся у насъ въ текстѣ.

сената и генералитета". Подробности всего бывшего въ этой злѣ въ время совѣщанія до насъ не дошли. Намъ известна только одна весьма характеристичная сцена, указывающая на настроеніе умовъ ожидавшихъ сенаторовъ и генераловъ.

Павель Ивановичъ Ягушинской, генераль-прокуроръ Петровскаго сената и любимецъ перваго императора, подошелъ къ камергеру князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, увелъ его въ сосѣднюю комнату и, стоя съ нимъ у окна, велъ бесѣду о предметѣ совѣщаній верховниковъ.

— „Мнѣ съ миромъ бѣда не убытковъ“, заключилъ свою бесѣду Ягушинской, „но долго-ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ; теперь время, чтобъ самодержавію не быть!“

— „Не мое то дѣло, я въ таковое дѣло не илечусь, ниже о томъ думаю“, отвѣчалъ князь Долгорукой уклончиво и робко.

На этомъ и прекратился ихъ разговоръ.

Въ это время показались восемь рѣшителей судьбы русскаго государства. Всѣ поспѣшили къ нимъ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ объявилъ, что положили на престолѣ руссійскомъ быть курляндской герцогинѣ Аннѣ Иоанновнѣ. Всѣ присутствовавшіе сановники къ этому „склонны были“, какъ замѣчаетъ подлинный оффиціальнй журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Павель Ивановичъ Ягушинской опять не выдержалъ. Онъ подошелъ къ князю Василию Лукичу Долгорукому и „съ великимъ желаніемъ“ говорилъ ему:

— „Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли!“

„Говорено уже о томъ было, но то не надо“,—отвѣчалъ ему князь Василий Лукичъ.

Послѣ этого сенаторы и генералитетъ стали расходиться по домамъ.

— „Куда они расходятся?“—спросилъ князь Дмитрій Голицынъ у князя Сергѣя Долгорукаго.

„Пошли всѣ вонъ“,—отвѣчалъ ему тотъ.

— „Надо ихъ воротить, чтобъ не было отъ нихъ чего“,—сказалъ на это Голицынъ.

Князь Сергѣй Долгорукой пошелъ предложить сенаторамъ и генералитету не разъѣзжаться по домамъ, но князь Дмитрій Голицынъ остановилъ его, сказавъ:

— „Постой, я самъ ихъ возвращу“.

Онъ пошелъ догонять уходившихъ и вскорѣ возвратился вмѣстѣ съ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Львомъ Васильевичемъ Измайловымъ, Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ и нѣкоторыми другими, которыхъ не могъ упомнить девять лѣтъ спустя князь Сергѣй Долгорукой, очевидецъ и даже участникъ этой сцены. Но самое его выраженіе „и другіе, а кто именно того не упомяну“ даетъ поводъ предполагать, что не всѣ сенаторы и генералы, бывшіе во дворцѣ, вернулись съ Голицынымъ, что иные разъѣхались по домамъ, весьма естественно тая злобу противъ „министровъ“ за то, что тѣ не пригласили и ихъ на совѣщаніе. Во главѣ этихъ недовольныхъ былъ фельдмаршалъ, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ сталъ разговаривать съ возвратившимися генералами. Что говорили генералы, князь Долгорукой не слыхалъ, а князь Голицынъ сообщалъ имъ „что станеть-де писать пункты, чтобъ не быть самодержавствію“. Объ этихъ-то „пунктахъ“ онъ и совѣщался съ ними, имѣя полное основаніе бояться утаить отъ нихъ эти пункты. Мы увидимъ впоследствии, какъ Ягушинской и другіе „изъ сената и генералитета“ отплатили Голицыну и Долгорукимъ за ихъ неосмотрительность въ этомъ дѣлѣ^(*).

Современный официальный протоколъ Верховнаго Тайнаго Совѣта такъ излагаетъ описанныя здѣсь событія:

„Егда всепресвѣтѣйшій великій государь Петръ вторый, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, отъ временнаго въ вѣчное блаженство сего генваря 18 въ 1-мъ часу по полуночи отъиде, въ тожь время верховный тайный совѣтъ, генералъ-фельдмаршалы, духовный синодъ, такожъ изъ сената и изъ генералитета, которые при томъ въ домѣ Его Императорскаго Величества бытъ случились, имѣли разсужденіе о избраніи кого на Россійской престолъ, и понеже императорское мужескаго колѣна наследство пресѣклось, того ради разсудили оной поручить рожденной отъ крови царской, царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, герцогинѣ курляндской“^(*).

(*) Допросъ кн. Серг. Гр. Долгорукаго 6 ноября 1739 г., Госуд. Арх., отд. VI, д. № 184, ч. I, л. 247—249.

(*) Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. I. Бѣловой протоколъ В. Т. С.

Когда разошлись „бывшіе изъ сената и генералитета“, — восемь сановниковъ, избравшихъ Анну Іоанновну, снова удалились въ особую палату. На этотъ разъ они собрались въ комнату около той, въ которой скончался Петръ II и занялись составленіемъ „пунктовъ“. Усадивъ за маленькой столикъ Василя Петровича Степанова, правителя дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, верховники начали диктовать ему „пункты“. Диктовали нѣсколько лицъ за разъ и притомъ самыя разнообразныя „пункты“, такъ что Степановъ не зналъ что записывать. Болѣе другихъ диктовали князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Лукичъ Долгорукой.

Видя, что за „разными приказами медлится“, канцлеръ Головкинъ и фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ Голицынъ обратились съ просьбой къ Андрею Ивановичу Остерману, чтобы тотъ, „яко знающій лучше штиль, диктовалъ“. Осторожный дипломатъ началъ было отговариваться тѣмъ, что онъ, какъ иноземецъ, „въ такое важное дѣло вступать не можетъ“, но затѣмъ, уступивъ общему требованію, сталъ редактировать словесно „пункты“; диктовалъ уже одинъ Василій Лукичъ Долгорукой, и Степанову легко было записывать (*).

Вотъ эта первоначальная, черновая, редакція „пунктовъ“.

„Черезъ сіе накрѣпчайше обѣщаемся, что наглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашей вѣры греческаго исповѣданія. Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже утвержденный верховный таинный совѣтъ въ 8-ми персонахъ всегда содержать и безъ онаго верха о тайнаго совѣта согласія:

- 1) Ни съ кѣмъ войны не вчинять.
- 2) Миру не заключать.
- 3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ новыми податями не отягощать.
- 4) Въ знатныя чины, какъ въ стацкіе, такъ и въ военные, сухопутныя и морскіе, выше полковничья ранга—не жаловать, ниже къ знатымъ дѣламъ никого не опредѣлять.
- 5) У шляхетства живота, чести и имѣнія безъ суда не отнимать.
- 6) Вотчины и деревни не жаловать.

(*). Записка В. П. Степанова. «Памятн. Нов. Русск. Истор.» Кашпарова, т. I, отд. II, стр. 10—11.

7) Государственные доходы въ расходы не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать (*).

Основанія этихъ „пунктовъ“ были очень серьезны, а инициатива и порядокъ ихъ составленія до вѣрности произвольны. Кто уполномочивалъ „восьмиличное“ собраніе ограничивать самодержавную власть избранной въ императрицы курляндской герцогини, кто уполномочивалъ его предложить тѣ, а не другія ограниченія? Никто.—Случайное собраніе сановниковъ, изъ которыхъ почти половина не принадлежала даже къ составу Верховнаго Тайнаго Совѣта, имѣвшаго при Петрѣ II высшее правительственное значеніе—является какимъ-то самозваннымъ учредительнымъ собраніемъ, постановляющимъ новый образъ правленія въ російскомъ государствѣ. Это случайное собраніе, прежде всего, само опредѣляетъ свой составъ подъ именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, принявъ за нормальное число членовъ именно то число, въ какомъ находилось тогда собраніе, и ставить себя выше власти государыни, которая безъ согласія его не можетъ дѣлать самыхъ существенныхъ въ государствѣ распоряженій. Въ этомъ произвольномъ присвоеніи себѣ верховной власти въ странѣ—случайной группой восьми лицъ, никѣмъ не уполномоченной на то дѣло, за которое она взялась, въ той торопливости и въ той тайнѣ, съ которыми производилось составленіе пунктовъ—слѣдуетъ прежде всего искать причину неуспѣха дѣла верховниковъ. Дальнѣйшее ихъ поведеніе, какъ мы увидимъ, имѣло все основаніе возстановлять противъ себя всѣ общественныя группы того времени—и генералитетъ, и шляхетство, и духовенство.

Не подписавъ приведенныхъ нами пунктовъ „за повнотою“, верховники разъѣхались по домамъ „на малое время“.

Такъ кончилась ночь съ 18 на 19 января.

Къ 10-ти часамъ утра 19 января почти всѣ верховники съѣхались въ Кремль въ „Мастерскую Палату“, гдѣ имѣлъ обычныя засѣданія Верховный Совѣтъ. Не пріѣхали только князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, да Андрей Ивановичъ Остерманъ, посидѣвшіе въ „Лафертовъ“ дворецѣ къ останкамъ умершаго императора. Къ тому времени въ

(*) Госуд. Арх., отд. III, д. № 4, л. 13.

залахъ Кремлевскаго дворца были уже собраны „члены синода и знатные духовнаго чина, сенатъ, генералитетъ и прочіе военные и стацкіе чины и изъ коллегій не малое число до брегадира“. Старые вельможи, заслуженные сподвижники Петра Великаго—графъ Иванъ Алексѣевичъ Мушинъ-Пушкинъ, князь Иванъ Феодоровичъ Ромодановской и обиженный фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой—и тѣ явились на это собраніе.

„Весь собравшійся сенатъ и генералитетъ и прочіе стацкіе чины до брегадира“ были приглашены верховниками составить съ ними общее собраніе. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, отъ лица остальныхъ верховниковъ, объявилъ всему собранію, „какъ о кончинѣ Петра II, такъ и о порученіи (официальное выраженіе того времени), російскаго престола государынѣ царевнѣ и спрашивалъ, согласны-ли на то“? Всѣ отвѣчали утвердительно. Послѣ этого каждому сенатору, генералу и лицу изъ шляхетства было вручено по экземпляру особой записки (извлеченіе изъ журнала засѣданія въ ночь съ 18 на 19 января, приведенное нами выше). О „пунктахъ“ не было сказано ни слова (*).

Испанскій посолъ герцогъ де-Лирія такъ описываетъ это собраніе: „Собраніе открылъ рѣчью князь Дмитрій Голицынъ, какъ самый старшій; хотя при этомъ и находился великій канцлеръ, но онъ имѣлъ такое сильное воспаление въ горлѣ, что не могъ говорить. Князь Голицынъ сказалъ, что, такъ какъ Богъ наказалъ ихъ, взявши къ себѣ царя, и такъ какъ эта монархія не можетъ остаться безъ главы, которая бы управляла ею, то онъ думаетъ, что никто не можетъ быть скорѣе государемъ, какъ герцогиня курляндская (Анна Іоанновна) дочь царя Ивана, брата Петра I, и тетка покойнаго, принцесса,—которую,—такъ какъ она од-

(*) Чернов. журналы В. Т. С., Госуд. Арх. отд. III, д. № 5, л. 3—4: «При вышесказанномъ собраніи».—читаемъ мы въ этомъ журналѣ—изъ членовъ В. Т. С. дѣйствительной тайны совѣтника князь Д. М. Голицынъ, какъ о кончинѣ Его Императорскаго Величества, такъ и о порученіи Російскаго Престола государынѣ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ,—объявилъ всѣмъ и притомъ спрашиваны согласны (ль) тому, на что всѣ при томъ будущіе объявили, что согласны, а кто при томъ былъ, тому врученъ журналъ; особливая записка».

ной и той же крови съ древними государями и украшена всѣми необходимыми качествами,—онъ считаетъ^(*) наиболее достойною этого и что если они того же мнѣнія, пусть выразятъ это виватами, каковыя всѣмъ собраніемъ и повторились три, или четыре раза, вслѣдствіе того, что всѣ главные министры и генералы признали ее царицей и присягнули ей въ вѣрности^(*)“.

Послѣ этого всѣ приглашенные на собраніе удалились. Остались только господа министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, да князья—Михаилъ Михайловичъ-старшій Голицынъ, и Долгорукіе: Василій и Михаилъ Владиміровичи. Они пригласили къ себѣ членовъ синода и прочихъ архіереевъ. Высшимъ іерархамъ было также объявлено объ избраніи Анны Іоанновны, но согласія ихъ спрошено не было. Затѣмъ архіереевъ приказано было, чтобы въ ектеніяхъ имена умершаго императора и обрученной его цевѣсты (княжны Екатерины Долгорукой) выключить. Послѣ этого они были отпущены^(*).

Феофанъ Прокоповичъ говоритъ, что онъ отъ имени духовенства отвѣчалъ верховникамъ, что „не только онъ, но и вся братія его на то согласуютъ, но и желаютъ тотчасъ въ престольной церкви (въ Успенскомъ Соборѣ) при всенародномъ присутствіи торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемилостивѣйшему Богу за толикое полученіе отъ него дарованіе“.

(*) «Осмнадцатый вѣкъ», сборникъ Бартенева, кн. III, с. 27—28. Краткія упоминанія о томъ же см. въ депешахъ Лефорта (Сб. Русск. Истор. общ., V, 342—343) и Мардефельда (ib. XV, 404—409).— Лефортъ утверждаетъ, что, по окончаніи собранія въ Кремлѣ, объ избраніи Анны Іоанновны было объявлено войскамъ, а Мардефельдъ, что войска тогда же присягнули новой императрицѣ. Де-Ливра и Лефортъ относятъ это собраніе къ 5 ч. утра, Феофанъ Прокоповичъ—къ 10-ти.

(*) Чернов. журналы В. Т. С., Госуд. Арх., отд. III, д. № 5, л. 3—4. Приводимъ подлинный текстъ относящагося сюда мѣста изъ этого журнала: «Потомъ (послѣ объявленія князя Д. М. Голицына) прочіе всѣ выступили, а остаясь гг. министры В. Т. С-та, да генералъ-фельдмаршалы и д. т. сов. Кн. Мих. Влад. Долгорукой. И притомъ вступили члены Св. Синода и прочіе архіереи и о вышесписанномъ имъ объявлено; имъ-же приказано, чтобы въ ектеніи Императорское Величество и обрученную Его Невѣсту выключить».

Но, верховники на это не согласились, что всёхъ присутствующихъ очень удивило⁽¹⁰⁾.

Отпустивъ духовенство, верховники занялись обсужденіемъ подробностей избранія Анны Іоанновны. Эти обсуждения были прерваны на короткое время „допущеніемъ въ засѣданіе Совѣта малороссійскаго гетмана Данила Павловича Апостола съ знатною старшиною, а за нимъ царевича грузинскаго Бавара Вахтангеевича съ дѣтьми. Имъ также было объявлено о кончинѣ императора и о „порученіи россійскаго престола Аннѣ Іоанновнѣ“⁽¹¹⁾.

Прежде всего верховники занялись дополненіемъ составленныхъ ночью пунктовъ. Многія прибавки къ нимъ привезли князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Лукичъ Долгорукой и велѣли включить ихъ въ текстъ „пунктовъ“.

Прибавки эти были слѣдующія:

Во вступленіи къ „пунктамъ“ вставлено: „Также де по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого неопредѣлять“. Къ 4-му пункту прибавлено: „и гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“. 7-й пунктъ первой редакціи поставленъ 8-мъ, а 7-й пунктъ написанъ вновь: „При дворѣ своемъ придворныхъ чиновъ изъ иноземцевъ не держать“. За пунктами слѣдовала новая, небывшая прежде, приписка: „а буде что по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской“.

При вторичномъ пересмотрѣ этой дополненной редакціи, явились еще нѣкоторыя важныя измѣненія. Такъ вступленіе къ кондиціямъ было значительно дополнено. Начало этого вступленія написано совершенно вновь. Редакція 7-го пункта была изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту Верховнаго Тайнаго Совѣта не производить“. Кромѣ

⁽¹⁰⁾ Сказаніе Теоф. Прокоповича, с. 189—190.

⁽¹¹⁾ Госуд. Арх., Чернов. журналы В. Т. С., л. 4.

того есть нѣсколько мелкихъ, большею частью редакціонныхъ, измѣненій и въ другихъ пунктахъ (12).

Затѣмъ былъ составленъ манифестъ, или объявленіе отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о кончинѣ Петра II и объ избраніи Анны Іоанновны.

Пункты, названные въ окончательной редакціи „кондиціями“, предположено было отправить къ Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву съ тремя депутатами отъ Верховнаго Совѣта, сената и генералитета. Фельдмаршалъ Долгорукой предложилъ еще четвертаго депутата—отъ духовенства, но встрѣтилъ рѣзкое возраженіе со стороны князя Дмитрія Михайловича Голицына. — „Нѣтъ!“ говорилъ тотъ съ жаромъ, „духовенство не заслужило никакого уваженія. Оно опозорило себя согласіемъ на воцареніе Еккатерины (первой), не имѣвшей на то никакого права“.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ предложилъ назначить депутатами князя Василя Лукича Долгорукаго, какъ хорошо извѣстнаго Аннѣ Іоанновнѣ и своего меньшаго брата, князя Михаила Михайловича-младшаго Голицына, сенатора. Тогда канцлеръ Головинъ, съ своей стороны, предложилъ третьяго депутата, генерала Леонтьева, своего родственника (13).

Составлены были инструкціи депутатамъ и письмо отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которое они должны были передать Аннѣ Іоанновнѣ.

Къ сожалѣнію, эта инструкція не дошла до насъ, но соображаясь съ дѣйствіями депутатовъ въ Митавѣ и съ дальнѣйшими распоряженіями Верховнаго Тайнаго Совѣта, можно заключить, что, приблизительно, въ ней заключались слѣдующія наставленія: 1) Вручить Аннѣ Іоанновнѣ „кондиціи“ совершенно наединѣ, безъ присутствія постороннихъ. 2) Слѣдить строго за тѣмъ, чтобы ей не было сообщено какихъ либо вѣстей изъ Москвы помимо депутатовъ. 3) Объяснить ей, что „кондиціи“ заключаютъ въ себѣ волю и жела-

(12) Госуд. Арх., д. № 4, л. 14—16.—Подробности о черновыхъ редакціяхъ „пунктовъ“ въ отношеніи ихъ къ бѣлой редакціи „кондицій“ см. въ I-мъ Приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(13) Чернов. журн. В. Т. С., л. 4—Prince P. Dolgoroukow, Mémoires I, 348.

ніе всего русскаго народа (въ то время подъ народомъ разумѣлись высшіе полноправные классы общества). 4) Убѣдивъ ее принять „кондиціи“, потребовать отъ нея удостовѣренія въ ихъ исполненіи. 5) По подписаніи ею „кондицій“, прислать ихъ немедленно въ Москву съ однимъ изъ депутатовъ. 6) Стараться о томъ, чтобы она не брала съ собой въ Москву своего камеръюнкера Бирова и вообще никого изъ придворныхъ курляндцевъ. 7) Поторопить Анну Іоанновну прїѣздомъ въ Москву, до чего не будетъ объявлено въ народъ о кончинѣ Петра II и о ея избраніи. 8) О всѣхъ дѣйствіяхъ депутатовъ въ Митавѣ, о времени отъѣзда изъ Митавы, царевны Анны Іоанновны и о слѣдованіи ея отъ Митавы до Москвы съ каждой станціи доносить Верховному Тайному Совѣту, для чего князю Василию Лукичу Долгорукому выдать „цифирную азбуку“, т. е. условленный цифровой шифръ. 9) Анну Іоанновну отнюдь не допускать ѣхать одну, а сопровождать ее депутатами. 10) Озаботиться, чтобы, какъ о поѣздкѣ депутатовъ, такъ и о переговорахъ ихъ съ Анной Іоанновной, не могли дойти слухи до Петербурга и за границу⁽¹⁴⁾.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Премилостивѣйшая Государыня! Съ горькимъ соболѣзнованіемъ нашимъ Вашему Императорскому Величеству верховный тайный совѣтъ доноситъ, что сего настоящаго году, Января 18, пополудни въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего всемилостивѣйшаго Государя, Его Императорскаго Величества Петра II не стало, и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣтчіе люди того жъ времени заблагоразсудили россійскій престолъ вручить вашему Императорскому Величеству, а какаимъ образомъ Вашему Величеству правительство имѣть, тому сочинили кондиціи, которыя къ Вашему Величеству отправили изъ собра-

(14) Чернов. журн. В. Т. С., л. 4.—Инструкція эта вмѣстѣ съ цифровой азбукой упоминается въ современномъ черновомъ реестрѣ бумагъ, находившихся у князя В. А. Долгорукаго въ Митавѣ.—См. Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. 55—56. Мы возстановили эту инструкцію на основаніи: а) переписки кн. В. А. Долгорукаго съ В. Т. С. во время его посольства въ Митаву (См. о ней въ обзорѣ источниковъ, въ отдѣлѣ «Протоколы и журналы В. Т. С.») в) черновыхъ журналовъ и бѣловыхъ протоколовъ В. Т. С. за это же время и с) преданій о посольствѣ депутатовъ въ Митаву, находящихся у кн. П. В. Долгорукаго (Memoires, I, p. 315) и Малиновскаго («Управленіе Всерос. имперіи» ркн., л. 3).

вія своєго съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ князь Василиємъ Лукичемъ Долгорукимъ, да съ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ князь Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ и з генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ и всепокорно просимъ оныя собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды въ Москву ѣхать и російскій престоль и правительство воспріять⁽¹⁶⁾.

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, изъ которой требовался паспортъ для проѣзда депутатовъ, было написано на мѣренно весьма неопредѣленно и даже темно. Изъ коллегіи требовался паспортъ „отправленному отъ верховнаго тайнаго совѣта изъ членовъ, дѣйствительному тайному совѣтнику, князь Василию Лукичу Долгорукому съ прочими при немъ отправленными персонами для некоторыхъ дѣлъ въ княжество Курляндское, въ городъ Митаву“⁽¹⁶⁾.

Для скорого и безпрепятственнаго слѣдованія депутатовъ велѣно было поставить на всѣхъ ямскихъ станахъ отъ Москвы до Риги по тридцати подводъ; числа подводъ отъ Риги до Митавы означено не было, а опредѣлено выставить ихъ столько, сколько потребуетъ князь Василій Лукичъ Долгорукой. Какъ о выставѣ подводъ, такъ и вообще о „послушаніи во всемъ“ Василию Лукичу Долгорукому, посланы указы губернаторамъ новгородскому и рижскому.

Затѣмъ призванъ въ засѣданіе бригадиръ Полибинъ; завѣдывавшій почтами, и получилъ отъ Верховнаго Совѣта слѣдующій приказъ: 1) оцѣнить всю Москву заставами, поставивъ по всѣмъ трактамъ на разстояніи въ 30-ти верстахъ отъ города по унтеръ-офицеру съ нѣсколькими челоуѣками солдатъ, которые обяваны пропускать ѣдущихъ

⁽¹⁶⁾ Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. 4. — То же письмо находится въ этомъ дѣлѣ и въ копіи (л. 5.) и, кромѣ того, въ черновой редакціи, въ дѣлѣ № 4, л. 11—12. Письмо это напечатано у С. М. Соловьева, «Исторія Россіи». т. XIX, с. 246 — Подписи на письмѣ слѣдующія: «Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ (фельдмаршалъ), князь Василей Долгорукой (фельдмаршалъ), князь Дмитрій Голицынъ, Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Долгорукой».

⁽¹⁶⁾ Главн. Моск. Арх. М. И. Д. — Журналъ В. Т. С. 19 янв. 1730 г., связка 74, № 2, л. 1. — Манифестъ о кончаніи Петра II былъ обнародованъ только 9 февраля. Мы приводимъ его въ V-й главѣ нашего изслѣдованія.

изъ Москвы только съ паспортами, выданными отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; 2) изъ ямскаго приказа, завѣдывающаго почтами, никому не выдавать ни подвозъ, ни подорожныхъ и никуда не посылать эстафетъ; 3) вольнонаемнымъ извозчикамъ наниматься запретить; 4) провѣдывать не проѣхалъ ли кто, по какимъ подорожнымъ и куда, изъ Москвы 18 января, и буде кто проѣхалъ, то записывать по чьимъ подорожнымъ ⁽¹⁷⁾.

Въ этомъ же засѣданіи Верховный Тайный Совѣтъ избралъ въ свои члены „двухъ первыхъ генераль-фельдмаршаловъ“—князей Долгорукаго и Голицына, узаконивъ этимъ избраніемъ ихъ фактическое участіе въ двухъ засѣданіяхъ Совѣта 19 января ⁽¹⁸⁾.

Порѣшивъ всѣ эти дѣла, верховники разѣхались по домамъ, куда имъ доставлены были для подписи: кондиціи, письмо къ Аннѣ Иоанновнѣ и инструкція депутатамъ. Къ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому и Остерману, не присутствовавшимъ въ утреннемъ засѣданіи 19 января, возилъ эти акты на домъ для подписи, по приказанію остальныхъ верховниковъ, правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Василій Петровичъ Степановъ. Остерманъ подписалъ только письмо—остальныхъ документовъ не подписалъ. На это онъ имѣлъ свои причины, какъ увидимъ впоследствии, весьма основательныя. Онъ заболѣлъ именно 19 января и съ того времени не ѣздилъ въ засѣданія Верховнаго Совѣта. Враги вице-канцлера увѣряли, что болѣзнь была притворная, но было отъ чего въ самомъ дѣлѣ заболѣть человѣку дѣйствительно привязанному къ безвременно погибшему своему питомцу отроку-императору. Систематическій умъ ученаго вѣмца былъ совсѣмъ сбитъ съ толку. Остерманъ не могъ понять какъ можно было такъ легкомысленно и опрометчиво дѣйствовать въ столь важномъ дѣлѣ, какъ дѣйствовали русскіе вельможи 19 января 1730 г.

Въ 8 часовъ вечера 19 января были вручены князю Василю Лукичу Долгорукому кондиціи, письмо, инструкція

⁽¹⁷⁾ Госуд. Арх., Чернов. журн. В. Т. С., л. 4—5.

⁽¹⁸⁾ Ibid. л. 6.—«Оба фельдмаршала—Голицынъ и кн. Долгорукой—пишетъ прусскій посланникъ Мардефельдъ 2 февраля н. ст., «вошли по собственному авторитету членами В. Т. С. Первый сказалъ, что имъ полагается быть членами упомянутого совѣта, ибо никто изъ засѣдающихъ въ немъ не понимаетъ военнаго дѣла». (Сб. Русск. Ист. Общ., т. XV, с. 404).

и цифирная азбука. Поздно вечеромъ того же дня три депутата выѣхали изъ Москвы въ Митаву⁽¹⁹⁾.

Такъ закончился первый день по кончинѣ послѣдняго изъ мужской отрасли дома Романовыхъ.

Окончательная редакція „кондицій“, врученная князю Василию Лукичу Долгорукому, заключала въ себѣ дальнѣйшую, подробную переработку третьей, черновой, редакціи „пунктовъ“. Она начиналась слѣдующимъ вступленіемъ:

«Понеже, по волѣ всемогущаго Бога и по общему желанію русскаго народа, мы, по преставленіи всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго великаго Государя Петра втораго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, нашего любезнѣйшаго Государя племянника, императорскій все-россійскій престолъ воспріяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намѣрена и желаю, дабы оное въ началѣ къ прославленію Божескаго имени и къ благополучію всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло. — «Того ради», — продолжаетъ эта окончательная редакція, — «черезъ сіе наискрѣпчайше общаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православнаго нашего вѣры греческаго исповѣданія, такожде, по принятіи короны руссійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять. Еще общаемся, что понеже цѣлостъ и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ в восьми персонахъ всегда содержать и безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія»:

Затѣмъ слѣдуютъ пункты въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первоначальной, черновой, редакціи, съ слѣдующими измѣненіями:

- 1) Ни съ кѣмъ войны не вчинять.
- 2) Миру не заключать.
- 3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податми не отягощать.
- 4) Въ знатныя чины, какъ въ статцкіе, такъ и въ военные, сухопутныя и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.
- 5) У шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отымать

(19) Государ. Арх.—Чернов. журн. В. Т. С., л. 5.—Снос. выше примѣч. 14-е; см. Записку В. П. Степанова, с. 11.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, безъ совѣту Верховнаго Тайнаго Совѣта не производить.

8) Государственные доходы въ расходъ не употреблять—

И всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны роснской⁽²⁰⁾.

⁽²⁰⁾ Госуд. Арх., разд. III, л. № 6, л. 28.—Подробности объ окончательной редакціи «кондицій» см. въ приложеніи I-мъ къ настоящему изслѣдованію.

II.

ВЕРХОВНИКИ И ГЛАВНѢЙШІЕ ИХЪ ПРОТИВНИКИ ИЗЪ ГЕНЕРАЛИТЕТА И СИНОДА.

Политическое значеніе князей Долгорукихъ и Голицыныхъ и ихъ предки и старшіе родственники XVII в.—Князья Долгорукіе и Голицыны въ Верховномъ Совѣтѣ въ 1730 году.—Г. И. Головкинъ и А. И. Остерманъ.— П. И. Ягушинской, князь И. Ю. Трубецкой и графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ.— Князь М. М. Голицынъ-младшій и М. И. Леонтьевъ.—
Феофанъ Прокоповичъ, Феофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ.

Князья Долгорукіе и Голицыны, составлявшіе большинство „верховниковъ“, являются главными дѣятелями въ безгосударное время по смерти Петра II—не произвольно и не случайно. Ихъ происхожденіе, ихъ жизнь—воспитывали въ нихъ именно ту политическую роль, которую они разыграли 19 января. Ихъ политическія задачи складывались постепенно, изъ рода въ родъ, переходя по наслѣдію отъ предковъ, развиваясь подъ вліяніемъ различныхъ условій ихъ воспитанія и политической карьеры.

Обращаясь къ своимъ семейнымъ преданіямъ, князья Долгорукіе и Голицыны съ гордостью могли остановиться на нѣкоторыхъ изъ своихъ предковъ, сослужившихъ службу родной землѣ. Но помимо семейныхъ преданій, они по природѣ своей не могли отрѣшиться отъ „умоначертанія“ этихъ предковъ: они были „плоть отъ плоти, кость отъ кости“ Голицыныхъ и Долгорукихъ XVII в. Въ ихъ жилахъ текла кровь тѣхъ Долгорукихъ, которые защищали Московское царство въ лихолѣтье смутнаго времени, и которые сжигали мѣстническія книги, а затѣмъ составляли родословія бояръ; тѣхъ Голицыныхъ, которые презрительно и гордо смотрѣли на потомка татарина мурзы Чета, надѣвшаго

шапку Мономаха, которые изъ патриотизма отвергали скипетръ и корону и возбуждали завистливую ненависть въ Петръ Великомъ. Конечно, не всѣ они въ равной мѣрѣ унаслѣдовали качества и достоинства своихъ предковъ, но эти качества и свойства не безслѣдно прошли для нихъ, видоизмѣнившись сообразно ихъ субъективнымъ свойствамъ и условіямъ вѣка, въ который они жили и дѣйствовали. Кроме того, многіе изъ Долгорукихъ и Голицыныхъ 1730 года испытали на себѣ непосредственное вліяніе своихъ старшихъ родственниковъ: многіе изъ нихъ воспитаны ими, на многихъ дѣйствовалъ ихъ примѣръ и возбуждалъ подражаніе. Для того чтобы лучше познать стремленія Долгорукихъ и Голицыныхъ 1730 года, припомнимъ въ общихъ чертахъ жизнь, дѣятельность и характеръ нѣкоторыхъ изъ предковъ и родственниковъ ихъ XVII в., вѣка знаменательнаго въ исторіи русской политической организаци. Въ теченіе этого вѣка три поколѣнія князей Долгорукихъ и Голицыныхъ представляютъ изъ среды своей замѣчательныхъ, но различныхъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, политическихъ дѣятелей.

Въ началѣ и во все продолженіе XVII в. выдаются члены младшей линіи князей Долгорукихъ, предки князя Василія Владиміровича; старшая же линія,—предки кн. Василія Лукича и князя Алексѣя Григорьевича,—выступаютъ на историческую арену въ концѣ XVII в.

Начало XVII в., смутное время Московскаго государства—памятно въ семейныхъ преданіяхъ кн. Долгорукихъ подвигами двухъ ихъ предковъ. Князь Борисъ Григорьевичъ Долгорукой Роща въ 1608 г. мужественно защищалъ Троице-Сергіеву лавру отъ шаекъ „воровскихъ литовскихъ людей“ подъ предводительствомъ Лисовскаго и Сапѣги. Гораздо шире дѣятельность другаго Долгорукаго—князя Владиміра Тимоѣевича, члена боярской думы въ критическое время междуцарствія (1610—1613). Въ то время, какъ большинство бояръ, подъ давленіемъ гетмана Жолкевскаго, избрало въ цари польскаго королевича Владислава, князь Владиміръ Тимоѣевичъ, вмѣстѣ съ княземъ Васиіемъ Васильевичемъ Голицынымъ (о которомъ мы скажемъ ниже), былъ сторонникомъ избранія въ цари Михаила Романова. На единственной дочери Владиміра Тимоѣевича Долгорукаго, Маріи Владиміров-

нѣ, женится юный царь Михаилъ Романовъ, но съ небольшимъ черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы царица Марія умираетъ скоростижно отъ отравы. При царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и сынѣ его Θεодорѣ—особенно выдаются трое Долгорукихъ: князь Юрій Алексѣевичъ, его сынъ князь Михаилъ Юрьевичъ и племянникъ князь Владиміръ Дмитріевичъ. Юрій Алексѣевичъ, женатый на родственницѣ всеильнаго прицарѣ Алексѣѣ боярина Морозова, отличался суровымъ нравомъ и страшною жестокостію, съ рѣдкимъ соединеніемъ разнообразныхъ талантовъ: замѣчательнаго криминалиста-практика, техника-артиллера, администратора и полководца. Его кровавая расправа съ Разинцами сохранилась до нашихъ дней въ памяти народной на Волгѣ и на Дону. Сынъ его, Михаилъ Юрьевичъ, фаворитъ царя Θεодора Алексѣевича, занимавшій высокую должность начальника Разряда и женатый на дочери знаменитаго государственнаго челоѣка этого царствованія, кн. Василія Васильевича Голицына,—былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей при уничтоженіи мѣстничества. Отецъ и сынъ пали жертвами перваго стрѣлцаго мятежа. Извѣстенъ характерный афоризмъ стараго князя Юрія Алексѣевича, при видѣ трупы сына, привезеннаго къ нему стрѣльцами: „Щуку злодѣи съѣли, да зубы остались цѣлыми“. Двоюродный братъ князя Михаила Юрьевича Долгорукаго, князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукой, женатый на родственницѣ знаменитаго дѣятеля смутнаго времени Прокопія Ляпунова, былъ предсѣдателемъ комиссіи, разсматривавшей, по сожженіи мѣстническихъ книгъ, разрядныя записи и составившей изъ нихъ родословныя росписи бояръ, извѣстныя подъ именемъ „Бархатной книги“. Владиміръ Дмитріевичъ сошелъ въ могилу въ началѣ реформаторской дѣятельности Петра Великаго (1701 г.), относясь къ ней сочувственно.

Но болѣе видное мѣсто среди сподвижниковъ Петра занимаютъ представители старшей линіи князей Долгорукихъ, два сына окольничаго, князя Θεодора Θεодоровича Долгорукаго († 1664), князя Яковъ и Григорій Θεодоровичи. Князь Яковъ Θεодоровичъ, идеализированный въ семейныхъ преданіяхъ князей Долгорукихъ, былъ искреннимъ патріотомъ, челоѣкомъ прямого, твердаго и независимаго характера, неподкупной честности и консерватив-

наго образа мыслей. Онъ ѣздилъ посломъ во Францію и Испанію въ знаменательную годину англійской революціи 1688 г и начавшейся во Франціи реакціи противъ деспотизма Людовика XIV-го, а впослѣдствіи участвовалъ съ успѣхомъ въ азовскихъ походахъ Петра Великаго и въ началѣ борьбы его съ Карломъ XII. Взятый шведами въ плѣнъ при несчастномъ разгромѣ русскихъ войскъ подъ Нарвой, князь Яковъ Теодоровичъ находился въ плѣну у шведовъ почти одиннадцать лѣтъ, посвативъ эти года основательному изученію государственнаго устройства, законодательства и исторіи Швеціи. По возвращеніи изъ плѣна, (освободиться изъ котораго удалось ему бѣгствомъ), онъ былъ назначенъ сенаторомъ и въ этомъ званіи прославился необычайной честностью, правдивостью и законнымъ образомъ дѣйствій. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1720 году. Его меньшей братъ, князь Григорій Теодоровичъ, былъ восемнадцать лѣтъ посломъ въ Польшѣ, въ то самое время, когда Рѣчь Посполитая, силою историческихъ событій, отживала свою политическую самостоятельность (съ 1700 по 1712 и съ 1715 по 1720 гг.). Князь Григорій Теодоровичъ былъ не только свидѣтелемъ, но и участникомъ въ фактахъ историческаго разложенія шляхетской республики, представлявшей въ то время печальное зрѣлище: при политической распушенности магнатовъ и шляхты и при придавленности низшихъ классовъ, Польша была раздираема честолюбіемъ двухъ своихъ королей и двухъ сильныхъ сосѣдей—Карла XII и Петра Великаго ⁽¹⁾.

Таковы были самые видные представители двухъ линій князей Долгорукихъ въ XVII в. Обѣ эти линіи заявляютъ себя разновременно въ исторіи и обѣ носятъ различный характеръ. Младшая линія чужда ивоземныхъ вліяній, ея чле-

⁽¹⁾ О. кн. Долгорукихъ XVII и XVIII в. см. въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 44—87; у А. Kleinschmidt'a: «Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels.» Cassel 1877., s. 47—58. Книга Клейншмидта представляетъ весьма толково составленный сводъ свѣдѣній о замѣчательныхъ русскихъ фамиліяхъ, какъ существующихъ въ настоящее время, такъ и угасшихъ. Источники Клейншмидта общезвѣстны, вслѣдствіе чего въ книгѣ его нельзя искать новыхъ фактовъ, но освѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ весь-

ны являются хранителями традицій стариннаго московскаго боярства: участіе въ избраніи царя волей земли и въ „нарядѣ“ земскомъ—становится семейнымъ преданіемъ этой линіи. Брачныя союзы сближаютъ ея членовъ съ Романовыми, князьями Голицыными и съ героемъ земскимъ русскаго безгосударнаго времени Прокопіемъ Ляпуновымъ. Иной характеръ носитъ на себѣ старшая линія. Представители ея отличаются на поприщѣ дипломатическомъ и по долгу живутъ въ чужихъ странахъ: одинъ во Франціи и Швеціи, другой въ Польшѣ—и оба близко знакомятся съ тамошними политическими порядками.

Переходимъ къ князьямъ Голицынымъ.

XVII в. выдвигаетъ на первый планъ двухъ Васильевъ Васильевичей. Одинъ изъ нихъ былъ выдающимся дѣятелемъ смутнаго времени, другой знаменитымъ государственнымъ челоѣкомъ въ правленіе царя Θεодора Алексѣевича и царевны Софьи.

Василій Васильевичъ Голицынъ-старшій, заклятый врагъ Бориса Годунова, былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ перваго Лжедмитрія, руководилъ убійствомъ сына и дочери Годунова и предалъ поруганію патріарха Іова, креатуру и клевету Бориса. Въ междуцарствіе князь Василій Васильевичъ явилъ собою великій примѣръ патріотическаго самоотверженія. Предложенный патріархомъ Гермогеномъ въ цари, онъ отказался отъ своей кандидатуры въ пользу Михаила Романова, ради спокойствія земскаго, и вызвался самъ ѣхать однимъ изъ пословъ къ Сигизмунду III. Шесть лѣтъ протомился онъ въ плѣну у поляковъ и умеръ на чужбинѣ, не оставивъ потомства. Князь Василій Васильевичъ являлся сторонникомъ не исключительно только боярскихъ стремленій: онъ былъ любимъ духовенствомъ, низшими служилыми людьми и простымъ

ма оригинально, если не ново, и должно быть принято во вниманіе; главное же достоинство книги Клейншмидта заключается въ ея систематичности; по этому она очень пригодна и удобна для справокъ.—Въ своихъ «Memoires», кн. II. В. Долгорукой повторяетъ въ сокращеніи свѣдѣнія, сообщаемыя имъ въ «Сказаніяхъ» о своемъ родѣ.

народомъ, всегда будучи за одно съ самыми популярными дѣятелями: патриархомъ Гермогеномъ, Филаретомъ Романовымъ и Прокопиемъ Ляпуновымъ^(*). Его племянникъ въ пятомъ колѣнѣ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, челоуѣкъ очень рѣдкихъ умственныхъ способностей и замѣчательнаго для своего времени образованія—заслужилъ отъ иностранцевъ-современниковъ наименованіе „в е л и к а г о“, а отъ теперешнихъ европейцевъ удивленіе. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ реформаторъ съ широкими замыслами, которые смѣлостью своею опережаютъ возрѣвнія его современниковъ на нѣсколько столѣтій. Ему удалось привести въ исполненіе только одну, сравнительно незначительную, реформу — уничтоженіе мѣстничества. Голицынъ мечталъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, о равномерной раскладкѣ податей, о расширеніи русской торговли, о завладѣніи Азовомъ и Крымомъ; онъ призывалъ ученыхъ изъ Греціи и Польши, а служилыхъ иноземцевъ изъ Германіи, и стремился образовать русскихъ служилыхъ людей, заботясь о посылкѣ ихъ за границу; онъ хлопоталъ объ устройствѣ библиотекъ и проповѣдывалъ принципъ свободы совѣсти и религіозныхъ вѣрованій. Князь Василій Васильевичъ въ дѣлѣ сближенія Московскаго государства съ Западомъ былъ не только предтечей, но и соперникомъ Петра Великаго. Быть можетъ, въ этомъ именно и слѣдуетъ искать причину ненависти Петра къ Голицыну, выразившейся въ опалѣ и въ двадцатичетырехъ-лѣтней ссылкѣ послѣдняго⁽²⁾. Двоюродные братья князя Василія Васильевича, князья Борисъ и Петръ Алексѣевичи Голицыны, были близкими людьми къ Петру Великому. Борисъ былъ воспитателемъ Петра, но по интригамъ Нарышкиныхъ, сосланъ въ почетную ссылку: онъ назначенъ судьбою Приказа Казанскаго Дворца и тридцать лѣтъ управлялъ обширными землями быв-

(*) Бантышъ-Каменскій. Словарь достоп. людей, 1836 г., т. II, с. 52—58.

(2) Терещенко. Оп. жизнеоп. сановниковъ, управл. иностр. дѣлами въ Россіи, т. I.—Погодинъ «Воспоминаніе о кн. В. В. Голицынѣ» въ сборникѣ «Складчина», Спб. 1874 г., с. 143—158. Погодинъ основывается въ своей статьѣ главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ де-ла-Нёвилля, въ его книгѣ: «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie». Paris 1698.

нихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Къ сожалѣнiю, мы слишкомъ мало знакомы съ личностью кн. Бориса Голицына, чтобы прослѣдить его влiянiе на послѣдующiя идеи преобразователя Россiи, но что оно было—это несомнѣнно. Князь Борисъ умеръ во Флорищевой пустынѣ, постригшись подъ именемъ Боголѣпа (*).

Познакомившись съ тѣми изъ князей Долгорукихъ и Голицыныхъ XVII в., которые наиболѣе выказали себя на „полѣ ратномъ“ и въ „совѣтѣ земскомъ“, перейдемъ къ ихъ потомкамъ XVIII в.

Представитель старшей линiи князей Долгорукихъ, князь В а с и л i й Л у к и ч ъ былъ человекъ весьма умный и очень образованный. По словамъ испанскаго посла де-Лирiа, онъ прекрасно говорилъ на многихъ иностранныхъ языкахъ, а голштинскiй посланникъ Бассевичъ считаетъ его человекомъ „le plus poli et le plus aimable des Russes de son temps“. Продолжительное пребыванiе во Францiи, въ Польшѣ, въ Данiи и Швеции представляло Василю Лукичу обширное поле для наблюдений и давало большой материалъ для размышленiй; его практическiй умъ не былъ затронутъ тѣмъ просвѣтительнымъ движенiемъ во Францiи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, но близкое знакомство съ тогдашними государственными порядками Францiи, Польши, Данiи и Швеции—оставило глубокiй слѣдъ въ его политическихъ возрѣнiяхъ, выяснивъ ему политическое значенiе аристократiи. Свою фамилiю считалъ онъ самою аристократическою въ Россiи и связывалъ съ ея преобладанiемъ мысль о благоденствiи страны. Опытный и искусный дипломатъ, онъ никогда не шелъ къ своей цѣли прямою дорогою и не затруднялся въ выборѣ средствъ для ея достиженiя. Въ его нравственныхъ возрѣнiяхъ вообще много иезуетизма, въ образѣ дѣйствiй—коварства и лукавства.

Служебная карьера князя Василя Лукича Долгорукаго началась во Францiи при пресловутомъ въ то время дворѣ Людовика XIV-го. Сынъ стольника и Кiевскаго воеводы, князя Луки Θεодоровича, Василий Лукичъ отправился во

(*) Бантышъ-Каменскiй. Словарь. 1836., II, 50—53.

Францію въ 1687 г. молодымъ человѣкомъ, въ свитѣ своего дяди, князя Якова Теодоровича Долгорукаго. Тринадцать лѣтъ пробылъ онъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ общественнаго и литературнаго движенія знаменательнаго въ исторіи цивилизаціи новой Европы. Среди расфранченнаго придворнаго общества Версаля, сластолюбивыхъ и деспотическихъ вакханалій стараго короля и льстивой придворной литературы—уже нарождались зачатки будущаго политическаго, общественнаго и умственнаго перерожденія Франціи, а за ней и всей Европы. Англійская революція 1688 года, происшедшая на другой годъ по приѣздѣ Василя Лукича во Францію, была первымъ толчкомъ для того просвѣтительнаго движенія, которое выразилось въ злой и беспощадной критикѣ Вольтера и въ отрицательной философіи энциклопедистовъ. Но князя Василя Лукича не охватилъ этотъ вихрь просвѣтительнаго движенія. Во Франціи онъ сдружился съ іезуитами, и аббатъ Жюбе нашелъ въ немъ впоследствии дѣятельнаго адепта для своей католической пропаганды въ Россіи.

XVIII столѣтіе застаётъ Василя Лукича въ Польшѣ. Съ 1700 по 1706 годъ состоитъ онъ тамъ при русскомъ послѣ, другомъ своемъ дядѣ, князѣ Григоріи Теодоровичѣ Долгорукомъ, а въ 1706 и 1707 г. замѣняетъ его. Съ 1707 по 1720 г. Василій Лукичъ пребываетъ посломъ нашимъ въ Даніи. Дипломатическая миссія его была трудна. Ему нужно было, прежде всего, разорвать союзъ датскаго короля Фридриха IV-го съ Карломъ XII, а затѣмъ укрѣпить союзъ и дружбу Россіи съ Даніей. Онъ достигъ этой цѣли лишь въ концѣ 1709 года, послѣ Полтавской побѣды: 28 октября 1709 года датскій король объявилъ войну Швеціи. Въ 1711, 1712 и 1714 гг. стараніями Василя Лукича заключены новые союзные договоры Россіи съ Даніей. Въ концѣ 1720 года, Василій Лукичъ былъ отозванъ изъ Копенгагена и отправленъ посломъ во Францію, къ регенту Филиппу Орлеанскому, хлопотать о посредничествѣ при примиреніи со Швеціей и о признаніи Петра Великаго императоромъ. Первое порученіе Василя Лукича увѣнчалось успѣхомъ, второе не удалось. Французскій посланникъ въ Швеціи Кампредонъ получилъ приказаніе открыть „негоціацію“, согласную съ желаніемъ Петра Великаго; на признаніе же императорскаго титула за Петромъ Великимъ тогдашній премь-

ерь Франціи, кардиналъ Дюбуа, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Регентъ обошелся съ Василиемъ Лукичемъ очень любезно; Парижъ встрѣтилъ радушно своего стараго знакомаго. Въ 1724 году Василій Лукичъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву съ порученіемъ защищать на сеймѣ интересы православныхъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ и, подобно тому, какъ во Франціи, домогаться признанія за Петромъ императорскаго титула. Кроме этихъ официальныхъ порученій, Василій Лукичъ имѣлъ неофициальное—отъ князя Меншикова: стараться объ избраніи его въ герцоги курляндскіе. Съ этихъ поръ Василій Лукичъ становится усерднымъ „конфидентомъ“ Ижорскаго князя. По смерти Петра Великаго, лѣтомъ 1725 года, онъ снова ѣдетъ въ Варшаву хлопотать за Меншикова, но безуспѣшно: въ слѣдующемъ году курляндскимъ герцогомъ былъ избранъ Морицъ Саксонскій. Однако пребываніе Василія Лукича въ Митавѣ, по поводу курляндскихъ дѣлъ не осталось безслѣднымъ: оно имѣло важное значеніе не только въ послѣдующей судьбѣ Василія Лукича, но и въ исторіи Россіи. Онъ пріобрѣлъ расположеніе вдовствующей курляндской герцогини Анны Іоанновны и явился опаснымъ соперникомъ ея камеръ-юнкера Бирона, только что начинавшаго входить въ силу. Тонкій и опытный дипломатъ, писавшій множество договоровъ и имѣвшій „негоціаціи“ со многими дворами, не понялъ курляндской герцогини Анны Іоанновны, обездоленной судьбой и находившейся въ то время, какъ выражались въ XVIII в., въ „мизерномъ“ положеніи. По своимъ митавскимъ впечатлѣніямъ 1726 года, Василій Лукичъ оцѣнилъ Анну Іоанновну въ 1730 году, взявши ея сторону при вопросѣ, кому быть государемъ по смерти Петра II-го?—и горько ошибся въ своихъ расчетахъ!

Осенью 1726 года Василій Лукичъ отправился въ Стокгольмъ съ важнымъ порученіемъ противодѣйствовать сближенію Швеціи съ Англіей и присоединенію первой къ ганноверскому союзу. Эта миссія ему однако не удалась—Швеція приступила къ союзу. Василій Лукичъ имѣлъ все основаніе спѣшить въ Петербургъ, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ вызванъ своими родичами, князьями Долгорукими: Алексѣемъ Григорьевичемъ и братомъ его, Сергѣемъ. По воцареніи отрока-императора Петра II-го, князья Долгорукіе, Григорьевичи, измышляли выгоды для нихъ

„конъюнктуры“ и имъ нуженъ былъ опытный дипломатъ-родственникъ. Василій Лукичъ быстро превращается изъ „конфидента“ Меншикова въ его врага и ловко устраиваетъ сѣть, въ которую улавливается будущій тесть императора. Меншиковъ очутился въ Березовѣ, а на мѣстѣ его дочери, невѣсты императора, явилась двоюродная племянница Васи-лія Лукича, княжна Екатерина Алексѣевна (*).

Въ кратковременное правленіе отрока-императора Ва-силій Лукичъ становится членомъ верховнаго тайнаго совѣта и всецѣло предается своимъ фамильнымъ „конъюнктурамъ“. Болѣе всего озабочиваетъ его существенный для Долгору-кихъ замыселъ—укрѣпить наслѣдіе російскаго престола за государыней-невѣстой. Во время опасной болѣзни Петра II, въ январѣ 1730 года, у князя Алексѣя Григорьевича Долго-рукаго созрѣла мысль о составленіи подложной духовной отъ имени императора въ пользу своей дочери государыни-невѣсты. Князь Алексѣй Долгорукой обратился въ такомъ важномъ дѣлѣ за содѣйствіемъ къ Василю Лукичу, и онъ явился самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ составленіи подложной духовной. Въ этомъ замыслѣ, князей Долгорукихъ поддерживалъ датскій посланникъ Вестфаленъ. Данія, ведя вѣковую борьбу за Шлезвигъ съ голштинскими герцога-ми, была очень озабочена предстоящимъ вопросомъ о русскомъ престолонаслѣдіи. Весьма естественно опасаясь усиленія голштинской династіи, въ ущербъ своимъ интере-самъ, въ случаѣ воцаренія въ Россіи, послѣ смерти Петра II, голштинскаго принца Петра-Ульриха, или родной его тет-ки Елизаветы Петровны,—Данія употребляла всѣ мѣры для отстраненія ихъ отъ престолонаслѣдія. Съ этой цѣлью, дат-скій посланникъ Вестфаленъ усердно содѣйствовалъ при-тязаніямъ Долгорукихъ, вліяя преимущественно на князя Василя Лукича, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Копен-гагенѣ.

(*) О князѣ В. Л. Долгорукомъ см. Бантыша-Каменскаго, Сло-варь, изд. 1836, т. II, 257—272; «Сказанія о родѣ князей Долгоруко-выхъ», с. 103—106.—«Eclaircissements» Бассевича, голштинскаго ми-нистра, «Magazin für die neuere Geschichte und Geographie», Büsching'a Bd. IX.—De-Luria, «Характеристики» ржи., с. 145.—Руковисъ Мали-новскаго, «Управленіе Всеросс. имперіи во время бывшаго В. Т. С.»—(Дѣятельность Долгорукаго за 1726—1729 гг.)—Дипломатическая дѣя-

„Слухъ носится“,—писаль ему Вестфаленъ—„что его величество весьма боленъ, и ежели наслѣдство российской имперіи будетъ цесаревнѣ Елизаветѣ или голштинскому принцу, то датскому королевскому двору съ Россією дружбы имѣть не можно, а понеже его величества обрученная невѣста фамилии вашей, то и можно удержать престолъ за ней, такъ какъ послѣ кончины Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно — Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу удержали, что и по вашей знатной фамилии учинить можно и что вы больше силы и славы имѣете“^(*). Въ ночномъ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19 января, какъ мы видѣли, замысль этотъ потерпѣлъ неудачу. Князь Василій Лукичъ, будучи опытнымъ дипломатомъ, даже не намекнулъ на него, а первый поддержалъ князя Д. М. Голицына, высказавшись въ пользу курляндской герцогини Анны Иоанновны.

Старшій сынъ князя Григорія Феодоровича Долгорукаго, князь Александръ Григорьевичъ, былъ человекъ ограниченный и тщеславный и не отличался не только гражданскими доблестями, но даже хоть сколько нибудь серьезными политическими соображеніями. Молодость его прошла въ Варшавѣ, гдѣ жилъ онъ при своемъ отцѣ, но изъ общественныхъ нравовъ столицы Рѣчи Посполитой, онъ усвоилъ

тельность Д-го подробно изложена С. М. Соловьевымъ на основаніи дѣлъ Главн. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, въ его «Исторіи Россіи»: дѣятельность въ Даніи, т. XV, с. 352—353; XVII, с. 3—8, 53, 81—90; 310—314; во Франціи, т. XVII, 331—346; въ Польшѣ, т. XVIII, 88—92; въ Швеціи, т. XIX, с. 63—72.—О дѣятельности князя В. Л. Долгорукаго въ Курляндіи 1726—1727 гг. см. статью Шебальскаго: «Кн. Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій», Русск. Вѣсти. 1860 г., т. XXV, с. 5—68.

(*) Госуд. Арх., разд. VI, дѣло № 181, ч. II.—Экстрактъ, что по слѣдствію о Долгорукихъ явилось, 1739 г.—Письмо Вестфалена напечатано Арсеньевымъ, въ «Исторіи царств. Петра II», стр. 149—150. Письмо это приводитъ Вестфаленъ въ своихъ депешахъ. См. III-е Приложеніе къ настоящему изслѣдованію, депешу № 1.—Объ участіи князя В. Л. Долгорукаго въ составленіи подложной духовной находятся подробныя свѣдѣнія въ выше приведенномъ дѣлѣ Государственнаго Архива. Извлеченія изъ этого дѣла напечатаны въ «Памятникахъ Нов. Рус. Ист. Кашпирева, т. I, отд. II, стр. 174—193.

лишь напыщенность и своекорыстіе польскихъ магнатовъ. Возвысился онъ при Петрѣ II-мъ, не при помощи собственныхъ дарованій, а благодаря своей дочери княжнѣ Евтеривѣ и своему сыну, князю Ивану Алексѣевичу, любимцу Петра II. Политическіе замыслы князя Алексѣя ограничивались прославленіемъ собственной своей персоны и своей семьи, при помощи брачнаго союза его дочери съ императоромъ. Дальше этихъ узкихъ и эгоистическихъ плановъ онъ не шелъ. Его не волновали патриотическія мечтанія, и въ своихъ семейныхъ преданіяхъ онъ останавливался съ сочувствіемъ лишь на бракѣ царя Михаила Романова съ княжной Марьей Владиміровной Долгорукой. Своимъ возвышеніемъ онъ прежде всего воспользовался для личнаго обогащенія, не разбирая при этомъ средствъ. Онъ грабилъ и государственную казну, и частное достояніе своего нареченнаго зятя—императора, и имущество частныхъ лицъ; такъ, напр., будучи душеприкащикомъ графа Θεодора Матвѣевича Апраксина, онъ похитилъ изъ его имущества многія охотничьи принадлежности и разную мебель для дома въ своей подмосковной, селѣ Горенкахъ, куда любилъ прѣзжать Петръ II. Когда юный императоръ былъ безнадежно боленъ, онъ не задумался надъ средствомъ для спасенія своего интереса и рѣшился на весьма безчестное дѣло, явившись инициаторомъ въ составленіи подложной духовной Петра II (*).

Представитель младшей линіи князей Долгорукихъ въ 1730 году—фельдмаршалъ князь Василий Владиміровичъ Долгорукой (род. 1667 г.),—консерваторъ и легитимистъ по убѣжденіямъ политическимъ, человѣкъ старо-русскій и православный по воззрѣніямъ, является на ряду съ кн. Голицыными, однимъ изъ лучшихъ представителей московскаго боярства XVII в. Чуждый лукавства и криводушія, не входившій ни въ какіе компромиссы и „конъюнктуры“, непрічастный олигархическимъ замысламъ своихъ родичей князей Долгорукихъ, (Василія Лукича и Алексѣя Григорьевича), онъ дѣйствовалъ всегда на чистоту и по-

(*) «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», стр. 87.—Госуд. Арх., разд. VI, д. № 164, «Дѣло о ссылкѣ князей Долгорукихъ и описи ихъ пожитковъ», (1730—1741 гг.) л. 375 и слѣд.

стоянно, не взирая ни на какія обстоятельства, прямо говорилъ правду. Онъ былъ честенъ и храбръ, и дѣло у него никогда не расходилось со словомъ. Испанскій посоль де-Лиріа, рѣзкій въ своихъ отзывахъ и скупой на похвалу,—даетъ слѣдующую характеристику князя Василя Владиміровича: „Фельдмаршалъ князь Долгорукой“, говоритъ онъ, „былъ человѣкъ съ умомъ и значеніемъ, честный и достаточно свѣдущій въ военномъ искусствѣ. Онъ не умѣлъ притворяться, и его недостатокъ заключался въ излишней откровенности и искренности. Онъ былъ отваженъ и очень тщеславенъ,—другъ ревностный, врагъ непримиримый. Онъ не былъ открытымъ противникомъ иностранцевъ, хотя не очень ихъ жаловалъ. Вель онъ себя всегда благородно, и я могу сказать, по всей справедливости, что это былъ русскій вельможа, болѣе всѣхъ приносившій чести своей родинѣ“ (*).

Молодость князя Василя Владиміровича прошла въ Малороссіи, гдѣ отецъ его, кн. Владиміръ Дмитріевичъ, былъ городовымъ воеводою (съ 1682 по 1689). Тетка его, Дарья Дмитріевна, была замужемъ за гетманомъ Иваномъ Мартыновичемъ Бруховецкимъ, самъ же Василій Владиміровичъ служилъ одно время въ корпусѣ Мазепы, а затѣмъ состоялъ при Скоропадскомъ. Находясь, такимъ образомъ, по родственнымъ и служебнымъ отношеніямъ своего отца и своимъ собственнымъ, въ близкой связи съ малороссійской старшиной, князь Василій Владиміровичъ имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ особенностями „гетманщины“ и съ своеобразнымъ общественнымъ укладомъ „казаковъ-лицарей“. На ряду съ впечатлѣніями украинскаго самоуправления, онъ находился подъ вліяніемъ московскихъ боярскихъ традицій и преданій о подвигахъ земли русской въ смутную годину междоцарствія. Князь Василій Владиміровичъ отличался храбростью во время шведской войны и прутскаго похода, за что высоко цѣнилъ его Петръ Великій, еще болѣе уважавшій въ немъ честность и прямоту. Петръ Великій избралъ князя Василя въ предсѣдателя комиссіи для разсмотрѣнія злоупотребленій кн. Меншикова, и

(*). «Характеристика де-Лиріа, ркп., стр. 147.

князь Ижорскій былъ жестоко, но справедливо обвиненъ Долгорукимъ. Наступилъ 1718 годъ, ознаменованный въ русскихъ лѣтописяхъ небывалымъ дѣломъ — розыскомъ наследника престола, царевича Алексѣя Петровича. Въ числѣ близкихъ къ царевичу людей оказался и князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, охулявшій Петра Великаго за излишество и жесткость его реформъ. На него падало сильное подозрѣніе въ пособничество царевичу къ побѣгу за границу. Долгорукой былъ лишенъ чиновъ и имѣній и сосланъ въ Соль-Камскую (Соликамскъ). Участъ его была улучшена лишь въ 1724 году, въ день коронаванія Екатерины I-й: онъ былъ принятъ на службу полковникомъ. Екатерина, въ первый же годъ своего царствованія, возвратила Василію Владиміровичу прежніе чины и оставшюся отъ раздачи другимъ лицамъ часть его родовыхъ имѣній, а въ 1726 году произвела его въ генераль-аншефы и возвратила ему Андреевскій орденъ. Такого возвышенія Долгорукаго не могъ равнодушно перенести Меншиковъ, и князь Василій Владиміровичъ былъ удаленъ на Кавказъ главнокомандующимъ Низовымъ корпусомъ, расположеннымъ во вновь-завоеванныхъ персидскихъ областяхъ (*).

Положеніе дѣлъ въ Персіи въ то время было очень запутанное и натянутое. Шахъ Тахмасибъ потерялъ большую часть своихъ владѣній. Сѣверныя провинціи были во власти Россіи, западныя — заняты турками, а въ столицѣ Персіи, Испагани, и прилегавшихъ къ ней провинціяхъ господствовалъ афганскій ханъ Эшрефъ, убившій въ 1725 году брата своего Мирвейса, соперника шаха Тахмасиба. Горскіе владѣтели, подвластные Персіи, недавніе союзники Россіи, дѣлали нападенія на наши кавказскія укрѣпленія. Положеніе русскихъ войскъ, несмотря на замѣчательную распорядительность генераловъ — Левашева и Румянцева, было невыносимо. Дороговизна, при недостаточномъ жалованіи, которое, кромѣ того, неаккуратно высылалось изъ Петербурга, дурной климатъ, при неудовлетворительномъ гигиеническомъ

(*) О кн. Вас. Влад. Долгорукомъ см. «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», стр. 89—99, и Бантыша-Каменскаго: «Дѣянія полководцевъ и министровъ», 2-е изд., стр. 43—59; и «Слов. дост. людей», 1836, II, стр. 247—257.

состояніи войскъ—все это дѣйствовало гибельно на русскій войска: офицеры почти обнищали, солдаты умирали массами. Въ 1724 году, Петръ Великій заключилъ съ Портой договоръ, по которому Тахмасибъ признавался шахомъ только подъ условіемъ присоединенія къ Турціи западныхъ персидскихъ провинцій, а въ 1726 году, Верховный Тайный Совѣтъ, въ виду усилій турокъ въ Персіи, рѣшился привлечь на свою сторону Тахмасиба уступкой ему всѣхъ завоеваній Петра Великаго. Мотивомъ для такого рѣшенія были значительные расходы на управленіе новыхъ провинцій и содержаніе въ нихъ войскъ, а также дурной ихъ климатъ, гибельный для русскихъ.

Иначе взглянулъ на дѣло князь Василій Владиміровичъ Долгорукой. Семидесятилѣтній старикъ объѣхалъ всѣ завоеванныя русскими провинціи, и результатомъ этого тяжелого для него объѣзда было убѣжденіе въ томъ, что не только не слѣдуетъ отдавать персіанамъ завоеванныхъ провинцій, но даже нужно укрѣпить русское владычество на южномъ берегу Каспійскаго моря. Онъ привелъ въ подданство Россіи девять провинцій, лежащихъ на югъ отъ Каспійскаго моря, упрочилъ русскую власть въ прежде завоеванныхъ областяхъ, основавъ новыя крѣпости, и улучшилъ состояніе войскъ. „Пріѣздъ мой великую пользу учинилъ“,—доносилъ князь Долгорукой Екатеринѣ,—„какъ въ послушаніе и надежду весь народъ пришли, равнымъ образомъ непріятель въ великое сumpѣвіе, понеже какъ турки, такъ и при дворѣ Тахмасибовомъ, и всѣ недоброжелательные персіане имѣли надежду о слабости нашей, будто мы только можемъ держаться по гварнизонамъ и за безсиліемъ больше не можемъ никакихъ дѣйствъ въ Персіи показывать“. По воцареніи Петра II, князь Василій Владиміровичъ былъ немедленно вызванъ въ Москву и возведенъ въ фельдмаршала^(1°).

Братъ его, князь Михаилъ Владиміровичъ, не походилъ на него ни умомъ, ни характеромъ. Это былъ человекъ болѣе чѣмъ дюжинный, но безкорыстный и вполне честный. Съ 1711 г. по 1718 г. мы видимъ князя

(1°) Донесенія Долгорукаго изъ Персіи хранятся въ Гл. Арх. Мил. И. Д. въ Москвѣ. Выдержки изъ нихъ приведены въ «Ист. Россіи» С. М. Соловьева, т. XVIII, с. 9—18.

Михаила Владиміровича Долгорукаго сенаторомъ, а затѣмъ въ 1718 году, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ былъ замѣшанъ въ дѣло царевича Алексѣя и сосланъ въ деревню. Съ 1721 по 1728 годъ князь Михаилъ Владиміровичъ управлялъ Сибирскою губерніею, послѣ князя Гагарина, возмущившаго Петра Великаго своими безчестными поступками. Вызванный въ сентябрѣ 1728 года въ Москву, князь Михаилъ Долгорукой былъ пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ ⁽¹¹⁾.

Самымъ даровитымъ, самымъ энергическимъ и самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ изъ „верховниковъ“, безъ сомнѣнія, долженъ быть почтенъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Это крупная личность. Онъ представляетъ собою счастливое сочетаніе стариннаго московскаго боярства съ европеизмомъ, являясь выразителемъ лучшихъ сторонъ этого боярства; на немъ, какъ на модели, можемъ мы изучить, какіе плоды принесло бы намъ общеніе съ Западомъ, еслибы это общеніе шло у насъ постепенно и послѣдовательно, а не было бы такъ вдруго и рѣзко привито къ намъ, какъ то сдѣлалъ Петръ Великій, и, тѣмъ болѣе, не было бы такъ узко и односторонне понято, какъ понималось оно нашими правителями и людьми власть имѣющими во всѣ царствованія преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ—двулицый Янусъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ нашей цивилизаціи — московской и европейской. Однимъ лицомъ своимъ онъ вдумчиво смотритъ въ былое Руси, другимъ—самопадѣянно привѣтствуетъ ея грядущее. Принадлежа къ поколѣнію старшему, чѣмъ поколѣвіе А. П. Волынскаго, Голицынъ былъ застигнутъ реформою Петра въ зрѣлые годы жизни, когда вполне опредѣляются характеръ и мировоззрѣніе человѣка. Поэтому, мы не видимъ въ немъ ни двойственности, ни разрыва между мыслью и практикою, ни противорѣчій между словомъ и дѣломъ, въ той степени, въ какой эти качества отличаютъ поколѣвіе Волынскаго. Князь Д. М. Голицынъ былъ человѣкъ сильнаго характера, но и онъ не представлялъ натуры вполне цѣльной, свободной отъ противорѣчій. Время,

⁽¹¹⁾ См. «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 99.

въ которое онъ жилъ, время крутого перелома русской жизни и мысли, не могло не оставить слѣда и на этой сильной личности. Стойко и смѣло проводя свои общественныя воззрѣнія, Голицынъ не разъ долженъ былъ уступать „злобѣ дня“, не разъ входилъ онъ въ компромиссы, не разъ ставилъ частные свои интересы выше интересовъ общественныхъ. Онъ былъ чрезмѣрно гордъ и надмененъ, обожалъ власть болѣе всего на свѣтѣ и не переносилъ противорѣчія; этими чертами своего нрава онъ приближался къ праву двухъ Московскихъ государей—Ивана III-го и его внука и соименника—грознаго царя. Князь Голицынъ обладалъ обширнымъ умомъ и большимъ образованіемъ, но умъ его, отличаясь сухостью и излишнею теоретичностью, не былъ согрѣтъ теплотою чувства; поэтому отрицательное отношеніе Голицына къ окружавшей его дѣйствительности отзывался дидактизмомъ и ригоризмомъ. Онъ, какъ и большинство московскихъ бояръ, не любилъ нѣмцевъ, но очень хорошо сознавалъ неизбѣжную необходимость для Россіи въ европейской цивилизаціи. Знакомый съ нѣсколькими европейскими языками, онъ много читалъ и въ своей подмосковной, въ селѣ Архангельскомъ, собралъ обширную бібліотеку, въ которой было болѣе 6,000 томовъ историческихъ и политическихъ сочиненій. Въ ней находились русскіе лѣтописцы, хронографы, синопсисы и сборники—наряду съ переводами на русскій языкъ тогдашнихъ корифеевъ европейской мысли: Макиавелли, Томазия, Гуго Гроція, Локка, Пуффендорфа и другихъ. „Въ частной жизни“, (говоритъ о немъ кн. П. В. Долгорукой въ своихъ „Mémoires“) — онъ сохранилъ многіе старинные русскіе обычаи, которые уже при немъ выходили изъ употребленія. Такъ напримѣръ, его младшіе братья, одинъ—фельдмаршалъ, а другой—сенаторъ, не садились въ его присутствіи иначе, какъ по его личному приглашенію; не только его племянники, но и племянницы, дочери и невѣстки его братьевъ и сестеръ, цѣловали его руку“.

Кн. Голицынъ былъ врагъ скороспѣлыхъ нововведеній, безъ особой надобности заносимыхъ къ намъ изъ-за моря. Поэтому онъ не могъ раздѣлять всѣхъ принциповъ преобразовательной программы Петра Великаго. По словамъ испанскаго посла герцога де-Лирія, Голицынъ любилъ говорить: „въ чему намъ нововведенія; развѣ мы не можемъ жить

такъ, какъ жилали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и предписывали намъ повмезаконн!“

Въ реформѣ Петра Великаго Голицыну болѣе всего были антипатичны стремленія царя измѣнить нравы и благочестивые обычаи старины. Семейныя дѣла царя возмущали Голицына: его гордый нравъ не примирялся съ насиліемъ Петра въ отношеніи къ сестрамъ и сыну, царевичу Алексѣю; Голицынъ не могъ простить царю его развода съ Лопухиной и сближенія (а затѣмъ и брака) съ маріенбургскою плѣнницею Мартою Скавронскою. Онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ злосчастному царевичу Алексѣю Петровичу и къ его сыну Петру Алексѣевичу, впоследствии императору Петру II. Въ отцѣ и сынѣ читилъ онъ „благородную отрасль благороднаго корня“,—какъ выражались наши древніе лѣтописцы о потомствѣ Мономаха. За то съ какимъ высокоуміемъ, доходящимъ почти до презрѣнія, отзывался князь о Мартѣ Скавронской, воцарившейся подъ именемъ Екатерины I-й, и дочеряхъ ея, Аннѣ и Елисаветѣ. Князь Дмитрій Михайловичъ не могъ забыть стараній Теофана Прокоповича въ пользу воцаренія Екатерины и вообще не сочувственно относился къ высшему духовенству за отсутствіе въ немъ самостоятельности и независимости. Въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ исключеніе въ пользу одного только Теофилакта Лопатинскаго.

Не смотря на такія воззрѣнія князя Голицына, Петръ Великій не только шадилъ, но и высоко цѣнилъ его. Царь-преобразователь умѣлъ хорошо отличать своихъ порицателей-Голицыныхъ отъ мятежныхъ стрѣльцовъ и фанатиковъ-пустосвятковъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно семейное преданіе, сохраненное однимъ изъ потомковъ кн. Д. М. Голицына, княземъ Н. С. Голицынымъ. „Петръ Великій“,—говоритъ преданіе—„любилъ часто захаживать по утрамъ къ князю Дмитрію Михайловичу, чтобы сообщить ему свои новыя предпріятія, или выслушать его мнѣнія. Князь Д. М. имѣлъ обыкновеніе никого не принимать къ себѣ, не кончивъ утренней молитвы; нерѣдко случалось, что прибытіе высокаго посѣтителя было ранѣе срочнаго часа, но не любя нарушать заведеннаго порядка, Петръ Великій не прерывалъ благочестиваго уединенія князя. „Узнай, Николушка, когда старикъ кончитъ свои дѣла?“ говорилъ го-

сударь родственнику князя Дмитрія Михайловича, мальчику князю Голицыну, жившему у него въ домѣ, и терпѣливо ждалъ выхода стараго князя ⁽¹²⁾).

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, и по своему происхожденію, и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ аристократъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Происходя отъ Литовскаго великаго князя Гедимина (въ 14-мъ колѣнѣ) онъ былъ глубоко убѣжденъ, что аристократическій режимъ есть единственно благотворный для общаго блага Россіи и искренно стремился къ достиженію этого блага. Его политическимъ идеаломъ былъ государственный строй Швеции.

Князь Дмитрій Михайловичъ родился въ 1663 году. Онъ былъ старшій изъ чегырехъ сыновей и трехъ дочерей боярина князя Михаила Андреевича Голицына. Двоюродный братъ князя Дмитрія Михайловича, бояринъ и полководецъ царя Феодора Алексѣевича и царевны Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, былъ на верху своей славы и могущества во дни юности князя Дмитрія Михайловича. По обычаю того времени, князь Дмитрій Михайловичъ очень рано былъ зачисленъ въ царскіе стольники. Въ 1695 г. онъ женился на княжнѣ Аннѣ Яковлевнѣ Одоевской, принадлежавшей къ старѣйшему роду изъ князей Рюриковичей. Въ 1697, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду и уже отецъ семейства, князь Дмитрій Михайловичъ былъ посланъ Петромъ Великимъ за границу въ числѣ 39-ти стольниковъ, отправленныхъ въ Италію. Умъ, таланты, образованность и высокое политическое значеніе двоюроднаго брата, а затѣмъ собственное пребываніе въ Италіи—явились для князя Дмитрія Михайловича первыми стимулами серьезнаго изученія исторіи и политики.

Въ 1701, въ чинѣ капитана гвардіи, онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, для склоненія Порты къ согласію на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю. Съ 1708 по 1721 онъ былъ губернаторомъ въ Кіевѣ, а затѣмъ президентомъ ка-

⁽¹²⁾ См. «Записки о родѣ князей Голицыныхъ» изд. Е. Сергѣеваго, с. 61 и слѣд.

морь-коллегии и сенаторомъ. Князь Голицынъ былъ самымъ просвѣщеннымъ и достойнымъ представителемъ русской власти въ Малороссіи въ критическое для Украины время. Во время его губернаторства въ Кіевѣ, Мазепа передался Карлу XII, при его участіи былъ избранъ новый гетманъ Скоропадскій. Князь Голицынъ сумѣлъ сохранить отличныя отношенія какъ къ новому гетману, такъ и ко всей старшинѣ малороссійской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ далекъ отъ сепаративныхъ стремленій этой старшины. Все, что было интеллигентнаго въ Кіевѣ и Малороссіи вообще, — группировалось около просвѣщеннаго губернатора. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лучшими представителями малороссійскаго духовенства, сохранивъ со многими изъ нихъ тѣ же отношенія и по отъѣздѣ изъ Кіева. Онъ былъ въ тѣсномъ общеніи съ Кіевскою академіею, и вокругъ него группировалась цѣлая школа переводчиковъ изъ студентовъ академіи. Они переводили ему съ языковъ латинскаго и польскаго политическія и историческія сочиненія. Эти переводы послужили основаніемъ для его Архангельской библіотеки.

При Екатеринѣ I Дмитрій Михайловичъ былъ назначенъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта со времени учрежденія его въ 1726 г. Почину князя Голицына принадлежать: забота верховнаго совѣта о положеніи податныхъ классовъ русскаго народа, а также и средства, предпринятія этимъ высшимъ въ то время государственнымъ учрежденіемъ, къ уменьшенію и облегченію податей. При Петрѣ II, будучи первенствующимъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта, Дмитрій Михайловичъ стоялъ во главѣ управления торговлею, по званію президента коммерцъ-коллегии⁽¹⁸⁾. Еще при Петрѣ Великомъ начинаются близкія отношенія князя Д. М. Голицына съ Генрихомъ Фикомъ, весьма образованнымъ человекомъ того времени. Генрихъ Фикъ, голштинецъ родомъ, поступившій на службу къ Петру Великому въ 1715 году, извѣстенъ своими трудами по введе-

⁽¹⁸⁾ Бантышъ-Каменскій, «Словарь», 1836 г. II, 74—79.—Кн. П. В. Долгорукой, «Mémoires», I, p. 22—23.—Де-Ларіа, «Характеристики», ржи., с. 145.

вію въ Россіи коллегіального порядка управленія и по плану народнаго образованія. Петръ Великій командировавъ его въ Швецію для изученія тамошняго законодательства и тогда-то возникла у него политическая переписка съ княземъ Д. М. Голицынымъ. При Петрѣ II Фикъ былъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи ⁽¹⁴⁾.

Князь Михайлъ Михайловичъ Голицынъ старшій, одинъ изъ самыхъ блестящихъ полководцевъ царствованія Петра I-го, не отличаясь независимымъ умомъ, въ общественныхъ дѣлахъ всецѣло подчинялся старшему своему брату князю Дмитрію Михайловичу, но тѣмъ не менѣе заслужилъ справедливое уваженіе современниковъ за благородство своего характера и возвышенность своихъ чувствъ. Его нравственныя достоинства прославлены во многихъ разказахъ и преданіяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ только нѣкоторые, болѣе характеристическіе.

Въ 1708 году, послѣ битвы подъ Лѣснымъ, въ которой Голицынъ отличался необыкновенною храбростью, Петръ Великій расцѣловалъ его, пожаловалъ генераль-лейтенантомъ и обѣщавъ исполнить все, чего-бы онъ ни пожелалъ. Кн. Михайлъ попросилъ немедленнаго уменьшенія налога на соль, столь необходимую для бѣднаго класса, а вслѣдъ за тѣмъ полнаго прощенія одному изъ своихъ враговъ, князю Аникитѣ Репнину, генералу весьма замѣчательному, но въ это время подпавшему военному суду за стратегическія ошибки, допущенныя имъ въ сраженіи при Головчинѣ. Съ тѣхъ поръ Голицынъ и Репнинъ стали неразлучными друзьями. Въ продолженіе своей блестящей кампаніи въ Финляндіи въ 1714 г., князь Михайлъ получилъ въ награду отъ Петра Великаго значительную сумму денегъ; отецъ многочисленнаго семейства, князь Голицынъ тѣмъ не менѣе употребилъ на расходы для своей арміи половину этой суммы, приказавъ сшить теплые сапоги для всѣхъ солдатъ.

(14) О Генрихѣ Фикѣ см. у акад. Пекарскаго, въ его «Исторія Академіи наукъ», т. I, с. 201 и примѣч. на той же стр. Ст. Д. В. Полѣнова: «О присягѣ иностранцевъ, принятыхъ въ службу при Петрѣ Великомъ».—Русс. Арх. 1869, с. 1736—1744.—Helbig, «Russische Günstlinge», s. 148—151.—О судьбѣ Фика въ царствованіе Анны Іоанновны у насъ будетъ рѣчь ниже.

Князь Михаилъ Голицынъ былъ человѣкъ добрый, мягкій, скромный, всегда готовый въ услугамъ и, какъ рѣдкое исключеніе изъ придворныхъ того времени, врагъ всякихъ излишествъ въ пищѣ; поэтому Петръ I-й, питавшій къ нему величайшее уваженіе, никогда не принуждалъ его пить. Кн. Михаилъ Голицынъ, въ числѣ немногихъ русскихъ вельможъ, имѣлъ мужество въ 1718 году отказать Петру В. въ подписи смертнаго приговора царевичу Алексѣю Петровичу. Сынъ царевича Алексѣя—Петръ II-й, не обратилъ должнаго вниманія на поведеніе кн. Михаила въ 1718 году, между тѣмъ какъ Екатерина I-я, тайная ненавистница Алексѣя, взойдя на престолъ, поторопилась вручить фельдмаршальскій жезлъ кн. Михаилу, зная его большую и столь заслуженную популярность въ русской арміи.

Екатерина I-я, награждая Голицына, имѣла все основаніе бояться его силы и значенія, а потому не замедлила удалить его изъ Петербурга, назначивъ командиромъ украинскаго корпуса. Съ Украиной Голицыны были издавна тѣсно связаны: тамъ они имѣли большія помѣстья, тамъ ихъ знали и любили. Кн. Михаилъ Михайловичъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Украинѣ услугою народному просвѣщенію. Въ 1726 году, при помощи Бѣлгородскаго епископа Епифанія Тихорскаго, онъ основалъ харьковскій коллегіумъ, бывший до самаго учрежденія въ Харьковѣ университета (1808 г.) разсадникомъ высшаго образованія на лѣвомъ берегу Днѣпра. Голицынъ пожертвовалъ на содержаніе коллегіума свое село Песочки съ хуторами⁽¹⁵⁾.

„Фельдмаршалъ Голицынъ“,—говоритъ о немъ герцогъ де-Лирія—„герой Россіи; онъ былъ уменъ и благороденъ, хорошій полководецъ, храбръ, очень любимъ войсками, смѣлъ и отваженъ; врагъ иностранцевъ, онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ справедливость достойнымъ изъ нихъ, былъ великодушенъ и чрезвычайно вѣжливъ. Его боялись не только вельможи, но и самъ Петръ I-й. Однимъ словомъ, въ странѣ

(15) Кн. П. В. Долгорукой: «Memoires», I, p. 23—24.—Баттышъ-Каменскій. «Дѣянія полководцевъ и министровъ», 2-е изд., I, 199—213; «Словарь», 1836, II, 82 и слѣд.—Объ участіи кн. М. М. Голицына въ основаніи Харьковскаго коллегіума см. у Сергеевскаго въ «Запискахъ о родѣ князей Голицыныхъ», с. 232.

ментѣ варварской онъ былъ-бы истинно великимъ человекомъ⁽¹⁶⁾.

Кромѣ „родословныхъ“ русскихъ людей, князей Долгорукихъ и Голицыныхъ, къ числу верховниковъ принадлежали двое „худородныхъ“: одинъ русскій и одинъ иноземецъ,—графъ Головкинъ и баронъ Остерманъ.

Гавріиль Ивановичъ Головкинъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, какъ родству съ Нарышкиными, такъ и своимъ природнымъ дарованіямъ. Отецъ его, бѣдный Алексинскій помещикъ, былъ двоюроднымъ дядей и крестнымъ отцемъ царицы Натальи Кирилловны и получилъ отъ Петра Великаго чинъ боярина. Возведенный въ званіе графа, сначала римскаго, а потомъ російскаго, Гавріиль Ивановичъ Головкинъ почти во все царствованіе Петра Великаго и послѣ него, до самой своей смерти, стоялъ во главѣ нашихъ дипломатическихъ сношеній, руководимый сначала Шафировымъ, а затѣмъ Остерманомъ. Онъ держалъ себя съ иностранными послами съ большимъ тактомъ и весьма осторожно, а потому всѣ они отзывались о немъ съ большою похвалою. По смерти Петра Великаго, графъ Головкинъ сумѣлъ ловко проплыть между дворскими Сциллой и Харибдой, и въ числѣ весьма немногихъ царедворцевъ пережилъ всѣ превратности тогдашнихъ карьеръ, мирно смеживъ очи въ своемъ петербургскомъ домѣ, а не въ снѣгахъ Березова и Пелыма, или въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу захолустной деревни. Не выражаясь ни о чемъ опредѣленно и откровенно, усвоивъ себѣ въ этомъ отношеніи

⁽¹⁶⁾ Де-Лирія «Характеристики», *ркп.*, с. 146.—Клавдій Рондо изображаетъ его нѣсколько въ иныхъ чертахъ: «Кн. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ съ дѣтства воспитанъ солдатомъ и доблестно отличился на военномъ поприщѣ»—говоритъ Рондо. «Князь задумчиваго нрава, немного скупъ и не блистательныхъ способностей, но пріятель въ легко доступель, мужъ великой доблести и отваги беззаветной. Во время шведской войны отличившись во многихъ сраженіяхъ, онъ приобрѣлъ болѣе познаній въ военномъ искусствѣ, чѣмъ кто либо изъ русскихъ генераловъ, и этимъ снискалъ уваженіе и любовь всего войска; по этой же причинѣ покойный царь Петръ никому не оказывалъ болѣе уваженія, чѣмъ князю». («Записки Рондо» въ прилож. къ пасым. ледд Рондо изд. Шубинскаго, с. 224—222).

пріемн своего руководителя Остермана,—Головкинъ умѣлъ весьма ловко лавировать, всегда примирялся съ обстоятельствами и никогда не разрывалъ дружбы съ сильными міра, одинаково преклоняясь, сперва передъ Меншиковыми и Долгорукими, а впослѣдствіи передъ Бирономъ. Такая политика дала возможность Головкину очень удачно устроить свои служебныя, имущественныя и семейныя дѣла. Сынъ мелкопомѣстнаго Алексинскаго дворянина былъ въ 1730 году владѣльцемъ тридцати тысячъ душъ крестьянъ и очень удачно пристроилъ своихъ сыновей и дочерей. Отъ брака съ Домной Андреевной Дивовой у него было три сына и три дочери. Старшій сынъ, Иванъ Гавриловичъ, женатый на княжнѣ Гагариной, былъ въ 1730 году сенаторомъ; второй сынъ, Александръ Гавриловичъ, человѣкъ большого ума и рѣдкаго образованія, находился посломъ во Франціи; третій,—Михаилъ Гавриловичъ, занимавшій постъ русскаго посла въ Берлинѣ и пріѣхавшій въ Москву незадолго до кончины Петра II го, былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Ромодановской, единственной дочери перваго въ то время богача и послѣдняго въ родѣ князей Ромодановскихъ, Ивана Θεодоровича. Старшая дочь Головкина, Наталья Гавриловна, была замужемъ за княземъ Ивановомъ Θεодоровичемъ Бяргинскимъ и умерла въ 1726 году, вторая—Анна Гавриловна, за графомъ Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ, третья—Настасья Гавриловна, за княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ⁽¹⁷⁾.

(17) «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 221.—Бантишъ-Камевскій, «Дѣян. полков.», I, 131—184; «Словарь», взд. 1836 г. II, 124 и слѣд.—Хмыровъ, «Историч. статьи», с. 350; его-же: Монографія о гр. Екат. Из Головкиной. Спб. 1867, с. 99 и слѣд.—Россійская родословная книга Кн. П. Долгорукаго, IV, с. 361—362.—Графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ женился за границей на графинѣ Донѣ и во время опалы брата Михаила (1741—1742) не возвратился въ Россію. Онъ † въ 1760 г. въ Голландіи. Сыновья и внуки его служили въ Голландіи и возвратились въ Россію по приглашенію Екатерины II. (Родосл. кн., IV, 363). См. отзывъ о гр. Гавр. Из. Головкинѣ де-Лиріа, *рли.*, с. 112. Кн. Рондо такъ отзывается о Головкинѣ: «Лучшее качество Головкина—его пріятливое и ласковое обращеніе: благодаря ему, а также своему усердію и личнѣй набожности,

Баронъ Генрихъ Іоганнъ Остерманъ, прозванный впервые Андреемъ Ивановичемъ царицей Прасковией, матерью Анны Іоанновны, былъ сынъ пастора изъ мѣстечка Бокумъ въ Вестфалии. Извѣстный болѣе всѣхъ другихъ дѣятелей послѣ-петровской Руси, онъ является самымъ замѣчательнымъ и наиболѣе даровитымъ изъ всѣхъ служившихъ иноземцевъ въ Россіи первой половины ХVІІІ в.

Вся жизнь Остермана — упорный и постоянный трудъ, все его нравственное содержаніе — хитрость, лукавство, коварство и интрига. Съ Россіей онъ не былъ связанъ ничѣмъ: ни національностью, ни исторіей, тѣмъ менѣе родовыми традиціями, которыхъ онъ не имѣлъ. Всегда сдержанный, методичный и послѣдовательный, Остерманъ постоянно дѣйствовалъ на вѣрняка. Онъ точно слѣдовалъ пословицѣ: „семь разъ смѣрай — одинъ разъ отръжь“. На Россію смотрѣлъ онъ, какъ на арену для своихъ честолюбивыхъ, но не корыстолюбивыхъ цѣлей. Остерманъ былъ „честный нѣмецъ“, и, оставивъ въ исторіи свой образъ воплощеніемъ дипломатической увертливости и придворной эквилибристики, онъ не запятналъ своего имени казнобравствомъ и лихоимствомъ; въ частной жизни онъ былъ въ лучшемъ смыслѣ слова нѣмецкій бюргеръ: человекъ аккуратный и точный, онъ любилъ домашній очагъ, былъ примѣрный мужъ и отличныи семьянинъ. Обладая обширнымъ, но абстрактнымъ умомъ и имѣя глубокія познанія въ современной ему дипломатіи — онъ считалъ возможнымъ, согласно понятіямъ вѣка, все благо государства устроить посредствомъ дипломатическихъ и придворныхъ конъюнктуръ.

Остерманъ, какъ истый нѣмецъ, свысока относился къ русскому народу и, какъ человекъ „худородный“, гордо презиралъ людей родовитыхъ. На русскихъ вообще, а на русскихъ вельможъ въ частности, смотрѣлъ онъ съ

онъ приобрѣлъ большое вліяніе между старыми русскими ханжанами и особенно между духовенствомъ. Онъ въ высшей степени корыстолюбивъ и употребляетъ всѣ воображимыя средства, чтобы нажить огромное богатство, и такъ въ этомъ успѣлъ, что въ настоящее время богатѣйшій вельможа во всей Россіи. (Записка Рондо, въ Письмахъ леди Рондо, изд. Шубинскаго, с 220—221).

трчки зрѣнія нѣмецкаго геллертера и бюргера, какъ на варваровъ и еумабродовъ. Остерманъ для своей политической карьеры умѣлъ подлаживаться къ людямъ, сперва употребляя ихъ орудіемъ своего возвышенія, а затѣмъ становясь ихъ тайнымъ врагомъ; онъ ловко велъ противъ нихъ интригу и наконецъ стиралъ съ лица земли, когда они заслонили ему дорогу для дальнѣйшаго возвышенія; при этомъ Остерманъ удачно пользовался другими, преимущественно русскими людьми, самъ оставаясь въ сторонѣ; онъ въ полномъ смыслѣ слова умѣлъ загребать жаръ чужими руками. Такъ онъ поступилъ съ Шафировымъ, такъ поступилъ съ Меншиковымъ, такъ-же впоследствии поступилъ съ Долгорукими. Для погубленія Шафирова онъ воспользовался Меншиковымъ, а его низвергнулъ при помощи Долгорукихъ, „искоренивъ“ которыхъ (по тогдашнему выраженію), спрятался за Бирова. Не даромъ впоследствии обвинялъ Остермана А. П. Волынской въ „закрытой, безсовѣстной политикѣ“ и считалъ его за человѣка „производящаго себя дьявольскими кавалами и не изъясняющимъ ничего прямо, а выговаривающимъ все темными терминами“.

Дѣятельность Остермана во внѣшней политикѣ заслуживаетъ полной и всецѣлой признательности потомства. Знатокъ въ вопросахъ международныхъ сношеній, онъ шель въ нихъ по пути, указанному Петромъ Великимъ. Далекое не такимъ явился онъ въ дѣлѣ внутренняго управленія Россіи, къ которому не имѣлъ подготовки; но эта дѣятельность Остермана началась послѣ 1750 года и лежитъ внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія. Остерманъ былъ своимъ человекомъ въ семьѣ старшаго брата Петра Великаго, Іоанна Алексѣевича. Его братъ, Дидрихъ Остерманъ, еще раньше его пріѣзда въ Россію, былъ воспитателемъ Анны Іоанновны и ея сестеръ—Екатерины и Прасковьи⁽¹⁸⁾.

(18) Hempel, «Merkwürdiges Leben und trauriger Fall des russischen Staats-Ministers, A. Grafens v. Ostermann». 2 e Aufl. Bremen. 1743 (заключенія на эту біографію см. въ книгѣ Minzlow'a «Pierre le Grand». Spb. 1872, p. 574—576 и въ нашемъ отчетѣ о занятіяхъ въ бібліотекахъ и архивахъ въ Спб. и Москвѣ въ 1877—1878 гг., Учен. Зап. Каз. Унив. 1879 г., кн. 1, с. 147). Гемпель безуловный панегиристъ Остер-

Характеристиками графа Головкина и барона Остермана мы заканчиваемъ характеристики членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ моментъ избранія Анны Иоанновны. Изъ сопоставленія этихъ характеристикъ легко выясняется въпросъ о томъ, кто изъ верховниковъ были главными дѣятелями въ вопросѣ объ ограниченіи власти Анны Иоанновны?

То были князь Д. М. Голицынъ и князь В. Л. Долгорукой.

Но кромѣ верховниковъ, дѣйствующими лицами, 18-го и 19-го января, являются „персоны изъ сената, синода и генералитета“, играющія, впрочемъ, въ эти дни пассивную роль. Въ официальныхъ актахъ того времени всѣ эти персоны имѣютъ видъ какой-то безличной толпы, которая выслушиваетъ, чтѣ ей говорятъ, и не смѣетъ открыто высказать своего мнѣнія. Мало именъ изъ этой массы заносится въ официальные бумаги, излагающія происшествія 18-го и 19-го января. Изъ этихъ именъ самыми замѣчательными являются: изъ сената и генералитета—депутаты, побѣжавшіе въ Москву съ кн. В. Л. Долгорукимъ, младшій братъ князя Д. М. Голицына, князь Михайлъ Михайловичъ-меньшой Голицынъ, и генералъ Леонтьевъ; князь Иванъ Θεодоровичъ Ромодановскій, графъ Павелъ Ивановичъ Ягушинской, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой и графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ; изъ синода три первенствующіе члена его: Феофанъ Прокоповичъ, Феофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ.

Переходимъ теперь къ біографическимъ даннымъ относительно этихъ восьми персонъ ⁽¹²⁾.

мана. Гораздо объективнѣе біографія Остермана неизвѣстнаго автора, помѣщ. въ *Magazinъ Busching'a*, II, 407—414.—А. Терещенко, *Обзоръ жизни сановниковъ, управлявш. иностранными дѣлами*. Сиб. 1837 г. ч. III.—Сводъ біогр. данныхъ объ Остерманѣ у Баятыша-Каменскаго, «Словарь», изд. 1836 г., IV, 53—85.—Де-Лирія, «Характеристики», *ркл.*, с. 143—144.—Характеристики Рондо по изданію Шубинскаго, с. 223—227.

(12) О кн. И. Ф. Ромодановскомъ мы не говоримъ въ текстѣ, п. ч. онъ не игралъ видной роли въ событіяхъ воцаренія Анны Иоанновны. Вскорѣ по ея воцареніи онъ умеръ (15 марта 1730 г.). Вообще онъ не отличался никакими достоинствами; весь почетъ воздавался ему, какъ

Третій изъ Голицыныхъ, князь Михаилъ Михайловичъ-младшій, носившій это прозваніе до самой смерти своего брата фельдмаршала, т. е. до 45-лѣтняго возраста, чело-вѣкъ посредственнаго ума, но замѣчательно здраваго смысла и величайшаго благородства. Въ 1703 году онъ былъ зачисленъ въ морскую службу и посланъ Петромъ Великимъ въ Голландію для обученія морскому дѣлу. Екатерина I-я, знавшая его прямоу и честность, назначила его въ чинѣ капитанъ-командора президентомъ кистиць-коллегіи. При Петрѣ II, занимая эту должность, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ⁽²⁰⁾.

Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ († 1755), двоюродный племянникъ царицы Натальи Кирилловны со стороны ея матери, приходился троюроднымъ братомъ Петру Великому. М. И. Леонтьевъ считался по Нарышкинымъ родственникомъ канцлеру Головкину и былъ женатъ на племянницѣ князя Меншикова. Въ царствованіе Анны Иоанновны онъ участвовалъ въ турецкихъ войнахъ 1735—1737 г. и выказалъ себя храбрымъ боевымъ генераломъ; съ 1737 по 1741 годъ занималъ должность кievскаго губернатора, а съ 1741 г. (при Елизаветѣ Петровнѣ) былъ главнымъ начальникомъ Малороссіи⁽²¹⁾.

Графъ Павелъ Ивановичъ Ягушинскій (р. 1683 г.), полу-полякъ, полу-литвинъ родомъ, былъ сыномъ органиста московской лютеранской церкви. Онъ рано обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго своимъ живымъ

сыну знаменитаго «князя-кесаря» времени Петра Великаго, и какъ молодой представителю рода князей Ромодановскихъ и чело-вѣку съ громаднымъ состояніемъ. Съ 1717 г. П. О. Ромодановскій явился преемникомъ отца, какъ въ титулѣ князя-кесаря, такъ и въ званіи начальника страшнаго преображенскаго приказа.—См. Хмырова «Графъ Е. И. Головкинъ», с. 74 и слѣд.—Спб. Вѣдомости 1730 г., изв. изъ Москвы отъ 16 марта 1730 г.—Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскій былъ женатъ на родной теткѣ императрицы Анны Иоанновны, Анастасіи Ѳеодоровнѣ Салтыковой; дочь его, Екатерина Ивановна, вышедшая за Михаила Гавриловича Головкина, приходилась Аннѣ Иоанновнѣ двоюродной сестрой. (См. Долгор., Род. кн., II, 51, 68 и слѣд.).

⁽²⁰⁾ Берхъ. Жизнеоп. рос. адмир., III, 73—125.—Кн. Долгорукой. «Mémoires», I, p. 23—26.

⁽²¹⁾ Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, 172—174.

умомъ, расторопностью и исполнительностью, сталъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ императору лицъ и пользовался безграничной его довѣренностью. Начавъ службу деньщикомъ при Петрѣ Великомъ, онъ былъ вслѣдъ затѣмъ генераль-адъютантомъ и камергеромъ, а въ 1722 г. достигъ высокаго званія генераль-прокурора сената. Представляя сенаторамъ Ягушинскаго въ этомъ новомъ его званіи, Петръ Великій сказалъ: „Вотъ мое око, конемъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія—что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы, однакожь, то исполняйте и, увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія“. Эти слова, приводимыя Голиковымъ, хорошо выясняютъ взглядъ Петра Великаго на Ягушинскаго. Такого же на него воззрѣнія держатся нѣкоторые писатели-анекдотисты второй половины XVIII в. лично его не знавшіе, (Голиковъ, Штелинь и Гельбигъ); они рисуютъ Ягушинскаго человѣкомъ, заслуживающимъ общаго уваженія, съ твердымъ характеромъ, говорящимъ всегда правду; но эта характеристика не соответствуетъ дѣйствительному его характеру, который является далеко не съ такими симпатичными чертами. Рѣзко порицавшій другихъ, Ягушинской былъ постоянно свѣдаемъ честолюбіемъ; чуждый Россіи и ея дѣйствительнымъ интересамъ, онъ былъ человѣкомъ карьеры, вездѣ преслѣдуя лишь свою эгоистическую цѣль. Лесть, низкопоклонство, умѣнье поддаиваться къ людямъ, подмѣчая ихъ слабія стороны, и рядомъ съ этимъ честолюбивое желаніе возвыситься надъ всѣми людьми родословными—вотъ основныя нравственныя черты Ягушинскаго. Если мы прибавимъ къ этому его жажду богатства, ловкость въ интригѣ, склонность къ кутежу и пьянству и припомнимъ полное отсутствіе въ немъ строгихъ нравственныхъ принциповъ—то получимъ цѣльный образъ реального Ягушинскаго. „Око Петра Великаго“ было не особенно чисто. Быть можетъ, этимъ и слѣдуетъ объяснить ту путаницу, которая произошла въ дѣлахъ внутренняго управленія въ послѣдніе два-три года царствованія Петра (когда Ягушинской былъ генераль-прокуроромъ сената) и страшное развитіе за это время взяточничества и преступленій и проступковъ по должности разныхъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ.

Ягушинской не любилъ Меншикова и ненавидѣлъ Остермана не изъ политическихъ принциповъ, но изъ личнаго тщеславія: первый стоялъ ему на пути заискиваній милостей у Петра Великаго, второму онъ не могъ простить отстраненія себя отъ Ништадскаго конгресса. Властолюбивый и честолюбивый нравъ Ягушинскаго не допускалъ соперниковъ. Онъ былъ въ числѣ ревностныхъ сторонниковъ Екатерины при ея водареніи, надѣясь пербенствовать въ ея правленіе, но ошибся въ расчетахъ: Меншиковъ явился всесильнымъ временщикомъ и фактическимъ правителемъ государства. Тогда Ягушинской, не долго думая, стать на сторону его враговъ, и при Петрѣ II, по низверженіи Меншикова, присталъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ. Но „родословные“ русскіе люди не хотѣли имѣть ничего общаго съ выслужившимся польскимъ проходивцемъ, и Ягушинской не достигъ при нихъ первенствующаго значенія въ русскомъ государствѣ. Съ Долгорукими у Ягушинскаго произошло открытое столкновеніе по слѣдующему поводу: всесильный при Петрѣ II князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой, вздумалъ было жениться на дочери Ягушинскаго, но князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, отецъ князя Ивана, оказалъ сильное противодѣйствіе этому браку, какъ унижительному для него союзу. Съ этихъ поръ Ягушинской сталъ отъявленнымъ врагомъ Долгорукихъ.

Съ герцогиней курляндской Анной Іоанновной, Ягушинской познакомился въ 1726 году, когда былъ посланъ въ Варшаву, чтобы воспрепятствовать избранію въ курляндскіе герцоги Морица Саксонскаго. Онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ лично къ Аннѣ Іоанновнѣ и, при тогдашнихъ стѣсненныхъ ея денежныхъ средствахъ, ссужалъ ее деньгами. При избраніи преемника Петру II, онъ пытался сблизиться съ русскими родословными людьми, желая къ нимъ поддѣлаться, онъ, какъ мы видѣли, нетерпѣливо толковалъ о томъ, чтобы „не быть самодержавствію“—но русскіе родословные люди снова отвернулись отъ Ягушинскаго, вслѣдствіе чего онъ и избралъ иное средство для своего дальнѣйшаго возвышенія (**).

(**) Бѣнтышъ-Каменскій; изд. 1847 г., т. II, с. 560—574. (здѣсь приведены отрывы о Ягушинскомъ Голицына и Штелина). Helbig,

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой (род. 1667 г.), послѣдній московскій бояринъ и одинъ изъ первыхъ русскихъ фельдмаршаловъ (по времени производства, а не по заслугамъ)—былъ человекъ весьма добрый, ограниченный и тщеславный. Его жизнь не являетъ собою крупныхъ подвиговъ ни на войнѣ, ни въ гражданской дѣятельности, не смотря на то, что онъ носилъ званіе и фельдмаршала, и сенатора. Взятый шведами въ плѣнъ подъ Нарвою, онъ восемнадцать лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, не обративъ вниманія ни на государственный строй, ни на законодательство, ни на исторію Швеціи, во что вникъ его товарищъ по заключенію, князь Я. Ѳ. Долгорукой. Въ Стокгольмѣ, въ 1704 году, родился у него сынъ, впоследствии извѣстный филантропъ эпохи Екатерины II-й, Иванъ Ивановичъ Бецкой. Отъзывъ о князѣ Трубецкомъ испанскаго посла де-Лирія болѣе похожъ на карикатуру, чѣмъ на истину; но если мы и отбросимъ въ этой характеристикѣ преувеличенно-рѣзкія выраженія де-Лирія, все-таки получимъ довольно опредѣленное представленіе о личности князя Трубецкаго. Де-Лирія честитъ его весьма неприличнымъ эпитетомъ „отъявленной скотины“, рисуя князя Трубецкаго слѣдующими чертами: „онъ заикался, былъ преисполненный тщеславія добрякъ, невѣжда въ военномъ искусствѣ и весьма мало уважаемъ“.

Для уясненія его отношеній къ вождю верховниковъ, князю Д. М. Голицыну, припомнимъ, что дочь князя Трубецкаго, Настасья Ивановна, была второй женой молдавскаго господара, князя Д. К. Кантемира, а ея пасынокъ, Константинъ Дмитріевичъ Кантемиръ, женатый на дочери князя Д. М. Голицына, былъ въ 1730 году владѣтелемъ майората покойнаго своего отца и не смотря на двукрат-

«Russ. Günstlinge». Tubing. 1809, S. 85—93. См. нашу монографію о кн. Ив. Алексѣев. Долгорукомъ, основанную на его показаніяхъ въ 1739 г. и др. документахъ Государственнаго Архива. (Древн. и Нов. Россія 1879 г., т. I, с. 35—36).—Письма Авлы Юанн. къ Ягушинскому 1726—1727 гг. въ «Письмахъ Русск. Госуд., изд. комисіи печат. госуд. грамотъ и договоровъ, в. IV, с. 144—146. Снес. отъавы де-Лирія въ его «Характеристикахъ» *рши.*, с. 153—154 и Ровдо, стр. 227—229.

ное постановленіе севата 1725 и 1728 гг. — не выдавалъ своей мачихѣ слѣдующей по закону четвертой части изъ имѣній ея мужа. Вслѣдствіе этихъ семейныхъ веладовъ, отношенія князя Ивана Юрьевича Трубецкаго къ князю Д. М. Голицыну были очень натянуты, даже почти враждебны⁽²³⁾.

Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, происходившій отъ одного изъ древнѣйшихъ русскихъ боярскихъ родовъ (родоначальникъ его, „мужъ честенъ изъ Нѣмецъ“ Радша, выѣхалъ въ Новгородъ въ концѣ XII в.), — былъ извѣстенъ своимъ умомъ и находился въ большой милости у царя Алексѣя Михайловича. Семейное преданіе Мусиныхъ-Пушкиныхъ объясняетъ эту милость близкими отношеніями царя Алексѣя къ женѣ Ивана Алексѣевича. По этому преданію, старшій сынъ графа, Платонъ Ивановичъ, былъ сыномъ царя Алексѣя. Къ Платону былъ очень расположенъ Петръ Великій и любилъ называть его своимъ братомъ. Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, бояринъ царя Алексѣя Михайловича, въ царствованіе Петра Великаго былъ главнымъ начальникомъ монастырскаго приказа, управляющимъ петербургской типографіей и сенаторомъ. Петръ произвелъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожаловалъ первымъ русскимъ графомъ. Въ 1730 г. гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ и въ этомъ году скончался⁽²⁴⁾.

Ееофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, (р. 1681) принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ выдающихся умовъ и характеровъ русскаго XVIII в. Онъ

⁽²³⁾ Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., т. II, с. 166; т. V, с. 160—164. — Helbig, «Russ. Günstlinge», S. 358—364. — Дневникъ Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова, Спб. 1874, *Примечанія*, с. 448. — Де-Лирія, «Характеристики», *ржи.* с. 148. — Подробности о процессѣ кн. Кантемиръ см. въ нашей статьѣ «Судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ», *Др. и Нов. Россія*, 1879 г., Окт. с. 20—63.

⁽²⁴⁾ Кн. Долгорукой, *Род. кн.*, II, с. 151, 194. — Карabanовъ, *Разказы*, *Русск. Стар.* 1874, т. IV, с. 583. — Голицковъ, *Дѣянія Петра Вели.*, т. XIII, 223, 457; XIV, 257, 385, 453. — Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., ч. III, с. 385—387. — Книга Чистовича о Ееофанѣ Прокоповичѣ.

и князь Д. М. Голицынъ—равносильные, достойные одинъ другаго бойцы идеи и принципа, но ихъ идеи и принципы діаметрально-противоположны. Теофанъ былъ однимъ изъ тѣхъ самостоятельныхъ и дѣятельныхъ умовъ, которые не идутъ по старинной, традиціонной дорогѣ, а пролагаютъ себѣ новые пути, которые не удовлетворяются теоретическимъ, абстрактнымъ пониманіемъ дѣла, а стремятся осуществить свое пониманіе на практикѣ, немедленно приложить теорію къ жизни. Теофанъ не могъ удовлетвориться схоластическимъ богословіемъ своего времени, еще менѣе могъ онъ стоять на точкѣ зрѣнія бездѣятельнаго, внѣшняго, формальнаго отношенія къ религіи. Врагъ всякаго застоя и формализма, онъ понималъ религію, какъ дѣятельную общественную силу для борьбы съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, вслѣдствіе чего и сталъ совершенно сознательно и открыто на сторону реформы Петра Великаго.

Получивъ обширное для своего времени образованіе въ Кіевской академіи и въ заграничныхъ школахъ Львова, Кракова и Рима, Теофанъ является замѣчательнымъ богословомъ, проповѣдникомъ, педагогомъ, публицистомъ и администраторомъ, и во всѣхъ этихъ сферахъ дѣятельности въ немъ видѣнъ реформаторъ, отрицательно относящійся къ установившейся рутинѣ. Въ области теоретическаго богословія Теофанъ увлекается протестантскими воззрѣніями, за что подвергается обвиненію со стороны современниковъ. Обвиненія эти идутъ и отъ людей, строго держащихся православнаго ученія, и отъ поборниковъ московской старины, и отъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, воспитанныхъ на преданіяхъ схоластическаго католическаго богословія. Въ области богословія практическаго, въ церковной проповѣди—Теофанъ является публицистомъ; въ своихъ проповѣдяхъ онъ борется съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, прославляетъ Петра Великаго и пропагандируетъ его преобразовательныя идеи. Истолкованію и объясненію дѣяній Петра посвящено и нѣсколько отдѣльныхъ трактатовъ Теофана; самымъ важнымъ изъ нихъ должно считать такъ наз. „Правду Воли Монаршей“, въ которой Теофанъ рядомъ богословскихъ доказательствъ и историческихъ примѣровъ оправдываетъ законъ 1722 г. о правѣ царствующаго государя назначать преемника по собственному усмотрѣнію. Такимъ же единомышленникомъ Петра Великаго заявляетъ себя Теофанъ и

въ церковныхъ преобразованіяхъ. Его перу принадлежатъ „Духовный Регламентъ“ и извѣстное „Объявленіе“ 1724 года о монашествѣ и монастыряхъ.

Политическія воззрѣнія Феофана были одинаковы съ политическими воззрѣніями Петра Великаго. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что монархизмъ неограниченный—есть единственно-возможная для Россіи форма правленія. Это убѣжденіе Феофана на практикѣ осложнялось еще личными его отношеніями къ людямъ иного образа мыслей, которые притихли при Петрѣ Великомъ, но послѣ его смерти высоко подняли голову. Феофана, вслѣдствіе его солидарности съ Петромъ Великимъ, вообще не любила русская знать, но противниками его въ особености были князья Долгоруки и Голицыны: первые—за его отрицательное отношеніе къ старинѣ московской, вторые—за его симпатіи къ протестантству. Феофанъ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ воцаренія Еккатерины, чѣмъ еще болѣе возстановилъ противъ себя родословныхъ русскихъ людей, и вся дѣятельность его съ 1725 по 1730 г., въ правленіе Еккатерины I и Петра II,—есть борьба съ русской знатью и съ его личными врагами изъ среды духовенства. Въ этой борьбѣ Феофанъ Прокоповичъ проявилъ несимпатичныя черты своего нрава: властолюбивый и заносчивый, онъ стремился къ власти, хотѣлъ быть временщикомъ въ русской церкви, и если не мечталъ о патриаршествѣ, то надѣялся такъ организовать синодальную коллегію, чтобы первенствовать въ ней фактически. При Петрѣ Великомъ ему не удалось достичь этого: Стефанъ Яворскій и Феофанъ Лвовскій заграждали ему дорогу, да и императоръ былъ не изъ такихъ людей, которые способны равнодушно сносить чье-либо первенство. Со смертію Петра открылась широкая арена для честолюбивыхъ мечтаній временщиковъ. Стефанъ Яворскій сошелъ уже въ могилу, и Феофанъ направилъ всю свою злобу противъ Феофанъ Лвовскаго, который и былъ имъ низвергнутъ. Заточенный въ отдаленный монастырь подъ именемъ „чернеца Феофана“, онъ явился первой жертвой ненасытнаго честолюбія и жестокой мести, которыми преслѣдовалъ Феофанъ своихъ враговъ. Рядъ архіерейскихъ процессовъ, начатыхъ Феофаномъ уже при Аннѣ и окончившихся послѣ его смерти,—ложится кровавымъ и тяжкимъ укоромъ на память Новгородскаго архіепископа. Эти процессы, которыми

Феофанъ постоянно придавалъ политическій характеръ, далеко превосходящій коварствомъ и жестокостью параллельно шедшіе съ ними политическіе процессы государственныхъ людей царствованія Анны Іоанновны: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Волюнскаго,—въ гибели которыхъ голословно обвиняется одинъ Биронъ. Если для характеристики нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны возможенъ терминъ—б и р о н о в щ и н а, какъ синонимъ безправія временщикаго нѣмецкаго террора, то для опредѣленія церковныхъ порядковъ въ первые шесть лѣтъ царствованія Анны Іоанновны, съ бѣльшей справедливостью можно употребить названіе—**ф е о ф а н о в щ и н ы**.

При Екатеринѣ I, не смотря на погубленіе Феоодосія Яновскаго, Феофанъ не могъ первенствовать въ синодѣ. Сильными ему соперниками явились—**Феофилактъ Лопатинскій**, архіепископъ Тверской, и ростовскій архіепископъ **Георгій Дашковъ**; первый былъ близокъ къ князьямъ Голицынымъ, второй—къ Долгорукимъ. Объ этихъ соперникахъ Феофана мы будемъ говорить ниже, адѣсь же замѣтимъ только, что оба они принадлежали къ двумъ партіямъ, раздиравшимъ наше высшее духовенство съ исхода XVII в.,—малорусской и великорусской. Первая партія состояла изъ учениковъ Симеона Полоцкаго и Кіевской академіи, бывшихъ представителями модной въ то время схоластической богословской школы, воспитанной на средневѣковыхъ католическихъ теологахъ; вторая партія отличалась формалистикой и буквализмомъ, присущими мѣтвому московскому духовенству XVII вѣка. Обѣ эти партіи враждовали другъ съ другомъ, но обѣ одинаково ненавидѣли Феофана. Феофилактъ Лопатинскій принадлежалъ къ партіи малорусской, Георгій Дашковъ—къ партіи великорусской.

При Петрѣ II великорусская партія въ синодѣ взяла полный перевѣсъ, члены ея умножились—и Феофанъ притихъ. Но не одно это заставило его притихнуть. При Екатеринѣ I и Петрѣ II—мъ самый синодъ утратилъ то независимое положеніе, которое было ему дано Феофаномъ при его учрежденіи; при Екатеринѣ синодъ былъ раздѣленъ на два „апартамента“, въ первомъ изъ которыхъ засѣдали духовныя лица для управленія собственно церковными дѣлами; второй, названный коллегіей экономіи, составлялся изъ свѣт-

скихъ членовъ и вѣдалъ дѣла судебныя и экономическія. Вслѣдъ за тѣмъ синодъ былъ подчиненъ Верховному Тайному Совѣту, наравнѣ съ сенатомъ и прочими коллегіями, и вмѣсто „правительствующаго“ сталъ называться просто „духовнымъ сиподомъ“. Кромѣ того, въ правленіе Петра II начались преслѣдованія всего, что хоть сколько нибудь напоминало процессъ царевича Алексѣя, въ которомъ Теофанъ игралъ выдающуюся роль: служба Св. Александру Невскому, заключавшая въ себѣ намеки на царевича, была запрещена; „Правда Воли Монаршей“, написанная Теофаномъ, отбиралась и уничтожалась. Удары были направлены и прямо противъ Теофана: типографія Александро-Невскаго монастыря, гдѣ печаталось большинство его сочиненій, была закрыта, поднято заглушенное было дѣло объ овладахъ, снятыхъ съ образовъ по распоряженію Теофана, и архіепископъ Новгородскій былъ присужденъ къ оскорбительному для него взыскаіію денегъ за утрату церковнаго жемчуга. Теофанъ былъ совершенно изолированъ и могъ опереться лишь на одного Остермана.

Весьма естественно, что при такомъ положеніи, ему ничего не оставалось больше, какъ стать въ ряды тайныхъ сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны и примкнуть къ явнымъ противникамъ Верховнаго Совѣта, или правильнѣе, князя Д. М. Голицына⁽²⁶⁾.

Оба соперника Теофана, Теофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ, были натуры совершенно различныя по уму, по образованію, по характеру и по направленію.

Теофилактъ Лопатинскій, ученый богословъ-схоластикъ, эллинистъ и критикъ, южнорусецъ по происхожденію, былъ воспитанникомъ Кіевской академіи и закончилъ свое образованіе за границей. По учености онъ могъ быть соперникомъ Теофану, по уму и характеру — не выдержи-

(26) Характеристика Теофана Прокоповича составлена нами на основаніи почтеннаго труда Г. Чистовича: «Теофанъ Прокоповичъ и его время», Спб. 1868 г. — См. также рецензіи на эту книгу г. Пыпина, В. Е. 1869 г., т. III, с. 793. и г. Р., Русск. Вѣстн. 1869 г. Апрель. — Біографическій очеркъ Теофана Прокоповича у Бантыша-Каменскаго въ его «Словарѣ», изд. 1847 г., т. III, с. 604—627.

валъ съ нимъ никакого сравненія. Теофилактъ имѣлъ много фактическихъ свѣдѣній, но не имѣлъ силы возвыситься надъ узкими, формальными схоластическими системами богословія; онъ былъ искренно религіозенъ, глубоко убѣжденъ въ истинахъ православія и вѣрнѣе сердцемъ преданъ идеѣ независимости церкви отъ свѣтской власти. Не раздѣляя мысли о необходимости синода, онъ скорбѣлъ объ уничтоженіи патріаршества и самъ былъ не прочь сдѣлаться патріархомъ, но его лишенный энергій умъ и слабый характеръ не давали ему средствъ достигъ желаемого. Въ 1728 году Теофилактъ издалъ „Камень Вѣры“, извѣстное полемическое сочиненіе Стефана Яворскаго противъ протестантовъ; ни при Петрѣ Великомъ, ни при Екатеринѣ, книга не появлялась въ печати, а при Петрѣ II она была наконецъ издана по постановленію Верховнаго Тайнаго Совѣта и при участіи князя Д. М. Голицына. Книгѣ этой суждено было впоследствии получить весьма громкую извѣстность, а Теофилакту пришлось жестоко поплатиться за ея изданіе; но во время воцаренія Анны Иоанновны дѣло о „Камнѣ Вѣры“ только начиналось: въ 1729 году появилось за границей рѣзкое опроверженіе на „Камень Вѣры“, подписанное протестантскимъ богословомъ Буддеемъ. Теофилактъ, а за нимъ и его друзья, подозрѣвали авторомъ этого памфлета Теофана Прокоповича⁽⁸⁶⁾.

Георгій Дашковъ, третій членъ синода, отличался свѣтлымъ природнымъ умомъ, сильной волей и настойчивостью, но не былъ человекомъ ученымъ, и не любилъ учености, а такъ какъ среди современнаго ему духовенства самыми учеными людьми были южноруссы, то онъ и ненавидѣлъ ихъ отъ всей души. Дашковъ происходилъ изъ старинной шляхетской фамиліи и сталъ извѣстенъ еще при Петрѣ В., оказавши помощь фельдмаршалу Шереметеву при усмиреніи астраханскаго бунта въ 1706 г. (Въ то время онъ былъ соборнымъ старцемъ въ астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ). Подъ монашеской рясой Дашковъ не оставлялъ своихъ шляхетскихъ привычекъ. Будучи архиман-

⁽⁸⁶⁾ См. книгу Чистовича о Теофанѣ Прокоповичѣ и Филаретѣ, Обзоръ русск. духовн. литерат., кн. II (СПб. 1864), с. 18—24.

дритомъ Троице-Сергіевой лавры, онъ жилъ на широкую ногу: прислуги у него было челоуѣкъ до двадцати; онъ никогда не ходилъ въ братскую трапезу, а завелъ свой столъ; на церковныя вѣлады содержалъ экипажи и лошадей, строилъ конюшенныя дворы и имѣлъ до полутороста конюховъ. Поѣздки его къ родственникамъ и въ приписныя къ лаврѣ монастыри отличались великолѣпіемъ: поѣздъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ каретъ и колясокъ, сопровождаемыхъ цѣлымъ обозомъ посуды и разныхъ припасовъ; въ обозѣ находилось до полутороста челоуѣкъ служителей и до двухъ сотъ лошадей; дорогой для отдыха и ночлеговъ разбивались палатки. Родственники гащивали у Дашкова въ лаврѣ по цѣлымъ недѣлямъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ; онъ дарилъ ихъ хлѣбомъ, разными припасами, экипажами и лошадьми; племянницъ своихъ цовыдалъ замужъ за монастырскихъ дворянъ, посылаемыхъ имъ управителями въ лучшія монастырскія вотчины, которыми распорядился самовольно и безъ совѣщанія съ братією. Кромѣ всего этого, Георгій Дашковъ былъ не чистъ на руку: онъ бралъ взятки съ своихъ подчиненныхъ и дарилъ лошадьми и деньгами знатныхъ людей, въ которыхъ заискивалъ. Въ 1718 году Георгій Дашковъ былъ посвященъ въ епископы Ростовскіе и съ самаго учрежденія синода оказывалъ ему непочтеніе. Ставъ самъ членомъ синода, онъ явился ревностнымъ защитникомъ автономіи церкви и энергически возсталъ противъ отобранія монастырскихъ имуществъ. При Петрѣ II Дашковъ былъ представителемъ группы людей, мечтавшихъ о возстановленіи патріаршества; въ синодѣ онъ пріобрѣлъ большую силу и первенствующее значеніе, подобравъ себѣ партію изъ великорусскихъ духовныхъ и явившись инициаторомъ всѣхъ мѣръ, направленныхъ противъ Теофана Прокоповича⁽²⁷⁾. Георгій Дашковъ вызвалъ изъ ссылки и сдѣлалъ членомъ синода бывшаго Крутицкаго митрополита Игнатія С м о л у, также великорусса. Онъ былъ глубоко преданъ идеѣ патріаршества, не могъ перенести учрежде-

⁽²⁷⁾ Чистовича: «Теофанъ Прокоповичъ», с. 185—190, 223. См. также біографію Георгія Дашкова въ «Православномъ Обзорѣніи», 1863 г., кн. I.

ніа синода, отнесенъ къ нему непочтительно и въ 1718 году былъ изобличенъ въ приверженности къ царицѣ Евдокии Теодоровнѣ Лопухиной, которую почиталъ настоящей царицей. Петръ Великій пощадилъ Игнатія и отпустилъ его на покой въ Нилову пустынь ⁽²⁹⁾.

⁽²⁹⁾ См. о немъ подробности въ книгѣ Чистовича о Осефанѣ Прокловитѣ, въ особен. стр. 190—194.

III.

ХАРАКТЕРИСТИКА АННЫ ІОАННОВНЫ И ЕЯ ЖИЗНЬ ДО ВОЦАРЕНІЯ.

Характеристика Анны Іоанновны.—Ея переписка съ С. А. Салтыковымъ (1732—1740) какъ матеріалъ для этой характеристики.—Воспитаніе и обученіе Анны Іоанновны.—Ея замужество и жизнь въ Курляндіи.—Графъ Морицъ Саксонскій и Э. І. Биронъ.—Отношенія Анны Іоанновны къ Петру Великому, Екатеринѣ I, Меншикову, Остерману и друг.—Бестужевскій кружокъ.—Родственныя отношенія Анны Іоанновны.

Курляндская герцогиня Анна Іоанновна (род. 1693 г.), средняя дочь царя Іоанна Алексѣевича, (старшаго брата Петра Великаго) и царицы Прасковьи Феодоровны, (рожд. Салтыковой), по отзывамъ всѣхъ современниковъ лично ее знавшихъ, была одарена отъ природы здравымъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ; ⁽¹⁾ но обстоятельства ея жизни сложились столь неудачно, что эти природныя качества не только не получили должнаго развитія, но были извращены, изуродованы: умъ не былъ обогащенъ образованіемъ и облагороженъ воспитаніемъ, чувство—подвергалось съ молодыхъ лѣтъ оскорбленіямъ, а дѣтство и молодость Анны Іоанновны прошли въ такихъ условіяхъ, при которыхъ нельзя было окрѣпить волѣ, невозможно было выработаться харак-

(1) Берхгольцъ, Дневникъ, переводъ Аммона, IV, с. 30.—Делриа «Характеристики», *русс.*, с. 138—139.—Манштейнъ, Записки, I, с. 194.—Записки фельдмаршала Миниха, изд. С. Н. Шубинскаго, с. 62—63.—Записки Миниха-сына, с. 173—187.—Письма леди Рондо, изд. Шубинскаго, с. 62—65.—Примѣчанія да записки Мадштейна (нов. изд.), Рус. Стар., 1879 г., т. XXVI, с. 399—404 и слѣд.

теру. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Анна Іоанновна, въ то время когда она была избрана на російскій престолъ, приближаясь уже къ сорокалѣтнему возрасту, является натурой съ весьма противоположными качествами, дававшими поводъ къ самымъ противорѣчивымъ оцѣнкамъ ея.

Въ этой натурѣ, одаренной природой, но изломанной жизнію, проглядываютъ многія наслѣдственныя черты ея матери, царицы Прасковьи, и дѣда „тишайшаго и благочестиваго царя“ Алексѣя Михайловича. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ, хилый и „нищій духомъ“, не оставилъ слѣдовъ въ характерѣ Анны Іоанновны; въ супружеской жизни онъ игралъ такую-же пассивную роль, какъ и въ дѣятельности государственной. Обвѣнчанный изъ политическихъ расчетовъ своей даровитой и честолюбивой сестрой, царевной Софьей, царь Іоаннъ скоро уступилъ супружескія права, если вѣрить молвѣ современниковъ, Василю Алексѣевичу Юшкову, управлявшему дворомъ и имѣніями царицы Прасковьи.

Въ характерѣ и образѣ жизни царицы Прасковьи сильно отразилось вліяніе той переходной, преобразовательной эпохи, въ которую она жила. Сохранивъ въ своемъ характерѣ и обиходѣ своеобразныя черты старинной московской боярыни, Прасковья Феодоровна должна была дѣлать уступки новымъ требованіямъ жизни. Суевѣрная и набожная, привыкшая къ патріархальнымъ порядкамъ и своеобразной домашней расправѣ, она дѣлила время между церковными службами и ассамблеями, между юродивыми и театральными зрѣлищами; она должна была прилаживаться ко вкусамъ и требованіямъ своего деверя, царя Петра, примѣняться къ характерамъ вліятельныхъ лицъ его двора и допустить обучать своихъ дочерей нѣмецкой грамотѣ и танцамъ⁽²⁾. Набожность и суевѣріе, патріархальность въ домашнемъ быту и самодурство—всѣ эти качества унаслѣдовались ея дочерью, Анной Іоанновной, но еще съ большимъ прилаживаніемъ къ современности, еще съ большими уступками царю Петру и его приближеннымъ. Строптивость, столь свойственная „тишайшему“ Алексѣю Михайловичу,

⁽²⁾ См. біогр. оч. царицы Прасковьи М. И. Семевскаго, (Время, 1861 г., кн. I—IV.

перешла и къ его внуку, вмѣстѣ съ другими весьма противоположными его склонностями и вкусами. Анна Иоанновна также какъ и Алексѣй Михайловичъ, любитъ церемоніалы и торжественные выходы, парчу, золото и драгоценныя украшенія, и входитъ въ мельчайшія подробности ежедневнаго монастырскаго обихода и построенія и украшенія церквей; также какъ Алексѣй Михайловичъ, она охотно слушаетъ душеспасительныя бесѣды монаховъ и благочестивыхъ людей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, до страсти увлекается стрѣльбой въ цѣль, травлей, псарнями и звѣринцами. Склонность къ забавамъ у Анны Иоанновны сильнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ у царя Алексѣя; ея склонность ближе по характеру своему къ потѣхамъ и затѣямъ Петра Великаго. „Тишайшій“ царь любилъ купать стольниковъ въ своемъ коломенскомъ пруду и развлекаться разсказами бывалыхъ людей и „комидійными дѣйствами“; Анна Иоанновна любитъ скомороховъ и шутовъ, устраиваетъ изъ нихъ, и ради нихъ, разныя курьезныя процессіи и „машкерады“, напоминающіе „машкерады“ Петра Великаго. Иронія и юморъ, хотя въ грубой, необдѣланной формѣ, часто съ большимъ оттѣнкомъ цинизма, проявляются у Анны Иоанновны въ ея шуткахъ и шутовскихъ процессіяхъ.

Тихонъ Архипычъ, самый популярный изъ юродивыхъ наполнявшихъ дворъ царицы Прасковьи, умѣлъ очень ловко подмѣчать рельефныя черты окружающаго его общества и весьма мѣтко опредѣлялъ противорѣчивыя свойства характера Анны Иоанновны. За ея склонность къ благочестію и монашеству онъ называлъ ее „Анфисой“ и предрекалъ ей монастырь, а ея строптивость и самодурство онъ выражалъ въ слѣдующемъ присловьи, которое произносилъ постоянно при видѣ Анны Иоанновны: „*Донъ, донъ, донъ!—царь Иванъ Васильевич!*“⁽³⁾.

Свой характеръ Анна Иоанновна вполне проявила по воцареніи. Ея страсть къ шутамъ, къ роскоши и къ церковному благолѣпію—достаточно извѣстны, а потому мы позволимъ себѣ прибавить къ характеристикѣ Анны Иоанновны лишь нѣсколько новыхъ подробностей, заимствован-

⁽³⁾ Болтинъ, Примѣчанія на Исторію Россіи г. Леклерка, т. II, с. 467.

ныхъ нами изъ недавно обнаруженной переписки ея съ С. А. Салтыковымъ (1732—1740)⁽⁴⁾.

Мужъ ея пріятельницы княгини Аграфены Петровны, князь Никита Ѳеодоровичъ Волхонской, сдѣланный официальнымъ придворнымъ шутомъ по смерти своей жены († 1732 г.), является мишенью для особыхъ остроумичаній Анны Іоанновны. Такъ въ 1734 году она, „играючи“, женила его на другомъ шутѣ, князѣ А. М. Голицынѣ, и заставила Волхонскаго написать письмо къ его прикащику о томъ „что онъ женился въ правду“. Анна Іоанновна собираетъ письма Волхонскаго, „ради смѣху“, и велитъ Салтыкову составить „житіе князя Никиты Волхонскаго“. Такую же роль играютъ: Власова, сестра князя Василя Хилкова, и княжна Пелагея Аванасьевна Вяземская, взятая ко двору для забавы, п. ч. она, „какъ сказываютъ, много говоритъ“. За ними идетъ цѣлый рядъ разныхъ разсказицъ, сказочницъ, юродивыхъ, святошъ, шутихъ, приживалокъ, вродѣ „Дарюшки безручки“, драгунскихъ женокъ—Михайловны и Рудневой, калмычекъ, „великорослыхъ людей изъ плѣнныхъ турокъ“ и карлицъ, а также разныхъ „курьезныхъ“ птицъ и звѣрей: ученыхъ скворцевъ, бѣлыхъ павъ и мартышекъ. Анна Іоанновна посылаетъ, напримѣръ, Салтыкову *шелковинку* и проситъ переслать ее въ Персію, къ генералу Левашеву; „чтобъ онъ по той шелковинкѣ изъ тамошняго народа, изъ персіянокъ, или изъ грузинокъ и милитинокъ (име-регинокъ?) сыскалъ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, какъ она есть, толькобъ были бѣлы, чисты, хороши и не глупы“. — „Увѣдомились мы“—пишетъ Анна Іоанновна Салтыкову въ 1739 г.—„что въ Москвѣ на Петровскомъ кружалѣ стоитъ на окнѣ скворецъ, который такъ хорошо говоритъ, что всѣ люди которые мимо идутъ, останавливаются и его слушаютъ, того ради, имѣете вы онаго скворца купить и немедленно сюда прислать“. Аннѣ Іоанновнѣ нравится сатирическая пѣсня, которую поютъ крестьяне деревни Вас. Ѳед.

⁽⁴⁾ Напечатана А. Кудрявцевымъ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. Росс., 1878 г., кн. I, с. 1—233, по рукописи, принадлежащей Императорскому московскому обществу испытателей природы и озаглавленной: «книга записная полученнымъ отъ ея императорскаго величества именнымъ письмамъ и указамъ 1732—1742».

Салтыкова, и она велитъ списать эту пѣсню и прислать себѣ (*).

Одновременно съ такими странными выходками, Анна Иоанновна выражаетъ старо-русскую, православную набожность и религіозность. Она заботится объ исправномъ поминовеніи по своей сестрѣ Прасковѣ Иоанновнѣ и о сооруженіи церкви надъ ея могилой въ Вознесенскомъ московскомъ монастырѣ; устраиваетъ новую богатую рабу для мощей преп. Сергія Радонежскаго, входитъ въ мельчайшія подробности о снабженіи всѣмъ необходимымъ вновь строящейся въ Петербургѣ Петропавловской Церкви и объ освященіи ея, а также объ исправленіи въ Москвѣ Архангельскаго и другихъ соборовъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквей; вникаетъ подробно въ монастырскую жизнь, въ отношенія настоятелей къ братіи, въ ихъ благосостояніе, хлопочетъ о помѣщеніи въ монастыри бѣдныхъ и убогихъ старушекъ. Къ своему духовнику, архимандриту Троицкой лавры Варлааму, человѣку глубоко религіозному и православному, — Анна Иоанновна выражаетъ искреннее почтеніе и сердечную привязанность; она называетъ его „батьюшкой“ и заботится объ удобствахъ при его поѣздкахъ изъ Петербурга въ Москву и при его пребываніи въ Москвѣ: она даетъ ему проводниковъ изъ придворныхъ служителей и проситъ Салтыкова, чтобы онъ оказывалъ ему въ Москвѣ „всякое содѣйствіе въ его нуждахъ“.

Анна Иоанновна является въ письмахъ къ Салтыкову весьма домовитой и заботливой хозяйкой. Она аккуратно слѣдитъ за доходами и расходами своего дворцоваго хозяйст-

(*) У насъ было въ селѣ Поливановѣ, бояринъ отъ дуракъ въ рѣшетѣ пиво варилъ; поитить было молодежькѣ поучить дурана, возми дуракъ котель, больше пива наварилъ. А дворецкой дуракъ въ сарафанъ пиво сливалъ; возми дуракъ бочку, больше пива насливалъ. А попъ-отъ дуракъ косаремъ сѣно косилъ; возми дуракъ косу, больше сѣна накошилъ. А пономарь дуракъ на свинь сѣно возилъ; впряги дуракъ лошадь, больше сѣна навозилъ. А поповичъ дуракъ шиломъ сѣно подавалъ; возми ты вины, больше сѣна подашь. А крестьянинъ дуракъ восточкой пашню пахалъ; возми дуракъ соху, больше пашни напашешь. (Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. Росс., 1878 г., кн. I, «Письма Анны Иоанновны къ Салтыкову», с. 225—226).

ва; тщательно просматриваетъ вѣдомости и счета; очень любитъ лошадей и входитъ въ мелочныя подробности о содержаніи придворныхъ конюшенъ и конюшенной команды, слѣдить, сама за своими золотошвейками и отдаетъ ихъ въ обученіе въ Строгановымъ. Сибирскій приказъ снабжаетъ ея гардеробъ и дворецъ дорогими шелковыми матеріями, мѣхами и „порцеленомъ“ (фарфоромъ); иногда она поручаетъ Салтыкову купить для себя въ Москвѣ старинной матеріи, уже вышедшей изъ употребленія въ ея время, или же какія нибудь рѣдкія вещи для украшенія и туалета, причѣмъ иныя вещи, по цѣнамъ, означеннымъ Салтыковымъ, считаетъ дорогими и велитъ ему „торговаться и купить по дешевле“.— „Поищите въ Москвѣ у купцовъ“—пишетъ она, наприимѣръ, въ 1734 году— „старинныхъ обьярей, которые, я чаю, и вы помните, что они бывали вѣрныя, а не такія какъ нынѣ, и сыскавъ, купите штукъ пять и пришлите сюда немедленно, а цвѣтомъ какія нибудь, толькобъ тѣ штуки мѣрою были пополнѣе“.— „Ежели отправлять будете сюда изъ Сибирскаго приказа порцеленъ или другія какія вещи“—пишетъ императрица Салтыкову въ 1735 г.— „то съ оными пришлите китайскіе цвѣты, которые нашиваются на полотно, вѣсь сколько ихъ есть; буде же отправленія никакого не будетъ, то отправьте оныя хотя съ нарочнымъ“. Она знаетъ лично московскихъ серебрянаго дѣла чеканщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ и выписываетъ ихъ въ Петербургъ, на годъ и на полтора года „у работы дворцовой въ вѣдомствѣ нѣмецкихъ мастеровъ“.

Анна Іоанновна не только выказываетъ большое вниманіе къ своимъ роднымъ находящимся въ живыхъ, но усердно чтитъ память умершихъ царственныхъ родственниковъ. Любопытно: стараніе ея розыскать ихъ „персоны“ (т. е. портреты), находившіяся въ частныхъ рукахъ и въ дворцовыхъ кладовыхъ и Мастерской палатѣ. Такъ наприимѣръ она поручаетъ Салтыкову добыть ей портреты—царя Алексѣя Михайловича отъ Ивана Бутурлина, а царевны Прасковьи Іоанновны отъ Шереметевой, проситъ также найти портретъ царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи, принадлежавшіе царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, а равно и портреты самой царевны Софьи, племянницы своей Анны Леопольдовны, царя Теодора Алексѣевича

и царевны Екатерины (сестры Петра Великаго). Анна Иоанновна собираетъ „старинныя книги русскія и исторіи прежнихъ государей „въ лицахъ“, (т. е. съ рисунками), о свадьбахъ или какихъ нибудь прочихъ порядкахъ“.

Въ судьбѣ частныхъ лицъ, ея придворныхъ и близкихъ ей, Анна Иоанновна принимаетъ сердечное участіе. Отношенія эти чисто патріархальныя. Она выражаетъ заботу о денежныхъ и семейныхъ дѣлахъ графа Алексѣя Петровича Апраксина, своего придворнаго шута, а равно и другаго шута—Балакирева; покровительствуетъ женѣ Апраксина, приказывая Салтыкову взыскать должныя Апраксину деньги съ Колычева, князя Репнина и другихъ, и даетъ ему и женѣ его взаимны безъ процентовъ деньги изъ казенныхъ полковыхъ суммъ, а потомъ деньги эти даритъ Апраксину, и запрещаетъ взыскивать съ него долги. Анна Иоанновна заботится о выдачѣ замужъ одной изъ бѣдныхъ двѣшекъ-дворянокъ Гиббушевыхъ за Матюшкина; свадьба произошла во дворцѣ въ началѣ 1734 г.—„Я чаю вы помните“—пишетъ Анна Иоанновна Салтыкову въ томъ же 1734 году „Аксинью Юсупову, которая жила у матушки; сестра ея есть Марья за Возницынымъ, а слышала я, что онъ на воеводство, а гдѣ не знаю—того ради вели къ себѣ сыскать Аксиньинныхъ братьевъ; Василья и Ивана Юсуповыхъ, и спроси ихъ, гдѣ ихъ сестра Марья, что за Возницынымъ; ежели она съ мужемъ или въ деревнѣ, то пошли тотчасъ по нее и отправь къ намъ въ Петербургъ, давъ ей солдата, чтобъ сохранно ее довели, а братьямъ ея и ей изволь сказать, что я ее беру изъ милости къ себѣ, для того, что ей, какъ я слышу, худо жить отъ мужа, къ тому жъ она за мною ходила, а ежели бъ она отъ мужа вовсе не похотѣла вѣхать, то на время къ намъ ея конечно отправить на нашемъ коштѣ немедленно“.—Анна Иоанновна вступается въ семейныя дѣла многихъ лицъ, разрѣшаетъ имъ браки и т. п. Такъ она разрѣшаетъ бракъ Теодора Лопухина съ Шереметевой, Петра Мих. Салтыкова съ княжной Натальей Алексѣвной Голицыной, приказываетъ воеводской женѣ Кологривой выдать дочь за служившаго у Салтыковыхъ Дмитрія Степанова, сватаетъ дочь князя Василья Гагарина за камеръюнкера Алексѣя Татищева.

Анна Иоанновна любитъ интимное общество разныхъ старыхъ барынь и приживалокъ; это все московскія бары-

ни стариннаго зачала, изъ которыхъ многія гостятъ у нея въ Петербургѣ по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ. Она заботится о ихъ благосостояніи, даетъ имъ провожатыхъ до Москвы и проситъ Салтыкова оказывать имъ всякое содѣйствіе. Какую роль играли во дворцѣ Анны Иоанновны эти приживалки, видно изъ любопытнаго разсказа жены дворцоваго управителя, Настасьи Филатовны Шестаковой, о томъ, какъ она провела у императрицы 16—17 іюля 1738 г. (*).

Анна Иоанновна послала за Филатовной съ утра. Филатовна явилась. До вечерни она провела время въ обществѣ придворныхъ дамъ, а затѣмъ была призвана въ опочивальню къ императрицѣ, когда та ложилась въ постель; Анна Иоанновна начала „тѣшиться“: „взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажъ больно мнѣ было“—разсказываетъ Филатовна. Затѣмъ Анна Иоанновна стала вспоминать про прошлое время; большую переѣмку замѣтила она въ постарѣвшей Филатовнѣ и спрашивала ее—переѣздила ли она сама?—на что Филатовна, конечно, отвѣчала отрицательно. Анна Иоанновна засѣдала Филатовну вопросами.—„Не знаю матушка, что говорить, душа во мнѣ трепещется—дай отдохнуть“—бормотала оторопѣвшая Филатовна, постоянно влкаясь въ ноги императрицѣ. Анна Иоанновна заставила ее разсказывать про разбойниковъ, а потомъ велѣла ей подробно передать про ея житье-бытье Авдотѣ Ивановнѣ Чернышевой.—„И долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать“, а гостью взяла къ себѣ княгиня Щербатова, которая жила передъ опочивальней. На другой день, въ 10-мъ часу утра, опять привели Филатовну къ императрицѣ; Филатовна упала въ землю. „Подымите ее. Ну Филатовна, разсказывай!“—обратилась къ ней императрица.—„Вчера, матушка, день я сидѣла, какъ въ исповѣди готовилась—сердце все во мнѣ трепетало, а сегодня къ причастію готовилась“—говорила Филатовна. Анна Иоанновна снова ее разспрашивала: и про ея мужа, при какой онъ должности, и лучше ли ему теперь, чѣмъ было прежде, когда онъ управлялъ новгородскими волостями, и богаты ли мужики въ коломенскихъ дворцовыхъ деревняхъ,

(*). Бумаги К. И. Арсеньева, изд. акад. Пекарскимъ («Сб. отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. IX), с. 133—136.

которыми управлять Шестаковъ, и стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ изъ ружей? Филатовна передала ей все что звала. Императрица выслушала милостиво и въ заключеніе похвалила мужа Филатовны за то, что онъ честно живетъ. „Эдакъ лучше: не пользуется имѣніе въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти“—сказала при этомъ Анна Іоанновна. Едва замолчитъ Филатовна, императрица понукаетъ ее: „ну говори!“ На прощанье велѣла выдать Шестаковой „сто рублей“ и показать ей свои сады и звѣринцы, а также общала пріѣхать помолиться въ „Миколѣ Чудотворцу“ въ село Дѣдиново (гдѣ жили Шестаковы), какъ ѣздила туда прежде съ покойной царицей Прасковьей.

Воспитаніе Анны Іоанновны не способствовало развитію ея ума. Учили ее немногому и самымъ поверхностнымъ образомъ. Ея учителемъ, какъ мы уже видѣли, былъ Дидрихъ Остерманъ, братъ вице-капцлера, человекъ ограниченный и пустой. Порядочное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ было единственнымъ результатомъ его ученія; по русски Анна Іоанновна только говорила хорошо, писала же просто безграмотно. Былъ еще у Анны Іоанновны другой учитель, Рамбургъ— „танцевальный мастеръ“, который обучалъ ее „тѣлесному благолѣпію и комплиментамъ чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ“ (*). Царица Прасковья не любила Анны Іоанновны, и она правдо проводила жизнь, частію въ селѣ Измаиловѣ, частію въ Москвѣ и Петербургѣ, до семнадцати-лѣтняго возраста находясь подъ надзоромъ и попеченіемъ своего дяди Петра Великаго и тетки Екатерины. Петръ былъ плохой педагогъ: не обращая вниманія на воспитаніе своихъ собственныхъ дѣтей, онъ прилагалъ еще менѣ стараній къ воспитанію племянницъ; на нихъ онъ смотрѣлъ исключительно, какъ на орудія для своихъ политическихъ „конъюнктуръ“. Отторгая у шведовъ область за областію на балтійскомъ побережьѣ, Петръ дѣлѣялъ мысль стать твердо ногою на всемъ Балтійскомъ морѣ; этимъ замысломъ опредѣляется его желаніе войти въ „алиансы“ со всеми прибалтійскими государями: герцогомъ курляндскимъ, курфюрстомъ бранденбургскимъ, королемъ датскимъ и герцогами голштинскимъ и мекленбургскимъ—и завязать дру-

(*) Русскій Архивъ 1867 г., с. 1187—1188.

жественныя сношенія съ Англіей и Голландіей. Брачныя союзы между государями—единственно-прочное въ то время средство для „алианса“, и вотъ Петръ Великій проектируетъ цѣлый рядъ такихъ брачныхъ союзовъ. Осенью 1710 года, семнадцатилѣтняя его племянница Анна Іоанновна была выдана замужъ за курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма, во владѣніяхъ котораго русскія войска уже расхаживали какъ у себя дома. Но брачная жизнь Анны Іоанновны была очень коротка. Отпраздновавши свадьбу племянницы столь любимыми имъ шумными торжествами съ разными „куръезами“, Петръ Великій отпустилъ ново-брачныхъ въ Курляндію въ началѣ 1711 года. Свадебныя торжества, а въ особенности большое количество выпитаго во время ихъ вина, дурно подѣйствовали на непривыкшаго къ кутежамъ герцога: онъ заболѣлъ въ дорогѣ и 9 января умеръ (*).

Съ тѣхъ поръ Анна Іоанновна прожила въ Курляндіи девятнадцать лѣтъ самую грустную и обездоленную жизнью. То были лучшіе ея годы, отъ восемнадцатаго до тридцати седьмаго, когда жизнь стремится вступить во всѣ свои права, особенно жизнь женщины. Положеніе Анны Іоанновны въ Курляндіи было ненормальное и фальшивое во всѣхъ отношеніяхъ. Вдова, бывшая замужемъ всего нѣсколь-ко мѣсяцевъ, герцогиня безъ герцогства, принужденная оставаться въ чуждой ей нѣмецкой обстановкѣ, да еще въ та-кой странѣ, которая была постояннымъ яблокомъ раздора между сильными сосѣдями—Россіей, Швеціей, Пруссіей и Польшей. Матеріальное обезпеченіе молодой вдовы было так-же незавидное: царица Прасковья ей ничего не давала, приданое, назначенное Петромъ, не все еще было выпла-

(*) Gebhardi, «Gesch. des Herzog—ms Kurland und Semgallen», Halle 1789.—«Urkunden v. der Vermählung des Herzogs zu Curland Friedrich Wilhelm mit der Russischen Prinzessin Anna»—въ Magazinъ Büsching's, XV, 199—200.—Krise. «Kurland unter den Herzogen», 1833, Bd. I.—См. А. Мосолова: «Курляндія подъ управленіемъ Екатерины Великой». (Р. В. 1870, май, с. 28—30). Эта небольшая статья, въ которой авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи Курляндіи, имѣетъ цѣну по своимъ источникамъ. Она составлена на основаніи авторитетныхъ сочиненій по исторіи Курляндіи и архивныхъ дѣлъ.

чено, курляндскій сеймъ спорилъ о томъ, слѣдуетъ Аннѣ Іоанновнѣ выдѣлить вдовью часть изъ герцогскихъ имѣній, или нѣтъ?—а эти имѣнія, очень обширныя, составлявшія одну часть территоріи Курляндіи, почти всѣ находились въ арендѣ или въ залогѣ у сосѣднихъ владѣтелей (рижскаго епископа, бранденбургскаго курфюрста и др.) и у частныхъ лицъ. Для выдѣла изъ нихъ части Аннѣ Іоанновнѣ, приходилось ихъ выкупать, что, при дурномъ состояніи тогдашнихъ финансовъ герцогства,—было очень трудно. Петръ Великій настаивалъ на выдѣлѣ Аннѣ Іоанновнѣ ея части и опредѣлялъ въ ней гофмейстеромъ и управляющимъ ея имѣніями Петра Михайловича Бестужева,—отца извѣстнаго впоследствии кабинетъ-министра и канцлера елизаветинской эпохи Алексѣя Петровича Бестужева,—предписывая ему употребить радикальныя средства для вліянія на курляндскій сеймъ.

Курляндское герцогство, бывшее въ то время леннымъ владѣніемъ польскаго королевства, управлялось сильнымъ и олигархическимъ рыцарствомъ. По смерти мужа Анны Іоанновны, курляндскимъ герцогомъ сталъ дядя ея, Фердинандъ, нерасположенный къ Россіи. Онъ очень скоро разсорился съ курляндскимъ рыцарствомъ и переехалъ даже на житье въ Гданскъ (Данцигъ). Курляндскій сеймъ порѣшилъ избрать новаго герцога. Явилось два претендента на курляндскую корону: съ польской стороны—побочный сынъ короля Августа II-го, Морицъ Саксонскій, и съ русской—князь Меншиковъ. Это произошло въ 1726 году, когда Петра Великаго не было уже на свѣтѣ. Оба противника боролись сперва путемъ дипломатіи, потомъ оружіемъ.

Морицъ Саксонскій былъ типическимъ представителемъ тѣхъ французскихъ воиновъ-ловеласовъ, похождениями которыхъ переполнены придворныя хроники первой половины XVIII в. Красивый собой, кичившійся своимъ происхожденіемъ, весьма почетнымъ въ то время, Морицъ не ломалъ головы надъ политическими и философскими вопросами тѣка; но, относясь къ жизни легкомысленно, игралъ въ любовь и въ войну; и та и другая игра ему улыбались. Онъ былъ идоломъ всѣхъ модныхъ красавицъ Парижа, Дрездена и Вѣны, и съ успѣхомъ обнажалъ шпагу подъ знаменами герцога Мальборо и принца Евгенія, сражаясь и съ шведами, и съ испанцами, и съ турками. Морицъ Саксонскій

приглянулся вдовѣ-герцогинѣ, а самъ онъ, домогаясь ея руки для большаго упроченія своей кандидатуры на Курляндскую корону, притворялся влюбленнымъ въ нее. Этому браку равно желали, и отецъ Морица, король польскій Августъ, и курляндскій сеймъ; но политическія соображенія петербургскаго кабинета, нерасположеннаго подчинить Курляндію еще болѣеи зависимости отъ Польши, а въ особенности честолюбивые планы Меншикова—разстроили „судьбу“ Анны Іоанновны (*).

Въ то время ей было уже тридцать четыре года—молодость ея прошла. Что же мудренаго, что она около этого времени сблизилась съ однимъ изъ своихъ придворныхъ, столь извѣстнымъ впоследствии Эрнестомъ Іоганномъ Бирономъ. Незнатное происхожденіе, грубость и чудовищная жестокость этого человѣка сдѣлались почти общимъ мѣстомъ въ повѣствованіяхъ и разсужденіяхъ о царствованіи Анны Іоанновны; поэтому мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что ни то, ни другое мнѣніе не выдерживаетъ строгой критики. Первое мнѣніе основано болѣе чѣмъ на сомнительныхъ данныхъ, а второе сложилось подъ вліяніемъ послѣдующаго виднаго положенія Бирона среди ненавистнаго русскимъ нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны, въ которомъ Биронъ едва ли игралъ большую роль, чѣмъ Остерманъ и Минихъ. Но Биронъ имѣлъ несомнѣнно сильное вліяніе на Анну Іоанновну, которая подчинялась ему вполне; поэтому, говоря о ней, нельзя обойти характера ея фаворита.

При избраніи курляндской герцогини на русскій престолъ, Биронъ далеко еще не былъ тѣмъ всесильнымъ временщикомъ, какимъ явился впоследствии,—онъ только начиналъ свою карьеру при мелкомъ нѣмецкомъ дворѣ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVIII в. Биронъ былъ уже женатъ

(*) Saint René Taillandier, «Maurice de Saxe, étude histor. d'après les documents des archives de Dresde». 2-e ed, Paris, 1890.—Щебальскія, «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій» (гл. обрза по документамъ Моск. Гл. Архива М. И. Д.), Р. В. 1860 г., т. XXV, с. 5—68.—Е. П. Карновичъ «Вмѣшательство русской политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ», Древн. и Нов. Россія 1875 г., т. III, с. 56—71, 152—161.

и не первой молодости (онъ родился въ 1690 г.); весьма красивой наружности, съ отличными манерами, очень скромный и привѣтливый въ обращеніи, онъ былъ большой дѣлецъ, хорошо знающій канцелярскую часть и обладающій отличнымъ слогомъ. Умъ Бирона былъ не изъ выдающихся умовъ: не лишенный остроты, даже сарказма, онъ былъ щедро надѣленъ тѣмъ житейскимъ тактомъ, который французы такъ мѣтко назвали—*l'esprit de conduite et de savoir vivre*.¹⁰ Свѣдѣнія Бирона были не обширны, но весьма несправедливо обвинять его въ исключительномъ знаніи одной гиппологии и лошадиныхъ нравовъ и обычаевъ. Биронъ воспитывался въ Кѣнигсберскомъ университетѣ, оказывая склонность преимущественно къ прикладнымъ наукамъ; онъ очень хорошо понималъ значеніе науки и высшаго образованія, относясь всегда съ уваженіемъ къ ученымъ; слѣдя за тогдашнею, небогатою впрочемъ, нѣмецкою литературою,—онъ и самъ имѣлъ очень хорошую, по словамъ одного изъ его біографовъ, даже драгоценную, библіотеку. Биронъ былъ очень честолюбивъ и стремился возвыситься надъ толпой: „il faut se rousser au monde“—говорилъ онъ постоянно. Вопросъ о карьерѣ всегда былъ для него жизненнымъ вопросомъ. Безъ понятій о чести, безъ сознанія долга, онъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни съ своекорыстіемъ мелкаго эгоиста. Онъ былъ человѣкъ безъ сердца и съ большимъ запасомъ энегги и настойчивости; впослѣдствіи изъ безсердечія развилась въ немъ жестокость. Гордое курляндское рыцарство относилось къ Бирону свысока, оскорбляя его самолюбіе, и изъ этого съ нимъ обращенія онъ вынесъ къ родовитой аристократіи презрѣніе, которое со временемъ еще болѣе усилилось въ отношеніи къ русскимъ родословнымъ людямъ. Какъ нѣмецъ, онъ вообще смотрѣлъ на русскихъ съ пренебреженіемъ, что и выказалъ вполне, получивъ въ руки ту обширную власть, которая была ему не подъ силу⁽¹⁰⁾.

⁽¹⁰⁾ Hempel, «Merckwürdiges Leben des, unter dem Namen des Grafen v. Biron, weltbekannten Ern. Joh. Bürens, gewesenen Regentens des Russischen Reichs.» 2^e Aufl. «Braunsch. u. Leipz., 1742.—Эта біографія представляетъ положительный панегирикъ Бирону, сообщая нѣсколько весьма любопытныхъ фактовъ изъ жизни регента; біогр. данныя до

Одновременно съ пребываніемъ въ Курляндіи Морица Саксонскаго и сближеніемъ съ Бирономъ, Анна Іоанновна, какъ мы видѣли, познакомилась еще съ двумя личностями, кототорымъ суждено было впоследствии сыграть діаметрально-противоположныя роли не только въ жизни Анны Іоанновны, но и въ исторіи всей Россіи—съ княземъ Василиемъ Лукичемъ Долгорукимъ и графомъ Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ. Въ то же время она была въ сношеніяхъ со многими людьми, стоявшими у кормила правленія русскаго государства, заискивала въ нихъ и писала имъ униженныя и ласкательныя письма. Этими людьми были: всесильный при Еватеринѣ I-й и въ началѣ правленія Петра II—князь Меншиковъ, и сильный во всѣ правленія А. И. Остерманъ.

Анна Іоанновна пишетъ посланія не только къ самому Ижорскому князю, нанесшему столько оскорбленій ея чувству и самолюбію во время исканій Морицомъ Саксонскимъ ея руки и курляндской короны,—но и къ женѣ Меншикова къ свояченицѣ, къ сыну, и къ дочери—первой невѣстѣ отрова-императора. Всѣхъ этихъ сильныхъ лицъ хочетъ задобрить въ свою пользу несчастная вдовица. Въ теченіи одиннадцати лѣтъ, съ 1716 по 1727 годъ, до самаго паденія „прегордаго Голяаа“ (такъ называли современники Меншикова)—Анна Іоанновна весьма аккуратно поздравляетъ, какъ самого Александра Давидовича, такъ и его родныхъ, съ новымъ годомъ и пасхой, съ семейными праздниками свѣтлѣйшаго князя, съ рожденіемъ у него новыхъ чадъ, съ его служебными повышеніями и

возвышенія Бирова обследованы весьма основательно.—См. Характеристики Бирона у де-Лиріа; *рки.*, с. 149—150, и въ письмахъ леди Рондо. (изд. Шубинскаго, стр. 108). Отзывы о Биронѣ фельдмаршала Миниха (См. его Записки изд. Шубинскаго, с. 67—68) и Манштейна (См. Записки изд. «Русской Стар.» с. 31—32) пристрастны и представляютъ герцога Эрн. Іоганна не въ настоящемъ свѣтѣ. Эти отзывы, на основанія которыхъ создается у большинства представленіе о Биронѣ, обуславливаются недружелюбными къ нему отношеніями Миниха и адъютанта послѣдняго, Манштейна.—Сравни отзывъ о Биронѣ кн. М. М. Щербатова въ его трактатѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». (Р. Стар. 1870 г., т. II, с. 51—52 перваго изданія).

награждениями, etc. etc., благодарить „за милостивныя писанія“, справляется о здоровьѣ „государя-дядюшки“ и государыни-тетушки“, просить „милостивой протекціи“ себѣ, своей матери и сестрамъ и ходатайствуетъ о разныхъ своихъ дѣлишкахъ. Тонъ этихъ писемъ самый заискивающий, самый жалостливый. Вотъ на примѣръ, какъ заканчиваетъ Анна Іоанновна письмо къ свояченицѣ Меншикова, В. М. Арсеневой, писанное въ то время, когда дочь Ижорскаго князя была невѣстой Петра II.

«Себяжь повергаю (въ)вашю милость и въ милостивое претстательства за меня сирочу у ихъ светлости (т. е. у Меншикова съ женой) і у Государыни Ее Высочества моей дарагой Государыни племянницы (невѣсты императора), въ чьей несумненной надеждѣ имею на вашу милость, какъ на самово Бога и пресветую Богородицу, і пребываю з достойнымъ респектомъ вашей милости верная и ко услугамъ должная Анна»⁽¹¹⁾.

Письма къ Остерману болѣе дѣловаго характера и не столь униженнаго тона. Вотъ, на примѣръ, одно изъ нихъ отъ 30 декабря 1727 года.

«Андрей Івановичъ! Черезъ вашего сиятельства ко мне склонную любовь получила я Его Императорскаго Величества і Ея Высочества Государыни Великой Княжны милостивые писан(б)и, при томъ і вашего сиятельства, за что і за вся вашего сиятельства ко мне многие благодеяніе попремногу благодарствую. І впредь ваше сиятельство прошю неотменно меня въ сво(е)й склонной любви і протекци(и) содержать; а я есмь і во весь животъ мой пребуду со многимъ почтеніемъ вашего сиятельства добροжелательная і къ службе готовая Анна»⁽¹²⁾.

Если Анна Іоанновна относилась такъ къ людямъ власть имѣющимъ, то конечно, еще съ большимъ униженіемъ писала она къ своимъ царственнымъ родственникамъ: къ государю-дядюшкѣ Петру Алексѣевичу, къ государынѣ-тетушкѣ Еватеринѣ Алексѣевнѣ и къ Петру II-му. Кромѣ того, Анна Іоанновна пишетъ и къ второстепеннымъ членамъ царскаго дома: къ цесаревнамъ Аннѣ и Елизаветѣ,

⁽¹¹⁾ «Письма Русскихъ Государей», изд. комис. печат. госуд. грамотъ и договор., в. IV, с. 201.—Всѣ предъидущія и послѣдующія подробности о перепискѣ Анны Іоанновны за время пребыванія ея въ Курляндіи—заимствованы нами изъ этого же изданія; мы приводимъ указанія только на подлинные мѣста изъ писемъ Анны Іоанновны.

⁽¹²⁾ Ibid., стр. 236.

къ Натальѣ Петровнѣ, къ Натальѣ Алексѣевнѣ (сестрѣ Петра II) и даже къ трехлѣтнему младенцу, сыну Петра Великаго, царевичу Петру Петровичу. Въ письмахъ къ Петру Великому Анна Иоанновна выражается почтительно-официально, поздравляя его съ церковными и семейными праздниками и прося извѣщеній о его здоровьи. Изъ тридцати писемъ ея къ царю, съ 1717 г. до самой его кончины, Анна Иоанновна только одинъ разъ рѣшилась обратиться съ просьбой о своихъ денежныхъ дѣлахъ: въ 1724 году просить она его о пожалованьи ей на десять лѣтъ состоящихъ въ арендѣ „амптовъ“ на уплату долговъ и на исправленіе домашнихъ нуждъ. Петръ Великій не любилъ нѣжностей и смотрѣлъ на Анну Иоанновну, какъ на пассивное орудіе своихъ цѣлей и предначертаній. Безъ его разрѣшенія Анна Иоанновна не имѣла права выѣзжать изъ Курляндіи, а когда, при начавшихся недоразумѣніяхъ между герцогомъ Фердинандомъ и курляндскимъ рыцарствомъ, пошли со стороны приверженцевъ герцога разныя интриги и инсинуаціи противъ Россіи,—Петръ принялъ крутыя мѣры и велѣлъ Аннѣ Иоанновнѣ выѣхать изъ Митавы въ Ригу, гдѣ она и прожила почти годъ, съ августа 1720 по май 1721 года.

Гораздо интимнѣе и откровеннѣе переписка Анны съ Екатериной, женщиной несомнѣнно доброй и принимавшей живое участіе въ положеніи курляндской герцогини. Съ ней бесѣдуетъ она запросто о своихъ домашнихъ дѣлахъ, называя ее въ письмахъ „тетушка-матушка“, „свѣтъ мой“, „радость моя“. Анна Иоанновна жалуется на своего дядю, Василия Ѳеодоровича Салтыкова, приводившаго въ ужасъ курляндцевъ своимъ поведеніемъ во время пребыванія въ Митавѣ. Она посвящаетъ императрицу въ разныя сплетни, которыя произошли между нею и ея матерью, царицею Прасковьею, и просить помирить ихъ между собою.

«Стенна, матушка моя, допашу: несноз(о)на, какъ нами ругаютца!»— пишетъ Анна Иоанновна 4 іюля 1719 г. Екатеринѣ.—«Велибы я таперь была при матушки, чѣю-бы чутъ была жива отъ ихъ смутавъ: а думаю, і сестрица отъ нихъ, чѣю, сокрушадь. Не оставь, мой свѣтъ, сіе въ своѣ милосте!»—Также, исволили вы, свѣтъ мой, приказовать крѣпче: дагъ ли нужды мнѣ въ чомъ здесь?»—продолжаетъ Анна Иоанновна въ томъ же письмѣ.—«Вамъ, матушкѣ* моя, извесна, што у меня ничево нетъ, крѣме што съ воли вашеі выписаны штоомъ; а ежели къ чему случеі

поваветь, і я не імею нароче(н)тыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотень, ни платя нарочетава: і въ томъ ко мне ісволте учинить, матушка моя, по високаі своєі милости і(зъ) здешнихъ пошленыхъ денекъ; а деревенскими доходами наслу я магу домъ и столъ свой въ гот(д)ъ содержать. Также определонъ по вашему указу Бестужевъ сынъ ка мне обаръ-камарамъ-юнкаромъ і живеть другой годъ бе(зъ) жалованья, і просить у меня жалованья; и вы, светъ мой, какъ ісволите? І прошу, матушка моя, не прогнева(в)ся на меня, што утрудила еваімъ писмомъ, надеючи на милость вашу къ себе. Еще прошу, свѣтъ мой, штобъ матушка не ведала ничево і кладусь (въ) волю вашу: какъ, матушка моя, ізволить са мною. При семь племянница ваша Анна кляеюсь⁽¹⁸⁾.

Анна Іоанновна изрѣдка посылаетъ Екаторинѣ презенты: то штофной матеріи ко дню рожденія, то табакерку, и просить ходатайствовать по своимъ нуждамъ передъ Петромъ; на первомъ планѣ стоитъ желаніе отлучиться на время изъ Митавы въ Петербургъ. Она очень хотѣла навѣститъ больную при смерти мать, но не успѣла: царица Прасковья умерла безъ нея. Опечаленная кончиной матери, Анна Іоанновна просить у Екаторины позволенія прибыть на ея коронацію въ 1724 году; получивъ это позволеніе, она снова обращается къ Екаторинѣ съ просьбой прислать ей образецъ платя для предстоящаго торжества. Съ поздравленіемъ о восшествіи на престолѣ Екаторины Анна Іоанновна посылаетъ Бирона.

Анна Іоанновна жила въ Митавѣ скромно и тихо. Рыцарство ее полюбило и относилось къ ней почтительно, признавая ее принцессой очень умной. У нея составился кружокъ интимныхъ лицъ и изъ курляндцевъ, и изъ русскихъ. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто занимаетъ кружокъ, мѣтко названный покойнымъ С. М. Соловьевымъ, „Бестужевскимъ кружкомъ“. Во главѣ этого кружка находился гофмейстеръ Анны Іоанновны, Петръ Михайловичъ Бестужевъ, а самый кружокъ состоялъ изъ двухъ его сыновей: Михайлы и Алексѣя, и двухъ дочерей—дѣвицы Екаторины Петровны, фрейлины Анны Іоанновны, и княгини Аграфены Петровны; бывшей замужемъ за княземъ Никитою Феодоровичемъ Волхонскимъ. Къ кружку принадлежали также: членъ военной коллегіи Егоръ Ивановичъ Пашковъ, Иванъ Семеновичъ Черкасовъ, знаменитый „арапъ Петра Великаго“ Абрамъ Петро-

⁽¹⁸⁾ Ibid., стр. 40.

вичъ Ганнибалъ и др. Михаилъ и Алексѣй Петровичи Бестужевы,—видные дѣятели елизаветинскаго царствованія, особенно послѣдній,—занимали и въ описываемое время важные дипломатическіе посты резидентовъ, первый въ Варшавѣ, а второй въ Копенгагенѣ. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ былъ вскорѣ опредѣленъ оберъ-камеръ-юнкеромъ во дворѣ Анны Іоанновны. Особымъ расположеніемъ герцогини пользовалась сестра Бестужевыхъ, княгиня Аграфона Петровна Волконская, женщина очень умная, большая хозяйка, по несчастію вышедшая замужъ за человѣка вполнѣ ея недостойнаго, кутилу и мота, потѣшавшаго Анну Іоанновну своими глупыми выходками и ставшаго наконецъ ея официальнымъ придворнымъ шутомъ.

Всѣ лица Бестужевскаго кружка отъ души ненавидѣли Меншикова. Они вели между собой переписку, въ которой откровенно выражали свои мнѣнія о всесильномъ временщикѣ. Большинство изъ нихъ поплатилось за это ссылкой. Запутанные Меншиковымъ въ дѣло Девьера и Толстаго, всѣ они были разосланы по деревнямъ, а иные и въ дальніе города на службу; уцѣлѣли только самъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ, да его два сына⁽¹⁴⁾. Едва миновала ихъ гроза и самый ихъ врагъ находился уже въ Березовѣ, какъ ударъ готовился съ другой стороны. На этотъ разъ онъ послѣдовалъ отъ Бирона, который видѣлъ въ Петрѣ Михайловичѣ опаснаго себѣ соперника. Въ 1727 году на него поданъ доносъ, обвинявшій его въ служебныхъ злоупотребленіяхъ. Вызванный въ Петербургъ, онъ былъ обвиненъ наряженной надъ нимъ особой комиссіей и спасенъ только личнымъ заступничествомъ Анны Іоанновны передъ Остерманомъ⁽¹⁵⁾.

(14) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ незаданной статьи Г. В. Есипова (по архивнымъ документамъ): «княгиня А. П. Волконская» и по выпискамъ изъ ея дѣла, сообщеннымъ Л. Н. Майковымъ,—К. И. Арсеньевъ («Царствованіе Петра II», с. 78 и примѣчаніе 54) неправильно считаетъ Бестужевскій кружокъ противникомъ царевнѣ дома Іоанна и въ особенности Анны Іоанновны.

(15) «Письма Русскихъ Государей», в. IV, с. 154—156, 164—203. Сен Арх., Указы В. Т. С. за 1727 и 1728 гг.—Незаданная статья Г. В. Есипова о кн. Волконской.

Анна Иоанновна рѣдко повидала свое митавское уединеніе. Она была въ Москвѣ на коронаціи Екатерины I-й, затѣмъ посѣщала Петербургъ и Москву по самымъ важнымъ своимъ дѣламъ: въ 1726 году она ѣздила хлопотать о своей свадьбѣ съ Морицомъ Саксонскимъ, въ 1727 году лично ходатайствовала за Петра Михайловича Бестужева, въ 1728 году присутствовала на коронаціи Петра II. Она не порывала связи съ русскими и съ Россіей: многіе знали ее въ Москвѣ, съ нѣкоторыми изъ старинныхъ и знатныхъ русскихъ фамилій она даже находилась въ родствѣ; по отцу и по матери Матюшкины и Салтыковы были ей самой близкой родней, а по нимъ она считалась родствомъ съ князьями Ромодановскими, Долгорукими, Голицыными, Трубецкими, Борятинскими, графами Головинными и съ Ягужинскимъ ⁽¹⁶⁾.

⁽¹⁶⁾ Ркп. Малиновскаго «Управленіе Всеросс. имперіей во время бывшаго В. Т. С.»; спец. печатные протоколы В. Т. С.—О родственныхъ отношеніяхъ между всеми этими фамиліями и о родствѣ ихъ съ Анной Иоанновной находятся свидѣнія въ настоящемъ трудѣ: во II-й главѣ (о кн. Ромодановскомъ и о Головинныхъ), а также и въ VII-й.

IV.

ВЕРХОВНИКИ И ШЛЯХЕТСТВО СЪ 20 ЯНВАРЯ ДО 2 ФЕВРАЛЯ.

Противники верховниковъ.—Отравленіе Ягушинскимъ въ Матаву П. С. Сумарокова и другіе гонцы, посланные къ Аннѣ Іоанновнѣ.—Рейнгольдъ ф. Лёвевольде и С. А. Салтыковъ.—Сторонники Анны Іоанновны.—Слухи о ея избраніи.—Шляхетскіе кружки и ихъ политическія воззрѣнія.—Сторонники Евдоимъ Теодоровны, голштинскаго принца, Елизаветы Петровны и Екатерины Іоанновны мекленбургской.—Впечатлѣніе, произведенное избраніемъ Анны Іоанновны.—Роль князя Д. М. Голицына.—Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 20 Января по 2 Февраля.

Происшествія ночи съ 18 на 19 января и утра 19 января 1730 года не только не успокоили взволнованныхъ умовъ московскаго общества, но еще усилили тревожное ихъ настроеніе. Какъ верховники ни желали скрыть сущности своего ночнаго совѣщанія въ Лефортовскомъ дворцѣ, какъ ни старались они прикрыться участіемъ въ избраніи Анны Іоанновны всѣхъ сословій: синода, сената, генералитета и шляхетства—истина проникала чрезъ поставленныя ей преграды, но, не имѣя свободнаго выхода, распространялась въ извращенномъ видѣ.

Архіереи, удаленные верховниками изъ Лефортовскаго дворца ночью 19 января, сановники, не приглашенные ими въ совѣщаніе, шляхетство, оставшееся совсѣмъ безъ голоса при избраніи Анны Іоанновны—всѣмъ враждебно настроеными противъ верховниковъ. Самолубіе всѣхъ ихъ было задѣто за живое и задѣто болѣзненно.

Феофанъ Прокоповичъ на своемъ оригинальномъ языкѣ, съ полнымъ злобы и юмора, живо рисуетъ намъ общее недо-

вольство на „всенощное оной затѣйки ухищреніе“ — такъ называетъ онъ ночное засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. „Сіе коварство ихъ (верховниковъ) потому не тайно“, — говоритъ онъ — „что они не думали видѣть народное владѣтельство, кое обычно вольною республикою называютъ, но всю крайнюю силу осьмиличному своему совѣту учреждали, который владѣнія образъ, въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарѣщись владѣтельство избранныхъ, греческа аристократія, но развѣ съковническа я тиранія или насильство, которая олигархія у еллиновъ именуется“⁽¹⁾. Мы видѣли, какъ во время ночнаго совѣщанія верховниковъ, перешептывались между собою сенатъ и генералитетъ и указали на любопытный разговоръ Ягушинскаго съ княземъ С. Г. Долгорукимъ. Ягушинской, оскорбленный пренебреженіемъ къ нему верховниковъ, которые не спросили его мнѣнія при избраніи преемницы Петру II, не оставилъся на словахъ. Онъ перешелъ къ дѣлу.

20 января Ягушинской призвалъ къ себѣ Петра Спиридоновича Сумарокова, камеръ-юнкера голштинскаго герцога⁽²⁾ и далъ ему рекомендательное письмо къ Аннѣ Иоанновнѣ въ Митаву, вручивъ притомъ изрядную сумму денегъ.

(1) Теофанъ «Сказаніе», с. 196.

(2) Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, по свидѣтельству Манштейна, во все время царствованія Анны Иоанновны оставался безъ должности и жилъ въ нищетѣ (Зап. Манштейна, изд. Русск. Стар., с. 23). Нерасположеніе къ нему Анны Иоанновны объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Сумароковъ былъ камеръ-юнкеромъ неманнаго ей голштинскаго двора. При Елизаветѣ Петровнѣ онъ начинаетъ возвышаться: назначенный по ея воцареніи камергеромъ наследника престола, Петра Теодоровича, въ 1746 г. онъ является шталмейстеромъ, а въ 1761 г. оберъ-шталмейстеромъ; кромѣ того, одно время состоитъ директоромъ шляхетнаго кадетскаго корпуса. — Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ † 12 декабря 1780 г., въ чинѣ генералъ-аншефа и кавалеромъ орденовъ Андреевскаго и Александровскаго. Онъ былъ близкій родственникъ извѣстнаго драматурга и сатирика эпохи Елизаветы и Екатерины, Александра Петровича Сумарокова (Бѣнтышъ-Камеискій, Словарь, изд. 1847 г., III, с. 372. — Родосл., изд. Рус. Стар., с. 400. — Письмо къ П. С. Сумарокову графа П. И. Панина, Рус. Стар. 1876, XVI, 579). — Смѣе также «Задски елжидцага человекъ» А. Сумарокова, В. Евр. 1871, т. IV, с. 700. — Кн. П. В. Долгорукой утверждаетъ, что П. С. Су-

— „Не жалѣй денегъ и поѣзжай какъ можно скорѣе въ Митаву“,—говорилъ Ягушинской Сумарокову, отдавая письмо.

Сумароковъ, ничего не знавшій объ отъѣздѣ „депутатовъ“, просилъ Ягушинскаго дать ему письмо къ бригадиру Полибину (завѣдывавшему почтами) о подводахъ ямскихъ, или почтовыхъ, но Ягушинской отказалъ исполнить эту просьбу.

— „Можетъ быть поѣхалъ князь В. Л. Долгорукой и, по всей вѣроятности, заказано никуда никакихъ подводъ не давать“—говорилъ онъ Сумарокову.

— „Передай мой всеподданнѣйшій поклонъ ея величеству“—продолжалъ Ягушинской—и притомъ донеси.... Затѣмъ слѣдовала цѣлая инструкція о томъ, что долженъ донести Сумароковъ.

Ягушинской убѣждалъ курляндскую герцогиню вѣрить не всему, что станутъ представлять князь В. Л. Долгорукой и „которые съ нимъ поѣхали“ и завѣрялъ ее, что истину она узнаетъ только, когда сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели князь В. Л. Долгорукой будетъ принуждать герцогиню подписываться подъ „пунетами“ и увѣрять ее, что „пунеты“ составлены отъ всего собранія и согласія народа, тобъ ея величество просила отъ „посланныхъ трехъ персонъ“ такого письма за подписаніемъ рукъ, что они отъ всего народу оное привезли; „а ежели они такого письма дать не похотятъ, тобъ объявила, что ея величество оное учинить по волѣ ихъ только тогда, когда она прибудетъ въ Москвѣ“, когда она удостовѣрится, что именно все такъ, какъ они представляютъ.

Ягушинской предусматривалъ даже возможную угрозу со стороны „трехъ персонъ“. Онъ предупредилъ Сумарокова и о томъ, какъ поступать Аннѣ Іоанновнѣ въ случаѣ, если „три персоны станутъ страдать, что они властны избрать другаго“, если Анна Іоанновна не подпишетъ „пунктовъ“. И при этой угрозѣ онъ убѣждалъ ее „крѣпиться до

мароковъ въ 1764 г. поссорился съ Орловыми, вследствие чего вышелъ въ отставку и переселился на жительство въ Москву, гдѣ и умеръ въ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, въ 1780 г. («Memoires du pr. P. Dolgoroukow», Genève 1857, I, 319—320).

того, пока они своей руки письмо дадутъ, что отъ всего народу оныя пункты привезены". Только такое удостовѣреніе можетъ убѣдить Анну Іоанновну въ томъ, что, по прїѣздѣ ея въ Москву, дѣйствительно окажется, что она избрана всѣмъ народомъ. Ягушинской очевидно ничего не зналъ о той прибавкѣ въ началѣ „пунктовъ“ о всенародномъ избраніи, которая была сдѣлана вн. Д. М. Голицынымъ и В. Л. Долгорукимъ въ утреннемъ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19 января.

— „Очень можетъ быть“, — осторожно прибавилъ Ягушинской, — что „три персоны“ будутъ уклоняться отъ таковаго удостовѣренія, потому что, *можетъ быть* „не во многихъ персонахъ оное учинено“ — однако, чтобъ ея величество была благонадежна, что *мы есмь* ея величеству желаемъ прібытія въ Москву“.

„Ежели ея величество спроситъ меңи, — кто въ совѣтѣ тутъ былъ, что я долженъ отвѣчать?“ — обратился Сумароковъ съ вопросомъ къ Ягушинскому.

Ягушинской уклонился отъ прѣмого отвѣта.

— „Много тутъ большихъ было“ — отвѣчалъ онъ, а кто именно большіе, того не сказалъ.

— „Храни себя и меня“ — заключилъ свою бесѣду Ягушинской. — „Постарайся какъ можно, чтобъ увидѣть ея величество тайно и оное объявить“.

„Какъ мнѣ поступать ежели у меня будутъ требовать подорожную?“ — спросилъ Сумароковъ.

— „Все то дѣлай черезъ деньги“ — коротко и ясно отвѣчалъ Ягушинской.

Вслѣдъ за бесѣдой съ Ягушинскимъ, вечеромъ того же 20 января, Сумароковъ выѣхалъ изъ Москвы. Онъ нанялъ двѣ карныя подводы у Ивана, назвавшагося каменщиномъ, дворъ котораго находился у Яузскихъ воротъ. На заставѣ у Черной Грязи онъ былъ задержанъ, при чемъ объявилъ караульному сержанту, что онъ камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога и ѣдетъ къ себѣ въ деревню. Продержавъ его на станціи часа 3—4, сержантъ отпустилъ съ тѣмъ однако, чтобъ онъ возвратился въ Москву. Отѣхавъ отъ Черной Грязи назадъ верстъ 5—6, Сумароковъ послалъ въ село Черкизово нанять новаго извозчика. Съ новымъ извозчикомъ онъ объѣхалъ Черную Грязь, между тѣмъ какъ его московскій Иванъ проселкомъ пробрался со сво-

ими лошадьми до заставы на слѣдующей станціи; съ нимъ Сумароковъ доѣхалъ до с. Пѣшекъ, а оттуда бралъ вольныхъ воищиковъ, по тогдашнему выраженію „копѣчныхъ“, доѣхалъ такимъ образомъ до Новгорода—и отправился затѣмъ дальше. На пятидесятой верстѣ за Новгородомъ нагналъ его курьеръ польскаго посла Лефорты, отправленный съ реляціями въ Варшаву и выѣхавшій изъ Москвы 19 января. У курьера были два паспорта: одинъ, выданный изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, за подписью канцлера Головкина, въ которомъ онъ названъ купцомъ, другой—Лефортомъ на его настоящее званіе. Сумароковъ не замедлилъ воспользоваться этимъ благоприятнымъ случаемъ и рѣшилъ продолжать свой путь вмѣстѣ съ курьеромъ. Для этого онъ вернулся въ Новгородъ и отправился съ курьеромъ на Псковъ до Риги. На одной изъ станцій Сумароковъ зашелъ въ корчму, гдѣ караульный капралъ спросилъ у него подорожную.

— „У меня нѣтъ подорожной“—отвѣчалъ Сумароковъ,— „а есть паспортъ, выданный отъ герцога голштинскаго“—причемъ отдалъ паспортъ капралу.

Капралъ не могъ его прочесть (вѣроятно, паспортъ былъ написанъ по-нѣмецки) и передалъ комиссару, которому все это показалось довольно подозрительнымъ, и хотя онъ и выдалъ подводы Сумарокову и курьеру, но рѣшилъ самъ проводить ихъ до Митавы. Къ счастью для Сумарокова, ничего худаго изъ этого не произошло (*).

Сумароковъ пріѣхалъ въ Митаву 25 января, но „три персоны“, т. е. депутаты, прибыли туда нѣсколькими часами ранѣе (*).

(*) Гесудар. Арх., разд. III, д. № 6, л. 13—15.

(*) Ibid.—Кн. Долгорукой и Голицынь пишутъ Верховному Совѣту, что Сумароковъ прибылъ въ Митаву 27 января, но при этомъ же своемъ сообщеніи присылаютъ допросъ, снятый съ него 26 января.—Лефортъ говорить, что Сумароковъ прибылъ тремя часами позже депутатовъ. (Сб. Р. Ист. Общ., V, 350).—«Не знаю, какими путями»—пишетъ Манштейнъ—«кн. Долгорукій узналъ, что изъ Москвы пріѣзжалъ посланный (Сумароковъ) и имѣлъ свиданіе съ императрицей до депутатовъ. Онъ приказалъ розыскать его и, слыша, что посланный уже отправился обратно, послалъ за нимъ въ погоню; его и привезли обратно въ Митаву». (Зап. Манштейна, изд. Р. Стар., с. 22).

Отправка Сумарокова не была тайной для нѣкоторыхъ лицъ. О ней знали приближенные Ягушинскаго и его единомышленники. Въ числѣ первыхъ были: адъютантъ Ягушинскаго Иванъ Окуневъ, состоявшій при немъ Свѣшниковъ и его же секретарь Аврамъ Полубояровъ; ко вторымъ принадлежали: весьегонскіе помѣщики Корсаковы (Петръ и Воинъ, ихъ мать и сестра, а также жена Петра Корсакова), Алексѣй Аргамаковъ съ женою, камеръ-юнкеръ Семенъ Нарышкинъ, гофъ-юнкеръ Левъ Кайсаровъ, Василій Дурной и кавалергардъ Иванъ Чаплыгинъ⁽⁵⁾.

Не одинъ Ягушинской увѣдомилъ Анну Іоанновну о поѣздкѣ трехъ депутатовъ съ „кондиціями“; съ тѣми же извѣстіями послакали въ Митаву гонцы отъ Рейнгольда Лёвенвольде и Теофана Прокоповича. Гонецъ Лёвенвольде опередилъ депутатовъ, и отъ него Анна Іоанновна узнала всю истину⁽⁶⁾. Такимъ образомъ, мы видимъ уже нѣсколько лицъ, давшихъ знать Аннѣ Іоанновнѣ о замыслахъ верховниковъ. Къ числу усердныхъ ея сторонниковъ въ Москвѣ, принадлежали также С. А. Салтыковъ и А. И. Остерманъ. О Ягушинскомъ, Теофанѣ Прокоповичѣ и Остерманѣ мы говорили выше, а потому остановимся здѣсь на новыхъ для насъ личностяхъ Рейнгольда Лёвенвольде и С. А. Салтыкова.

Рейнгольдъ фонъ Лёвенвольде, потомокъ старинной лифляндской фамиліи, занималъ должность резидента герцога курляндскаго Фердинанда при русскомъ дворѣ. Онъ представлялъ собою типъ тѣхъ иноземцевъ, которые при Петрѣ Великомъ держали себя тише воды, ниже травы, а въ послѣдующія царствованія, въ особенности при Аннѣ Іоанновнѣ, стали рѣшителями судебъ русскаго народа. Онъ не зналъ и не хотѣлъ знать Россіи, ему были чужды интересы и заботы русскихъ людей, но онъ не могъ не замѣчать, что въ Москвѣ готовится что-то небывалое, и инстинктъ подсказывалъ ему, что это что-то будетъ неблаго-

⁽⁵⁾ Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 14—15.

⁽⁶⁾ Записки Мивиха-сына, с. 44—45; истр. Евгеній, Слов. духовныхъ писателей, біогр. Теофана Прокоповича.—Снес. проповѣдь Теофана Прокоповича, помѣщ. въ Ж. М. Н. Просв. 1836 г., т. IX.

пріятно для иноземцевъ. Рейнгольдъ Лёвенвольде, не отличался умственными качествами и обладая только красивою наружностью, былъ въ полномъ смыслѣ слова человекомъ внѣшняго лоска и внутренней испорченности. Къ нему можно приложить слова Евангелія: „Горе вамъ, книжники и фарисеи; лицемеры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты“. Испанскій посолъ де-Лирія рѣзко обрисовываетъ Рейнгольда Лёвенвольде въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Онъ не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія своей цѣли и ни передъ чѣмъ не останавливался въ преслѣдованіи личныхъ выгодъ, въ жертву которымъ готовъ былъ принести лучшаго друга и благодѣтеля. Задачей его жизни былъ личный интересъ. Лживый и криводушный, онъ былъ чрезвычайно честолюбивъ и тщеславенъ, не имѣлъ религіи и едва-ли даже вѣрилъ въ Бога“. Красивая наружность создала ему положеніе. Екатерина I, обратившая вниманіе на красоту Лёвенвольде, сдѣлала его камергеромъ и графомъ. Онъ былъ образцовый придворный: всегда веселый и съ отличными манерами, Рейнгольдъ Лёвенвольде былъ центромъ всѣхъ придворныхъ баловъ и празднествъ, устраивать которые онъ былъ великій мастеръ. Страстный игрокъ въ карты, мотъ и щеголь,—онъ являлся непремѣннымъ участникомъ всѣхъ кутежей молодежи, а на балахъ покорялъ сердца придворныхъ красавицъ. Своей карьерой онъ былъ обязанъ жеманамъ. Въ 1730 г. онъ находился въ открытой связи съ красавицей Натальей Θεодоровной Лопухиной, которая впоследствии такъ жестоко поплатилась за свою кокетливость. Его младшій братъ—Густавъ Лёвенвольде жилъ въ то время въ своемъ лифляндскомъ имѣніи и, если вѣрить молвѣ, былъ лицомъ очень близкимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ. Къ нему-то отправилъ Рейнгольдъ Лёвенвольде гонца, прося предупредить Анну Іоанновну о замыслахъ верховниковъ (').

(') Родосл. Рус. Стар. I. с. 38.—Вантышъ-Каменскій. Словарь, изд. 1836 г., III, 166—169.—Де-Лирія, «Характеристики», *ркп*, с. 150—151. Авторъ «Примѣчаній на записки Манштейна» утверждаетъ совершенно наоборотъ, что въ Москвѣ въ то время находился Густавъ Лёвенвольде, а въ своемъ лифляндскомъ имѣніи братъ его Рейнгольдъ.

Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, происходя отъ старшей вѣтви дома Салтыковыхъ, въ младшей вѣтви котораго принадлежала мать Анны Иоанновны,—былъ родственникомъ, хотя не близкимъ, вновь избранной императрицы. Не отличаясь дарованіями, Семенъ Андреевичъ былъ ревностнымъ и аккуратнымъ служакой, точно исполнялъ возлагаемыя на него служебныя порученія, пользовался любовью подчиненныхъ и въ особенности солдатъ. Въ 1697 г., имѣя 25 лѣтъ отъ роду, онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ Англію и Голландію для изученія морскаго дѣла. Морскаго дѣла онъ не изучилъ, а поступилъ въ сухопутныя войска и хотя усердно служилъ во время шведской войны, но не быстро возвышался въ чинахъ: къ концу жизни Петра Великаго онъ былъ только генераль-маіоромъ; въ царствованіе же Елизаветы I, при учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, сдѣланъ сенаторомъ и произведенъ въ генераль-лейтенанты. Не имѣя опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ съ одинаковою ревностью служилъ сначала Меншикову, а потомъ его врагамъ—Долгорукиимъ (*).

(Рус. Стар. 1879 г. т. XXVI, с. 378). Братьевъ Лёвенвольде вообще плохо различаютъ между собою. Современные дипломаты называютъ того и другаго просто по фамиліи, а послѣдующіе мемуаристы, писавши на память, смѣшиваютъ ихъ по очень простой причинѣ: оба брата носили имя Густава—старшій *Рейнгольдъ-Густавъ*, а меньшой *Карлъ-Густавъ*. Кромѣ этихъ двухъ Лёвенвольде былъ еще третій братъ, самый старшій *Фридрихъ-Казиміръ*, русскій уполномоченный въ Варшавѣ въ 1733 г., который долгое время отождествлялся съ Карломъ Густавомъ. (См. Бантыша-Каменскаго, Словарь, изд. 1836, т. III, с. 162—166 и статью І. Н. Шишкина: «Братья Густавъ и Рейнгольдъ ф. Лёвенвольде». Рус. Слово 1862 г., № 5).—Приводимыя нами данныя основаны на свидѣтельствѣ Мнииха-сына (См. его Записки, с. 44) и подтверждаются родословной Лёвенвольде (См. Родосл., изд. Рус. Стар., с. 60) и дѣламъ Госуд. Архива (См. разд. III, д. № 7).—Карлъ-Густавъ Лёвенвольде не имѣетъ ничего общаго съ своимъ братомъ Рейнгольдомъ. Это былъ очень умный человекъ, талантливый дипломатъ и храбрый офицеръ. Онъ имѣлъ большую силу въ царствованіе Анны Иоанновны, отличаясь мѣстнымъ лифляндскимъ патриотизмомъ. Онъ † 1735 г.

(*). Долгор., Род. кн., II, 70—76; его-же, «Сказ. о родѣ кн. Долгор.» с. 222.—Голяковъ, Дѣян. Петра В., т. VI, 325; VII, 145,

Остерманъ былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы войти въ открытыя сношенія съ Анной Иоанновной, но, будучи весьма къ ней близкимъ человѣкомъ и смотря недо-вѣрчиво и презрительно на замыслы верховниковъ, онъ всѣми симпатіями своими стоялъ на сторонѣ ея самодержавія⁽⁹⁾.

Всѣ эти лица были только случайными сторонниками Анны Иоанновны; но за ними стояла цѣлая масса людей, видѣвшихъ въ курляндской герцогинѣ законную наследницу русскаго престола. Эти люди чтили въ ней потомство старшаго брата Петра Великаго, царя Иоанна Алексѣевича, и идеализировали ее въ своемъ воображеніи: имъ приходились по-сердцу благочестіе и набожность Анны Иоанновны, и они приписывали ей разныя высочія добродѣтели, а ея избраніе признавали чудомъ Божиимъ, ниспосланнымъ ей за долготерпѣніе. Самые крайніе изъ людей этого образа мыслей выражали даже мнѣніе, что Петръ Великій и его потомство царствовали неправильно, и видѣли въ смертныхъ случаяхъ, бывшихъ въ его семействѣ, наказаніе Божіе за присвоеніе престола при жизни старшаго брата. Царствованія Петра Великаго, Екатерины I и Петра II представлялись этимъ людямъ испытаніемъ, которому Провидѣніе подвергало Анну Иоанновну исключительно для того, чтобы со временемъ торжественно проявить ея права на престолъ⁽¹⁰⁾.

Сторожники Анны Иоанновны распространяли въ ея пользу разныя слухи, которые находили себѣ мѣсто въ депешахъ иностранныхъ пословъ: „Русская нація не могла

330—334; VIII, 394; IX, 96; X, 58, 167; XIII, 346, 641.—Сев. Арх. имен. ук., кн. XXIX; ук. В. Т. С. за 1727 и 1729 гг.—Дедриа, «Характеристики», ржи., с. 155.

(9) Neupel, Ostermans Leben, 2-е Aufl., Bremen 1743. S. 302—343.—«Послѣ многихъ споровъ была избрана въ императрицы вдовствующая герцогиня курляндская»—пишетъ прусскій посланникъ баронъ Мердефельдъ—«что для барона ф. Остермана большое счастье, ибо она всегда была расположена къ нему, а онъ былъ ея близкимъ другомъ». (Сб. Р. Ист. Общ., XV, 403).—См. также депеша Лефорта, *ibid.* V, 343 и 353.

(10) Эти возрѣнія сообщены въ нѣмецкомъ литературно-публицистическомъ произведеніи того времени: «Nationen Gespräche, oder curieuse Discourse über die jetzigen Conjunctionen und wigtigsten Begebenheiten». См. 23 Entrewue, Berlin 1730, S 430—434.

выбрать лучшей государыни“—писалъ испанскій посолъ де-Лиріа.—„Герцогиня курляндская 36-ти лѣтъ отъ роду, очень величественной, представительной наружности, очень любезна, отличается большимъ умомъ и поистинѣ достойна трона“⁽¹¹⁾. „Хотя герцогиня курляндская“,—пишетъ тотъ-же дипломатъ,—„провозглашена и признана царицей, но еще сомнѣваются, приметъ-ли она выборъ, потому что этотъ выборъ сдѣланъ съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣсколько тяжелыми; во я не сомнѣваюсь, что приметъ, потому что, не говоря уже о пріятности царствовать, однажды получивши власть, она легко сброситъ иго“⁽¹²⁾. Почти то-же утверждаетъ и французскій резидентъ, говоря: „Ограниченіе заставляетъ сомнѣваться, приметъ-ли герцогиня курляндская избраніе, но есть полное вѣроятіе предполагать, что привлекательность власти и надежда свергнуть со временемъ иго, налагаемое на избранную, не позволятъ ей отказать отъ трона, который доставляется ей судьбою“⁽¹³⁾.

О подробностяхъ избранія Анны Іоанновны, объ условіяхъ ей предложенныхъ, о цѣли поѣздки депутатовъ въ Митаву—не знали ничего опредѣленнаго. Рассказывали, на-примѣръ, что Анну Іоанновну назначилъ своей преемницей умиравшій отрокъ-императоръ, вслѣдствіе чего избраніе курляндской герцогини являлось исполненіемъ его воли; другіе заявляли, что избраніе произошло по инициативѣ верховниковъ, при чемъ инициативу эту приписывали многимъ изъ нихъ—и канцлеру Головкину, и А. И. Остерману, и князю Д. М. Голицыну, и князю В. Л. Долгорукому. О побужденіяхъ этихъ лицъ передавали также различные слухи: говорили, что князь В. Л. Долгорукой, пользовавшійся въ бытность свою въ Курляндіи расположеніемъ Анны Іоанновны, намѣренъ на ней жениться и провозгласить себя правителемъ государства. О „кондиціяхъ“ передавали въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, утверждая что онѣ направлены къ улучшенію государственнаго правленія. Иные полагали, что „кондиціи“ будутъ предложены Аннѣ Іоанновнѣ по ея пріѣздѣ въ Моск-

(11) Де-Лиріа, XVIII в., III, 28.

(12) Ibid., 30.

(13) Tourgueneff, III, 259.

ву, другіе—что онѣ отправлены въ Митаву съ депутатами; по словамъ же третьихъ депутаты были отправлены только для объявленія Аннѣ Іоанновнѣ о „кондиціяхъ“ и сопровожденія ея въ Москву. Имена депутатовъ съ точностью не были извѣстны: по однимъ слухамъ въ числѣ ихъ, кромѣ дѣйствительно поѣхавшихъ трехъ лицъ, находились еще князь Н. Ю. Трубецкой и гвардіи капитанъ Еропкинъ; по другимъ—во главѣ депутаціи, состоявшей изъ четырехъ князей и одного генерала, былъ отецъ государыни-невѣсты, князь Алексѣй Долгорукой. О кондиціяхъ доносили только своимъ правительствамъ дипломатическіе агенты, но и то не точно и не полно, а на основаніи слуховъ. Гораздо уже позже, начиная съ конца января и кончая началомъ марта, сообщаютъ они копии съ кондицій по частнымъ спискамъ⁽¹⁴⁾.

Возбужденіе умовъ было сильное. Вотъ въ какнхъ выраженіяхъ изображаетъ Теофанъ Прокоповичъ общее недовольство на олигархическіе замыслы осмиличнаго совѣта: „Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе. Куда не прійдешь, къ какому собранію не пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нарѣванія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несмытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну, почитай, рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господь сдѣлается, (отъ чего сохранилъ бы Богъ!), то крайнее всему отечеству настоятъ бѣдство. Самымъ имъ господамъ нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человекъ, чуть ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скарредное оное лице, каковое имѣла прежде, когда, на многія княженія расторгнена, бѣдствовала“⁽¹⁵⁾.

(14) О всѣхъ этихъ слухахъ см. въ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени: «Mercure historique et politique» 1730, т. 88, р. 234—235, 300—304; «Europäische Fama» 1730, Bd. 326, S. 165, 297—298; «Politische Staats v. Europa» ан. авт. XVIII в., I, р. 428.—Де-Ляриа, XVIII в., III, 32. Подробности о кондиціяхъ, сообщенныя послани, см. въ I-мъ Приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(15) Теофанъ «Сказаніе», с. 198—199.

Но далеко не всѣ противники верховниковъ примирялись съ избраніемъ Анны Іоанновны и далеко не всѣ изъ нихъ желали предоставить ей самодержавную власть. Среди противниковъ Верховнаго Совѣта можно замѣтить два направленія: первое было за ограниченіе власти, но при участіи выборныхъ отъ генералитета и шляхетства, второе—за сохраненіе самодержавія. Оба эти направленія подраздѣлялись еще на группы, стоявшія за разныхъ лицъ тогдашняго царскаго дома: одни желали видѣть на престолѣ первую, развѣнчанную, супругу Петра Великаго, царицу Евдокію Ѳеодоровну; другіе, опираясь на „тестаментъ“ Екатерины I-й, стояли за принца голштинскаго Петра-Ульриха и за Елизавету Петровну; третьи, наконецъ, высказывались въ пользу герцогини мекленбургской Екатерины Іоанновны, старшей сестры курляндской герцогини. Въ числѣ сторонниковъ всѣхъ этихъ лицъ были люди и за самодержавіе, и за его ограниченіе.

Движеніе въ кружкахъ генералитета и шляхетства росло все болѣе и болѣе. Въ началѣ 1730 года приливъ шляхетства въ Москву былъ особенно значителенъ: 20 ноября 1729 г. совершилось торжественное обрученіе Петра II съ княжною Екатериною Долгорукою, а на 19 января 1730 г. было назначено самое его бракосочетаніе. По этому случаю въ Москву были собраны армейскіе полки съ ихъ генералами, полковниками и офицерами; туда же стремилось и провинціальное шляхетство, служащее и неслужащее, ради предстоявшихъ придворныхъ празднествъ⁽¹⁶⁾. Юность импе-

(16) П. Ѳ. Карabanовъ, въ своемъ спискѣ русскаго генералитета въ началѣ 1730 г. (Восемнадцатый вѣкъ, сборникъ Бартонова, т. III, с. 161—171) насчитываетъ всего особъ *первыхъ четырехъ классовъ* (по табели о рангахъ) военныхъ и гражданскихъ чиновъ, 179 человекъ. Изъ указанныхъ имъ лицъ не всѣ находились въ то время въ Москвѣ: служебныя занятія удерживали нѣкоторыхъ въ Петербургѣ (какъ напр. Миниха, Фика, адм. Сиверса и др.) или на окраинахъ Россіи: въ Ригѣ, въ Архангельскѣ, въ Украинѣ и Персіи. Нѣкоторые были въ отставкѣ, или лишены чиновъ, и жили въ своихъ деревняхъ, или въ ссылке (какъ напр., известный Яковъ Виллимовичъ Брюсъ, находившійся въ деревнѣ, и петербургскій генералъ-полиціеимейстеръ Деверъ, сосланный въ Охотскъ). Иные изъ генералитета, какъ иностранцы, не принимали участія въ тогдашнихъ шляхетскихъ совѣщаніяхъ. А потому, выключая изъ списка Ка-

ратора, его бракъ съ природной русской княжной, злосчастная судьба его отца, царевича Алексѣя, недавняя опала всесильнаго Меншикова, быстрое и чрезмѣрное возвышеніе Долгорукихъ, усиленіе власти Верховнаго Совѣта—все это волновало шляхетство и возбуждало среди него говоры, толки, суды и нересуды. Шляхетство стадо группироваться въ кружки, въ которыхъ обсуждались перечисленные выше вопросы, причемъ мысли всѣхъ весьма естественно останавливались на „первомъ императорѣ“ и на его дѣятельности; „дворшества“ Петра Великаго, подвергались строгой критикѣ. Люди родословные мечтали о возстановленіи правъ московскаго боярства, среднее шляхетство желало расширенія своихъ правъ. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ для того, чтобы опредѣлить съ точностью кружки, на которые распадалось шляхетство, и выяснить политическіе идеалы этихъ кружковъ. Прогрессисты и консерваторы, умѣренные

рабанова; во 1-хъ) всѣхъ верховниковъ, во 2-хъ) отсутствующихъ лицъ и въ 3-хъ) иностранцевъ—мы получили только восемьдесятъ семь человекъ изъ генералитета, принимавшихъ участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ.—О числѣ средняго и низшаго шляхетства, находившагося въ Москвѣ въ началѣ 1730 г., точныхъ свѣдѣній намъ собрать не удалось; поэтому представляемъ лишь нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить, что число это было весьма значительно. Подписи подъ присягами на вѣрность самодержавной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ бывшихъ въ Москвѣ войскъ наполняютъ нѣсколько страницъ въ большой листъ писчей бумаги. Въ дѣлѣ объ этихъ присягахъ Государственнаго Архива (разд. III, д. № 7) такими подписями покрыто 92 страницы, что составляетъ приблизительно цифру около двухъ тысячъ человекъ.—По списку Карабанова (см. выше) военнаго генералитета приходилось на это число всего 46 человекъ.— Въ VII главѣ нашего изслѣдованія мы подробно остановимся на тѣхъ лицахъ изъ генералитета и шляхетства, которыя подавали отъ себя заявленія и проэкты; здѣсь же замѣтимъ только, что подъ разными проектами подписалось 1218 человекъ. Въ присяжныхъ листахъ, кромѣ шляхетства служившаго въ военной службѣ, являются подписи: 1) смоленской шляхты, не смѣшавшейся въ то время съ великорусскимъ шляхетствомъ (человекъ до 40), 2) шляхетства, служившаго въ гражданской службѣ (весьма не много), 3) чиновъ придворныхъ и 4) шляхтичей со старинными московскими чинами—жильца, стольника и комнатнаго стольника (жилецъ Никита Павловъ, стольникъ Стефанъ Костроминъ и комнатный стольникъ Татищевъ). См. вышеуказ. дѣло Госуд. Архива.

и радикалы, либералы и ретрограды, аристократы и демократы, монархисты и республиканцы—всѣ эти современные намъ термины европейскихъ политическихъ партій невыражаютъ тѣхъ оттѣнговъ въ воззрѣніяхъ, какіе дѣйствительно были у русскаго шляхетства въ 1730 г. Тщетно стали бы мы искать у него ясно сознаваемыхъ политическихъ идеаловъ, но въ его политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ нельзя не замѣтить отраженія тѣхъ историческихъ наслоеній, которыя представляютъ намъ русское вельможество и шляхетство первой половины XVIII в. Болѣзнь, а затѣмъ кончина Петра II прибавили новыя темы для политическихъ разговоровъ въ шляхетскихъ кружкахъ. Стали подвергаться обсужденію права разныхъ лицъ царскаго дома на престолонаслѣдіе и выражаться различныя мнѣнія объ измѣненіи государственнаго строя и формы правленія.

„Между тѣмъ произошло въ слухъ“,—пишетъ Теофанъ Прокоповичъ—„что другій родился союзъ, осьмоличному союзу противный. Зватѣйшіи, сирѣчь изъ шляхетства, сноситься и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить; и для того по разнымъ домамъ, да ночью порою собирались“. „Я въ то время“,—продолжаетъ онъ—„всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать: что сія другая компанія придумала и что та къ намѣренію своему усмотрѣла? И скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. Одно дерзкое: на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть незапно оружною рукою, и если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать. Другое мнѣніе кроткое было: дойти до нихъ въ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны; всѣмъ извѣстно, что они строятъ; не малая вина, однимъ и не многимъ, государства составъ передѣлывать; и хотя бы они преполозное нѣчто усмотрѣли, однакожь скрывать то предъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать, неприятно то и смрадно пахнетъ“ (17).

„Испытавъ на опытѣ недавнее возвышеніе Долгорукихъ“—пишетъ французскій резидентъ Маньянъ около 26 января (6 февраля н. с.)—„русскіе опасаются могущества

(17) Теофанъ, «Сказаніе», с. 199—200.

временщиковъ и ихъ самовластнаго управленія, которое можетъ повторяться до тѣхъ поръ, пока русскіе государи будутъ столь же неограниченны; вслѣдствіе этого хотятъ уничтожить самодержавіе, или крайне его ослабить участіемъ аристократіи. Въ виду этого, они въ верѣнності, какой образъ правленія избрать для Россіи; одни хотятъ ограничить права государя властью парламента, какъ въ Англіи, другіе — какъ въ Швеціи; и нынѣ полагаютъ учредить избирательный образъ правленія по примѣру Польши; наконецъ нѣкоторые думаютъ раздѣлить власть между вельможами государства, образовавъ аристократическую республику. Такимъ образомъ, передавая російскій престолъ герцогинѣ курляндской, они намѣрены дать ей корону только въ пользованіе, ввѣривъ ей престолъ до той поры, пока они согласятся между собою на счетъ новой формы государственнаго правленія⁽¹⁸⁾.

„Всѣ, съ кѣмъ приходится говорить, выражаютъ различныя мнѣнія“ — пишетъ тотъ же дипломатъ и отъ того же числа. По мнѣнію однихъ новой царицѣ сдѣдуетъ предоставить только титуль, а вся верховная власть должна быть сосредоточена въ Верховномъ Совѣтѣ, который будетъ имѣть исключительное право располагать должностями и войсками; по мнѣнію другихъ учрежденіе такого правленія не можетъ удовлетворить мелкое шляхетство, которое составляетъ въ этой странѣ весьма многочисленное сословіе, — вслѣдствіе этого необходимы нѣкоторыя условія для огражденія его отъ могущаго произойти для него вреда⁽¹⁹⁾.

(18) Tougueneff, III, 259—260.

(19) Ibid., 263. — Почти дословно съ Маньяномъ пишетъ испанскій посолъ герцогъ де-Лирія. Вотъ его подлинныя слова: «Хотя принцесса Анна, герцогиня курляндская, провозглашена и признана царицей; но еще сомнѣваются, приметъ-ли она выборъ, потому что этотъ выборъ сдѣланъ съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣсколько тяжелыми; но я не сомнѣваюсь, что приметъ: потому что, не говоря уже о пріятности царствовать, одлажды получивши власть, она легко сброситъ иго. Во первыхъ хотятъ, чтобы она не выходила замужъ, во вторыхъ, чтобы ею руководствовала совѣтъ, назначаемый націей. Идея послѣдней та, чтобы считать царицу лицомъ, которому они отдадутъ корону какъ бы на храненіе.

„Въ настоящее время еще нельзя знать, какова будетъ новая форма правленія“—писалъ Мавьянъ 2 февраля н. ст. „Относительно намѣреній старинныхъ русскихъ фамилій надо полагать, что онѣ воспользуются столь благоприятной конъюнктурой, чтобы избавиться отъ ужаснаго рабства, въ которомъ до сихъ поръ находились, ограничивъ самовластіе русскихъ государей, которые могли, по личному произволу, располагать жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ, не разбирая состава и формы суда. Русскіе вельможи, наравнѣ съ низшими сословіями, не имѣли въ этомъ случаѣ никакого преимущества, которое бы ограждало ихъ отъ расправы кнута и отъ лишенія должностей и чиновъ. Нечего сомнѣваться, что русскіе вельможи прежде всего обратятъ на это свое вниманіе; по крайней мѣрѣ, если они этого не сдѣлаютъ, можно сказать, что они пропустили случай по недостатку мужества“ (20).

„Новый образъ правленія составляемый вельможами“,— пишетъ саксонско-польскій посланникъ Лефортъ 26 января (6 февраля н. с.)—„дастъ поводъ въ волненію въ мелкомъ дворянствѣ; среди него слышатся подобнаго рода разговоры: „знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало по малу захватитъ въ свои руки бразды прав-

чтобы впродолженіи ея жизни составить свой планъ управленія на будущее время. Они думаютъ, что, если цари останутся такими абсолютными, какъ это было доселѣ, всегда найдется фаворитъ, который можетъ управлять ими и жезломъ, и пыркомъ, и швыркомъ, какъ дѣлали впродолженіе царствованія покойнаго царя Петра II, князь Иванъ Долгорукій и его отецъ. Твердо рѣшившись на это, они имѣютъ три идеи объ управленіи, въ которыхъ еще не согласились: первая—слѣдовать примѣру Англіи, въ которой король ничего не можетъ дѣлать безъ парламента, вторая—взять примѣръ съ управленія Польши, имѣя выборнаго монарха, котораго бы руки были связаны республикой, и третья—учредить республику во всей формѣ безъ монарха. Какой изъ этихъ трехъ идей они будутъ слѣдовать, это еще неизвѣстно. (Депеша отъ 20/21 января.—Въ депешѣ отъ 6 февраля н. с. онъ писалъ: «Партіи безчисленное множество, и хотя послѣ смерти царя все продолжаетъ быть въ величайшемъ спокойствіи, но еще не все кончено и, пожалуй, можетъ произойти какая нибудь вспышка». (См. Де-Лирія, XVIII в., III, 30 и 35).

(20) Tourgueneff, III, 258—259.

ленія; кто же намъ поручится, что современемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтъ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства. У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить и въ Россіи начнется анархія⁽²¹⁾.

Такимъ образомъ, за самодержавіе высказывалось низшее шляхетство, или мелкое дворянство— „la petite noblesse“— какъ называютъ его иностранные дипломаты. Къ его воззрѣніямъ примыкало духовенство, выразителемъ мнѣній котораго являлся Феофанъ Прокоповичъ. „И не ложны, но моему мнѣнію, были таковыя гаданія“ (относительно олигархіи верховниковъ)—говоритъ онъ— „понеже русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ; а если каковое-нибудь иное владѣніе правило восприметъ, содержаться ему въ цѣлости и

(21) Сб. Р. Ист. Общ., V, 347.—Кромъ того Лефорть писалъ (2 февраля н. с.): «Существуютъ три плана для учрежденія новаго правленія; одни хотятъ устроить его на подобіе правленія Англіи, другіе— подобно Польшѣ, а третьи желаютъ республики безъ представителя, и тогда знатные уничтожили бы верховную власть и неограниченную зависимость» —9 февраля н. с. онъ же писалъ: «Всѣ заняты теперь мыслью о новомъ образѣ правленія; планы вельможъ и мелкаго дворянства доходятъ до безконечности; первые желаютъ присвоить себѣ верховную власть въ формѣ аристократической. . . . Въ такомъ случаѣ, мелкое дворянство останется въ своемъ прежнемъ положеніи; а гдѣ же законы для руководства? Ихъ не существуетъ». —Прусскій посланникъ Мардефельдъ писалъ (6 февраля н. с.): «Между тѣмъ здѣсь повидимому настало междуцарствіе— всѣ дѣла лежатъ безъ производства и ничего не отправляется; члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, исключая барона фонъ Остермана, который можетъ быть изъ политическихъ видовъ казался больнымъ, напротивъ ежедневно собираются съ цѣлью измыслить аристократическій образъ правленія; но духовенство и незнатное дворянство противъ этого плана и предпочитаютъ имѣть одного правителя, а не восьмерыхъ». (См. Сб. Р. Ист. Общ. V, 345, 347—348; *ibid.*, XV, 408).

благосостояніи отнюдь невозможно“⁽²²⁾. Высшее духовенство, распадавшееся на два лагеря, между собою враждебные, сходилось въ вопросѣ о формѣ правленія. Представители его различались только по симпатіямъ къ тому или другому лицу тогдашняго царскаго дома.

Посмотримъ теперь, насколько были сильны доводы за и противъ избранія разныхъ лицъ, имѣвшихъ въ то время право на российский престолъ.

Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ такъ характеризуетъ въ своемъ мемуарѣ: „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“ сторонниковъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны. „Были многіе и дальновидѣйшіе“, — говоритъ онъ — „которые желали возвести на российский престолъ царицу Евдокію Ѳеодоровну, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго совѣта сопротивляться не можетъ, а чрезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ, въ прелосужденіе власти монаршеской. Но на сіе чивены были слѣдующія возраженія: что законъ препятствуетъ самъ монашескій, хотя и повелѣ возложенной съ нея снять, и что она, имѣвши множество родни Лопухинныхъ, къ коимъ весьма была привязана, родъ сей усилится и можетъ для счастья своего склонить еѣ разрушить предполагаемыя постановленія“⁽²³⁾.

Евдокія Ѳеодоровна имѣла много сторонниковъ среди духовенства, преимущественно чернаго, и высшаго и низшаго. Всѣмъ имъ хорошо были извѣстны испытанныя ею горести и печали со времени процесса несчастнаго ея сына Алексѣя. На ея сторонѣ были: Георгій Дашковъ, коломенскій епископъ Игнатій Смола и воронежскій епископъ Левъ Юрловъ. Датскій посланникъ Вестфаленъ говоритъ, что верховѣйки предлагали ей корону еще до кончины Петра II, но она сама отъ нея отказалась⁽²⁴⁾.

Сторонники „тестамент“ Екатерины I-й раздѣлялись на двѣ группы. Первая группа указывала, какъ на прямаго наследника престола, на П е т р а - У л ь р и х а , герцога

(22) Теофанъ, «Сказаніе», с. 198—199.

(23) Рус. Стар. 1870, II, 47—48.

(24) Деиши Вестфалена № 4.

голландскаго, сына старшей дочери Петра Великаго, Анны Петровны; вторая группа стояла за Елизавету Петровну.

Кандидатура голландскаго принца оспаривалась весьма вѣскими доводами: во первыхъ, боялись, что при воцареніи голландскаго принца, Россія будетъ вовлечена въ войну съ Даніей изъ-за Шлезвига; во вторыхъ, личность отца Петра-Ульриха, голландскаго герцога Фридриха-Карла, не возбуждала къ себѣ симпатій русскихъ людей. Всѣмъ было очень хорошо памятно его недоѣдливое пребываніе въ Петербургѣ, при Петрѣ I и Екатеринѣ I-й, и безцеремонный образъ дѣйствій его министра Бассевича. Такого же вмѣшательства ихъ въ дѣла Россіи опасались и въ будущемъ.

Гораздо болѣе имѣла на своей сторонѣ цесаревна Елизавета, хотя многіе и смотрѣли неодобрительно на ея тогдашній образъ жизни. Она жила вдали отъ двора, предаваясь разсѣянности и удовольствіямъ въ подмосковной Александровской Слободѣ⁽²⁵⁾. Впослѣдствіи рассказывали, что

⁽²⁵⁾ VIII-й пунктъ тестаента Екатерины I: «Ежели В. Князь (Петръ II) безъ наследниковъ преставится, то имѣть по немъ цесаревна Анна, съ своими деспендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея деспенденты, а потомъ великая княжна (Наталья Алексѣевна) и ея деспенденты наследствовать; однакоже мужеска полу наследники предъ женскимъ предпочтены быть имѣють. Однакоже никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣеть». (П. С. З., т. VII. № 5070, стр. 790).—Въ противорѣчіи съ этимъ тестаментомъ находится брачный договоръ Анны Петровны съ герцогомъ голландскимъ Фридрихомъ-Карломъ (1724 г.). 2-мъ пунктомъ этого договора «цесаревна (Анна Петровна) равно какъ и герцогъ, отказываются за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ *отъ всякъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній* на корону Россійской имперіи.— Но первой статьёй *секретныхъ артикуловъ*, приложенныхъ къ этому договору, Петръ В. предоставлялъ себѣ *власть и мочь*, по своему усмотрѣнію, *призвать къ сукцессіи короны и имперіи Всероссийской одною изъ урожденныхъ изъ сего супружества принцевъ*, и въ такомъ случаѣ герцогъ обязывался немедленно исполнять волю императора *безъ всякихъ кондицій*. (Арсеньевъ, Царствов. Екатерины I, с. 169).—Анна Петровна † въ 1728 году. Сынъ ея Петръ-Ульрихъ былъ лютеранскаго исповѣданія и въ 1730 году считался возможнымъ наследникомъ шведскаго престола. Ему было въ то время безъ малаго два

Феофанъ Прокоповичъ, на утреннемъ собраніи въ кремлевскомъ дворцѣ 19 января, заявилъ о правахъ Елизаветы

года отъ роду (р. 10 февр. 1728 г.)—Голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ, отецъ Петра-Ульриха, былъ родной племянникъ Ульрика-Элеоноры, выбранной въ королевы Швеціи по смерти Карла XII и передавшей престолъ мужу своему Фридриху (принцу геосенъ-кассельскому). Ульрика-Элеонора была бездѣтна.—Любопытныя доказательства въ пользу легальности тестамена Екатерины I-й и несомѣнныхъ правъ Елизаветы Петровны на престолонаслѣдіе въ 1730 году находимъ мы у Болтина, въ его «Примѣчаніяхъ на исторію Россіи г. Деклерка».—«Екатерина I,—говоритъ онъ,—не преступила предѣловъ власти своей, назнача преемниковъ Петру II-му; въ разсужденіи, что сіе предназначеніе ея въ преемники ему не иначе разумѣть должно какъ токмо на случай если умреть онъ не достигнувъ лѣтъ совершенныхъ, то есть не вступивъ еще въ правленіе государства, и не получа права наименовать преемника по себѣ. Еслижъ бы онъ изъ-подъ опеки вышелъ, и кормило государственнаго правленія воспріялъ въ свои руки, тогда сіе предназначеніе преемника ему, императрицѣ Екатериноу I-ю учиненное, осталось бы недействительнымъ, и могъ бы онъ самъ оное учинить по своему благоволенію, въ слѣдствіе закона Петра I-го. Но Петръ II преставился не вышедъ изъ-подъ опеки и не вступя еще въ право назначить по себѣ преемника; слѣдовательно духовная императрицы Екатерины I-я оставалася въ полной своей силѣ, и никто не имѣлъ законныя власти нарушить оныя: распоряженія Ея въ пользу дочерей своихъ Анны Петровны и Елисаветы Петровны оставались дѣйствительными; а по тому же самому и Верховной Совѣтъ долженъ былъ имѣти уваженіе къ Ея распоряженіямъ, и держася точной силы оныхъ возвести на престолъ цесаревну Елисавету Петровну, яко неоспоримо ей принадлежавшій и по праву природы и по завѣщанію матери ея, учиненному по силѣ закона Петра Великаго. Молодость не могла препятствіемъ быти въ возведеніи ея на престолъ; понеже была она тогда уже двадцати лѣтъ». (Болтинъ, т. II, с. 515—516).—«Верховный Совѣтъ не имѣлъ власти никакихъ въ избраніи преемника Петру II-му; первое по тому, что духовноу императрицы Екатерины I-я сего права имѣ не только не дано, но и точно запрещено дѣлать перемѣны въ порядкѣ преемничества престола ею постановленномъ: «Сей Совѣтъ Правленія не имѣтегъ власти прѣмѣнить что-либо въ порядкѣ наслѣдія, которой я за благо судила постановить сею моею духовноу». Второе, преемникъ Петру II-му томъ духовноу былъ уже предназначенъ: «если умреть онъ не оставя потомства, дочь моя Анна Петровна наслѣдуетъ въ семь случаевъ престолъ Россійской, а послѣ ней дѣти ея». Чтожъ та духовная была въ полной своей силѣ, то доказаль уже я прежде. Третье: самый сей Совѣтъ потерялъ все свое

Петровны, но получили рѣзкое возраженіе со стороны князя Д. М. Голицына⁽²⁵⁾.

Цесаревна Елизавета, по свидѣтельству Манштейна, могла бы воцариться въ то время, но сама не желала этого. Манштейнъ увѣряетъ, что лейбъ-медикъ ея Лестоць, узнавъ о кончинѣ Петра II-го, въ ту же самую ночь, съ 18 на 19 января, вошелъ въ спальню цесаревны, спавшей въ то время, разбудилъ её, сталъ ее уговаривать позвать къ народу, ѣхать въ сенатъ и тамъ предъявить свои права на корону. Но она никакъ не соглашалась выйти изъ своей спальни. „Можетъ быть въ то время, — замѣчаетъ Манштейнъ, — она еще не имѣла достаточной твердости для исполненія такого великаго предпріятія“⁽²⁷⁾. Впослѣдствіи носились слухи, что Елизавета Петровна была въ то время больна⁽²⁸⁾.

„Елизавета Петровна“ — пишетъ французскій резидентъ Маньянъ, — „ничѣмъ себя въ этомъ случаѣ не заявила: она веселилась въ своей деревнѣ, а ея сторонники, дѣйствуя въ Москвѣ въ ея пользу, никакъ не могли добиться, чтобы она появилась въ столицѣ въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ.

свое право, исключивъ отъ себя первѣйшихъ и важнѣйшихъ членовъ тою духовною предназначенныхъ и опредѣленныхъ». (ibid., с. 517—518).

Подробности о жизни Елизаветы Петровны за это время см. въ статьѣ Стромиллова: «Цесаревна Елизавета Петровна въ Александровской слободѣ». Читеніи М. Общ. Ист. и др. 1874 г., кн. I. — Александровская Слобода, нынѣ гор. Александровъ Владимірской губерніи, находящійся на Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ, — была, какъ извѣстно, любимымъ мѣстопробываніемъ царя Іоанна IV въ то время, когда онъ окружилъ себя опричниной.

(²⁵) Dolgoroukow, «Memoires», v. I, p. 306.

(²⁷) Зап. Манштейна, с. 21.

(²⁸) Автобіогр. Шлѣцера, «Сборн. II отд. Акад. наукъ», XIII. — «Елизаветѣ Петровнѣ и императрицей-то быть не слѣдовало» — говорилъ въ 1743 г. подгулявшій гвардейскій офицеръ Ив. Степ. Лопухинъ своему пріятелю Бергеру. — «Незаконная — раз; другое: фельдмаршалъ князь Долгоруковъ оказывалъ, что въ тѣ вѣры, когда императоръ Петр II скончался, хотя-бъ и надлежало Елизавету Петровну къ наслѣдству допустить, да она б на была. Наша знать ее вообще не любить, она же все простому народу благоволитъ для того, что сама живетъ просто». (Дѣло Лопухиной, Рус. Стар. 1874, т. XI, с. 4—10 и слѣд.)¹

нѣскольکو посланныхъ къ ней для этого гонцевъ, не застали ее своевременно, такъ что она прибыла въ Москву уже послѣ избранія курляндской герцогини. Но еслибы она и была тамъ раньше, нѣтъ основанія полагать, чтобы ея присутствіе послужило ей на пользу; на это есть три одинаково важныя причины, вслѣдствіе которыхъ она не можетъ найти себѣ полезныхъ друзей ни въ одной изъ главныхъ русскихъ фамилій. Первая причина—вольность ея поведенія, которую русскіе просто презираютъ, не смотря на то, что не отличаются особенной щекотливостью; вторая—ихъ ненависть къ правленію царицы ея матери, вслѣдствіе высокомѣрнаго обращенія голштинцевъ во время ихъ господства въ Россіи; мысль о возвращеніи ихъ столь противна русскимъ, что одного этого опасенія было бы достаточно для отстраненія цесаревны Елизаветы отъ престола, имѣя она даже на него неоспоримыя права. Наконецъ, третья причина заключается въ томъ, что по правиламъ греческой церкви, всякій ребенокъ, рожденный до церковнаго празднованія брака его родителей, не можетъ быть признанъ законнымъ; хотя бы это празднованіе и было впоследствии совершенно, русскіе считаютъ церковное правило ненарушимымъ^(*).

Знать не любила Елизаветы Петровны, но она пользовалась большою популярностью въ низшихъ классахъ за ея доступность, за благочестіе и за образъ жизни, веселый и простой. Гвардейскіе полки, чтившіе высоко память Петра Великаго, съ упованіемъ смотрѣли на его дочь; въ числѣ ея сторонниковъ было много монаховъ, много лицъ изъ приходскаго духовенства и вообще людей стараго покроя, которыхъ не коснулось преобразование: изъ вупечества, посадскихъ и крестьянъ.

Но кромѣ русскихъ людей, Елизавета Петровна имѣла много сторонниковъ среди иностранцевъ. Жители Нѣмецкой Слободы распространяли въ ея пользу слухи во время болѣзни Петра II-го. Слухи эти находили поддержку со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ, посланники которыхъ были очень заинтересованы кандидатурой Елизаве-

(*) Tourgueneff, III, 280—281.

ты Петровны. Во главѣ ихъ стоялъ посоль нѣмецкаго императора, графъ Вратиславъ, а къ нему примыкали представители Голштиніи, Бланкенбурга и Швеціи (*°).

Императоръ нѣмецкій, Карлъ VI, гарантировавшій права голштинскаго герцога на Шлезвигъ договоромъ 1726 г., хлопоталъ въ 1730 году о томъ, чтобы Россія дала ему вспомогательный корпусъ въ силу этого-же договора, при начавшихся у него недоразумѣніяхъ съ Испаніей. Поэтому посоль императора, графъ Вратиславъ, старался, чтобы въ преемники Петра II-го былъ избранъ голштинскій герцогъ Петръ-Ульрихъ подъ опекою, до своего совершеннолѣтія, Елизаветы Петровны. Къ такому плану присоединились и другіе вышеупомянутые послы. Представитель Голштиніи Бонде въ этомъ случаѣ весьма естественно хлопоталъ въ пользу своего герцога, а представитель Бланкенбурга, Крамъ, держалъ сторону имперскаго посла, вслѣдствіе родственныхъ связей своихъ герцоговъ съ нѣмецкимъ императоромъ (*¹). Швеція заботилась о томъ-же по своимъ недру-

(*°) Дешеш Вестфалена, № 1.

(*¹) Герцогъ Люнебургскій Эрвстъ-Исповѣдникъ въ половинѣ XVI столѣтія оставилъ двухъ сыновей: старшій, Генрихъ былъ родоначальникомъ герцоговъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскихъ и Брауншвейгъ-Бевернскихъ; младшій, Вильгельмъ, герцоговъ Люнебургъ-Цельскихъ и Люнебургъ-Каленбергскихъ, вступившихъ на Англійскій престолъ. Въ началѣ XVIII столѣтія герцогомъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскимъ былъ Антонъ-Ульрихъ, въ 1711 году достигшій 78 лѣтъ.—Второй сынъ его Людвигъ-Рудольфъ, получившій отъ отца въ особенное владѣніе княжество Бланкенбургъ, отъ Христины-Луизы Эттингенской имѣлъ трехъ дочерей: старшая, Елисавета, въ 1708 году принявъ Римско-католическій законъ, вышла за короля испанскаго, вступившаго черезъ три года на императорскій престолъ подъ именемъ Карла VI, и въ 1717 г. разрѣшилась отъ бремени Марією-Терезією; младшая, Антуанета въ 1712 году соединилась съ Фердинандомъ-Альбрехтомъ, герцогомъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскимъ и имѣла отъ него пятнадцать дѣтей, въ томъ числѣ Антона-Ульриха, супруга Анны Леопольдовны, и одного изъ героев Семилѣтней войны, принца Фердинанда. Средняя, Шарлота въ 1711 году сочеталась бракомъ съ царевичемъ Алексѣемъ; ей было тогда 17 лѣтъ. (См. Устрялова, «Ист. Царств. Петра В.», т. VI, с. 23—24).—Эти свѣдѣнія заимствованы Устряловымъ изъ «Geschichte der Höfe des Hauses Braunschweig in Deutschland und England». Von Dr. Eduard Vehse. 1853. V.

желюбнымъ отношеніямъ къ Даніи и, надѣясь за услугу оказанную Елизаветѣ Петровнѣ, возвратить хотя часть завоеваній Петра Великаго на балтійскомъ побережьи. Во имя тѣхъ-же мотитовъ Швеція оказала содѣйствіе дочери Петра Великаго одиннадцатъ лѣтъ спустя, въ 1741 году.

Сильнымъ противникомъ всѣхъ сторонниковъ Елизаветы Петровны явился датскій посланникъ Вестфаленъ. Когда предположенія его о возможности воцаренія княжны Екатерины Долгорукой не исполнились, онъ употребилъ все стараніе для отстраненія избранія Елизаветы Петровны и ея племянника, голштинскаго герцога Петра-Ульриха, „Кильскаго ребенка“,—*l'enfant de Kiel*, какъ онъ его называетъ. Вестфаленъ очень основательно считаетъ воцареніе ихъ обоихъ обстоятельствомъ весьма неблагоприятнымъ для Даніи, но тогдашнимъ ея отношеніямъ къ Шлезвигу, и не задумывается надъ средствами для достиженія своей цѣли: убѣжденія, шпіонство, подкупы — все имъ пускается въ ходъ. Онъ совершенно не заинтересованъ, кто будетъ государемъ Россіи,—лишь бы только имъ не были „кильскій ребенокъ“ и его тетка, цесаревна Елизавета! ⁽⁸²⁾ Вестфаленъ дѣйствуетъ очень успѣшно. Еще при жизни Петра II, во время его тяжелой болѣзни, послы—нѣмецкій, голштинскій, бланкенбургскій и шведскій—посылаютъ депутатомъ отъ себя голштинскаго посла, графа Бонде, хорошо говорящаго по-русски, въ канцлеру Головкину для переговоровъ относительно ихъ плана. Канцлеръ принимаетъ Бонде очень высококомѣрно и презрительно и напрямикъ объявляетъ ему, что герцогу голштинскому нечего домогаться въ Россіи, что ему только изъ состраданія давали столь значительныя суммы, получаемыя имъ изъ русскаго государственнаго казначейства совершенно незаслуженно ⁽⁸³⁾. По избраніи курляндской герцогини, голштинскіе послы подали Верховному Тайному Совѣту протестъ о нарушеніи правъ ихъ герцога, ссылаясь на „тестаментъ“ Екатерины I-й; но ихъ даже не выслушали, а графу Бонде верховники посовѣтовали подумать объ отъѣздѣ изъ Россіи. Графъ извинился, что не можетъ немедленно

⁽⁸²⁾ Подробности см. въ его депешахъ, III-е Приложение къ настоящему изслѣдованію.

⁽⁸³⁾ Деп. Вестфалена, № 4.

исполнить ихъ желанія, вслѣдствіе болѣзни своей жены, но обѣщался уѣхать при первой возможности⁽²⁴⁾.

Старшая сестра Анны Іоанновны, Екатерина Іоанновна, имѣла очень мало сторонниковъ; противниковъ ея избранія было несравненно больше. Противъ ея избранія высказывались многіе, боясь чтобы, мужъ ея, герцогъ мекленбургскій, не явился въ Россію съ такими же претензіями на участіе въ управленіи страной, какія были въ недавнее время со стороны герцога голштинскаго,—а герцогъ мекленбургскій былъ человѣкъ взбалмошный и грубый⁽²⁵⁾.

Меньшая ея сестра, Праксовья Іоанновна, была въ морганатическомъ бракѣ съ сенаторомъ И. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, и это обстоятельство окончательно устранило ея кандидатуру.

Избраніе курляндской герцогини съ перваго раза многихъ удивило. Это удивленіе особенно сильно проявилось въ дипломатическихъ сферахъ, гдѣ Анна Іоанновна была мало извѣстна; но черезъ нѣсколько дней, когда успѣли познаться съ ея личностью и съ условіями ея жизни въ Курляндіи, удивленіе это смѣнилось общимъ удовольствіемъ и даже радостью.

Насколько было сильно удивленіе—видно изъ депеши испанскаго посла отъ 19 января.

„Мы никогда и не думали“,—пишетъ герцогъ де-Лирія,— „чтобы корона досталась кому нибудь другому, кромѣ четырехъ лицъ, именно: царицы бабки (Евдокии Θεодоровны), принцессы Елизаветы, княжны-невѣсты (Екатерины Долгорукой) и сына герцога голштинскаго. Но на собраніи нынѣшняго утра не говорилъ, даже не упоминали, объ этихъ

(24) Ibid.—Де-Лирія, XVIII в.; Сборн. Бартенева, т. III, с. 35.

(25) «Настоящая причина исключенія Екатерины Іоанновны, герцогини мекленбургской»—пишетъ составитель сборника «La Cour de Russie il y a cent ans»,—заключалась въ опасеніи, которое возбуждалось твердостью ея характера и ея рѣшительнымъ умомъ. (См. 3-е изд., 1860, с. 10).—Эти опасенія, какъ мы увидимъ впоследствии, имѣли большое основаніе. Екатерина Іоанновна именно проявила во всей силѣ, какъ твердость своего характера, такъ и рѣшительность ума,—25 февраля 1730 г., при провозглашеніи Анны Іоанновны самодержавной императрицей.

четырехъ лицахъ“⁽⁸⁶⁾. Де-Лиріа, очевидно, еще ничего не зналъ о ночномъ совѣщаніи верховниковъ. Почти дословно съ испанскимъ посломъ выражаетъ свое удивленіе по случаю избранія Анны Іоанновны и французскій резидентъ Маньянъ⁽⁸⁷⁾.

Общая радость при избраніи Анны Іоанновны обуславливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ кружки, всѣ отдѣльныя лица—связывали съ ея избраніемъ свое благополучіе: всѣ одинаково были увѣрены, что обездоленная вдовца приметъ какія угодно условія и согласится на все—лишь бы царствовать. Главный агитаторъ въ ея пользу среди верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ, а за нимъ кн. В. Л. Долгорукой,—были убѣждены, что она безпрекословно подпишетъ „пункты“; Ягушинской, одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ верховниковъ, отправляя Сумарокова, въ сущности хлопоталъ также о томъ, чтобы „прибавить себѣ воли“; Теофанъ Прокоповичъ связывалъ съ личностью Анны Іоанновны мысль о торжествѣ самодержавія, Салтыковъ ждалъ отъ нея всякихъ благъ по родству, Левенвольде—хлопоталъ изъ эгоизма. Родословные люди надѣялись получить при Аннѣ Іоанновнѣ преобладающее политическое значеніе и предложить ей иные „пункты“, чѣмъ предложили верховники; среднее шляхетство рассчитывало при ней пріобрѣсти себѣ льготы. Та часть высшаго духовенства, которая мечтала о возстановленіи патриаршества, надѣялась достичь этого при Аннѣ Іоанновнѣ, зная ея набожность и ея любовь къ торжественнымъ церемоніямъ и церковнымъ обрядамъ.

Избраніемъ Анны Іоанновны были удовлетворены также планы и желанія почти всѣхъ европейскихъ дипломатовъ, за исключеніемъ только голштинскаго посла. Послу нѣмецкаго цезаря верховники обѣщали исполнить требованіе трактата 1726 года относительно вспомогательнаго

(86) Де-Лиріа, XVIII в., III, с. 28.—Де-Лиріа не знаетъ въ точности даже имени курляндской герцогини и называетъ ее Прасковьей.—Исаецъ Верховнаго Совѣта въ черновомъ журналѣ отъ 19 января называетъ ее Екатериной Іоанновной. (См. Госуд. Арх., разд. III, д. № 5, л. 6).

(87) Tourgueneff, III, 259—260.

корпуса, чѣмъ остались довольны и графъ Вратиславъ, и посланники бланкенбургскій и шведскій⁽⁸⁹⁾. Саксонско-польскій посланникъ Лефортъ, близкій къ Ягушинскому, стоялъ открыто на сторонѣ курляндской герцогини, рассчитывая по всей вѣроятности, съ ея избраніемъ усилить вліяніе польскаго короля Августа II на дѣла курляндскаго герцогства. Остальные послы относились или совершенно индифферентно къ личности новаго государя Россіи, или были довольны, что съ избраніемъ Анны Іоанновны окончательно закрывается путь къ русскому престолу голштинской династіи и цесаревнѣ Елизаветѣ. Къ первой категоріи принадлежатъ: испанскій посолъ герцогъ де-Лирія и резидентъ Франціи Маньянъ; ко второй—кромѣ датскаго посла Вестфалена, резидентъ Англіи Рондо. Прусскій посланникъ Мардефельдъ, всецѣло преданный Остерману, раздѣляетъ въ вопросѣ объ избраніи Анны Іоанновны его воззрѣнія, къ которымъ примыкаетъ и братъ вице-канцлера, мекленбургскій посланникъ Дидрихъ Остерманъ.

Совершенно иначе отнеслась тогдашняя европейская дипломатія къ замысламъ верховниковъ и къ шляхетскому движенію.

Всѣ иностранные послы смотрятъ на эти явленія, или какъ на скоропреходящую вспышку, или какъ на желаніе старой русской партіи (такъ называютъ они патриотическихъ вождей движенія)—возвратиться къ прежнему московскому, варварскому, порядку вещей.

Изложивъ приведенное нами выше указаніе на сторонниковъ разныхъ системъ государственнаго строя въ Россіи, французскій резидентъ Маньянъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Отсюда ясно видно“—говоритъ онъ,—„что намѣреніе націи состоитъ въ томъ, чтобы возвратиться къ своему прежнему состоянію и своимъ прежнимъ обычаямъ“⁽⁹⁰⁾. То же заключеніе находимъ мы и у испанскаго посла де-Лирія: „Все направилось такимъ путемъ“,—пишетъ онъ 20 (31) января—„что стало уже несомнѣннымъ, что эти народы (русскіе) возвращаются

⁽⁸⁹⁾ Де-Лирія, XVIII в., III, с. 33.—Депеши Вестфалена, № 4.

⁽⁹⁰⁾ Tounguenef, III, 260. ●

въ своимъ старымъ обычаямъ" (40). „Я увѣренъ",—пишетъ саксонско-польскій посланникъ Лефортъ,— „что когда ея величество вступитъ на престолъ, то заставитъ ихъ (сторонниковъ измѣненія государственнаго строя) пѣть другое. Она согласится на все, а между тѣмъ сдѣлаетъ то, что захочетъ" (41). Гораздо рѣзче и опредѣленнѣе высказывается прусскій посланникъ, Мардефельдъ. „Всѣ русскіе вообще желаютъ свободы"—пишетъ онъ 12 (23) февраля,—„но они не могутъ согласиться относительно мѣры и качества ея и до какой степени слѣдуетъ ограничить самодержавіе. Если императрица сьумѣетъ хорошо войти въ свое положеніе и послушается извѣстныхъ умныхъ людей, то она возвратитъ себѣ въ короткое время полное самодержавіе, ибо русская нація"—заключаетъ Мардефельдъ—„хотя много говоритъ о свободѣ, но не знаетъ ея и не сьумѣетъ воспользоваться ею" (42).

Пока шли по Москвѣ всѣ эти суды и пересуды, шляхетство собиралось въ кружки и измышляло разныя политическія реформы, а иностранныя дипломатическія агенты оцѣнивали эти измышленія по своему.—Верховный Тайный Совѣтъ не менѣе шляхетства былъ занятъ выработкой новаго плана государственнаго устройства. Всѣ иностранныя послы приписываютъ починъ въ этомъ планѣ и главное участіе въ его разработкѣ князю Д. М. Голицыну. Если можно вполне вѣрить датскому посланнику Вестфалену, князь Голицынъ совѣщался съ нимъ о подробностяхъ этого плана. „На другой день кончины Петра II, 20 (31) января",—доноситъ Вестфаленъ своему правительству—„фельдмаршалы, Долгорукой и Голицынъ, заняли мѣста въ Верховномъ Совѣтѣ въ качествѣ первыхъ членовъ послѣ великаго канцлера, графа Головкина, и Верховный Совѣтъ началъ разсуждать о средствахъ ограниченія самовластия послѣдующихъ государей Россіи, начавши съ теперешней царицы. Всѣ чрезвычайны какъ заняты этимъ деликатнымъ и опас-

(40) Де-Диріа, XVIII в., III, с. 30.

(41) Сборн. Русск. Ист. Общ., V, 347—348.

(42) Ibid., XV, 414.

нымъ вопросомъ. Голицынъ, основатель и защитникъ этого дѣла, спросилъ меня вчера: "которую изъ двухъ системъ государственнаго устройства я считаю за лучшую—шведскую, или англійскую? Я отвѣчалъ, что шведская самая подходящая, и что я не думаю, чтобы англійская система могла быть введена въ Россіи. Онъ ничего на это не отвѣчалъ" (43).

Кромѣ князя Д. М. Голицына, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не кому было заняться проектомъ новаго государственнаго устройства. Его братъ, фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михайловичъ, вполнѣ подчинился его воззрѣніямъ, другой фельдмаршалъ, князь Долгорукой, съ своимъ братомъ не мечтали ни о шведской, ни объ англійской конституціи; князь Василій Лукичъ Долгорукой былъ въ Митавѣ; что же касается до князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, до канцлера Головкина и до Остермана—то ихъ политическіе планы, какъ мы видѣли, были совершенно инаго характера. Кромѣ того, Остерманъ казался больнымъ и съ 20 января не принималъ участія въ засѣданіяхъ Верховнаго Совѣта (44).

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, занятый своимъ политическимъ проектомъ, надѣялся осуществить въ немъ лучшія свои мечты. Кондиціи, посланныя Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву, являлись только черновымъ наброскомъ этого проекта. Голицынъ былъ увѣренъ, что Анна Іоанновна приметъ его, и тогда русское государство будетъ подвинуто на прямой путь своего дальнѣйшаго гражданскаго развитія. Онъ никакъ не предполагалъ встрѣтить противодѣйствій своимъ политическимъ замысламъ со стороны шляхетства, въ интересахъ котораго создавалъ свой проектъ, а когда эти противодѣйствія начались—взглянулъ на нихъ высокомерно и презрительно, не придавая имъ никакого значенія. О гонцахъ, отирававшихся тайно къ Аннѣ Іоанновнѣ, Голицынъ не зналъ ничего. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей изъ Митавы и хотѣлъ представить проектъ по полу-

(43) Девяцми Вестфалена, № 4.

(44) См. о болѣзни Остермана: Лефорта (Сб. Рус. Ист. Общ., V, 346 и слѣд.), Мардфельда (ibid., XV, 408), де-Лавриа (XVIII в., III, с. 28—33), Мавъяна (Bourguenett, III, 264), Вестфалена (III-е Приложеніе).

ченіи согласія Анны Іоанновны на кондиціи. Согласіе это было получено 2 февраля, но до этого времени движеніе въ шляхетскихъ кружкахъ и среди сторонниковъ самодержавія получило такое направленіе, что князь Д. М. Голицынъ не рѣшился уже предъявить своего проакта.

Чѣмъ же былъ занятъ за все это время Верховный Тайный Совѣтъ? Въ чемъ проявилась его дѣятельность, помимо проакта, составляемаго княземъ Голицынымъ?

Сохранившіеся черновыя журналы засѣданій Верховнаго Совѣта даютъ намъ возможность достаточно полно ознакомиться съ его дѣятельностію въ продолженіе двухъ недѣль, съ 20 января по 2 февраля, т. е. по тотъ день, когда было получено отъ Анны Іоанновны согласіе на кондиціи. Подробное разсмотрѣніе этихъ журналовъ намъ лучше всего покажетъ, какъ относился Верховный Совѣтъ къ факту избранія курляндской герцогини и къ начинающемуся шляхетскому движенію.

Засѣданія Совѣта за эти дни были посвящены:

1) Дѣламъ, относящимся къ избранію Анны Іоанновны,
2) распоряженіямъ о приготовленіяхъ къ погребенію Петра II-го,

3) текущимъ дѣламъ по государственному управленію.

Разсмотримъ дѣятельность Совѣта по этимъ рубрикамъ.

1) Дѣла, относящіяся къ избранію Анны Іоанновны. 20 января управлявшій почтами, бригадиръ Полибинъ докладывалъ о задержанныхъ на заставахъ проѣзжихъ, которыхъ велѣно задержать до четверга (22 января), а потомъ пропустить (очевидно для того, чтобы они не могли догнать „депутатовъ“). Оберъ-прокуроръ Синода Баскаковъ доложилъ того же числа форму о возношеніи государыни царевны (такъ названа императрица) въ церквахъ. Разрѣшено до времени поминать, какъ прежде было (т. е. съ титуломъ самодержицы). Для церквей только одной Москвы велѣно было исключить изъ церковныхъ ектеній имена покойнаго императора и его невѣсты, княжны Екатерины, а во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи поминать ихъ по прежнему.

22 января разрѣшено свести всѣ заставы около Москвы и возстановить прежнее почтовое сообщеніе, а также

приказано выдать паспорта курьерамъ пословъ—цесарскаго графа Вратислава и испанскаго герцога де-Лириа.

Затѣмъ шли дѣятельныя приготовления къ прїѣзду Анны Іоанновны и прїему ея въ Москвѣ. 24 января составленъ подробный церемоніаль для входа въ Москву „Государыни Царевны во всемъ противъ того, какъ учреждено было въ 1728 году для входа блаженной памяти Государя Императора“, причѣмъ было приказано Ягушинскому объ изготовленіи каретъ для входа ея величества. 28 января снова подробно обсуждали тотъ же вопросъ и утвердили росписаніе и число подводъ для слѣдованія ея величества въ Москву, о чемъ сообщено князю В. Л. Долгорукому. Но этими скромными распоряженіями конечно не могъ исчерпываться въ Верховномъ Совѣтѣ вопросъ о прибытіи Анны Іоанновны. Къ сожалѣнію самыя интересныя подробности по этому вопросу—разсужденія верховниковъ о томъ, какъ приняты „кондиціи“ въ Митавѣ—Анной Іоанновной и въ Москвѣ—шляхетствомъ и другими сословіями—не вносились въ журналы; на эти разсужденія встрѣчаемъ мы тамъ только намеки. Такъ въ засѣданіи 26 января, въ которомъ участвовали: фельдмаршалъ Долгорукой, кн. Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой и Д. М. Голицынъ, отмѣчено: „потомъ пришелъ Михаилъ Михайловичъ (Голицынъ) и совѣтовали между собою секретно“. Такая же отмѣтка находится въ журналѣ 31 января. Въ этотъ день въ собраніи были: канцлеръ Головкинъ, князья Долгорукіе, Василій Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ, и князья Д. М. и Мих. Мих. Голицыны—и „имѣли разговоры секретныя“⁽⁴⁵⁾.

28 января было отправлено къ князю Василью Лукичу Долгорукому письмо, но какого содержанія—черновой журналъ ничего не сообщаетъ. Въ этомъ письмѣ верховники писали, между прочимъ, слѣдующее:

«Когда Ея Величество изволитъ подписать по прошенію нашему отправленное съ вами къ подписи Ея Величеству извѣстное письмо, то оное, ни мало у себя не удержавъ, изволите суды прислать съ ген.-маіор. Леонтьевымъ, а мы здѣсь ко входу Ея Величества всякое прїготовление чинимъ на двое, и въ цвѣтномъ и въ черномъ, для того, что Его Императорское Величество, блаженный

(45) Госуд Арх., Черн. журн. В. Т. С. лл. 8—22.

памяти Петра II-й еще не погребенъ, и учинимъ оный входъ тогда такъ, какъ Ея Величество, при сближеніи (?) [приближеніи] своемъ разсудитъ изволить»⁽⁴⁶⁾.

30 января было экстренное, не въ урочный часъ, засѣданіе Верховнаго Совѣта. Канцлеръ Головкинъ получилъ какое-то важное письмо отъ князя В. Л. Долгорукаго. Его привезъ парочный курьеръ, прапорщикъ Лейбъ-Регимента Алексѣй Макшеевъ. Канцлеръ немедленно собралъ остальныхъ своихъ сочленовъ. „И тотъ пакетъ (съ письмомъ отъ В. Л. Долгорукаго)“—читаемъ въ черновомъ журналѣ объ этомъ засѣданіи—„обще отъ всѣхъ распечатанъ и въ отвѣтъ на оной того же времени отправленъ къ нему, князю Василию Лукичу, съ письмомъ оной же прапорщикъ и приказано ему дать за скорый его прїѣздъ сто рублей, которые тогда же ему и даны“⁽⁴⁷⁾.

Прапорщикъ Макшеевъ привезъ очень важныя вѣсти изъ Митавы. Въ письмѣ, отправленномъ съ нимъ, кн. В. Л. Долгорукой сообщалъ подробности прибытія депутатовъ въ Митаву и о согласіи Анны Иоанновны на кондиціи⁽⁴⁸⁾. Выписываемъ это письмо отъ слова до слова:

«Прїехали мы въ Митаву 25 сего мѣсяца, въ 7-омъ часу по полудни и того-жъ числа донесли Ея Высочеству Государынѣ Императрицѣ, въ началѣ о преставленіи Ея Императорскаго Величества, а потомъ, что избрали Ея Величество на Россійскій престолъ и просили, чтобъ изволила подписать посланныя съ нами кондиціи. Ея Величество изволила печалиться о преставленіи Ея Величества, а потомъ, по челобитью нашему, повелѣла тѣ кондиціи предъ собою прочесть и, выслушавъ, изволила ихъ подписать своею рукою такъ: «По сему обѣщаюся все безъ всякаго изъятія содержать, Анна». Тѣ подписанныя кондиціи мы удержимъ и привеземъ ихъ съ собою, а съ курьеромъ не посылали за опасностію, чтобъ какимъ несчастіемъ въ дорогѣ не утратить. Ея Величество намѣрена отсюда итти сего мѣсяца 28, или конечно 29 числа, и въ пути медлить не изволитъ. Для прѣзда Ея Величества черезъ Ригу приказалъ я генералу Лассію стрѣлять изъ пушекъ и полки гарнизонныя поставить въ строй. О вѣздѣ Ея Величества въ

⁽⁴⁶⁾ Моск. Гл. Арх. М. И. Д.—Ркп. «Управленіе Всерос. имп.» л. 7.—Печати. протоколы В. Т. С., с. 113—114.

⁽⁴⁷⁾ Госуд. Арх., разд. III, № 5, л. 24.

⁽⁴⁸⁾ Ibid., л. 22.

Москву зѣло нужно мнѣ вѣдать — публичной ли будетъ и съ какою церемоніею? О томъ буду ожидать отвѣту. Государыня изволила требовать 10 тысячъ на всякіе расходы и на подъемъ, и я, по Ея указу, послалъ къ оберъ-инспектору, Ильѣ Исаевичу, въ Ригу, чтобъ тое сумму выдать тому, кому Ея Величество принять повелить. — Митава, 26 генваря»⁽⁴⁹⁾.

«Сіятельнѣйшій князь! — отвѣчали верховники князю В. Л. Долгорукому — Сего числа получили мы вашего сіятельства письмо, отпущенное изъ Митавы отъ 26 генваря, изъ котораго усмотрѣли о скоромъ къ Ея Величеству вашему прибытіи и о исправленіи вамъ врученной комиссіи, что Ея Величество прошеніе наше милостиво принять и подписать изволила, за которую Ея высокою обще ко всему государству милость и вамъ за толикій трудъ вашъ къ Отечеству, премного благодарствуемъ и усердно желаемъ очи Ея Величества, Всемиловѣйшей Государыни, здѣсь видѣть. И понеже, вамъ самимъ извѣство, сколь намъ нужно тѣ кондиціи, которыя Ея Величество, по прошенію нашему, подписать изволила, здѣсь имѣть, то третьяго дня писали, дабы вы оныя изволили прислать съ ген.-маіор. Леонтьевымъ, о чемъ и паки ваше сіятельство о скорѣйшей присылки оныхъ самъ просимъ. А буде за чѣмъ съ нимъ послать невозможно, то извольте отправить съ кн. Михаиломъ Михайловичемъ или съ другимъ съ кѣмъ, а ко входу Ея Величества сюды предуготовленіе чинимъ такое, какъ прежде сего Его Императорскаго Величества, блаженныя и высокостойныя памяти встрѣчали, и въ запасъ предуготовить велѣли съ чернымъ уборомъ». Подписано: Графъ Гаврило Головкинъ, Князь Михайло Голицынъ, князь Василій Долгорукой, князь Дмитрій Голицынъ⁽⁵⁰⁾.

2) Распоряженія о приготовленіяхъ къ погребенію Петра II. 20 января Олсуфьеву велѣно было дѣлать надлежаціи приготовленія во дворцѣ къ погребенію Петра II. Главными распорядителями погребенія назначены Остерманъ и Кн. Алексѣй Гр. Долгорукой. Определенъ личный составъ „печальной комиссіи“ для погребенія. Въ составъ ея вошли: оберъ-церемоніймейстеръ бар. Габихсталь, д. с. с. Алексѣй Зыбинъ, ст. сов. Василій (Никитичъ) Татищевъ, придворный интендантъ Петръ Мошковъ, камеръ-цалмейстеры Александръ Кайсаровъ и Гарберъ. Ягушинскому послано предписаніе объ изготовленіи траурныхъ каретъ къ вѣзду въ Москву Анны Іонновны.

⁽⁴⁹⁾ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. — Ркп. «Управленіе Всер. вмп.» л. 9. — Печат. протоколы В. Т. С., с. 114.

⁽⁵⁰⁾ Ibid., л. 10, с. 119.

21 января члены Верховнаго Тайнаго Совѣта были въ Лефортовскомъ дворцѣ и утвердили форму циркулярнаго сообщенія иностраннымъ дворамъ о кончинѣ императора. Въ тотъ же день эти сообщенія отправлены по эстафетѣ^(*).

„Печальная комиссія“ по погребенію Петра II занималась дѣятельно. Остерманъ просилъ на нее до 50,000 р., Верховный Совѣтъ отпустилъ до 30,000. Докладчикомъ по ея дѣламъ въ Совѣтѣ сдѣланъ В. Н. Татищевъ. Всѣ палаты Слободскаго, „Лефортовскаго“ дворца обивались чернымъ сукномъ, учреждено правильное дежурство при гробѣ императора изъ придворныхъ служителей и кавалергардовъ. 24 января постановлено отправить указъ С.-Петербургскому оберъ-коменданту князю Урусову о доставленіи въ Москву имѣющіяся въ Петропавловскомъ соборѣ, въ адмиралтействѣ и въ цейхгаузѣ знамена, гербы и прочія „арматуры“, необходимыя для погребенія Петра II. При подписи объ этомъ протокола, провитель дѣлъ Верховнаго Совѣта Степановъ обратилъ, весьма естественно, вниманіе на могущія произойти недоразумія, п. ч. „объявленія еще о кончинѣ государевой не учинено“. Верховный Совѣтъ поступилъ весьма опрометчиво, постановивъ, вслѣдствіе такого предостереженія осторожнаго дѣльца, слѣдующую резолюцію: „въ тѣхъ указахъ того, для чего тѣ знамена потребны, не писать“. Но могла ли такая наивная мѣра удержать распространеніе слуха о кончинѣ государя? Весьма естественно, извѣстіе о ней все-таки дошло до Петербурга. 30 января въ Верховномъ Совѣтѣ получено было отношеніе Петербургскаго генераль-губернатора графа Миниха о томъ, „что о кончинѣ блаженной памяти Его Императорскаго Величества въ С.-Петербургѣ чрезъ нѣкоторыхъ купцовъ извѣстіе учинилось. 24 января Татищевъ обратился въ Верховный Совѣтъ за разрѣшеніемъ разныхъ существенныхъ вопросовъ по приготовленію къ погребенію Петра II, и Верховный Совѣтъ постановилъ: 1) распределить порядокъ траура по докладу бар. А. И. Остермана, 2) исправить разныя город-

(*) Госуд. Арх., Чернов. журн. В. Т. С., л. 10—12.—Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Дѣла В. Т. С., № 2, л. 2—4. Самый циркуляръ находится въ ркп. «Управление Всер. Имп.», л. 5—6 и напечатанъ по этой рукописи у Языкова, въ его примѣчаніяхъ къ «Запискамъ герцога Лирийскаго», (Спб. 1845 г.) с. 161—163.

скія ворота въ Москвѣ ко дню погребенія и убрать ихъ въ трауръ, 3) приготовить гробницу для императора въ Архангельскомъ соборѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ положенъ царевичъ казанскій, котораго перенесли на другое мѣсто, и въ 4) составить въ печальной комиссіи проектъ погребальнаго церемоніала.

27 января совѣтъ не было засѣданія по случаю панихиды въ Слободскомъ дворцѣ⁽⁶²⁾.

3) Текущія государственныя дѣла отнимали у „министровъ“ Верховнаго Совѣта сравнительно гораздо меньше времени. Изъ уголовныхъ дѣлъ рассмотрѣны 20 января: о колодникѣ Иванѣ Дурномъ, распойѣ Серапионѣ и чернецѣ Шишкѣ; въ это же засѣданіе опредѣлено выдать изъ каморъ-коллегии на строеніе крѣпостей 35000 р., выслушаны реестры доношеній сената и военной коллегии и сдѣланы на нихъ надлежащія отмѣтки для послѣдующихъ распоряженій.

Затѣмъ съ 21 по 31 января рассмотрѣны слѣдующія дѣла:

1) Слушался докладъ особой комиссіи князя Д. М. Голицына⁽⁶³⁾. 2) Сынъ канцлера, Ив. Гавр. Головкинъ назначенъ сенаторомъ. 3) Гофмейстеръ Елизаветы Петровны Семень Нарышкинъ просилъ отпустить для дому цесаревны положенныя по штату, но неуплоченныя деньги за 1728 и 1729 годъ; Верховный Совѣтъ опредѣлилъ немедленно выдать 5000 р., при чемъ князь Ал. Григ. Долгорукой „свое мнѣніе представлялъ, чтобы нынѣ дать до 10,000 р.“ 4) Сава Владиславичъ Рагузинскій получилъ, согласно его желанію, „вмѣсто пожалованнаго ему дома, деревню“. 5) 30-го января сенаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ внесъ три любопытныхъ доклада отъ сената: 1) „что въ порубежныхъ городахъ посадскіе и крестьяне отъ правяща доимокъ бѣгутъ за рубежъ“, 2) что Минихъ требуетъ для окончанія работъ по

⁽⁶²⁾ Госуд. Арх., Черв. журн. В. Т. С., л. 13—17.

⁽⁶³⁾ Кажется, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть комиссію, находившуюся подъ предсѣдательствомъ князя Д. М. Голицына, объ улучшеніи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ. Комиссія эта была организована въ январѣ 1727 года. (См. бумага К. И. Арсеньева, изд. акад. Пекарскимъ, с. 84 и слѣд.).

Ладожскому каналу 4 пѣхотныхъ полка, 3) что сенатъ затрудняется, какъ поступать съ указами, отправленными изъ коллегій, тѣмъ числомъ, какъ государь здравствовалъ,— заносить такіе указы въ реестры и публиковать ихъ, или нѣтъ? Верховный Совѣтъ опредѣлилъ: по 1-му докладу:—подушныя деньги, находящіяся въ недѣлкахъ до указу не взымать, а кабацкія и прочія править по прежнему; по 2-му: полкамъ объявить, чтобъ были въ готовности для отправки на работы по Ладожскому каналу, но до указу на каналъ не посылать; по 3-му: дня два-три обождать⁽⁵⁴⁾.

Въ то же засѣданіе 30 января имѣли разсужденіе о вспомогательномъ корпусѣ цесарю нѣмецкому на основаніи „алианса“ и договора, заключеннаго 30 декабря 1726 года. Верховный Совѣтъ, совершенно соглашаясь съ заявленіемъ цесарскаго посла графа Вратислава, требовавшаго въ настоящее время исполненіе „алианса“, постановилъ сдѣлать распоряженіе объ отправкѣ въ помощь нѣмецкому цесарю 20,000 инфантеріи и 10,000 драгунъ; но протоколъ объ этомъ постановленіи подписалъ лишь 19 февраля⁽⁵⁵⁾.

Верховный Совѣтъ, какъ видно изъ его журналовъ, со дня избранія Анны Іоанновны до конца января—всего усерднѣе занимался дѣлами, относящимися къ этому избранію и приготовленіями къ погребенію отрока императора, но въ мѣропріятіяхъ его по всемъ этимъ дѣламъ нельзя не замѣтить страшной торопливости, которая иной разъ доходитъ до непростительной неосмотрительности: таково, напримѣръ, постановленіе Верховнаго Совѣта 20 января относительно титула Анны Іоанновны въ церковныхъ моленіяхъ и приглашенія на ектеніяхъ именъ покойнаго императора и его вѣвѣсты. Синодъ, очевидно не безъ задней мысли, предложилъ прежній титулъ императрицы, а Верховный Совѣтъ, желая предотвратить излишнія недоразумѣнія и толки, по-

⁽⁵⁴⁾ Госуд. Арх., разд. III, д. № 3, л. 7—20. Моск. Гл. Арх. М. И. Д., св. VII, № 2, л. 2—4.; Проток. В. Т. С., въ Сен. Арх. за 1730 г., л. 18—46.; Арх. Синод., д. № 34, л. 9.—П. С. З., VIII, № 5497 и 5498.

⁽⁵⁵⁾ Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. VII, № 1, л. 1—2, и № 3.

становилъ „до времени“ поминать, какъ прежде было ⁽⁶⁶⁾. Но этимъ постановленіемъ онъ давалъ оружіе въ руки своему сильному противнику, Теофану Прокоповичу, и еще болѣе увеличивалъ именно то, что желалъ предотвратить, т. е. излишнія недоразумѣнія и толки. Еще неосмотрительнѣе были въ этомъ отношеніи: распоряженіе объ исключеніи въ ектеніяхъ именъ Петра II и вѣжныи Екатерины только для одной Москвы, извѣщеніе о кончинѣ императора иностранныхъ министровъ и въ то же время тщательное сокрытіе этой кончины отъ Москвы, Петербурга и провинцій Русскаго государства.

Противники Верховнаго Совѣта ловко пользовались всѣми такими промахами съ его стороны, и 2 февраля князь Д. М. Голицынъ увидѣлъ, что эти противники составляютъ силу, съ которой не только слѣдуетъ считаться, но и бороться. Увидѣлъ онъ это поздно, и дѣло его было совершенно проиграно. Мѣры, которыя онъ предпринялъ для борьбы съ генералитетомъ и шляхетствомъ—были еще болѣе безтактны и нецѣлесообразны, и этими мѣрами онъ запутывалъ себя все больше и больше.

(66) Въ протоколахъ Синода первое постановленіе о титулахъ Анны Иоанновны помѣчено 2-мъ февраля (о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже). Ранѣе этого числа постановленія объ этомъ вопросѣ въ протоколахъ синода не находится. По всей вѣроятности, предусмотрительный Теофанъ Прокоповичъ не вносилъ въ протоколъ разсужденій о такомъ щекотливомъ въ то время вопросѣ; а уведомилъ о немъ В. Т. С. простымъ сообщеніемъ. (См. Арх. Свят. Синода, дѣла 1730 г., №№ 34 и 35).

V.

ОТЪ 2-ГО ДО 10-ГО ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Засѣданіе 2-го февраля.—Письмо Анны Іоанновны изъ Митавы отъ 28-го января.—Арестъ Ягушинскаго и отзвы объ этомъ иностранныхъ пословъ.—Разныя распоряженія верховниковъ 2-го и 3-го февраля.—Молебствіе въ Успенскомъ соборѣ 3-го февраля.—День 4-го февраля.—Засѣданія Верховнаго Совѣта 5-го, 6-го и 7-го февраля; пренія о манифестѣ и привлеченіе духовенства къ подписанію протокола о засѣданіи 2-го февраля.—Путь Анны Іоанновны отъ Митавы до Всесвятскаго.—Проповѣдь Теофанъ Прокоповича.—Приготовленія къ похоронамъ Петра II и ко «сходу» Анны Іоанновны.—Занятія Верховнаго Тайнаго Совѣта текущими дѣлами.

Первое число февраля ознаменовалось весьма отраднымъ для верховниковъ событіемъ. Теофанъ Прокоповичъ утверждаетъ, что не только лица самихъ верховниковъ, но и прислуги ихъ сіяли радостію ⁽¹⁾. Кн. Д. М. Голицынъ торжествовалъ, видя успѣшное начало своего дѣла, и будущее рисовалось ему въ яркихъ и радужныхъ цвѣтахъ. Ни онъ, ни остальные верховники, никто не могъ предполагать, что мѣсяць, столь счастливо для нихъ начавшійся, окончится совершеннымъ ихъ посрамленіемъ, не только въ глазахъ современниковъ, но и въ памяти потомства.

Что же могло такъ обрадовать верховниковъ?

1-го февраля генераль Леонтьевъ привезъ изъ Митавы подписанныя Анной Іоанновной кондиціи и письмо отъ нея къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Съ нимъ же былъ присланъ закованный въ кандалы П. С. Сумароковъ, гонецъ Ягушинскаго. Никому не было объявлено о прибытіи

(1) «Сказаніе», с. 203—204.

Леонтьева, но вѣсть, какъ о его прибытіи, такъ и о томъ, что и кого онъ привезъ съ собою—скоро распространилась по Москвѣ.

2-го февраля было назначено особо торжественное засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Къ этому засѣданію приглашались отдѣльными повѣстками „синаодъ, сенатъ, генералитетъ по брегадира, президенты (коллегій) и прочіе штатскіе тѣхъ райговъ“. Это собраніе должно было носить характеръ исключительно національный, вслѣдствіе чего иностранцы высшихъ чиновъ не приглашались въ него^(*). Въ повѣсткахъ не было означено цѣли та-

(*) Въ черновыхъ журналахъ В. Т. С. находятся самыя эти повѣстки съ приводимыми нами ниже отмітками около фамицій, приглашаемыхъ лицъ о томъ, что они «посланнымъ изволили сказать». Извлекая изъ повѣстокъ имена этихъ лицъ, мы помѣщаемъ ихъ отвѣты курсивомъ, въ скобкахъ. Лица, при фамиліяхъ которыхъ ничего не означено, выразили свое безусловное согласіе быть въ засѣданіи, что отмѣчено въ повѣсткахъ словами: «будеть».

1-я повѣстка.

Д. Т. Сов-ки: графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ (*если поможется будетъ*); кн. И. Ю. Ромодановской (*если можетъ обуица будетъ*)—(кн. И. Ю. Ромодановской страдалъ подагрой); кн. Мих. Волод. Долгорукой; об.-камергеръ кн. Ив. Ал. Долгорукой.—Т. Сов-ки: П. М. сынъ Бестужевъ (*не получили въ домъ—объявлено домовнымъ [другою рукою]*); Осод. Вас. сынъ Наумовъ (*дневаетъ во дворцъ сего числа*); Ив. Никиф. сынъ Плещеевъ и кн. Серг. Гр. Долгорукой (*въ домъ не получено, а домовнымъ ихъ объявлено*).—Коллежскіе президенты: Камеръ-коллегія г. Макаровъ, Вотчинной, г. Сухотинъ, Бергъ—г. Зыбинъ.—Ст. дѣйств. сов-ки: кн. Вас. Одоевскій, Ив. Кропотовъ, Петръ Савеловъ (*въ домъ не получено, дневали во дворцъ, а объявлено домовнымъ*).—Петръ Вельямановъ-Зерновъ, графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, Григ. Ергольскій; бар. Петръ Шафировъ.—Придворные: ранга генералъ-шефтенанта—госп. Нарышкинъ; ранга генералъ-майора: об.-гофмейстеръ Алсуфьевъ (*въ домъ не получено, дневаетъ во дворцъ, а домовнымъ объявлено*), гоф-маршалъ Шепелевъ, гоф-мейстеръ Елагинъ, оберъ-гоф-штабмейстеръ Алабердеевъ и штабмейстеръ Кошелевъ (*дневаютъ во дворцъ сего числа*); оберъ-шенкъ графъ Апраксинъ (*въ домъ не получено, объявлено домовнымъ*).—Камеръ-геры: Госп. Бя... [не разобраю].—графъ госп. Головкинъ (*въ домъ не получено, объявлено домовнымъ*), г. Допухинъ.

2-я повѣстка.

Т. С. гр. Ив. Гавр. Головкинъ, генер.-лейт. Ив. Иль. Дмитриевъ, Мамоновъ (*въ домъ не получено, а объявлено домовнымъ*), Т. С. князь

кого собранія, но всѣмъ приглашеннымъ она была хорошо известна.

О томъ, какъ приглашенные отвѣселись къ повѣсткѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, рассказываетъ Теофанъ Прокоповичъ. „Чудно же, воистину сказать, каковыя многихъ явились тогда разгласія!“—говоритъ онъ. „Одни, да и многая часть, говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ Верховный Совѣтъ раскаялся и хочетъ просить себѣ въ томъ прощенья, какъ то члены его, въ недавнихъ разговорахъ и общались. А другіе всѣ иное помышляли, и какъ саміи они къ собранію призыва не любили, такъ и всѣмъ ходить туда весьма не совѣтовали, прилѣжно внушая, что новая то

Алексѣй Мих. Черкасской, Т. С. Алексѣй Льв. Пашевъ (болень), Т. С. кн. Ив. Григ. Долгорукой (въ домъ не получено, и объявлено домовымъ).—Ст. дѣйств. сов-кн: Вас. Як. Новосильцевъ и Ив. Петр. Шереметьевъ (въ домъ не получено, и объявлено домовымъ), Об. прокуроръ г. Воейковъ.

3-я повѣстка.

Генералы и кавалеры: Мих. Ав. Матюшкинъ, Павелъ Ив. Ягушинской, Ген.-крѣпост. комисаръ Григ. Петр. Чернышевъ, Ген.-лейтенанты: Ив. Ил. Дмитріевъ-Маменовъ—кн. Григ. Дм. Юсуповъ.—Андр. Ив. Ушаковъ.—Сем. Андр. Салтыковъ (болень)—Сем. Бриг. Нарышкинъ.—Ген.-маіоры: кн. Ив. Θεод. с. Борятинскіи.—Ив. Вас. с. Панинъ (болень)—Ив. Макс. с. Шуваловъ.—Ив. Петр. с. Измайловъ.—Ив. Ив. с. Бионковъ.—Ст. Лук. с. Вельяминовъ.—Кн. Алексѣй Ив. с. Шаховской.—Левъ Вас. Измайловъ.—С. Ив. ю. Суккинъ.—Алексѣй Ив. с. Таранановъ.—Дм. Θεод. с. Ерокинъ.—Ив. Вас. с. (фамилія нѣтъ)—Петръ Вас. Измайловъ.—Кн. Вас. Матв. с. Вяземской.—Дѣйств. Ст. сов-кн: Ив. Ив. Прокоповъ. (Въ этомъ 3-мъ свѣскѣ, кроме отбитокъ показанныхъ въ скобкахъ, нигдѣ нѣтъ отбитки: оудеть). Всего по тремъ повѣсткамъ было приглашено 56 лицъ. (Госуд. Арх., р. III, д. № 5, л. 25—28).

Бригадиры вызывались военной коллегіей, а «штатскіе тѣхъ ранговъ персоны»—сенатомъ.

Въ дѣлахъ В. Т. С. сохранилось слѣдующее любопытное черновое постановленіе, безъ подписи: «Прзывать ко 2-му часу, въ 4-мъ часу по полудню, синодъ, сенатъ, генералатеть (генералы полные, генералы-лейтенанты, генералы-маіоры), коллежскихъ президентовъ, князя Ивана Юрьевича [Трубецкаго] кн. Михаила Владимировича [Долгорукаго. Намечтанное курсивомъ—зачеркнуто], дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. Чтобъ во всѣхъ чинахъ иноземцовъ не было. (Госуд. Арх., р. III, д. № 4, л. 28).

верховниковъ хитрость и злое изобрѣтеніе, какъ бы имъ прочіихъ или къ согласію затѣекъ своихъ сильно понудить, или противящихся себѣ вдругъ придавить“^(*). Въ шляхетскихъ кружкахъ и среди высшаго духовенства волненіе еще болѣе усилилось. Верховники не безъ основанія полагали, что собраніе 2 февраля ознаменуется какимъ нибудь движеніемъ, направленнымъ противъ нихъ, а потому распорядились заранѣе разставить войска, какъ вокругъ Кремлевскаго дворца, такъ и по всѣмъ его внутреннимъ ходамъ и переходамъ^(*).

2-го февраля, къ девяти часамъ утра, собрались всѣ приглашенные, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе вѣстей изъ Митавы. Верховный Совѣтъ былъ почти въ полномъ составѣ: отсутствовали только — посланный въ Митаву кн. В. Л. Долгорукой и сканывавшійся больнымъ баронъ А. И. Остерманъ. Верховники, собравшись вмѣстѣ, отдѣльно отъ приглашенныхъ въ засѣданіе „синаода, сената, генералитета и прочіихъ особъ“, — прежде всего прочли письмо Анны Іоанновны; по прочтеніи его, они призвали къ себѣ изъ приглашеннаго генералитета только трехъ лицъ: фельдмаршала кн. Ивана Юрьевича Трубецкаго, гр. Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина и кн. Михаила Володиміровича Долгорукаго. Вмѣстѣ съ нимъ верховники приступили къ разсмотрѣнію повѣстокъ, посланныхъ изъ сената и военной коллегіи, причемъ оказалось, что были вызваны „нѣкоторыя персоны, коимъ быть не надлежитъ“ (очевидно верховники не желали видѣть нѣкоторыхъ лицъ на собраніи, но сенатъ и военная коллегія вызвали ихъ, вопреки предписанію Верховнаго Тайнаго Совѣта). Узнавъ, что эти персоны уже пришли, верховники рѣшили „допустить и ихъ“. Окончивъ эти предварительныя занятія, верховники пригласили въ засѣданіе синаодъ въ трехъ персонахъ: архіепископа Новгородскаго — Теофана Провоповича, Ростовскаго — Георгія Дашкова и Коломенскаго — Игнатія Смола, а также сенатъ, генералитетъ и прочіихъ, „которымъ повѣстка была“.

Всѣмъ имъ было объявлено о присылкѣ съ генераломъ Леонтьевымъ подписанныхъ Анной Іоанновной кондицій и

(*) Теофанъ «Сказаніе» с. 203.

(*) Ibid. с. 204.

письма и затѣмъ прочитаны въ подлинникахъ письмо и кондиціи (*). На окончательной редакціи кондицій находилась собственноручная приписка курляндской герцогини: по сему обещаю все без всякаго изъятія содержать, Анна. Въ письмѣ Анна Іоанновна писала слѣдующее:

«Любезно-вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, присутствующимъ въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ. Отправленные отъ васъ любезно-вѣрные намъ г. д. с. и членъ Тайнаго Верховнаго Совѣта кн. Василей Долгорукой, да тайный совѣтникъ и сенаторъ, князь Михайло Голицынъ, и генералъ-маюръ Михайло Левонтьевъ, 25 числа сего мѣсяца, пріѣхавъ къ намъ въ Митаву, горестную и неописанную объявили Намъ печаль о преставленіи Его Императорскаго Величества Петра втораго, нашего любезнѣйшаго племянника и государя. Мы, какъ по близости крови, такъ и по вѣрнѣйшему Его Величества благосклоннымъ къ Намъ поступкамъ, признаемъ тою печалью за крайнее Божеское наказаніе нашей оаиили, и вѣрнѣйшаго народа право любящимъ дражайшее свое отечество. Потому вышеупомянутые, отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили Намъ что, по соизволеніи всемогущаго Бога, которой токмо едины державы и скипетры монарховъ опредѣляетъ, избраны мы на російской, прародителей нашихъ, престолъ, и хотя я рассуждала, какъ тяжко есть правленіе той великой и славной монархіи, однакожъ, повинувся той Божеской воли и ирося Его, Создателя, помощи къ тому жъ не хотя оставить отечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намъ рѣшилась принять державу того государства и правительствовать, елико Богъ Мнѣ поможетъ, такъ чтобы всѣ наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны. Понеже къ тому моему намъ рѣшенію потребны благае совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ моимъ на російской престолъ, по здравомъ разсужденіи, избрали мы за пошребно, для пользы російскаго государства и ко удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячестъ и правое наше намъ рѣшеніе, которое мы имѣемъ ко отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ какими способы Мы то правленіе вести хожемъ, и подписавъ нашею рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29-й день конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдентъ. Виротчемъ, общаемъ вамъ и всѣмъ нашимъ подданнымъ нашу монаршескую милость, которую, по прибытіи нашемъ, дѣлѣ-

(*) Госуд. Арх., Чернов. журн., л. 23.

ствительно показать хотимъ, и всѣхъ васъ вручаемъ всемогущему Богу. Дано в Митаве, 28 генваря, 1730 году» (*).

(*) Письмо Анны Іоанновны В. Т. С-ту изъ Митавы отъ 28 янв. 1730 г., съ извѣщеніемъ о согласіи ея на предложенныя ей «кондиціи», напечатано въ первый разъ по *черновому списку руки кн. В. Л. Долгорукаго*, доставленному В. Н. Карзиннымъ изъ Харькова, — въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830 г., издававш. Погодинымъ (ч. I, с. 368—374). Съ 1830 по 1877 годъ письмо это было издано нѣсколько разъ. Изъ «Московского Вѣстника» переиздали его Вейденверъ, въ «Обзорѣ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра В. до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны». (См. 4-е изд., 1848, ч. I, с. 101—103) и кн. П. В. Долгоруковъ, въ «Сказаніи о родѣ князей Долгоруковыхъ» (СПб. 1840, с. 233—234); затѣмъ, по другому списку А. Ѳ. Малиновскаго, схожему со спискомъ Карзина и хранящемуся въ главномъ московскомъ архивѣ М. И. Д., письмо было напечатано Языковымъ въ примѣчаніяхъ къ его переводу «Записокъ герцога Лирійскаго» (СПб. 1843, с. 166—168) и въ протоколахъ В. Т. С. (Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн., 1858, III, с. 115—116). Въ 1869 году С. М. Соловьевъ впервые напечаталъ письмо въ своей «Исторіи Россіи» по бѣловому, официальномъ списку госуд. архива, но не вполне: у него не достаетъ начала его и конца. (т. XIX, с. 252, 1-е изд.). Въ 1877 г. академикъ А. Ѳ. Бычковъ снова напечаталъ черновую редакцію письма, собственноручно писанную кн. В. А. Долгорукимъ, отицтвѣ *курсивомъ* слова, зачеркнутыя въ подлинникѣ. (Р. Стар. 1877., т. XVШ, с. 511—512). Т. обр. мы имѣемъ въ наст. вр. двѣ редакціи этого письма: *черновую*, писанную кн. В. Л. Долгорукимъ (Карзина и Бычкова) и *бѣловую* (госуд. архива), надорванную вмѣстѣ съ кондиціями 25 февраля 1730 г. Мы воспроизвели письмо по печатному тексту «Протоколовъ» В. Т. С., исправивъ этотъ текстъ по оригиналу, находящемуся въ госуд. архивѣ (разд. III, д. № 6, л. 27). «Достойны примѣчанія самыя помарки въ семь отпускѣ», — говоритъ Карзинъ. «Онѣ доказываютъ, или крайнюю поспѣшность, или встревоженный духъ излагателя. Немногія отроки уцѣлѣли въ своемъ первоначальномъ видѣ; слова, необходимыя для смысла, пропущены, и послѣ прибавлены надъ строками, на поляхъ. Вас. Мукичъ забывался до такой степени, что пропустилъ собственное свое званіе члена Т. В. С. (что послѣ на волѣ прописано), и что вмѣсто Петра *Второго*, написалъ было Петра *Первого*. Что принадлежитъ до Митавы, два раза вмѣсто *Митавы* написано, — вѣроятно такъ продолжали еще провозносить русскіе въ то время: ибо такъ провозносятъ и нынѣ народъ». (Моск. Вѣст. 1830, ч. I, с. 368—369, примѣч.) — Для сличенія помещаемъ здѣсь важнѣйшія отицтвѣ черновой редакціи письма по текоту академика А. Ѳ. Бычкова. Зачеркнутыя слова не вписаны въ бѣловой списокъ; мы ставимъ ихъ въ скобкахъ. *курсивомъ*. Къ отрок. 5—8: «25-го числа сего мѣ-

Письмо это было заранѣе, еще въ Москвѣ, составлено княземъ В. Л. Долгорукимъ, безъ сомнѣнія, при участіи князя Д. М. Голицына. Письмо имѣло претензію удовлетворить самымъ различнымъ воззрѣніямъ слушателей, давая возможность толковать его весьма разнообразно. Анна Іоанновна, указывая въ письмѣ прежде всего на родство свое съ покойнымъ императоромъ, приписывала свое избраніе „соизволенію Всемогущаго Бога“, повинувась волѣ котораго она и принимала російскій престолъ только потому, что не хотѣла „оставить“ своего отечества и вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Исходя изъ этого божественнаго начала своей власти, вновь избранная императрица приписываетъ весь планъ, начертанный въ кондиціяхъ, своему собственному почину: она говоритъ прямо, что сама написала, насколько позволило ей время, тѣ „способы“, какими она хочетъ вести управленіе; такимъ образомъ, Верховный Совѣтъ являлся не инициаторомъ „кондицій“, а только исполнителемъ воли императрицы. Этотъ тонъ давъ былъ письму намѣренно, чтобы замаскировать предъ большинствомъ настоящей починъ избранія курляндской герцогини и дѣйствительное значеніе кондицій, какъ наброска будущихъ государственныхъ преобразованій.

сца приѣхавъ к намъ в Нитаву горестную и неописанную (*и zelo чюв и горестную намъ нашей*) объявляя намъ печаль. (*что*) о представленіи (акбезнѣйшаго нашего племянника Петра перваго (*второго*), *что та печаль толь мы чюствуемъ*). Къ строк. 18—21: «къ тому-жъ (*не хотя оставить прародительскаго нашего престола*), не хотя оставить отечества моего и верныхъ нашихъ подданныхъ (*намѣрена взя*) намѣрелась принять державу того государства (*и вести*) и правительствовать елико Богъ мнѣ (*ди*) поможетъ, (*такъ чтобъ въ началъ вст чины Роси*) всѣ наши подданные, какъ мірскіе, такъ и дохныя (т. е. духовныя) могли быть доволны, а понеже къ (*такому*), тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ (*всякъ*) и во всѣхъ государствахъ чинится, того (*для я еще прежде вступленія моего на Російской престолъ разсудила, я разс. еще ирежде*»). Къ строк. 32—34: «въ Нитавы къ Москвѣ для (*принятія пре*) вступленія на престолъ пойдемъ, вручаемъ васъ какъ васъ, такъ и встѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ всемоущему Богу); впрочемъ общаемъ (*нашу монарше*) вамъ и (*всему*) всѣмъ нашимъ подданнымъ нашу монаршескую милость».

Поэтому князь Д. М. Голицынъ, по прочтеніи письма, обратился къ собранію съ вратною рѣчью, въ которой высказала убѣжденіе, что всѣ присутствующіе, «какъ дѣти отечества», будутъ искать общей пользы и благополучія государству^(*).

Противники верховниковъ изъ сената, генералитета и шляхетства, какъ сторонники самодержавія, такъ и сторонники ограниченія власти—могли видѣть въ письмѣ Анны Іоанновны залогъ успѣха собственныхъ мечтаній и надеждъ. Сводальные члены, повидимому, читали въ письмѣ между строкъ полное самодержавіе и радовались тому искривно. Они „учали домогаться, чтобы больше не отлагая, собраться и совершить благодарственное молебствіе“^(*).

Всѣ присутствовавшіе согласились на молебствіе, которое и назначено въ Успенскомъ соборѣ на другой день (3-го февраля), и выразили глубокую благодарность Анаѣ Іоанновнѣ „за такую ея императорскую милость“.

Но эта общая радость была только видимая, внѣшняя. Въ душѣ, ни верховники, ни приглашенныя особы — не могли быть довольны и покойны: противорѣчіе между тономъ письма и кондіціями было очевидное. Кня Д. М. Голицынъ и верховники знали очень хорошо своихъ враговъ и видѣли, что 2 февраля враги эти явились на генеральное сраженіе съ ними; особенно смущала ихъ Ягушинской. Противники верховниковъ рѣшились въ этотъ день открыто высказать свои желанія.

— „Какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣеть?“—обратились къ верховникамъ съ вопросомъ, собравшіяся персоны.

Иностранные послы и Теофанъ Прокоповичъ свидѣтельствуютъ, что этотъ вопросъ былъ сдѣланъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ. Князь Д. М. Голицынъ всего менѣе могъ ждать такого вопроса отъ князя Черкаскаго, но дѣлать было нечего и онъ долженъ былъ удовлетворить весьма естественному требованію, стоявшему за этимъ вопросомъ, требованію о томъ, чтобы Верховный Совѣтъ выслушалъ наконецъ мнѣніе имъ же приглашенныхъ—

(*) Госуд. Арх., р. III, д. № 5, л. 23.

(*) Теофанъ «Сказаніе», с. 203.

синода, сената, генералитета и шляхетства. Князь Д. М. Голыцынъ отвѣчалъ; „чтобы они, ища общей государственной пользы и благополучія, написали проектъ отъ себя и подали на другой день“.

Вслѣдъ за симъ верховники удалились въ особую палату, а собравшіяся „персоны“ просили еще разъ прочесть имъ „кондиціи“, чтобы лучше уразумѣть ихъ. Уходя въ особую палату, верховники приказали, чтобы „о здравіи Ея Величества на ектеніяхъ молили, а какимъ образомъ титуловать во всемъ государствѣ и въ церквахъ Бога молить— приказано сдѣлать форму, а равно и публикацію въ народъ о болѣзни и кончинѣ государевой“⁽⁹⁾.

О выслушаніи кондицій и писема было между тѣмъ составленъ слѣдующій протоколъ:

„Февраля 2 дня вышесписанные Ея Императорскаго Величества всеимпостивѣйшее писаніе і пункты писанные: генваря 28 числа за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, которые присланы і генераломъ маоромъ Леонтьевымъ Верховному Тайному Совѣту, свѣтѣйшій Синодъ, Сенатъ, Генералитетъ і прочіе тѣхъ ранговъ, выслушавъ—за такую Ея Императорскаго Величества оказанную ко всему государству неизреченную милость, благодарили всемогущаго Бога и всѣ согласно объявили, что тою Ея Величества милостію весьма довольны и подписуемся своими руками“⁽¹⁰⁾.

Когда собравшимся персонамъ предложили подписать этотъ протоколъ, онѣ отказались это исполнить, отложивъ до 4 февраля, а прослушавъ еще разъ кондиціи, разошлись по домамъ толковать о происшедшемъ и обдумывать свои проекты⁽¹¹⁾.

Феофанъ Прокоповичъ такъ описываетъ собраніе 2 февраля:

„Ни кого, почитай кромѣ Верховныхъ“,—говоритъ онъ,— „не было, кто-бы таковыя слушавъ, не содрогнулся, и сами тѣ, которы вчера великой отъ сего собранія пользы, надѣялись, опустили уши, какъ бѣдніе ослики; шептанія

(9) Госуд. Арх. Чернов. журн. В. Т. С., л. 23—24; Рус. Ист. Сб., V, 354.—Де-Ливра, XVIII-й в., III, 39.—Феофанъ, „Сказаніе“, с. 205.

(10) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6, л. 32.

(11) Ibid., дѣло № 5, л. 24.

нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ отелікнуться никто не посмѣлъ. И дивиде было всѣхъ молчаніе! Сами господа Верховные тихо нѣчто одинъ другимъ пошептывали, и остро глазами посматривая притворялись, будто бы и они яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются. Одинъ изъ нихъ только князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ часто похарзивалъ: „Видите де, какъ милостива Государыня! и како́го мы отъ нее надѣались, таковое она показала отечеству нашему благодѣаніе! Богъ ее подвинулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ“! Сія и симъ подобная до сѣтости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: „для чего никто ни единого слова не проговорить? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и вѣтъ-де ниче́го другаго говорить, только благодарить той милосѣрдной Государыни“! И когда нѣкто не вучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: „Не вѣдаю-де и весьма чуждуся, отъ чего на-мысль пришло Государыни такъ писать“!—то на его слова ни отъ кого отвѣта не было“⁽¹²⁾.

Синодальныя члены прямо изъ собранія отправились въ засѣданіе синода и составили протоколъ о томъ, чтобы титулъ Анны Іоанновны, согласно титулу прѣмде царствованиемъ государей, заключалъ въ себѣ с а м о д е р ж а в і е⁽¹³⁾.

Удалившись въ особую палату, верховники приступили къ обсужденію вопроса о Ягушинскомъ. Его роль впервые стала для нихъ извѣстна изъ „распросныхъ рѣчей“. Сумарокова на допросѣ, произведенномъ ему въ Митавѣ, 26 января, князьями В. А. Долгоруки́мъ и М. М. Голицынны́мъ-младшимъ. Выѣсто того, чтобы привлечь Ягушинскаго на свою сторону, призвавъ его въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта (чѣмъ вполне было бы удовлетворено его честолюбіе), князья Голицыны и Долгорузіе, давно не любившіе выскочку-шляхтича, обрадовались случаю вымѣстить нависѣвшую на него злобу. Ягушинской былъ арестованъ и подвергнутъ

⁽¹²⁾ Теофанъ, «Сказаніе», с. 204—205.

⁽¹³⁾ Арх. Св Синода, 1730 г., дѣло № 34, л. 69.

допросу. Иностранные послы передают картинную сцену ареста Ягушинскаго. Они повѣствуютъ, что, во время чтенія кондицій, князь Д. М. Голицынъ обратился къ Ягушинскому съ вопросомъ, какого тотъ мнѣнія о кондиціяхъ Ягушинской, будто бы очень смутился этимъ вопросомъ, что и послужило къ его уликѣ; послѣ этого онъ былъ, по приказанію того же Голицына, арестованъ фельдмаршаломъ княземъ Долгорукиимъ и допрошенъ В. П. Степановымъ⁽¹⁴⁾. Князь Д. М. Голицынъ былъ слишкомъ опытный политикъ, чтобы поступить столь наивно; приведенныя подробности, по всему вѣроятію, принадлежатъ къ числу слуховъ, распространявшихся въ публикѣ по поводу ареста Ягушинскаго: арестъ этотъ заводилъ, не только его родственниковъ — князя Головкина, князей Ромодановскаго и Борятинскаго, — но и большинство шляхетства, духовенства и иностранныхъ министровъ. Въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 2 февраля говорится объ арестѣ Ягушинскаго въ „общихъ терменахъ“, „Приказано“ — читаемъ, мы въ этомъ журналѣ — за нѣкоторыя подозрѣнія генерала Ягушинскаго арестовать и отдать подъ караулъ, а какимъ образомъ его содержать, о томъ отъ обоихъ генералъ-фельдмаршаловъ приказано гвардіи капитану Лукину“.

Поѣздка Сумарокова ясно доказала верхникамъ, какъ легко можно проѣхать изъ Москвы въ Митаву. По этому только, что „сведенныя“ по тверской дорогѣ заставы были возобновлены. „Тогда-жъ отъ собранія Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано“, — говорится въ журналѣ этого засѣданія, — „чтобы всѣмъ тѣмъ, которые при томъ были (т. е. сенату, синоду, генералитету, и шляхетству) объявить, что, понеже являються нѣкоторыя подозрѣнія, того бы ради никто по тверской дорогѣ къ нимъ не ѣдиль, на свойственниковъ своихъ не посылалъ, и ежели кому послать нужда, чтобъ докладывали въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; также приказано, чтобъ изъ амской канцеляріи учинить заставу по тверской дорогѣ и никого безъ пашпортовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не пропускать“. Вслѣдствіе этого постановленія были выданы паспорта послан-

⁽¹⁴⁾ De-Adria, XVIII в. III, с. 39. — Рус. Ист. Сб. VI, с. 349 — 350 — Tourgueneff, III, 265—266.

нимъ на встрѣчу Анны Иоанновны отъ ея сестеръ—царевнъ Екатерины и Прасковьи (15).

Мы сочли нужнымъ столь подробно остановиться на днѣ 2-го февраля, на собраніи приглашенныхъ „персонъ“ и на послѣдовавшемъ за этимъ собраніемъ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и синода, — потому, что подробности эти опредѣлили происшествія всей послѣдующей недѣли, а эта недѣля имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи воцаренія императрицы Анны Иоанновны. 10 февраля Анна Иоанновна пріѣхала въ подмосковное село Всесвятское, и въ теченіи семидней, съ 3-го по 10-е февраля, образовались тѣ элементы, которые друзьями и сторонниками императрицы были впоследствии ловко направлены въ ея пользу.

Верховники имѣли ясныя доказательства, что духовенство и шляхетство рѣшились на открытую и упорную борьбу съ ними; но вождь верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ самонадѣянно и гордо отнесся къ оппозиціонному движенію. Онъ не только не думалъ войти въ соглашеніе съ враждебными элементами, но не пожелалъ даже подробно изучить эти элементы; напротивъ, онъ дѣйствовалъ рѣзко, игнорируя движеніе, и рядомъ послѣдовавшихъ распоряженій создавалъ себѣ все болѣе и болѣе враговъ.

Въ чемъ же состояли эти распоряженія, какия средства употреблялъ князь Д. М. Голицынъ противъ своихъ враговъ?

3-го февраля, арестованный Ягушинской былъ обысканъ гвардіи-капитаномъ Лукиннымъ столь тщательно, что у него были отобраны не только „кавалерія и письма“, но „кожухи и карадаши“, которые при немъ были. Письма Ягушинскаго разсматривались гв. министрами въ засѣданіи 3-го февраля и запечатаны (16).

Затѣмъ пошли аресты разныхъ лицъ замѣшанныхъ въ дѣло Сумарокова. Въ засѣданіи Верховнаго Совѣта 3-го февраля фельдмаршалъ князь Вас. Вл. Долгорукой объяснилъ, что одного изъ сторонниковъ Ягушинскаго, новгородскаго помѣщика Воина Борсакова, не могли розыскать въ Москвѣ; было только извѣстно, что онъ на дняхъ уѣхалъ въ

(15) Голубцовъ, арх., разд. III, д. № 2, л. 23—24.

(16) Тамъ же, л. 28—32.

свои новгородскія деревни, — вслѣдствіе чего верховники положили немедленно послать въ Новгородъ распоряженіе о томъ, чтобы взять Корсакова подъ вѣрній караулъ⁽¹⁷⁾.

Аресты Сумарокова, Ягушинскаго и ихъ сторонниковъ породили новые слухи, еще болѣе повредившіе верховникамъ.

Иные считали Ягушинскаго приверженцемъ Елизаветы Петровны, хлопотавшимъ о возведеніи ея на престолъ, другіе смотрѣли на него, какъ на сторонника ограниченія самодержавія, но не согласнаго съ программой верховниковъ, третьи наконецъ, болѣе посвященные въ политическія тайны, почитали его вліяетомъ Анны Іоанновны и сторонникомъ ея неограниченной власти. Всѣ эти слухи передавались въ тогдашней иностранной періодической прессѣ и въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ⁽¹⁸⁾.

Человѣкъ близкій Ягушинскому, саксонско-польскій посланникъ Лефортъ, сообщаетъ, что 4 февраля Верховный Совѣтъ лишилъ Ягушинскаго обоихъ орденовъ: Андреевскаго и Александровскаго, и въ тотъ-же день, при барабанномъ боѣ, было объявлено о его винѣ — „письмѣ, написанномъ императрицѣ и направленномъ противъ блага отечества и интересовъ Ея Величества“. Лефортъ отрицаетъ виновность Ягушинскаго. „Заточеніе Ягушинскаго“, — пишетъ онъ — „было сдѣлано скоро и живо. По моему мнѣнію, эта послѣдствіе не имѣла бы мѣста, если бы онъ дѣйствительно былъ въ чемъ-нибудь виновенъ; но такимъ деспотическимъ поступкомъ въ самомъ началѣ, верховники хотѣли высказать въ полномъ блескѣ силу своей

⁽¹⁷⁾ Черв. журн. В. Т. С., л. 31 — 32. Объ арестѣ Корсакова былъ посланъ указъ того же 3 февраля Новгородскому губернатору, которому предписывалось немедленно отправить въ деревню Корсакова офицера съ командою солдатъ «и по поминкѣ его, отдать подъ арестъ генералъ-майору Порошину и никого къ нему не допускать, и буде являца у него какія письма, отобрать и запечатавъ, прислать въ В. Т. С.» Рян. Малиновскаго: «Управленіе Всерос. имперіи», л. 16.

⁽¹⁸⁾ О томъ, что Ягушинской считался первое время сторонникомъ Елизаветы Петровны см. «Еурор. Fama» 1730 г., ч. CCCXXVIII, с. 320, а о томъ, что онъ нападалъ на истропіятія верховниковъ («tenait des discours fort libres contre les grands») въ «Mercure historique et politique» 1730 г., ч. LXXXVIII, с. 301—302.

власти“ (19). Носились слухи, что верховники два раза предлагали Ягушинскому свободу и возвращение чиновъ и орденовъ, но онъ, поддерживаемый главною партией (за самодержавіе), не поддавался и ожидалъ прибытія императрицы. „Вы меня очернили и не можете вернуть мнѣ добраго имени, которымъ я пользовался“, говорить, сказалъ Ягушинской верховникамъ (20).

Арестъ Ягушинскаго наводитъ Лефорты на слѣдующія мысли: „Хотать ограничить самодержавіе верховной власти“, — пишетъ онъ 9/10 февраля — „а Верховный Тайный Совѣтъ дѣйствуетъ совершенно деспотически и рѣшаетъ дѣла безъ вѣдома императрицы. Этотъ опрометчивый образъ дѣйствій выясняетъ народу сущность дѣла и заставляетъ его болѣе чѣмъ когда либо держаться прежняго чорядва вещей“ (21). Намѣреніе верховниковъ помириться съ Ягушинскимъ и вернуть ему свободу Лефорты объясняетъ желаніемъ сдѣлать уступку шляхетству, недовольному „кондиціями“ верховниковъ и желавшему представить свой проектъ государственныхъ преобразованій (22). Лефорты такъ заканчиваетъ свою дщестру отъ 9/10 февраля: „Изъ всего этого можно заключить, что русское государство представляетъ такой масть въ которомъ трудно что либо разобрать; сколько головъ — столько и плановъ; каждый уместываетъ, слѣдуя своему слабому сужденію; не имѣя понятія о свободѣ; ее смѣшиваютъ со своеволіемъ. Въ Россіи будетъ господствовать безначаліе“ (23).

Быль слухъ, что писано; посланное Ягушинскимъ Антѣнъ Ивановичъ съ Сумароковымъ, пошло въ руки князя В.

(19) Сб. Рус. Ист. Общ. V, 350—354.

(20) Ibid., 353—354.

(21) Ibid., 352—353.

(22) Ibid., 354.

(23) Ibid., 354. — Кроме того Мардфальдъ пишетъ отъ 9/10 февраля Ягушинской содержится несмынно, подъ строгимъ карауломъ во дворцѣ в якого къ нему не пускаютъ. Съ него уже сняли орденъ св. Андреа и публиковали во всѣхъ полкахъ, что онъ арестованъ за тяжкія преступленія противъ ея величества императрицы и прогнать государства (Рус. Ист. Сб. XV, с. 411).

Л. Долгорукаго черезъ самое императрицу: по словамъ нѣкоторыхъ, она выдала Сумарокова депутатамъ съ цѣлью убѣдить ихъ въ искренности своемъ желаніи сообразоваться во всемъ съ ихъ совѣтами и рѣшеніями государственными чиновъ ее избравшихъ⁽²⁴⁾. „Многіе того мнѣнія, что Ягушинской погибнетъ потому, что его преступленіе сдѣлалось публичнымъ; другіе думаютъ, что царица его спасетъ, потому что все преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ хотѣлъ утвердить свою власть“, — пишетъ испаскій посолъ де-Лирія⁽²⁵⁾.

Собраніе 2-го февраля и дѣлю Ягушинскаго заставили верховниковъ серьезно заняться вопросами, тѣсно связанными съ избраніемъ Анны Іоанновны и все еще окончательно не разрѣшенными. Главнымъ образомъ озабочивалъ ихъ вопросъ о титулѣ вновь избранной императрицы; кромѣ того, со времени кончины Петра II прошло уже двѣ недѣли, а народъ не былъ еще официально извѣщенъ о его смерти, и русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ не сообщено о ходѣ болѣзни юнаго императора, сведшей его въ могилу. Синодъ назначилъ торжественное благодарственное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, по случаю избранія Анны Іоанновны, и постановилъ именовать ее самодержащей, инякѣтство измѣщало свои проекты государственныхъ преобразованій, а протоколъ о выслушаніи митавскаго исьма и кондицій князю не былъ подписанъ. Припомнимъ, что за долго до 2-го февраля, когда кондиціи только были отправлены въ Митаву, Верховный Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе чтобы до поры до времени титуловать Анну Іоанновну самодержащей⁽²⁶⁾. Кромѣ того, Верховный Совѣтъ пропустилъ слѣдующій фактъ, повидимому незначительный, но въ дѣйствительности весьма

(24) Де-Лирія, XVIII в., II, 39. — Tourgueneff, III, p. 266.

(25) Ibid. — Сообщая въ короткихъ словахъ объ арестѣ Ягушинскаго, французской резидентъ Маньянъ называетъ его «однимъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ свободы отечества, каковымъ онъ проявилъ себя въ первыхъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ». (Здѣсь Маньянъ вѣроятно разумѣетъ разговоръ съ княземъ С. Г. и В. Л. Долгорукими 19-го Января).

(26) См. IV гла. назрѣющаго изслѣдованія, стр. 106.

важный. Въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано извѣстіе изъ Москвы отъ 19-го января о кончинѣ Петра II-го, вслѣдъ за которымъ объ избраніи Анны Іоанновны сообщалось въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „избрана въ Высочомъ Тайномъ Совѣтѣ Императрицею и Самодержицею Всероссійскою Ея Высочество Государыня герцогиня курляндская, Анна Іоанновна“⁽²⁷⁾. Нѣкоторые русскіе послы и резиденты при иностранныхъ дворахъ, отправляя свои реляціи послѣ 19-го января на имя Анны Іоанновны, называютъ ее, по исконной титулатурѣ русскихъ государей: „Всепресвѣтлѣйшей, Самодержавнѣйшей“⁽²⁸⁾.

Эти промахи только теперь возстали передъ верховными въ настоящемъ свѣтѣ. Кн. Д. М. Голицынъ не могъ не замѣтить, что онъ все болѣе и болѣе теряетъ подъ собою твердую почву, вступая на скользкій путь противорѣчій. Нужно было поставить вопросъ о титулѣ такъ, чтобы удовлетворить большинство, недовольное Верховнымъ Совѣтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться возможностью сдѣлать впослѣдствіи необходимыя измѣненія. Для этого разумѣется, всего удобнѣе, прикрыться самодержавной властью Анны Іоанновны, которая выражалась бы только въ титулѣ, а на дѣлѣ была бы въ полной зависимости отъ Верховнаго Совѣта. Такой образъ дѣйствій былъ бы въ первыхъ, логическимъ продолженіемъ тѣхъ началъ, которыя высказаны въ письмѣ изъ Митавы отъ 28 января, а во вторыхъ онъ бы совершенно отстранялъ отъ Верховнаго Совѣта все нареканіе въ олигархіи и присвоеніи себѣ верховной власти.

Засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта 3-го февраля, кромѣ обсужденія дѣла Ягушинскаго, было посвящено вопросу о титулѣ Анны Іоанновны и распоряженіямъ относительно извѣщенія русскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ о ходѣ болѣзни Петра II. По вопросу о титулѣ, верховни-

⁽²⁷⁾ Извлеч. изъ «Слб. Вѣд.» 1730 г., перепеч. въ Сѣв. Арх. 1827 г., ч. XXX, № 23.

⁽²⁸⁾ Такъ напр., князь С. Голицынъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, въ своей реляціи отъ 7 февраля (ст. отгла), даетъ Аннѣ Іоанновнѣ слѣдующій титулъ: «Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая». См. Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. 51, № 6.

ки постановили выслушать мнѣніе хитроумнаго Остермана, безъ совѣта съ которымъ они не рѣшались ни на какую мѣру въ такомъ затруднительномъ дѣлѣ, и отправили къ нему на домъ нѣсколько различныхъ проектовъ титулованія избранной государыни. Такъ какъ этотъ вопросъ еще не былъ разрѣшенъ, то русскія министровъ при иностранныхъ дворахъ положили увѣдомить только о титулѣ, какимъ пользовалась императрица Екатерина. 3-го февраля имъ было сообщено и о ходѣ болѣзни покойнаго императора⁽²⁹⁾.

Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько распоряженій отнесенныхъ „входа“ Анны Иоанновны въ Москву, верховники отправились въ Успенскій соборъ на молебствіе. По приказанію синода протодіаконъ провозгласилъ на молебствіи имя Анны Иоанновны „съ полною монаршею титулою, самодержавіе въ себѣ, содержащую“⁽³⁰⁾. Верховники не ждали такого скорого и открытаго провозглашенія Анны Иоанновны самодержицей—но дѣлать было нечего. Затѣмъ свою злобу противъ синода, кв. Д. М. Голицынъ сталъ доканчивать въ Успенскомъ соборѣ тѣ распоряженія, которыхъ не успѣлъ сдѣлать въ засѣданіи Верховнаго Совѣта, торопясь на молебствіе. Такъ на примѣръ, разрѣшено было выдать подорожную камергеру Елизаветы Петровны барону Строганову, вказанному на встрѣчу Анны Иоанновны съ поздравленіемъ отъ имени цесаревны. Дальнѣйшія распоряженія верховниковъ въ этотъ день происходятъ уже послѣ молебствія въ домѣ кв. Д. М. Голицына. Тамъ собрались домохозяинъ и два фельдмаршала—князя Долгорукой и Голицынъ, и доканчивали спѣшныя дѣла. Сдѣланы были распоряженія о заготовленіи „уѣздныхъ подводъ“ по московской губерніи для поѣзда им-

⁽²⁹⁾ Гос. Арх., разд. III, Черн. журн. В. Т. С., л. 27. «1730 г. Февр. 3 дня отдано въ В. Т. С. 2 вѣдомствъ, отправленные къ министрамъ российскимъ обрѣтающимся при чужестранныхъ дворѣхъ изъ кола. И. Д. о болѣзни Его Императорскаго Величества отъ 12 и 15 генвара сего года. Тогда жъ отдано еорма титулатуры блаженныя памяти Ея Имп. Вел. Екатерины Алексѣевны титула большаго и средняго и какъ къ министрамъ въ рескриптахъ и отъ нихъ въ реляціяхъ пишется». См. Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. VII, № 2, л. 6.

⁽³⁰⁾ Теофанъ, «Сказаніе», с. 206.—Это обстоятельство не занесено въ журналы ни В. Т. С., ни синода.

ператрицы, разрѣшено пропустить ординарную заграничную почту, которая долгое время не была впускаема въ Москву, а также велѣно впредь пропускать всѣ почты, какъ изъ Москвы, такъ и въ Москву⁽⁸¹⁾.

4 февраля былъ очень затруднительный для верховниковъ день: сенатъ, генералитетъ и знатное шляхетство должны были подписать составленный 2 февраля протоколъ, о выслушаніи письма и кондицій. Поэтому верховники выжидали всѣхъ этихъ лицъ, желая, если не со всѣми, то хоть съ главными изъ нихъ, посоветоваться относительно занимавшихъ ихъ вопросовъ. 4 февраля собрались всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, за исключеніемъ одного Остермана; когда явились знатныя персоны для подписанія протокола, верховники, прежде всего, имѣли разговоры секретныя, призвавъ на совѣщаніе фельдмаршала кн. Ив. Юр. Трубецкаго и кн. Мих. Вл. Долгорукаго. Во время этихъ секретныхъ разговоровъ собрались сенатъ и генералитетъ и стали покрывать своими подписями листъ съ протоколомъ 2-го февраля: первая страница была оставлена для синодальныхъ членовъ и прочихъ архіереевъ. Во главѣ подписей на второй страницѣ стоитъ имя старѣйшаго по лѣтамъ изъ штатскихъ „дѣйствительныхъ совѣтниковъ“, графа Ивана Алексѣевича Мусина - Пушкина; затѣмъ слѣдуютъ подписи кн. Ив. Юр. Трубецкаго и кн. Мих. Вл. Долгорукаго. Далѣе подписались: „генералъ“ Матюшкинъ, графъ Чернышевъ, Иванъ Ильичъ Дмитріевъ - Мамоновъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, князь Григорій Борисовичъ Юсуповъ, князь Иванъ Григорьевичъ Долгорукой, Леонтьевъ (привезшій кондиціи⁽⁸²⁾) и т. д. Всего въ этотъ день подписалось 69 лицъ, изъ коихъ большинство принадлежало къ составителямъ разныхъ отдѣльныхъ мнѣній и заявленій⁽⁸³⁾.

Результатомъ секретныхъ совѣщаній верховниковъ были слѣдующіе акты, составленные Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ 4-го февраля: 1) постановленіе о титулѣ Анны Ивановны, 2) письмо къ ней, съ выраженіемъ благодарности за

(81) Черн. журн. В. Т. С., л. 31—32. Прот. В. Т. С. въ Сенатск. Арх., кн. К., л. 43.

(82) Госуд. Арх. р. III, д. № 6, л. 32—34. О ядцахъ, подписавшихъ протоколъ 2 февраля, см. ниже, примѣч. 46-е.

„милостивѣйшее писаніе“ отъ 28 января и за подписаніе кондицій, 3) манифестъ, или объявленіе въ народъ о кончинѣ императора Петра II и объ избраніи Анны Иоанновны.

Въ протоколѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 4-го февраля читаемъ: „Ея Императорскаго Величества титуль употреблять, какъ въ молитвахъ церковныхъ, такъ и въ отправляемыхъ грамотахъ внутри и внѣ государства, въ указахъ, челобитныхъ и въ прочихъ во всѣхъ, противъ того, какъ блаженныя и вѣчно-достоинныя памяти императрицы Екатерины Алексѣевны употреблялось; и о томъ въ синодѣ, въ сенатѣ и въ коллегіи послать указы, а въ губерніи и въ прочія мѣста послать указы изъ сената, а въ армию изъ военной коллегіи“⁽²³⁾. Форма титула была слѣдующая: „Божіею милостію Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссійская“⁽²⁴⁾. Верховникамъ оставалось только утвердить форму титула Анны Иоанновны сообразно съ протодіаконскимъ провозглашеніемъ, „Да тожь верховникамъ весьма не любо стало, и калялись, что о томъ прежде запомнотали посовѣтоваться“—говорить Теофанъ Прокоповичъ — „и когда въ тотъ же день синодъ посылалъ во вся страны письменныя титулованія государстни формы, посылали и они; но титулы самодержавія, уже прежде оброненной, перемѣнить не посмѣли“⁽²⁵⁾.

Письмо къ императрицѣ было отправлено съ генераломъ Леонтьевымъ 5-го февраля. Онъ же повезъ и письмо отъ верховниковъ къ князю В. Л. Долгорукому, сочиненное также 4-го февраля. Въ письмѣ къ императрицѣ, подписанномъ всѣми членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, даже Остерманомъ, верховники высказываютъ явную ложь и допускаютъ прямой подлогъ.

«Сего настоящаго февраля 2 дня»—пишутъ они императрицѣ,— «получили мы, съ вашею и всего общества неопысанною

⁽²³⁾ Черн. журн. В. Т. С., л. 33.—Проток. В. Т. С. въ Сенатск. Арх., Кн. К., л. 47.—П. С. З., т. VIII, № 5500.

⁽²⁴⁾ Подробно всѣ употребленія титуловъ Анны Иоанновны въ разныхъ правит. актахъ опубликованы сенатомъ 9 февр.—Они напечат. въ П. С. З., т. VIII, № 5501.

⁽²⁵⁾ Теофанъ, «Сказаніе», с. 206.

радестію, Ваше милостивѣйшее къ намъ писанье отъ 28 минувшаго генваря и сочиненныя во общую пользу государственную пункты, за подписаніемъ собственныя Вашего Величества руки, чрезъ генералъ-маюръ Леонтьева, въ которомъ изволило милостиво насъ своею высокою милостию обнадеживать, и того же дня оное при собраніи синоду, сенату и генералитету оригинально объявлены и прочтены и подписаны отъ всѣхъ. За которую Вашего Величества къ намъ прѣвысокую и неизреченную милость, мы всѣ, обще воздавъ всещедрому Богу наше моленіе, Вашему Величеству всеподданнѣйшее свое рабское приносимъ благодареніе и общаеся Вашему Величеству вѣрными и непрестанными быть, а должны и животою заслужить, и пребываемъ Вашего Величества всеподданнѣйшія и низжайшія (такъ въ подлинникѣ) раба⁽⁸⁶⁾.

Князю Долгорукому верховники писали также о полученіи и прочтеніи „кондицій“, но не упоминали о подписаніи о нихъ протокола. Ему они сообщали только, „что какъ синодъ, такъ сенатъ и генералитетъ съ великимъ Богу благодареніемъ оную Ея Величества милость приняли“. Далѣе они увѣдомляли Долгорукаго о полученіи распросныхъ рѣчей Сумарокова, объ арестѣ Ягушинскаго и о распоряженіи на счетъ ареста В. Корсакова и спрашивали о подробностяхъ „шествія“ Ея Величества къ Москвѣ и погребенія Петра II. Письмо это подписано только двумя князьями Голицыными и двумя Долгорукими⁽⁸⁷⁾.

Составленный отъ имени Верховнаго Тайнаго Совѣта манифестъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Повеже, по волѣ Всемогущаго Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь, Петръ второй, императоръ и самодержецъ все-россійскій, болѣзную оспою генваря отъ 7 дня, отъ временнаго въ вѣчное блаженство того жъ генваря 18 числа, въ первомъ часу пополночи, отъиде,—и сія горестная всему государству его императорскаго величества кончина прѣстала наследство императорскаго мужескаго колѣна: того ради, общимъ желаніемъ и согласіемъ всего россійскаго народа, на россійскій императорскій престолъ избрана, по кровѣ царскаго колѣна, тетка его императорскаго величества, государыня царица Анна Іоанновна, дщерь великаго государя, царя Іоанна Алексѣевича. Чего ради къ ея императорскому величеству, чтобъ изволила рос-

⁽⁸⁶⁾ Госуд. Арх., р. III, д. № 6, л. 47.—Письмо это помѣчено 5 февраля.

⁽⁸⁷⁾ Рукоп. Малиновскаго. л. 16.

сийскій престолъ принять, отправлены съ прошеніемъ д. т. с. князь Василій Лукичъ Долгорукиѣ, да сенаторъ, т. с. князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, да генералъ-маіоръ Михайло Леонтьевъ, по которому прошенію ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила и нынѣ обрѣтается въ пути. И для того сия объявляется, чтобъ всякаго чина люди, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго, о томъ вѣдали и о воспріятіи ея императорскимъ величествомъ російскаго престола Бога благодарили. А какъ ея императорское величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о приводѣ къ присягѣ отъ ея императорскаго величества указы выданы будутъ впредь немедленно.⁽⁸⁸⁾

Манифестъ этотъ не былъ еще обнародованъ, какъ въ Верховный Тайный Совѣтъ поступило первое шляхетское мнѣніе о государственномъ устройствѣ. Въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 5 февраля читаемъ: „Привзаны были сенатъ и генералитетъ и прочіе тѣхъ ранговъ со мнѣніемъ, которое изволили подать послѣ присланныхъ отъ ея императорскаго величества „пунктовъ“, которое они за руками и подали. А которые несогласны, тѣмъ велѣно изготовить, и для совѣта (т. е. совѣщаніи) призвать въ сенатъ еще изъ знатныхъ фамилій шляхетство, которые въ рангахъ и безъ ранговъ, кромѣ первыхъ четырехъ классовъ“⁽⁸⁹⁾. Такимъ образомъ, Верховный Тайный Совѣтъ долженъ былъ согласиться выслушать не только заявленія сената и генералитета, но и шляхетства разныхъ ранговъ и даже безъ ранговъ, хотя и знатнаго. 7 февраля были призваны въ Верховный Совѣтъ бригадиры и статскіе того ранга и имъ объявлено, чтобъ они „извѣстное свое мнѣніе“ написали⁽⁹⁰⁾.

(88) Манифестъ этотъ напечатанъ въ П. С. З., т. VIII, № 5499, и въ Печати. Проток. В. Т. С., с. 117—118. Онъ былъ публикованъ въ «Спб. Вѣдом.» 1730 г. (См. Ств. Арх. 1827 г., ч. XXX, № 23). Изъ подлинника его, хранящагося въ Сенатѣ. Архивѣ, видно, что онъ подписанъ всеми бывшими въ Москвѣ верховниками: канцлер. гр. Головкинымъ, князьями Д. М. и М. М. Голицыными, князьями Вас. Вл. и А. Гр. Долгорукими и Остерманомъ. См. Проток. В. Т. С. эт. арх., кн. К., л. 44.

(89) Черн. журн. В. Т. С., л. 36.

(90) Ibid., л. 38.

Вслѣдъ за этимъ дозволеніемъ стали подаваться въ Верховный Совѣтъ разныя коллективныя мнѣнія и заявленія: Подавали ихъ отдѣльныя лица, по уполномочію своихъ „согласниковъ“. Первымъ такимъ мнѣніемъ явилось 7 февраля мнѣніе Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова⁽⁴¹⁾. За нимъ послѣдовало ихъ нѣсколько: Алабердеева, Семена Секутотова, Максима Грекова, Михаила Аванасьевича Матюшкина, графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, Степана Колычева и другихъ⁽⁴²⁾.

„Двери залы, гдѣ засѣдаетъ Верховный Совѣтъ Россіи“, — пишетъ датскій посланникъ Вестфаленъ отъ 9 (20) февраля, — „были пѣлюю недѣлю открыты для всѣхъ желающихъ высказаться и предложить что нибудь (за или противъ) предполагаемаго преобразования въ прежнемъ правленіи Россіи. Это право получили генералы, бригадиры и полковники, а также и всѣ члены сената и другихъ государственныхъ коллегій съ чиномъ не ниже полковника; были приглашены архіепископы, епископы и архимандриты, но не всѣ за разъ, а группами изъ 3-хъ епископовъ и 3-хъ архимандритовъ. При этомъ наговорили столько хорошаго и дурнаго за и противъ новаго учрежденія, защищали и оспаривали это съ такимъ ожесточеніемъ, что смятеніе достигло наконецъ громаднхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія, но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, которые скоро поддаются страху“⁽⁴³⁾.

Между тѣмъ протоколъ 2 февраля, какъ мы видѣли, былъ подписанъ только сенатомъ и генералитетомъ: духовенство, провозгласившее Анну Іоанновну 3 февраля на молебствіи самодержидею, намѣренно уклонилось отъ подписи протокола, вслѣдствіе чего Верховный Совѣтъ принялъ рѣшительныя мѣры. Въ журналѣ 5 февраля читаемъ: „Привзвану были архіереи—Новгородскій Теофанъ, Рязанскій Гавриилъ, и подъ пунктами подписались. И прочимъ архіереямъ приказано для подписи повѣстить впредь“⁽⁴⁴⁾. На другой день, 6 февраля, явились въ Верховный Совѣтъ архіе-

⁽⁴¹⁾ Ibid., т. 39.

⁽⁴²⁾ Ibid., т. 38.

⁽⁴³⁾ Нондидеши Вестфалена, № 7.

⁽⁴⁴⁾ Черв. журн. В. Т. С., т. 30.

реи: Ростовскій—Георгій Дашковъ, Казанскій—Сильвестръ Холмскій, Крутицкій—Леонидъ, Переяславскій—Иоакимъ. Имъ прочли письмо императрицы „и изъ пунктовъ, что и а д л е ж и т ь д о ц е р к в и. Выслушавъ, о благодареніи ея величеству подписали“. Того же 6 февраля Верховный Совѣтъ распорядился: „Въ синодъ объявить, чтобъ велѣли московскихъ монастырей архимандритамъ явиться въ 9-мъ часу по полуночи (на слѣдующій день), а буде есть пріѣзжіе изъ городовъ, тѣмъ бы прежде подали росписи⁽⁴⁵⁾. 7 февраля подписались подъ „пунктами“ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ архимандриты московскихъ монастырей и пріѣзжіе изъ городовъ, 8 февраля подписались тѣ изъ нихъ, которые не успѣли исполнить этого наканунѣ⁽⁴⁶⁾.

Выжидая, чтобы протоколъ 2 февраля былъ подписанъ, какъ „свѣтскими знатными персонами“, такъ и духовенствомъ,—верховники все не давали хода манифесту 4 февраля и не разсылали указовъ о титулѣ Анны Иоанновны. 6 февраля они снова занялись и манифестомъ, и титуломъ.

Въ этотъ день „докладывано, что приготовлены указы о публикаціи манифестовъ и о титулѣ, и какимъ образомъ написаны изволили слушать, и приказали, какъ отправлять

(45) Ibid., л. 37.—Роспись духовенства, находившагося въ то время въ Москвѣ, въ Арх. Св. Синода, д. № 36.

(46) Черн. журн. В. Т. С., лл. 38, 39 и 40.—Подъ протоколомъ 2 февраля находятся подписи пятисотъ шести лицъ на 17-ти съ половиною страницахъ въ листъ. (Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 32—45). Первая страница, непосредственно подъ самымъ протоколомъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія подписи: Смиранный Феофанъ, архіеписк. Новгородскій,—Смирен. Георгій, архіеп. Ростовскій,—Смиранный Игнатій, митр. Коломенскій,—Смирен. Сильвестръ, митр. Казанскій,—Смирен. Гавріиль, еписк. Рязанскій и Муромскій,—Леонидъ, архіеп. Крутицкій,—Иоакимъ, еписк. Переяславскій.—Съ оборотной страницы начинаются подписи генералитета и идутъ на трехъ съ половиною страницахъ (всего 69 лицъ) [л. 32 обор.—л. 54]. Затѣмъ снова идутъ духовные: Новоспасскаго монаст. архим. Евфимій, Симоновскаго мон. архим. Иоаннскій, Всемилоствига Спаса-Андроніева мон. архим. Клеонимъ; Сергій, архим. Петровскій.—Иларіонъ, архим. Донскі(о)й,—Иоакимъ, архим. Богоявленской,—архим. и ректоръ Заиконоспасскаго училищнаго монаст. Германъ Концевичъ. Съ оборота 34 листа (до 43 листа) идутъ подписи шляхетства; на 43 листѣ они перемѣшиваются съ духовенствомъ. Такъ

и впредь писать титулъ ея императорскаго величества" (47). На другой день, 7 февраля, состоялось постановление совершенно противоположное; въ черновомъ журналѣ мы читаемъ слѣдующее:

«Въ Верховный Тайный Совѣтъ призваны секретари: сенатской (Дм. Невѣжинъ), коллегій—военной (Вас. Козловъ), адмиралтейской (Мих. Конововъ) и иностранной (Ив. Аврамовъ), и приказано имъ манифесты, посланные при указахъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о воспріятіи російскаго престола ея величеству государынѣ царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ и такожь форму титула содержать до предбудущаго указу секретно и тѣ указы потому пакъ взять въ Верховный Тайный Совѣтъ» (48).

Это постановление вызвано пререканіями, возникшими 7 февраля между верховниками относительно редакціи манифеста.

Въ этотъ день, при новомъ просмотрѣ уже отпечатаннаго манифеста, фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукой заявилъ слѣдующее:

«Чтобы не было соблазну въ народѣ, я полагаю необходимымъ внести въ манифестъ, который и напечатать вновь, какъ „кондиціи“, подписанныя Анной Іоанновной въ Митавѣ, такъ и письмо ея оттуда отъ 28 января».

Заявленіе фельдмаршала обуславливалось очень важными причинами: соблазнъ въ народѣ былъ дѣйствительно большой. Это заявленіе вызвало возраженіе со стороны канцлера Головкина и обоихъ Голицыныхъ, боявшихся еще болшей смуты въ случаѣ внесенія въ манифестъ предложенныхъ фельдмаршаломъ вставокъ. Очень можетъ быть, что Головкинъ только призывался этими основаніями, будучи

напр.: Подп. Ив. Вельяминовъ-Зерновъ, подп. Вас. Лидаревъ, Чюдова мон. Арсеній, архим.,—Златоустова мон. Спиридонъ, архим., Петръ Кадачовъ, Никита Орловъ, Боризъ Глазатовъ, Тимофей Павловъ, Як. Величковской, экзекутора сенатской Оуд. Гурьевъ, Мельхиседекъ, архим. Воскресенскій,—Костромск. богоявл. мон. Іовъ, архим.,—Сѣвскаго Спасова мон. архим. Варлаамъ,—Аркадій, архим., что на Рязани Солотчинскаго мон., мазоръ Тимофей Грибоѣдовъ.—На листахъ 44 и 45 опять одно шляхетство.

(47) Черн. журн. В. Т. С., л. 37.

(48) Ibid., л. 42.

на самомъ дѣлѣ ревностнымъ сторонникомъ самодержавія Анны Іоанновны, но братья Голицыны дѣйствовали въ данномъ случаѣ совершенно искренно. Основанія, приведенныя ими, заключались въ слѣдующемъ: вондиціи съ согласіемъ на нихъ Анны Іоанновны и письмо ея, будучи напечатаны въ манифестѣ, породятъ противъ верховниковъ новые толки (если не въ столицѣ, такъ въ губерніяхъ), въ томъ смыслѣ, что „все то измышлено Верховнымъ Совѣтомъ“. Во избѣжаніе недоразумѣній, лучше было бы разослать манифестъ въ „губерніи“ какъ онъ напечатанъ, а „вондиціи“ объявить по приѣздѣ Анны Іоанновны отъ ея имени: тогда для всѣхъ будетъ ясно что „вондиціи“ приняты ею добровольно (49).

7 февраля, въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, не присутствовали баронъ Остерманъ и князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой. Безъ ихъ участія наличные члены затруднились разрѣшить вопросъ о манифестѣ и, остановивъ рассылку его, просили у нихъ письменныхъ мнѣній, которыя и были доставлены на другой день.

Баронъ Остерманъ писалъ слѣдующее:

1) Что удивляется, что по сѣ время не исправлено (т. е. не разосланъ манифестъ. 2) Двойно разсуждаетъ: или такъ отправить, какъ напечатано, или же, ежели потребно то добавить: *такжежде и о ея императорскаго величества ко всему народу показанномъ милосердномъ снисхожденіи и всемилостивѣйше пожалованныхъ всенародныхъ ползахъ отъ ея величества манифестомъ объявлено будетъ*; а о милостивыхъ вондиціяхъ объявить отъ ея величества лица при приѣздѣ ея и приготовить особую форму отъ ея лица для того, чтобъ не толковали, что происходятъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а не отъ ея величества. 3) О титулахъ, что напечатаны; докладывать при посылкѣ тѣхъ манифестовъ и о употребленіи титуловъ отпустить указами отъ сената; а послѣ отпуску писать въ указахъ и прочемъ титулъ императрицынъ.

Какъ видно изъ приведеннаго нами подлиннаго текста, мнѣніе Остермана отличается свойственными ему двуделичностію и уклончивостію. Онъ примирилъ обѣ стороны: сдѣлалъ глухую вставку въ манифестъ, а печатаніе „вондицій“ отложилъ до приѣзда Анны Іоанновны. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по тонкому расчету: зная заранее, что про-

(49) Ibid., л. 40.

Иbid. (49)

изойдетъ, когда прїѣдетъ Анна Іоанновна въ Москву, онъ весьма естественно считалъ не только преждевременнымъ, но даже совершенно излишнимъ, печатное обнародованіе „кондицій“ до прїѣзда императрицы: но настоящую причину своего намѣренія ловко скрылъ подъ своей заботы солидарностью съ вождемъ ограниченія власти Анны Іоанновны, — княземъ Д. М. Голицынымъ.

Личный интересъ заставлялъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго опасаться превратныхъ толкованій „кондицій“ въ Москвѣ, поэтому онъ обращалъ на всѣ распространявшіеся слухи болѣе вниманія, чѣмъ Остерманъ и предлагалъ, что „въ города какъ изволятъ, такъ и отправятъ, а что въ Москвѣ всампрно надлежитъ публиковать подлинныя отъ ея величества кондиціи, чтобы инако ихъ не толковали и ихъ подлинно знали“⁽⁵⁰⁾.

Получивъ эти два мнѣнія, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта (въ томъ же составѣ, какъ и наканунѣ) постановили въ засѣданіи 8 февраля слѣдующее: „Разсудили, чтобы напечатанные манифесты отпустить такъ, какъ напечатаны при указѣхъ изъ сената, которые писаны — такожь изъ сената, а потомъ, когда то отправится, употреблать и писать титулъ ея императорскаго величества въ случившихся указахъ“. Затѣмъ привали герольдмейстера сената — Плещеева; объявили и отдали ему печатный манифестъ и указы, а въ прочія мѣста опредѣлили указы разослать⁽⁵¹⁾.

Въ то время, какъ Верховный Совѣтъ былъ занятъ всѣми вышеизложенными „конъюнктурами“, Анна Іоанновна приближалась къ Москвѣ. Изъ писемъ кн. В. Л. Долгорукаго въ Верховный Совѣтъ было извѣстно, что императрица очень быстро совершаетъ свой путь.

Внѣхавъ изъ Митавы 29 января въ девятомъ часу утра, Анна Іоанновна, сопровождаемая князьями В. Л. Долго-

⁽⁵⁰⁾ Ibid., л. 41 обор.

⁽⁵¹⁾ Ibid., л. 41 и 43. — Это постановленіе записано въ черновыхъ журналахъ дважды: на л. 41 въ подробной редакціи, а на л. 43 въ краткой. Въ черновыхъ журналахъ засѣданій 7 и 8 февраля вообще болѣе болѣе пуганида, какъ въ послѣдовательности рѣшеній, такъ и въ самой ихъ редакціи. Множество помарокъ, вставокъ и приписокъ сбоку. Вообще видно, что журналы этихъ двухъ дней писались съ большою торопливостью.

рувимиъ и Мих. Мих. Голицынымъ-младшимъ, была въ Ригѣ въ тотъ-же день, во второмъ часу по полудни. „Для въѣзда ея величества“—писалъ князь Долгорукой—„рижскіе мѣщане стояли въ строю, и пальба была изъ пушекъ и мелкаго оружія“. 30 января Анна Іоанновна выѣхала изъ Риги на Псковъ, куда прибыла къ полудню 2 февраля; она провела тамъ день своихъ именинъ,—а 4 февраля въ шестомъ часу вечера была уже въ Новгородѣ. Здѣсь встрѣтилъ ее епископъ, управлявшій Новгородской епархіей, и вручилъ предикъ¹² Ѳеофана Прокоповича. 5-го—императрица осматривала Новгородскую святыню и „откушавъ поранѣе, продолжала далѣе путь свой“; 8-го—была въ Вышнемъ Волочкѣ и въ тотъ-же день „съ поспѣшеніемъ“ выѣхала въ Тверь, куда прибыла утромъ 9-го февраля, а къ вечеру находилась уже въ Клину⁽²⁾.

Ѳеофанъ Прокоповичъ начинаетъ свою проповѣдь, передавную Аннѣ Іоанновнѣ въ Новгородѣ, текстомъ псалма „Вечеръ водворится плачь и завтра радость“. Текстъ этотъ Ѳеофанъ Прокоповичъ приурочиваетъ къ кончинѣ Петра II, „помрачившей сердца наша“, и затѣмъ къ избранію Анны Іоанновны, о которомъ онъ выражается такъ: „а завтра, девятнадцатому дню возсіявшу, (19 января 1730 года—день избранія Анны Іоанновны) возсіяло и въ сердцахъ нашихъ великое веселіе: когда всѣхъ вышнихъ чиновъ согласиємъ, паче же Самого того, Иже владѣетъ царствомъ человѣческимъ, и ему же хочеть, даетъ е благомыслиемъ изволеніемъ, увидѣли мы скипетро россійской имперіи определено вашему величеству“. Далѣе Ѳеофанъ обращается къ „персональному, всему міру извѣстному, доселѣ состоянію“ Анны Іоанновны. „Кто же, смотря на оное“,—говоритъ проповѣдникъ—„не вздохнулъ, видя порфирородную особу въ самомъ цвѣту лѣтъ своихъ впадшую въ сиротство отшествіемъ державныхъ родителей, тоску вдовства приемшую, лишеніемъ любезнѣйшаго подружія, не по достоинству рода пропитаніе ищущую, но, и что воспоминають ужасно, сверхъ многихъ непріятныхъ привключеній отъ *неблагодарнаго раба*, и весьма безбожнаго владыа страхъ, тѣсноту и неслыханное

(2) Рукопись Малиновскаго: „Управленіе Всер. имперіей“, лл. 14, 18, 19, 21—24.—Снес. «Печатные Протоколы» В. Т. С., с. 117—120.

гонение претерпѣвшую". Подъ „неблагодарнымъ работъ“ Теофанъ, очевидно, разумѣетъ Мевшикова, отъ котораго Анна Иоанновна терпѣла много горя во время жизни своей въ Курляндіи. Теофанъ приводитъ отношеніе за это время къ Аннѣ Иоанновнѣ „суемудрихъ чловѣцъ“, говорившихъ, быть можетъ, въ сердцѣ своемъ: „Богъ оставилъ ю“. „На сія смотря“,—продолжаетъ онъ,—„которіи о промыслахъ Божіихъ искустно разсуждаютъ, узнавали величество ваше быти въ числѣ любимыхъ чадъ Божіихъ“. Припоминая, что имя, какъ *Анны*, такъ и ея отца *Иоанна*, означаетъ по еврейски „благодать“, Теофанъ уже въ одномъ этомъ видитъ „довольную вину сорадованія и поздравленія къ высокому и толь отъ Бога прославленному лицу“ Анны Иоанновны.

Проповѣдь заканчивается рядомъ похвалъ. Аннѣ Иоанновнѣ, въ лицѣ которой „богато дароваль всещедрый Богъ“ наряду руссійскому „великодушную героиню, правосудную и исполненную достоинствъ монархиню, мать благоутробную, милостивую и милосердную“. Къ этимъ похваламъ прибираются соответствующіе тексты, а въ самомъ концѣ проповѣди: Теофанъ выражаетъ то „блаженство“, которое онъ „персонально въ себѣ обрѣтаетъ“, поздравляя Анну Иоанновну, изъяслявшую къ нему и прежде неоднократно свою благосклонность⁽⁸²⁾.

Верховники спрашивали императрицу чрезъ князя В. Л. Долгорукаго о разныхъ подробностяхъ, касающихся ея „входа“: желаетъ-ли она, чтобы похороны покойнаго императора были до ея входа, или совершились бы при ней, снять трауръ на время входа, или нѣтъ, какъ, наконецъ устроить самый входъ и т. д.? Гонцы съ письмами къ князю Долгорукому настигали его въ пути, въ почтовыхъ ямахъ и городахъ, и привозили отъ него отвѣты верховникамъ. „О входѣ своемъ въ Москву изволить разсуждать“,—пишетъ князь В. Л. Долгорукой 7 февраля изъ Звенигородскаго яма,—„что приличнѣе быть въ черномъ и всѣ вареты и прочія приуготовленія имѣютъ быть въ готовности въ Тверской Ямской Слободѣ; а какъ всѣ приуготовленія въ готовности уже будутъ и ея величества о томъ увѣдомать, тогда изволить изъ Всесвятскаго итти въ Тверскую Слободу.

(82) Журн. М. Н. П. 1836 г., т. IX, с. 576—580.

и тамъ, пересѣдши въ карету, со свитою своею ѣхти въ Москву“. Погребеніе императора Петра II Анна Іоанновна предполагала устроить въ среду, 11 февраля, а свой торжественный въездъ въ Москву, въ воскресенье—15-го. Верховный Совѣтъ предлагалъ императрицѣ снять трауръ для этого торжественнаго дня, но она не рѣшила вопроса, а предоставила его на „разсужденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта“, о чемъ князь В. Л. Долгорукой сообщилъ въ письмѣ изъ Мѣднаго, отъ 8 февраля. Въ этомъ же письмѣ онъ уведомлялъ верховниковъ, что „потребны ея величеству пары 4 или 5 лучшихъ соболей на муфты и на шею, и ежели такихъ въ казнѣ нѣтъ, хотя-бы купя, прислать ея Величеству во Всеѣвятское“⁽⁶⁴⁾.

Сообразно съ письмами кн. Долгорукаго дѣлались приготовления къ похоронамъ Петра II и ко входу Анны Іоанновны.

5 февраля Татищевъ, въ то время совѣтникъ московской монетной конторы, приносилъ въ засѣданіе Верховнаго Совѣта „рисунки печальныхъ медалей“ на кончину Петра II; верховники, какъ видно, остались ими не совсѣмъ довольны и отложили разсмотрѣніе ихъ до другаго собранія. Татищеву и Зыбину было приказано того же 5 февраля, чтобы погребеніе императора было непременно готово къ 11 февраля, „хотя-бы чего сдѣлать и не успѣли“⁽⁶⁵⁾. 7 февраля опредѣлено впечатать церемоніаль траура, согласно предположеніямъ „печальной комиссіи“⁽⁶⁶⁾. Въ тотъ же день Зыбинъ прочелъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ церемоніаль погребенія; верховники утвердили его, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія. Съ похоронами особенно торопились, а потому Зыбину снова подтвердили, чтобы 11 февраля непременно состоялось погребеніе⁽⁶⁷⁾. 9 февраля опять повтореніе объ этомъ ему и Татищеву. Тогда же сообщили о днѣ погребенія А. И. Остерману и фельдмаршалу князю Тру-

⁽⁶⁴⁾ Черн. журн. В. Т. С., л. 21 и 23.—Рукоп. Малиновскаго, л. 21—24. Снес. Черн. журн. В. Т. С. лл. 39, 44, 45, 47.

⁽⁶⁵⁾ Ibid., л. 36.

⁽⁶⁶⁾ Ibid., л. 48.—Самый церемоніаль см. въ ркп. «Управл. Всерос. имп.» л. 19—20.

⁽⁶⁷⁾ Черн. журн. В. Т. С., л. 39.

бенному и вредисали князю Одоевскому, управлявшему Мастерской и Оружейной палатой, немедленно отпустить необходимых для погребения императора регалий, которых тот почему-то не выдавал Татищеву. 9 февраля жители столицы были извещены о днѣ похоронъ Петра II—через герольдовъ съ трубами⁽⁸⁸⁾. До такой степени торопились покончить съ похоронами, что гробъ и катафалкъ устроили непомѣрно широкіе, и они не могли пройти въ Спаускія кремлевскія ворота, вследствие чего принуждены были сдѣлать некоторое измѣненіе, направивъ печальную процессію въ Кремль через Никольскія ворота⁽⁸⁹⁾.

Приготовленія ко „входу“ императрицы шли также очень дѣятельно. 5 февраля Верховный Совѣтъ занялся вопросами о „парсонѣ“ (т. е. портретѣ) императрицы, о приготовленіи для ея „шествія“ въ столицѣ подводъ и о сооруженіи въ Москвѣ триумфальныхъ воротъ. Московскій вице-губернаторъ Петръ Вадьяминовъ спрашивалъ верховниковъ, какъ писать „парсонъ“ ея величества, съ какой „кавалеріей“? Его спросили, какъ писаны послѣднія „парсоны“ Анны Иоанновны; онъ отвѣчалъ, что писаны съ красною кавалерією (т. е. съ Екатеринославскімъ орденомъ) и ему приказали писать „противъ“ (т. е. согласно) той послѣдней „парсонѣ“⁽⁹⁰⁾.

Повидимому странно, что верховники рассуждали о такихъ мелочахъ въ это агучее для нихъ время, — но это только повидимому. Орденскій знакъ на официальномъ портретѣ избранной императрицы имѣлъ большое значеніе. Верховники не хотѣли изобразить Анну Иоанновну съ вышней, голубой (Андреевской) „кавалеріей“, которой она не имѣла, и которую, какъ мы увидимъ, они подвесили ей во Всесвятскомъ, вследствие чего и велѣли писать ея портретъ въ дамскомъ орднѣ св. Екатерины, не пользовавшемся большимъ значеніемъ.

Почти все засѣданіе 9 февраля было посвящено събитнымъ приготовленіямъ ко „входу“: на другой день, 10 февраля, Анна Иоанновна уже должна была прибыть во Все-

⁽⁸⁸⁾ Ibid., л. 44—45.

⁽⁸⁹⁾ Ibid., л. 46.

⁽⁹⁰⁾ Ibid., л. 35.

... Ibid. ⁽⁸⁸⁾

... Ibid. ⁽⁸⁹⁾

Святское. Въ этомъ же засѣданіи назначены были депутаты для привѣтствія тамъ императрицы: отъ сената и генералитета—князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и генераль-маіоръ Левъ Васильевичъ Измайловъ, при чемъ каждому изъ нихъ велѣно было выдать по шести подводъ. Отъ синода Верховный Совѣтъ предполагалъ отправить одного архіерея и одного архимандрита, но синодъ распорядился иначе, назначивъ двухъ архіереевъ: Новгородскаго архіепископа—Феофана и Крутицкаго архіепископа—Леонида, да Чудовскаго архимандрита Арсенія. Верховный Совѣтъ долженъ былъ уступить и выдалъ паспортъ и подорожную на трехъ синодальныхъ депутатовъ при восемнадцати подводяхъ.

Затѣмъ, верховники утвердили представленное М. А. Матюшкинымъ „учрежденіе входа“ и приказали гофмейстеру Олсуфьеву приготовить ея величеству обѣденный столъ во Всесвятскомъ, „или куда повелѣно будетъ“, а московскому вице-губернатору Вельяминову объявили о стрѣльбѣ изъ орудій во время „вшествія ея величества въ Москву“. „Учрежденіе о входѣ“ было въ тотъ же день отправлено къ кн. В. Л. Долгорукому, причемъ постановлено: „требовать (отъ него) о тѣхъ чинахъ которые сумнительны Совѣту“⁽⁶¹⁾.

10 февраля Анна Іоанновна прибыла во Всесвятское. Изъ Верховнаго Совѣта послѣдовало подтвержденіе Олсуфьеву о немедленной отправкѣ припасовъ для обѣденнаго стола императрицы, а въ сибирскій приказъ послано предписание о доставленіи для нея пяти паръ самыхъ лучшихъ соболей⁽⁶²⁾.

Весьма естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ Верховный Тайный Совѣтъ не имѣлъ времени заниматься текущими дѣлами государственнаго управленія и что этимъ дѣламъ отведено было очень скромное мѣсто въ засѣданіяхъ 5 и 6 февраля. 5 февраля состоялись слѣдующія постановленія:

1) „Приказано, собрать вѣдомости о московскихъ колодникахъ, кто въ какихъ дѣлахъ держится, также нѣтъ-ли

⁽⁶¹⁾ Ibid., л. 44—45.

⁽⁶²⁾ Ibid., л. 47.

вѣдомостей о такихъ-же (т. е. володникахъ) откуда при-
сланныхъ и сдѣлать выписки“.

2) „Чтенъ экстрактъ, поданный отъ князя Вас. Вл. Долгорукаго о Царицынской заставѣ (укрѣпленной линіи у Царицына отъ нападеній калмыковъ и другихъ степныхъ кочевниковъ); приказано съ послѣдними указами росписать и доложить“.

3) Выписать изъ росписей о нужныхъ дѣлахъ, которыя времени не терпятъ, и въ собраніи доложить“.

Но этого доклада такъ и не было сдѣлано. О нетерпящихъ времени дѣлахъ забыли среди также нетерпящихъ времени политическихъ „конъюнктуръ“.

5 февраля велѣно было пропустить на заставѣ привезенное изъ Петербурга вино, а также не задерживать „и прочіе обовы и порожняки“⁽⁶³⁾. 6 февраля постановлено пропускать черезъ заставы почты⁽⁶⁴⁾.

Этимъ ограничили всѣ распоряженія Верховнаго Тайнаго Совѣта по текущимъ дѣламъ со 2 по 10 февраля.

Слѣдуя изо дня въ день за дѣйствіями Верховнаго Совѣта, мы не можемъ не замѣтить, какъ безтактно и опрометчиво поступалъ онъ за все это время, давая все больше и больше поводовъ къ нападкамъ на свою дѣятельность и еще болѣе волнуя безъ того уже взволнованные умы московскаго общества.

„Кондиціи“, ограничивающія власть императрицы, дозволеніе шляхетству подать свои мнѣнія и проекты о государственномъ устройствѣ, аресты Сумарокова и Ягушинскаго, учрежденіе вновь заставъ около Москвы и затѣмъ скорая ихъ отмѣна, а рядомъ съ этимъ торжественное провозглашеніе Анны Иоанновны самодержицей и обнародованіе этого титула въ печатныхъ сенатскихъ указахъ—такія противорѣчивыя распоряженія хоть кого могли сбить съ толку.

(63) Ibid., л. 35—36

(64) Ibid., л. 37.

VI.

ПРОЕКТЫ И МНѢНІЯ ШЛЯХЕТСТВА, ПЛАНЪ КНЯЗЯ Д. М. ГОЛИЦЫНА И «ПУНКТЫ» ПРИСЯГИ.

Перечисленіе и общая характеристика шляхетскихъ проектовъ и мнѣній, какъ поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и не поданныхъ, и чьѣмъ лицѣмъ поданныхъ проектовъ. — Шляхетскія совѣщанія. — Изложеніе содержанія проектовъ и мнѣній. — Планъ князя Д. М. Голицына. — Уступки верховниковъ, шляхетскимъ требованіямъ и «пункты» присяги.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что 5-го и 7-го февраля и въ послѣдующіе дни было подано въ Верховный Тайный Совѣтъ восемь шляхетскихъ проектовъ государственныхъ преобразованій, а именно: проектъ сената и генералитета (князя Черкаскаго), И. И. Дмитріева-Мамонова, С. Секиотова, Алабердеева, Максима Грекова, графа И. А. Мусина-Пушкина, С. А. Колычова и М. А. Матюшвина⁽¹⁾. Но кромѣ вышешюименованныхъ было еще нѣсколько проектовъ и мнѣній, которые не были представлены Верховному Совѣту. Сюда относятся: 1) Конспектъ шляхетскихъ совѣщаній, 2) Проектъ тринадцати, 3) Способы, которыми, какъ видится, порядочнее, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, только важное и полезное всему народу

⁽¹⁾ Подъ пр—мъ Дм.—Мамонова можно разумѣть проектъ 25-ти, который дошелъ до насъ въ спискѣ только съ указаніемъ на число подписавшихъ его, но безъ означенія ихъ фамилій. См. ниже, прим. 20-е. Пр—мъ Алабердеева Журн. В. Т. С. называется пр—тъ прежде всѣхъ подписанный С. Г. Нарышкинымъ.

дѣло, и 4) Добавленіе къ этимъ „способамъ“.

До насъ дошли всѣ двѣнадцать проектовъ и мнѣній, въ которыхъ выразилось политическое „умоначертаніе“ русскаго шляхетства первой половины XVIII вѣка. Проекты подписаны тысячею слишкомъ лицъ (1100 человекъ съ небольшимъ)^(*). Въ числѣ этихъ лицъ мы видимъ представителей всѣхъ слоевъ тогдашняго шляхетства: здѣсь сходятся люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ положеній, различнаго происхожденія и образованія, но исключительно русской національности: среди этой тысячи русскихъ людей бросается въ глаза, какъ бы случайно попавшее имя одного только служака иноземца, шотландца Десли. Движеніе шляхетства имѣетъ строго патріотическій, національный характеръ. Наряду съ Рюриковичами, Гедиминовичами и потомками выѣзжихъ черкасскихъ князей и татарскихъ мурзъ, мы встрѣчаемъ и представителей старинныхъ служилыхъ родовъ изъ удѣльныхъ княжествъ рязанскаго, московскаго, тверскаго и др., и „худородныхъ“ шляхтичей, возвысившихся посредствомъ родственныхъ отношеній съ царемъ Петромъ, или выдвинутыхъ его реформою (Нарышкины, Соймоновы, Головкины, Аршеневскіе и нѣкот. др.). Объ руку съ сенаторами, президентами, вице-президентами и членами коллегій идутъ генералы, полковые и баталіонные командиры, субалтернъ-офицеры и придворные чины, начиная съ оберъ-гофмейстера и кончая гофъ-юнкеромъ.

Общимъ чувствомъ, связующимъ всѣ разнообразные элементы шляхетства, является негодованіе противъ верховниковъ. Но негодованіе это не выражается въ какойнибудь бессознательной ненависти къ верховникамъ,—напро-

(*) Цифра эта основана на слѣдующихъ соображеніяхъ: мы имѣемъ всего 1218 подписей подъ девятью проектами (три изъ нихъ не подписаны никѣмъ), но нѣкоторые лица подписывались по нѣскольку разъ подъ разными проектами (см. списокъ въ приложеніи № II къ настоящему изслѣдованію); полагая такихъ лицъ общимъ числомъ до 100,—мы получимъ около 1118 участниковъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ.

тивъ, оно проникнуто сознаниемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ. Шляхетскіе проекты и мнѣнія вырываютъ власть изъ рукъ семи случайныхъ представителей Россіи и передаютъ эту власть всему шляхетскому обществу „общенародію“, — какъ они выражаются. Кромѣ этого мотива одинаково присущаго всѣмъ шляхетскимъ проектамъ и мнѣніямъ, мы можемъ уловить нѣкоторые частныя отбѣжки, (правда, не слишкомъ рѣзкіе) общей программы, можемъ указать на различныя точки зрѣнія, на различныя направленія. Всѣ эти особенности проектовъ и мнѣній опредѣляются, прежде всего, индивидуальными свойствами тѣхъ передовыхъ личностей изъ шляхетства, которыя стали во главѣ шляхетскихъ кружковъ и руководили ими.

Всѣ поданные проекты (за исключеніемъ проекта кн. Черкаскаго), не опредѣляютъ сущности власти Анны Іоанновны и не говорятъ о ея самодержавіи, или объ ограниченіи ея власти. Вопросъ этотъ находился тогда въ такомъ положеніи, что шляхетство считало не целесообразнымъ ставить слишкомъ рѣзко опредѣленіе власти избранной государыни (проектъ кн. Черкаскаго, какъ мы увидимъ, ставитъ этотъ вопросъ намѣренно весьма ясно). Изъ развиваемаго во всѣхъ проектахъ плана государственныхъ преобразованій можно лишь заключить, что всѣ проекты склоняются къ ограниченію власти Анны Іоанновны, но не по программѣ верховниковъ. Всѣ проекты рассматриваютъ слѣдующіе вопросы: 1) объ организаціи центрального правительства при участіи шляхетства, 2) о выдѣленіи родовитаго, стариннаго шляхетства изъ шляхетства новаго и о предоставленіи шляхетству льготъ служебныхъ и имущественныхъ, 3) объ улучшеніи быта другихъ сословій: духовенства, купечества и крестьянства. Проекты расходятся въ подробностяхъ, въ частныхъ примѣненіяхъ желаній шляхетства къ дѣйствительности. Главное вниманіе проектовъ обращено на организацію центрального правительства; шляхетство желаетъ такой организаціи, которая представляла бы наиболѣе гарантій отъ произвола, какъ единоличнаго управленія, такъ и возвышенія нѣсколькихъ фамилій. Этихъ гарантій шляхетство считаетъ возможнымъ достигнуть при своемъ непосредственномъ участіи въ управленіи. Выборное начало, допущенное Петромъ Великимъ въ низшихъ гражданскихъ и военныхъ должностяхъ, переносится шляхетст-

вомъ на высшія должности, при чемъ самый порядокъ избранія обсуждается имъ весьма подробно.

Всѣ проекты и мнѣнія, какъ поданные въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и неподанные, представляютъ, прежде всего, два существенныя направленія: крайнее и умѣренное. Крайнее прямо упраздняетъ Верховный Тайный Совѣтъ, умѣренное—входитъ съ нимъ въ сдѣлки, увеличивая число его членовъ, но обязывая избирать не болѣе двухъ представителей изъ одной фамиліи. Къ направленію крайнему принадлежатъ: проектъ князя Черкаскаго и конспектъ шляхетскихъ совѣщаній; проекты умѣреннаго направленія распадаются на двѣ группы: въ первой относятся проекты большинства шляхетства (Секиотова, Алабердеева, Максима Грекова) и „Способы“ и „добавленія“ къ нимъ, ко второй—проекты меньшинства (графа Мусина-Пушкина, Колычова, Матюшкина), проекты двадцати-пяти и тринадцати. Почти всѣ проекты и мнѣнія останавливаются на мысли о необходимости тщательнаго пересмотра государственныхъ потребностей выборными отъ шляхетства, чтобы, достигнувъ этимъ путемъ какого-нибудь положительнаго вывода, приступить къ разсмотрѣнію подробностей государственныхъ преобразованій. Такая мысль весьма естественно должна была придти самымъ разсудительнымъ изъ вождей шляхетской оппозиціи, потому что при тогдашнемъ возбужденіи умовъ и распрѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ, невозможно было отнестись хладнокровно и объективно къ дѣйствительнымъ потребностямъ государства и нуждамъ шляхетства и другихъ сословій. Краткость времени, въ которое шляхетство создавало свои проекты, отразилась на нихъ весьма ощутительно: во всѣхъ редакціяхъ замѣтны торопливость и неточность. Поэтому на поданные шляхетскіе проекты мы не можемъ смотрѣть, какъ на законченную программу политическихъ требованій шляхетства, а должны относиться къ нимъ, какъ къ конспектамъ, наброскамъ, эскизамъ—его дѣйствительныхъ желаній и намѣреній.

Проекты большинства, будучи совершенно схожи между собою, представляютъ для насъ особенный интересъ по значительному количеству подписавшихъ ихъ лицъ. Проектъ кн. Черкаскаго былъ первоначально подписанъ тридцатью девятью лицами, а затѣмъ подъ тремя ко-

цами съ него подписалось: лейбъ-гвардіи офицеровъ пятьдесятъ одинъ, военной коллегіи штабъ и оберъ-офицеровъ сто пятьдесятъ шесть, да кавалергардовъ сорокъ два, а всего двѣсти сорокъ девять человекъ⁽³⁾. Несравненно больше подписей подъ тремя проектами большинства. Подъ проектомъ Секиотова мы находимъ триста двадцать шесть подписей; проектъ Максима Грекова, подписанный сначала двадцатью восемью лицами, былъ затѣмъ дополненъ параграфомъ объ улучшеніи положенія отставныхъ офицеровъ и солдатъ и подписанъ вновь тремястами двумя лицами; кромѣ того, къ нему присоединились всѣ штабъ и оберъ-офицеры Семеновскаго полка, что составитъ приблизительно не менѣе восьмидесяти человекъ; следовательно, подъ проектомъ Максима Грекова находилось всего четыреста десять подписей⁽⁴⁾. Подъ проектомъ Алабердеева только семь подписей. Такимъ образомъ всего подъ проектами большинства находится семьсотъ сорокъ три подписи⁽⁵⁾.

⁽³⁾ Цифры эти приведены по неизданному списку; въ печатномъ текстѣ онѣ показаны невѣрно (См. сборникъ Погодина «Утро» 1859 г., с. 378).

⁽⁴⁾ Текстъ 10 го параграфа проекта Максима Грекова заключается въ слѣдующемъ: «Некоторые офицеры и солдаты за раны и за старость отставлены будутъ отъ службы, а собственного своего пропитанія не имѣютъ, онымъ надлежитъ учинить разсмотрѣніе, и о награжденіи ими пропитанія». — Въ дополненномъ видѣ проектъ М. Грекова напечатанъ, по списку И. П. Шульгина, въ «Памяти пов. русск. ист.» В. Кашкирева, т. I, отд. II, с. 4—5; здѣсь названъ онъ *первымъ проектомъ*. Неслѣ 10-го п. напечатано: «*ту сего 330 рукъ приложено, въ томъ числѣ*» (слѣдуетъ перечисленіе 28-ми лицъ, первоначально подписавшихъ проектъ); затѣмъ означено: «въ такой силѣ мнѣніе объявлено лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отъ штабъ и оберъ-офицерамъ». Въ Государственномъ Архивѣ мы не нашли Шульгинской редакціи, тамъ находится только двѣ копии мнѣнія М. Грекова въ первоначальной редакціи, за подписью 28 лицъ. — См. ниже наше примѣч. 12-е.

⁽⁵⁾ См. Списокъ всѣхъ лицъ, подписавшихъ шляхетскіе проекты — во Приложеніи къ наст. изслѣдованію.

Копія съ шляхетскихъ проектовъ имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія той торопливости, съ которой составлялись и подавались проекты. Нѣсколько „согласниковъ“ собирались, набрасывали проектъ, который и получалъ названіе по фамилии перваго подписавшагося подъ нимъ; иногда проектъ подавался въ этомъ видѣ въ Верховный Совѣтъ (такъ были поданы проекты Алабердеева, Кольчова, Матюшкина и проектъ 25-ти); но когда первоначальные составители проекта хотѣли приобрести возможно большее число согласниковъ, тогда циркулировали по разнымъ шляхетскимъ кружкамъ („компаніямъ“, какъ тогда выражались) или самый проектъ, или копія съ него, которыя и покрывались новыми подписями, какъ то было съ проектомъ кн. Черкаскаго и съ проектами большинства. Нѣкоторые подписывались по нѣскольку разъ подъ разными проектами. Очевидно, иные дѣлали это въ торопяхъ, забывая, что уже подписали другой проектъ, что было весьма возможно, при отсутствіи существенныхъ различій между нѣкоторыми проектами, иные же измѣняли свои мнѣнія относительно подробностей какого нибудь проекта и присоединялись къ другому (*).

Верховный Совѣтъ предложилъ шляхетству передавать „мнѣнія“ по рангамъ, но такъ какъ было шляхетство и безъ ранговъ, то проекты стали подаваться отъ различныхъ шляхетскихъ компаній, которыя группировались около „персонъ“, выдающихся или своимъ служебно-общественнымъ положеніемъ, или нравственнымъ вліяніемъ на тѣхъ или другихъ лицъ изъ шляхетства; нѣкоторые собирались у своихъ родныхъ и пріятелей. Такъ возникли проекты кн. Черкаскаго, Алабердеева, Грекова и другихъ. О порядкѣ и характерѣ совѣщаній въ „компаніяхъ“ и о самомъ процессѣ выработки и составленія проектовъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія В. Н. Татищевъ (†).

(*) См. Приложение П-е.

(†) „Утро“, сборникъ Погодина на 1859 г., с. 369—375, см. записку Татищева: „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ“. — Въ приведенныхъ подлинныхъ словахъ Татищева сдѣланы исправленія по неизданному описку.

Проектъ, поданный княземъ Черкасскимъ, былъ составленъ Татищевымъ и прочитанъ по пунктамъ по два раза, въ немалыхъ собраніяхъ, бывшихъ 2 февраля въ домѣ сенатора Василя Яковлевича Новосильцева, а подписанъ тридцатью девятью лицами только 4 февраля. Не согласившіеся съ этимъ проектомъ распались на нѣсколько группъ: одна изъ нихъ, большинство шляхетства, подала тождественные проекты Секиотова, Алабердеева и М. Грекова—другая разбилась на разные проекты меньшинства.

Собравшееся у В. Я. Новосильцева шляхетство разсуждало о слѣдующихъ вопросахъ:

1) По кончинѣ государя безнаслѣдственнаго, имѣеть-ли кто надъ народомъ власть повелѣвать?

2) Кто въ такомъ случаѣ можетъ каковъ законъ или обычай застарѣлый перемѣнить и новый учинить?

3) Ежели нужно самовластное древнее правительство перемѣнить, то прежде разсудить, какое по состоянію народа и положенію за лучшее?

4) Кому и какимъ порядкомъ оное учрежденіе сочинить?

Татищевъ представлялъ слѣдующія соображенія:

По первому вопросу. Съ кончиной безнаслѣдственнаго государя власть его и законы имъ изданные прекращаются, „а остаются равны во общенародіи въ ихъ прежнемъ станѣ, и никто ни надъ какимъ ни малѣйшей власти не имѣеть, доколѣ послѣдовавшій государь оныхъ паки утвердитъ, или, отрѣша, иныхъ опредѣлитъ; но между тѣмъ; чтобъ нужная расправа и правленіе не пресѣклись, *общенародіе* уступаетъ имъ тою ту власть, какову по прежнимъ законамъ, каковъ прежде имѣли, а болѣе безъ точнаго опредѣленія отъ народа никакъ требовать не могутъ“.

По второму. „Когда государя нѣтъ, то и его позволенія, ни утвержденія бытъ, яко же и отъ его имени издать, не можно; слѣдственно, никакой законъ или порядокъ перемѣнить никто не можетъ, развѣ общенародное соизволеніе“.

По третьему вопросу Татищевъ отвѣчаетъ всовершенно подробно, такъ какъ самый вопросъ сложенъ и важенъ. Онъ разсматриваетъ прежде всего три формы правленія: 1) монархію, или единовластіе, 2) аристократію, или

избранныкъ правительство, 3) демократію, или общественное правленіе, — а затѣмъ правительство смѣшанное. Изъ нихъ „каждая область избираетъ, разсмотря положеніе мѣста, пространство владѣнія и состояніе людей, а не каждое всюду годно, или каждой власти можетъ быть полезно“. Далѣе онъ указываетъ на современныя ему европейскія государства, имѣющія одну изъ этихъ формъ правленія, а затѣмъ останавливается на вопросѣ, — который изъ перечисленныхъ имъ видовъ правленія примѣнимъ въ Россіи? Онъ приходитъ къ заключенію, что для Россіи пригодна одна монархія, по нашимъ географическимъ и историческимъ условіямъ. Демократія въ Россіи, по его мнѣнію, не приложима, „ибо правительство вѣдическое, государства тому препятствуетъ“. „Аристократія“, — продолжаетъ онъ, — „насъ довольно вродомъ приключительнымъ научила: для сего нужно исторически прежде бывшее вспомнить“. Въ виду этого Татищевъ представляетъ краткій обзоръ исторіи Россіи отъ Рюрика до Петра Великаго включительно, слѣдя постоянно за „вредомъ“ аристократіи. Отъ Рюрика до удѣловъ — въ Россіи, по его мнѣнію, правленіе было монархическое, и въ ней въ то время господствовали просвѣщеніе, торговля и спокойствіе. Удѣльные князья, не порицаясь великимъ князьямъ, ввели аристократію; настало время бѣдствій — князья враждовали другъ съ другомъ, и, обезсиленные этимъ, подпали подъ власть татаръ, а Литовцы многую часть отъ государства отторгнули. Іоаннъ Грозный, котораго Татищевъ называетъ „великимъ“, „осмѣлился ту аристократію истребить“. Съ нимъ воскресла монархія и вмѣстѣ съ тѣмъ сила Россіи; такъ дѣла шли до смерти Годунова. Изъ эпохи смутнаго времени Татищевъ останавливается на „коварномъ избраніи Шуйскаго“. Зависть въ томъ Голицына и другихъ — говоритъ Татищевъ, — привели на новое безпутство: взять на государя запись, которою всю власть у государя отнявъ, себѣ похитили, подобно какъ и нынѣ; но что изъ того послѣдовало? Крайнее государства разореніе. Поляки и Шведы многіе древніе русскіе предѣлы отторгнули и овладѣли“. „Царя Михаила Феодоровича, хотя избраніе было передочно всенародное“ — продолжаетъ Татищевъ — „да съ такою же записью, чрезъ что онъ не могъ ничего учинить, но радъ былъ покою“. Дальнѣйшее возстановленіе самодержавія Татищевъ

объясняетъ слѣдующимъ образомъ: царь Алексѣй Михайловичъ возвратилъ себѣ часть „самовластія“ (подъ самовластіемъ Татищевъ разумѣетъ монархію, а не деспотизмъ), „получа случай“ самому въ Польшѣ войскомъ управлять“ (здѣсь разумѣется первая война Алексѣя Михайловича съ королемъ польскимъ Яномъ Казиміромъ въ 1654 г.). Окончательной пользы для государства отъ его самовластія воспрепятствовали „властолюбивый“ патриархъ Никонъ. „Петръ Великій“—заканчиваетъ свои доводы Татищевъ—„все оное усугубилъ, и большую нежели его предки себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользы принесъ, какъ то весь свѣтъ можетъ засвидѣтельствовать; и посему довольно всякъ благоразумный видѣть можетъ, колико самовластное правительство у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны“.

На эти доводы были представлены Татищеву возраженія шляхетства.

Ему прежде всего ставили на видъ, какъ не всегда безопасно „единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ дать, ибо какъ бы мудръ, справедливъ, кротокъ и прилеженъ ни былъ, безпогрѣшенъ и во всемъ достаточно быть не можетъ; коль же паче когда страстямъ своимъ дастъ волю, то нужно наглѣмъ, неправымъ насиліямъ и глумленіямъ не повинныхъ происходить“. Второе возраженіе было относительно власти временщиковъ. „Временщикъ“—возражали Татищеву—„равно самовластенъ и еще изъ зависти болѣе другихъ губить, особливо если подлордныи, или и в о з е м е ц ь, то наипаче знатныхъ и заслуженныхъ государству ненавидятъ, гонятъ и губятъ, а себѣ ненасытно имѣнія собираютъ“. Въ этомъ возраженіи нельзя не видѣть весьма понятной злобы шляхетства противъ произвола Милославскаго и Лихачевыхъ, а въ особенности противъ Монса, Меншикова и князей Долгорукихъ. Третье возраженіе касалось большаго мѣста тогдашняго шляхетства—тайной канцеляріи, „вымышленной свирѣпымъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ“. „Тайная канцелярія“—говорили оппоненты Татищева—„въ стыдъ и поношеніе предъ благоразсудными народами, а государству разореніе; ибо за едино неосторожно-сказанное слово пытаются, казнятъ, и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ“.

Для опроверженія перваго возраженія Татищевъ приводитъ сравненіе государственнаго устройства съ домашнимъ шляхетскимъ хозяйствомъ, а власть монарха сравниваетъ съ властью родительской. „Если же такой несмысленный случится“,—говоритъ онъ—„что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производить, то можно принять за божеское наказаніе“. Со вторымъ возраженіемъ Татищевъ соглашается, но утверждаетъ, что временщики являются болѣе въ республикахъ; примѣры чему можно видѣть въ исторіи греческой и римской; тамъ „усилился нѣкоторые вельможи междуособіемъ великія разоренія нанесли; и сего намъ ^{носытъ} и а иначе опасаться должно, чего въ монархіи едва въ примѣръ сыскать можемъ-ли“. Временщиковъ онъ раздѣляетъ на „неистовыхъ“ и „благоразумныхъ и вѣрныхъ“. Къ первымъ онъ относитъ Смуратова и Басманова, Милославскаго, Меншикова, Толстаго и другихъ (очевидно умалчивая о Долгорукихъ); ко вторымъ: Мстиславскаго, Романова, Шуйскаго, Бориса Морозова, Стрѣшнева, Богдана Хитрова, Языкова и нн. В. В. Голицына. „Эти послѣдніе великую честь и благодареніе вѣчно заслужили“—говоритъ онъ—„хотя нѣкоторые по ненависти другихъ въ несчастіи жизнь окончили“. На третье возраженіе, о тайной канцеляри, Татищевъ замѣчаетъ, что „она, если токмо чловѣку благочестному поручится—нимало не вредна; а злые и нечестивые, не долго тѣмъ наслаждаясь, сами исчезаютъ“.

Соображенія свои по четвертому вопросу, возникшему на шляхетскихъ совѣщаніяхъ: кому и какимъ порядкомъ оное учрежденіе (т. е. измѣненіе въ государственномъ устройствѣ) сочинить?—Татищевъ излагаетъ въ своемъ проэктѣ государственныхъ преобразованій. Вступленіемъ къ этому проекту служить слѣдующая многозначительная тирада: „О государынѣ императрицѣ (Аннѣ Иоанновнѣ) *хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены*“—говоритъ Татищевъ,—*„однакожь какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна; пачежь ей знаніе законовъ не достаетъ; для того на время, доколь намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить“*. Это-то „нѣчто“ и заключается

въ тѣхъ государственныхъ преобразованіяхъ, которыя излагаетъ проектъ кн. Черкаскаго.

Направленіе мысли шляхетства на собраніяхъ у Новосильцова опредѣляется изъ дальнѣйшихъ подробностей, передаваемыхъ Татицевымъ.

Какъ видно, шляхетство всесторонне обсуждало вопросъ объ избраніи Анны Іоанновны и о томъ, кому принадлежитъ право избранія? При обсужденіи этого вопроса шляхетство, весьма естественно, обращалось за историческими справками къ Татицеву, мнѣнія котораго объ избраніи Годунова, Шуйскаго и царя Михаила Ѳеодоровича мы привели выше. Возвръне свое на избраніе Анны Іоанновны Татицевъ выражаетъ очень ясно въ началѣ своей записки. Онъ упрекаетъ верховниковъ за то, что они „надлежащій порядокъ избранія преступили“, избравъ юрляндскую герцогиню тайкомъ отъ всѣхъ, „ибо“—говоритъ онъ—„сіе не есть наслѣдства порядочнаго объявленіе, но избраніе и такое, каково отъ начала государства въ Руси не бывало. А хотя избранія три было“—продолжаетъ Татицевъ,—яко царя Бориса Годунова, Василія Шуйскаго и Михаила Романова, но всѣ оныя *никакихъ наслѣдниковъ* къ тому (т. е. россійскому престолу) не имѣли. *Избранія же и оныя два порочны, что избрали не порядкомъ*: въ первомъ было принужденіе, во второмъ коварство. *А по закону естественному избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ чрезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ утверждёнъ, а не четыремъ, или пяти человекамъ, какъ то нынѣ весьма непорядочно учинено*“.

Такимъ образомъ, избраніе государя послѣ смерти безнаслѣдственнаго“ являлось для шляхетства естественной формой возстановленія верховной власти въ странѣ“, „но это избраніе должно быть произведено *„согласіемъ всѣхъ подданныхъ“*, а не нѣкоторыхъ случайныхъ и самозванныхъ рѣшителей судебъ государства. „Общепародіе“, по убѣжденію шляхетства, есть лучшая гарантія противъ злоупотребленій власти. Главное обвиненіе верховниковъ со стороны шляхетства заключается не въ томъ только, что они ограничили власть Анны Іоанновны, а главнымъ образомъ въ томъ, что они поступили въ этомъ случаѣ „коварно“, какъ бояре въ началѣ XVII в. поступили съ Шуйскимъ, что они,

сочинивъ „пункты“, сдѣлали это тайкомъ отъ остальныхъ сословій, причемъ обманули ихъ и избранную императрицу: сословіямъ объявили, что императрица сама, „по своей волѣ, учинила“ ограниченіе своей власти, а императрицѣ сказали, что это дѣлается по волѣ всей націи; затѣмъ обвинялись они въ томъ, что принуждали шляхетство „подъ образомъ слышанія оное (ограниченіе власти) подписками утвердить, яко бы мы (шляхетство) той ихъ явной продерзости согласовали“. „А понеже“ — заключаетъ Татищевъ свое обвинительное слово, — „что они (верховники) надъ пристойность и законъ самовольно власть себѣ похитили, выключая достоинство и преимущество *всего шляхетства и другихъ сановъ, что намъ должно и необходимо нужно прилежностію разсмотрѣть и потому представить что къ пользѣ государства надлежитъ, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому законнѣть, а паче опасаться что они, если видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули*“. Татищевъ опасается, чтобы верховники съ теченіемъ времени не присвоили себѣ такой же власти, какъ нѣмецкіе курфюрсты, которые „такъ усилились, что пesarь уже никакой власти не имѣетъ, а они стали повелителями“. Противъ самаго избранія Анны Іоанновны шляхетство не протестовало по тому, „что весь народъ персона ея величества доволенъ и никто не споритъ“. Всѣ усилія своего проэкта шляхетство предназначаетъ для будущаго времени, опасаясь такихъ же смуть, какія настали при Василии Шуйскомъ, если не будетъ на этотъ случай точнаго закона о государственномъ правленіи. „Токмо сіе должно протестовать на предка и сочинить на такой нечаянный случай законъ, что оттого безпорядка не воспослѣдовало, а какъ коварнымъ избраніемъ Василия Шуйскаго все государство въ смятеніе и крайнее разореніе приведено было“, — говоритъ Татищевъ.

Шляхетство весьма подробно обсуждало также и вопросъ о томъ, кому принадлежитъ въ государствѣ право составленія и изданія законовъ? Анна Іоанновна признавалась „къ тому неудобною — понеже есть персона женская, паче же ей знанія законовъ не достаетъ“, но для ослабленія удора Аннѣ Іоанновнѣ, шляхетство ссылается на авторитетъ Петра Великаго. „Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое ус-

молитва что замѣнить нужно, для котораго велѣтъ всѣ оныя собранья разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честію монарха не согласуется; оное же сочиненіе никакъ невозможно одному повѣрить, хотя бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи ни коея собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ“.

Верховный Совѣтъ зорко слѣдилъ за сборищами шляхетства, вслѣдствіе чего они должны были проходить тайно и съ великою опасностію“. Верховники хотѣли задушить своихъ противниковъ, распуская слухъ, что руководители оппозиціи будутъ строго и примѣрно наказаны. Теофанъ Прокоповичъ такъ рассказываетъ объ этихъ угрозахъ со стороны верховниковъ.

„Нарочно отъ нихъ (верховниковъ) разсѣвался слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ, и что мятежныя ихъ сомнѣнія Верховному Совѣту гораздо вѣдомы, и что непокойныя оныя головы судятся, яко непріатели отечества, и скоро пошлется, или уже и послано, ловить ихъ за арестъ, и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются, и что ни кому изъ нихъ утаиться и избѣжать бѣды—нельзя, понеже не многіе пойманные покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится кто каковой казни достойны будутъ“ (*).

Весьма естественно, что такія инсинуаціи со стороны верховниковъ не могли не подѣйствовать на многихъ изъ шляхетства, „особливо на маломощныхъ“—какъ выражается тотъ же Теофанъ. Эти „маломощные“ до того струсили, что опасались оставаться въ собственныхъ своихъ домахъ, перелѣзали отъ одного знакомаго къ другому, и то ночью, переодѣтые и подъ чужимъ именемъ (*). Этимъ страхомъ объясняются, между прочимъ, сдѣлки, въ которыя вошло съ Верховнымъ Совѣтомъ большинство шляхетства и значительныя уступки, находящіяся въ проектахъ меньшинства.

Переходимъ къ разсмотрѣнію самихъ проектовъ.

(*) «Сказаніе», с. 201.

(*) Ibid.

Проектъ кн. Черкаскаго, написанный Татищевымъ, отличается отъ остальныхъ проектовъ цѣльностью, полнотою и систематичностью изложенія. По всему видно, что авторъ этого проекта былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени^(1°). Раздѣляясь на 10 пунктовъ, проектъ излагаетъ государственныя преобразованія весьма подробно.

Организаціи центральнаго правительства посвящены первые четыре пункта. 1) Верховный Тайный Совѣтъ упраздняется, а вмѣсто него учреждается при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, „въ помощь ея величеству“, „Вышнее Правительствѣ“, сенатъ, состоящій изъ *двадцати одной* персоны; (въ это число входитъ наличный составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта). 2) Чтобы не отягчать сената „дѣлами внутренней экономіи“, учреждается *другое правительствѣ* изъ *ста* персонъ, имѣющее двоякія собранія: постоянныя и періодическія. Для постоянныхъ собраній члены этого правительства раздѣляются на три группы, въ каждой по тридцати слишкомъ лицъ, которыя и засѣдаютъ по очереди въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ. Эти постоянныя собранія называются „Нижнимъ Правительствомъ“. Въ періодическихъ собраніяхъ участвуютъ всѣ сто человекъ. Собранія эти именуются „Вышнимъ Собраніемъ“ и происходятъ три раза въ годъ, для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ; кромѣ того они созываются въ чрезвычайныхъ случаяхъ (кончины государя, войны и т. п.) въ особое засѣданіе, продолжающееся не болѣе мѣсяца. 3-й пунктъ излагаетъ порядокъ замѣщенія членовъ Вышняго и Нижняго Правительствъ и другихъ высшихъ должностей въ службѣ гражданской и военной. На „упалыя мѣста“ (ваканціи) въ вышнемъ собраніи, сенатѣ и коллегіяхъ (президентовъ и вице-президентовъ) и на должности губернаторовъ, вице-губернаторовъ и главныхъ командировъ войскъ—кандидаты избираются въ общемъ засѣданіи сената и вышняго

^(1°) «Утро» 1859 г., с. 375—377. — Незданный списокъ л. 9—12. Въ Государственномъ Архивѣ проекта, составленнаго Татищевымъ, не находится.—Испанскій посолъ герцогъ де-Лирія, передавая проектъ подъ именемъ проекта кн. Черкаскаго, копируетъ его изъ проектовъ большинства и двадцати-пяти. (См. «XVIII в.», II, 39—40).

собрания; въ выборѣхъ президентовъ и вице-президентовъ коллегій участвуютъ также всѣ наличные коллежскіе президенты, а въ избраніи воинскихъ чиновъ всѣ наличные генералы. Далѣе подробно излагается самый порядокъ избранія: составляется списокъ всѣхъ кандидатовъ по рангамъ и прочтывается избирателямъ герольдмейстеромъ; каждый избиратель пишетъ на билетикѣ одно имя, „кого за достойнаго мнить“ и кладетъ въ „скрынь“ (ящикъ); билетики при всѣхъ разбираются, составляется новый списокъ, въ которомъ означается количество полученныхъ каждымъ кандидатомъ билетиковъ, и на основаніи этого закрытой баллотировкой выбираютъ трехъ кандидатовъ:—одного изъ нихъ императрица утверждаетъ по своему выбору. Впрочемъ дозволяется ограничить выборъ одними записками и изъ получившихъ по нимъ большинство голосовъ представлять трехъ кандидатовъ на утверженіе императрицы. Пунктъ объ избраніи заканчивается слѣдующими словами: „черезъ сей способъ можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, не смотря на высокородство, въ которыхъ много негодныхъ въ чины проиходять“. 4-й пунктъ касается изданія законовъ. Послѣ доказательства невозможности сочиненіе закона одному повѣрить, хотя-бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи нікогоя собственныя страсти не имѣлъ, (но) по природѣ легко погрѣшить можетъ“,—предлагается слѣдующій способъ составленія закона: „какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какою законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ нѣсколько дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству ко утверженію представили“.

5-й пунктъ ограничиваетъ число членовъ изъ одной фамиліи въ Вышнемъ Правительствѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ. „Въ Вышнемъ Правительствѣ не быть двумъ членамъ одной фамиліи, а въ нижнемъ и въ коллегіяхъ не присутствовать вмѣстѣ близкимъ родственникамъ“. Татищевъ не высказывается прямо противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, на которыхъ главнымъ образомъ направлены эти стрѣлы, а какъ-бы вскользь замѣчаетъ: „весьма безпорядочно бываетъ когда въ одномъ правленіи отецъ съ сыномъ, или два брата, и дядя съ племянникомъ, тесть съ зятемъ при-

существуют, которое равно какъ бы одному два голоса присвоены были“.

6-й пунктъ касается политическихъ арестовъ и процессовъ. Тайная канцелярія не упраздняется, но преобразовывается: сенатъ назначаетъ въ нее двухъ депутатовъ, каждый разъ на мѣсячный срокъ, „чтобъ смотрѣли на справедливость“. При арестахъ назначается отъ волиции одинъ депутатъ, непременно изъ знатныхъ людей; обязанность его заключается въ наблюдении за цѣлостью „пожитковъ“ арестуемаго.

Пункты 7-й и 10-й специально посвящены правамъ и преимуществамъ шляхетства. 7-й пунктъ предлагаетъ „лучшіе способы для произвожденія шляхетства въ войску и гражданствѣ“. Способы эти слѣдующіе: 1) устройство во всѣхъ городахъ училищъ, съ обезпеченіемъ ихъ помѣщеніемъ и ежегоднымъ содержаніемъ, 2) опредѣленіе срока для шляхетской службы: молодые шляхтичи должны поступать на службу не моложе *восемнадцати* лѣтъ, и болѣе *двадцати* лѣтъ въ военной службѣ не служить, 3) исключеніе шляхетства изъ матросовъ и ремесленниковъ, 4) приведеніе въ извѣстность „подлиннаго шляхетства“; для этого составить во всемъ государствѣ роспись стариннаго шляхетства, въ которую вносить также шляхтичей—потомковъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подьячихъ, имѣвшихъ жалованныя грамоты на шляхетство, или на деревни; тѣхъ же изъ этой послѣдней категоріи, которые жалованныхъ грамотъ не имѣютъ, „хотя-бъ и многія деревни имѣли“, совершенно исключить изъ шляхетскихъ списковъ, вписавъ ихъ въ особую книгу. 10-й пунктъ отмѣняетъ законъ о единонаслѣдіи и совѣтуетъ сочинить „о наслѣдованіи шляхетскими имѣніями достаточный законъ“ на основаніи Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

8-й пунктъ касается духовенства, преимущественно сельскаго. „Духовенство въ ихъ доходахъ разсмотрѣть, чтобъ деревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахать; а у которыхъ есть избытки, оныя на полезныя Богу и государству дѣла употреблять“.

9-й пунктъ, о льготахъ купечества, предлагаетъ совершенно освободить его отъ постоевъ, избавить отъ утѣсенія вообще и „подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ“.

Проектъ заканчивается слѣдующимъ прошеніемъ къ Верховному Совѣту: „сіе предоставляя Верховному Совѣту, требовать, чтобъ опредѣлили, *выбравъ восьмъ шляхетствомъ въ разсмотрѣнію сею людей достойныхъ, не меньше ста человекъ. И чтобъ сіе не опущая времени начать; о томъ прилежно просить, чтобъ конечно того жъ дня или на завтра, чрезъ герольдмейстера, шляхетству о собраніи объявить, и покои для того назначить*“.

Проектъ Секиотова идетъ на компромиссъ съ Верховнымъ Совѣтомъ, оставляя ему прежнее значеніе, но увеличивая число его членовъ до двадцати одного и переименовывая въ Высшее Правительство⁽¹¹⁾. Вслѣдствіе этого не опредѣляются обязанности Вышняго Правительства, но изъ втораго пункта проекта (о сенатѣ) можно заключить, что оно имѣетъ кромѣ верховной правительственной власти и власть верховно-судебную. Сенатъ, въ составѣ одиннадцати членовъ, является учрежденіемъ вспомогательнымъ, для „отправленія протчихъ дѣлъ“, какъ сказано въ проектѣ. По краткости редакціи, трудно заключить, какой кругъ дѣйствій опредѣляется сенату,—можно лишь догадываться, что ему дается то самое мѣсто, которое онъ занималъ при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

Генералитетъ и шляхетство выбираютъ кандидатовъ на должности членовъ Вышняго Правительства и сената, а также губернаторовъ и президентовъ коллегій. Проектъ не опредѣляетъ, кто утверждаетъ этихъ кандидатовъ, но за то указываетъ составъ избирательнаго собранія, въ которомъ должно быть не менѣе ста человекъ; въ это собраніе допускается только по два избирателя отъ каждой фамиліи, а кандидатовъ выбирается по одному, при чемъ члены этой фамиліи не участвуютъ въ выборѣ.

Для обсуждения „важныхъ государственныхъ дѣлъ“, а также „и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополне-

⁽¹¹⁾ Подлинникъ хранится въ Государственномъ Архивѣ, разд. III, д. № 6, л. л. 16 — 24. Вариантомъ къ этому подлиннику (только относительно некоторыхъ выраженій) служить напечатанный въ сборникѣ Кашширева проектъ, подъ именемъ *перваго* шляхетскаго проекта (См. выше примѣч. 4-е).

ніе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству—должны созываться въ общее собраніе: Высшее Правительство, сенатъ, генералитетъ и шляхетство. Такимъ образомъ, это собраніе, имѣющее рѣшающій характеръ, является высшей правительственной инстанціей.

Сравнивая проектъ кн. Черкаскаго съ проектомъ Секіотова, мы встрѣчаемъ въ послѣднемъ, относительно льготъ шляхетству, различія трехъ видовъ: къ *первому* принадлежатъ предположенія проекта кн. Черкаскаго, о которыхъ проектъ Секіотова совершенно умалчиваетъ, (учрежденіе училищъ и приведеніе въ извѣстность „подлиннаго шляхетства“); *второй* — составляетъ тѣ требованія, съ которыми проектъ Секіотова солидаренъ въ общемъ, но расходится въ подробностяхъ (назначеніе двадцатилѣтняго срока службы шляхтичамъ, безъ опредѣленія лѣтъ для поступления на службу; отмена обязательнаго поступленія въ матросы и обученія ремесламъ, съ требованіемъ разсмотрѣть существующія объ этомъ правила; наконецъ, уничтоженіе закона о „единонаслѣдіи“, при установленіи новыхъ правилъ для наслѣдованія вотчинъ). Къ *третьему* виду относится одно совершенно новое требованіе—объ улучшеніи быта офицеровъ и объ исправной выдачѣ имъ жалованья въ установленные сроки.

О духовенствѣ проектъ выражается общими фразами; о купечествѣ говоритъ согласно съ первымъ проектомъ, пропуская только умноженіе мануфактуръ и торговли, а затѣмъ касается положенія крестьянъ, о чемъ первый проектъ совершенно умалчиваетъ. Проектъ Секіотова находитъ необходимымъ дать имъ облегченіе въ податяхъ. Всѣ льготы духовенству, купечеству и крестьянству предполагается привести въ исполненіе послѣ подробнаго изслѣдованія нуждъ этихъ сословій. Не забыто и тяжелое въ то время положеніе русскаго солдата: проектъ считаетъ нужнымъ озаботиться о „порядочномъ произвожденіи солдатъ“⁽¹²⁾.

(12) Проектъ Алабердеева и первоначальная редакція проекта М. Грекова совершенно тождественны съ проектомъ Секіотова. Подлинникъ проекта Алабердеева хранится въ Государственномъ Архивѣ, разд. III, дѣло № 6, л. 23.—Тамъ же находятся и двѣ черновыя копии первоначальной редакція проекта Максима Грекова (за подписью 28

Мнѣнія меньшинства шляхетства выражаются въ четырехъ проектахъ: графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, Стевана Андреевича Колыцова, Михаила Аѳанасьевича Матюшкина и въ проектѣ двадцати-пяти.

Мнѣніе графа Мусина-Пушкина, подписанное имъ однимъ, дошло до насъ только въ извлеченіи и то весьма неопредѣленномъ. „Къ правленію государственному“—читаемъ мы въ этомъ извлеченіи—„надлежитъ прибавить членовъ, а выбрать оныхъ общимъ совѣтомъ изъ фамильныхъ и генералитета, и изъ знатнаго шляхетства, и во ономъ государственномъ правленіи не быть болѣе двухъ персонъ одного рода“⁽¹³⁾. Поясненіемъ и дополненіемъ такого краткаго извлеченія служитъ анонимная записка, содержащая своимъ близко подходящая къ вышеизложенному мнѣнію. Записка эта дошла до насъ въ двухъ черновыхъ вариантахъ⁽¹⁴⁾. Мы приводимъ ея содержаніе по первому изъ нихъ, указывая въ примѣчаніяхъ отличіе второго.

лвцъ)—разд. III, д. № 4, л. л. 50 — 51. Порядокъ фамилій въ подлинныхъ обѣихъ копіяхъ различенъ; кромѣ того, вторая копія представляетъ нѣкоторыя, не важные впрочемъ, варианты, (въ выраженіяхъ только) первой копіи. По списку Государственнаго Архива проектъ М. Грекова помѣщенъ въ нѣмецкихъ переводахъ: а) въ неизданныхъ депешахъ прусскаго посланника А. Мардефельда (депеша № 126), в) въ книгѣ Шмидтъ-Физельдека: «Materialien zu der Russisch. Gesch.» (Bd. II, S. 394, 397).—Современные нѣмецкіе переводы, но по частнымъ спискамъ (съ измѣненіями и пропусками) помѣщены въ «Europäische Fauna» 1730, (т. 328, с. 317—318) и въ «Nationen Gespräche» (23 Entrevue, S. 442 — 443). Какъ кажется, именно проектъ М. Грекова слѣдуетъ разумѣть подъ *вторымъ мнѣніемъ*, изложеннымъ въ черновой запискѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта (Государств. Архивъ, разд. III, дѣло № 6, л. 6—7), «Подъ симъ мнѣніемъ»—читаемъ мы въ названной запискѣ—«подписалось: генераль-лейтенанта 3, статскихъ того ранга 4, генераль-майоровъ 9, статскихъ и придворныхъ того ранга 13, *оберъ-прокуроръ синода*, всего 30 человекъ».—Изложеніе этого проекта по запискѣ Верховнаго Совѣта напечатано въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XIX, с. 256—257.

⁽¹³⁾ Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6 л. 7; перепечат. у С. М. Соловьева, «Исторія Россіи», т. XIX, с. 257.

⁽¹⁴⁾ Госуд. Арх., разд. III, д. № 4; *первый вариантъ*, л. л. 6—7; *второй вариантъ*, л. л. 9—10. Второй вариантъ говоритъ только о верховномъ правленіи и сенатѣ. Въ обоихъ вариантахъ недостаетъ конца. По всей вѣроятности, далѣе въ запискѣ шла рѣчь о льготахъ шляхетству и другимъ сословіямъ. — Напечатанное въ текстѣ разрядкой, въ подлинникѣ зачеркнуто.

Въ запискѣ очень рѣзко проводится мысль о различіи старинной родовой аристократіи отъ новаго шляхетства: первая называется здѣсь „фамилными особами“, „старыми и знатыми фамиліями“, а второе — просто „шляхетством“, при чемъ „генералитетъ“ отнесенъ къ шляхетству. Во главѣ государственнаго управленія ставится Верховное Правленіе изъ 12-ти особъ; это учрежденіе есть ничто иное, какъ существующій уже Верховный Тайный Совѣтъ, отъ тою только разницею, что къ его семи членамъ предположено добавить еще пять. Избраніе членовъ, а также и замѣщеніе ихъ, должно происходить посредствомъ выбора трехъ кандидатовъ общимъ собраніемъ Верховнаго Правленія, сената и генералитета военнаго и штатскаго, „которые тогда въ резиденціи случатца“, при чемъ Верховное Правленіе непременно состоитъ изъ одинаковаго количества „фамилныхъ особъ“ и „шляхетства“, но чтобъ болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не было“⁽¹⁵⁾. Ваканціи „фамилныхъ“ особъ замѣщаются изъ нихъ же, а на шляхетскія ваканціи выбираются изъ шляхетства⁽¹⁶⁾. Кандидаты на эти мѣста должны быть „люди достойные, умные и въ верховному правленію, какъ во внутреннихъ, такъ и иностранныхъ дѣлахъ, искусные и повѣранные и всему государству доброжелательные, понеже“ — замѣчаетъ записка — „не персоны управляютъ закономъ, а законъ персонами“. Затѣмъ опредѣляется самый порядокъ совѣщаній въ Верховномъ Правленіи. „И понеже то собраніе“ — говоритъ записка — „не для собственной какой власти быть имѣетъ, точію во общую пользу всего государства, ради верховнаго правленія учреждено, того ради въ семъ собраніи присутствующимъ имѣть голоса равные“. Число членовъ въ сенатѣ не опредѣлено⁽¹⁷⁾, но требуется, чтобы одна половина ихъ состояла также изъ „фамилныхъ“, а другая изъ „шляхетства“. Сенаторы должны имѣть чинъ не ниже Д. С. С.

(15) 2-й вар. прибавляетъ: «чтобъ тѣмъ не могли взять на себя лишней силы въ разсужденіи» (т. е. въ преніяхъ). — Эти строки во 2-мъ вар. потомъ зачеркнуты.

(16) 2-й вар.: «а тотъ выборъ чинить верховному правленію и сенату ошче на одну персону по три чловѣка кандидатовъ».

(17) 2-й вар., сбоку на листѣ: «сенату быть въ одиннадцати».

Обязанности сената состоятъ въ слѣдующемъ: „Оное управленіе имѣеть всѣ дѣла государственные и расправные; а буде, которыхъ дѣлъ собою рѣшить не могутъ, о тѣхъ представлять Верховному Правленію (написано Верховному Тайному Совѣту)“. Выборъ сенаторовъ происходитъ такъ же, какъ членовъ Верховнаго Правленія, а утвержденіе ихъ производится симъ послѣднимъ. Верховное Собраніе—ставится выше Верховнаго Правительства и сената. Оно собирается „для совѣту и разсужденія, когда случится какое новое и важное дѣло“. Собраніе это состоитъ изъ Верховнаго Правительства, сената, генералитета и „стацкихъ тѣхъ ранговъ“; *въ случаѣ надобности*, въ него приглашается и знатное шляхетство, а при вопросахъ по „духовному правленію“—синовскіе члены и прочіе архіереи, „по усмотрѣнію важности дѣла“, т. е. въ менѣ важныхъ дѣлахъ одни члены синода, а въ болѣе важныхъ—всѣ архіереи.

Проектъ Колычова увеличиваетъ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ двѣнадцати до пятнадцати членовъ, также принимая уже существующихъ членовъ. Проектъ мотивируетъ необходимость увеличенія членовъ слѣдующими соображеніями: „Ежели кто изъ оныхъ заболитъ, или отлучится, чтобъ отъ того въ правленіи замедленія за малолюдствомъ не было“. Другихъ вопросовъ Колычовъ не затрогиваетъ. Мы не знаемъ именъ „согласниковъ“ Колычова, известно только, что подъ его мнѣніемъ подписалось: „брегадировъ два, статскихъ того ранга два, маоръ—одинъ, и того пять человекъ“⁽¹⁸⁾.

Противъ мнѣнія Колычова подалъ проектъ М. А. Матюшкинъ „съ товарищи“.

Соглашаясь съ увеличеніемъ числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ двѣнадцати до пятнадцати, „для повсядневнаго правленія“, проектъ Матюшкина говоритъ: „Для важныхъ дѣлъ призвано будетъ общество, какъ показано ниже, въ 6-мъ пунктѣ, и тогда не токмо малолюдно, но и многолюдно будетъ“.

(18) Госур. Арх., разд. III, д. № 6, л. л. 8—9. (Черновое изложеніе: мнѣній, поданныхъ Верх. Тайн. Совѣту) — Эти изложенія напечатаны въ XIX т. «Ист. Россіи» Соловьева: (с. 256—257); мнѣніе Колычова у него пропущено.

Проектъ Матюшкина идетъ еще болѣе на компромиссъ съ Верховнымъ Совѣтомъ, чѣмъ проекты Секютова, Алабердеева, Грекова, гр. Мусина-Пушкина и Колычова. Къ вопросамъ этихъ проектовъ, проектъ Матюшкина присоединяетъ одинъ совершенно новый — объ оставленіи резиденціи въ Москвѣ. Проектъ состоитъ изъ *дванадцати* пунктовъ, послѣдній изъ которыхъ заключается въ слѣдующемъ: „На все вышеписанное, ежели за потребно отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта разсуждено будетъ, покорно просимъ исходатайствовать соизволеніе отъ ея императорскаго величества“⁽¹⁹⁾.

По проекту Матюшкина наличные члены Верховнаго Совѣта остаются на своихъ мѣстахъ, а новые члены, „въ прибавокъ“ къ нимъ, выбираются „обществомъ“; по мѣрѣ

(19) Проектъ Матюшкина извѣстенъ въ двухъ редакціяхъ: первая, черновая, безъ подписей. — хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. Ш, д. № 4, л. л. 54—56); вторая, бѣловая редакція за подписью *пятнадцати* лицъ, напечатана Шмидтъ-Физельдекомъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ его «Materialien zu der Russisch. Gesh.» (Bd. II. S. 394—397). — Кромѣ того изложеніе мнѣнія Матюшкина находится въ черновой запискѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта и перепечатано отсюда въ XIX т. «Ист. Россіи Соловьева» (См. выше, примѣч. 18-е). Проектъ Матюшкина въ современномъ ему переводѣ на нѣмецкій языкъ помѣщенъ въ приложеніи къ 128 (неизданной) депешѣ прусскаго посланника А. Мардфельда; въ этомъ переводѣ встрѣчаемъ мы слѣдующія отлечія отъ подлинника: а) 10-й п. (о единонаслѣдіи) пропущенъ, а потому проектъ состоитъ изъ *одинадцати* пунктовъ, б) въ 6-мъ пунктѣ, въ общемъ собраніи Верховнаго Совѣта, генералитета и шляхетства, помѣщенъ и сенатъ. — Имѣется также современный переводъ проекта Матюшкина и на французскій языкъ въ депешахъ саксонско-польскаго посла Лефорта, также съ пропусками и измѣненіями; у Лефорта проектъ состоитъ изъ *одинадцати* пунктовъ; 10-й пунктъ (о единонаслѣдіи) помѣщенъ, но исключенъ 11-й — (о перенесеніи резиденціи въ Москву); 14-мъ пунктомъ поставленъ послѣдній, 12-й, пунктъ, переданный Лефортомъ такимъ образомъ: «Nous demandons pour l'avantage commun que tous ces articles soient examinés par le haut conseil». (См. Сборн. Русск. Историч. Общ., т. V, с. 364—363). Въ первомъ приложеніи къ нашему изслѣдованію мы помѣщаемъ проектъ Матюшкина въ обратномъ переводѣ по Шмидтъ-Физельдеку, съ указаніемъ отиѣнъ, подходящихъ въ черновой редакціи Государственнаго Архива.

открытія ваканцій въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, онѣ замѣщаются тѣмъ же способомъ.

Подъ именемъ „общества“ проэктъ разумѣетъ военный и штатскій генералитетъ и шляхетство. Для вышеозначенныхъ выборовъ „общество“ должно состоять не менѣе, какъ изъ с е м и д е с я т и „персонъ“, при чемъ изъ одной фамиліи не должно быть болѣе двухъ „персонъ“. Проэктъ предлагаетъ двѣ системы выборовъ въ члены Верховнаго Совѣта: по первой системѣ „общество“ выбираетъ на должность каждаго члена по три кандидата, одного изъ которыхъ Верховный Совѣтъ утверждаетъ открытой подачей голосовъ, или закрытой баллотировкой. Вторая система совершенно противоположна первой: Верховный Совѣтъ выбираетъ по своему усмотрѣнію трехъ кандидатовъ, а „общество“ производитъ выборъ изъ нихъ посредствомъ баллотировки. При той и другой системѣ члены Совѣта не могутъ быть избираемы изъ среды лицъ избирающихъ, и въ числѣ кандидатовъ не должно быть болѣе одного члена каждой фамиліи.

Сенатъ состоитъ изъ о д и н н а д ц а т и „персонъ“, кругъ его дѣйствій проэктъ не опредѣленъ, а избраніе въ сенаторы предоставляется „въ волю и разсмотрѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта“, или же производится обществомъ на вышеуказанныхъ основаніяхъ; такимъ точно образомъ происходитъ назначеніе на должности коллежскихъ президентовъ и губернаторовъ (п. 1—5). Въ 1730 г. въ сенатѣ было восемь членовъ,—проэктъ считаетъ необходимымъ прибавить еще трехъ членовъ, чтобъ сенаторы объѣзжали губерніи и наблюдали за губернаторами и воеводами; проэктъ не означаетъ числа этихъ сенаторовъ-ревизоровъ, выражаясь весьма неясно: „по сколку человекъ за благо разсуждено будетъ“, такъ что даже неизвѣстно, кому предоставляется это „разсужденіе за благо“ — самому сенату, или Верховному Совѣту.

Порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія въ общемъ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, генералитета и шляхетства—государственныхъ дѣлъ вообще и дѣлъ по государственному управленію въ особенности, — служебныя льготы шляхетству, отмѣну закона о единонаслѣдіи, улучшение быта офицеровъ и солдатъ и удовлетвореніе нуждъ другихъ сословій—проэктъ Матішкіна опредѣляетъ въ общихъ чертахъ согласно съ проэктъомъ Секиотова (п. 6, 7

9 и 10). Частныя его различія заключаются въ слѣдующемъ: онъ не назначаетъ числа лѣтъ обязательной службы шляхетства, высказывая только, что необходимо ограничить эту службу какимъ нибудь срокомъ; въ пунктѣ о единонаслѣдіи упоминаетъ „о послѣднемъ въ оамиліи“ наслѣдникѣ, шляхетства не выдѣляетъ изъ прочихъ классовъ русскаго народа, и послѣ пункта (7-го) „о служебныхъ льготахъ шляхетству, выражается (въ 8-мъ п.) слѣдующимъ образомъ: „шляхетству, духовенству, купечеству и прочимъ, всякому по состоянію въ ихъ нуждахъ учинить удовольствіе въ чемъ возможно, *понеже отъ того зависитъ цѣлостъ и постоянство правленія*; такъ же крестьянству въ податяхъ, по рассмотренію, надлежаще облегченіе учинить“.

Проектъ дв а д ц а т и п я т и намѣревается, повидимому, примирить крайнія требованія проекта вн. Черкаскаго съ болѣе умѣренными желаніями большинства и меньшинства шляхетства. Главное его вниманіе обращено на организацію центрального правительства, — о льготахъ шляхетства и другихъ сословій онъ только упоминаетъ ⁽²⁰⁾. Остановимся на важнѣйшихъ его отличіяхъ сравнительно съ рассмотрѣнными проектами.

1) Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ изъ ш е с т н а д ц а т и п е р с о н ѣ, считая въ этомъ числѣ существующихъ членовъ (п. 1-й). 2) Генералитетъ и шляхетство избираетъ закрытой баллотировкой по три кандидата на ваканціи членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, президентовъ коллегій и губернаторовъ, но не изъ числа избирающихъ; изъ этихъ трехъ кандидатовъ одного утверждаетъ императрица. „А оныя вновь выбалотированные персоны“ — читаемъ въ 3-мъ пунктѣ проекта — „хотя и будутъ присутствовать, а явныхъ заслугъ къ отечеству впредь не покажутъ, то онымъ ранговъ и жалованья противъ нынѣ присутствующихъ, мнится, не давать, а имѣть имъ ранги жалованья прежніе, въ которыхъ они выбалотированы; а когда покажутъ къ отечеству службы,

⁽²⁰⁾ Проектъ этотъ напечатанъ по списку И. П. Шульгина въ «Пам. Нов. Русск. Ист.» В. Каширева и названъ тамъ *вторымъ проектомъ*. (См. т. I, отд. II, с. 6—7). Мы не нашли этого проекта въ Государственномъ Архивѣ.

тогда по заслугамъ и награждены быть имѣють“. То же правило распространяется на сенаторовъ, президентовъ коллегій, губернаторовъ и другихъ (п. 4-й и 5-й). 3) Сенатъ, имѣющій титулъ „высокаго“, состоитъ изъ дв а д ц а т и о д н о й пер с о н ы, считая бывшихъ уже въ то время членовъ. Дѣла въ немъ рѣшаются большинствомъ голосовъ. (п. 4-й). Для выбора вице-президентовъ коллегій, воеводъ и прочихъ гражданскихъ чиновъ—созывается особое собраніе „общества“ не менѣе какъ изъ пятидесяти персонъ; всѣ избранныя служащія лица утверждаются сенатомъ (п. 5-й). 5) Высшее собраніе состоитъ изъ верховнаго правительства (Верховнаго Тайнаго Совѣта) и шляхетства; сенатъ въ этомъ собраніи не участвуетъ (п. 10-й).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію проектовъ, не поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, слѣдуетъ остановиться на в о н с п е к т ѣ шляхетскихъ совѣщаній (проектомъ его назвать нельзя), въ которомъ выразились требованія к р а й н е й шляхетской партіи. Вотъ этотъ конспектъ:

- 1) Сенату быть въ тридцати персонахъ, государынѣ президентствовать и имѣть три голоса, а Верховному Тайному Совѣту не быть.
- 2) Для дѣлъ малѣйшихъ отлучить съ переѣною по годно десять человекъ, а въ государственныхъ дѣлахъ сообщается всѣмъ.
- 3) Въ члены выбирать въ сенатъ чрезъ балатированье, а чтобы было отъ одной фамиліи не больше двухъ человекъ.
- 4) Войску быть подъ военными коллегіями, а гвардіи подъ сенатомъ.
- 5) Придворные чины выбрать вновь.
- 6) На уобылые мѣста въ сенатъ въ члены, и въ коллегіи въ президенты, и въ губернаторы.—выбирать обществомъ балатированьемъ; а сенату къ выборамъ не вступаться.
- 7) Впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится сочинить с е й м у и утвердить обществомъ.
- 8) Шляхетство въ военные рядовые чины и въ мастеровые чины не выбирать, а сочинить для оныхъ особливые роты шляхетскіе, а для морскихъ гардемарины.
- 9) Старшинство въ наслѣдствѣ дѣтей—оставить, а дать на волю родителямъ, а ежели родителей у кого не останется, дѣлить по частямъ⁽²¹⁾.

⁽²¹⁾ «Пам. Нов. Русск. Исторіи», В. Каширева, т. I, отд. II, стр. 7—8.

Къ сожалѣнiю, мы не знаемъ въ какой „компани“ происходили совѣщанiя, программа которыхъ представлена въ этомъ конспектѣ.

Проектъ тринадцати находится въ близкой связи съ вышеизложенными анонимной запиской и проектомъ Матюшкина, представляя въ то же время, сравнительно съ послѣднимъ, нѣкоторыя отличiя. Объ этомъ проектѣ прусскiй посланникъ Мардефельдъ замѣчаетъ: „Почти все подписавшия его лица принадлежать къ знатнѣйшимъ и старѣйшимъ фамилиямъ русскаго государства, но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это молодые люди, не занимающiе значительныхъ должностей, то на ихъ предложенiя обращаютъ мало вниманiя“⁽²²⁾.

Проектъ тринадцати, состоящiй изъ одиннадцати пунктовъ, предлагаетъ совершенно ту же организацiю центрального управленiя и на тѣхъ же основанiяхъ, какъ и проектъ Матюшкина, съ тѣмъ только различiемъ, что члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, а равно и сенаторы, президенты коллегiй и губернаторы—безусловно избираются изъ числа *трехъ* кандидатовъ, выбранныхъ на эти должности генералитетомъ въ составѣ *восемидесяти* лицъ (остальные условiя избранiя тѣ же, что у Матюшкина). Въ томъ же составѣ и на тѣхъ же основанiяхъ созывается, для обсужденiя дѣлъ первой государственной важности, собранiе генералитета и шляхетства, при участii Верховнаго Совѣта и сената. Обязанности сената въ проектѣ тринадцати опредѣляются въ слѣдующихъ словахъ: „Дабы Верховный Совѣтъ множествомъ дѣлъ не обременить, учредить какъ для рѣшенiя прочихъ дѣлъ, такъ и для высшаго апелляцiоннаго суда *по гражданскимъ процессамъ*,—сенатъ, который долженъ состоять изъ *одиннадцати* членовъ“.

Двухъ послѣднихъ требованiй проекта Матюшкина, т. е. оставленiя резиденцiи въ Москвѣ и соизволенiя императрицы—совсѣмъ нѣтъ, за то являются два новыхъ требованiя, которыхъ нѣтъ въ проектѣ Матюшкина: первое изъ нихъ вовсе не было заявлено въ шляхетскихъ проектахъ, а второе представляетъ вариантъ двухъ предложенiй 7-го пункта проекта кн. Черкаскаго:

⁽²²⁾ Приложение С къ депешѣ отъ 16 марта (н. ст.) 1724, въ изданныхъ депешахъ, № 128.

п. 5) На государственной службѣ каждый служащій имѣетъ право занимать только одну должность, а не нѣсколько, чтобы не было замедленія въ отпращиваніи дѣлъ.

п. 8) Такъ какъ шляхетство должно часто призывать-ся на совѣщанія, то слѣдуетъ сдѣлать различіе между стариннымъ и новымъ шляхетствомъ, какъ это практикуется въ другихъ свободныхъ государствахъ . . . „Для ремеселъ и другихъ низкихъ должностей шляхетство не употреблать“.

Всѣ остальные требованія проекта одинаковы съ требованіями проекта Матюшкина⁽²³⁾.

Въ то время, какъ въ Верховный Совѣтъ поступали одинъ за другимъ проекты государственныхъ преобразованій, въ одной изъ шляхетскихъ компаній, составъ которой, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ, зародилось отрицательное отношеніе ко всѣмъ шляхетскимъ проектамъ. Эта компанія пришла къ тому убѣжденію, что отъ скороспѣлыхъ проектовъ, составленныхъ второпяхъ, нельзя ожидать прочныхъ результатовъ въ будущемъ, что для дѣйствительнаго улучшенія положенія дѣлъ преждевременно измѣнять существующія учрежденія, создавать новыя, требовать измѣненія нѣкоторыхъ законовъ и постановленій, обходя или игнорируя другіе; что нужно прежде всего изслѣдовать дѣйствительныя нужды и потребности Россіи — и потомъ уже приступать къ реформамъ. Съ этою цѣлю „компанія“ составляетъ свой проектъ, состоящій изъ восьми пунктовъ и имѣющій слѣдующее заглавіе: „Способы, которыми, какъ видится, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему народу дѣло“⁽²⁴⁾.

⁽²³⁾ Въ Государственномъ Архивѣ этого проекта не находится. Под-робная редакція помѣщена въ современномъ ему нѣмецкомъ переводѣ въ вышеупомянутой депешѣ Мардефельда (см. наше предыдущее примѣч.). Лефорть сообщаетъ неточный и очевидно сокращенный французскій пере-водъ этого проекта. (См. Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, с. 363—365). Проектъ въ переводѣ Мардефельда помѣщается въ I-мъ прилож. къ насто-ящему изслѣдованію.

⁽²⁴⁾ Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, лл. 46—47.

„Способы“ предлагают избрать из среды шляхетства отъ двадцати до тридцати человекъ для выработки общаго плана государственныхъ преобразованій, „и что оне къ ползе отечества сочинять и утверждать, и то имѣть“ вѣчно, твердо и ненарушимо быть“ (п. 2-й).

Считая это предложеніе *дѣломъ исключительно національнымъ*, проектъ призываетъ шляхетство къ патриотическому единодушію. „Первое и главное основаніе“, — говорится въ 1-мъ пунктѣ—, чтобъ всѣ великороссійскаго народа шляхетство, *выключая иноземцевъ*, которые хотя въ вѣчное подданство и присягали, однакожь негреческаго закона и у которыхъ дѣды не въ Россіи породились, и согласились бы за себя и за отсутствующихъ единодушно вмѣстѣ такъ, чтобъ никто никакъ и ни чѣмъ отъ того согласія неотговаривался, ни заслугами, ни рангомъ, ни старостію еамиліи, и чтобъ всякому былъ одинъ голосъ“. При избраніи проектъ совѣтуетъ руководствоваться „единосердечнымъ согласіемъ“ и избрать „годныхъ и вѣрныхъ отечеству людей“ (п. 2-й).

Дальнѣйшіе пункты проекта излагаютъ самую организацію шляхетскаго собранія для выработки общаго плана реформъ.

Подробности организаціи заключаются въ слѣдующемъ:

1) Члены собранія должны быть снабжены письменными полномочіями отъ своихъ избирателей (п. 2-й).

2) Для соблюденія внѣшняго порядка въ собраніи и направленія его преній назначаются „двѣ особы“, также избираемыя шляхетствомъ. Права и обязанности ихъ опредѣлены такъ: „Чтобъ оне содержали въ томъ ихъ собраніи доброй порядокъ, а имянно: голоса давали (т. е. наблюдали бы за очередью преній), шумъ и крикъ, а *особливо брань*, унимали“ (п. 3-й). Въ преніяхъ они не участвуютъ, но могутъ сообщать членамъ шляхетскаго собранія „все что къ правленію государства принадлежитъ и что оне вымыслить могутъ къ ползе отечества“ (п. 4-й).

3) Въ обсужденіи вопросовъ, касающихся церкви, военнаго дѣла и торговли, участвуютъ „выборные“ отъ четырехъ до шести человекъ, отъ синода („изъ синодскихъ членовъ или изъ другихъ кого синодъ избереть“), отъ военныхъ и отъ купечества. Эти выборные должны быть снабжены также достовѣрными письменными полномочіями отъ своихъ

избирателей, „за ихъ руками“, и имѣють равные голоса съ членами шляхетскаго собранія (п. 5-й).

4) При разсмотрѣннн вѣтчинныхъ дѣлъ и другихъ спеціальныхъ вопросовъ, приглашаются президенты и отъ двухъ до трехъ членовъ соотвѣтствующихъ коллегій на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и депутаты отъ сословій (п. 6-й).

5) По разсмотрѣнн и утвержденн собраніемъ каждаго отдѣльнаго вопроса, онъ разсматривается еще разъ всѣмъ собраніемъ вмѣстѣ съ сенатомъ; послѣ этого вопросъ предлагается на разсмотрѣнне Верховнаго Совѣта, который обсуждаетъ его въ соединенномъ засѣданн съ шляхетскимъ собраніемъ и сенатомъ, „а какъ выборные, сенать и Верховный Совѣтъ о какомъ дѣлѣ всѣ согласятца и тогда“,— говоритъ проэктъ— „послать съ тѣмъ дѣломъ нѣсколько особъ къ ея императорскому величеству и просить чтобъ вонвоирмовала“ (п. 7-й и 8-й).

Черезъ нѣсколько времени явилось дополненіе въ „способамъ“, къ сожалѣнн также анонимное, съ слѣдующимъ заглавіемъ „къ прежнее учиненному опредѣленню пополненіе“^(*).

Это дополненіе состоитъ изъ четырехъ пунктовъ: 1) о срокахъ шляхетской службы, 2) о купечествѣ, 3) о земледѣльцахъ и 4) о епархіяхъ и монастыряхъ.

Первый пунктъ требуетъ служебныхъ льготъ шляхетству для того, „чтобъ воинское дѣло не ослабѣвало“. Съ этой цѣлью предлагается: 1) чтобы молодые шляхтичи начинали сухопутную военную службу черезъ гвардію съ нижнихъ чиновъ, съ непремѣннымъ производствомъ въ офицеры, 2) чтобы опредѣленъ былъ срокъ службы, въ каждомъ чинѣ, „чтобъ не было въ тягость“, 3) чтобъ въ морскую службу шляхетство опредѣлялось гардемаринами, а не матросами, съ производствомъ черезъ опредѣленное число лѣтъ въ офицеры.

Относительно купечества предлагается: установить вольную торговлю, разсмотрѣть тарифъ и разныя запрещенія въ торговлѣ.

О крестьянахъ сказано: „отягощенное земледѣлство податми, какимъ нибудь образомъ облегчить податми“.

(*) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, л. 48.

Епархіи и монастыри восстанавливаются въ томъ видѣ, какъ были до учрежденія синода: всякій архіерей долженъ во всемъ самъ свою епархію вѣдать, монастыри сами завѣдуютъ своими вотчинами; коллегія экономіи упраздняется, государственныя подати монастырей собираются ими и передаются въ каморь-коллегію; прокормленіе отставныхъ офицеровъ и солдатъ въ монастыряхъ остается по прежнему.

Обобщая всѣ предположенія государственныхъ преобразованій, заявленныя въ шляхетскихъ проэктахъ и мнѣніяхъ, мы получимъ довольно опредѣленную программу политическихъ воззрѣній шляхетства.

Постоянными органами центральнаго управленія являются два правительства—Вышнее и Нижнее.

Большинство проэктовъ признаетъ Вышнимъ Правительствомъ существующій Верховный Тайный Совѣтъ, но значительно увеличиваетъ число его членовъ: проэктъ Секиотова, Грекова и Алабердеева доводятъ это число до 21; анонимная записка до 12; проэктъ Колычева, 13-ти и Матюшкина отъ 12 до 15; проэктъ 25-ти до 16 членовъ. Нѣкоторые проэктъ, уничтожая существующій Верховный Тайный Совѣтъ, ставятъ Вышнимъ Правительствомъ „въ помощь ея императорскому величеству“, сенатъ, также не сходясь въ числѣ членовъ. Проэктъ Черкаскаго назначаетъ 21 члена, а „конспектъ“ 30 членовъ, предсѣдательство же въ сенатѣ возлагаетъ на императрицу. Всѣ наличные члены Верховнаго Тайнаго Совѣта входятъ въ составъ Вышняго Правительства; остальныхъ членовъ, и впоследствии, на „упаля мѣста“ (ваканціи) выбираетъ генералитетъ и шляхетство, строго наблюдая, чтобы среди Вышняго Правительства не было нѣсколькихъ представителей одной фамиліи: число этихъ представителей опредѣляется проэктъами различно: большинство назначаетъ по одному отъ каждой фамиліи, иные допускаютъ двухъ.

Нижнее Правительство учреждается въ помощь Правительству Вышнему „по дѣламъ расправнымъ и судебнымъ“. Всѣ проэктъы (за исключеніемъ проэкта Черкаскаго и „конспекта“) называютъ его сенатомъ, при чемъ проэктъы Секиотова, Алабердеева, Грекова и 25-ти совѣтъ не опредѣляютъ круга его дѣйствій, очевидно разумѣя сенатъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ со времени учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, а проэктъы Матюш-

кина и 13-ти возлагаютъ на сенатъ непосредственное наблюдение надъ губернаторами и воеводами. Анонимная записка считаетъ Нижнее Правительство учрежденіемъ вспомогательнымъ „по дѣламъ государственнымъ и расправнымъ“, а проектъ 13-ти ставитъ его высшей апелляціонной инстанціей по гражданскимъ процессамъ. Всѣ проекты,—кромя проекта 25-ти, который увеличиваетъ число сенаторовъ до 21,—образуютъ сенатъ изъ 11-ти членовъ, наличные сенаторы сохраняютъ свои мѣста, а вновь назначаемые избираются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и члены Вышняго Правительства. Проектъ Черкаскаго и „конспектъ“, совершенно уничтожающіе Верховный Совѣтъ и ставящіе на его мѣсто сенатъ, разумеютъ подъ Нижнимъ Правительствомъ особую коллегію изъ шляхетскихъ представителей. По проекту Черкаскаго эта коллегія составляется изъ одной трети членовъ Вышняго Собранія, о которомъ мы скажемъ ниже, а „конспектъ“ выражается о ней весьма неопредѣленно, говоря, что она состоитъ, „съ перемѣною по годно, изъ десяти человекъ“.

Ваканціи на должности президентовъ коллегій и губернаторовъ замѣщаются также по выбору; проектъ Черкаскаго распространяетъ это правило и на вице-президентовъ коллегій, вице-губернаторовъ и главныхъ командировъ войскъ, а проектъ 25-ти, не упоминая о военныхъ командирахъ, прибавляетъ „воеводу и прочихъ гражданскихъ чиновъ“. Большая часть проектовъ представляетъ право избранія исключительно генералитету и шляхетству, при чемъ количество избирателей опредѣляется ими различно: иные (проекты Секиотова, Алабердеева, Грекова, 25-ти и „конспектъ“) назначаютъ 100 членовъ; проектъ 13-ти—80, а проектъ Матюшкина—70; для избранія же вице-президентовъ проектъ 25-ти считаетъ достаточнымъ 50 человекъ изъ генералитета и шляхетства. Проектъ Черкаскаго возлагаетъ избраніе всѣхъ служащихъ лицъ на соединенное присутствіе Вышняго и Нижняго правительствъ, при чемъ въ избраніи президентовъ коллегій участвуютъ всѣ наличные президенты, а въ избраніи командировъ войскъ—всѣ наличные генералы. При избраніи вообще всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая и членовъ Вышняго и Нижняго правительствъ, наблюдается, чтобы въ числѣ избирающихъ не было больше двухъ лицъ отъ одной фамилии, а въ числѣ избираемыхъ

не болѣе одного; члены той фамиліи, къ которой онъ принадлежитъ, не участвуютъ въ его баллотировкѣ.

„Для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству и общей пользѣ“, — созываются генералитетъ и шляхетство. Большинство проектовъ, не опредѣляя числа членовъ изъ генералитета и шляхетства, включаетъ въ составъ этого собранія оба правительства — Вышнее и Нижнее и считаетъ необходимымъ созывать его лишь по мѣрѣ надобности, а проектъ Черкаскаго назначаетъ 100 членовъ изъ одного только шляхетства, называя эту коллегію *В ы ш н и м ь С о б р а н і е м ь* и назначая его засѣданія три раза въ годъ, въ опредѣленные сроки. Одинъ изъ шляхетскихъ кружковъ называетъ это собраніе „с е й м о м ь“ („конспектъ“).

Инициатива законодательства, какъ видно, присвоается Аннѣ Іоанновнѣ, но ни одинъ проектъ, кромѣ проекта Черкаскаго, не упоминаетъ объ этомъ.

Главное вниманіе всѣхъ проектовъ обращено на права и привилегіи шляхетства, до нѣкоторой степени намѣченныя уже въ планѣ центральныхъ правительствъ: проекты прежде всего стремятся оградить шляхетство отъ возвышенія нѣсколькихъ родовитыхъ фамилій; кромѣ того въ цѣломъ рядѣ пунктовъ они заявляютъ о сословныхъ шляхетскихъ льготахъ, выражая при этомъ два воззрѣнія: одно ставитъ происхожденіе выше правъ, приобретенныхъ службою, выдѣляя шляхетство подлинное (родовое) изъ новаго (худороднаго) (проекты Черкаскаго, Мусина-Пушкина, анонимная записка и проектъ 13-ти); другое — различаетъ шляхетство по служебнымъ преимуществамъ, раздѣляя его на генералитетъ и простое шляхетство (всѣ остальные проекты). Нѣкоторые проекты прямо называютъ интересы шляхетства „общенародіемъ“ и „общимъ дѣломъ“ (Черкаскаго, Матюшкина), ставя такимъ образомъ шляхетство охранителемъ интересовъ всѣхъ остальныхъ сословій.

Проектъ Черкаскаго существенными привилегіями шляхетства считаетъ преобразование тайной канцеляріи и распространеніе образованія. Всѣ проекты одинаково требуютъ слѣдующихъ льготъ шляхетству:

1) Опредѣленія срока военной службы, при чемъ большинство считаетъ этотъ срокъ въ 20 лѣтъ (проекты Чер-

каскаго, Секиотова, Алабердеева, Грекова и 25-ти); проект Черкаскаго добавляетъ, чтобы моложе 18 лѣтъ въ службу не брать.

2) Измѣненія порядка военной службы; въ этомъ проекты расходятся: иные предполагаютъ опредѣлять шляхетство въ сухопутное войско прямо офицерами, во флотъ — гардемаринами, устройвъ для этого кадетскія и гардемаринскія роты („конспектъ“), другіе — считаютъ возможнымъ начинать службу съ нижнихъ чиновъ, но не иначе какъ въ гвардіи и съ непрерывнымъ производствомъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ офицеры („добавленіе къ способамъ“).

3) Отмѣны обязательнаго поступленія въ матросы и въ обученіе ремесламъ.

4) Весьма естественнымъ выводомъ изъ предыдущаго является забота объ улучшеніи быта офицеровъ и солдатъ (большинство которыхъ въ гвардіи было въ то время изъ шляхетства) и объ исправной выдачѣ имъ жалованья (проекты Секиотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина и 13-ти).

5) Уничтоженія закона о единонаслѣдіи (1714 г.). Большинство проектовъ (Секиотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина, 13-ти и 25-ти) предлагаетъ установить „о наслѣдованіи въ вотчинахъ“ новыя правила; иные желаютъ возстановить относительно этого вопроса законы „Уложенія“ (проектъ Черкаскаго), другіе же предоставляютъ на волю родителей дѣлить, или не дѣлить недвижимое имущество, а при наслѣдствѣ сиротами предполагаютъ дѣлить по частямъ („конспектъ“).

Въ связи со шляхетскими льготами находятся вопросы объ исправной службѣ и о производствѣ въ чины. По этимъ вопросамъ мы встрѣчаемъ въ проектахъ слѣдующія замѣчанія: 1) чтобы ранги давались по заслугамъ (проектъ 25-ти), 2) чтобы каждый служащій занималъ одну должность, а не нѣсколько (проектъ 13-ти).

Послѣ правъ и льготъ шляхетства проекты переходятъ къ улучшенію быта духовенства, купечества и крестьянства, останавливаясь на весьма немногихъ нуждахъ ихъ и требуя подробнаго изслѣдованія всѣхъ потребностей этихъ сословій (проекты Секиотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина и 13-ти). Проектъ Черкаскаго указываетъ на необходимость увеличенія образованія и матерьяльныхъ средствъ приходскаго духовенства, преимущественно сельскаго. Ука-

завія „добавленій къ способамъ“ касаются епархіального управленія и монастырскаго хозяйства и направлены противъ власти синода. Проектъ Черкаскаго желаетъ, въ интересахъ купечества, изыскать средства къ размноженію торговли и фабричной промышленности, а „добавленіе къ способамъ“ стремится установить вольную торговлю и требуетъ разсмотрѣнія тарифа. Всего менѣе обращено вниманія на крестьянство. Всѣ проекты смотрятъ на улучшеніе быта крестьянъ съ финансовой точки зрѣнія, требуя для нихъ только облегченія сколь возможно „въ податяхъ“, а проектъ Черкаскаго совсѣмъ даже не упоминаетъ о нихъ.

Кромѣ представленныхъ нами общихъ требованій, въ двухъ проектахъ встрѣчаемъ мы слѣдующія частныя заявленія: 1) о перенесеніи резиденціи въ Москву (Матюшкинъ), 2) о подчиненіи всей арміи—военной коллегіи, гвардіи—Вышнему Правительству (сенату), а флота—адмиралтейской коллегіи („конспектъ“), 3) объ избраніи вновь придворныхъ чиновъ (тамъ же).

Всѣ предложенія, выраженные въ проектахъ и мнѣніяхъ, шляхетство желаетъ разсмотрѣть немедленно въ особомъ собраніи своихъ представителей. Проектъ Черкаскаго опредѣляетъ число этихъ представителей въ 100 человекъ, а „способы“—отъ 20 до 30, совершенно исключая иноземцевъ изъ этого собранія и привлекая въ него представителей отъ духовенства, купечества, войска и разныхъ присутственныхъ мѣстъ, для обсужденія вопросовъ ихъ непосредственно касающихся. При этомъ „способы“ представляютъ подробный планъ организаціи предварительнаго шляхетскаго собранія.

Независимо отъ шляхетскихъ проектовъ и на совершенно иныхъ началахъ создавалъ свой политическій планъ князь Д. М. Голицынъ. Ближайшее знакомство съ этимъ планомъ, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ, необходимо для того, чтобы уяснить, чѣмъ различались политическія идеи князя Голицына отъ воззрѣній шляхетскихъ проектовъ и мнѣній.

До насъ не дошелъ подлинникъ этого плана и мы можемъ составить себѣ о немъ не совсѣмъ точное представленіе по отзывамъ двухъ иностранныхъ резидентовъ: французскаго—Маньяна и англійскаго—Рондо, по словамъ которыхъ планъ князя Д. М. Голицына состоялъ приближительно въ слѣдующемъ:

1) Императрица распоряжается безконтрольно лишь своимъ дворомъ, на расходы котораго, а также и на свои собственные, ежегодно получаетъ опредѣленную сумму денегъ; она начальствуетъ только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и охраны ея дворца.

✓ 2) Власть верховная принадлежитъ Верховному Совѣту, состоящему изъ членовъ знатнѣйшихъ фамилій, числомъ отъ десяти до двѣнадцати. Совѣтъ этотъ рѣшаетъ важнѣйшія государственныя дѣла по иностранной политикѣ, какъ-то: вопросы о войнѣ и мирѣ, о союзахъ и трактатахъ съ иностранными государствами; назначаетъ служащихъ на всѣ должности и начальствуетъ надъ всѣми войсками. Государственный казначей долженъ отдавать Верховному Совѣту строгій отчетъ даже въ самыхъ мелочныхъ расходахъ на государственныя потребности.

3) Кромѣ Верховнаго Совѣта учреждаются еще три собранія: сенатъ, шляхетская палата и палата городскихъ представителей.

✓ 4) Сенатъ состоитъ изъ тридцати шести членовъ для предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ, представляемыхъ Верховному Совѣту.

✓ 5) Шляхетская палата (камера визшаго шляхетства) состоитъ изъ двухъ сотъ членовъ и предназначается для охраненія правъ этого сословія, въ случаѣ посягательства на нихъ со стороны Верховнаго Совѣта.

✓ 6) Палата городскихъ представителей учреждается для завѣдыванія торговыми дѣлами и для соблюденія интересовъ простаго народа и защиты его отъ несправедливостей⁽²⁶⁾.

(26) Депеша Рондо отъ 2 февр. н. ст. у Раумера, въ его: «Beiträge zur neueren Geschichte» Bd. II, S. 589—590; перепечат. въ «La Cour de Russie il y a cent ans» 3-e ed., p. 16—17.—Депеша Маньяна отъ 13 февр. въ книгѣ Тургенева «La Russie et les Russes», V. III, p. 264—265.—Испанскій посолъ де-Лиріа, въ депешѣ отъ 6 февр. н. ст., передаетъ этотъ планъ въ болѣе сокращенной формѣ, съ нѣкоторыми вариантами въ подробностяхъ; главнѣйшіе изъ этихъ вариантовъ слѣдующіе: войска состоятъ подъ главнымъ начальствомъ двухъ фельдмаршаловъ, которые по военнымъ дѣламъ отдають отчетъ Верховно-

О планѣ кн. Голицына сдѣлалось извѣстно еще 23-го января (2-го февраля новаго стиля). Въ то время ходили слухи, что 7-го февраля планъ этотъ былъ добавленъ еще слѣдующими подробностями: 1) императрица получаетъ на расходы своего двора пятьсотъ тысячъ рублей въ годъ, 2) она присутствуетъ въ Верховномъ Совѣтѣ, гдѣ ей предоставляется два голоса, 3) членами Совѣта не могутъ быть иностранцы, одинъ только Остерманъ оставляется въ немъ, въ видѣ исключенія, изъ уваженія къ его заслугамъ, 4) къ гвардейскимъ полкамъ прибавляется еще два и вся гвардія подчиняется Верховному Совѣту, 5), государственный казначей избирается Верховнымъ Совѣтомъ, 6) всякій шляхтичъ, уличенный въ преступленіи, подлежитъ наказанію по законамъ, но такъ какъ преступленіе есть вина личная, то опала его не распространяется на его семейство, какъ то было доселѣ⁽²⁷⁾.

Но планъ кн. Голицына не исчерпывался и этими добавленіями. Изъ него входили, кромѣ перечисленныхъ, слѣдующіе параграфы: 1) о св. синодѣ и духовенствѣ, 2) о правахъ и привилегіяхъ шляхетства, 3) о состояніи войска, 4) объ экономическомъ улучшеніи положенія купцовъ и крестьянъ, 6) о государственномъ бюджетѣ, 7) о пополненіи законовъ, 8) о наказаніи за измѣну государству и преступленія по должности, и о смертной казни⁽²⁸⁾. 5) ?

При сопоставленіи этого плана съ „кондиціями“ и съ шляхетскими проѣктами, мы не можемъ не замѣтить, что онъ представляетъ значительное дополненіе первыхъ, разли-

му Совѣту; Верховный Совѣтъ состоитъ изъ 12-ти членовъ, сенатъ, — разсматривающій судебныя дѣла, изъ 30-ти. Шляхетскую палату де-Лирія приравниваетъ къ нижней палатѣ конституціонныхъ государствъ, о палатѣ городскихъ представителей онъ не упоминаетъ вовсе. По словамъ де-Лирія, этотъ планъ положенъ въ основаніе будущей системы управленія Россіи — «Богъ знаетъ» — говоритъ онъ — «будетъ-ли идея этого плана строго развита, какъ есть, или что нибудь въ ней измѣнять, по то вѣрно, что ни въ какомъ случаѣ не хотятъ оставить царицѣ какой нибудь авторитетъ». (См. XVIII-й в., сб. Бартенева, т. III, с. 34—35).

⁽²⁷⁾ Toungueñeff, III, p. 227.

⁽²⁸⁾ См. замѣчанія о планѣ кн. Голицына въ I-мъ приложеніи къ наст. изслѣдованію. — Снес. ниже, примѣч. 30.

чаясь отъ вторыхъ въ самомъ существенномъ вопросѣ, изъ за котораго и произошла вся распря между Верховнымъ Совѣтомъ и шляхетствомъ. Ограничивая власть Анны Иоанновны, кн. Д. М. Голицынъ стремится вмѣстѣ съ тѣмъ къ ограниченію политическаго преобладанія большинства шляхетства, желавшаго захватить эту власть въ свои руки. Онъ ограничиваетъ это большинство, шляхетское „общенародіе“, властью немногихъ знатнѣйшихъ фамилій, вводя въ кругъ второстепенныхъ учреждений, на ряду съ шляхетствомъ, представителей отъ торговаго сословія, на которае большинство проектовъ распространяетъ свою опеку. Въ планѣ князя Д. М. Голицына выразились, какъ его политическія возрѣнія, такъ и черты его личнаго характера: строго аристократическій принципъ, презрѣніе къ тѣмъ иноземцамъ, которые стремились къ власти надъ русскими людьми, и склонность къ тирани, даже деспотизму.

Планъ кн. Голицына послужилъ основаніемъ для разсужденій въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о государственномъ строѣ Россіи. Лефортъ, Мардфельдъ, де Лирія и Маньянъ разумѣютъ именно этотъ планъ, говоря, что „государственные чины продолжаютъ работать надъ планомъ государственнаго устройства“. „Ожидали, что проектъ новаго управленія“, — пишетъ Маньянъ 1/2 февраля — „появится вчера, или сегодня; до сихъ поръ ничего еще не объявлено и изъ этого слѣдуетъ заключить, что обнародованіе проекта будетъ отложено до прибытія новой царицы“⁽²⁹⁾.

Однако въ виду все болѣе и болѣе усиливавшагося волненія среди шляхетства, которое открыто заявляло свои требованія въ поданныхъ проектахъ, и желая привлечь къ себѣ также и духовенство, князь Д. М. Голицынъ рѣшился наконецъ на уступку оппозиціонному движенію. Съ этой цѣлью онъ остановился на мысли составить особую форму присяги на вѣрность Аннѣ Иоанновнѣ отъ имени Верховнаго Совѣта, сената, синода, генералитета и „всего російскаго народа, духовнаго и свѣцкаго всякаго чина людей“. Эта форма, затрогивая интересы всѣхъ сословій, должна была, по его мнѣнію, примирить всѣ партіи и давала ему возможность обработать впослѣдствіи свой политическій планъ еще подробнѣе и привести его въ исполненіе. Князь Голицынъ хло-

⁽²⁹⁾ Tourgueneff, III, p. 265.

поталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы удержать за Верховнымъ Совѣтомъ первенствующее значеніе, предоставивъ этому учрежденію инициативу реформъ и поставивъ его во главѣ государственнаго управленія. Для насъ форма присяги замѣчательна особенно тѣмъ, что представляетъ естественное дополненіе къ кондиціямъ, подписаннымъ Анной Иоанновной. Какъ тѣ составляютъ обязательство, взятое на себя государыней, по отношенію къ своимъ подданнымъ, такъ форма присяги—есть обязательство, принимаемое вѣрноподанными ея императорскаго величества по отношенію къ ней и ко всему російскому государству. Кондиціи состоятъ изъ 8 пунктовъ,—присяга изъ 16. Матеріаломъ для составленія этихъ 16 пунктовъ послужили, какъ поданные шляхетствомъ проекты, такъ и не поданные (дошедшіе до кн. Голицына повидимому неофициальнымъ путемъ), а равно и планъ самого кн. Голицына. Последовательность пунктовъ въ присягѣ и самая ихъ редакція передѣлывались нѣсколько разъ, что можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ четырехъ черновыхъ набросковъ этихъ пунктовъ⁽⁶⁰⁾.

Присяга начинается извѣщеніемъ о кончинѣ Петра II и о воцареніи Анны Иоанновны по „общему избранію, какъ мирскаго, такъ и духовнаго чина людей“; затѣмъ говорится о поѣздкѣ въ Митаву трехъ депутатовъ, съ „прошеніемъ“ къ Аннѣ Иоанновнѣ о воспріятіи престола и о полученіи отъ нея 2 февраля „къ неописанной всему государству радости и благополучію“ „всемилоствѣйшаго писавія“ и пунктовъ „за собственнымъ ея величества подписаніемъ“. Послѣ этого вступленія идутъ подписанные Анной Иоанновной восемь пунктовъ и наконецъ самая форма присяги: „Того ради мы Ея Императорскаго Величества вѣрные подданные, какъ верховный тайный совѣтъ, духовный синодъ, сенатъ и генералитетъ, такъ и все-

(60) Подлинникъ, какъ бѣловаго экземпляра, такъ и черняковъ его, хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. III, д. № 4). Сличеніе всѣхъ списковъ между собою, а также формы присяги съ шляхетскими проектами, кондиціями и планомъ кн. Голицына см. въ первомъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.—Извлеченіе весьма неполное изъ формы присяги напечатано С. М. Соловьевымъ, въ его «Исторіи Россіи», т. XIX, с. 257—259.

го россійскаго народа духовнаго и свѣцкаго всякаго чина люди, благодаря всемогущаго Бога за такіе показанныя Его къ росискому народу щедроты, общаемся Ея Величеству быть вѣрными подданными и хравить Ея Величества честь и здравіе паче своего живота венарушимо. И кленемся предъ сотворшимъ насъ всемогущимъ Богомъ, что по силѣ вышеозначенныхъ Ея Императорскаго Величества постановленныхъ и утвержденныхъ кондицій в общую ползу и благополучіе всего государства правление во всемъ содержать по сему“.

Затѣмъ слѣдуютъ 16 пунктовъ.

1-й пунктъ опредѣляетъ составъ и значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта; 2-й — синода и дѣлъ церковныхъ вообще; 3-й — сената; пункты 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й — повсящевы правамъ и привилегіямъ „шляхетства“; 9-й и 10-й — войску; 11-й — положенію балтійскихъ провинцій, Лифляндіи и Эстляндіи и правамъ иноземцевъ въ Россіи; 12-й — улучшенію быта купцовъ; 13-й — уменьшенію податей съ крестьянъ и разсмотрѣнію бюджета государственныхъ расходовъ; 15-й — говорить о перенесеніи резиденціи въ Москву, 16-й — о смертной казни за преступленія противъ „общества всего государства“ изъ за „партикулярной пользы“ — о награжденіи за заслуги общественныя.

Присяга кончается слѣдующими словами:

Въ томъ кленемся именемъ всемогущаго Бога и св. церковью, чтобы сіи пункты не нарушить; аще кто явитца преступникъ къ нарушенію общей пользы всего государства дѣломъ или соблазными словами, да лишитъ Господь небеснаго царства и предастъ вѣчному мученію, и да не дерзаетъ ни архіерей, ни іерей разрѣшенія дати, и по суду постигнетъ казнь временной жизни нашей. Въ томъ цѣлуемъ животворящій крестъ и подписуемся».

Остановимся подробно на каждомъ пунктѣ.

„Верховный Тайный Совѣтъ“ — говорится въ первомъ пунктѣ — „состоитъ ни для какой собственной того собранія власти, тоію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь Ихъ Императорскихъ Величествъ“. Послѣ такого опредѣленія Верховнаго Тайнаго Совѣта, проектъ переходитъ къ способу замѣщенія его членовъ, „на упалыя мѣста“, „ежели кого изъ того собранія смерть пресвѣчетъ,

или какимъ случаемъ отлученъ будетъ". На „уналыя мѣста“ членовъ выбираются кандидаты изъ „первыхъ фамилій, изъ генералитета и изъ шляхетства, людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ“, и притомъ исключительно изъ природныхъ русскихъ („не вспоминая объ иноземцахъ“, какъ выражается проэктъ). Изъ одной фамиліи не можетъ быть избрано болѣе двухъ лицъ, для того, „чтобъ тѣмъ никто не могъ вышней взять на себя силы“. Кандидаты выбираются Верховнымъ Совѣтомъ вмѣстѣ съ сенатомъ, а утверждаются императрицею. При разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ, Верховный Тайный Совѣтъ долженъ постоянно имѣть въ виду, что „не персоны управляютъ законъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній“.

Обязанности Верховнаго Тайнаго Совѣта опредѣляются такъ:

1) Наблюдать за исполненіемъ закона Божія и уставовъ православной церкви и за соблюденіемъ ея догматовъ. Всѣ толкованія вѣры, несогласныя съ православнымъ ученіемъ, запрещались строго; ихъ долженъ преслѣдовать судъ церковный синодальныхъ членовъ, а затѣмъ, ежели подлежать будутъ, и судъ государственный (гражданскій — по тогдашней терминологіи).

2) Стремиться къ пользѣ государственной, всѣ государственныя дѣла содержать въ тайнѣ, не отрывая ихъ „ни фамиліи своей, ниже пріятель, или постороннимъ; стараться прилежно о распространеніи во всемъ государствѣ „нелицемернаго правосудія“, строго преслѣдуя судо мъ т судей неправедныхъ.

3) Для рѣшенія всякаго „новаго и важнаго государственнаго дѣла“ приглашаются въ Совѣтъ „для совѣту и разсужденія“ сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство; въ дѣлахъ, касающихся „духовнаго правленія“, приглашаются, кромѣ того, синодальные члены и прочіе архіереи, смотря по важности дѣла.

4) За преступленія и проступки при рѣшеніи этихъ дѣлъ, виновные предаются суду, которымъ судятся, „какъ злодѣи государственные“.

Второй пунктъ въ слѣдующихъ положеніяхъ выражаетъ требованія относительно церковнаго управленія:

1) Св. Синодъ вмѣстѣ съ епархіальными архіереями имѣеть высшее попеченіе о православной религіи и управляетъ російской церковью. Архіерейскія и монастырскія вотчины снова передать въ ихъ собственное завѣдываніе; коллегію экономіи уничтожить, „а о доходахъ, которые собиравались въ ту коллегію, учинить разсмотрѣніе“.

2) Члены синода и архіереи судятся церковнымъ судомъ, кромѣ преступленій политическихъ и противъ православнаго ученія восточной церкви — эти преступленія разсматриваются соединеннымъ судомъ духовныхъ съ „управителями государственными“.

3) Члены синода избираются тѣмъ же порядкомъ, какъ и члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Архіереи и священники должны пользоваться почтеніемъ, какъ служители престола Божія.

Третій пунктъ опредѣляетъ сенатъ учрежденіемъ „для вспоможенія“ Верховному Тайному Совѣту, какъ въ дѣлахъ государственныхъ, такъ и въ гражданскихъ. Въ него члены выбираются съ чиномъ не ниже Д. С. С.

Шляхетству и въ особенности знатному, „самилнымъ людямъ“ отводится широкое поле для политической дѣятельности. Во 1-хъ) изъ этихъ фамильныхъ людей, изъ генералитета и изъ знатнаго шляхетства — исключительно избираются сенаторы и всѣ служащіе въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ управленіяхъ. 2) Старыя и знатныя фамиліи имѣютъ преимущество передъ остальнымъ шляхетствомъ и имѣютъ быть снабжены рангами и служебными должностями по ихъ достоинству. 3) Гражданскіе чиновники, дослужившіеся ранговъ (вѣроятно сообразно табели о рангахъ) включаются въ „общество шляхетства“. 4) Только за „знатныя заслуги“ и вѣрность всему обществу шляхетскому („по опыту вѣрности всего общества“) производятся въ ранги приказные люди. 5) Люди боярскіе и крестьяне не допускаются ни въ какимы дѣламъ. 6) Шляхетство опредѣляется въ военную службу, въ гвардію и во флотъ не неволею и не нижними чинами и матросами, какъ было прежде, а добровольно и прямо офицерами. Для сего учреждаются кадетскія роты, изъ которыхъ шляхетство, по обученіи воинскому дѣлу, и поступаетъ прямо офицерами въ гвардію и гардемарины во

флотъ. 7) Все шляхетство должно быть содержано, какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ „въ надлежащемъ почтеніи и въ Ея Императорскаго Величества милости и консидераціи“. 8) Отмѣняется конфискація движимаго и недвижимаго имущества женъ, дѣтей и родственниковъ наказанныхъ по суду лицъ, даже казенныхъ смертію. (п. п. 4—8).

„Не малое попеченіе о добромъ состояніи сухопутной арміи, огвардіи и о елотъ“—является главной заботой всего правительства—„всѣхъ обще“, какъ выражается проэктъ. Изъ специальныхъ вопросовъ, касающихся состоянія войска, отмѣчаются слѣдующія: 1) о правильной выдачѣ генераламъ, офицерамъ и солдатамъ жалованья и „прочаго удовлетворенія“—„безъ задержанія“, 2) о производствѣ генераловъ и офицеровъ по заслугамъ и по достоинству, „а не по страстямъ и не по мздоимству“, 3) о человѣческомъ обращеніи съ нижними чинами; „о солдатѣхъ и о матрозѣхъ“—читаемъ мы въ 10-мъ пунктѣ проэкта—„смотрѣть прилежно, какъ надѣ дѣтми отечества, дабы напрасныхъ трудовъ не имѣли, и до обидъ не допускать“. (п. п. 9-й и 10-й).

Относительно и ноземцевъ, находящихся въ службѣ, проповѣдуется не только полная терпимость, но „почтеніе и склонность ко всякой любви, яко общихъ съ россияны“. Они исключаются только изъ участія въ политической жизни Россіи,—на нихъ смотрять, какъ на людей знающихъ, экспертовъ, но все таки наемниковъ. Всѣ контракты, заключенные съ иностранцами сохраняютъ силу, и жалованье, опредѣленное этими контрактами, признается „не отъемлемымъ“. — „Шляхетство“ и „гражданство“ Лифляндіи и Эстляндіи поручается одинаковой милости ея императорскаго величества съ шляхетствомъ и гражданствомъ русскимъ. Ихъ права и привилегіи, опредѣленные ннштадскимъ мирнымъ договоромъ и подтвержденные послѣдующими государями—признаются генарушимыми. (п. 11-й).

Двѣнадцатый пунктъ опредѣляетъ права купечества. Онъ не только обособляетъ купечество отъ прочихъ классовъ, но прямо запрещаетъ „прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество мѣшатца“. Далѣе этотъ пунктъ возстааетъ противъ монополіи, провозглашаетъ принципъ свободной торговли и высказываетъ необходимость

объ уменьшеніи купечеству разныхъ пошлинь и податей. Приводимъ подлинныя слова этого пункта: „Къ купечеству имѣть призравніе и отвращать отъ нихъ всякіе обиды и неволи и въ торгахъ имѣть имъ волю и никому в одни руки никакихъ товаровъ не давать, и податми должно ихъ облегчить, а прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшатца“.

О крестьянахъ (п. 13-й) проэктъ заботится только съ финансово экономической точки зрѣнія. Онъ даже говоритъ о нихъ вскользь, вмѣстѣ съ вопросомъ о государственныхъ расходахъ. Въ виду уменьшенія ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ради улучшенія экономическаго быта крестьянъ, онъ рекомендуетъ „крестьянъ податми сколько можно облегчить, а излишніе расходы государственные разсмотрѣть“.

Пункты 14-й и 16-й (о пополненіи законовъ и смертной казни) представляють столь краткую редакцію, что ихъ содержаніе ясно изъ общаго перечня, изложеннаго выше. Мотивы для перенесенія „резиденціи“ изъ Петербурга въ Москву (п. 15-й) заключаются въ соображеніяхъ экономическихъ, а именно: для избѣжанія „государственныхъ излишнихъ убытковъ“ и для поправленія разстроенаго состоянія шляхетства („для исправленія всему обществу домовъ своихъ и деревень“).

Мы не знаемъ, какого именно числа были предъявлены изложенные нами „пункты“ присяги „всѣхъ чиновъ людей“—въ черновыхъ журналахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о нихъ вовсе не упоминается. По всей вѣроятности, эти „пункты“ были представлены сенату, генералитету и духовенству въ то время, когда они подписывали протоколь 2 февраля о выслушаніи письма и кондицій, такъ какъ кн. Д. М. Голицынъ очевидно хотѣлъ замѣнить „пунктами“ протоколь. Однако „пункты“ присяги остались не подписанными, а „персоны изъ сената, генералитета и шляхетства“, на которыхъ разсчитывалъ кн. Голицынъ, избрали для достиженія государственныхъ реформъ другой путь, и этотъ путь привелъ ихъ къ результату совершенно противоположному, какъ ихъ желаніямъ, такъ и стремленіямъ кн. Д. М. Голицына.

VII.

ГЛАВНѢЙШІЕ УЧАСТНИКИ ШЛЯХЕТОКИХЪ ПРОЕКТОВЪ.

Главныя группы, на которыя распадалось шляхетство: а) люди родословные, б) старинныя шляхетскія фамиліи, с) новые люди.—Характеристика проектовъ на основаніи этихъ группъ.—Участники проекта кн. Черкаскаго.—Участники проекта Секиотова.—Участники проектовъ Алабердеева и Максима Грекова.—Участники проекта Матюшкина и проекта тринадцати.

Верховный Тайный Совѣтъ, противъ котораго возстало шляхетство, состоялъ, какъ мы видѣли, почти исключительно изъ представителей двухъ аристократическихъ фамилій, или, какъ выражались въ то время, родословныхъ, „фамильных“ людей—князей Долгорукихъ и князей Голицыныхъ. Члены той и другой фамиліи, не безъ основанія почитали себя въ правѣ стоять во главѣ правительства Россіи въ столь критическое и жгучее время, черпая эти основанія не столько въ своихъ личныхъ заслугахъ, сколько въ своей родословности, въ „чести“ своихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Но традиціи родословности были столь же сильно развиты у цѣлаго ряда боярскихъ фамилій, ставившихъ своихъ предковъ и себя по меньшей мѣрѣ не ниже предковъ Долгорукихъ и Голицыныхъ и ихъ самихъ. Между тѣмъ эти боярскія фамиліи были затерты ими, отодвинуты на задній планъ. Въ ряду этихъ фамилій стояли Рюриковичи, Гедимировичи, потомки выѣзжихъ князей и мурзъ татарскихъ и старинныхъ „боляръ“ царей и великихъ князей московскихъ и князей рязанскихъ, тверскихъ, ростовскихъ и другихъ. Къ нимъ желали присоединить себя и роды, возвысившіеся

сравнительно въ недавнее время, съ эпохи воцаренія Романовыхъ, посредствомъ родственныхъ отношеній съ царями этой династїи. Древній принципъ родословности былъ первымъ стимуломъ, возбудившимъ шляхетское движеніе. Рядомъ съ нимъ шелъ старинный принципъ служилый, унаслѣдованный дѣтелями 1730 года отъ царства московскаго и еще болѣе развитый въ нихъ реформами Петра В. и въ особенности „табелю о рангахъ“. Каждый имѣвшій болѣе или менѣе крупный рангъ, включавшій его въ привилегированный кружокъ „генералитета“, считалъ себя на ряду съ родовитыми русскими людьми.

2. За людьми родословными и чиновными шелъ второй слой шляхетства не претендовавшій взять въ свои руки кормило правленія русскаго государства, а заботившійся лишь о полученіи служебныхъ и имущественныхъ льготъ; правильнѣе—этотъ второй слой шляхетства хлопоталъ о льготахъ отрицательныхъ: онъ стремился главнымъ образомъ къ упицтоженію тѣхъ тягостей реформы Петра В., которая несла шляхетство на ряду съ другими классами земли русскаго. Этотъ слой состоялъ изъ дѣтей и внуковъ старинныхъ служилыхъ людей московскаго государства, которые хотя и являлись усердными исполнителями велѣній Петра В. и старательными работниками при передѣлкѣ русскаго государства на европейскій ладъ—тѣмъ не менѣе не стояли во главѣ реформы, не были зодчими при переустройствѣ, а только мусорщиками и чернорабочими. Люди реформы, „новые“, худородные люди, руководимые иностранцами—стали зодчими новой Россїи по европейскому государственному шаблону. Они представляютъ третье, самое послѣднее наслоеніе въ шляхетствѣ. Изъ рядовъ этихъ людей вылетѣли „птенцы гнѣзда Петрова“. Новые люди реформы составляютъ меньшинство въ шляхетскихъ проэктахъ; но и они подають голосъ. Ими руководятъ иныя цѣли, иныя соображенія чѣмъ людьми родословными и потомками старинныхъ служилыхъ людей. Для нихъ стимуломъ для участія въ шляхетскихъ проэктахъ является вопросъ династическій. Преданные всецѣло личности „перваго императора“, они прикладываютъ руки къ реформаторскимъ шляхетскимъ проэктамъ не ради участія въ правленіи страной, не ради расширенія своихъ правъ—они совершенно довольны своими правами, они не могутъ мечтать о лучшемъ прошломъ, котораго у

нихъ нѣтъ; ими руководить недовольство избраніемъ Анны Іоанновны. Они являются сторонниками „тестамена“ Екатерины I-й и считаютъ законнымъ наследникомъ русскаго престола голштинскаго принца Петра-Ульриха или его тету, дочь „перваго императора“, Елизавету Петровну.

Таковы преобладающія стремленія каждой изъ трехъ группъ, на которыя распадается участники всѣхъ шляхетскихъ проектовъ и мнѣній. Само собою, что, если мы обратимся къ отдѣльнымъ личностямъ, то увидимъ, что люди той или другой группы не всегда неуклонно преслѣдуютъ одинъ и тотъ же принципъ; побужденія челоука весьма различны и не поддаются строгой и опредѣленной формулировкѣ.

Большинство, масса участниковъ проектовъ и мнѣній, какъ всякая масса, двигалось безсознательно, куда увлекали ее вожаки движенія. Родство, пріятельскія отношенія, молодость лѣтъ, зависимость служебная, личныя отношенія къ дѣятелямъ предшествовавшихъ царствованій и къ верховникамъ—вотъ что заставляло подписываться всю эту массу. Люди, не имѣвшіе опредѣленныхъ убѣжденій и мнѣній, шли за своими родственниками и друзьями, возрѣнія которыхъ были для нихъ авторитетны; молодежь подписывалась „на старшихъ гляда“, подчиненные шли за начальниками. Только такимъ объясненіемъ и возможно опредѣлить участіе въ одномъ и томъ же проектѣ нѣсколькихъ лицъ одной и той же фамилии, нѣсколькихъ чиновниковъ одного вѣдомства, нѣсколькихъ офицеровъ одного и того же полка и т. д. и т. д.

Обращаясь къ каждому проекту и мнѣнію въ отдѣльности (разумѣемъ только тѣ изъ нихъ, участники которыхъ извѣстны по именамъ) мы получимъ слѣдующее распредѣленіе этихъ участниковъ. Въ проектѣ кн. Черкаскаго преобладаетъ элементъ людей родословныхъ и чиновныхъ. Изъ общаго количества участниковъ (39-ти) мы встрѣчаемъ 16 челоукъ „родословныхъ“, 13 чел. принадлежащихъ къ стариннымъ служилымъ фамиліямъ и только 10 новыхъ шляхтичей. По служебному положенію лица эти распредѣляются такимъ образомъ: военныхъ генераловъ—11, штабъ-офицеровъ 4 и 1 оберъ-офицеръ, высшихъ гражданскихъ чиновниковъ 15, низшихъ гражданскихъ чиновниковъ 1 (В. Н. Татищевъ) и 7 придворныхъ чиновъ.

Въ проэктѣ Секиотова (большинства), подписанномъ 326-ю лицами, преобладаетъ напротивъ низшее шляхетство, — по этому опъ можетъ быть названъ проэктомъ шляхетской демократіи. На всю громадную массу его участниковъ приходится только 34 родословныхъ фамиліи и 70 съ небольшимъ лицъ ихъ представителей; изъ новыхъ шляхетичей участвуетъ всего 10 человекъ, а остальные принадлежатъ къ потомкамъ старинныхъ служилыхъ фамилій. Изъ общаго числа участниковъ проэкта мы не могли опредѣлить личностей почти цѣлой трети (150 чел.), бѣльшая часть которыхъ падаетъ на долю старинныхъ служилыхъ фамилій. По всей вѣроятности, эти неизвѣстные участники занимали низшія должности. Если мы обратимся къ служебному положенію остальныхъ извѣстныхъ участниковъ, то увидимъ, что всѣ они, за малыми исключеніями, не находились во главѣ войскъ и государственнаго управленія. Въ числѣ родословныхъ людей Секиотовскаго проэкта только одинъ князь Борятинской имѣетъ генеральскій чинъ, да 4 лица занимаютъ высшія гражданскія должности; изъ лицъ стариннаго шляхетства — три генерала и одинъ оберъ-прокуроръ синода; всѣ остальные родословные и не родословные занимаютъ низшія и среднія должности „до бригадира“. Вотъ общія цифры: штабъ-офицеровъ 66; оберъ-офицеровъ 53; гражданскихъ чиновниковъ, среднихъ и низшихъ, 24; придворныхъ чиновъ 10, да 8 человекъ со стариннымъ чиномъ стольника.

Въ проэктахъ Алабердеева, Максима Грекова (первоначальная редакція) и Матюшкина участвуютъ опять лица большею частію родословныя и чиновныя. Къ этой же аристократической группѣ проэктовъ примыкаетъ и проэктъ 13-ти, подписанный исключительно молодыми людьми родословныхъ фамилій, изъ которыхъ двое занимали важныя мѣста въ дипломатической службѣ.

Остановимся теперь подробнѣе на выдающихся личностяхъ всѣхъ шляхетскихъ проэктовъ и мнѣній, на вождахъ шляхетскаго движенія и на тѣхъ изъ рядовыхъ его участниковъ, личности которыхъ, на основаніи доступнаго намъ матеріала, поддаются характеристикѣ (1).

(1) Всѣ данныя, какія мы могли собрать о происхожденіи и служебной карьерѣ *остальныхъ* участниковъ шляхетскихъ проэктовъ, мы помѣщаемъ во II-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію

Шляхетство, обсуждавшее проект кн. Черкасского, как мы видели, собиралось въ домѣ сенатора В. Я. Новосильцова, но онъ не является главнымъ вождемъ проекта, не имѣя для этого необходимыхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ. По словамъ историка царствованія Петра II-го, К. И. Арсеньева,—Василій Яковлевичъ Новосильцовъ былъ человѣкоугодникъ, поклонникъ силы и власти, вслѣдствіе чего не позволялъ себѣ сужденій самостоятельныхъ и дѣйствій независимыхъ (*). Въ данное безвластное, т. сказ., время, Новосильцовъ радушно открылъ свои покои родословнымъ людямъ и генералитету и подписалъ проектъ.

Первою подписью подъ проектомъ князя Черкасского стоитъ подпись С. А. Салтыкова, но официальнымъ представителемъ проекта былъ князь А. М. Черкасской, а составителемъ его—В. Н. Татищевъ. Съ нихъ мы и начнемъ нашъ обзоръ первой группы этого проекта—людей родословныхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской принадлежалъ къ старинному роду, предокъ котораго былъ ханомъ большой Кабарды и выѣхалъ въ Москву въ XV вѣкѣ. Родъ князей Черкасскихъ особенно возвысился во второй половинѣ XVI-го и въ началѣ XVII вѣка. Хорошай-мурза, братъ прадѣда князя Алексѣя Михайловича, былъ женатъ на Марьѣ Никитишнѣ Романовой, родной теткѣ Михаила Феодоровича Романова, избраннаго въ 1613 году въ цари московскіе и всея Руси, а двоюродная сестра Хорошай-мурзы, Марья Темрюковна, была второй женой Ивана Грознаго. Такимъ образомъ, Черкасскіе находились въ родствѣ съ обѣими династіями: угасавшей въ лицѣ Феодора Иоанновича—династіей Рюрика и начинавшейся въ лицѣ Михаила—династіей Романовыхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской, въ описываемое время 50 лѣтъ отъ роду, былъ женатъ во второй разъ на княжнѣ Марьѣ Юрьевнѣ Трубецкой, сестрѣ фельдмаршала и послѣдняго боярина князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, (первая жена кн. Черкаскаго была двоюродная сестра Петра В., Аграфена Львовна Нарышкина). У князя Черкаскаго отъ втораго брака была единственная дочь, 16-ти лѣтняя красави-

(*) Истор. ц—нія Петра II, с. 57.

ца Варвара Алексѣевна, наслѣдница громаднаго состоянія своего отца: князь Черкасской былъ владѣльцемъ 70-ти тысячъ душъ крестьянъ. Весьма естественно, что родственныя связи и богатство, вопреки не особенно выдающимся умственнымъ качествамъ князя, давали ему большое значеніе въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ. Князь Черкасской отличался застѣнчивостью, робостью и нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ, что въ глазахъ нѣкоторыхъ представляло его человѣкомъ ограниченнымъ. Такимъ рисуешь его князь М. М. Щербатовъ. „Сей человѣкъ—говорить онъ о Черкасскомъ—весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, не знающій въ дѣлахъ, и однимъ словомъ—таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ“. Люди совершенно противоположныя въ своихъ отзывахъ, де-Лирія и Кл. Рондо, изображаютъ князя Черкаскаго человѣкомъ умнымъ и весьма любезнымъ въ обхожденіи. Свѣдѣнія его, по словамъ Рондо, ограничивались Россіей, а по отзыву французскаго резидента Маньяна, онъ былъ знающимъ законовѣдомъ. Хотя князь Черкасской и былъ противникомъ нововведеній Петра В., но не смотрѣлъ враждебно на иностранцевъ; онъ отличался честностью и безкорыстіемъ, что особенно проявилъ во время своего губернаторства въ Сибири при Петрѣ В. (³).

В а с и л і й Н и к и т и ч ь Т а т и щ е в ь (р. 1686 г.), прославившій свое имя въ исторіи русской науки, происходилъ отъ князей смоленскихъ и приходился дальнимъ родственникомъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ: ея бабушка, Анна Михайловна Салтыкова, была рожденная Татищева. Татищевъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, многостороннихъ знаній и большаго образованія. Онъ ѣздилъ три раза за границу (два раза въ Германію и разъ въ Швецію) и сталъ со временемъ замѣчательнымъ горнымъ инженеромъ, этнографомъ, географомъ, историкомъ и администраторомъ. Его „Исторія Россійская“, еще ждущая справедливой оцѣнки, представляетъ весьма почтенный для своего времени

(³) Долгор., род. кн., II, 36—40.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 г. V, 254.—«О поврежд. нрав. въ Россіи». Р. Ст. 1870 г., т. II, 104.—де-Лирія, «Характеристики», ркн., с. 112.—Характеристики Рондо, по изданію Шубинскаго, с. 231.

трудъ. Татищевъ началъ собирать для нея матеріалы въ 1720-хъ годахъ, и въ 1730 г. былъ на столько знакомъ съ русской исторіей, что весьма удачно могъ объяснять современныя ему событія предшествовавшими историческими явленіями, сопоставляя происшествія его времени съ аналогичными имъ событіями XVI и XVII вв. Хотя въ своемъ проэктѣ Татищевъ, какъ мы видѣли, и утверждаетъ, что въ Россіи возможно одно только самодержавіе и повторяетъ ту же мысль и въ „Россійской Исторіи“,—тѣмъ не менѣе его политическія воззрѣнія не могутъ быть почтены строго монархическими. Онъ придаетъ большое значеніе шляхетскому представительству, что видно изъ составленнаго имъ проэкта.

Во введеніи и примѣчаніяхъ къ своей „Исторіи Россіи“ Татищевъ даетъ изслѣдователю матеріалъ для опредѣленія своего собственнаго „умоначертанія“, своихъ убѣжденій политическихъ и религиозныхъ. Съ его политическими воззрѣніями мы достаточно ознакомились изъ разсмотрѣнія его проэкта, а потому остановимся здѣсь лишь на главнѣйшихъ чертахъ религиозныхъ воззрѣній Татищева.

Религиозныя убѣжденія Татищева, составившія ему между современниками репутацію „аеиста“ и пугавшія многихъ своею смѣлостью,—въ сущности далеко не радикальны. Татищевъ, практикъ прежде всего, мало заботился о догматической точности религіознаго пониманія. Въ его религиозныхъ воззрѣніяхъ нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ слѣдовъ деистическаго раціонализма, бывшаго тогда въ большемъ ходу у образованныхъ людей Европы. Татищевъ—врагъ духовенства. Онъ презираетъ и ненавидитъ его властолюбіе, корыстолюбіе и невѣжество, а также эксплуатацію духовенствомъ суевѣрной массы. Съ одинаковой рѣзкостью и желчью бичуетъ онъ эти качества, гдѣ бы они ни проявлялись: и въ гоненіяхъ римлянъ на первыхъ христіанъ, и въ римскомъ папствѣ и въ буддійскомъ далайламствѣ. Такое одинаковое отношеніе къ представителямъ различныхъ религіозныхъ исповѣданій, языческихъ и христіанскихъ,—для того времени въ Россіи было дѣйствительно смѣлою мыслью, и эта смѣлая мысль, намъ кажется, главнымъ образомъ упрочила въ публикѣ мнѣніе объ „аеизмѣ“ Татищева. Татищевъ сильно возстаетъ противъ боязни дьявола, противъ предсказаній, противъ „пустосвятства“ и „суесвятства“. Онъ не понимаетъ истинной причины появленія ересей и расколовъ въ

господствующей церкви и, по понятіямъ своего времени, объясняетъ появленіе ихъ желаніемъ нѣкоторыхъ людей, „любочестіемъ побѣжденныхъ“, эксплуатировать невѣжественныя массы въ свою пользу. „Эти люди“ (какъ на примѣръ Арій и Несторій) — говоритъ Татищевъ, — „по остроумію вымысла что либо, для показанія себя, показали . . . и сладкорѣчіемъ множество народа за собою влекли“. Суевѣріе массы, эксплуатируемой духовенствомъ, — у Татищева большое мѣсто. „Я не почитаю то въ диво“ — говоритъ онъ — „когда слышу отъ людей къ знанію закона Божія непрілежательныхъ и о разсужденіяхъ не внимающихъ, а вкорененныхъ имъ суевѣрныхъ бабы басни и безумныхъ наукъ толкованія за истинну почитающихъ, — но дивнѣ всего онаго, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона Божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовой и благонравію, яко соль обуявшая ни сами хотятъ законъ Божій разумѣть ни народъ обучать, и еще того тягчѣ, когда слышимъ преданія и узаконенія челоуѣческія и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное, передаютъ“. „Вѣра, — говоритъ Татищевъ, — не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истины вѣдѣмыхъ состоитъ“. Татищевъ высказывается въ одномъ изъ своихъ административныхъ проэктовъ за полную вѣротерпимость не только всѣхъ христіанъ, но и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій. Исключеніе составляютъ одни Евреи. „Для пользы государствъ, — говоритъ онъ, — благоразсуднѣйшіе правительства терпятъ за всѣ законы“. Татищевъ подчиняетъ церковь государству, которое для него, искреннаго послѣдователя Петра Великаго, выше всего (*).

Изъ остальныхъ людей родословныхъ самими выдающимися въ проэктѣ князя Черкаскаго были: князь И. Ѳ. Борятинской, князь А. И. Шаховской и князь Н. Ю. Трущепкой.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской († 1738 г.) происходилъ отъ одной изъ старшихъ вѣтвей черниговскихъ князей и былъ женатъ на Настасьѣ Гавриловнѣ, доче-

(*) О Татищевѣ см. книгу Н. А. Попова: „Татищевъ и его время“ и ст. К. Н. Бестужева-Рюмина въ „Др. и Нов. Россіи“ 1873 г.

ри канцлера Головкина. Въ 1730 г. онъ былъ вдовецъ (жена его † въ 1726 г.). Единственный сынъ окольного, извѣстнаго полководца царя Феодора Алексѣевича, царевны Софьи и царей Петра и Иоанна — князя Феодора Юрьевича Борятинскаго, князь Иванъ Феодоровичъ началъ военную службу при Петрѣ В.: принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Карломъ XII и въ персидскомъ походѣ 1722 года, командуя пѣхотнымъ полкомъ, носившимъ по обычаю того времени его имя. Въ 1730 г. онъ былъ генераль-майоромъ, а въ послѣдующіе года занималъ весьма высокія мѣста въ государственной службѣ. При преобразованіи сената Анной Ивановной, 4 марта 1730 года, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, а въ день коронаванія ея произведенъ въ генераль-лейтенанты; въ 1735 году назначенъ московскимъ генераль-губернаторомъ, а въ 1736 году — главнокомандующимъ въ Малороссіи, каковую должность занималъ до самой своей смерти; онъ умеръ въ чинѣ генераль-аншефа. Князь Борятинской былъ занятъ политическими вопросами и съ удовольствіемъ почиталъ книги политическаго содержанія. Любимымъ его чтеніемъ была книга Юста Липсіа, послужившая однимъ изъ главныхъ поводовъ къ осужденію Волинскаго; князь Борятинской снялъ копію съ русскаго перевода этой книги, принадлежавшаго графу Ѳ. М. Апраксину^(*).

Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской († 1737) принадлежитъ къ весьма небольшому числу самыхъ симпатичныхъ характеровъ и вполне честныхъ общественныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка, этого „светнаго и опаснаго времени“, по выраженію современника. Происходя отъ древняго рода князей смоленскихъ, князь Шаховской началъ рано свое военное поприще. Съ успѣхомъ участвуя въ войнѣ со Швеціей, онъ еще въ молодыхъ годахъ своей честностью и исполнительностью обратилъ на себя вниманіе Петра В., который поручалъ ему серьезныя слѣдственные дѣла. Вдали отъ двора и придворныхъ „конъ-

(*) Долгор., род. кн., I, 75 и 77. — Чт. Моск. Общ. ист. и древн., 1858 г., кн. II, «Записка о дѣлѣ Волинскаго». — П. С. З., т. VIII, № 5510; т. IX, № 7426. — Сен. Арх., именн. указы, кн. 32 и слѣд. — П. П. В., с. 444. — Мат. Арх. Гл. Шт., т. I, с. 522, 523, 536, 537. — См. у Голжкова, Дѣян. П. В., Указ. ко 2-му изд.

юнктуру“, князь Шаховской продолжалъ свою военную службу при Екатеринѣ I и Петрѣ II уже въ чинѣ генералъ-майора. Съ конца 1728 года онъ состоялъ при малороссійскомъ гетманѣ Давидѣ Апостолѣ, а послѣ смерти его въ 1734 г., былъ назначенъ правителемъ Малороссіи, гдѣ и прожилъ до конца своей жизни. Князь Шаховской, въ числѣ немногихъ лицъ одинаковаго съ нимъ общественнаго и служебнаго положенія, не былъ сторонникомъ самодержавія Анны Иоанновны; тѣмъ не менѣе 6 марта 1730 г. онъ былъ призванъ къ присутствованію въ преобразованномъ сенатѣ. Относительно нѣмцевъ-правителей въ царствованіе Анны Иоанновны онъ держалъ себя независимо, отстаивая передъ ними интересы малороссіянъ, за что подвергался преслѣдованію Миниха и гнѣву Бирона. Князь Алексѣй Ивановичъ былъ воспитателемъ своего племянника, князя Якова Петровича Шаховскаго, также отличавшагося необыкновенной честностью и правдивостью. Князь Яковъ Петровичъ Шаховской въ „Запискахъ“ своихъ прямо заявляетъ, что нравственными основами онъ былъ обязанъ дядѣ. „Главнѣйшія-жъ и частыя мнѣ были отъ сего втораго отца поученія“, пишетъ онъ, „чтобы всякое дурно дѣлать стыдиться, а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодоленія слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять и оныя обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленія, притомъ тщиться всегда читать пристойныя мимѣ лѣтамъ и обстоятельствамъ, честныя и полезныя прежде бывшія дѣла, похвальную память о себѣ оставившихъ, и научать себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать“. Приведенныя строки достаточно характеризуютъ нравственныя воззрѣнія князя А. И. Шаховскаго^(*).

(*) Голицковъ, IX, 496; XIII, 642; XIV, 387, 519, 538.—П. С. З., т. V. № 3284.—Матеріалы воен.-учен. арх. Гл. Шт. (Спб. 1871 г.) т. I, с. 012.—Сен. Арх., им. ук., кн. 27, 32, 68; ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.—Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. Р. Ст. с. 1, 4—5, 8.—О личности и дѣятельности кн. А. И. Шаховскаго въ печати, ничего нѣтъ кромѣ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ. Бантышъ-Каменскій не включилъ его въ свой «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», несмотря на то, что дѣятельность его весьма замѣчательна, о немъ не упоминаютъ также ни де-Лирія, ни Рондо, ни Манштейнъ

Князь Никита Юрьевич Трубецкой является натурой совершенно противоположной князю Шаховскому. Человѣкъ не глубокаго ума, но образованный и со свѣдѣніями, онъ былъ болѣе чѣмъ подозрительной нравственности: учившись въ молодости въ Германіи, по образованности своей онъ сблизался съ такими людьми, какъ князь Антиохъ Кантемиръ, а его безнравственность возмущала честныхъ людей, представителемъ которыхъ является порицатель поврежденія нравовъ въ Россіи XVIII в. князь М. М. Щербатовъ. Двадцати лѣтъ началъ князь Трубецкой военную службу „валунтиромъ“ въ преображенскомъ полку, но не отличался на полѣ брани, а состоялъ при дворѣ. Будучи къ концу царствованія Петра В. только гвардейскимъ прапорщикомъ, онъ былъ сдѣланъ Екатериною I камеръ-юнкеромъ. Женившись на Настасьѣ Гавриловнѣ Головкиной 23 лѣтъ отъ роду, князь Трубецкой рассчитывалъ этой живитьбой составить себѣ карьеру. Петръ В. и императрица Екатерина крестили у него дѣтей, по при Петрѣ кумовство царя не выдвигало ничтожныхъ людей. Тесть Трубецкаго, гр. Головкинъ, какъ мы видѣли, самъ долженъ былъ держаться сильныхъ міра сего при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Карьера Трубецкаго не удалась. Его приниженность передъ Долгорукими въ царствованіе Петра II переходила предѣлы возможности: онъ открыто позорилъ свою честь и имя преклоняясь предъ всеильными временщиками. Князь Щербатовъ передаетъ возмутительныя подробности объ открытой связи его жены съ фаворитомъ Петра II княземъ Иваномъ Долгорукимъ, который на вечерахъ у князя Трубецкаго публично его ругалъ и билъ. Преждевременная смерть Петра II и наступившія послѣ нея смуты не предвѣщали особенно свѣтлой будущности князьямъ Долгорукимъ, передъ которыми унижалъ себя князь Трубецкой; карьера его опять висѣла на ниточкѣ, и ему ничего не

изъ чего видно, что онъ держалъ себя скромно и въ сторонѣ. Богатый матеріалъ для исторіи служебной дѣятельности кн. Шаховскаго хранится въ Сенатскомъ Архивѣ, одинъ перечень этого матеріала занимаетъ въ указателѣ П. И. Баранова къ описанію Сен. Арх. три столбца (см. т. II, с. 912—913), но мы воспользовались имъ въ настоящемъ изслѣдованіи лишь въ той мѣрѣ, въ какой необходимо было для общей характеристики личности кн. А. И. Шаховскаго.

оставалось больше, какъ пристать до поры до времени къ большинству шляхетства; онъ не зналъ исхода всего этого движенія, но при первой возможности явился переметчикомъ. Послѣдующая роль князя Трубецкаго во все царствованіе Анны Іоанновны, правленіе Бирона, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II—отличается позорнымъ низкопоклонствомъ, криводушіемъ и предательствомъ. При Аннѣ Іоанновнѣ онъ быстро возвысился въ чинахъ. Едва она была провозглашена самодержицей, князь Трубецкой былъ сдѣланъ генераль-майоромъ. Въ 1738 году въ чинѣ генераль-лейтенанта мы видимъ его генераль-кригсъ-комиссаромъ, а въ 1740 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ назначеніемъ генераль-прокуроромъ сената, и эту должность занималъ около 20 лѣтъ. Въ 1756 г. Елизавета пожаловала его фельдмаршаломъ, а въ 1760 году онъ былъ президентомъ военной коллегіи; при погребеніи Елизаветы Петровны князь Трубецкой является главнымъ распорядителемъ, а при коронаціи Екатерины II—верховнымъ маршаломъ. Петръ III пожаловалъ князя Трубецкаго полковникомъ преображенскаго полка—званіе, принадлежавшее въ то время лишь царствующимъ особамъ, но Екатерина II лишила его этого званія. Князь Трубецкой былъ членомъ всѣхъ судебныхъ комиссій, надъ „государственными злодѣями“, при Аннѣ, Биронѣ и Елизаветѣ, по очереди подписывалъ смертные приговоры Долгорукимъ и Волынскому, пожизненное заключеніе въ крѣпости князю Дмитрію Голицыну, ссылку въ Сибирь Н. Ѳ. Лопухиной и ея родственникамъ. Онъ былъ покорнымъ слугою всѣхъ временщиковъ, быстро смѣнявшихъ одинъ другаго и съ одинакимъ усердіемъ и успѣхомъ служилъ Бирону, Лестоку, Шуваловымъ, Разумовскимъ, голштинцамъ Петра III и Орловымъ. По словамъ Карабанова, послѣднія его минуты были страшны. Въ отчаяніи послалъ онъ за гр. Екатериной Ивановной Головкиной, своей снохой, женой погубленнаго имъ же Михайлы Гавриловича,—женщиной идеальной добродѣтели. Когда Екатерина Ивановна вошла въ комнату къ умирающему, князь Трубецкой съ всклокоченными волосами бросился съ постели къ ней въ ноги и закричалъ: „Сестра, прости меня: я много виноватъ былъ въ вашемъ несчастіи! Меня совѣсть мучить, и я чувствую, что если ты меня не простишь и не разрѣшишь, то на томъ свѣтѣ меня ожидаютъ

страшныя мученія. Умоляю тебя именемъ Бога милосердаго: прости и разрѣши меня!“⁽⁷⁾.

Переходимъ къ представителямъ родословныхъ фамилій не княжескаго происхожденія. Здѣсь мы должны отмѣтить: Вельяминова, Дашкова, Измайлова, Мусина-Пушкина, Сукина, Апраксина и Лопухина. Послѣдніе возвысились впрочемъ въ недавнее время, но тѣмъ не менѣе причисляли себя къ людямъ родословнымъ.

Степанъ Лукичъ Вельяминовъ былъ президентомъ малороссійской коллегіи въ послѣдніе годы царствованія Петра В. и послѣ него, до возстановленія въ Малороссіи гетманскаго достоинства. Въ коронацію Анны Іоанновны онъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ тайные совѣтники, но вполнѣдствіи въ ея царствованіе присутствовалъ въ московской сенатской канторѣ, и затѣмъ былъ президентомъ канторъ-коллегіи. Историкъ царствованія Петра II-го, К. И. Арсеневъ, заявляетъ, что главной причиной возобновленія гетманства было необыкновенное высокоуміе Вельяминова, возстановившаго противъ себя все населеніе Малороссіи. Вельяминовъ велъ свой родъ отъ того варяга Симона (Шимона), который прибылъ въ Кіевъ при Ярославѣ, въ началѣ XI в. и былъ основателемъ великой Успенской церкви въ Кіевопечерской лаврѣ⁽⁸⁾.

Алексѣй Дашковъ принадлежалъ къ старинной русской фамиліи, родоначальникъ которой татаринъ Дашекъ прицалъ въ началѣ XVI в. крещеніе съ именемъ Даніила.

⁽⁷⁾ «Журналъ кн. Н. Ю. Трубецкаго», Р. Ст. 1870 г., т. II, стр. 8—15.—Кн. Щербатовъ: «О поврежд. нравовъ въ Россіи», *ibid.*, т. II, с. 46.—Дѣло Н. О. Лопухиной, *ibid.*, 1874 г., т. XI, с. 41, 234 и слѣд.—Карабановъ «Статьи-дамы», *ibid.*, 1870 г., т. II, с. 485.—Переписка кн. Тр—го съ кн. Кантемиромъ и стихи, написанные ему послѣднимъ. См. въ сочин. Кантемира, изд. Ефремова.

⁽⁸⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 22, 24, 32, 39, 41; ук. В. Т. С. 1727 г.—Арсеневъ «Царств. Петра II», с. 86.—См. также указат. ко 2-му изд. Д. П. В. Голикова.—Долг., род. кн., IV, 71—72. Одинъ изъ потомковъ варяга Симона, Протасій, былъ бояриномъ Іоанна Калиты, а внукъ и правнукъ этого Протасія были московскими тысяцкими при Симеонѣ Гордомъ и Дмитріи Донскомъ. Вельяминовы послѣдующихъ поколѣній служили боярами великимъ князьямъ и царямъ московскимъ; одинъ изъ Вельяминовыхъ былъ женатъ на княжнѣ Суздальской.

Дашковъ былъ въ родствѣ съ фамиліей Лихачевыхъ, игравшей при дворѣ царя Θεодора Алексѣевича ту же роль, какую при Петрѣ II играли князья Долгорукіе. Самъ Алексѣй Дашковъ началъ службу стольникомъ при Петрѣ В., а затѣмъ былъ резидентомъ въ Константинополь и Варшавѣ, вслѣдствіе чего находился въ частыхъ сношеніяхъ съ кн. Дм. Мих. Голицынымъ, княземъ Меншиковымъ и Шафировымъ; онъ былъ назначенъ еще при Петрѣ Великомъ генераль-почтъ-директоромъ и уволенъ отъ этой должности въ 1727 году. Въ коронацію Анны Иоанновны, 28 апрѣля 1730 года, Дашковъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники съ увольненіемъ отъ службы (*).

Фамилія Измайловыхъ, предки которыхъ были съ XIV вѣка боярами рязанскихъ великихъ князей, играла видную роль при дворѣ царей московскихъ. Особенно возвысились при Петрѣ II двое Измайловыхъ: Иванъ Петровичъ и Левъ Васильевичъ, (о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже). Петръ Васильевичъ Измайловъ († 1772 г.), братъ Льва Васильевича, пользовался значеніемъ лишь по родству съ ними. Въ концѣ царствованія Петра Великаго онъ былъ бригадиромъ и воронежскимъ губернаторомъ, а въ 1727 году произведенъ въ генераль-майоры; въ царствованіе Анны Иоанновны занималъ должность совѣтника военной коллегии ⁽¹⁰⁾.

Графъ Платонъ Ивановичъ Мушинъ-Пушкипъ, старшій сынъ гр. Ивана Алексѣевича, воспитывался за границей, былъ дважды въ Парижѣ и жилъ долгое время въ Голландіи. Рекомендуя его (въ 1716 году), русскому послу въ Голландіи князю Куракину, Петръ В. писалъ:

(*) Голицковъ. Д. П. В., IX, 358, 480; X, 384; XIII, 368.— Матеріалы воен.-учен. арх. гл. шт., т. I (Спб., 1871 г.) с. 648, 654, 655, 656, 774.—Р. Ст. 1872 г., т. V, с. 913, 923.—Долгор., род. кн., IV, 382, 384.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 32; ук. В. Т. С. 1727 г.

⁽¹⁰⁾ Предокъ Измайловыхъ, черниговскій воевода Ив. Ив. Шамнъ, происходилъ отъ татаръ и переселился изъ Чернигова въ Рязань въ концѣ XIV в. См. Род. Р. Ст., I, 172—175.—Голицковъ, Д. П. В., XIII, 543, 642.—Письма Петра В. въ сб. рус. ист. общ., т. XI, с. 441. П. С. З., т. IX, № 6899; т. X, № 7323.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 39 и 44.

„Посылаемъ мы къ вамъ для обученія политическихъ дѣлъ племянника нашего Платона, котораго вамъ яко свойственнику, свойственника рекомендуемъ“. Въ 1719 году Мусинъ-Пушкинъ былъ посланъ для дипломатическихъ переговоровъ въ Данію, а въ слѣдующемъ году въ Парижъ для предварительныхъ переговоровъ съ регентомъ о посредничествѣ между Россіей и Швеціей. По просьбѣ престарѣлаго отца, онъ былъ вызванъ въ Россію и назначенъ присутствующимъ въ московской сенатской конторѣ. Въ декабрѣ 1730 г. Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а черезъ годъ переведенъ на ту же должность въ Казань, въ преемники А. П. Волинскому, съ которымъ странно связала его судьба. Черезъ девять лѣтъ, въ 1740 г., Мусинъ-Пушкинъ, въ то время президентъ коммерцъ-коллегіи, былъ замѣшанъ въ дѣло Волинскаго и, по урѣзаніи языка, заключенъ въ казематы Соловецкаго монастыря. Биронъ въ свое кратковременное регентство смягчилъ его участь, позволивъ ему жить въ его деревняхъ; окончательно онъ прощенъ Елизаветой Петровной и умеръ въ своей симбирской деревнѣ, страшно разстроивъ свои силы физическія и умственные въ суровомъ заключеніи соловецкой тюрьмы ⁽¹¹⁾.

Семенъ Ивановичъ Сукинъ, генераль-майоръ и генераль-провіантмейстеръ, былъ вызванъ въ 1728 году въ Москву съ отчетами по заготовленію провіанта для Низоваго корпуса. Отчеты его оказались не безупречны, и онъ присталъ къ большинству шляхетства, чтобъ оградить себя на будущее время; онъ скоро присоединился къ сторонникамъ самодержавія Анны Іоанновны, за что и былъ сдѣланъ сенаторомъ, но темныя дѣла Сукина всплыли наружу и въ 1733 году онъ, по должности генераль-провіантмейстера, былъ преданъ военному суду. Ему однако удалось избавиться отъ наказанія и чрезъ три года мы видимъ его губернаторомъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1738 г. ⁽¹²⁾.

⁽¹¹⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кв. 32, 34 и 45.—См. статью о Волинскомъ «Др. и нов Россія» 1877 г., т. II, с. 277 и слѣд.; т. III, с. 237, 242, 245 и слѣд.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, с. 387—389.—Пекарскій, «Наука и лит. Петр. врем.», I, 166.

⁽¹²⁾ Записки Миниха, изд. Шубинскаго, с. 173, прим. 103.—Голиковъ. Д. П. В., IX, 515, 518; X, 158; XIII, 365, 642.—П. С. З.,

Графъ Андрей Матвѣевичъ Апраксинъ оберъ-шенкъ, братъ генераль-адмирала Θεодора Матвѣевича Апраксина († 1727 г.) и царицы Марфы Матвѣевны, второй жены царя Θεодора Алексѣевича. И. Л. Желябужской въ своихъ „Запискахъ“ передаетъ случай, характеризующій Андрея Матвѣевича Апраксина. 18 марта 1696 года онъ со своими людьми напалъ на родственниковъ автора „Записокъ“—Василія Тимофеевича Желябужскаго съ сыномъ и „озарничествомъ своимъ билъ ихъ до увѣчья“. По жалобѣ обиженныхъ, Петръ В. передалъ ихъ дѣло на рассмотрениеъ князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго. Апраксинъ въ поданной имъ „сказкѣ“ отрицалъ взводимое на него обвиненіе. Петръ В., кромѣ взыскація съ Апраксина положенныхъ по тогдашнему закону штрафовъ за увѣчье въ пользу пострадавшихъ, велѣлъ его за ложную сказку „бить кнутомъ нещадно“. Только заступничество сестры его, Марфы Матвѣевны и любимца царя Франца Лефорта спасло Апраксина отъ наказанія. Петръ Великій послалъ молодого буяна провѣтриться за границу: въ 1697 году Андрей Апраксинъ поѣхалъ въ Англію и Амстердамъ учиться морскому дѣлу. Долго, до 1722 г., Петръ В. не утверждалъ за нимъ графскаго титула, который носили два старшихъ его брата, Петръ и Θεодоръ⁽¹³⁾.

Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, двоюродный братъ царицы Евдокіи Θεодоровны, былъ женатъ на злосчастной Натальѣ Θεодоровнѣ, рожденной Балкъ. Сильно замѣшанный, какъ близкій родственникъ Евдокіи Θεодоровны, въ процессъ царевича Алексѣя, онъ былъ сосланъ въ 1718 г. въ Кольскій острогъ; только Петръ II вызвалъ его въ 1727 г. ко двору изъ девятилѣтней ссылки и назначилъ камергеромъ двора его двоюродной сестры, а своей бабки. Въ сентябрѣ 1710 года онъ назначенъ генераль-кригсъ-комиссаромъ морскаго вѣдомства, а при Елизаветѣ

т, VIII, № 5540; т. IX, № 6876.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 38.

(13) Долгор., род. кн., II, 113, 116.—Его же «Memoires», I, p. 16.—Записки Желябужскаго изд. Языкова, с. 97—100.—Устряловъ «Ист. Петра В.», II, с. 566.—Голиковъ, Д. П. В., IX, 359, 515; X, 68, 151, 158; XIII, 208; XV, 118.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18.

Петровнѣ, въ 1743 году, былъ арестованъ по дѣлу своей жены и затѣмъ, послѣ наказанія кнутомъ и урѣзанія языка, вмѣстѣ съ женою сосланъ въ Селенгинскъ, гдѣ и умеръ въ 1748 году. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ былъ близокъ къ Остерману и держался нѣмецкой партіи (14).

Ко второй группѣ лицъ подписавшихъ проэктъ князя Черкаскаго, относятся: двое Грековыхъ, Бибиковы, Баскаковъ, Воейковъ, Елагинъ, Зыбинъ и Плещеевъ.

Максимъ Грековъ началъ военную службу при Петрѣ Великомъ и въ 1703 году былъ капитаномъ; въ 1722 году, въ чинѣ полковника назначенъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ; въ этой должности онъ находился до конца 1728 года, будучи уволенъ отъ службы, за старостію, съ чиномъ генераль-майора. Кромѣ участія въ проэктѣ князя Черкаскаго, онъ оставилъ по себѣ память въ событіяхъ 1730 г. отдѣльнымъ проэктомъ, носящимъ его имя (15).

Его родственникъ Степанъ Грековъ занималъ должность московскаго генераль-полиціймейстера въ январѣ и февралѣ 1730 года и оставался въ ней до конца 1732 года. Въ 1733 году онъ назначенъ членомъ возобновленнаго доимочнаго приказа въ Москвѣ, а по соединеніи этого приказа съ канцеляріей конфискаціи, въ 1736 году былъ сдѣланъ судьей этой канцеляріи; въ 1738 году Степанъ Грековъ опредѣленъ главнымъ ея начальникомъ (16).

Изъ Бибиковыхъ особенно выдается Иванъ Ивановичъ, опытный финансистъ и юристъ. При Петрѣ Великомъ, уже въ чинѣ генераль-майора, былъ онъ главнымъ начальникомъ ревизіонъ-конторы и затѣмъ исправлялъ должность оберъ-прокурора сената. Въ 1727 году подъ его главнымъ руководствомъ производились выводы изъ первой ревизіи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ президентомъ ревизіонъ-коллегіи, а въ концѣ 1729 года получилъ назначеніе на должность вице-губернатора въ Иркутскъ, но въ февралѣ 1730 года еще не уѣхалъ къ мѣсту новаго своего назначенія, а находился въ Москвѣ. Черезъ годъ, 31-го ян-

(14) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук. кн., 42.—Дѣло Н. О. Лоухиной, Р. Ст. 1874 г., т. XI, с. 27—42, 191—212, 229—230.

(15) Сен. Арх., им. ук. кн., 18, 29; ук. В. Т. С. 1728 г.

(16) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 36.

варя, онъ былъ назначенъ бѣлгородскимъ губернаторомъ. Иванъ Ивановичъ Бибииковъ былъ въ числѣ сторонниковъ голштинскаго принца, находясь въ давнишнихъ близкихъ отношеніяхъ къ голштинскому двору; въ 1728 году онъ былъ посланъ въ Киль для сопровожденія въ Петербургъ тѣла умершей голштинской герцогини Анны Петровны.

Объ этомъ Бибииковъ сообщаетъ любопытныя подробности датскій посланникъ Вестфаленъ въ депешѣ ¹²/₁₀ марта 1730 года. „Одинъ Бибииковъ (Vibikow) генераль-майоръ и генераль-прокуроръ прежняго сената, человекъ умный, смѣлый и интриганъ, съ давнихъ поръ преданный интересамъ герцога голштинскаго и его покойной супруги, во время болѣзни послѣдняго монарха имѣлъ частыя совѣщанія по ночамъ съ голштинскими министрами при этомъ дворѣ, а также со шведскимъ посланникомъ. Когда это дошло до свѣдѣнія Верховнаго Совѣта, то вышелъ указъ объ удаленіи Бибиикова изъ Москвы и онъ получилъ предписаніе отправиться начальникомъ въ область, принадлежащую Россіи, которая находится всего въ 40 миляхъ нѣмецкихъ отъ знаменитой Китайской Стѣны. Замѣтивъ, что распри между Верховнымъ Совѣтомъ и частію мелкаго шляхетства принимаютъ серьезный оборотъ, онъ сталъ на сторону послѣдняго, въ качествѣ вожака, и съ отвагой подписалъ свою фамилію подъ запиской, въ которой эта партія умоляла Анну Іоанновну уничтожить, какъ условія, подписанныя ею въ Митавѣ, такъ и Верховный Совѣтъ, и возстановить значеніе прежняго сената. Когда Бибииковъ былъ допущенъ къ цѣлованію руки императрицы, онъ ловко внушилъ ей, что безъ малѣйшей съ его стороны вины, ненавидѣвшіе его Долгорукіе присудили отправить въ Сибирь командовать крѣпостцей, которую бы можно было ввѣрить подиоручику, вслѣдствіе чего смиренно умолялъ Ея Величество въ интересахъ его семьи позволить ему удалиться въ свои деревни, въ случаѣ если нельзя будетъ остаться ему въ Москвѣ на прежнемъ мѣстѣ; царица согласилась на его просьбу. Но великій канцлеръ, услышавъ объ этомъ, отправился къ царицѣ, для сообщенія ей о наклонностяхъ этого человека и причинахъ, требующихъ его удаленія. Ея Величество находится въ недоумѣніи: съ одной стороны, вслѣдствіе причинъ для удаленія Бибиикова, а съ другой—вслѣдствіе даннаго ею слова. Наконецъ нашли выходъ и рѣшили, что вмѣсто отправленія его въ Сибирь, его

пошлютъ въ Украйну, для начальства надъ крѣпостью, носящей название Бѣлгорода, такъ что удаленіе его отсюда все-таки состоится“ (17).

Александръ Петровичъ Баскаковъ оберъ-прокуроръ синода, въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго былъ гвардіи капитаномъ. Съ 1724 года ему были поручены хозяйственныя дѣла русской церкви. Въ этомъ году Петръ Великій вручилъ Баскакову для изученія духовный регламентъ, а вслѣдъ за тѣмъ возложилъ на него приведеніе въ извѣстность и систему всѣхъ доходовъ монастырскихъ имѣній. Въ 1726 году, при раздѣленіи синода на два „апартамента“, Баскаковъ былъ назначенъ членомъ одного изъ нихъ—распорядительнаго, и въ томъ же году занялъ должность оберъ-прокурора синода. Произведенный въ коронацію Анны Иоанновны въ д. с. с., онъ вскорѣ послѣ того былъ назначенъ вице-президентомъ каморъ-коллегіи, а въ 1736 году директоромъ цалмейстерской экспедиціи (18).

Петръ Лукичъ Воейковъ, приближенный царицы Прасковьи Феодоровны, матери Анны Иоанновны, былъ еще въ 1719 году, въ чинѣ генераль-майора, назначенъ вице-губернаторомъ въ Ригу; въ этой должности состоялъ онъ до 1728 года. Въ 1730 г. находился въ отставкѣ и умеръ въ 1732 году (19).

(17) Предокъ Бибиковыхъ, мурза Жидимиръ изъ Синей Орды, выѣхалъ въ Тверь около 1300 г.; въ 1699 г. 20 Баб—хъ владѣли насел. имѣніями. См. Долгор., род. кн., IV, 290—292, 295.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 24, 32 и 33; ук. В. Т. С. 1726, 1727 и 1729 г.—См. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію, депеши Вестфалена, № 16.—И. С. З., т. VIII, № 5303.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.—Объ Ив. Ив. Бибиковѣ у Голикова, въ Д. П. В. см. указатель ко 2-му изд.

(18) Сен. Арх., им. ук., кн. 26.—См. также указатель ко 2-му изд. Д. П. В. Голикова.

(19) Сен. Арх., им. ук., кн. 12, 35; ук. В. Т. С. 1727 г.—Письма царицы Прасковьи Феодоровны. Р. Ст. 1872 г., т. VI, с. 564.—Воейковы принадлежатъ къ старинному служилому роду; предокъ ихъ Воейко, Войтяговъ сынъ, владѣлецъ Торновскій, выѣхалъ изъ Пруссіи съ дружиной въ полтораста человекъ къ Дмитрію Донскому въ 1384 г. Воейко принялъ православіе въ Москвѣ; крещеніе совершено въ Чудо-

Андрейянь Никифоровичъ Елагинъ, гофмейстеръ двора Петра II, былъ сторонникомъ Елизаветы Петровны и яримъ противникомъ Долгорукихъ: князя Василья Лукича Долгорукаго въ разговорахъ съ пріятелями онъ иначе не называлъ, какъ „маткой бунта“⁽²⁰⁾.

Алексѣй Зыбинъ, — морякъ и знающій хорошо свое дѣло горный инженеръ. Это видно изъ того, что еще Петромъ Великимъ, въ 1724 году, онъ былъ назначенъ вице-президентомъ бергъ-коллегіи (президентомъ ея былъ ученый того времени Яковъ Виллимовичъ Брюсъ): Петръ Великій, такъ горячо заботившійся о развитіи въ Россіи горнаго дѣла, могъ назначить на этотъ постъ только опытнаго и знающаго специалиста. Въ 1727 году, при сверженіи князя А. Д. Меншикова, Зыбину было поручено составить опись дома и движимаго имущества Ижорскаго князя; въ 1728 году онъ произведенъ въ д. с. с. и назначенъ президентомъ бергъ-коллегіи на мѣсто уволеннаго отъ службы Брюса. Мы не имѣемъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Зыбина къ Татищеву, но можемъ предположить, что они, по крайней мѣрѣ въ 1730 году, были очень близки: въ то время Татищевъ, покровительствуемый Брюсомъ, начиналъ только свою службу по горному вѣдомству и находился подъ начальствомъ Зыбина, занимая мѣсто совѣтника монетной копторы. Въ царствованіе Анны Иоанновны Зыбинъ занималъ также видныя должности: въ декабрѣ 1730 года онъ былъ назначенъ членомъ въ комиссію сочиненія уложенія, а чрезъ годъ судьбою въ сыскной приказъ. Въ 1735 году Зыбинъ явился одною изъ жертвъ нѣмецкаго правительства Анны Иоанновны: обвиненный въ неправильномъ рѣшеніи дѣла о работникѣ купца Луковникова онъ былъ лишенъ „ранга“ д. с. с. и опредѣленъ въ Днѣпровскую и Донскую экспедицію загвѣдывающимъ сплавомъ лѣса по Днѣпру и Деснѣ и стройкой мелкихъ судовъ въ городѣ Брянскѣ. Только въ 1738 году былъ ему возвращенъ прежній рангъ⁽²¹⁾.

вомъ монастырѣ митрополитомъ Кипріаномъ и Св. Сергіемъ Радонежскимъ. Дмитрій Донской далъ ему въ кормленіе городъ Дмитровъ, а при вел. кн. Василіи Дмитріевичѣ онъ былъ бояриномъ. См. Долгор., род. кн., IV, 335.

⁽²⁰⁾ Дѣло Столѣтова. Р. Ст. 1873 г., т. VIII, с. 9—10.

⁽²¹⁾ П. С. З., т. VIII, № 3654.—Сен. Арх., им. ук., кн. 34, 43, 49; каб., кн. 50, 57; ук. В. Т. С. 1727—1728 гг.; проток. В.

Иванъ Никифоровичъ Плещеевъ еще при Петрѣ Великомъ заявилъ себя весьма свѣдущимъ и исправнымъ слѣдственнымъ чиновникомъ и администраторомъ. Въ 1719 году онъ былъ опредѣленъ товарищемъ московскаго вице-губернатора Воейкова, а въ 1722 году — „въ герольдмейстерскимъ дѣламъ“. При Екатеринѣ I мы видимъ его д. с. с. и герольдмейстеромъ, а при Петрѣ II производящимъ допросъ князю Меншикову въ Раненбургѣ и печатающимъ его бумаги; за исправное исполненіе этого порученія онъ производится въ тайные совѣтники. И. Н. Плещеевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ барону Остерману ⁽²²⁾.

Во главѣ третьей группы лицъ, возвысившихся исключительно благодаря Петру Великому, должны быть поставлены его родственники: по матери, — графъ Головкинъ и по второй супругѣ императрицѣ Екатеринѣ — Кошелевъ и Шепелевъ.

Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, сынъ канцлера и братъ сенатора, незадолго предъ воцареніемъ Анны Иоанновны возвратился изъ Берлина, гдѣ еще со времени Петра Великаго былъ русскимъ резидентомъ. Онъ былъ женатъ на единственной дочери послѣдняго князя Ромодановскаго Екатеринѣ Ивановнѣ, благодаря которой, (мы упоминали о ней выше) — имя Михаила Гавриловича не стерлось въ смутное время дворскихъ переворотовъ; самъ онъ былъ человекъ не блестящихъ способностей, обладая впрочемъ достаточнымъ количествомъ свѣдѣній, чтобы занимать довольно видныя должности. Вслѣдъ за провозглашеніемъ самодержавія Анны Иоанновны, Михаилъ Гавриловичъ былъ сдѣланъ сенаторомъ преобразованнаго сената и исполнялъ спеціальныя порученія по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, главнымъ образомъ по финансамъ и торговлѣ. При Аннѣ Леопольдовнѣ онъ назначенъ

Т. С. 1730 г. — П. П. В. 353, 411. — Голицковъ, Д. П. В., XIII, 363; XIV, 92, 100, 145; XV, 136, 137.

(22) Сен. Арх., им. ук., кн. 6, 27, 13, 18; ук. В. Т. С. 1726 — 1728 гг. — Арсеньевъ «Царств. Петра II» с. 58. — См. также Голицкова, указатель ко 2-му изд. Д. П. В.

кабинетъ - министромъ и вице-канцлеромъ. Онъ явился искреннимъ и ревностнымъ сторонникомъ правительницы, за что погибъ при Елизаветѣ Петровнѣ: при восшествіи ея на престолъ онъ былъ лишенъ чиновъ и имѣній и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ въ 1755 году⁽²³⁾.

Шталмейстеръ Родіонъ Михайловичъ Кошелевъ и гофмейстеръ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, дочеряхъ пастора Глюка, въ семействѣ котораго жила нѣкогда Марта Скавронская; родственница Д. А. Шепелева Мавра Егоровна была лицомъ очень близкимъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и впоследствии вышла замужъ за ея фаворита П. И. Шувалова. По этимъ родственнымъ отношеніямъ Кошелевъ и Шепелевъ были сторонниками Елизаветы Петровны⁽²⁴⁾.

Оберъ-гофмейстеръ Матвѣй Дмитриевичъ Олсуфьевъ, занимавшій эту должность еще при Петрѣ Великомъ, въ ноябрѣ 1730 года былъ уволенъ отъ службы и не игралъ никакой роли во все время царствованія Анны Иоанновны, не смотря на то, что принималъ самое дѣятельное участіе въ провозглашеніи ея самодержавія⁽²⁵⁾.

Оберъ-шталмейстеръ Петра В. и при послѣдующихъ царствованіяхъ, Семенъ Алексѣевичъ Алабердеевъ, извѣстенъ не столько своей придворной должностью (вовсе не составлявшей при Петрѣ Великомъ виднаго положенія) сколько своими знаніями и близкими отношеніями

⁽²³⁾ Голиковъ Д. П. В., IX, 424. — П. С. З., т. VIII, № 5540. т. IX, №№ 6444, 6636; т. X, № 7589. — Сен. Арх., им. ук.; кн. 34, 39. — Хмыровъ «Гр. Е. И. Головкина».

⁽²⁴⁾ Род. Р. Ст., I, с. 148, 334, 339. — Сен. Арх.; ук. В. Т. С. 1726 и 1728 гг. — Голиковъ Д. П. В., VI, 193, 283; IX, 303; X, 400; XI, 475, 482. — Helbig, «Russische Günstlinge», S. 130. — Карabanовъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 480; 1874 г., т. III, с. 466; т. IV, с. 59. О Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой см. Р. Ст. 1870 г. т. I, с. 90; т. II, с. 402, 406, 488; 1874 г. т. III, с. 474. — Письма ея къ Елизаветѣ Петровнѣ *ibid.*, 1870 г. т. I, с. 510; 1874 г.: т. IX, с. 99.

⁽²⁵⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 24, 32. — См. о немъ у Голикова указат. ко 2-му изд. Д. П. В.

къ „первому императору“. Алабердеевъ началъ службу во флотѣ и выказалъ солидныя знанія въ „навигаторской наукѣ“ и геодезіи, которымъ преобразователь Россіи придавалъ весьма большое значеніе. Въ 1724 году Петръ Великій возложилъ на него вмѣстѣ съ Любрасомъ порученіе отыскать и изслѣдовать новое водное сообщеніе между Волгой и Ладожскимъ озеромъ; порученіе это Алабердеевъ исполнилъ весьма скоро и искусно, вслѣдствіе чего императоръ писалъ ему слѣдующее: „Письмо ваше, отъ 1 сего сентября писанное, я съ немалою радостію принялъ, и по истинѣ всѣ кои услышали о семъ зѣло обрадовались, что отъ природы способной водной путь чрезъ помощь Божію нашелся вашими трудами, за которые нынѣ издали благодарствуемъ, а вѣдше будемъ, когда васъ увидимъ“. Въ томъ же 1724 году Алабердеевъ составилъ, вмѣстѣ съ другими морскими офицерами (Любрасомъ, Ганцемъ, Дебриныи и Волковымъ) гидрографическое описаніе Балтійскаго моря—и опять Петръ Великій остался очень доволенъ этимъ новымъ трудомъ своего оберъ-штабмейстера (**).

Александръ Васильевичъ Макаровъ, кабинетъ-секретарь Петра В., былъ очень незнатнаго происхожденія: онъ началъ свою службу подъячимъ воеводской канцеляріи въ Вологдѣ, гдѣ былъ замѣченъ Петромъ I и взятъ писцомъ въ его канцелярію. Способности Макарова и его умѣнье подлаживаться къ Петру Великому вскорѣ доставили ему полное расположеніе Петра и должность его тайнаго кабинетъ-секретаря. Онъ всюду сопровождалъ царя и вслѣдствіе этого много видалъ на своемъ вѣку; онъ зналъ хорошо Россію отъ Вологды до крымскихъ кочевьевъ и отъ Балтійскаго моря до рѣки Дона, бывалъ не разъ съ Петромъ Великимъ за границей: въ Даніи, Голландіи, Германіи и Франціи (въ 1716 и 1717 годахъ) и въ Персіи (въ 1722 году.) Близость Макарова къ Петру Великому ставила его выше всѣхъ тогдашнихъ сановниковъ въ имперіи: передъ нимъ одинаково заискивали иноземцы-карьеристы,

(**) Сен. Арх., им. ук., кн. 24, 29, 33; ук. В. Т. С. 1728 г.—Голиковъ, Д. П. В., VI, 624; VII, 370; IX, 443, 458, 459; X, 73, 92, 93, 158, 405, 435.

и родовитые русские люди и прославленные пенцы Петра Великаго, — Ягушинской, Головкинъ и даже самъ Меншиковъ. Макаровъ покровительствовалъ Мартѣ Свиронской, впоследствии воцарившейся съ именемъ Екатерины I-й и болѣе всѣхъ способствовалъ возведенію ея на престолъ. При Петрѣ II-мъ Макаровъ остался одинокимъ и долженъ былъ исвать себя „милостивцевъ“. Ему удалось поддѣлаться въ всеильнымъ тогда Долгорукиимъ, въ которыхъ онъ нашелъ надежныхъ покровителей; благодаря имъ, онъ получалъ важную должность президента каморь-коллегии. Въ 1730 году, когда противъ Долгорукихъ возстало шляхетство, Макаровъ не задумался перейти на его сторону, отступившись отъ своихъ покровителей такъ же быстро, какъ нѣкогда съумѣлъ заслужить ихъ милость (27).

Прославившійся своими мрачными дѣяніями въ тайной канцеляріи Андрей Ивановичъ Ушаковъ, въ 1730 году уже шестидесятилѣтній старикъ, только что возвратился изъ ссылки, въ которой находился по милости Меншикова, будучи имъ впутанъ въ такъ называемое Девьеровское дѣло. Для Ушакова участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ было не больше, какъ вопросомъ карьеры. При Петрѣ II онъ не могъ рассчитывать на видное служебное положеніе и не въ силахъ былъ предугадать тѣхъ послѣдствій, которыя вытекли изъ воцаренія Анны Иоанновны. Примкнувъ до поры до времени къ тому шляхетскому кружку, въ которомъ находилось всего болѣе людей власти имѣвшихъ, Ушаковъ чрезъ нѣсколько дней сталъ однимъ изъ ревностныхъ пропагандистовъ самодержавія Анны Иоанновны, а въ ея десятилѣтнее царствованіе былъ не только усерднымъ слугою нѣмцевъ-правителей, но запятналъ свою память ролью политическаго сыщика и палача, связавъ неразрывно свою судьбу съ лихолѣтіемъ Бироновщины и страшнымъ „словомъ

(27) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, 277—278. — Fr. P. Dolgoroukow «Memoires», I, p. 217. — Helbig, «Russische Günstlinge», S. 125. — См. также указат. ко 2-му изд. Д. П. В. Голикова. — Пекарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, 56, 57, 143, 155, 157, 162, 164. — 167, 218, 226, 233, 242, 259, 297, 298, 300, 356, 436, 503, 576, 377; II, 302—304, 397, 436, 459, 469, 562, 571, 643, 653, 660, 661.

и дѣломъ“. Политическихъ убѣжденій онъ не имѣлъ, его profession de foi состояло въ рабскомъ служеніи существующему порядку и въ вымогательствѣ показаній противъ этого порядка посредствомъ страшныхъ истязаній и пытокъ, которымъ онъ предавался съ увлеченіемъ. При такомъ воззрѣніи на вещи Ушакову весьма легко было удержаться при сѣбѣ всѣхъ правительствъ: къ нему одинаково благоволили и Анна съ Бирономъ, и правительница Анна Леопольдовна, и Елизавета Петровна. Онъ умеръ въ 1747 г. (29).

Григорій Петровичъ Чернышевъ (р. 1672 г. † 1745 г.) отецъ знаменитыхъ дѣятелей царствованія Екатерины II-ой—Ивана, Петра и Захара Чернышевыхъ, генераль-поручикъ, генераль-кригсъ-комиссаръ и лифляндскій губернаторъ,—началъ службу стольникомъ царей Иоанна и Петра; въ 1699 году зачисленъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ и опредѣленъ денщикомъ къ Петру I. Въ шведскую войну онъ отличался храбростію и распорядительностью, за что и былъ быстро возвыщенъ въ военныхъ чинахъ: черезъ пять лѣтъ боевой службы, онъ былъ уже майоромъ и командовалъ тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а еще черезъ пять лѣтъ—генераль-майоромъ. Онъ былъ женатъ на Авдотѣ Ивановнѣ Ржевской, впоследствии любимой статсъ-дамѣ императрицы Анны Иоанновны. „Генераль Чернышевъ“,—говоритъ о немъ испанскій посоль де-Лирія— „былъ уменъ, храбръ и исправенъ въ службѣ, но отличался чрезвычайной скупостію, лживостію и ненавистію къ иностранцамъ“ (30).

Генераль-майоръ Алексѣй Ивановичъ Таракановъ, завѣдывавшій укрѣпленіями на Дону, а затѣмъ состоявшій въ Низовомъ корпусѣ, прибылъ изъ Персіи, по всей вѣроятности, съ фельдмаршаломъ Долгорукимъ. Онъ присталъ къ сторонникамъ самодержавія Анны Иоанновны,

(29) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, с. 438—446.—О дѣлѣ Девьера см. у Арсеньева въ Ист. царств. Екатерины I—II учен. зап. 2-го отд. акад. наукъ 1856 г., кн. II, в. I, с. 245—251.

(30) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, с. 509—511.—Долгор., род. кн., II, 101—104.—Род. Р. Ст., I, 263—370.—Де-Лирія «Характеристики», рѣч., с. 154. О Чернышевомъ много у Голдикова: см. указат. ко 2-му изд. Д. П. В.

за что былъ сдѣланъ сенаторомъ, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ⁽⁸⁰⁾.

Очень блѣдною личностью по недостатку свѣдѣній является Сергѣй Васильевичъ Секиотовъ. Мы вносимъ его въ текстъ только потому, что имя его стоитъ первымъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ проектъ большинства, который занесенъ въ официальный журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта подъ именемъ проекта Секиотова. Въ 1720 г. Секиотовъ былъ полковникомъ и комендантомъ въ Царицынѣ, важномъ стратегическомъ пунктѣ въ первую половину XVIII вѣка. Царицынъ былъ однимъ изъ крѣпкихъ оплотовъ русскаго владычества противъ кочевниковъ Азіи—калмыковъ и киргизовъ и стоялъ во главѣ цѣлаго ряда укрѣпленій, воздвигнутыхъ противъ набѣговъ этихъ кочевниковъ и извѣстныхъ подъ именемъ царицынской линіи. Царицынъ служилъ въ то время сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ при походахъ въ Персію, въ Крымъ и Турцію. Въ 1730 году С. В. Секиотовъ былъ бригадиромъ, а въ день коронаціи Анны Іоанновны произведенъ въ д. с. с. Вскорѣ послѣ этого онъ назначенъ членомъ военной коллегіи, а въ 1731 году опредѣленъ въ Кіевъ оберъ-комендантомъ⁽⁸¹⁾.

Въ проектѣ Секиотова намъ придется отмѣтить очень немногое изъ людей родословныхъ.

Дальній родственникъ князя Ивана Ѳеодоровича Борятинскаго, участвовавшаго въ проектѣ князя Черкаскаго, князь Ѳеодоръ Борятинскій былъ при Екатеринѣ I прокуроромъ главнаго магистрата и въ 1727 году председателемъ комиссіи повѣрившей счеты ревизіонъ-коллегіи. Не смотря на свое участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ, онъ въ коронацію Анны Іоанновны былъ произведенъ въ полковники. Съ 1731 по 1735 годъ состоялъ судьей сибирскаго приказа и подвергся ответственности за разныя злоупотребленія, всплывшія наружу по дѣлу Жолобова, о которомъ мы будемъ говорить ниже⁽⁸²⁾.

(80) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728—1729 гг.; им. ук., кн. 32.

(81) П. С. З., т. VI, № 3609.—Сен. Арх., им. ук.; кн. 24, 32, 44.

(82) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 32, 33, 63, 66.

Камергеръ князь Александръ Андреевичъ Черкасской, дальній родственникъ князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, съ 1713 по 1715 г. находился въ Голландіи для наученія корабельному дѣлу. Въ 1732 г. онъ былъ назначенъ смоленскимъ губернаторомъ и въ то время явился сторонникомъ голштинскаго принца Петра-Ульриха. Черкасской до 1728 г. состоялъ камергеромъ матери Петра-Ульриха Анны Петровны, былъ расположенъ къ принцу со дня его рожденія и за свою преданность ему понесъ жестокую кару. Въ 1735 году онъ былъ заключенъ въ отдаленное Жиганское зимовье на берегу Охотскаго моря; здѣсь пробылъ онъ пять лѣтъ, почти лишившись зрѣнія и слуха, и постоянно страдалъ цингой и скорбутомъ, вслѣдствіе невыносимаго климата. Биронъ во время своего регентства возвратилъ Черкасскому придворное званіе, а при Елизаветѣ Петровнѣ онъ былъ произведенъ въ генераль-поручики и пожалованъ орденомъ Александра Невскаго (**).

Князя Щербатовы—Николай Петровичъ и Осипъ Ивановичъ, не занимая высокихъ должностей, выдвигались своимъ древнимъ родомъ и старинными родственными связями. Николай Петровичъ, женатый на Шереметевой, былъ армейскимъ майоромъ, а Осипъ Ивановичъ полковникомъ. Осипъ Ивановичъ (р. 1686 г. † 1765 г.) игралъ особую роль среди шляхетства, по своей женитьбѣ на Аграевнѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой, родной теткѣ избранной императрицы Анны Іоанновны. Еще молодымъ стольникомъ онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ 1698 году въ Амстердамъ для наученія корабельному дѣлу (**).

Василій Матвѣевичъ Еропкинъ былъ въ 1730 году гофмейстеромъ Екатерины Іоанновны герцогини мекленбургской, старшей сестры императрицы Анны Іоан-

(**) Сен. Арх., ин. ук., кн. 29, 35, 64. — П. С. З., т. IX, № 6647. — Дѣло кн. Черкаскаго, по извлеченіямъ изъ Госуд. Арх. II. И. Шулгина, въ «Памятн. Нов. Рус. Ист.» Кашпирева, т. I, с. 194—306. — Пекарскій «Наука в лѣт. Петр. вр.», I, 142.

(**) Долгор., род. кн.; I, 109. — П. С. З., т. VIII, № 6190. — Сен. Арх., ин. ук., кн. 49. — Пекарскій, «Наука в лѣт. Петр. вр.», I, 14, 522.

новны, а до того времени завѣдывалъ „денежную выдачу“ ея матери, царицы Прасковьи Θεодоровны (**).

Изъ фамиліи Ржевскихъ, ведущихъ роль свой отъ удѣльнаго князя г. Ржева, подписали проектъ Секиотова пятеро. Изъ нихъ мы остановимся на Александрѣ Тимофеевичѣ, его двоюродномъ братѣ Матвѣѣ Алексѣевичѣ и дальнемъ ихъ родственникѣ Иванѣ Ивановичѣ.

Александръ Тимофеевичъ Ржевской былъ извѣстный юристъ и дѣлецъ своего времени. Еще въ 1722 году былъ онъ назначенъ прокуроромъ юстицъ-коллегіи, а въ 1727 году состоялъ совѣтникомъ той же коллегіи. Жена роднаго дяди Александра Тимофеевича, Ивана Ивановича Ржевскаго, Дарья Гавриловна, рожденная Соковнина, была двоюродной сестрой казеннаго Петромъ Великимъ окольникъ Алексія Прокофьевича Соковнина, а впоследствии извѣстной князь-игуменьей „всепутѣйшаго собора“ Петра Великаго, а дочь ея Авдотья Ивановна Чернышева (жена Григорія Петровича Чернышева) была съ молодыхъ лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Анной Иоанновной, которая во время всей своей бездольной жизни въ Курляндіи писала къ ней письма и подписывалась въ нихъ „неотмѣннымъ ея другомъ“. Она была ея фрейлиной, а по провозглашеніи Анны Иоанновны самодержицей сдѣлана ея статсъ-дамой. Императрица любила ея особенно за ея умѣніе хорошо рассказывать разныя городскія новости и анекдоты.

Двоюродный братъ Александра Тимофеевича—Матвѣй Алексѣевичъ былъ морякъ и находился въ числѣ стольниковъ отправленныхъ въ 1697 году Петромъ Великимъ въ Италію, для наученія морскому дѣлу. вмѣстѣ съ нимъ былъ отправленъ туда и дальній его родственникъ Иванъ Ивановичъ Ржевской, морякъ же (**).

(**) Долгор., род. кн., IV, 8—10.—Сев. Арх., проток. В. Т. С. 1730 г.—Письма царицы Праск. Θεод. къ В. Θ. Салтыкову, Р. Ст. 1873 г., т. VI, с. 564, 565. Ерочкины происходятъ отъ князей Смоленскихъ.

(**) Долгор., род. кн., IV, 29, 32.—Сев. Арх., им. ук., кн. 18, 32; ук. В. Т. С. 1727 г.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, с. 565.—Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., II, 479, 482.—Письма князь-игуменьи къ Петру В., Р. Ст. 1872 г., т. V, с. 890—892.—С. Н. Шубинскій: «Придв. бытъ и—цы Анны Иоан.», Р. Ст.

Иванъ Михайловичъ Волынской (р. 1693 г. † 1763 г.) двоюродный братъ извѣстнаго кабинетъ-министра Анны Иоанновны Артемія Петровича Волынскаго, началъ службу при Петрѣ Великомъ сержантомъ Семеновскаго полка, а въ 1728 году былъ уже бригадиромъ. По своему происхожденію и родственнымъ связямъ, (онъ былъ женатъ на княжнѣ Волхонской и находился въ свойствѣ съ Салтыковыми и Нарышкиными),—Иванъ Михайловичъ Волынской занималъ видное мѣсто между людьми родовыми и былъ изъ числа тѣхъ участниковъ въ шляхетскихъ прогнѣтахъ, которые въ послѣдствіи, вслѣдъ за княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, княземъ Н. Ю. Трубецкимъ и С. А. Салтыковымъ,—явились главными сторонниками самодержавія Анны Иоанновны. Изъ его переписки за 1730 г. съ А. П. Волынскимъ, бывшимъ въ то время губернаторомъ въ Казани, видно, что Иванъ Михайловичъ Волынской былъ посвященъ во всѣ тайны шляхетскихъ совѣщаній⁽²⁷⁾.

1873 г. т. VII, с. 341.—Нѣкоторые изъ предковъ Ржевскихъ отличались необыкновенной честностью и мужествомъ. Семейное преданіе сохранило память о честности Ивана Константиновича Ржевскаго, взятаго въ плѣнъ поляками въ 1566 г. Онъ былъ отпущенъ изъ плѣна, давъ честное слово прислать за себя выкупъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Московскомъ государствѣ и не найдя денегъ для выкупа, Ив. Конст. добровольно возвратился въ плѣнъ.—Три брата Ржевскихъ играли важную роль въ междоусобицѣ; одинъ изъ нихъ, Ив. Никит., вступился за врага своего, Прокопія Ляпунова, защищая его передъ возмущившимися казаками, за что и былъ ими изрубленъ. Правнукъ Ивана Конст., Ив. Ив. Ржевской, околицій, мужественно защищалъ Чигиринъ отъ турокъ и крымцевъ въ 1678 году и, пробившись со всѣми жителями и гарнизономъ черезъ турецкій станъ, соединился съ войсками кн. Ромодановскаго. (Долгор., род. кн., IV, 34)—Сынъ Андрея Ивановича Ржевскаго, Алексѣй Андр. († 1804 г.) былъ писателемъ, членомъ Рос. академіи и депутатомъ отъ гор. Воротынска, Моск. губ., въ Екатерининской комиссіи 1767 г. Онъ былъ женатъ на дочери Федота Каменискаго, принимавшаго участіе въ созданіяхъ шляхетства въ 1730 г., (см. 2-е приложение къ настоящему изслѣдованію)—Александръ Федотовъ Камениской, сестрѣ извѣстнаго фельдмаршала Михаила Федотовича. Александра Федотова была также писательница и артистка (живописецъ и музыкантша).—См. замѣтку М. Н. Додгивова въ Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 78—80.

⁽²⁷⁾ Род. Р. Ст., I, 141, 146.—Предокъ Волынскихъ, князь Дмитрій Михайловичъ Волынской-Боброкъ, выѣхалъ во второй половинѣ XIV в.

Изъ Салтыковыхъ, родственниковъ избранной императрицы Анны Иоанновны, участвовали въ проектѣ Секиотова двое: дальній ея родственникъ Василій Θεодоровичъ (р. 1675 г. † 1775 г.) и двоюродный братъ ея Александръ Васильевичъ, сынъ бравчаго Василія Θεодоровича Салтыкова. Василій Θεодоровичъ Салтыковъ является сержантомъ Преображенскаго полка въ 1698 году, а въ 1722 г. полковникомъ драгунскаго петербургскаго полка. Въ коронацію Анны Иоанновны 28 апрѣля 1730 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры съ увольненіемъ отъ службы. Въ 1732 году—назначенъ генераль-полицій-мейстеромъ С.-Петербурга съ подчиненіемъ ему полиціи во всемъ государствѣ. Въ этой должности, будучи ревностнымъ клеветомъ Бирона, онъ быстро возвышался въ чинахъ, а впоследствии явился сторонникомъ Елизаветы Петровны и содѣйствовалъ ея восшествію на престолъ. По всей вѣроятности, онъ былъ близокъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и во время избранія Анны Иоанновны: только этимъ и можно объяснить его увольненіе отъ службы въ ея коронацію. Его двѣ дочери были фрейлинами Елизаветы Петровны. Александръ Васильевичъ Салтыковъ поступилъ въ 1698 году малолѣтнимъ сержантомъ къ Семеновскій полкъ. Въ концѣ царствованія Петра В., былъ онъ полковникомъ и комендантомъ въ Нарвѣ; въ 1728 г. уволенъ отъ этой должности съ зачисленіемъ по арміи, а въ коронацію Анны Иоанновны пожалованъ бригадиромъ (*).

изъ Волыни въ Москву и былъ во второмъ бракѣ женатъ на сестрѣ Дмитрія Донскаго, Аннѣ Ивановнѣ.—См. монографію объ А. П. Волынскомъ въ «Др. и Нов. Россіи» за 1876 и 1877 гг.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», III, 569.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.—Переписка И. М. В.—скаго съ Арт. Петр. Волынскимъ въ «Памяти. Нов. Рус. Ист.» Камширева, т. II, отд. II, с. 195—250.

(*) Устряловъ «Ист. Петра В.», т III, с. 574.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г., им. ук., кн. 32.—Кн. Долгорукой (род. кн., II, с. 74) указываетъ за XVIII в. только одного Александра Салтыкова сына Василія Θεодоровича (генер.-полицій-мейстера) и означаетъ его умершимъ въ 1803 г. въ чинѣ Т. С. Очевидно это не можетъ быть Александръ Салтыковъ, поступившій сержантомъ въ 1698 г.—У кравчаго Василія Θεодоровича Салтыкова, по указаніямъ того же Долгорукаго

Михаилъ Григорьевичъ Нарышкинъ (р. 1699 г. † 1744 г.) отличался преданностью стариннымъ московскимъ обычаямъ и еще при Евдотеринѣ I, послѣ смерти Петра, значился съ прежнимъ московскимъ чиномъ „ближняго стольника“. Скомпрометтированный близостью своего брата Семена Григорьевича къ царевичу Алексѣю Петровичу, онъ подвергся также опалѣ и былъ сосланъ въ дальнюю деревню. Екатериной I онъ былъ возвращенъ ко двору и тотчасъ же уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, въ которой и жилъ въ 1730 году безъ всякаго опредѣленнаго дѣла. Женатъ онъ былъ на Ульянѣ Андреевнѣ Колычовой, родной сестрѣ Степана Андреевича⁽³⁹⁾.

Абрамъ Θεодоровичъ Лопухинъ, былъ съ 1728 г. шталмейстеромъ двора своей внучатной бабни царицы Евдокии Θεодоровны⁽⁴⁰⁾.

Переходимъ къ главнѣйшимъ участникамъ проэкта Секиотова изъ стариннаго шляхетства.

Алексѣй Юрьевичъ Бибиковъ, двоюродный братъ Ивана Ивановича Бибикова, участвовавшего въ проэктѣ князя Черкаскаго, пользовался особою довѣренностью Петра В. Въ концѣ его царствованія онъ занималъ должность прокурора мануфактуръ-коллегии, а въ 1726 г. опредѣленъ въ эту коллегію вице-президентомъ; въ 1727 г. назначенъ генераль-рекетмейстеромъ при сенатѣ⁽⁴¹⁾.

О полковникѣ Петрѣ Алексѣевичѣ Соковинѣ мы знаемъ очень мало. Извѣстно только, что въ 1729

(II, с. 72, 74) дѣтей не было, но мы считаемъ Александра Васильевича сыномъ Салтыкова кравчата, потому что онъ называется Александромъ Васильевичемъ въ официальныхъ документахъ и по годамъ своимъ не могъ быть сыномъ кого либо изъ другихъ Салтыковыхъ; сыномъ генераль-подиціймейстера онъ также не могъ быть, будучи почти однимъ съ нимъ лѣтъ.

⁽³⁹⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 23, 24. — Род. Р. Ст., 239—242. — См. монографію о Волынскомъ въ «Др. и Нов. Россіи» 1877 г., т. I, с. 14—15.

⁽⁴⁰⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 38, 52; ук. В. Т. С. 1728 г. — П. С. З., т. IX, № 7052.

⁽⁴¹⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 31, 32, 50, 110; ук. В. Т. С. 1726, 1727 и 1728 гг.; каб., 54, 59. — П. С. З., т. IV, № 1835; т. VIII, № 5534; т. IX, № 6876.

году онъ назначенъ состоять при С. А. Колычевѣ, по возложенному на послѣдняго порученію повѣрять счета по императорскому двору и по дворцовымъ управленіямъ; но личность Соковнина весьма интересна по его происхожденію. П. А. Соковнинъ былъ сыномъ извѣстнаго „супротивника“ Петра Великаго, окольного Алексы Прокосьевича Соковнина, замѣшаннаго въ т. назыв. заговоръ Циклера и казненнаго въ мартѣ 1697 году. Послѣ казни отца, Петръ Алексѣевичъ Соковнинъ, вмѣстѣ со старшими братьями, Васильемъ и Феодоромъ, и съ тремя племянниками (сыновьями Василя Алексѣевича)—былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Бѣлгородъ. Помилованъ былъ онъ, вѣроятно при Петрѣ II. ⁽⁴³⁾

Борисъ Загрянской (Загряжской), унтеръ-лейтенантъ пѣхотной службы былъ очень образованнымъ человекомъ и замѣчательнымъ педагогомъ. Обучавшись геодезіи въ академіи наукъ, онъ былъ опредѣленъ въ 1728 году „въ гардемарины“, для обученія наукамъ и эзерциціи солдатской“. Загряжской занимался своимъ дѣломъ очень успѣшно въ теченіи тринадцати лѣтъ и уже при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, въ апрѣлѣ 1741 года, произведенъ за отличіе въ капитаны, съ назначеніемъ начальникомъ гардемариновской роты. Адмиралтейская коллегія, аттестуя его съ отличной стороны къ вышеозначенному повышенію, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывается о его педагогическихъ заслугахъ: „Б. Загряжской и нынѣ со всякимъ радѣніемъ и желаніемъ исправляетъ (свою должность) и дѣйствительно больше ста человекъ гардемариновъ собственнымъ его обученіемъ безъ помощниковъ наукамъ по регламенту обучилъ, изъ которыхъ пожалованы въ мичманы, а другіе имѣются и въ поручикахъ отъ флота“ ⁽⁴⁴⁾.

Яковъ Римскій-Корсаковъ былъ при Петрѣ Великомъ комендантомъ Копорья и Ямбурга (1706), а вслѣдъ за тѣмъ ландрихтеромъ ингерманландской губерніи. По занимаемымъ имъ должностямъ — находился въ близкихъ

⁽⁴³⁾ Сев. Арх., ук. В. Т. С. 4729 г.—П. С. З., т. III, № 4577.

⁽⁴⁴⁾ П. С. З., т. XI, № 8367.

отношеніяхъ съ ннгерманландскимъ губернаторомъ, княземъ А. Д. Меншиковымъ (*).

Степанъ Лукичъ Игнатьевъ († 1747 г.) сдѣлался извѣстенъ, какъ опытный военный ховяинъ-администраторъ уже въ царствованіе Анны Іоанновны, а до ея воцаренія свѣдѣнія о его службѣ весьма неполны. Онъ началъ службу въ началѣ царствованія Петра В. и въ 1711 году былъ уже полковникомъ; въ 1727 году, произведенный въ бригадиры, былъ назначенъ совѣтникомъ военной коллегіи, а въ коронацію Анны Іоанновны—произведенъ въ д. с. с. Двадцать лѣтъ, до самой своей смерти, Игнатьевъ служилъ въ военной коллегіи, достигнувъ въ 1741 году должности ея вице-президента; кромѣ того, на него возлагались и другія серьезныя порученія, такъ напримѣръ: въ 1732 году онъ участвовалъ въ обсужденіи главы о вотчинахъ вновь сочиняемаго уложенія, въ 1736 году состоялъ членомъ слѣдственной комиссіи надъ иркутскимъ вице-губернаторомъ Жолобовымъ, а въ 1737 году назначенъ членомъ генеральнаго суда надъ княземъ Д. М. Голицынымъ (**).

Александръ Васильевичъ Потемкинъ (р. 1673 г. † 1746 г.) отецъ знаменитаго дѣятеля царствованія Екатерины II князя Таврическаго, былъ небогатымъ смоленскимъ, пензенскимъ и тульскимъ помѣщикомъ. Внучатный племянникъ князя Таврическаго, П. Ѳ. Карабановъ, передаетъ слѣдующее семейное преданіе, характеризующее

(**) Родословная Римскихъ-Корсаковыхъ не издана; а потому мы затрудняемся опредѣлить съ точностью отчество Якова Р. К—ва. По всей вѣроятности, это былъ Яковъ Васильевичъ.—Въ указателяхъ къ Сенатскому Архиву П. И. Баранова и къ П. С. З. Г. К. Рѣшнскаго ннгерманландскимъ ландрихтеромъ при Петрѣ В. показанъ, у перваго Яковъ Никитичъ, а у втораго Яковъ Теодоровичъ. См. въ П. С. З. о Яковѣ Ѳ—чѣ, т. IV, №№ 2067, 2130, 2133, 2168. Письма Я. В. Римск.-Корс—ва къ Меншикову въ Русск. Стар. 1872 г., т. V, с. 906—907.— Письмо Як. Никит. Р. Корс. къ Нелединскому-Мелецкому, *ibid.* 1874, т. XI, с. 767—769.

(**) Сен. Арх., им. ук., кн. 32, 36, 41, 47, 48, 52, 54, 57; ук. В. Т. С. 1727 г.; каб., 44, 35, 87.—П. С. З., т. IX, №№ 6899, 7438; т. X, №№ 7310, 7743; т. XI, №№ 8220, 8396.— Долгор., род. кн., IV, 106.

личность А. В. Потемкина. Около описываемаго времени Александръ Васильевичъ уже въ преклонныхъ годахъ и будучи въ отставкѣ пріѣхалъ въ свою пензенскую деревню, село Маншино, оди́въ, безъ жены, и влюбился въ свою сосѣдку, молодую, красивую и бездѣтную вдову Скуратову, рожденную Кондыреву, жившую у родныхъ своего умершаго мужа. Потемкинъ назвался вдовцемъ и женился на Скуратовой. Скоро послѣ свадьбы молодая Потемкина, уже беременная, узнала, что она обманута и что первая жена живетъ въ смоленской деревнѣ; потребовавъ съ нею свиданія, она горькими слезами довела ее до состраданія, убѣдила вступить въ монастырь и этимъ узаконить второй бракъ своего мужа. Отъ перваго брака Александръ Васильевичъ дѣтей не имѣлъ, а отъ втораго имѣлъ четырехъ дѣтей и сына, бывшаго моложе всѣхъ своихъ сестеръ, — Григорія, впоследствии князя Таврическаго (родился онъ въ 1739 г.). Анонимный біографъ князя Потемкина-Таврическаго (Рус. Стар. 1875 г., т. XII, с. 483—485) передаетъ слѣдующую характеристику Александра Васильевича: „За исключеніемъ личной храбрости, иными дарованіями онъ не отличался; онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, бывалъ раненъ и при всемъ томъ, въ теченіи тридцати лѣтъ едва дослужился до чина арміи полковника. Безуспѣшность служебнаго поприща Александра Потемкина объясняется уже отчасти его характеромъ: онъ былъ человекъ тяжелый и своенравный. Желая подать въ отставку за ранами, Потемкинъ, согласно узаконеніямъ того времени, явился въ военную коллегію на свидѣтельствованіе. Снимая мундиръ, онъ въ числѣ предсѣдательствовавшихъ членовъ узналъ унтеръ-офицера, когда-то служившаго у него въ ротѣ. Эта встрѣча возмутила Потемкина и онъ, указывая на бывшаго своего подчиненнаго, сказалъ: „Какъ, и онъ будетъ меня свидѣтельствовать! Я сего не перенесу и останусь еще въ службѣ, сколь ни тяжки мои раны“. И послѣ того пробылъ на службѣ еще два года⁽⁴⁶⁾.

⁽⁴⁶⁾ Долгор., род. кн., II, с. 168—169. — Карабановъ, «Статьи-дамы», Р. Ст. 1871 г., т. IV, с. 39—41. — Его-же «Разказы», Р. Ст. 1872 г., т. V, с. 463—467.

Никита Матвѣевичъ Болотовъ († 1766 г.) приходился внучатымъ дѣдомъ извѣстному автору „Записокъ“, Андрею Тимоф. Болотову, который изображаетъ его (въ 1765 г.) слѣдующими чертами: „Онъ былъ человѣкъ не молодыхъ лѣтъ и изъ числа старинныхъ, а не новомодныхъ людей; житія былъ честнаго, но весьма строптиваго, нравъ имѣлъ горячій, вспыльчивый и во всѣхъ своихъ дѣлахъ наблюдалъ такую единоравность, что почитаемъ былъ отъ всѣхъ не только весьма строгимъ, но притомъ своенравнымъ и упрямымъ человѣкомъ. Но что всего хуже, то духъ его былъ зараженъ непроницаемымъ лукавствомъ, для которой причины ни съ однимъ человѣкомъ не обходился онъ повѣренно, но всегда содержалъ себя въ нѣкоторомъ удаленіи. Сей порядокъ умѣлъ онъ покрывать наилучшимъ покрываломъ, обходясь съ незнакомыми и посторонними людьми съ необыкновенною ласкою и униженностью, и потому съ перваго вида казался всякому ангеломъ, а не человѣкомъ. Но противное тому сказывалось, когда доходило кому имѣть съ нимъ дѣло ближе, или кто по несчастію попадался ему въ команду. Однимъ словомъ, для вышеупомянутыхъ причинъ не имѣлъ онъ въ свѣтѣ ни одного не только вѣрнаго друга, но ниже хорошаго пріятеля, и тому единственно самъ былъ причиною: ибо, какъ онъ и съ наилучшими пріятелями и родственниками своими обходился всегда съ лукавствомъ и никогда не доходило до откровенности и дружеской повѣренности, и онъ наиболѣе не то говаривалъ, что думалъ; то они, не могши получить и найтить въ немъ то, что въ обхожденіи и дружествѣ пріятнымъ почитается, мало по малу отъ него отставали“ (47).

(47) См. Записки Болотова, изд. Р. Ст., т. I, с. 322—324.— Болотовы ведутъ родъ свой отъ ордынскаго выходца въ XIII—XIV в. См. *ibid.*, с. 3.—Различіе двухъ линій Болотовыхъ, возникшихъ въ XVII в., потомковъ двухъ сыновей Ерофея Гавриловича—Осипа и Кирилы, авторъ „Записокъ“ характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Натура раздѣлила оба сія дома чуднымъ образомъ, снабдивъ ихъ весьма разными свойствами. Потомки Осиповы были немногочисленны и не долговѣчны, но добродѣтельные и лучшихъ свойствъ и качествъ душевныхъ, а потомки Кирилыны гораздо долговѣчнѣе и многочисленнѣе, но при томъ далеко не такихъ свойствъ были. Однимъ словомъ, нравы обихъ сихъ домовъ изстари были несогласны между собой. Наши предки были добро-

Къ третьей группѣ принадлежатъ родственники любимцевъ Петра В.—Меншикова и Шафирова, и „худородные“ служилые люди новой Россіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ двухъ Арсеньевыхъ (родственниковъ жены князя Меншикова Дарьи Ивановны, рожденной Арсеневой) И. З. Аршеневскаго, А. Жолобова, молодаго инженера Ивана Мичурина, Василья Мошкова, придворнаго Петра В.—Сергѣя Нестерева, Познякова и Ѳ. И. Соймонова⁽⁴⁸⁾.

Исаія Захаровичъ Аршеневскій изъ смоленскихъ шляхтичей, при Петрѣ В. былъ комендантомъ въ Смоленскѣ, а при Елизаветѣ Петровнѣ смоленскимъ губернаторомъ. Марья Николаевна Аршеневская, родная тетка отца Исаи Захаровича, была замужемъ за двоюроднымъ братомъ вице-канцлера Шафирова—Павломъ Веселовскимъ (р. 1685 г.). Веселовскій былъ замѣчательнымъ дипломатомъ эпохи Петра Великаго; онъ находился резидентомъ при вѣнскомъ дворѣ во время бѣгства въ Австрію царевича Алексѣя Петровича и оказалъ ему большое покровительство; послѣ процесса царевича, не смотря на требованія русскаго правительства возвратиться въ Россію, Веселовскій остался въ Германіи. Онъ кончилъ жизнь въ Женевѣ, имѣя отъ роду около 100 лѣтъ. Родственникъ Исаи Захаровича Аршеневскаго, Иванъ Аршеневскій, былъ замѣчанъ въ дѣло князя Александра Черкаскаго (1734 года)⁽⁴⁹⁾.

Алексѣй Жолобовъ, прокуроръ штатсъ-конторы, назначенный на эту должность еще Петромъ Великимъ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Ивановичемъ Библиковымъ и въ 1730 году желалъ видѣть на престолѣ Елизавету Петровну, или ея племянника голштинскаго принца. До

душны, откровенныѣ, чисто-сердечныѣ, дружелюбныѣ, а тѣ скромныѣ, или, прямѣ сказать, лукавыѣ и неприступныѣ». (Записки Болотова, I, с. 23).

⁽⁴⁸⁾ Долгор., род. кв., IV, 244—249.—Сен. Арх., им. ук., кн. 39.—Р. Ст. 1874 г., т. XI, с. 241—242.—Арсеньевы принадлежатъ къ старинному служилому роду, но мы включаемъ ихъ въ эту группу потому только, что въ первой половинѣ XVIII в. они особенно возвысились по родственнымъ отношеніямъ къ Меншикову. Подробности см. въ 1-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

⁽⁴⁹⁾ Голиковъ, Д. П. В., IX, с. 404.—Род. Р. Ст., I, 425, 438, 444.—П. С. З., IX, № 6647.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., I, 274—277. (Биогр. А. П. Веселовскаго).

своего прокурорства Жолобовъ служилъ комиссаромъ въ Ригѣ, тамъ онъ встрѣчался съ Бирономъ и разъ подъ „пьяную руку“ толкнулъ его въ ассамблеѣ; по собственному призванію, онъ не рѣдко бывалъ въ то время Бирона. Жолобовъ былъ въ близкаxъ отношеніяхъ съ всеильнымъ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго камергеромъ Монсомъ и его секретаремъ Егоромъ Столѣтовымъ. Возвратясь въ 1727 году изъ Голштиніи съ тѣломъ умершей герцогини Анны Петровны, Бибииковъ рассказывалъ о печали и слезахъ ея мужа. Жолобовъ былъ очень тронутъ этимъ рассказомъ. „Правда, есть по вомъ плакать, жена была неѣмъ его лучше, вся въ отца была“,—говорилъ Жолобовъ и затѣмъ заплакалъ.

— „Голштинскій молодой принцъ (которому было тогда около двухъ лѣтъ) къ русскимъ людямъ ласковъ“—говорилъ своимъ знакомымъ Жолобовъ въ 1730 г. во время толковъ объ избраніи преемника Петру II-му.

Въ коронацію Анны Иоанновны Жолобовъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Иркутскъ, вмѣсто своего пріятеля И. И. Бибиикова. Въ пять лѣтъ управленія Восточной Сибирью Жолобовъ прославился жестокостію и казнокрадствомъ. Въ 1735 году была учреждена коммисія и въ томъ же году возникло въ Иркутскѣ дѣло Столѣтова. Изъ показаній Столѣтова обвараужились симпатіи Жолобова въ 1730 году и 9 июля 1736 г. онъ былъ казненъ въ Петербургѣ. Официальными преступленіями Жолобова были его жестокость и казнокрадство въ Иркутской губерніи⁽⁸⁰⁾.

Статскій совѣтникъ Иванъ Давидовичъ Покляковъ при Петрѣ В. былъ дьякомъ, а затѣмъ оберъ-секретаремъ сената. За какой-то служебный проступокъ, намъ неизвѣстный, онъ былъ разжалованъ, но въ 1724 году прощенъ съ возвращеніемъ чиновъ, впрочемъ двумя рангами ниже. Въ 1726 году опредѣляется онъ въ петербургскую полицію, а въ концѣ 1727 года назначается петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. Въ 1729 году онъ переводится

⁽⁸⁰⁾ Сен. Арх., им. укл., кн. 18, 32, 33, 46.—П. С. З., т. IX № 7009.—Дѣло Столѣтова, Р. Ст. 1874 г., т. VIII, с. 11, 14, 17, 23, 25. Замѣтка о Жолобовѣ Н. И. Чупина, *ibid.*, с. 983, 992.

оберъ-полиціймейстеромъ въ Москву; въ этой должности застають его кончина Петра II и избраніе Анны Іоанновны^(*).

Теодоръ Ивановичъ Соймоновъ (р. 1682 г. † 1780 г.) родственникъ Нарышкинымъ и Головкинымъ, былъ сыномъ небогатаго помѣщика, но человѣка очень умнаго. Дома, подъ надзоромъ своего отца, Соймоновъ обучился русскому и латинскому языкамъ, потомъ поступилъ въ морское училище и, по окончаніи въ немъ ученія, былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ Голландію для изученія морскаго дѣла. Успѣшно обучившись ему, Соймоновъ поступилъ во флотъ и пользовался покровительствомъ Петра Великаго. По порученію царя онъ описалъ Каспійское море (въ 1719—1720 гг.) и составилъ карту этого моря. Въ 1722 году Соймоновъ принималъ дѣятельное участіе въ персидскомъ походѣ Петра Великаго, а затѣмъ снова занялся болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ и описаніемъ Каспійскаго моря. Соймоновъ былъ замѣчательный морякъ, математикъ и географъ. Бантышъ-Каменскій приводитъ заглавія семи его сочиненій. Назначенный въ концѣ 1730 года прокуроромъ адмиралтейской коллегіи, онъ въ царствованіе Анны Іоанновны занимаетъ все болѣе и болѣе важныя должности оберъ-кригсъ комиссара (1733 года) и оберъ-прокурора сената (1738 года). По своимъ близкимъ отношеніямъ въ А. П. Волинскому, Соймоновъ былъ замѣшанъ въ его процессъ и въ 1740 г. наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Охотскъ простымъ рабочимъ на тамошній солеваренный заводъ. Въ 1742 году Елизавета Петровна возвратила ему дворянское достоинство и дозволила жить, гдѣ пожелаетъ. Назначенный въ 1757 году губернаторомъ въ Сибирь, Теодоръ Ивановичъ Соймоновъ былъ однимъ изъ немногихъ правителей этой обширной страны, оставившихъ послѣ себя неизгладимые слѣды просвѣщенной заботливости о нуждахъ мѣстнаго населенія. Онъ дожилъ до восшествія на престолъ Екатерины II, которая вызвала его изъ Сибири въ Петер-

(*) Матеріалы воен.-учен. арх. главн. штаба, т. I (Спб. 1874 г.), к. 238, 270, 282, 288, 323, 386.—Голіковъ. Д. П. В., VI, 284; VIII, 474; IX, 63, 423, 433, 436.—Сен. Арх., ин. ук., кн. 26, 29; ук В. Т. С. 1727 и 1729 гг.—П. С. З., т. VIII, № 5476.

бургъ и пожалована сенаторомъ. Екатерина II любила разсуждать съ умнымъ старцемъ о нуждахъ и потребностяхъ Сибири. Въ 1766 г. Соймоновъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію, съ чиномъ д. т. с. и еще 14 лѣтъ мирно прожилъ въ кругу своего семейства⁽⁵²⁾.

Во главѣ проекта Алабердеева стоитъ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ.

Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, внучатный братъ царицы Натальи Кириловны, получилъ образованіе во Флоренціи, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и въ Англіи и былъ затѣмъ генералъ-адъютантомъ Петра В. Въ семейной распрѣ царя Петра съ сыномъ его Алексѣемъ, Семенъ Нарышкинъ держалъ сторону послѣдняго. Онъ былъ недоволенъ Петромъ за отрѣшеніе отъ престолонаслѣдія старшаго сына въ пользу младшаго (Петра Петровича—отъ Екатерины), находя въ этомъ нарушеніе справедливости и западноевропейскихъ обычаевъ, которые онъ тщательно изучилъ, будучи за границей. Семенъ Нарышкинъ разговаривалъ съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ о порядкахъ престолонаслѣдія въ западно-европейскихъ государствахъ. Въ одинъ изъ такихъ разговоровъ онъ сказалъ царевичу:

— „У прусскаго короля дядя отставленъ, а племянникъ на престолѣ, для того что большаго брата сынъ“, — и, посмотрѣвъ на царевича, прибавилъ: „вѣдь и мимо тебя брату отдастъ престолъ отецъ дурно“.

— „У насъ онъ воленъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ: у насъ не ихъ нравы“—отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ.

— „Это не вѣдомо, что будетъ“, возразилъ Нарышкинъ— „будетъ, такъ сдѣлается, во всемъ свѣтѣ сего не водится“.

Семенъ Нарышкинъ порицалъ Петра В. и за его жестокость и непониманіе частныхъ нуждъ служилыхъ людей.

— „Горько намъ“, жаловался разъ Нарышкинъ царевичу Алексѣю. — „Говорить (царь): „что вы дома дѣлаете? я не знаю какъ безъ дѣда дома быть“. Онъ нашихъ нуждъ не

⁽⁵²⁾ Берхъ, «Жизнеоп. рос. адмир.», с. 413—464.—Бятышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, 268—279.—О Соймоновѣ много у Голякова; см. указ. ко 2-му изд. Д. П. В.—Некарскій, «Наука в лит. Петр. вр.», I, 346.

знаешь; а будешь дошъ свой смотрѣть хорошенько, часу не найдешь безъ дѣла“.

— „То правда“ — отвѣчалъ царевичъ.

Нарышкинъ продолжалъ: — „Когда бъ ему приключилось придти домой, а иное дровъ нѣтъ, иное иваго нѣтъ, такъ бы узнали, что мы дома дѣлаемъ!“

Нарышкинъ былъ освобожденъ въ 1718 г. въ дальнюю деревню безъ лишенія впрочемъ чиновъ. Екатерина I вызвала его ко двору и назначила гофмейстеромъ Анны Петровны, герцогини голштинской. Въ 1730 году С. Г. Нарышкинъ управлялъ дворомъ Елизаветы Петровны⁽⁶³⁾.

Изъ остальныхъ участниковъ этого прозвѣта, кромѣ уже названнаго князь Алабердева, выдающимися личностями были: князь Василій Юрьевичъ Одоевской, баронъ Александръ Григорьевичъ Стрѣгановъ и Андрей Θεодоровичъ Хрущовъ.

Князь Василій Юрьевичъ Одоевской (р. 1672 г. † 1752 г.), потомокъ самаго старшаго поколѣннѣ князей Рюриковичей. Одинъ изъ родичей его, бояринъ Никита Ивановичъ Одоевской, былъ председателемъ комисси, подготовившей „Уложеніе“ царя Алексея Михайловича. 26-ти лѣтъ отъ роду, въ 1698 году, князь Василій Юрьевичъ былъ поручикомъ семеновскаго полка, а вѣтъмъ служилъ во флотѣ и около 1722 года занималъ должность члена адмиралтейской коллегіи, а въ этомъ году былъ президентомъ штатсконтодры. При Екатеринѣ I, въ концѣ 1726 года, князь Одоевской опредѣленъ къ дѣламъ мастерской палаты въ Москву, съ порученіемъ также завѣдывать оружейной палатой и военнымъ приказомъ⁽⁶⁴⁾.

Баронъ Александръ Григорьевичъ Стрѣгановъ, потомокъ знаменитыхъ Стрѣгановыхъ, колонизаторовъ верховьевъ Камы, призванныхъ при Юаннѣ Гроз-

⁽⁶³⁾ Род. П. Ст., I, 239—242. — Замѣтка Лонгинова въ Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 76. — Устряловъ «Ист. Петра В.», II, с. 567; VI, с. 165, 166, 195, 251. — Сеп. Арх., им. ук., кн. 4, 7, 24; ук. В. Т. С. 4728 и 4729 гг. — Госуд. Арх., врот. В. Т. С. за янв. и февр. 1730 г.

⁽⁶⁴⁾ Долгор., род. кн., I, с. 55 и слѣд. — Сеп. Арх., ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.

вомъ Ермава, покорителя Сибири,—былъ женатъ вторымъ бракомъ на Дмитриевой-Мамоновой, вслѣдствіе чего считался родствомъ съ императрицей Анной Иоанновной⁽⁵⁵⁾.)

А н д р е й О е о д о р о в и ч ь Х р у щ о в ь, отправленный Петромъ В. въ 1712 году въ Голландію, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ имѣлъ еще хорошую бібліотеку, въ которой преобладали политическія сочиненія. Сблизившись въслѣдствіи съ А. П. Волынскимъ, Хрущовъ былъ казненъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 году⁽⁵⁶⁾.

Участники первоначальной редакціи проекта Максима Грекова всѣ, кромѣ одного, извѣстны намъ изъ предъидущихъ проектовъ князя Черкаскаго и Секиотова, Новымъ лицомъ, подписавшимъ первоначальную редакцію проекта Грекова, является князь Григорій Дмитриевичъ Юсуповъ...

К н я з ь Г р и г о р і й Д м и т р і е в и ч ь Ю с у п о в ь, сынъ Абдула-мурзы, происходившаго отъ ногайскаго князя Юсуфа (половины XVI вѣка) былъ однимъ изъ боевыхъ генераловъ эпохи Петра Великаго. Его умъ, неустрашимость и отвага доставили ему расположеніе царя. Въ 1719 году князь Юсуповъ былъ генералъ-майоромъ, а въ 1722 году сенаторомъ. Екатерина I произвела его въ генералъ-поручика, а Петръ II назначилъ подполковникомъ преображенскаго полка и первымъ членомъ военной коллегіи. Испанскій посолъ де-Лирія такъ характеризуетъ Юсупова: „Князь Юсуповъ татарскаго происхожденія, (братъ его еще и поднимъ магометанинъ)—человѣкъ вполнѣ благовоспитанный (*galant homme*); очень хорошо служившій, достаточно знакомый съ военнымъ дѣломъ, онъ былъ весь покрытъ ранами; князь любилъ иностранцевъ, и былъ очень привязанъ къ Петру II,—однимъ словомъ принадлежалъ къ числу тѣхъ

(55) Долгор., род. кн., II, 208—213.—См. Д. Н. В. Голякова. IX, 124, 318, 353, 377; X, 363; XI, 488; XV, 118, 127.—Иванъ Ильичъ Дмитриевъ-Мамоновъ былъ женатъ на родной сестрѣ Анны Иоанновны, царевнѣ Прасковѣ.

(56) П. П. В. въ Сб. рус. ист. общ., т. XI, с. 231.—Сен. Арх. им. ун. кн. 35, 43.—О Хрущовѣ см. у Годякова, въ Д. Н. В., IX, 459; XI, 417; XV, 250, 253.—Монографія объ А. П. Волынскомъ «Др. и Нов. Рос.» 1877 г., т. II и III, гл. IX, X и XI.—Пекарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, 142.

людей, которые всегда идут прямою дорогою. Одна страсть омрачала его—страсть къ вину⁽⁵⁷⁾.

Степанъ Андреевичъ Колычевъ, являющійся во главѣ особаго мнѣнія, остальные участники котораго намъ неизвѣстны,—происхожденіемъ своимъ принадлежалъ къ старинному русскому роду, предокъ котораго былъ знатный человекъ, выѣхавшій изъ Пруссіи въ Москву въ XIV вѣкѣ (Колычевы ведутъ свой родъ отъ одного родоначальника съ Шереметевыми и Романовыми, предками царя Михаила Феодоровича). Степанъ Андреевичъ Колычевъ обратилъ на себя вниманіе Петра В, еще будучи очень молодымъ человекомъ. Въ 1697 году, въ чинѣ стольника, онъ былъ отправленъ въ Англію и Голландію для наученія корабельному дѣлу. По возвращеніи изъ-за границы, онъ поступилъ въ семеновскій полкъ и будучи раненъ въ 1704 году подъ Нарвой, оставилъ военную службу. Онъ былъ назначенъ оберъ-комендантомъ, а потомъ губернаторомъ въ Воронежѣ, гдѣ въ то время дѣятельно производилось кораблестроеніе,—и Колычеву пришлось примѣнить къ практикѣ свѣдѣнія, вывезенныя имъ изъ за-морья. Въ 1713 году онъ былъ главнымъ комиссаромъ при проведеніи границы между Россією и Турцією по Прутскому договору, а въ 1721 году назначенъ герольдмейстеромъ, въ обязанность котораго входила въ то время, часть обязанностей прежняго разряда,—разборъ дворянскихъ недорослей, годныхъ къ военной службѣ. Съ 1725 по 1727 годъ онъ, также въ званіи главнаго комиссара, разграничивалъ земли между Китаемъ и Сибирью, а въ 1729 году получилъ порученіе провѣрить счета дворцовой канцеляріи⁽⁵⁸⁾.

Изъ участниковъ проекта Матюшкина преобладающимъ элементомъ являются люди родословные (10 человекъ), остальные принадлежатъ къ стариннымъ шляхетскимъ фами-

⁽⁵⁷⁾ Долгор., род. кн., II, 33—35.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., V, с. 369—371.—Де-Лиріа, «Характеристики», ркн., с. 154—155.

⁽⁵⁸⁾ Долгор., род. кн., III, 497; IV, 136.—Матер. воен.-учен. арх. Гл. Шт., т. I (Саб. 1874 г.) Примѣч., с. 01—02.—Письма Петра В. къ Ст. Колычеву, *ibid.*, с. 1—52.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, 566.—Голиковъ, Д. П. В., см. указатель ко 2-му изд.

ліамъ (5 чел.). По роду службы они раздѣляются слѣдующимъ образомъ: генераловъ—8, высшихъ гражданскихъ чиновъ 6 и 1 придворный. Замѣчательно, что въ проактѣ Матюшкина участвуютъ лица, находящіяся въ близкомъ родствѣ, или близкихъ отношеніяхъ, съ одной стороны съ князьями Долгорукими, а съ другой—съ императрицею Анною Иоанновною.

Генералъ - аншефъ Михаилъ Афонасьевичъ Матюшкинъ (р. 1686 г.) былъ сынъ холмогорскаго воеводы и боярина Аѳонасыя Ивановича Матюшкина, пользовавшагося большимъ расположеніемъ царя Алексѣя Михайловича и приходившагося ему двоюроднымъ братомъ по матери: Ѳеодосія Лукьявовна Стрѣшнева, мать Аѳонасія Ивановича Матюшкина, была родная тетка царя Алексѣя. По этому родству, съ самаго дѣтства Михаилъ Аѳонасьевичъ былъ близокъ къ Петру Великому: на седьмомъ году отъ рожденія онъ, былъ уже его комнатнымъ стольникомъ, а затѣмъ однимъ изъ первыхъ его „потѣшныхъ“. Въ 1697 г. онъ отправленъ въ Италію для обученія морскому дѣлу. Свои военныя дарованія Матюшкинъ особенно проявилъ въ персидскомъ походѣ 1722 года и затѣмъ во время главнаго начальства надъ войсками, расположенными въ персидскихъ областяхъ. Человѣкъ прямой и откровенный, Матюшкинъ—одинъ изъ немногихъ дѣятелей первой половины XVIII в. прожилъ честно, не покрывивъ душой. До страсти любя Петра Великаго, онъ не мирволилъ слабостямъ великаго монарха и былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Меншикова (*).

Второй сынъ знаменитаго дипломата эпохи Петра В. князя Григорія Ѳеодоровича Долгорукаго, князь Сергѣй Григорьевичъ, извѣстенъ гораздо менѣе всѣхъ остальныхъ своихъ родичей первой половины XVIII в.; между тѣмъ князь Сергѣй Григорьевичъ, по своимъ способностямъ и служебной дѣятельности, стоитъ несравненно выше многихъ изъ нихъ. Молодость свою Сергѣй Григорье-

(*). Родоначальникъ Матюшкиныхъ Албушъ выѣхалъ въ XIII в. изъ Золотой Орды въ Новгородъ гдѣ получилъ помѣстья отъ Александра Невскаго. См. Род. Р. Ст., I, 77—79.—Устряловъ «Ист. Петра В.», II, с. 566.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., II, с. 349—356.—О Матюшкинѣ много у Голицына, см. указат. ко 2-му изд. Д. П. В.

вичъ провель въ западно-европейскихъ государствахъ, состоя при посольствахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. Женившись на дочери извѣстнаго знатока тогдашнихъ международныхъ сношеній вице-канцлера Шафирова, баронессѣ Марѣѣ Петровнѣ, онъ получилъ въ лицѣ своего тестя знающаго и опытнаго руководителя на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1721 году князь Сергѣй занялъ постъ своего отца, посланника при польскомъ королѣ Августѣ. Отозванный изъ Варшавы въ 1725 году, онъ снова былъ назначенъ посломъ въ Польшу въ 1728 г. и вторично оставилъ этотъ постъ лишь по вызову своихъ родичей въ 1729 году, когда былъ вовлеченъ въ честолюбивые замыслы своего брата Алексѣя Григорьевича. Князь Сергѣй былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ составленіи подложной духовной императора Петра II, по которой русскій престолъ передавался отъ имени Петра II-го его обрученной невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, дочери князя Алексѣя. Участіе въ составленіи этой духовной погубило князя Сергѣя и всю его семью, довольно многочисленную (*).

Личность князя Ивана Григорьевича Долгорукаго рисуется очень неясно. Изъ немногихъ данныхъ можно заключить, что онъ былъ человѣкъ весьма посредственнаго ума, пассивно подчинившійся волѣ князя Василія Луковича Долгорукаго и своего брата Алексѣя. Служебнымъ возвышеніемъ (онъ былъ сенаторомъ) онъ исключительно обязанъ помолвкѣ своей племянницы съ императоромъ Петромъ II (*).

Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ принадлежалъ къ немногимъ потомкамъ Рюрика, утратившимъ княжескій титулъ. Онъ происходилъ отъ смоленскихъ князей и во второмъ супружествѣ былъ женатъ морганатически на родной сестрѣ Анны Иоанновны, царевнѣ Прасковѣ. Дмитріевъ-Мамоновъ отличался храбростью и суровостью нрава. Начавъ службу въ преображенскихъ потѣшныхъ, онъ доказалъ свою отвагу въ шведской войнѣ и былъ очень любимъ и уважаемъ Петромъ Великимъ; онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи „воинскаго артикула“.

(*) Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ, с. 88.

(*) ibid.

Въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны онъ держался въ сторонѣ; опасаясь слишкомъ открыто выставить себя сторонникомъ самодержавія своей свояченицы. Испанскій посоль де-Лирія считаетъ его человѣкомъ значительнымъ, съ умомъ и характеромъ, но преисполненнымъ лукавства и пронырливости⁽⁶⁹⁾.

Иванъ Петровичъ Шереметевъ, (р. 1669 г. † 1735 г.) меньшой братъ знаменитаго фельдмаршала графа Бориса Петровича, былъ членомъ стариннаго и извѣстнаго въ русской исторіи рода бояръ Шереметевыхъ. Потомки Андрея Кобылы, отъ котораго вели свой родъ и предки царя Михаила Ѳеодоровича Романова, Шереметевы въ теченіи XVI и XVII вв. занимали первенствующія должности при дворѣ и на службѣ царей московскихъ и состояли въ родствѣ съ княжескими родами Черкасскихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Одоевскихъ. Лично Иванъ Петровичъ Шереметевъ не отличался ни умомъ, ни талантами. Онъ началъ службу во флотѣ и въ 1727 году былъ капитанъ-командоромъ; въ 1728 г. перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ действительнаго статскаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ былъ главнымъ судьей канцеляріи конфискаціи, а затѣмъ начальникомъ сибирскаго приваза⁽⁷⁰⁾.

Матвѣй Ѳеодоровичъ Воейковъ, назначенный въ 1722 году прокуроромъ въ главный магистратъ, съ 1727 г. былъ оберъ-прокуроромъ сената, а въ 1728 году

(69) Бантышъ-Каменискій, «Словарь», изд. 1847 г., I, с. 564—566.—Рг. P. Dolgouckow. «Memoires», I, p. 122.—Де-Лирія, «Характеристики», ркз., с. 155—156.—П. С. З., т. VI, № 4850; т. VIII, № 5510.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 22, 25; ук. В. Т. С. 1727 г.

(70) Долгору., родоскв., III, 494—495, 498—500. И. П. Шереметевъ, сынъ боярина Петра (большаго) Васильевича, отъ втораго брака (съ кѣмъ неизвѣстно); отъ перваго брака съ Анной Ѳеодоровной Волынской († 1684 г.) Петръ Васильевичъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій былъ Борисъ Петровичъ, и двухъ дочерей.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 32, 34.—Академикъ Пеккарскій приводитъ извѣстіе, что у И. П. Шереметева, въ числѣ другихъ книгъ, находился русско-латинскій лексиконъ Ерифанія Славинацкаго, въ настоящее время хранящійся въ библіотекѣ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. (См. «Наука и лит. Петр. вр.», I, 189).

произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. По словамъ К. И. Арсеньева, Воейковъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ князю Ивану Ѳеодоровичу Ромодановскому и С. А. Салтыкову и принадлежалъ къ сторонникамъ Остермана⁽⁶⁴⁾.

Ѳеодоръ Васильевичъ Наумовъ, еще при Петрѣ Великомъ былъ сенаторомъ, при Екатеринѣ I членомъ комиссіи о коммерціи, а при Петрѣ II на него было возложено важное порученіе приготовительныхъ дѣйствій для избранія гетмана въ Малороссіи; съ избраніемъ гетмана Данила Апостола онъ состоялъ при немъ „министромъ“ до конца 1728 г. Въ царствованіе Анны Іоанновны былъ уволенъ въ Казанскій край для устройства новой закамской линіи⁽⁶⁵⁾.

Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ (р. 1664 † 1743 г.), производившій свой родъ отъ древней британской фамилии, одинъ изъ членовъ которой эмигрировалъ въ Московское государство въ XV в.,—состоялъ въ теченіи многихъ лѣтъ гофмейстеромъ курляндскаго двора Анны Іоанновны (съ 1712 по 1727 г.), и, какъ мы видѣли, былъ въ числѣ очень близкихъ лицъ въ курляндской герцогинѣ. Участіе его въ шляхетскомъ прозектѣ вмѣстѣ съ двумя Долгорукими набросило тѣнь на его преданность Аннѣ Іоанновнѣ и онъ былъ, вслѣдъ за провозглашеніемъ ея самодержавія, назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. По мѣрѣ ухудшенія участи князей Долгорукихъ ухудшалась и судьба П. М. Бестужева. Онъ былъ сосланъ на безвыѣздное житье въ деревню, гдѣ прожилъ до 1737 г. Только благодаря заступничеству сыновей своихъ, онъ получилъ дозволеніе жить по желанію или въ Москвѣ, или въ своихъ деревняхъ⁽⁶⁶⁾.

Дмитрій Ѳеодоровичъ Ероцкинъ, отецъ извѣстнаго дѣятеля во время московской чумы 1771 года

⁽⁶⁴⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 18; ук. В. Т. С. 1727—1728 гг. — Арсеньевъ, «Царств. Петра II», с. 58.

⁽⁶⁵⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 35.

⁽⁶⁶⁾ Долгор., род. кн., IV, с. 287—288.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727—1730; им. ук., кн. 32. — Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 г., т. I, с. 153—153.

затѣмъ московскаго главнокомандующаго, состоялъ въ 1711 году въ Варшавѣ при русскомъ посланникѣ князѣ Григоріи Ѳеодоровичѣ Долгорукомъ. Въ 1719 году онъ былъ уже въ чинѣ полковника и пользовался особымъ довѣріемъ Петра Великаго, который возлагалъ на него дипломатическія порученія—вести переговоры съ герцогомъ мекленбургскимъ и короннымъ польскимъ гетманомъ Синявскимъ. Въ 1722 году Ерошкинъ командовалъ драгунскимъ нарвскимъ полкомъ; а съ 1728 года былъ московскимъ оберъ-комендантомъ и занималъ эту должность въ 1730 году, будучи въ чинѣ генераль-майора. Въ апрѣлѣ 1730 года, еще до коронаціи Анны Іоанновны, онъ былъ назначенъ въ „Низовый корпусъ“, гдѣ и находился въ теченіи всего ея царствованія. Ерошкинъ уволенъ отъ службы 3 марта 1740 года съ производствомъ въ генераль-поручики⁽⁶⁷⁾.

Иванъ Петровичъ, старшій изъ Измайловыхъ, въ описываемое время генераль-майоръ, занималъ должность гофмаршала при царицѣ Евдокии Ѳеодоровнѣ. Еще при Петрѣ Великомъ, въ 1716 году онъ былъ назначенъ московскимъ оберъ-комендантомъ, а при Екатеринѣ I-й былъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. По утвержденіи самодержавія Анны Іоанновны, Измайловъ былъ переведенъ губернаторомъ въ дальнюю астраханскую губернію⁽⁶⁸⁾.

Левъ Васильевичъ Измайловъ (р. 1687 г. † 1738 г.) принадлежалъ въ выдающимся по образованію людямъ своего времени. Молодость его прошла за границей: еще очень молодымъ человѣкомъ поступилъ онъ въ военную службу короля датскаго. Въ 1706 году Петръ Великій поручалъ ему дипломатическіе переговоры съ Пруссіей и Польшею и писалъ молодому Измайлову собственноручныя письма. Въ 1707 году, возвратясь въ Россію капитаномъ датской службы, Измайловъ былъ зачисленъ тѣмъ же чиномъ въ преображенскій полкъ и находился въ дѣйствующей арміи фельдмаршала Шереметева. Въ 1710 году онъ отправленъ въ Данію съ дипломатическимъ порученіемъ, а черезъ

⁽⁶⁷⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; см. ук. кн. 32, 34, 57.—Голыковъ, Д. II. В., VII, 264, 430—431; XV, 286.—П. II. В. въ Сб. рус. ист. общ., т. XI, с. 442.

⁽⁶⁸⁾ П. С. З., т. VII, № 4954.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727—1728 гг., см. ук., кн. 7, 43.

десять лѣтъ ѣздилъ въ Китай, въ званіи чрезвычайнаго посланника, для возстановленія торговли съ Китаемъ и заключенія коммерческаго трактата. Въ январѣ 1722 г. Измайловъ возвратился въ Москву, не достигнувъ цѣли посольства, но своимъ умомъ и благоразумнымъ образомъ дѣйствій упрочилъ послѣдующія сношенія Россіи съ Небесной Имперіей. Въ инструкціи, данной Петромъ Великимъ Измайлову, между прочимъ предписывалось, по обычаю царя, „развѣдывать объ образѣ и состояніи тамошняго правительства, о числѣ войскъ и оружіи ихъ, о союдахъ ихъ, о крѣпостяхъ и о войнѣ, или ссорахъ ихъ, *внося все это въ тайную записку*; а наипаче замѣтить, какіе товары оттуда лучше получаютъ Россіи съ прибыткомъ казнѣ и поданнымъ, и на какіе русскіе товары въ Китай большой походить“. По возвращеніи изъ Китая, Измайловъ представилъ Петру Великому „описаніе пути своего, положенія и разстоянія городовъ и мѣстъ“, приложивъ къ описанію географическую карту. Въ 1727 году Левъ Васильевичъ женился на дочери фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ. При Аннѣ Ивановнѣ Измайловъ не занялъ виднаго положенія; онъ былъ армейскимъ генераломъ подъ начальствомъ Миниха⁽⁶⁹⁾.

Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, генералъ-майоръ и выборгскій оберъ-комендантъ, былъ назначенъ на эту должность еще Петромъ Великимъ и оставался въ ней до начала 1732 года. Въ ноябрѣ 1728 года онъ былъ вы-

(69) Посольство Измайлова въ Китай подробно описано Н. Н. Бантыша-Каменскимъ на основаніи официальныхъ документовъ Московскаго Архива М. И. Д.; извлеченія изъ этого описанія помѣщены у Голицына въ Д. П. В. (т. VII и IX) и въ біографіи Измайлова въ «Словарѣ» Бантыша-Каменскаго, изд. 1836 г., II, с. 419—429.—Кромѣ того посольство Измайлова описано сопровождавшимъ его въ Китай врачомъ, англичаниномъ Белль д'Антермои, въ книгѣ «Voyages depuis St.-Petersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie», trad. de l'anglais, Paris, 1776, 3 vol.—и Лавромъ въ его дневникѣ пребыванія въ Китай въ 1721—1722 гг. (См. лейденское изданіе 1726 г.). Объ Измайловѣ, кромѣ вышеприведенной біографіи Бантыша-Каменскаго, см. Голицына Д. П. В., VII, 459, 464; IX, 332, 336, 344; XIV, 292—294; 417, 424—422, 483—484.—Покарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, с. 353, 432.

ванъ съ отчетомъ въ Москву. Отецъ его былъ небогатый дворянинъ, и родъ Шуваловыхъ сталъ извѣстенъ только съ Елизаветы Петровны, благодаря сыну Ивана Максимовича, знаменитому временщику того времени, графу Петру Ивановичу Шувалову, и племяннику, достопамятному основателю московскаго университета, Ивану Ивановичу Шувалову⁽⁷⁰⁾.

Въ проектѣ тринадцати молодые русскіе аристократы первой половины XVIII в. заботятся прежде всего о выдѣленіи старой родовой аристократіи изъ общей массы шляхетства; но ими руководятъ не тридцатіи родословности московскаго боярства, столь сильныя въ людяхъ старшаго поколѣнія, а примѣры западно-европейскихъ государствъ, на которые они сами указываютъ. Участники этого проекта распадаются на двѣ группы. Къ первой принадлежатъ руководители остальныхъ: братья князя Голицыны, сыновья князя Дмитрія Михайловича—князь Сергій и князь Алексій, и князь Алексій Борисовичъ Куракинъ; ко второй—молодые придворные и гвардейскіе офицеры.

Во главѣ подписей подъ проектомъ стоитъ имя князя Сергѣя Дмитриевича Голицына (р. 1696 г.) человека весьма замѣчательнаго по выдающимся умственнымъ способностямъ и блестящему образованію: 27-ми лѣтъ отъ роду онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Мадридѣ. Онъ былъ вызванъ изъ Испаніи своимъ отцемъ, княземъ Дмитриемъ Михайловичемъ, для противовѣса усиливавшейся партіи князей Долгорукихъ, и Петръ II до того сталъ поддавать его вліянію, что Долгорукиѣ рѣшились его удалить подъ благовиднымъ предлогомъ главнаго начальства надъ Сибирью. Когда князь Голицынъ отказался отъ такого назначенія (въ ноябрѣ 1729 года), то его опредѣлили посланникомъ въ Берлинъ, куда онъ уѣхалъ лишь въ концѣ января 1730 г. Князь Сергій Голицынъ наследовалъ отъ отца страсть къ просвѣщенію. Въ 1736 году, во время опалы кв. Дмитрія Михайловича, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань, что при его общественномъ и служебномъ положеніи являлось плохо замаскированной ссылкой. Онъ былъ женатъ на

⁽⁷⁰⁾ Долгор., род. кн., II, 148—149.—Сен. Арх., им. ук., кн. 20, 24, 29, 33; ук. В. Т. С. 1729 г.—Пекарскій, «Наука и лит. Петр. врем.», II, 336, 664.

Нарышкиной, которая умерла въ Испаніи, и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Остерманомъ, Г. И. Головкинымъ и другими высокопоставленными въ то время лицами ⁽⁷¹⁾.

Его младшій братъ, князь Алексѣй Голицынъ также со способностями, но менѣе выдающійся; чѣмъ Сергѣй, былъ женатъ на княжнѣ Хилковой, двоюродной сестрѣ жены князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, матери фаворита Петра II, князя Ивана. Особенно видной должности оный не занималъ: оный былъ флигель-адъютантомъ у своего дяди фельдмаршала князя Голицына, по родству съ Долгорукими, возвышало его въ глазахъ тогдашняго общества. Въ коронацію Анны Иоанновны оный былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники ⁽⁷²⁾.

Князь Александръ Борисовичъ Курякинъ, происходившій отъ князей Гедиминовичей, былъ сынъ извѣстнаго дипломата эпохи Петра В., князя Бориса Ивановича Курякина, и Алевтыи Феодоровны, рожденной Лопухиной, родной сестры царицы Евдокии Феодоровны; т. обр. оный приходился племянникомъ Петру Великому по первой его женѣ. Молодость свою Александръ Борисовичъ провелъ въ Германіи, Англии и Франціи, гдѣ отецъ его былъ въ теченіи многихъ лѣтъ посланникомъ; до смерти отца (1727 г.) оный жилъ въ Парижѣ, въ бурную эпоху регентства и начала энциклопедизма. Не наследовавъ отъ отца выдающихся умственныхъ способностей и талантовъ, князь Александръ Борисовичъ усвоилъ вполнѣ лишь внѣшній лоскъ европеизма того времени. Умственное движеніе Франціи не проникло глубоко въ его сознаніе и оный выпесъ изъ Парижа лишь безукоризненный французскій языкъ, элегантныя манеры версальскаго придворнаго и модное въ то время легкомысленное отношеніе къ вопросамъ религіознымъ и нравственнымъ. Оный былъ прототипомъ тѣхъ російскихъ дворянчиковъ, которые считали все французское безусловно

⁽⁷¹⁾ Долг., род. кн., I, 288—289. — Его же «Memoires», I, p. 23. — Письма къ кн. Сергѣю Дмитріевичу въ Испанію Остермана, Головкина и другихъ. См. «Восемнадцатый вѣкъ», сб. Бартеенева, кн. III, с. 133—149. — Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1729 г.; им. ук., кн. 24, 45.

⁽⁷²⁾ Долгор., род. кн., I, 289. — Его же «Memoires», I, p. 23. — Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 32.

прекраснымъ и свысока третировали религію и нравственность: „pi foi pi loi“—было его катехизисомъ. Впослѣдствіи онъ превратился въ зауряднаго придворнаго, былъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ празднествъ и интимныхъ вечеровъ императрицы Анны Іоанновны, на которыхъ имѣлъ привиллегію напиваться до-пьяна, потѣшалъ императрицу островами и каламбурами и былъ усерднымъ слугою Остермана и Бирова (73).

Вторая группа участниковъ проэкта тринадцати состоитъ изъ молодыхъ людей—большею частію родственниковъ князей Куракина и Голицыныхъ, и находящихся въ свойствахъ съ князьями Долгоруковыми (74).

(73) Долгор., род. кн., I, 277, 314—317.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., II, біогр. его отца, кн. Бор. Ив. Куракина—Пекарскій «Ист. акад. наукъ», II, въ біогр. Тредьяковскаго.—Его же «Наука и лит. Петр. вр.», II, 590.—Записки Маниха-сына, с. 34—42; Голиковъ, Д. П. В., см. указат. ко 2-му изд.

(74) О родственныхъ связяхъ этихъ лицъ см. Долгор., род. кн., I, 314—317, 33—36, 283, 78; II, 154, 159, 35, 60, 70—76; III, 53—54, 107—109; IV, 3.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ находятся въ Сен. Арх., им. ук., кн. 38, 23, 36, 32, 34, 44; ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.—О царевичѣ Сибирскомъ см. Устрялова, «Ист. царств. Петра В.», VI, с. 164, 165, 185.

VIII.

ОТЪ 10-ГО ДО 25 ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Прибытіе Анны Іоанновны во Всесвятское. — Приемъ императрицею В. Т. С., сената и генералитета и рѣчь князя Д. М. Голицына. — Торжественный вѣздъ Анны Іоанновны въ Москву. — Присяга 20 февраля. — Мѣры В. Т. С. къ «сближенію со шляхетствомъ»: «заявленіе» В. Т. С. и «миѣніе» князя В. Л. Долгорукаго. — Планъ дѣйствиі Остермана въ пользу самодержавія Анны Іоанновны, главнѣйшіе исполнители этого плана и сторонники его. — «Анонимная записка» объ интересахъ средняго шляхетства. — Новыя совѣщанія шляхетства.

10 февраля Анна Іоанновна прибыла въ подмосковное село Всесвятское и остановилась тамъ во дворцѣ царевны имеретинской, дочери грузинскаго царя Арчила. Она оставалась во Всесвятскомъ пять дней, такъ какъ умершаго императора еще не похоронили и приготовления къ торжественному вѣзду императрицы въ Москву не были совершенно окончены. 11 февраля совершилось погребеніе Петра II въ Архангельскомъ Соборѣ, на мѣстѣ, гдѣ было погребено тѣло царевича казанскаго, Александра Сафагиреевича⁽¹⁾. Въ то время, какъ выносили изъ дворца гробъ, среди пре-

(1) Мысль о погребеніи Петра II на мѣстѣ казанскаго царевича принадлежитъ Теофану Прокоповичу. На могилѣ царевича была слѣдующая надпись: «Въ лѣто 7074 (1366 г. по Р. Х.) юня 11 дня, на память св. св. аюстола Варфоломея и Варнавы преставися царь казанскій, а во св. крещеніи Александръ Сабогиреевичъ, сынъ царя казанскаго». См. Арх. Св. Сино., дѣло 1730 г., № 34-й, л. л. 1—7, 9.

краснаго солнечнаго дня на небѣ показалась радуга, которая оставалась видима въ теченіи получаса. Это явленіе было принято многими за предзнаменованіе чего-то необычайнаго (*).

На другой день, 12 февраля, верховники занялись только однимъ дѣломъ: былъ призванъ генераль Матюшкинъ и приказано ему, чтобъ ко входу Ея Императорскаго Величества все было непременно готово къ 15 февраля.

Въ этотъ самый день во Всесвятскомъ произошло событіе повидимому незначительное, но заставившее иныхъ призадуматься, а другихъ возликовать: Анна Іоанновна объявила себя полковникомъ преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, „что было принято“— пишетъ испанскій посоль де-Лирія— „этими двумя полками съ величайшей радостью и удовольствіемъ. Эта рѣшимость многихъ поразила, потому что это формальный актъ самодержавія“ (**).

По журналу Верховнаго Тайнаго Совѣта „господа министры, такожъ сенатъ и нѣкоторые изъ генералитета и шляхетства были у Ея Величества во Всесвятскомъ 14-го февраля“. Журналь такъ передаетъ это представленіе:

Всѣ вышеупомянутые сановники собрались во Всесвятскомъ въ домѣ занимаемомъ кн. Михаиломъ Михайловичемъ меньшимъ Голицынымъ, за три дома отъ квартиры Анны Іоанновны. Кн. Басилій Лукичъ Долгорукой прислалъ къ нимъ сказать, „что время къ Ея Величеству идти.“ Тогда всѣ они пошли, а правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта тайный совѣтникъ В. П. Степановъ, несъ за ними на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ „кавалерію свя-

(*) Де-Лирія, с. 42.—Во время отпѣванія Петра II-го кн. Д. М. Голицынъ хлопоталъ о выборѣ лучшихъ соболей для императрицы Анны Іоанновны: онъ былъ недоволенъ отправленными накануне, а правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Степановъ „объявилъ приказъ“ господъ-министровъ „чтобъ заставу свезть“ и о томъ бригадиру Полибину приказано. Эти распоряженія занесены въ журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: такимъ образомъ 11-го февраля присутствіе Совѣта происходило въ Архангельскомъ соборѣ во время отпѣванія императора. См. Госуд. Арх. черн. журн. В. Т. С., т. 4, 48—49.

(**) Де-Лирія, с. 42.

того Андрея и звѣзду". Они вошли въ большую свѣтлицу; черезъ нѣсколько времени появилась Анна Иоанновна. Савонники низко ей поклонились, а князь Д. М. Голицынъ говорилъ отъ лица всѣхъ, „благодаря Ея Величество за милость, учиненную ко всему народу, которую изволила письменно своею рукою подписать, обнадеживая подданнымъ къ Ея Величеству вѣрность, что во оной непременно пребудутъ не жалва и живота своего“ (*).

Датскій посланникъ Вестфаленъ приводитъ въ своей депешѣ отъ 2-го марта нов. ст. самый текстъ рѣчи кн. Д. М. Голицына. Вотъ этотъ текстъ:

„Благочестивѣйшая и всемилостивѣйшая государыня! Мы—всеижеайшіе и вѣрныя подданныя Вашего Величества,—члены российскаго Верховнаго Совѣта, вмѣстѣ съ генералитетомъ и российскимъ шляхетствомъ, признавая Тебя источникомъ славы и величія Россіи,—являемся вручить Тебѣ Твой орденъ св. Андрея, первѣйшій и самый почетный, а также и орденъ св. Александра Невскаго, установленный императоромъ Петромъ I, по случаю славнаго мира съ могущественнымъ государствомъ шведскимъ, дабы Ты своевременно носила каждый изъ нихъ и жаловала бы ими тѣхъ, кого признаешь достойными. Мы благодаримъ Тебя за то, что Ты соблаговолила принять наше избраніе Твоей особы Всемилоствивѣйшей императрицей для царствованія надъ нами; благодаримъ тебя за то, что Ты удостоила принять изъ нашихъ рукъ корону и возвратиться въ отечество; съ неменьшей признательностью благодаримъ мы Тебя и за то, что Ты соизволила подписать кондиціи, которыя нашимъ именемъ предложили Тебѣ наши депутаты на славу Тебѣ и на благо Твоему народу. Вотъ почему, Всемилоствивѣйшая Императрица, мы всѣ явились предъ Твоимъ Величествомъ. Устойте все сіе милостиво принять и положитесь на нашу ненарушимую вѣрность къ особѣ Вашей.“

По словамъ того же Вестфалена, Анна Иоанновна отвѣчала Голицыну въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Дмитрій Михайловичъ и Вы прочіе господа изъ генералитета и шляхетства! Да будетъ Вамъ известно, что я смотрю на избраніе меня Вами Вашей Императрицей, какъ на выраженіе

(*) Госуд. Арх., чернов. журн. В. Т. С., т. I, л. 50—51.

преданности, которую Вы имѣете ко мнѣ лично и къ памяти моего покойнаго родителя. Я постараюсь поступать такъ, что всё будутъ мною довольны; согласно вашему желанію я подписала въ Митавѣ кондиціи, о которыхъ упомянулъ ты, Дмитрій Голицынъ, — и вы можете быть убѣждены, что я ихъ свято буду хранить до конца моей жизни въ надеждѣ, въ которой и теперь пребываю, что Вы никогда не преступите границъ вашего долга и вѣрности въ отношеніи меня и отечества, коего благо должно составлять единственную цѣль нашихъ заботъ и трудовъ^(*).

Канцлеръ гр. Головкинъ, какъ старшій кавалеръ андреевскаго ордена, „снявъ съ блюда кавалерію, надѣлъ на Ея Величество“; „при этомъ знаки ордена и ленту поддерживалъ того же ордена кавалеръ кн. Д. М. Голицынъ. Затѣмъ всё прибывшіе, по очереди приносили Аннѣ Іоанновнѣ поздравленія и цѣловали Ея руку^(*).

Послѣ этого были у Анны Іоанновны частныя аудіенціи испанскаго посла герцога де-Лирія и датскаго посланника Вестфалена^(*).

Въ воскресенье, 15-го февраля, послѣдовалъ торжественный въѣздъ Анны Іоанновны въ Москву.

Императорскій кортежъ открывала гренадерская рота преображенцевъ, ѣхавшихъ верхомъ, за которыми слѣдовали запряженные цугомъ пустыя кареты генералитета и знатнаго шляхетства (счетомъ 21), со служителями въ парадныхъ ливреяхъ. За ними ѣхало 8 каретъ, каждая въ 6 лошадей цугомъ, въ которыхъ помѣщались Верховнаго Тайнаго Совѣта министры и прочія знатнѣйшія особы въ цвѣтномъ богатомъ платьѣ: кн. М. В. Долгорукой, кн. А. Г. Долгорукой, кн. Д. М. Голицынъ, 3 генералъ-фельдмаршала (кн. И. Ю. Трубецкой, кн. В. В. Долгорукой, кн. М. М. Голицынъ), государственный канцлеръ гр. Г. И. Головкинъ и царь грузинскій Ватханъ Леонвичъ.

Далѣе шествіе происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

(*) Денега Вестфалена № 9-я. См. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(*) Госуд. Арх. черн. журн. В. Т. С., л. 51.

(*) Де-Лирія, с. 42. — Таитгенскаѣ, III, р. 269.

а) 4 камеръ-лакея Анны Иоанновны пѣшкомъ, а за ними, ея же 7 парадныхъ каретъ цугами въ вызолоченныхъ щорахъ; дучера и форрейторы въ парадныхъ дивреяхъ съ золотыми позументами. 4 изъ этихъ каретъ ѣхали пустыми, въ остальныхъ помѣщались придворныя дамы. б) 21 человекъ изъ знатнаго шляхетства верхами по чинамъ: младше впереди; во главѣ ихъ ѣхалъ генераль-маюръ кн. А. И. Шаховской. в) Предшествуемый трубачами и литаврищиками отрядъ кавалергардовъ подъ командой И. И. Дмитриева-Мамонова.

Императрица ѣхала въ большой каретѣ, запряженной девятью богато-украшенными лошадьми; кучеръ и форрейторы были одѣты въ бархатныя дивреи съ золотыми позументами, а около каждой лошади находилось по одному придворному конюху. Передъ каретой императрицы ехали 2 камеръ-фурьера, шли 12 придворныхъ лакеевъ и 4 арапа и скорохода; подлѣ кареты—6 гайдуковъ, а сзади ѣхали верхами караульные кавалергарды подъ командой кн. Н. Ю. Трубецкаго. По обѣимъ сторонамъ кареты гарцовали 3 депутата, возившие „кондиціи“ въ Митаву, и генераль-маюръ И. М. Шуваловъ; кн. В. Д. Долгорукой и генераль-маюръ Леонтьевъ ѣхали у правой дверцы, а у лѣвой кн. М. М. Голицынь и Шуваловъ.

Шествіе замыкалось гренадерскою ротой гвардейскаго семеновскаго полка.

Въ такомъ порядкѣ кортежъ двигался по Москвѣ отъ Землянаго города къ Кремлю по улицамъ, которыя были усыпаны пескомъ и украшены елками, поставленными у домовъ. Армейскіе полки были вытаны по улицамъ шпалерами, гвардейскіе полки—преображенскій и семеновскій—выстроены въ Китай-городѣ и на Красной площади въ Кремлѣ до Успенскаго собора. При въѣздѣ въ Земляной городъ и у Китая-города были воздвигнуты триумфальныя ворота.

Когда кортежъ показался у Землянаго города, послѣдовалъ салютъ изъ 71 орудія, а при приближеніи его къ Бѣлому городу грянуло 85 орудій. У триумфальныхъ воротъ въ Китаѣ-городѣ Анна Иоанновна была встрѣчена синодскими членами съ Теофаномъ Прокоповичемъ во главѣ, всѣми бывшими въ то время въ Москвѣ архіереями и прочимъ духовенствомъ, съ крестомъ и иконами.

Въ Кремлѣ Анна Иоанновна, прежде всего, пошла въ Успенскій соборъ для отправленія Респекту Божьей мощи*.

Звонъ съ колокольни Ивана Великаго привѣтствовалъ государыню. У входа въ соборъ стояли въ парадныхъ одеждахъ сенаторы и коллежскіе президенты и члены, не участвовавшіе въ кортежѣ, а также не находившіеся въ строю офицеры; въ самомъ соборѣ ожидали ее свѣтлыя дамы въ „робахъ“ и въ „самарахъ“. При входѣ Анны Іоанновны въ соборъ послѣдовалъ выстрѣлъ изъ 101 орудія, и всѣ войска на пространствѣ отъ Успенскаго собора до Земляного вала стрѣляли тоекратно бѣглымъ огнемъ.

Изъ Успенскаго собора Анна Іоанновна пошла въ Архангельскій соборъ для поклоненія гробницамъ предковъ и новопреставленнаго императора, а оттуда, въ сопровожденіи всѣхъ знатныхъ особъ обоюга пола, въ Кремлевскій дворець, въ „апартаменты Ея Величества“^(*).

На три дня (15, 16 и 17 февраля) былъ снятъ трауръ, наложенный по случаю кончины Петра II. Москва ликовала, принявъ праздничный видъ, но не ликовала сама императрица и ея сторонники: кн. В. Д. Долгорукой слѣдилъ за каждымъ шагомъ Анны Іоанновны^(*).

Верховный Совѣтъ прежде всего былъ озабоченъ приведеніемъ въ присягѣ на вѣрность Аннѣ Іоанновнѣ, какъ жителямъ столицы, такъ и всего русскаго государства.

18 февраля разсматривалась въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ форма присяги. Она была слѣдующая:

„Азъ нижеименованный обещаюся и клянуся всемогущему Богу предъ святымъ Его Евангеліемъ, что долженъ Ея Величеству Великой Государыни Царицы Анны Іоанновны и Государству вѣрнымъ и добрымъ работникомъ и подданнымъ быть; такожъ Ея Величеству и отечеству моему пользы и благополучія во всемъ по крайней мѣрѣ искать и старатца, и оную производить, безъ всякаго страха и лицемерія; не вѣща въ томъ своей отнюдь партикулярной, только общей пользы; здравіе и честь Ея Императорскаго Величества и цѣлость всего Государства и благополучіе по крайнему разумнію, силѣ и возможности предостерегать и охранять, какъ истинному и вѣрному сыну отечества принадлежать; а ежели бы Ея Величеству и отечеству моему что ни есть противное сему приказано“

(*) Ркп. Малиновскаго, «Управл. Всер. мн.» перепечат. у Н. Я. Кова въ прилож. къ его изд. записокъ дв. Д. Шрѣга, с. 174—175.

(*) «Сказаніе» Феофана Прокоповича, с. 210.

читца хотѣло, то не тобою охранять и оборонять, но въ потребномъ случаѣ и живота своего не щадить, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. И во всемъ томъ клянуся, памятуя будущій Судъ въ день страшнаго испытанія, вже воздасть комуждо по дѣломъ его, отъ котораго тогда, ежели не сохраню здѣсь обѣщаннаго, да будетъ мнѣ мечь, здѣ же градская казнь. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь»⁽¹⁰⁾.

Присяга для жителей Москвы была назначена на 20 февраля.

Почти все засѣданіе Верховнаго Совѣта наканунѣ этого дня, 19-го февраля, было посвящено разсужденіямъ о подробностяхъ приведенія къ присягѣ. Кромѣ Успенскаго собора присягать было назначено въ четырнадцати церквахъ; въ каждой церкви жителей столицы должно было приводить къ присягѣ нарочно избранное для этого Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ „лице изъ сената и генералитета“. Лица эти были слѣдующія: генералъ Матюшкинъ, кн. А. М. Черкасской, С. А. Салтыковъ, И. И. Дмитріевъ Мамоновъ, кн. Г. Д. Юсуповъ, А. И. Ушаковъ, Г. П. Чернышевъ, И. П. Л. В. и П. В. Измайловы, кн. А. И. Шаховской, генералъ Леонтьевъ, И. П. Шереметевъ и В. Я. Новосильцевъ. Имъ были посланы повѣстки, приглашавшія ихъ въ Верховный Совѣтъ на 20 февраля, въ началѣ восьмитаго часа утра. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ сообщено въ синодъ.

20 февраля прибыли въ Верховный Совѣтъ лица назначенныя для приведенія къ присягѣ по церквамъ. По прочтеніи имъ присяги, верховники спросили ихъ „довольны ли они тою присягою?“ На это „все согласно объявили, что довольны и благодарили“; затѣмъ они подписали присяжные листы. Имъ было приказано немедленно арестовывать всѣхъ уклоняющихся отъ присяги, а о числѣ присягнувшихъ еже-

(10) Госуд. Арх., чен. журн. В. Т. С., л. 55.—Подлинная присяга въ Сен. Арх., протоколы В. Т. С. 1730 г., л. 33.—До сихъ поръ текстъ этой присяги былъ почти неизвѣстенъ. Нѣмецкіе переводы его помѣщены въ малодоступныхъ изданіяхъ: въ журналѣ 1730 г. «Europäische Fauna» и у Шмидтъ-Физельдека въ прилож. ко 2-му тому его «Materialien zu der Russisch. Geschichte» S. 401—402.—Въ большей части печатныхъ свѣдѣній о воцареніи Анны Іоанновны объ этой присягѣ говорится на основаніи донесеній иностранныхъ пословъ.

дневно сообщать въ Верховный Тайный Совѣтъ. Каждому изъ секретарей, назначенныхъ состоять при этихъ лицахъ, вручено отъ тысячи до двухъ тысячъ экземпляровъ присяжной формы.

Затѣмъ присягнули въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ: кн. И. Ѳ. Ромодановской, кн. М. В., кн. С. Г. и кн. И. Г. Долгорукіе, В. П. Степановъ и статскій совѣтникъ Масловъ. Хотя въ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19-го февраля и было постановлено, чтобы 20-го числа присягнули въ Верховномъ Совѣтѣ „господа министры“, но въ журналѣ этого дня, гдѣ аккуратно обозначены имена всѣхъ присягнувшихъ въ Верховномъ Совѣтѣ, нѣтъ въ числѣ ихъ ни одного изъ „господъ министровъ“.

„Потомъ всѣ вышеписанные“ — читаемъ въ журналѣ Верховнаго Совѣта, — „пошли въ Успенскій соборъ и тамо всенародному собранію какъ Святѣйшему Синоду и прочимъ духовнымъ особамъ, такъ и свѣтскимъ всякихъ чиновъ людямъ та присяга чтена и дѣловали Евангеліе и врестъ и всѣ кромѣ тѣхъ, которые подписывались въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ духовные такъ и свѣтскіе чины подписывались и присягали“. Гвардейскіе полки приводились къ присягѣ на площади у собора двумя фельдмаршалами, ихъ подполковниками: преображенскій полкъ княземъ Вас. Вл. Долгорукимъ, а семеновскій — княземъ М. М. Голицынымъ⁽¹¹⁾.

Въ то время носились слухи, что верховники сочинили присягу на вѣрность императрицѣ и Верховному Совѣту. Поэтому Ѳеофанъ Прокоповичъ, прежде чѣмъ отправиться въ Успенскій соборъ, счелъ нужнымъ обратиться къ духовенству, собравшемуся въ синодѣ, съ увѣщаніемъ о святости присяги. Съ такимъ же увѣщаніемъ обратилса онъ и въ собравшемуся въ Успенскомъ соборѣ плахетству⁽¹²⁾.

(11) Госуд. Арх., черн. журн. В. Т. С., л. 56—59. — 23-го февраля сенаторы находившіеся въ числѣ лицъ, приводившихъ къ присягѣ кнѣзьями дружины, чтобы не было остановки въ дѣлахъ. Вѣсто ихъ назначены: Ѳ. В. Наумовъ, С. Д. Вельямповъ, С. Суминъ и Д. П. Ермошкинъ: (Ibid., с. 62).

(12) «Сказаніе Ѳеофана Прокоповича», с. 211—213. — Сб. Рус. Ист. Общ., т. V, с. 360. — Въ Успенскомъ соборѣ, по словамъ Ѳеофана, „на

21 февраля Верховный Тайный Совѣтъ распорядился о приводѣ къ присягѣ иноземцевъ. Всѣ жители Нѣмецкой Слободы (кромя чужестранныхъ министровъ и ихъ служителей), присягали въ слободской лютеранской киркѣ. Приводилъ ихъ къ присягѣ генераль Боннъ⁽¹³⁾.

22 февраля послѣдовалъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ отъ имени императрицы Анны Іоанновны, которымъ объявлялось о ея востествіи на престолъ и прибытіи въ Москву, а также призывались всѣ ея подданные къ присягѣ. Въ тотъ же день были отправлены отъ сената нарочные офицеры и сержанты ко всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ съ этимъ указомъ и съ присяжными листами; такіе же нарочные отправились въ епархіи отъ синода⁽¹⁴⁾.

Покончивъ съ присягой, верховники снова обратились къ шляхетскимъ проектамъ и мѣрѣямъ. „Пункты“ присяги, какъ мы видѣли, не были приняты шляхетствомъ, а между тѣмъ прибытіе императрицы могло имѣть большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе шляхетскихъ воззрѣній. Поэтому верховники предприняли рядъ мѣръ, чтобы склонить нѣкоторыхъ изъ вождей шляхетской оппозиціи на свою сторону.

его требованіе о томъ, чтобы форма присяги была всѣмъ прочтена, сталъ прекословить князь Д. М. Голицынъ; другіе же верховники, опасаясь смуты, согласились на требованіе Новгородскаго архіепископа, но ни у секретарей, ни у кого изъ присутствующихъ формы не оказалось. За ней послали въ Верховный Совѣтъ, и когда ее прочли «стало ясно слышашимъ, что она верховнымъ не къ пользѣ и впредь къ раздруженію намѣренія ихъ помѣшки сдѣлать не можетъ, приговорили принять оную снисходительно». Это свидѣтельство противорѣчитъ показанію журнала В. Т. С.

⁽¹³⁾ Госуд. Арх., черн. журн. В. Т. С., л. 60.

⁽¹⁴⁾ Сев. Арх., ук. В. Т. С. 1730 г., л. 28. — Арх. Св. Слн., дѣло № 35, л. л. 4, 16. — Въ архивахъ сената и синода нами не найдено подробныхъ распоряженій о разсылкѣ этихъ присягъ, какъ было сдѣлано съ вторичными присягами на самодержавіе Анны Іоанновны. Свидѣнія объ этомъ заимствованы нами изъ вышеприведеннаго указа В. Т. С. и изъ послѣдующихъ распоряженій сената и синода о повсемѣстномъ отобраніи первыхъ присягъ. Въ Государственномъ Архивѣ, гдѣ сохраняются подлинныя присяжные листы на самодержавіе Анны Іоанновны, нѣтъ ни одного изъ документовъ по первой присягѣ, о которыхъ говорится въ приведенныхъ выше черновыхъ журналахъ В. Т. С.

Они начали съ Матюшкина, проэвътъ котораго былъ менѣе другихъ враждебенъ верховникамъ ⁽¹⁵⁾.

Затѣмъ Верховный Совѣтъ обратился къ гвардейскимъ офицерамъ, убѣждая ихъ внушить своимъ товарищамъ, что Верховный Совѣтъ готовъ сдѣлать существенныя уступки шляхетскимъ требованіямъ. Результатомъ такого обращенія было соглашеніе между верховниками и нѣкоторыми изъ шляхетства. Соглашеніе это выразилось въ особомъ документѣ, появившемся нѣсколько дней спустя по приѣздѣ Анны Іоанновны въ Москву и представляющемъ весьма неполную выдержку изъ нѣкоторыхъ „пунктовъ“ присяги:

«Понежѣ Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ не для какой собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ, а впродъ ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ упалыя мѣста выбрать кандидатовъ Верховному Тайному Совѣту обще съ Сенатомъ и для апробаціи представлять Ея Императорскому Величеству изъ первыхъ фамилій изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (не вспоминая объ иноземцахъ). И смотрѣть того, дабы въ такомъ пер-

(15) Верховный Тайный Совѣтъ, вопреки донесеніямъ иностранныхъ пословъ, усердно занимается текущими дѣлами съ приѣзда Анны Іоанновны въ Москву до 24 февраля включительно. Отдѣлимъ главнѣйшія изъ разсмотрѣнныхъ нинѣ дѣлъ за это время: По внутреннему управленію. 1) О казенныхъ лѣсахъ въ Казанской губерніи. 2) Объ отпускѣ въ военную коллегію на содержаніе крѣпостей 35 тысячъ рублей. 3) О чеканкѣ монеты Екатерины I съ изображеніемъ персоны и именованія Е. И. В. Г. И. Анны Іоанновны (по докладу Дмитріева-Мамонова); при томъ же приказано ему отъ господъ-министровъ: а) о какихъ нужныхъ дѣлахъ поданы изъ сената въ Верховный Тайный Совѣтъ, а указу не получено, о томъ вынѣ подать доношеніе съ регистромъ; б) откуда присади о починкѣ городовыхъ крѣпостей, а указу не получено, о томъ подать доношеніе; в) отставныхъ отъ службы солдатъ, которые отсылаются на пропитаніе въ монастыри, чтобъ сидѣть на свободныхъ земляхъ, подать доношеніе жъ. 4) Постановленіе о наказаніи разныхъ лицъ по прежнимъ преступленіямъ и проступкамъ. По иностраннымъ дѣламъ. 1740 февраля. 1) Подписанъ протоколъ В. Т. С., состоявшійся еще 30-го января, о вспомогательномъ корпусѣ цесарю вѣмецкому. 2) Слушаны выписки изъ реляцій: резидента Неплюева изъ Цареграда отъ 7-го января 1730 г., генерала Румянцева изъ Дербента отъ 31-го декабря прошлаго

Возм собраніи одной фамиліи больше двухъ персонъ умовлено не было; и должны разсуждать, что не персоны управляютъ законъ, но законъ управлять персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній. Буде же когда случится какое государственное новое и важное дѣло, то для оного въ Верховный Тайный Совѣтъ итъютъ для совѣту и разсужденія собраны быть—Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство⁽¹⁶⁾.

Заявленіе это кромѣ членовъ Верховнаго Совѣта подписали разныя лица изъ генералитета и шляхетства, а именно: 1) Гр. Теодоръ Андр. Апраксинъ (сынъ оберъ-шенка), 2) кн. И. Ю. Трубецкой, 3) кн. М. В. Долгорукой, 4) М. А. Матюшкинъ, 5) И. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, 6) Гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, 7) Баронъ П. П. Шафировъ, 8) кн. С. Г.

1729 года о багалии съ Сурхаевымъ сыномъ и его служителемъ Качайбекомъ. 3) Слушано доношеніе генераль-лейтенанта Левашева изъ Гиліаніи отъ 25-го ноября прошлаго 1729 года и разсуждено писать къ нему Левашеву слѣдующее (оставлено мѣсто и ничего не вписано). 18-ю февраля: 1) Разсуждали о персидскихъ дѣлахъ и опредѣляли: для разобравія дѣла въ Персіи послать генераль-маіора Тараканова, а съ нимъ итъсть одного инженера и двухъ кондукторовъ. 2) Слушанъ и апробованъ рескриптъ къ Неплюеву—резиденту въ Константинополѣ, о происшествіяхъ въ Персіи, изложенныхъ въ доношеніи генерала Румянцева. При этомъ тайный совѣтникъ Степановъ доложилъ итъвіе Остермана, чтобы о случившемся въ Персіи сообщить римско-цесарскому министру гр. Вратиславу, съ требованіемъ содѣйствія Неплюеву со стороны цесарскаго резидента въ Константинополѣ. Итъвіе Остермана было принято. 3) Разсуждали о послѣ персидскаго шаха, пріѣхавшемъ съ грамотой на имя Петра II-го и постановили, чтобы канцлеръ, призвавъ его къ себѣ, объявилъ ему что съ этой грамотой къ императрицѣ онъ явиться не можетъ, а чтобы онъ просто принесъ Ея Величеству поздравленіе съ воспріятіемъ державы, а потомъ, ежели онъ итътегъ о чемъ здѣсь предлагать, то можетъ итъть конференціи съ гр. министрами. 19-ю февраля. Слушано доношеніе генерала Левашева изъ Гиліаніи отъ 13-го декабря, полученное въ Москвѣ только въ этотъ день, и приказано, чтобы обѣ всѣхъ персидскихъ происшествіяхъ сообщить всѣмъ российскимъ министрамъ, обрѣтающимся при чужестранныхъ дворахъ. (Гл. Арх. М. И. Д., дѣла В. Т. С. 1730 г., л. л. 7—9, 12—13).

⁽¹⁶⁾ Черновая записка В. Т. С. въ Госуд. Арх. разд. III, дѣло № 6-й, л. 8; напечатано съ вѣкот. измѣнен. въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XIX, с. 257. Въ подлинной черновой итъви конца, отъ слова: «буде-же».

Долгорукой, 9) кн. И. Г. Долгорукой, 10) кн. М. М. Голицынь младшій, 11) Л. В. Измайловъ, 12) А. Бутурлинъ, 13) В. П. Степановъ, 14) Ф. В. Наумовъ, 15) М. П. Бестужевъ, 16) Иванъ Колтовской, 17) Алесѣй Никиф. Плещеевъ, 18) Д. П. Еропкинъ. Кромѣ того подписалось подъ этимъ заявленіемъ штабъ и оберъ офицеровъ *тридцать семь*, кавалергардовъ *четырнадцать*, да придворныхъ и военныхъ незнатныхъ *двадцать одинъ*, всего *девяносто семь* (17).

Но это заявленіе Верховнаго Совѣта, подписанное многими изъ генералитета и шляхетства, было уже запоздалой уступкой. Сдѣлай ее верховники раньше—они можетъ быть хоть отчасти достигли бы своей цѣли и удержали бы власть въ своихъ рукахъ, но теперь большинство шляхетства занято было уже иными комбинаціями политическихъ вопросовъ. Въ виду этого, князь Василій Лукичъ Долгорукой, опытный дипломатъ, попробовалъ сдѣлать еще нѣсколько уступокъ для привлеченія къ Верховному Совѣту наибольшаго числа фамилныхъ людей.

Сохранился черновой набросокъ мнѣнія князя В. Л. Долгорукаго, въ которомъ онъ считаетъ возможнымъ привести въ исполненіе нѣкоторыя общія требованія шляхетскихъ проектовъ, при чемъ болѣе всего склоняется къ мѣрамъ, предложеннымъ въ запискѣ подъ названіемъ „Способы“. Эти требованія слѣдующія: 1) Увеличеніе числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. 2) Разсмотрѣніе нуждъ общественныхъ выборными отъ шляхетства. Все это „чинить съ доклада Ея Величеству“, говоритъ князь Долгорукой. Цѣль этихъ уступокъ состоитъ въ томъ „чтобъ народъ узналъ, что въ пользѣ народной дѣла начинать хотятъ“. Князь В. Л. Долгорукой предлагаетъ сдѣлать выборъ дополнительныхъ членовъ въ Верховный Тайный Совѣтъ по соглашенію съ сенатомъ и генералитетомъ. „Сей способъ“—прибавляетъ онъ—„удобенъ для того, чтобъ убѣгнуть разногласія“. Изъ шляхетства призываются въ этомъ случаѣ въ Верховный Тайный Совѣтъ так-

(17) Записка Татищева «Утро», с. 378.

же одни только, „главные“. Кн. Долгорукой предлагаетъ Верховному Совѣту тщательно обсудить какимъ образомъ избрать этихъ представителей изъ генералитета и шляхетства. „Сей способъ“, — говоритъ кн. Василій Лукичъ, — „видится бо лшше можетъ удовлетворять народъ, только можетъ причинять трудности отъ несогласія, и надобно чаять, что не безъ нареканія будетъ отъ тѣхъ, которые къ тѣмъ выборамъ допущены не будутъ; и о семъ потребно разсужденіе Верховнаго Совѣта, какъ бы вышеупомянутыхъ трудностей и нареканія убѣгнуть. Верховный Совѣтъ долженъ также подробно определить вопросы, которые будутъ подлежать обсужденію собранія выборныхъ людей согласно предложенію „Способовъ“. Всѣ заключенія, къ которымъ придетъ Верховный Совѣтъ, должны быть кратко изложены въ особой запискѣ, которую обнародовать во всеобщее свѣдѣніе (18).

Князь В. Л. Долгорукой имѣлъ серьезныя причины настаивать на тѣхъ уступкахъ, которыя онъ предлагалъ въ своемъ мнѣніи. Сторонники самодержавія Анны Іоанновны ждали только ея прибытія, чтобы гласно выразить свои симпатіи. Но и до ея прибытія они не сидѣли сложа руки. Въ то время, какъ верховники препирались со шляхетствомъ, они готовили почву: вѣдаромъ Остерманъ былъ боленъ. Обложенный подушками и натертый разными мазями, онъ руководилъ движеніемъ, направленнымъ, какъ противъ верховниковъ, такъ и противъ всѣхъ участниковъ шляхетскихъ проектовъ. Принятіе Анной Іоанновной во Всевысшемъ главнаго пачальства надъ преображенцами и кавалергардами было первымъ проявленіемъ того плана, который старательно обдумывалъ хитроумный нѣмецъ. Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ:

1) Доказать шляхетству, что всѣ его желанія, направленные къ улучшенію государственнаго строя Россіи, будутъ приведены въ исполненіе самой императрицей, самодержавная власть которой направится на тотъ же путь ре-

(18) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, л. л. 4—3. Внизу приписка: *«переписано съ руки князя Василія Лукича, а его руки писанное возвращено къ нему».*

формы: стоит только обратиться къ Аннѣ Іоанновнѣ съ прошеіемъ—совсѣмъ уничтожить Верховный Тайный Совѣтъ, возстановить сенатъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, дозволить шляхетству разсмотрѣть всѣ поданные проекты и мнѣнія и выработать основанія для дальнѣйшихъ государственныхъ преобразованій. 2) Убѣдить Анну Іоанновну, что она, какъ государыня, происходящая отъ старшаго брата Петра Великаго, имѣетъ неоспоримыя права на престолъ безъ всякаго избранія.

Повліять на шляхетство было гораздо легче, чѣмъ на самое императрицу⁽¹⁹⁾.

Оставивъ въ сторонѣ „родословныхъ людей“, число которыхъ было сравнительно очень незначительно, Остерманъ обратилъ главное вниманіе на большинство — на среднее шляхетство. Изъ родословныхъ людей онъ выбралъ только тѣхъ, на которыхъ всего легче было подѣйствовать. Арестъ Ягушинскаго помогъ еще болѣе въ этомъ случаѣ Остерману: противниками какихъ бы то ни было ограниченій власти Анны Іоанновны явились прежде всего самъ Ягушинской и его родственники—графы Головкины, князь П. Ѳ. Борятинской, князь Н. Ю. Трубецкой, а вслѣдъ за нимъ и старикъ фельдмаршалъ князь Трубецкой, считавшій себя лично обиженнымъ верховниками. С. А. Салтыковъ, какъ мы видѣли, давно былъ расположенъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, а на нерѣшительнаго князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго не трудно было повліять Остерману,—и они оба пристали къ партіи за самодержавіе.

Единомышленниковъ у Остермана было довольно. Люди считавшіе Анну Іоанновну законной наследницей престола, а равно и тѣ, кто стоялъ за принципъ самодержавія—перейли теперь открыто на сторону Остермана. Число сторонниковъ самодержавія прибывало съ каждымъ днемъ, благодаря тѣмъ безтактнымъ дѣйствіямъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ которыми мы познакомились подробно въ IV и V главахъ нашей книги. Кромѣ этой готовой уже почвы, сложились нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, которыми Остерманъ не преминулъ воспользоваться. Вестфа-

(19) Tourgueneff, III, p. 279—282.

ленъ сообщаетъ, что Швеція, въ виду происходившихъ въ Москвѣ смуть, стала принимать угрожающее положеніе относительно Россіи: расположенныя въ Финляндіи войска получили приказаніе мобилизоваться; ожидали движенія этихъ войскъ на Петербургъ, и Минихъ принималъ мѣры для отраженія ихъ отъ забытой новой русской столицы⁽²⁰⁾. Вестфаленъ не упоминаетъ о своихъ переговорахъ съ Остерманомъ, но изъ прежнихъ его отношеній по вопросу о престолонаслѣдіи къ князьямъ Долгорукимъ и изъ общаго тона его депешъ можно заключить, что провозглашеніе Анны Іоанновны самодержавной императрицей не произошло безъ участія датскаго посланника. Очень хорошо понимая отношенія своего правительства къ Швеціи и опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ воцаренія въ Россіи „кильскаго ребенка“, или Елизаветы Петровны—Вестфаленъ весьма естественно долженъ былъ поддерживать мысль о провозглашеніи самодержавія новоизбранной русской императрицы. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовалъ и посоль нѣмецкаго цесаря графъ Вратиславъ, съ которымъ Остерманъ даже совѣтовался о личномъ составѣ имѣющаго быть возстановленнаго сената⁽²¹⁾. На Украинѣ, въ Малороссіи начинались беспорядки. Многіе боялись, что Малороссія, имѣя своего гетмана, можетъ отложиться отъ Россіи⁽²²⁾.

Всѣми этими обстоятельствами ловко воспользовался Остерманъ, чтобы повліять на среднее шляхетство, подписавшее разные проѣкты. Но прежде всего ему нужно было окончательно унизить въ глазахъ шляхетства Верховный Тайный Совѣтъ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ слѣдующія мѣры: 1) поселить несогласіе между членами Верховнаго Совѣта, 2) поколебать авторитетъ Долгорукихъ, внушая, что они для того только желаютъ ограничить власть Анны Іоанновны, чтобы господствовать самимъ, а затѣмъ увѣрить большинство шляхетства, что императрица никогда бы не стала вмѣшиваться въ важнѣйшія государственныя дѣла,

⁽²⁰⁾ Дешеш № 13., см. III-е приложеніе.

⁽²¹⁾ Невзд. дешеш графа Вратислава № 17.

⁽²²⁾ Tounguenoff, III, 278

еслибы Верховный Совѣтъ былъ охранителемъ императорской власти⁽²³⁾.

Мѣры эти привели къ желанному результату.

Несогласія между членами Верховнаго Совѣта, какъ мы видѣли, дѣйствительно произошли; поколебать же авторитетъ Долгорукихъ было не особенно трудно. Князя Голицыны были слишкомъ сильны, чтобы Остерманъ рѣшился возстать противъ нихъ; какъ опытный дипломатъ, онъ даже старался задобрить ихъ. Совершенно въ иномъ положеніи находились князья Долгорукіе: большинство изъ нихъ не только не пользовалось популярностью, но возбуждало всеобщую ненависть своею заносчивостью и напыщенностью, которая особенно рѣзко выразилась со временъ помолвки княжны Екатерины съ покойнымъ императоромъ. Больше чѣмъ другихъ ненавидѣли князя Алексѣя Григорьевича и сына его Ивана; Кн. В. Л. Долгорукой, недавно вернувшійся изъ за границы, былъ мало извѣстенъ въ Москвѣ; фельд-маршалъ кн. Долгорукой составлялъ исключеніе изъ всей фамилии, будучи весьма популярнымъ въ войскахъ. Почва для нападенія на князей Долгорукихъ такимъ образомъ уже была подготовлена; стоило только раздуть существовавшую противъ нихъ ненависть путемъ разглашенія въ различныхъ слояхъ общества анекдотовъ, ихъ компрометировавшихъ. И вотъ начинаютъ ходить по Москвѣ подробные рассказы о томъ, какъ князья Долгорукіе не заботились о здоровьи покойнаго императора, какъ они обкрадывали дворцовое и государственное казначейство, и, наконецъ о томъ, какъ они сочинили, подложную духовную Петра II, по которой наследницей престола назначалась кн. Екатерина. Въ этихъ рассказахъ дѣйствительность изукрашивалась фантазіей: т. напримъ говорили, что фаворитъ Петра II-го, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой, едва только императоръ испустилъ духъ, вышелъ съ обнаженной саблей къ народу, окружавшему Лефортовскій дворецъ, и закричалъ: „да здравствуетъ императрица Екатерина!“—Въ простомъ народѣ, среди черни, рассказы объ усиліяхъ Долгорукихъ возвести на престолъ

(²³) Записки Манштейна, с. 23—24.—Снес. Ив. Некачича: «Новое Ядро русской истории», 2-е изд., т. III, с. 24 и слѣд.

кн. Еватерину принимали чудовищно-легендарные размеры; впоследствии по Москвѣ ходили даже слухи, что кн. Долгорукиѣ обвиняли кн. Еватерину, уже послѣ смерти императора, съ его трупомъ (**).

Князь Черкасской сталъ во главѣ того кружка, изъ котораго распространялись всѣ эти слухи. Изъ этого кружка, или „партіи“, какъ называетъ его датскій посланникъ Вестфаленъ, расходились громогласныя обвиненія, словесныя и письменныя, противъ Долгорукихъ, а также и противъ Голицыныхъ. На нихъ нападали за непримиримую ихъ ненависть къ памяти Петра В. и къ его потомству, на которое они будто-бы смотрѣли, какъ на нѣчто совершенно чуждое Россіи. (**).

Прежде всего ненависть къ Долгорукимъ рѣзко проявилась среди гвардейскихъ офицеровъ. Въ ихъ кружкахъ стали рассказывать разныя небывалыя исторіи. Говорили напр., что фельдмаршалъ Долгорукой предлагалъ преобразенцамъ присягнуть Аннѣ Иоанновнѣ и Верховному Совѣту, но гвардейцы отвѣчали, что переломаютъ ему всѣ кости, если онъ снова явится къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ. Прусскій посланникъ Мардефельдъ, въ депешѣ отъ 23 февраля, передаетъ слѣдующія разглагольствованія одного офицера: „Не смотря на принесенную присягу, я желаю ис-

(**) «Europäische Pama» 1730 г., ч. 328, с. 328—330. — «Historisches Journal» 1730 г. — «Mercure historique et politique» 1730 г., ч. 88, с. 301—302. — «Nationen Gespräche», 24 Entrevue, 508—509. — Henschel «Osterman's Leben» 276—301, 311—321; егѣ же «Münich's Leben» 2-те Aufg., S. 185 и слѣд., и «Biron's Leben» S. 106 и слѣд. — Шмидтъ-Физельдекъ «Materialien», Bd. II, S. 34—35, 44. — Манштейнъ «Записки», с. 19. — Эти обвиненія Долгорукихъ цѣлкомъ вошли въ манифестъ о ихъ преступленіяхъ, отъ 14-го апрѣля 1730 г. (См. въ «Сказаніяхъ о родѣ кн. Долгорукихъ», приложение, с. 239—241). — Манифестъ этотъ сдѣлался тогда же извѣстенъ во всей Европѣ изъ переводовъ, появившихся во всѣхъ французскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1732 г. возникло особое дѣло о слухахъ въ простомъ народѣ относительно князей Долгорукихъ. Дѣло это хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. VI, № 168).

(**) Депеша Вестфалена № 8-й, см. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

кренно лишь одного" — говорил этот офицер —, видеть верховников: публично, обезглавленными по приказанию императрицы" (26). Гвардейцы собирались напасть на верховников во время их заседания и выбросить Долгоруких в окно, а болѣе рѣшительные просто предлагали их убить (27).

Шляхетство открыто требовало, чтобы Алексѣю Григорьевичу Долгорукому было запрещено находиться въ какомъ либо высшемъ правительственномъ учрежденіи. „Подагаютъ" — пишетъ польско-саксонскій посланникъ Лефортъ, — „что князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой (фаворитъ Петра II) легко можетъ отправиться въ Дербентъ, а отцу его (внзю Алексѣю) готовится сюрпризъ въ тысячеверстномъ путешествіи въ страну авѣриной ловли". Носвились слухи, что князь А. Г. Долгорукой поторопился уѣхать въ свою подмосковную Горенки, и на этотъ отъѣздъ смотрѣли какъ на предварительную сссылку (28).

Князь Василій Лукичъ Долгорукой держалъ себя иначе. Старательно слѣдя за Анной Ивановной, онъ, какъ мы видѣли, пришелъ въ необходимости сдѣлать значительныя уступки шляхетству, но въ виду все болѣе и болѣе возраставшей агитациі противъ его фамиліи, обратился на отчаянное средство. 25 февраля онъ намѣренъ былъ провозвести государственныя переворотъ посредствомъ ареста самыхъ значительныхъ сторонниковъ самодержавія Анны Ивановны. Въ числѣ этихъ лицъ находились: графъ Головкинъ, Остерманъ и князья Черкасской и Борятинской (29).

Весьма дѣятельнымъ и энергическимъ союзникомъ Остермана былъ Георгій Прокоровичъ, руководившій духовенствомъ. „Нѣкоторые наиболѣе хитрые люди изъ духовенства" — писалъ французскій резидентъ Майянь 23 марта (3 апрѣля н. ст.) — „дѣлали всякія усилія, чтобы восстано-

(26) Сб. Рус. Ист. Общ., V, с. 358—360. — Неизд. депеши Мардефельда, № 127.

(27) Дешеи де-Лиріа, с. 56. — Неизд. депеши Мардефельда, № 127. — Записка Бюсси, Tougneff, III, p. 277.

(28) Сб. Рус. Ист. Общ., V, 361.

(29) Шмидтъ-Физельдекъ: „Matériaux", Bd. II, S. 32+34. Къ сожалѣнію Шмидтъ-Физельдекъ не указываетъ источника.

вить мелкое дворянство противъ Верховнаго Совѣта, главныя члены котораго изображали злодѣями, желавшими измѣнить форму правленія только для того, чтобъ самимъ беззаконно завладѣть верховною властью, вследствие чего рабское положеніе дворянства стало бы еще невыносимѣе; чѣмъ при сохраненіи самодержавія государыни (20). Теофанъ Прокоповичъ распространялъ среди шляхетства слѣдующія мысли: „Паче же бѣдное самой Государыни состояніе, ави бы предъ очами ходящее, на гнѣвъ и ярость называло: не приходитъ она, не видитъ, не поздравляетъ ее народъ. А когда тому всюду вѣсть приносилась, что кн. Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ блюдетъ неприступну, и что она безъ воли его ни въ чемъ невольна, и неизвѣстно ява ли? а если жива, то насилу дышетъ, и что оныи тираны имѣютъ Государыню за тѣнь Государыни, а между тѣмъ злѣйшее нѣчто промышляютъ, чего другимъ догадываться нельзя. Сія и самъ подобная, когда вездѣ говорено, ожила другой компаніи ревѣсть, и жестокаѣ, нежели прежде, воспламенялась. Видѣть было на многихъ, что нѣчто весьма странное умышляютъ; но тихомирныя головы къ тому вѣтъ (привлонили, чтобъ мятежное иное господство оправдать правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ“ (21).

Самыми выдающимися пропагандистами Остермановскаго плана среди гвардейскихъ полковъ были два гвардейскихъ офицера, совершенно противоположныя другъ другу, по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, и по значенію, которое имѣютъ въ нашей исторіи. Одинъ изъ нихъ—очень извѣстный писатель и провозвѣстникъ просвѣтительныхъ идей; иностранецъ происхожденіемъ; другой—совершенно неизвѣстный банальный гвардейскій офицеръ, но вполне русскій человекъ, родной внукъ приближеннаго, даже друга царя Алексѣя Михайловича. То были князь Антиохъ Дмитриевичъ Кантемиръ и графъ Теодоръ Андреевичъ Матвѣевъ.

Двадцати-лѣтній юноша кн. Кантемиръ почти съ самаго дѣтства былъ близокъ и друженъ съ Теофаномъ

(20) Тѣургъневъ, III, р. 280.

(21) «Сказаніе» Теофана Прокоповича, с. 214—215.

Прокоповичемъ; его сближало съ ученымъ архіереемъ прежде всего общее имъ страстное отношеніе къ знанію, къ наукѣ. Увлеченный реформой Петра В., молодой Кантемиръ принималъ ее всецѣло и безъ критики, и въ замыслахъ верховниковъ и шляхетства видѣлъ исключительно только враждебное отношеніе въ реформѣ. Кантемиръ ни происхожденіемъ, ни возрѣніями не былъ связанъ съ русскими „родословными людьми“. Онъ былъ среди нихъ въ полномъ смыслѣ слова „чужакъ“. Но онъ не былъ „худороднымъ служилымъ иноземцемъ“ (онъ былъ очень аристократическаго рода) и сознательно считалъ Россію своею второю отчизною; не будучи однако прирожденнымъ русскимъ, онъ не могъ переживать того, что переживали русскіе люди во время реформаціоннаго переворота Петра В. Идеалы Кантемира лежали не въ допетровской Руси, не въ желаніи освободиться отъ тягостей, возложенныхъ на шляхетство, и не въ политическомъ строѣ европейскихъ государствъ, а въ отвлеченныхъ морально-философскихъ схемахъ; во имя этихъ идеаловъ онъ отрицательно относился къ овружавшей его русской дѣйствительности, безжалостно бичуя ее своею дидактическою сатирой.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, природныхъ условій, отчуждавшихъ Кантемира отъ тогдашнихъ внутреннихъ политическихъ вопросовъ русской земли, обстоятельства его жизни ставили его въ недружелюбныя отношенія къ верховникамъ и сближали съ людьми противной партіи. Лишенный майората по милости князя Д. М. Голицына, Кантемиръ не могъ сочувственно относиться, ни къ его личности ни къ его замысламъ. Съ князьями Долгорукими онъ также былъ не въ ладахъ, и въ одной изъ сатиръ подъ именемъ „Новаго Менандра“ осмѣялъ фаворита Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Кантемиръ считался свойствомъ съ князьями Трубецкими, изъ которыхъ былъ очень близокъ съ княземъ Никитою Юрьевичемъ, — а эта близость вводила его въ родственныя круги князя Никиты: графовъ Головинныхъ, князей Борятинскихъ и Ягушницкаго. Сердечное влеченіе князя Антиоха Кантемира къ княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери князя Алексѣя Михайловича, привлекала его къ человѣку, который сталъ теперь

однимъ изъ дѣятельныхъ провозвѣстниковъ самодержавія вновь избранной императрицы ^(*).

Графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Матвѣевъ (р. 1706 † 1734 г. холостымъ и съ нимъ пресѣлся родъ Матвѣевыхъ) сынъ извѣстнаго дипломата эпохи Петра В., графа Андрея Артамоновича, былъ большимъ ничтожествомъ. Кутила и гулява; графъ Матвѣевъ способенъ былъ подъ вліяніемъ влиятельныхъ царевъ на выходы очень дивна; одна изъ такихъ выходовъ, — его ссора съ испанскимъ посломъ де-Лиріа, подробно описана послѣднимъ. Эта ссора произошла лѣтомъ 1729 г., и съ тѣхъ поръ графъ Матвѣевъ таилъ злобу противъ князей Долгорукихъ, возмущенныхъ его выходкой, что и побудило его въ описываемое время открыто возстать противъ нихъ. Еще болѣе возстановляли его противъ проектовъ шляхетства его родственныя отношенія. Мать его была очень близкимъ лицомъ къ Аннѣ Ивановнѣ: она была гофмейстериной ея курляндскаго двора, а одна изъ старшихъ его сестеръ, графиня Марья Андреевна, бывшая замужемъ за Александромъ Ивановичемъ Румянцевымъ, находилась въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ ко многимъ изъ участниковъ шляхетскихъ проектовъ. Александръ Ивановичъ Румянцевъ, одинъ изъ любимѣйшихъ деньщиковъ, а потомъ сподвижниковъ Петра В. (отецъ знаменитаго полководца эпохи Екаторины II-ой гр. Румянцева-Задунайскаго) — не могъ пользоваться сочувствіемъ и уваженіемъ многихъ видныхъ участниковъ этихъ проектовъ, по той роли, которую игралъ въ дѣлѣ злосчастнаго царевича Алексѣя Петровича. ^(**)

^(*) См. біогр. кн. Кантемира В. Стоюнина при изд. сочиненій Кантемира ред. Ефремова, т. I; также самыя сочиненія, т. I, с. 118—119, 199, 206—208, 243, 227—247, 283—287, 297—304.

^(**) Р. Р. С., I, с. 56. — Gr. P. Dolgoroukoff, «Memoires», I, p. 108. — XVIII-я в., де-Лиріа, II, с. 183—188. — Баянъ-шъ-Кажентскій, «Словарь», изд. 1836 г., IV, с. 326 и слѣд., біографія А. И. Румянцева: — Карабановъ, «Статьи-дѣла», Р. Ст. 1874 г., т. IV, с. 587; *ibid.* 1873 г., т. XII, с. 155. — Гр. Матвѣевъ находился въ сношеніяхъ съ Нарышкиными: Ѳеодоръ Молчановичъ Нарышкинъ, родной дядя Натальи Кирилловны, былъ женою на Авдотѣ Петровнѣ Хомутовой (Гамилътоуз), племянницѣ жены Артамона Сергѣевича Матвѣева, Авдотья Григорьевна Гамилътоуз. Вслѣдствіе этого Наталья Кирилловна, круглая сирота безъ

Весьма понятно, что графъ Матвѣевъ сактировалъ въ пользу самодержавія Анны Іоанновны совершенно въ явныя кружки; чѣмъ князь Кантемиръ.

За виземъ Кантемиромъ и графомъ Матвѣевымъ стояла цѣлая дружина гвардейскихъ офицеровъ. Изъ этихъ молодыхъ гвардейцевъ мы должны отмѣтить вождерныхъ двухъ родственниковъ вдовы избранной императрицы и вожаковъ движенія, во вторыхъ — людей близкихъ къ этимъ вожакамъ, и въ третьихъ, наконецъ, — чѣмъ либо лично замѣчательныхъ. Въ первой группѣ относятся: князь Семенъ Волконскій со своимъ родственникомъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, двое Салтыковыхъ, Иванъ и Николай, и князь Петръ Борисовичъ Черкасской. (14). Ко второй — Бецкой, Гурьевъ и Херасковъ.

Иванъ Ивановичъ Бецкой, дѣятельность котораго принадлежитъ всецѣло эпохѣ Екатерины II, слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить о немъ здѣсь, а потому остановимся на Гурьевѣ и Херасковѣ.

Гурьевъ состоялъ флигель-адъютантомъ при фельдмаршалѣ, князѣ И. Ю. Трубецкомъ, а Матвѣй Андреевичъ Херасковъ былъ въ давнишнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ князей Трубецкихъ. Онъ былъ отцемъ Михаила Матвѣевича Хераскова извѣстнаго „дипломата“ эпохи Екатерины II, куратора Московскаго Университета и масона (р. 1733 † 1807 г.) На вдовѣ Матвѣя Андреевича Хераскова, Аннѣ Даниловнѣ, рожденной княжнѣ Друцкой, женился въ 1735 г. князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, овдовѣвшій также къ тому времени. (15).

собственія, жила у А. С. Матвѣева, гдѣ впервые встрѣтилась съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Извѣстный рассказъ о встрѣчѣ съ нею царя Алексѣя Михайловича у Матвѣева, заимствованъ изъ разсказа въ Марьи Андреевны Румянцовой, которая умерла 90 лѣтъ въ 1788 г.

(14) См. о Салтыковыхъ Арх. Свѣдѣн. изд. Лук. дн. 57 и Анненковъ князя, арт. 4-й) новнаго полка, ч. IV. — О кн. П. В. Черкасскомъ гаж. женоу Анненкова. — О кн. Волконскаго. П. Д. В.; т. IV, № 2472 и въ статьѣ М. Н. Лонгана о Геод. Ив. Дмитріевѣ-Мамонѣ (ансателъ) Р. Ст. 1870 г., т. 1, с. 465—468.

(15) О Гурьевѣ см. прилож. къ исторіи Имайловскаго полка. — О Херасковѣ, статья Монтѣйѣва въ Русск. Арх. 1873 г., т. IV, № 452.

Къ третьей группѣ принадлежатъ: Апраксинъ, Соковнинъ и Булгаковъ.

Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ (р. 1702 † 1758) известный полководецъ Семилѣтней войны, побѣдитель пруссаковъ и сторонникъ супруги наследника престола Софьи Августы-Фридерики, впоследствии Екатерины II. Обвиненный въ измѣнѣ за отступленіе послѣ блистательной побѣды при Гросъ-Эгерсдорфѣ (1757 г.) Апраксинъ былъ преданъ военному суду и умеръ скоропостижно отъ удара. Современники изображаютъ его человѣкомъ добрымъ, но тщеславнымъ, любившимъ почести и роскошь, и весьма недалекимъ. Кн. М. М. Щербатовъ характеризуетъ Апраксина въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „человѣкъ благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но малознающъ въ вѣщахъ, проницливъ, роскошенъ и честолюбивъ, а къ тому хотя не былъ пьяница, но не отревался иногда въ излишность сію впадать“⁽⁸⁰⁾.

Никита Ѳеодоровичъ Соковнинъ, племянникъ казненнаго Петромъ В. окольничаго Алексѣя Прокофьевича Соковнина, еще мальчикомъ, въ 1697 г. былъ сосланъ въ Сѣвскъ, вмѣстѣ съ тремя своими старшими братьями. Въ 1712 г. онъ былъ прощенъ Петромъ и отправленъ въ Ревель для обученія нѣмецкому языку, а вслѣдъ за тѣмъ посланъ въ Голландію изучать „навигацію“, и при Екатеринѣ I-ой былъ унтеръ-лейтенантомъ флота. Онъ находился въ родствѣ съ Чернышевыми и Ржевскими⁽⁸¹⁾.

Секретарь преображенскаго полка Иванъ Михайловичъ Булгаковъ, отецъ известнаго дипломата

1454 и въ «Журналѣ князя Н. Ю. Трубецкаго». Р. Ст. 1870 г., т. I, с. 10.

⁽⁸⁰⁾ Бятышъ-Каменискій, «Словарь», изд. 1836 г., I, с. 58—63; изд. 1847 г., I, с. 29—36.—Кн. Щербатовъ: «О поврежд. правовъ», Р. Ст. 1870 г., II, с. 101, 103, 114.—Снес. отзывы Болотова, въ 1-мъ томѣ его «Занисокъ» въ главахъ о Семилѣтней войнѣ.—Апраксинъ происходитъ отъ Салхамиръ мурзы, выхавшаго изъ Золотой Орды къ Олегу Рязанскому въ 1371 г.

⁽⁸¹⁾ П. С. З., III, № 1577.—П. П. В. въ Сб. Рув. Ист. Общ., т. XI, с. 232.—Верхъ «Жизнеоц. первыхъ рос. адмир.», I, 25.—Карабацова «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., II, с. 482.

царствованія Екатерины II-ой; Янова Ивановича Бугакова, въ царствованіи Анны Іоанновны былъ въ дурныхъ отношеніяхъ къ Бирону. За ссору съ его „конфидентомъ“ Альбрехтомъ (послѣ 1737 г.) онъ чуть не полатился жизнью. Слѣдствіе по этому дѣлу раскрыло его отношенія въ свѣтъ, и Бугаковъ былъ приговоренъ въ смерти; но Анна Іоанновна, востомнивъ его услугу въ 1730 г., помиловала его.⁽⁸⁹⁾

Въ числѣ новыхъ лицъ, не принимавшихъ участія въ шляхетскихъ проектахъ и интригахъ, сторонниками самодержавія являются также: генералъ-поручикъ Иванъ Михайловичъ Головинъ и полковникъ Петръ Михайловичъ Ерошинъ.

Иванъ Михайловичъ Головинъ, († 1738) потомокъ стариннаго рода (XIV в.), занимаетъ видное мѣсто среди приближенныхъ къ Петру В. лицъ. Иванъ Михайловичъ Головина прежде всего выдвигало родство еталоимцемъ Петра В., Осодоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, которому Иванъ Михайловичъ приходился двоюроднымъ братомъ. Въ 1697 году онъ былъ отправленъ Петромъ В. въ Италію и Голландію, для обученія морскому дѣлу. Въ 1698 г. зачисленъ поручикомъ въ преображенскій полкъ. Въ Амстердамѣ Головинъ работалъ на корабельной верфи вмѣстѣ съ Петромъ; проживъ четыре года въ Венеціи, Головинъ не научился ни морскому искусству, ни итальянскому языку; но это не помѣшало ему стать въ ряды самыхъ близкихъ людей къ Петру В. Царь очень любилъ Головина за его правдивый нравъ и за непоколебимую честность. Головиновъ передаетъ о Головинѣ нѣсколько анекдотовъ, ярко рисующихъ его нравственныя качества и характеръ.⁽⁹⁰⁾

Гофъ-интендантъ Петръ Михайловичъ Ерошинъ, обучавшійся архитектурѣ въ Италиі, впоследствии былъ замѣшанъ въ дѣло Волинскаго и обезглавленъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 г. Ерошинъ былъ человѣкъ большаго образованія; какъ по своей специальности, такъ и въ нау-

⁽⁸⁹⁾ Разсказъ Рабабанова, Р. С. 1874 г., т. IV, с. 690.

⁽⁹⁰⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1729—1730 гг.—Берхъ «Жизнеоп. перв. рос. адмирл», II, с. 48—60.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, 567; III, 564.—Д. П. В. Голыкова, изд. 2-е, т. XV, анекд., с. 97—99; 181—182.

вахъ политическихъ и историческихъ. Многими изъ его рукописныхъ лѣтописцевъ пользовался В. Н. Татищевъ^(*).

При помощи всѣхъ названныхъ лицъ среди шляхетства была пущена записка, направленная противъ верховниковъ во имя соблюденія интересовъ средняго шляхетства. Записка эта была, по всей вѣроятности, однимъ изъ тѣхъ памфлетовъ, о которыхъ упоминалъ, какъ мы видѣли выше, Вестфаленъ. Анонимный авторъ записки предпочитаетъ самодержавіе импиріи верховниковъ по тому только, что въ самодержавіи онъ видитъ болѣе гарантій правамъ и пользѣ шляхетства. Вотъ содержаніе этой записки: „Слышно здѣсь, что дѣлается или уже и сдѣлано — чтобъ быть у насъ республикѣ. Я тѣловъ томъ сумниделенъ“ — такъ начинается авторъ свою записку. „Боже сохрани“, — продолжаетъ онъ — „чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и плакъ мы, шляхетство, со всѣмъ прои адемъ и принужденіемъ будемъ горше прежняго и долопоклѣнничать и милости у всѣхъ исвать, да еще и сысвать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными (т. е. родословными людьми) какъ бы согласно ни было, однакожь вредъ, конечно, у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, и такъ, одинъ будетъ миловать, а другіе, на того злобствуя, вредить и губить стануть“.

Авторъ записки всего болѣе опасается, при такихъ общественныхъ условіяхъ, военнаго времени. „Въ то время нужно расположить будетъ обществу иди рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому подести самому на себѣ, для общей пользы, нѣкоторую тягость; въ томъ голосомъ сообразить никакъ не возможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлають, а что и положено будетъ на главныхъ — всегда въ домикахъ, а мы средніе одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ“. Противъ назначенія сроковъ для шляхетской службы авторъ записки выставляетъ слѣдующіе аргументы:

(*) П. Св. Зв., т. X, №№ 7323, 7564, 7890. — Сен. Арх., уз. В. Т. С. 1728 г. — См. о Еропкинѣ въ статьѣ «А. П. Волынской», «Др. и Нов. Россія» 1877 г.

„Народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ; и для того, если нѣтъ отъ орагошрива нуть денегъ и не будетъ, то, конечно и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ чрезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи; кромѣ, что искать захочетъ лежать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни колѣны и крестьянѣ наши, которыхъ принуждены будемъ производить и своей чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею произведемъ и насаждемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впередъ самими нами мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя, конечно, потеряемъ; притомъ же подѣ властью такихъ командировъ; Боже сохрани, такъ испотворены будутъ солдаты, что влѣе стрѣльцовъ будутъ“. По мнѣнію автора записки, никто въ отставку лицъ низшаго шляхетства, поведетъ за собою страшныя послѣдствія. Не привыкнувъ къ труду, эти отставные шляхтичи будутъ искать себѣ средствъ для существованія—равбоими и грабежами. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, авторъ записки считаетъ возможнымъ дозволять выходить въ отставку послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы только тѣмъ шляхтичамъ, у которыхъ не менѣе 30—50 дворовъ крестьянъ^(*).

Сношенія съ Анной Іоанновной для сторонниковъ ея самодержавія были не особенно легки и требовалась при этомъ большая осторожность. Чтобы сохранить тайну, въ данномъ случаѣ весьма понятную, сторонники самодержавія Анны Іоанновны для сношенія съ нею и для передачи ей своихъ плановъ и „конъюнктуръ“, избирали такихъ лицъ, которыя менѣе всего могли дать поводъ къ подозрѣніямъ со стороны верховниковъ. То были все дамы: родныя сестры императрицы—герцогиня мекленбургская Евалерина Іоанновна и царевна Прасковья Іоанновна, а также ея родственницы и близкія въ ней отатсь дамы и фрейлины—баронесса Остерманъ, вн. Червасская, Чернышева, Ягушинакая; сестра, вн. Червасской, Прасковья Юрьевна Салтыкова, рожд.

(*) Там. Нов. Рус. Ист. Кашпирева, т. II, отд. II, с. 209—211.—Записка эта найдена въ бумагахъ А. П. Волынскаго съ поправками его рукою, вслѣдствіе чего несправедливо приписывалась самому Волынскому. Подробн. см. Древн. и Нов. Рос. 1877 г., т. II, с. 43.

денная кн. Трубецкая, крестница царицы Прасковьи Теодоровны, матери Анны Иоанновны; Екатерина Ивановна Головкина, двоюродная сестра императрицы, и Наталья Теодоровна Лопухина, любовница Рейнгольда Левенвольде. Особенно видная роль выпадает на долю трех: мекленбургской герцогини, Салтыковой и Лопухиной. Первая, говорят, ободряла колебавшуюся Анну Иоанновну, вторая передавала о мѣрахъ, принимаемыхъ Рейнгольдомъ Левенвольде, а послѣдняя употреблялась шпиономъ для „узнанія мыслей знатныхъ людей скрытнымъ образомъ, для чего она прѣзжала во многимъ по ночамъ“.

Кромѣ того, какъ гласитъ преданіе, были придуманы болѣе хитрые способы для сношенія съ императрицей. Каждый день приносили къ ней меньшаго сына Бирона, такъ какъ она чувствовала къ этому ребенку большую нѣжность; въ его пеленки владывались записки съ извѣщеніемъ объ успѣхахъ сторонниковъ императрицы. Въ двадцатыхъ числахъ февраля Теофанъ Прокоповичъ прислалъ Аннѣ Иоанновнѣ въ подарокъ столовые часы, подъ доской которыхъ находилось изложеніе плана дѣйствій императрицы⁽⁴²⁾. Анна Иоанновна колебалась. Она хотѣла провозгласить себя самодержавной лишь въ день коронаціи, которая предполагалась въ апрѣлѣ, но открытіе Остерманомъ замысла князя В. Л. Долгорукаго объ арестахъ, назначенныхъ на 25 февраля—ускорило дѣло. Этотъ день былъ избранъ именно днемъ провозглашенія самодержавія Анны Иоанновны⁽⁴³⁾.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ шляхетство стало собираться на новыя совѣщанія. Важнѣйшіе изъ фамильныхъ людей собрались 23 февраля въ домѣ кн. И. О. Борятинскаго на Моховой и рѣшили просить Анну Иоанновну принять самодержавіе, уничтожить подписанныя ею „кондиціи“ и Верховный Тайный Совѣтъ, а возстановить сенатъ, какъ было при Петрѣ В. Василий Никитичъ Татищевъ былъ посланъ отъ этого собранія извѣстить о его рѣшеніи другой кружокъ шляхетства, собравшійся на Нивольской, въ

⁽⁴²⁾ Tourgueneff, III, p. 276.—Сб. Рус. Ист. Общ., V, 367.—См. депешу Вестфалена № 13.—«Записка неавѣстнаго» въ примѣчан. къ Зап. герц. Липійск. изд. Языковымъ, с. 180—182.

⁽⁴³⁾ Tourgueneff, III, p. 272.

домъ кн. А. М. Черкаскаго. Здѣсь предложенія кружка кн. Борятинскаго принимались не совсѣмъ охотно. Кн. Антиохъ Кантемиръ долго уговаривалъ рѣшиться на эту мѣру, „довольно со многими разсуждая“, и уговорилъ наконецъ нѣкоторыхъ подписать челобитную о самодержавіи, проектъ которой тутъ же и набросалъ. Переписавъ набѣло, привезли этотъ проектъ въ домъ кн. Борятинскаго, гдѣ подъ челобитной подписалось семьдесятъ четыре челоуѣка. Былъ уже первый часъ ночи. Несмотря на это позднее время, всѣ подписавшіе челобитную въ домѣ у кн. Борятинскаго, поѣхали въ домъ кн. Черкаскаго, въ которомъ шляхетство ожидало исхода подписи челобитной. Въ числѣ этихъ ожидавшихъ было много изъ генералитета и изъ гвардейскихъ офицеровъ: увидавъ семьдесятъ четыре подписи, они начали быстро подписываться подъ челобитной, и скоро листъ покрылся еще девяносто тремя подписями. Въ это время кн. Кантемиръ и гр. Матвѣевъ поѣхали въ гвардейскія и кавалергардскія казармы и стали тамъ собирать рукопривладства. Изъ гвардейскихъ офицеровъ подписалось пятьдесятъ восемь, да изъ кавалергардовъ (дежурившихъ у гроба покойнаго императора) тридцать шесть⁽⁴⁴⁾.

Такъ было подготовлено провозглашеніе самодержавія Анны Іоанновны, происшедшее 25 февраля 1730 г.

(44) Записка Татищева, „Утро“, с. 378.

IX.

25 ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Собраніе шляхетства въ Кремлевскомъ дворцѣ и прошеніе о пересмотрѣ шляхетскихъ проклятовъ и мѣній.—Прошеніе о «воспріятіи» самодержавія.—Издравіе «кондицій» и высшаго отъ 28 января.—Объявленіе Анны Іоанновны самодержавной императрицей.

25 февраля утромъ въ Мастерской палатѣ Кремлевскаго дворца засѣдалъ Верховный Тайный Совѣтъ. Въ засѣданіи присутствовали: князья Голицыны, Дмитрій Михайловичъ и Михаилъ Михайловичъ, и князья Долгорукіе—Василій Владиміровичъ, Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Въ этотъ день верховники, повидимому пришедшіе уже къ соглашенію относительно плана государственнаго устройства (Голицынскаго), были заняты обсужденіемъ вопроса о коронаціи и о назначеніи дня для этого торжества. Послѣ этихъ разсужденій присутствующіе „имѣли секретные разговоры“, по окончаніи которыхъ князь Василій Лукичъ Долгорукой оставилъ засѣданіе; безъ него разсмотрѣны были доношенія по разнымъ вопросамъ адмиралтейской коллегіи и постановлено послать подтвердительные указы о рекрутахъ и ландмилицкихъ деньгахъ. Василій Лукичъ Долгорукой возвратился, и всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта отправились къ государынѣ⁽¹⁾.

Такъ передается начало дня 25 февраля журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, не объясняя, какіе секретные раз-

(1) Госуд. Арх., Черн. журн. В. Т. С. № 2. 651

говори шли между собою верховники, для чего уходилъ изъ засѣданія князь В. Л. Долгорукой и по чему, по его возвращеніи, всѣ верховники пошли къ Аннѣ Іоанновнѣ.

Между тѣмъ всему этому были важныя причины.

По словамъ датскаго посланника Вестфалена, 25 февраля 150 человекъ изъ главныхъ военныхъ отпразднись въ Кремль, требуя отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ то время засѣдавшаго, чтобы ихъ выслушали. Во главѣ этихъ челобитчиковъ находились: сенаторъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской, генераль-лейтенантъ и майоръ гвардіи князь Григорій Дмитриевичъ Юсуповъ и генераль-лейтенантъ Чернышевъ. Получивъ согласіе Верховнаго Совѣта, они вручили бумагу съ изложеніемъ своихъ справедливыхъ недовольствъ; Верховный Совѣтъ объявилъ имъ свою готовность удовлетворить ихъ желанія и передать объ этомъ Ея Величеству. Челобитчики не удовольствовались однако этимъ отвѣтомъ и попытались передать свое прошеніе лично Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица приняла ихъ милостиво, обѣщая все исполнить, при чемъ выразила увѣренность, что между плательствомъ и Верховнымъ Совѣтомъ установится полное согласіе. Послѣ такого приѣма предводители челобитчиковъ возвратились въ Верховный Совѣтъ и рассказали о происшедшемъ на аудіенціи у государыни.

— „По моему мнѣнію, свисходительность нашей все-милостивѣйшей государыни и обращеніе ея съ подданными заслуживаетъ съ нашей стороны искренней признательности“, — сказалъ князь Юсуповъ.

Чернышевъ добавилъ къ этому: — „Мы не можемъ лучше возблагодарить Ея Величество за всѣ милости къ народу, какъ возвративъ ей похищенное у нея, т. е. самодержавную власть, которой пользовались всѣ ея предки“.

Князь Черкасской, поддерживаемый великимъ канцлеромъ, гр. Головкинымъ, воскликнулъ вмѣстѣ съ остальными: „да здравствуетъ наша *самодержавная* государыня Анна Іоанновна“.

Князя Голицыны и Долгорукіе, не будучи въ состояніи сопротивляться долѣе, сказали:

„Пойдемъ, присоединимся къ другимъ и да здравствуетъ такъ, какъ предопредѣлено Св. Провидѣніемъ“⁽²⁾.

(2) Деша Вестфалена № 13-й, см. III-е приложение къ настоящему изслѣдованію.

Князь Черкасской не отважился направиться въ Кремлевскому дворцу одновременно со всѣми своими единомышленниками, потому что Верховный Совѣтъ рѣшилъ арестовать его. По словамъ Маньяна и де-Лирія, князь Черкасской велѣлъ всѣмъ лицамъ изъ шляхетства, раздѣляющимъ его намѣреніе, явиться по одиночкѣ въ пріемныя комнаты дворца, и, по его прибытіи, немедленно сомѣнуться. Такъ же поступилъ и князь Юсуповъ съ гвардейскими офицерами (*). Князь Черкасской явился во дворецъ одинъ въ 10 часовъ утра и, найдя тамъ своихъ единомышленниковъ, испросилъ аудіенцію у императрицы (*). О числѣ „согласниковъ“ кн. Черкасского свѣдѣнія весьма противорѣчивы: нѣкоторые насчитываютъ ихъ 800, другіе же уменьшаютъ до 150 (*).

Анна Іоанновна, зная уже обо всемъ, приняла предвзятельныя мѣры для обезпеченія своей безопасности. Она отдала приказъ начальнику дневнаго караула во дворецѣ, капитану А л ь б р е х т у, никого не слушать кромѣ майора гвардіи С. А. Салтыкова, который былъ назначенъ начальникомъ дворцовыхъ карауловъ вмѣстѣ кн. В. Л. Долгорукаго. Салтыкову императрица поручила наблюдать за ея безопасностью и велѣла оцѣпить весь дворецъ войсками (*).

Шляхетство, съ кн. Черкасскимъ во главѣ, предстало передъ императрицей. Князь Черкасской вручилъ челобитную, которую В. Н. Татищевъ прочелъ вслухъ (*).

(*) Tounguenoff, III, p. 276.—Депеши де-Лирія, с. 55.

(*) Де-Лирія, с. 55.

(*) У Лефорта 800 человекъ; изъ нихъ 150 депутатовъ, которые входятъ во дворецъ. То же число подписавшихъ оба прошенія о пересмотрѣ самодержавія выставлено въ «Mercure historique», ч. 88, с. 430.—У Вестфалена—150 человекъ (см. выше, примѣч. 2-е).—У Мардфельда—200 человекъ (Неизданныя депеши № 129). Въ «Europäische Fauna»—390 человекъ, (ч. 326, с. 318).—Де-Лирія, Маньянъ и Брюссъ вовсе не указываютъ числа.

(*) Записка Брюсса, Tounguenoff, III, p. 275.—Сб. Рус. Ист. Об., V, 366, 367.—Неизд. депеши Мардфельда, № 129.—«Europ. Fauna», ч. 326, с. 318.

(*) Ibid., также Маньянъ и де-Лирія, Записка Татищева, «Утро», 1859 г., с. 378.

Челобитная была слѣдующаго содержанія:

„Всепресвѣтлѣйшая всемилостивѣйшая Государыня Императрица! Хотя волею Всевышняго Царя, согласнымъ соизволеніемъ всего народа единодушно Ваше Величество на престолъ Имперіи Россійской возведена, Ваше же Императорское Величество, въ показаніе высокой Вашей ко всему Государству милости, изволили представить отъ Верховнаго Совѣта пункты подписать, за которые Ваше милостивое намѣреніе всеижайше рабски благодарствуемъ, и не только мы но и вѣчно наслѣдники наши имени Вашему безсмертное благодареніе и почитаніе воздавать сердцемъ и устами причину имѣютъ; однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такия, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства, изъ котораго только непріателемъ Отечества нашего польза быть можетъ, и хотя мы, съ благоразсуднымъ разсмотрѣніемъ написавъ на оныя наше мнѣніе, съ подобающею честію и смиреніемъ Верховному Тайному Совѣту представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствія всего Государства по оному, яко по большому числу голосовъ, безопасную Правленія Государственнаго форму учредить, однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, они еще о томъ не разсудили, а отъ многихъ и мнѣній подписанныхъ не принято, а объявлено, что того безъ воли Вашего Императорскаго Величества учинить невозможно.

Мы же, вѣдая Вашего Императорскаго Величества природное человѣколюбіе и склонность къ показанію всему Имперію милости, всепокорно нижайше Вашего Величества просимъ, дабы Всемилостивѣйше по поданнымъ отъ насъ и прочихъ мнѣніямъ соизволили собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два отъ фамилій разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму Правленія Государственнаго сочинить и Вашему Величеству ко утверженію представить. Напротивъ же тому всепокорно нижайше желаемъ и обѣщаемъ всякую вѣрность и надлежащую пользу персонѣ Вашего Величества изыскивать и яко сущую всего Отечества мать почитать и прославлять во вѣки безсмертные будемъ. И хотя къ сему прощенію не многіе подписались, но е же с о б р о ю с о б р а т ь с я д л я

и подписи опасны, а согласуютъ большая часть, чему свидѣлствуютъ подписанные отъ многихъ мнѣній, о которыхъ выше показаво, что и нынѣ еще и не приняты“.

Челобитная эта подписана восемидесятью семью лицами^(*).

Анна Іоанновна смутилась и растерялась. Она ожидала провозглашенія самодержавія, а ей вдругъ подносятъ челобитную съ просьбой обсудить кондиціи и шляхетскіе проекты выборными отъ генералитета и шляхетства. Среди присутствовавшихъ началось движеніе. Тамъ и сямъ раздавались голоса, утверждавшіе, что все шляхетство единодушно требуетъ восстановленія самодержавной власти; съ другой стороны слышались возраженія на эти заявленія. Поднялся шумъ, въ которомъ рѣзко выдѣлялись голоса гвардейскихъ офицеровъ, требовавшихъ восстановленія самодержавія^(*).

Тогда кн. В. Л. Долгорукой призвалъ собраніе къ спокойствію и просилъ слова.

„Кто позволилъ вамъ присвоить себѣ право законодателя?“ — обратился онъ съ вопросомъ къ князю Черкасскому.

— „Дѣлаю это потому“ — отвѣчалъ князь Черкасской, — „что ея величество, была вовлечена вами въ обманъ; вы увѣрили ее, что „кондиціи“, подписанныя ею въ Митавѣ, составлены съ согласія всѣхъ чиновъ государства, но это было сдѣлано безъ нашего вѣдома и участія“.

(*) Списокъ всѣхъ участниковъ этой челобитной см. во II-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію. Челобитная напечатана въ Пам. Нов. Рус. Ист. Кашпирева, т. I, отд. II, с. 8—10) по списку И. П. Шульгина. Въ Госуд. Архивѣ мы ея не нашли. Кромѣ того, она помѣщена въ современныхъ ей французскихъ и немецкихъ переводахъ: въ депешахъ Маньяна (La Russie et les Russes, III, p. 269—270). Мардефельда (вензд. депешы № 430). — По нѣкоторымъ извѣстіямъ, кромѣ князя Черкаскаго такую же челобитную представлялъ кн. Юсуповъ отъ гвардейскихъ офицеровъ, но другимъ извѣстіямъ кн. Юсуповъ прочелъ челобитную Черкаскаго, наконецъ по третьимъ извѣстіямъ князя Черкаскаго, вовсе не было при началѣ аудіенціи, и императрица, принявъ челобитную изъ рукъ Юсупова, послала за Черкасскимъ, который такъ при этомъ струсилъ, что простился съ женой, не зная что его ожидаетъ; явись во дворецъ, Черкасской прочелъ челобитную, представленную Юсуповымъ, и сказалъ причинную случаю рѣчь.

(*) Де-Ляриа, 33. — Tourgoueff, III, p. 271.

Кн. В. Л. Долгорукой обратился послѣ этого къ Аннѣ Іоанновнѣ, совѣтуя ей удалиться въ кабинетъ и тамъ спокойно обсудить шляхетскую челобитную⁽¹⁰⁾. Само собою, онъ былъ увѣренъ, что обсужденіе это не обойдется безъ его участія.

Быть можетъ, Анна Іоанновна и приняла бы предложеніе кн. В. Л. Долгорукаго, еслибы на помощь ей не явилась ея сестра, герцогиня мекленбургская. Еватерина Іоанновна заранѣе запаслась чернильницей и перомъ и, видя нерѣшительность и смущеніе Анны Іоанновны, быстро подбѣжала къ ней, подала чернильницу съ перомъ и сказала:

— Сестра, теперь не время разсуждать и такъ долго раздумывать, — подпиши скорѣй⁽¹¹⁾. Лефортъ сообщаетъ, что она прибавила: „Я отвѣчаю за это; если намъ придется заплатить жизнь, я первая приму смерть!“⁽¹²⁾.

Анна Іоанновна взяла изъ ея рукъ перо и написала на челобитной: „у ч и н и т ь п о с е м у“⁽¹³⁾. Затѣмъ она выразила желаніе, чтобы шляхетство немедленно обсудило поданное ей прошеніе и въ тотъ же день представило бы ей результаты своихъ совѣщаній⁽¹⁴⁾.

(10) Сб. Рус. Ист. Общ., V, с. 368—349.—Кратко о томъ же Маньянъ (2-е донесеніе).

(11) Герцогиня мекленбургская подошла къ ней съ чернильницей въ рукъ и сказала, что нечего разсуждать, а должно подписать; царица немедленно и исполнила это. (Tourgueneff, III, p. 278.—Де-Лирія, 55).—Нѣтъ, государыня, теперь нечего разсуждать—сказала герцогиня мекленбургская, видя, что Анна Іоанновна намерена была согласиться на предложеніе кн. Вас. Лук. Долгорукаго—«вотъ перо, наволѣте подписать»; и царица дѣйствительно подписала прошеніе. (Маньянъ, «La Russie et les Russes», III, p. 278). Теофанъ Прокоповичъ говоритъ то же. (См. «Сказаніе», с. 216).—У. Бюсси, Мардефельда, «Eur. Fama» и «Merc. histor.» этого вовсе нѣтъ.

(12) Сб. Рус. Ист. Об., V, с. 369.

(13) Записка Татищева. «Утро», с. 379.—Очевидно надпись, правдивая Татищевымъ, относится къ первой челобитной шляхетства, потому что на прошеніи о возстановленіи самодержавія, видѣнномъ нами въ Госуд. Архивѣ, этой надписи нѣтъ.

(14) Нѣзд, депешъ Мардефельда № 120.—«Europäische Fama» ч. 326, с. 318 и слѣд.

Такимъ образомъ шляхетство получило ясный намекъ на то, чего собственно желаетъ императрица и въ какомъ смыслѣ ему нужно высказаться. Вѣроятно были приняты мѣры, чтобы шляхетство не выпускать изъ дворца, потому что по всѣмъ свидѣтельствамъ оно удалилось въ другую дворцовую залу на совѣщаніе, что и какъ выразить императрицѣ. Верховники были также благовидно арестованы: Анна Іоанновна пригласила ихъ на обѣдъ.

Въ то время, какъ шляхетство удалилось совѣщаться, оставшіеся въ аудіенцъ-залѣ гвардейскіе офицеры подняли шумъ и крикъ.

— „Мы не желаемъ“,—кричали они— „чтобы предписывали государынѣ законы; она должна быть такою же самодержицею, какъ были ея предки!“

Шумъ и движеніе до того усилились, что императрица сочла нужнымъ пригрозить офицерамъ, но они, припадая къ ея ногамъ, кричали:

— „Государыня, мы вѣрные рабы Вашего Величества, вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и готовы по жертвовать жизнью на службѣ Вашему Величеству; но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, и мы сложимъ въ вашимъ ногамъ ихъ головы“. Тогда Анна Іоанновна приказала имъ повиноваться С. А. Салтыкову. Онъ сталъ во главѣ гвардейцевъ и первый привѣтствовалъ Анну Іоанновну самодержавной государыней; за нимъ послѣдовали всѣ находившіеся въ аудіенцъ-залѣ⁽¹⁵⁾.

Между тѣмъ, какъ происходила описанная сцена, шляхетство обсуждало вопросъ: какимъ образомъ возблагодарить императрицу за милостивое принятіе челобитной?—и, по словамъ Лефорта, рѣшило поднести ей благодарственный адресъ⁽¹⁶⁾.

Намъ неизвѣстны подробности этого совѣщанія, но такъ какъ происходившее въ аудіенцъ-залѣ не могло конечно остаться для шляхетства тайной, то предводителямъ провозглашенія Анны Іоанновны самодержицей не трудно было убѣдить шляхетство, что лучше всякаго адреса поднести императрицѣ прошеніе о самодержавіи, накануне заготов-

(15) Записка Бюсси. Tougueneff, III, p. 275.—Де-Ляриа, с. 53.

(16) Сб. Рус. Ист. Общ., V, с. 369.

ленное княземъ Кантемиромъ. Предложеніе это большинствомъ было принято сочувственно, и шляхетство, предводимое на этотъ разъ кн. Трубецкимъ, вошло въ аудіенцъ-залу. Было 3 часа по полудни. Императрица, окончившая свою трапезу съ верховниками, снова появилась въ аудіенцъ-залѣ, и кн. Трубецкой вручить ей новую челобитную, которую прочелъ кн. Антиохъ Кантемиръ.

„Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Иоанновна, Самодержица Всероссійская!“ — такъ начиналась эта новая челобитная. „Когда Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно, для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего, сего числа подписать“, — читаемъ въ челобитной — „недостойныхъ себе признаемъ къ благодаренію за такъ превосходную Вашего Императорскаго Величества милость. Однакожь усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ“, — продолжаетъ челобитная — „побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять САМОДЕРЖАВСТВО таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высokaго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Его Величествѣ, блаженной памяти дяде Вашего Императорскаго Величества Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упадня мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно-бы было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при дяде Вашего Величества, Его Императорскомъ Величествѣ Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по Вашему Всемилоствивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить“.

Заключеніе челобитной слѣдующее: „Мы напоследокъ Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшіе рабы

Надѣмся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному Величества Вашего благоутробію призрены не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ. Вашего Императорскаго Величества всенижайшіе раби“. (Здѣсь слѣдуютъ подписи ста шестидесяти шести человѣкъ) ⁽¹⁷⁾.

Къ сожалѣнію, неизвѣстно какого рода бесѣда происходила у Анны Іоанновны съ верховниками за обѣдомъ, но выслушавъ прошеніе о самодержавіи, она сочла нужнымъ обратиться къ нимъ, какъ бы за совѣтомъ, что ей дѣлать? Въ сущности это былъ уже не совѣтъ, а высочайшее повелѣніе, которому верховники и должны были повиноваться. Мардефельдъ, а за нимъ иностранные журнѣлы того времени, передаютъ эту предпоследнюю сцену трагедіи 25 февраля 1730 г. въ слѣдующемъ видѣ.

Выслушавъ прошеніе, Анна Іоанновна сказала шляхетству:

— „Мое постоянное намѣреніе было управлять моими подданными мирно и справедливо, но такъ какъ я подписала извѣстные пункты, то должна знать, согласны-ли члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобы я приняла предлагаемое мнѣ моимъ народомъ?“

Члены Верховнаго Совѣта молча наклонили головы въ знакъ согласія ⁽¹⁸⁾.

„Счастье, что министры Верховнаго Совѣта въ это время ничего не предприняли“,—пишетъ французскій резидентъ Маньявъ;—„еслибы они оказали какое нибудь сопротивленіе рѣшенію дворянъ, то дворяне и гвардейскіе офицеры положили выбросить верховниковъ за окно“ ⁽¹⁹⁾.

Послѣ этого произошло слѣдующее: „По полудни въ четвертомъ часу къ Ея Императорскому Величеству призванъ

⁽¹⁷⁾ Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6, лл. 49—54.—Прошеніе это съ весьма незначительными выпусками напечатано С. М. Соловьевымъ въ его «Исторіи Россіи» (т. XIX, с. 267). Полный списокъ лицъ, подписавшихъ это прошеніе см. во II мѣ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

⁽¹⁸⁾ Извѣд. Императ. Мардефельда, № 129.—«Mémorial historique» 1730 г., т. 88, с. 430.—«Europäische Pama» 1730 г., т. 326, с. 320.

⁽¹⁹⁾ Tourgueneff, III, p. 277.—De-Asria, с. 56.

статской совѣтникъ г. Масловъ (одинъ изъ правителей дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и приказано ему подписанные отъ Ея Императорскаго Величества собственною рукою пункты и письмо (Анны Иоанновны изъ Митавы, отъ 28-го января) принести въ Ея Величеству, которые въ тождь время и отнесены и Ея Величеству отъ господъ министровъ (членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) поднесены. И тѣ пункты Ея Величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодрать⁽²⁰⁾.

Вслѣдъ затѣмъ императрица обратилась къ шляхетству съ „милостивымъ словомъ“, въ которомъ заявила, что постарается быть истинной матерью отечества и желаетъ душевно доставить своимъ подданнымъ всевозможныя милости⁽²¹⁾. Послѣ этого всѣ присутствующіе были допущены къ цѣлованію руки самодержавной императрицы⁽²²⁾. Общанныя милости начались немедленнымъ освобожденіемъ Ягушинскаго, который, по словамъ Лефорта, прямо изъ тюрьмы явился во дворецъ; Анна Иоанновна приказала фельдмаршалу кн. Долгорукому встрѣтить его въ дверяхъ и возвратить ему шагу и орденъ, при чемъ обрадованный Ягушинской въ слезахъ палъ на колѣни передъ императрицей⁽²³⁾.

Такъ были уничтожены, „затѣйки“ верховниковъ. Повидимому все сдѣлалось просто и обошлось совершенно спокойно, — во это было только повидимому.

(20) Госуд. Арх. Черн. журн. В. Т. С. 1730 г., л. 65. — Долго думали, что «кондиціи» и письмо совершенно разорваны и истреблены. Маньянъ, Бюсси и де-Лирія пишутъ отъ 2/12 марта, что императрица разорвала ихъ въ клочки (Tourgueneff, III, p. 276; де-Лирія, 54—56). Татищевъ, лично бывшій на этомъ собраніи, рассказываетъ, что ихъ изодралъ С. А. Салтыковъ и бросилъ («Утро», с. 379). — Между тѣмъ оба эти документа сохранились въ Госуд. Архивѣ. «Кондиціи» (разд. III, дѣло № 6, л. 28) написаны на двухъ страницахъ листа, другая половина котораго осталась бѣлою; написанныя страницы разорваны пополамъ сверху до низу, а бѣлая половина листа осталась цѣлою. Письмо Анны Иоанновны изъ Митавы отъ 28 января 1730 г. (ibid., л. 27) написанное такъ же, какъ и «кондиціи», надорвано на первомъ полулистѣ до половины.

(21) Неизд. депеши Мардефельда № 129. — «Mercure historique» и «Europäische Fama» 1730 г., указан. выдѣ томы и стр.

(22) Донес. Рондоу, «La Cour de Russie», p. 39.

(23) Сб. Рус. Ист. Общ., V, 369—370.

„Говорятъ, что дѣло могло легко дойти до печальныхъ крайностей“,— пишетъ Маньянъ недѣлю спустя послѣ описанныхъ происшествій— „что могла совершиться одна изъ самыхъ трагическихъ сценъ и что все зависѣло отъ той минуты, когда императрица, побуждаемая герцогиней мекленбургской, отказала кн. В. Л. Долгорукому обсудить первую челобитную дворянства въ собраніи государственныхъ чиновъ (т. е. Верховнаго Совѣта)“⁽²⁴⁾.

Де-Бюсси считаетъ уничтоженіе „кондицій“ дѣломъ, разрушившимъ обширные провѣты тѣхъ, кто воодушевлялся государственнымъ интересомъ. То же говорить и де-Лирія⁽²⁵⁾.

25 февраля вечеромъ всѣ иностранные министры были извѣщены канцлеромъ Головкинымъ о томъ, что Анна Иоанновна приняла самодержавіе. На другой день происходили новая присяга и представленіе императрицѣ всего дипломатическаго корпуса. 25, 26 и 27 назначена иллюминація, которая не состоялась только 27-го, по случаю соровогаго дня послѣ кончины Петра II-го. 28-го февраля послѣдовалъ манифестъ о самодержавіи Анны Иоанновны.

Иллюминація 25 февраля не могла затмить своимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія бывшаго въ тотъ же вечеръ: весь горизонтъ казался залитымъ кровью. „Это явленіе природы“, говоритъ Манштейнъ, „произвело такое впечатлѣніе на суетлѣрный народъ, что всѣ были приведены въ ужасъ и впоследствии русскіе говорили, что предзнаменованіе это было слишкомъ оправдано тѣми потоками крови, которыя Биронъ проливалъ въ странѣ“.

Въ тотъ же день князь Д. М. Голицынъ, въ ъругу своихъ друзей, какъ-бы объяснилъ то предчувствіе, которое на многихъ наводило страхъ.

„Пиръ былъ готовъ“,—говорилъ онъ— „но гости были недостойны его. Я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть, я пострадаю за отечество; я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня!“⁽²⁶⁾.

Пророческія слова князя Голицына также сбылись.

⁽²⁴⁾ Tounguenoff, III, p. 278.

⁽²⁵⁾ Де-Бюсси *ibid.*, 275.—Де-Лирія, 54.

⁽²⁶⁾ Записки Манштейна, с. 333.

Х.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Источники политических возрѣній верховниковъ и шляхетства.—Общій характеръ стремленій тѣхъ и другихъ.—Причины, вслѣдствіе которыхъ стремленія ихъ не осуществились.—Результаты провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны.

Днемъ 25 февраля собственно оканчивается фактическая исторія воцаренія императрицы Анны Іоанновны; но мы не считаемъ себя въ правѣ закончить этимъ днемъ наше изложеніе.

Передъ нами прошли всѣ подробности происшествій съ 19 января по 25 февраля 1730 г., мы познакомились съ ближайшими причинами, произведшими эти происшествія, съ главнѣйшими личностями, посредствомъ которыхъ они совершились, съ ихъ возрѣніями и мнѣніями. Обращаясь теперь къ дѣятелямъ этихъ событій съ прощальнымъ словомъ, всматриваясь и вдумываясь въ самыя событія—мы невольно задаемся вопросами: откуда, изъ какихъ источниковъ черпали верховники и шляхтичи тѣ идеи, которыя они высказывали въ своихъ политическихъ планахъ и проэктахъ? въ чемъ заключались ихъ стремленія? вслѣдствіе какихъ причинъ не достигли они тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремились? къ какому результату привело провозглашеніе Анны Іоанновны самодержицей, уничтожившее замыслы верховниковъ и шляхетства? Только при сильномъ отвѣтѣ на эти вопросы, мы можемъ уяснить себѣ значеніе воцаренія Анны Іоанновны.

Припоминая обстоятельства жизни верховниковъ и главныхъ участниковъ шляхетскихъ проэктвъ, мы не мо-

жемъ не замѣтить, что ихъ политическія воззрѣнія сложились подѣ продолжительными и разнообразными вліяніями. Эти вліянія могутъ быть подведены подѣ двѣ главныя рубрики: 1) традиція родословности, заставлявшія родословныхъ людей идеализировать политическій бытъ московской до-петровской Руси, 2) вліяніе западно-европейское, выразившееся въ примѣрахъ государственнаго строя западно-европейскихъ государствъ и въ чтеніи историческихъ и политическихъ сочиненій.

Традиція родословности указана нами при разсмотрѣніи политической роли князей Долгорукихъ и Голицыныхъ; по этому здѣсь мы остановимся на вліяніи западно-европейскомъ. Уяснить это вліяніе для насъ очень важно въ томъ отношеніи, что на дѣятеляхъ 1730 г. до сихъ поръ лежитъ укоръ, будто бы они дѣйствовали исключительно изъ желанія обратиться въ стариннымъ обычаямъ московскимъ.

Мы видѣли, что князья Долгорукіе и Голицыны, а также и очень многіе изъ участниковъ шляхетскихъ проектовъ—по долгу жили въ западно-европейскихъ странахъ, что нѣкоторые изъ нихъ любили чтеніе книгъ историческаго и политическаго содержанія. Время Петра Великаго было временемъ наибольшаго сближенія нашего съ западомъ. Усиленіе дипломатическихъ сношеній съ европейскими дворами, посылка молодыхъ людей за границу для науки, наконецъ война со Швеціей въ союзѣ съ Польшей и Даніей— всѣ эти обстоятельства вдвигали, т. сказ., русское шляхетство въ Западную Европу. Пребываніе русскихъ людей съ дипломатическими порученіями въ Швеціи, въ Польшѣ, въ Голландіи—не могло не производить на нихъ впечатлѣнія: невольно бросались имъ въ глаза инныя условія политическаго строя, чѣмъ тѣ, которыя они видѣли у себя дома. То же слѣдуетъ сказать и объ учившихся за границей. Молодые стольники и педоросли, посылавшіеся Петромъ Великимъ для изученія навигаторской науки и корабельнаго дѣла въ Италію и Голландію, не всѣ учились прилежно, не всѣ успѣшно усвоивали тѣ свѣдѣнія, пріобрѣтать которыя заставлялъ ихъ Царь-Преобразователь; но они невольно поражались аристократическимъ строемъ Венеціи и Генуи и бюргерскими порядками Амстердама и Гаги. Конечно, да-

леко не всё вникали въ политическія учрежденія Италіи и Голландіи, но всё видѣли ясно; что это нѣчто иное, чѣмъ строй московскаго государства и даже не похоже на новые порядки, заводимые на Руси Петромъ Великимъ.

Еще болѣе сближала съ политическимъ строемъ сосѣднихъ съ Россіей западно-европейскихъ государствъ шведская война. Русскія войска занимали многія шведскія области (Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Ингерманландію), герцогство Курляндское, Польшу и наконецъ, переходили въ Померанію и Мекленбургъ, приближаясь къ границамъ Даніи. Русскіе генералы и офицеры, захваченные въ плѣнъ, отвозились въ Стокгольмъ, шведскіе плѣнные разсылались по внутреннимъ областямъ Россіи.

Польша хорошо и давно была извѣстна русскимъ людямъ, ея политическіе порядки издавна пользовались симпатіей бояръ московскихъ; но со Швеціей не были столь близко знакомы въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. какъ познакомились съ ней въ первой половинѣ XVIII в. — Война очень сблизила русскихъ со шведами. Петръ Великій называлъ ихъ своими учителями въ дѣлѣ военномъ, но они явились учителями многихъ людей изъ шляхетства и въ политическомъ устройствѣ. Самъ Царь-Преобразователь увлекался шведскимъ уложеніемъ, организаціей шведскихъ финансовъ и коллегіальнымъ строемъ государственныхъ учреждений. Петръ В. любилъ указывать во многихъ случаяхъ на Швецію, какъ на примѣръ. Шляхетство шло по стопамъ Петра, но оно увлеклось не тѣми сторонами шведскаго государственнаго строя, которыми увлекался царь.

Государственный строй Швеціи былъ очень своеобразенъ, отличаясь особенностями представительства (1).

Швеція въ правленіе Карла XII переживала политическій кризисъ. Отличаясь съ давнихъ поръ оригинальной конституціей (шведскій сеймъ, кромѣ трехъ европейскихъ сословій, допускалъ въ свою среду представительство и отъ крестьянъ), — Швеція была сильна аристократією,

(1) Подр. см. въ книгѣ von Nordenflyntha: «Die Schwedische Staats-Verfassung in ihrer geschichtlichen Entwicklung», Berlin 1864; о воцареніи Ульрики-Елеоноры стр. 253—274.

постоянно боровшеюся съ королевской властію. Въ концѣ XVII в. сила аристократіи была сломлена отцемъ Карла XII-го, Карломъ XI. Опираясь на среднее и мелкое дворянство и на крестьянскихъ представителей, Карлъ XI произвелъ въ 1680 г. государственный переворотъ, лишившій аристократію всѣхъ ея преимуществъ и утвердившій авторитетъ королевской власти. Сумасбродный и взбалмочный характеръ Карла XII, его продолжительное отсутствіе изъ страны и война, раззорившая Швецію матеріально и унизившая ее нравственно—все это заставило не только аристократовъ, но и среднее и мелкое дворянство—желать возвращенія къ прошлому. Мысль о новомъ ограниченіи королевской власти обращалась среди представителей сословій сейма еще при Карлѣ XII; его неожиданная и скоропостижная смерть ускорила осуществленіе этой мысли. Въ 1719 году, по смерти Карла XII, шведскимъ сеймомъ была избрана въ королевы его сестра Ульрика-Элеонора, помимо династическаго наслѣдника шведскаго престола Фридриха голштинскаго. Сеймъ 1719 года предложилъ Ульрикѣ-Элеонорѣ условія, ограничивающія ея власть, которыя она и приняла, а чрезъ годъ, при воцареніи на шведскомъ престолѣ ея мужа, Фридриха герцога гессенъ-кассельскаго,—ограниченія королевской власти были еще увеличены.

Сеймъ 1719—1720 г. отличался особенностью направленія. На немъ взяло верхъ среднее и низшее дворянство, которое, вступивъ въ открытую борьбу съ аристократіей, ограничивало королевскую власть въ интересахъ своихъ, а не аристократіи. Аристократическая партія желала прежде всего усилить власть государственнаго совѣта, создавъ ему то значеніе, какое онъ имѣлъ въ XVII вѣкѣ при Христианѣ, Карлѣ X и въ первые года правленія Карла XI, т. е. передавъ въ его руки дѣйствительное управленіе страной; при этомъ государственный совѣтъ долженъ былъ состоять изъ ограниченнаго числа членовъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. Противъ этого возсталъ сеймъ и подчинилъ государственный совѣтъ своему контролю. Аристократическая партія, потерпѣвъ пораженіе въ этомъ предпріятіи, употребила всѣ усилія, чтобы возстановить прежнія прерогативы аристократическихъ фамилій; но и въ этомъ случаѣ дворянскому большинству сейма удалось одержать

побѣду. 22 марта 1720 г. Фридрихъ принесъ торжественно присягу въ вѣрности конституціи, а всѣ члены сейма, военные, чиновники и духовенство, кромѣ вѣрности конституціи влялись также и въ томъ, чтобы никогда не допускать въ Швеціи неограниченной монархіи.

Для насъ очень важны многія подробности, какъ аристократической программы и поправки въ ней большинства дворянства; такъ и нѣкоторыхъ пунктовъ королевской присяги. Приведемъ главнѣйшіе изъ нихъ.

Изъ аристократической программы:

1) Король не предпринимаетъ ничего безъ согласія государственнаго совѣта, а тѣмъ паче не дѣлаетъ чего либо вопреки ему, 2) въ совѣтѣ король имѣетъ два голоса, 3) по совѣщанію съ совѣтомъ король назначаетъ лицъ на высшія гражданскія и военныя должности; по собственной инициативѣ король назначаетъ только президентовъ коллегій, губернаторовъ и министра двора, но не иначе, какъ изъ членовъ государственнаго совѣта, 4) въ промежуткахъ между сеймами король можетъ издавать, по совѣщанію съ государственнымъ совѣтомъ, нетерпящія отлагательства обязательныя постановленія, а также заключать союзы и договоры, 5) востановляется уничтоженное въ 1680 г. старинное избирательное право на низшія должности въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ.

П о п р а в к и с е й м а: 1) Государственный совѣтъ находится подъ контролемъ сейма, который провѣряетъ всѣ его протоколы, 2) члены совѣта назначаются королемъ не иначе, какъ съ вѣдома и согласія сейма, 3) сословія сейма предлагаютъ королю трехъ кандидатовъ на должность членовъ государственнаго совѣта, изъ которыхъ одного утверждаетъ король, 4) число членовъ въ государственномъ совѣтѣ должно быть 24, 5) ваканціи на должность членовъ, явившіяся въ промежутокъ между сеймами, не замѣщаются до новаго сейма. Большинство дворянства на сеймѣ требовало также и себѣ сословныхъ и имущественныхъ льготъ, которыя на этомъ сеймѣ не прошли, а большая часть ихъ утверждена слѣдующимъ сеймомъ 1723 г.; при помощи духовенства, получившаго также нѣкоторыя привилегіи (*).

(*) Дворянское большинство требовало себѣ слѣдующихъ привилегій на сеймѣ 1719—1720 г.: востанавливаются старинныя права, офицерами могутъ быть лишь природные шведы, бракъ съ лицами на дворян-

Изъ королевской присяги 1720 г. Король общается: 1) на все высшія должности до полковника и на соответствующія имъ гражданскія должности назначать съ согласія государственнаго совѣта по большинству голосовъ; 2) не дѣлать сверхштатныхъ назначеній въ войска и въ коллегии; 3) не жаловать дворянства, исключая немногихъ случаевъ при коронаціи, потому что въ Швеціи дворянъ пожалуй больше, чѣмъ можетъ перенести страна; 4) всегда соглашаться съ тѣмъ, что рѣшаютъ сословія, такъ какъ они имѣютъ власть издавать законы и постановленія, какія сочтутъ нужными для блага страны. Сословія освобождаются отъ присяги въ вѣрности, въ случаѣ если король нарушитъ свою присягу и клятву, или преступитъ что либо постановленное сословіями для блага страны, въ защиту религіи и для собственной безопасности (*).

Стоить только припомнить насколько сильно было вліяніе шведскаго государственнаго устройства на князя Д. М. Голицына, а затѣмъ сопоставить „кондиціи“ верховниковъ, политическій планъ князя Голицына и „пункты“ присяги съ приведенными выдержками изъ актовъ шведскаго сейма 1719—1720 гг., чтобы придти къ весьма вѣроятному предположенію о *заимствованіи* изъ нихъ княземъ Д. М. Голицынымъ въ его политическихъ проэктахъ. Князь Д. М. Голицынъ очевидно хотѣлъ присвоить „родословнымъ людямъ“ и Верховному Тайному Совѣту то самое значеніе, которое придавала аристократіи и шведскому государственному совѣту аристократическая партія сейма 1719—1720 г. Такое значеніе родословныхъ людей и Верховнаго Тайнаго Совѣта ясно выражено и въ кондиціяхъ, и въ политическомъ пла-

скаго происхожденія воспрещается (при смѣшанныхъ бракахъ дѣти теряютъ права дворянства), устанавливаются точныя правила объ арестѣ дворянъ и о производствѣ у нихъ обыска, возстановляются старинныя права дворянъ по отношенію къ крестьянамъ, а также различныя преимущества относительно права пользованія коронными и дворянскими имѣніями.

(*) Постановленіемъ 1720 г. власть короля была еще болѣе ограничена. Ему не было предоставлено права созывать войска, или собирать налоги безъ согласія государственнаго совѣта; государственный совѣтъ уполномочивался созывать чины сейма по собственной инициативѣ. Король постоянно сопровождается двумя членами государственнаго совѣта. — *N o r d e n f l y c h t*, S. 266—267.

нѣ, и въ пунктахъ присяги. Обращаясь къ каждому изъ этихъ актовъ въ отдѣльности, мы замѣчаемъ на нихъ еще болѣе вліянія шведскихъ государственныхъ порядковъ вообще и политическихъ замысловъ 1719—1720 гг. въ частности. Въ иныхъ случаяхъ подробности избранія Ульрики-Элеоноры служатъ причиной нѣкоторыхъ измѣненій по отношенію къ Аннѣ Іоанновнѣ. Ульрика-Элеонора была за мужемъ, Анна Іоанновна—вдова; и вотъ князь Д. М. Голицынъ, чтобы избѣжать тѣхъ затрудненій, которыми сопровождалось воцареніе короля Фридриха, ставитъ въ „кондиціяхъ“—условіе, чтобы Анна Іоанновна никогда не выходила замужъ и не назначала бы себѣ преемника. Разсматривая далѣе „кондиціи“, мы не можемъ не найти въ нихъ большого сходства съ вышеприведенными выписками изъ шведскихъ проектовъ государственныхъ реформъ. Нѣкоторые пункты кондицій прямо заимствованы изъ нихъ. Такъ напр. 1-й пунктъ о томъ, что императрица не имѣетъ права жаловать въ чины выше полковника—просто переведенъ изъ присяги короля Фридриха. Въ іерархіи высшихъ государственныхъ учрежденій политическаго плана князя Д. М. Голицына, нельзя не замѣтить нѣкотораго вліянія организаціи шведскаго сейма. Эта іерархія выражается въ четырехъ учрежденіяхъ (Верховный Тайный Совѣтъ, сенатъ, шляхетская палата, палата горожанъ)—шведскій сеймъ состоялъ также изъ четырехъ камеръ. Но учрежденія, предполагавшіяся княземъ Голицынымъ, не имѣли ничего общаго съ камерами шведскаго сейма. Шведское представительство сложилось исторически, и князь Голицынъ очень хорошо понималъ, что историческія условія Швеціи и Россіи далеко не одинаковы; поэтому то онъ и допускалъ нѣкоторыя необходимыя отклоненія. Онъ заимствовалъ изъ шведскаго государственнаго строя только то, что, по его мнѣнію, было приложимо въ Россіи. Два сословія, игравшія на шведскомъ сеймѣ значительную роль, совсѣмъ исключены княземъ Голицынымъ—духовенство и крестьянство. Духовенство, по мнѣнію князя Голицына, должно быть чуждо политической жизни; что же касается до крестьянства, то онъ очень хорошо видѣлъ, чѣмъ являлось это сословіе на шведскомъ сеймѣ: оно являлось тамъ или опорой для королевской власти, или крупною въ рукахъ представителей другихъ сословій. Пункты присяги князя Д. М. Голицына, по замыслу своему, составляютъ и отраженіе шведской присяги всѣхъ чиновъ людей 1720 г.

Шляхетское движеніе, направленное противъ преобладанія родословныхъ людей и Верховнаго Тайнаго Совѣта также не свободно отъ нѣкотораго вліянія событій, сопровождавшихъ избраніе Ульрики-Элеоноры. Ограниченіе власти Верховнаго Совѣта, увеличеніе его членовъ и избраніе ихъ, контроль его дѣйствій шляхетскимъ общенародіемъ, расширеніе шляхетскихъ льготъ—все это тѣ же самыя идеи, какія мы замѣчаемъ и въ стремленіяхъ дворянскаго большинства на шведскомъ сеймѣ 1719—1720 г. Какъ видно, эти послѣднія стремленія служили примѣромъ для русскаго шляхетства. Но шляхетство, также какъ и князь Д. М. Голицынъ, увлеклось только правами и преимуществами шведскаго дворянства, но не думало подражать вообще шведскому государственному строю: ни въ нижнее правительство, ни въ избирательное собраніе, ни въ собраніе для обсужденія высшихъ государственныхъ дѣлъ—не привлекаются ни духовенство, ни горожане, ни крестьяне. При организаціи этихъ учрежденій у шляхетства, какъ видно, былъ другой идеаль—шляхетскій сеймъ Рѣчи Посполитой Польской.

Кромѣ личныхъ впечатлѣній отъ западно-европейскихъ государственныхъ порядковъ и разсказовъ о нихъ иностранцевъ, русскіе шляхтичи имѣли возможность почерпнуть свѣдѣнія о состояніи европейскихъ государствъ и изъ книгъ. „Введеніе въ Гисторію Европейскую“ Пуффендорфа, переведенное по приказанію Петра В., и представлявшее краткіе очерки государственнаго устройства разныхъ западно-европейскихъ странъ въ началѣ XVIII в.,—не было единственной книгой въ этомъ родѣ; среди тогдашняго шляхетства обращалось нѣсколько рукописныхъ компиляцій географическо-историческаго содержанія. Къ такимъ компиляціямъ относится рукопись начала XVIII в.: „Краткое политическое описаніе государствъ Европейскихъ“. Симпатіи составителя компиляціи лежатъ на сторонѣ неограниченной монархіи, и онъ съ особою любовью останавливается на тѣхъ моментахъ исторіи государствъ, въ которые прежнія представительныя формы уступили мѣсто самодержавію (какъ напр. въ Даніи въ 1662 г., въ Швеціи въ 1680 г.); государственный строй Польши подвергается сильнымъ нападкамъ автора, а положеніе англійскаго короля, всецѣло ограниченаго парламентомъ, вызываетъ въ немъ просто соболѣзнованіе и жалость. Такаа точка зрѣнія не мѣшаетъ однако

автору подробно излагать организацію самоуправленія и Польши, и Англии, и государствъ итальянскихъ, и „Союзаго Бельгіума“—какъ называетъ онъ тогдашніе голландскіе штаты. Приведемъ для примѣра наиболѣе характеристическія мѣста изъ этой компіляціи (*).

Въ разсмотрѣніи „Нѣмецкой земли“ подробно излагается государственный строй тогдашней священной римской имперіи съ цесаремъ во главѣ, власть котораго опредѣлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Онъ (цесарь) власть имѣеть трактовать о згодѣ и о войнѣ, союзъ чинить, денги ковать, сейми назначать; ничесоже опредѣлить не можетъ безъ уде съ (т. е. безъ чиновъ государственныхъ). Подъ этими „удесами“ разумѣются „электоры“, курфюрсты германской имперіи, которымъ и посвящено все остальное содержаніе главы о нѣмецкой землѣ. Здѣсь указано на ихъ сѣзды, на избраніе ими императора, на порядокъ его коронованія и пріисяги „статусу“ (т. е. государству).

Государственное устройство „Рѣчи Посполитой Польской“ изложено очень подробно. Здѣсь обращено вниманіе на слѣдующіе вопросы: 1) кто можетъ выбираться въ короли польскіе и почему это право не принадлежитъ природненнымъ полякамъ? 2) о порядкѣ избранія короля, 3) о предѣлахъ его власти, 4) о сенаторахъ и совѣтникахъ королевства и о ихъ правахъ (подробное перечисленіе государственныхъ сановниковъ польскихъ), 5) о сеймахъ, общемъ и частныхъ (провинціальныхъ).

Англійскій парламентъ,—„наивышній дворъ“ по терминологіи автора, изображается въ слѣдующихъ чертахъ. „Онъ не состоитъ на единомъ самомъ наивышшимъ сенатѣ, но подъ нимъ заключается общій чинъ всихъ удѣсъ королевства, которые купно съ королемъ о причинахъ общаго статуса или состоянія опредѣляютъ и заключаютъ. Онъ же раздѣляется на сеймовое сяданіе, вышнее и нишнее. Къ первому надлежатъ вси архіепископы, епископы, князе, грабы и бароны; въ второму же сяданію надлежатъ вси кавалери и два посланника, безъ которыхъ согласія вемощно податки въ королевствѣ ставить“.

(*) Ркп. Ш. П. Б., F, IV, № 70.

Изъ остальныхъ государствъ съ представительной формой правленія, которыя назывались у насъ въ XVII и въ началѣ XVIII в. „рѣчами посполитыми“, первое мѣсто отводится „рѣчи посполитой Венеційской“. Изложивъ общій строй государственнаго управленія Венеціи, авторъ такъ характеризуетъ венеціанскихъ сенаторовъ. „Что речено иногда о давныхъ римскихъ сенаторахъ согласно нынѣ возможно при дати венецицкимъ сенаторамъ“—говоритъ онъ—„которыя хотя бѣ не короли они, однакоже не надобно ихъ въ меньшомъ почтеніи имѣть“. Власть дожа опредѣляется слѣдующимъ образомъ. „Не найдется монархъ во окруженіи свѣта, котораго бы имѣли съ толикими церемоніями выбрать, какъ князя сего (т. е. дожа); однакожь достоинствомъ малымъ цвѣтетъ, или силою малою, ибо онъ дукъ безъ панства или безъ земли и князь безъ силы“.

Сююзынй Белгіумъ (Голландскіе штаты) имѣетъ, по словамъ составителя компиляціи, болѣе значеніе чѣмъ Венеціи, благодаря своей обширной торговли и богатствъ страны, о чемъ и сообщаются статистическія свѣдѣнія (городскіе доходы Амстердама, число торговыхъ кораблей, ость-индскія колоніи). Въ изложеніи строя „статуса“ подробно опредѣляется составъ и предметъ вѣдѣнія общаго сейма, собирающагося въ Гагъ, и предѣлы власти „губернатора“, т. е. штатгальтера. „Голандскій статусъ волность свою, съ многою кровію полученою, выше почитаютъ прочихъ богатствъ“—замѣчаетъ авторъ и вслѣдъ за тѣмъ отводитъ довольно много мѣста для опредѣленія политическихъ основъ голландской торговли. Голландцы, по замѣчанію автора, твердо держатся пословицы: „покой миръ строить—война разворяетъ“. Въ заключеніе главы о Голландіи, авторъ съ похвалою отзывается о вѣротерпимости голландцевъ и объ ихъ благотворительности.

Не меньшей похвалы удостоиваются „Хелветы“ за ихъ преданность свободѣ, храбрость, патриотизмъ, („за ихъ вѣрность, правду, мудрость и людкость“). „Хелветы воинственною силою толь славны, что едва народъ можетъ найти, который имѣлъ бы ихъ цѣною превосходить“—говорится о нихъ.—„Сего знаки изъявились прежде 300 лѣтъ, когда за свои дома и за волность мужественно воевали, которую волность и до нынѣшняго дня зѣло содержали юпротивъ нападателей“. „Наипаче же надобно хвалить расторопность ихъ и сей причины, что не токмо обновили рѣчь посполи-

тую сію, но оную очень размножили и мудро направляли и въ цвѣтущей нынешней статусъ надвѣли“. Въ подтвержденіе такого мнѣнія о „Хелветахъ“ передается исторія освобожденія трехъ кантоновъ изъ подъ зависимости нѣмецкой имперіи и образованія союзнаго правительства. Самое это правительство характеризуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Образъ владѣнія частію есть демократицки, частію же аристократицки, но и болше однакожь часть есть демократицка, понеже аристократицки образъ токмо въ нѣкоторыхъ городахъ мѣсто имѣть“. Государственное устройство Гельвеціи излагается довольно подробно: общій, союзный сеймъ, организація управленія кантоновъ, которые называются „уѣздами“ и городскихъ сенатовъ.

Переводы историческихъ и политическихъ сочиненій западно-европейскихъ писателей, предпринятыхъ по повелѣнію Петра В., также распространяли среди шляхетства свѣдѣнія политическія. Титъ Ливій, сочиненія Пуффендорфа, („О должностяхъ челоуѣва и гражданина“ и др.) Юста Липсіа, Стратемана, и др. были переведены при Петрѣ В., а нѣкоторыя изъ нихъ изданы по нѣскольку разъ⁽⁶⁾. Кромѣ того въ разныхъ регламентахъ и даже отдѣльныхъ указахъ Петра Великаго объяснялись политическіе вопросы. Въ этомъ отношеніи всего болѣе замѣчательнъ „Духовный Регламентъ“, гдѣ очень подробно опредѣляется различіе власти свѣтской отъ духовной. „Правда Воли Монаршей“ подробно рассматриваетъ существенные вопросы государственнаго права, всего болѣе волновавшіе русское общество первой половины XVIII в.: 1) о власти государей, 2) о разныхъ формахъ правленія, 3) объ отношеніи подданныхъ къ государю и государя къ подданнымъ, 4) объ избраніи наслѣдника по кончинѣ государя, не успѣвшаго назначить его при жизни, 5) о преимуществѣ монархіи наслѣдственной передъ избирательною⁽⁶⁾.

(⁶) Подробн. въ книгѣ акад. Пекарскаго: «Наука и литература Петровскаго вр.»—Титъ Ливій былъ переведенъ въ 1722 году Гаврииломъ Бужинскимъ, но не былъ пропущенъ къ печати синодомъ, по несправности перевода (?).—*Ibid.*, I, прим. 2.

(⁶) «Правда воли Монаршей», въ VII т. П. С. З., № 4870, с. 602—643.—При Петрѣ В. «Правда» была издана въ количествѣ 1200 экз. До мая 1726 г. продано 550 экз., да безденежно роздано 50. Въ апрѣлѣ 1726 г. послѣдовалъ сенатскій указъ объ изданіи «Правды» въ ко-

Но кромѣ всѣхъ этихъ книгъ среди образованныхъ людей изъ шляхетства обращались и отдѣльные политическіе трактаты, рассматривающіе сущность государственнаго устройства теоритически и исторически. Во главѣ такихъ сочиненій долженъ быть поставленъ извѣстный трактатъ Локка († 1704 г.) „о гражданскомъ правительствѣ“, (переводъ начала XVIII в., сдѣланный уже по смерти Локка). За Локкомъ слѣдуютъ другіе корифеи политической науки XVI и XVII вв.—Макиавелли, Гуго-Гроцій, Томазій и совершенно неизвѣстныя въ настоящее время политическія сочиненія, но тогда пользовавшіяся большимъ авторитетомъ. Мы уважемъ только на такія, изъ которыхъ могли почерпаться свѣдѣнія о политической роли дворянства и о значеніи государственныхъ реформъ. Сюда относятся: книга итальянца Хр. Георга Бесселя—„Политическаго счастья вочачъ“ (первое изданіе въ 1666 г.), „Камень опыта политическаго“, переводъ сочиненія политическаго радикала и сатирическаго поэта, итальянца Боккалини († 1613 г.), „Феоримато, или разсужденіе о правомъ и мирномъ царствѣ, или коей либо области правленіи“, неизвѣстнаго автора (какъ видно, итальянца), „Описаніе винъ, ими же къ гибели и разоренію всякаго царства приходятъ и которыми дѣлы въ цѣлости и въ смиреніи содержатся и строятся“, рвп. нач. XVIII в., „Наставленіе мужа народнаго“, переводъ съ французскаго, нач. XVIII в.

Хр. Георгъ Бессель выставляетъ не только необходимость принимать дворянамъ участіе въ государственной дѣятельности, но рекомендуетъ цѣлый рядъ способовъ, какъ пріобрѣсти полную довѣренность государя и какъ сохранить эту довѣренность для полученія власти въ свои руки. „Главное назначеніе мудраго человѣка“ — говоритъ Бессель—„занимать публичныя государственныя должности“ Онъ излагаетъ въ своей книгѣ пространную программу подготовленія дворянина къ государственной дѣятельности, начиная съ воспитанія умственнаго и нравственнаго, и затѣмъ предлагаетъ цѣлый рядъ наставленій, какъ вести себя на скольз-

дичесствѣ, 19,000 экземпляровъ для разсылки по всей имперіи. Подробности см. у акад. Пекарскаго, въ вышеприведенной книгѣ, т. II, стр. 571—574.

комъ пути государственной и придворной службы. Между прочимъ рекомендуется „къ лучшему утвержденію искать милости своего государя; такожде подобаетъ искать и склонности временщиковъ и высокихъ служителей“. Временщикъ характеризуется такимъ образомъ: „временщикъ не есть иное что якоже горсть пыльной земли, которую принцы сами возвышаютъ выше своей головы, около которой летаютъ непрестанно бесчисленное множество мухъ; но коль скоро оной (т. е. принцъ) руку открыеть, то она (горсть земли) выпадетъ и разсѣется такимъ образомъ, что ничего не останется, и тогда мухи, которые оной (горсть земли) окружали, т. е. ласкатели, которые имъ молилися, отдалятся, якоже оны со всѣхъ странъ оставятъ его тотъ часъ, сколь скоро принцъ его оставитъ“. Всѣ подобные афоризмы подтверждаются историческими примѣрами, нравоучительными выдержками изъ священнаго писанія и классическихъ римскихъ писателей: Цицерона, Тацита, Тита Ливія и др. (*).

Въ „Камнѣ опыта политическаго“—„всѣ статусы, (т. е. государства) свѣта суть ценсурованы въ Парнасѣ о своихъ погрѣшностяхъ“. Аполлонъ, окруженный обществомъ ученыхъ людей, производитъ имъ судъ и расправу. Монархи всего свѣта рассказываютъ ему по очереди происходящее въ ихъ государствахъ. Принцъ московскій является великимъ ненавистникомъ наукъ и просвѣщенія. Онъ откровенно высказалъ Аполлону и ученому собранію Парнасса свои воззрѣнія и всѣ принцы приняли его сторону; а „сердца ученыхъ были весьма воспалены гнѣвомъ и ожесточены досадою“. Дука венеціанскій передаетъ о возстаніи молодыхъ нобилей противъ венеціанскаго правительства и о строгомъ ихъ наказаніи. Въ уста венеціанскаго дожа влагается слѣдующее нравоученіе въ пользу шляхетства: „аристократіямъ (т. е. правленіямъ аристократическимъ) какъ возможно надобно воздерживаться отъ публичныхъ наказаній надъ шляхетными особы, аще бы и развратными, чтобъ чрезъ поносимые казни у народовъ не изтребить тожь самое шляхетство; когда правленіе статское касается о превеликомъ интересѣ въ публичную ползу волностей, для

(*) Ркл. И. П. Б., Ф. II, № 68, гл. 11.

того тогда имѣть быть содержано въ вѣщцѣ почтеніи“⁽⁸⁾.

„Феоримато“—сочиненіе направленное противъ „злочестиваго Махиявелла ученія“, которое называется „кораномъ дворянскимъ“; (дворяне имѣютъ Магіавелли „не въ меньшей чести, яко Торки алкоранъ и привиденія махометанскіе“).⁽⁹⁾.

„Описаніе винъ“ направлено противъ крутыхъ и насильственныхъ реформъ. Это сборникъ нравоучительныхъ примѣровъ изъ священнаго писанія и изъ исторіи греческой и римской на слѣдующую тему: „добродѣтели славно и честно содержатъ государство, а злоба, неправда и лукавство—ведутъ государство къ погибели“.—Чтобы государство было въ цѣлости—говоритъ неизвѣстный авторъ—„надо блюсти, чтобы не были перемѣнные sprawy или судебныи и постановленія государскіе. Если понадобится перемѣнить что нибудь обычае въ государствѣ, то не подобаетъ того вскорѣ дѣлать, но легкимъ путемъ, для того, чтобы скорою перемѣною сердца въ поданныхъ не смутились и чтобы за тѣмъ дѣломъ не послѣдовалъ страхъ въ государствѣ, потому что всякая новая вещь болши убыткомъ въ государствѣ бываеъ нежели корыстію (т. е. пользою) и за нею послѣдуеъ смута и мятежъ въ государствѣ, а болши того когда тѣ новые дѣла и управы, сирѣчь судебники, бывають постановлены не для корысти (пользы) всѣхъ людей въ государствѣ, но для повышенія богатыхъ и великихъ людей, либо для пониженія убогихъ“. Совѣтуется также воздерживаться отъ иноземцевъ „не того ради, дабы иноземцомъ чести умалити, или ненавидя ихъ, но сего ради, дабы во обычаехъ и въ дѣлахъ государства премѣна не была“. „Наипаче же того довлѣетъ хранить“—продолжаетъ составитель сборника—„чтобы изъ обычаевъ иноземскихъ проторей ихъ, или убытковъ въ житіи человѣческомъ, сирѣчь въ пици и одеждѣ, не содѣялось которое дѣло; егда скоро въ государство выйдетъ и примирится, тогда уже приноситъ безконечное зло; послѣдуеъ же за тѣмъ

(8) Ibid., F. XV, № 22 (листы не нумеров.).

(9) Ibid., F. II, № 27.

дѣломъ великая злоба, проторь или убытокъ, который на- реченъ есть отецъ бѣдности и убожества“ (10).

„Наставленіе мужа народнаго“ представляетъ подроб- ное руководство „къ пріятію рѣчи посполитой, со изобра- женными авторомъ сентенціями“. Наставленія эти слиш- комъ общи и сводятся къ тому, что всякій просвѣщенный и честный гражданинъ, принимающій участіе въ управле- ніи страной долженъ заботиться объ общемъ благѣ и счас- тіи народа и обязанъ строго исполнять законъ. Примѣ- ромъ такого отношенія къ странѣ долженъ быть князь (государь); онъ не долженъ торопиться распоряженіями, а тщательно ихъ обдумывать и во всемъ совѣщаться съ сво- имъ „сигклитомъ“. Добрый „князь“—есть залогъ благосо- стоянія государства, тогда и „злой сигклитъ“ не принесетъ вреда, между тѣмъ какъ „добрый сигклитъ со злымъ кня- земъ“ всегда ведетъ къ гибели. Умѣренность и кротость во всѣхъ мѣропріятіяхъ есть идеаль составителя наставле- ній. Онъ отдаетъ предпочтеніе роли въ государственномъ управленіи людямъ средняго умственного уровня передъ умами выдающимися. „Къ радѣнію рѣчи посполитой“—го- воритъ онъ—„лучше есть помѣрнаго мужа разума нежели высокоумнаго стяжовати“. Исходя изъ этой точки зрѣнія, осуждаются всѣ скороспѣлыя нововведенія и рѣзкія пере- мѣны въ управленіи страной, въ особенности во вновь по- коренныхъ областяхъ (11).

Въ чемъ заключались стремленія верховниковъ и шля- хетства? Этотъ вопросъ по отношенію къ верховникамъ, повидимому, уже рѣшенъ учеными и публикой; что ка- сается до стремленій шляхетства, то они не разъяснены должнымъ образомъ. Верховники дѣйствовали изъ своеко- рыстныхъ цѣлей, желая ради своихъ эгоистическихъ побуж- деній ограничить власть Анны Іоанновны—таково холачее мнѣніе, ставшее общимъ мѣстомъ. Въ словахъ князя Д. М. Голицына, сказанныхъ имъ при избраніи Анны Іоанновны, находятъ несомнѣнное подтвержденіе этому мнѣнію. „На- добно *себѣ* полегчить, воли *себѣ* прибавить“—говоритъ князь Димитрій Михайловичъ, мотивируя необходимость проэктиро-

(10) Ibid., F. XV, № 24.

(11) Ibid., F. I, № 322.

ванныхъ имъ „пунктовъ“. Прибавить *себѣ* воли—значить привести въ неволю всѣ остальные общественные классы земли русской—завключали обыкновенно. Олигархія, *непотизмъ!*— вотъ какія восклицанія раздавались и раздаются при разсужденіяхъ о дѣятельности верховниковъ, и этими восклицаніями думаютъ порѣшить все. Весьма естественно, что такой взглядъ не можетъ почестъся серьезнымъ, тѣмъ болѣе научнымъ. Историкъ не въ правѣ судить на основаніи общихъ и предвзятыхъ воззрѣній; но олигархизмъ верховниковъ пытаются доказать и инымъ способомъ: предположеніемъ на основаніи неизвѣстнаго.—Что бы было, еслибы верховники успѣли въ своихъ намѣреніяхъ? Такой вопросъ, очень любимый нѣкоторыми историками, представляется намъ празднымъ и анти-историческимъ. Что бы было если бы Іоаннъ III покорилъ Новгородъ, а Новгородцы побѣдили бы Московскаго великаго князя, что бы было, еслибы Борисъ Годуновъ не прикрѣпилъ къ землѣ крестьянъ? что бы было, если бы Карлъ XII побѣдилъ Петра подъ Полтавой и т. д. и т. д. Такихъ фантастическихъ вопросовъ можно наставить безчисленное множество, но совершенно безцѣльно и безрезультатно. Между тѣмъ на такой вопросъ относительно верховниковъ отвѣчаютъ обыкновенно, что еслибы они восторжествовали, то Россія, разрываема寡 олигархіей, превратилась бы въ юдоль плача и стenanія. Осуждать верховниковъ на основаніи такого предположенія странно по очень простой причинѣ: мы не знаемъ что было бы, если бы верховники одержали побѣду. Но зато мы знаемъ, что самодержавіе Анны Іоанновны явилось не самодержавіемъ, а именно олигархіей, да еще вдобавокъ не національной, а иноземной.

Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта до 1730 года не даетъ намъ права заключить, что эта высшая руссiйская коллегія дѣйствовала исключительно олигархически. Еще менѣе мы можемъ сдѣлать такое заключеніе относительно политическихъ намѣреній князя Д. М. Голицына. Его планъ и его „пункты“ присяги не заключаютъ въ себѣ олигархическихъ тенденцій. Забыты крестьяне!—вотъ укоръ, который дѣлается обыкновенно князю Голицыну. По нашему мнѣнію они вовсе не забыты. Надо перенестись въ тотъ вѣкъ, когда происходили событія; надо провинуться пониманіемъ той эпохи, чтобы вѣрно судить о ея намѣре-

нѣхъ. О крестьянахъ князь Голицынъ заботился, но не такъ, какъ заботятся о нихъ сторонники благосостоянія низшихъ классовъ нашего времени. Князь Голицынъ заботится о нихъ на первое время только съ финансово-государственной точки зрѣнія—хлопочетъ объ облегченіи имъ податей; но что было бы дальше—мы не знаемъ: планъ князя Голицына намъ неизвѣстенъ во всей подробности.

Соображая всѣ мѣропріятія верховниковъ, мы приходимъ относительно ихъ намѣреній къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) они избрали Анну Іоанновну, надѣясь, что она безусловно подчинится ихъ требованіямъ, 2) они желали въ ея царствованіе выработать прочныя основанія государственнаго устройства, 3) на первый разъ они желали прибавить себѣ воли, считая себя, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, первыми людьми, съ которыхъ нужно начать.

Противъ этихъ-то замысловъ и возстало шляхетство. Его цѣли были солидарны съ цѣлями верховниковъ по первымъ двумъ вопросамъ; но относительно третьяго оно расходилось съ ними по существу: шляхетство требовало и *себѣ боли*, требовало участія себѣ въ управленіи государствомъ. Обвинять шляхетство въ сословномъ эгоизмѣ и своекорыстїи столь же страшно, какъ обвинять верховниковъ въ олигархіи. Исторія не знаетъ виноватыхъ. Шляхетство заботилось о себѣ, но оно заботилось объ интересахъ и другихъ сословій; правда, что эти сословія не уподоможивали его на это, но за то они не имѣли средства сами высказать своихъ желаній.

Вслѣдствіе какихъ причинъ не достигли ни верховники, ни шляхетство тѣхъ результатовъ, къ которымъ они стремились? Вопросъ этотъ прежде рѣшался обыкновенно очень просто. Шляхетство, возмущенное олигархіей верховниковъ, просило Анну Іоанновну принять самодержавную власть. Изъ нашего изложенія видно, что дѣло вовсе не происходило такимъ образомъ. Не шляхетство, просившее о самодержавїи, сокрушило верховниковъ, не уничтожило ихъ замысловъ Остерманъ, Теофанъ Прокоповичъ и Ягужинской, а подготовили они паденіе своему дѣлу, главнымъ образомъ, сами.

Князь Д. М. Голицынъ, которому принадлежитъ инициатива и управленіе всего дѣла, взялся за него самона-

дѣянно и опрометчиво. Онъ слишкомъ возомнилъ о себѣ, „забравъ паче мѣры ума“. Его сгубила гордость. Онъ хотѣлъ одинъ дѣйствовать за всѣхъ и всѣхъ подчинить своей власти. Онъ до того презрительно относился къ своимъ товарищамъ—верховникамъ и къ своимъ противникамъ, что не начерталъ даже программы дѣйствій: онъ заравѣ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ считалъ своихъ противниковъ за толпу, которой онъ можетъ руководить и помыкать по произволу. Другіе члены Совѣта, кромѣ брата Голицына, не желали ему подчиниться. Вслѣдствіе всего этого въ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 19-го января по 2-е февраля видна замѣчательная сбивчивость въ распоряженіяхъ. Въмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ главнѣйшихъ лицъ изъ духовенства, генералитета и шляхетства, кн. Голицынъ открыто возсталъ противъ нихъ. Этимъ онъ раздражилъ Теофана Прокоповича, Остермана, Головкина, Ягужинскаго, Салтыкова, Черкаскаго и другихъ и создалъ то положеніе дѣлъ, которое, усложняясь постепенно съ 2 по 25 февраля, окончилось разрываніемъ „кондицій“.

Шляхетское движеніе поражаетъ насъ противоположнымъ качествомъ. У шляхетства не доставало вождей; не было именно такихъ людей, какъ князь Д. М. Голицынъ, которые могли бы, воодушеваясь общимъ интересомъ, подчинить своей волѣ большинство шляхетства. Шляхетство высказывало въ своихъ проектахъ въ сущности почти одно и то же, но группировалось случайно. Основаніемъ для этой группировки, какъ мы видѣли, были частныя, личныя отношенія, а соображенія, высказанныя въ разныхъ проектахъ, обуславливались личными воззрѣніями того или другаго сильнаго человѣка. Но можемъ ли мы винить шляхетство? Шляхетство въ 1730 г. такъ или иначе впервые сознало свою корпоративность, еще очень незадолго до того времени, какихъ нибудь 25 лѣтъ, представляя изъ себя разобщенные „чины“ служилыхъ людей. Неумѣнье дѣйствовать сообща, возвыситься надъ личными цѣлями во имя общихъ интересовъ, неумѣнье правильно понять эти интересы, отдѣливъ въ нихъ существенное отъ несущественнаго, болѣе важное отъ менѣ важнаго—все это прямо вытекаетъ изъ двухъ причинъ: во 1-хъ, изъ того неопредѣленнаго положенія, въ какое было поставлено шляхетство законодательствомъ Петра Великаго и во 2-хъ, изъ той вообще

ломки въ умственной и нравственной жизни русскаго народа, которая произведена реформой Петра. Что общаго имѣли и могли имѣть между собой М. А. Матюшкинъ и какой нибудь Аршеневскій, Ржевскіе и Жолобовъ, Татищевъ и Макаровъ?—а между тѣмъ мы видимъ рядомъ ихъ имена подъ проэктами. Русскіе люди первой половины XVIII в. не отличаются цѣльностью характера: все это натуры изломанныя — противорѣчіе ихъ стихія. Изъ довольно значительнаго числа участниковъ шляхетскихъ проэктовъ мы встрѣчаемъ весьма немного цѣльныхъ характеровъ: изъ 76-ти представленныхъ нами характеристикъ этихъ участниковъ мы едва наберемъ какихъ нибудь десятъ человекъ, которые могутъ быть названы людьми убѣжденія и характера. А остальные?... „Намъ русскимъ не надобенъ хлѣбъ—мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ“, — говорилъ юродивый первой половины XVIII в. Тихонъ Архипычъ, лучше всего опредѣливъ „умоначертаніе“ современнаго ему русскаго шляхетства.—Прибавьте ко всему этому раздраженіе шляхетства противъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, страхъ „маломочныхъ“ передъ угрозами верховниковъ, общую симпатію (главнымъ образомъ на основаніи слуховъ) къ Аннѣ Іоанновнѣ, неизвѣстность будущаго, инсинуаціи Остермана и Теофана Прокоповича, присоедините къ тому всегдашнее руссійское качество дѣйствовать на авось—и перемѣна мыслей у большинства шляхетства будетъ вполне понятна. Верховники, — атаманы разбойниковъ, они придумаютъ среднее шляхетство, а императрица Анна Іоанновна милосерда; она дастъ льготы среднему шляхетству и повелитъ ему собраться для составленія плана правленія руссійскимъ государствомъ! Таковы были умозаключенія, какъ у тѣхъ изъ шляхетства, которые подали императрицѣ челобитную о разсмотрѣніи проэктовъ, такъ и у тѣхъ, которые пресили ее о „воспріятіи самодержавія“.

Не всѣ замыслы шляхетства канули безслѣдно въ вѣчность. Только главныя, политическія ихъ стремленія не осуществились, но второстепенныя требованія, касающіяся служебныхъ и сословныхъ льготъ—были до нѣкоторой степени уважены Анной Іоанновной. Опираясь на желанія шляхетства, выраженныя въ прошеніи о самодержавіи, Анна Іоанновна успѣшила уничтожить Верховный Тай-

ный Совѣтъ и востановить правительствующій сенатъ въ томъ значеніи, въ какомъ онъ былъ при Петрѣ В.; но члены въ него опредѣлялись не по выбору генералитета и шляхетства, а по назначенію императрицы. Всѣ министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, кромѣ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, были сдѣланы сенаторами. Это произошло 4-го марта 1730 г. ⁽¹²⁾. Въ концѣ 1730 года была востановлена должность генераль-прокурора сената, которую снова занялъ П. И. Ягушинской ⁽¹³⁾. Первые два года царствованія Анны Иоанновны отличаются исполненіемъ многихъ шляхетскихъ требованій. Отмѣтимъ главнѣйшія.

Учреждена комиссія для разсмотрѣнія состоянія арміи, артиллеріи и фортификаціи и исправленія оныхъ ⁽¹⁴⁾, составленъ новый штатъ гѣнералитету и офицерамъ ⁽¹⁵⁾, востановлена баллотировка офицеровъ ⁽¹⁶⁾, составлена новая табель жалованья военнымъ чинамъ ⁽¹⁷⁾, возобновленъ указъ Петра В., о первенствѣ воинскихъ чиновъ передъ гражданскими ⁽¹⁸⁾; наконецъ 29 іюля 1731 г. былъ учрежденъ кадетскій корпусъ для шляхетства ⁽¹⁹⁾. Всего дольше правительство Анны Иоанновны не опредѣляло сроковъ шляхетской службы и шляхетство продолжало по прежнему маяться въ полкахъ, большинство офицеровъ въ которыхъ при Аннѣ Иоанновнѣ было изъ нѣмцевъ. Только въ самый послѣдній день 1736 г. послѣдовалъ манифестъ о назначеніи для желающихъ 25-ти лѣтнаго срока службы. Охотниковъ воспользоваться этимъ срокомъ явилось такъ много, что правительство въ августѣ 1740 г. отмѣнило льготу и снова возвратилось къ безсрочной шляхетской службѣ ⁽²⁰⁾.

Часть ходатайства о льготахъ шляхетству была также удовлетворена. Запрещено покупать вотчины боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ ⁽²¹⁾, уничтоженъ за-

⁽¹²⁾ П. С. З. т. VIII, № 5510.

⁽¹³⁾ Ibid., № 5625.

⁽¹⁴⁾ Ibid., № 5571, — 1 іюня 1730 г.

⁽¹⁵⁾ Ibid., № 5637, — 30 окт. т. г.

⁽¹⁶⁾ Ibid., № 5690, — 5 февр. 1731.

⁽¹⁷⁾ Ibid., № 5864, — 28 окт. т. г.

⁽¹⁸⁾ Ibid., № 5877, — 13 ноябр. т. г.

⁽¹⁹⁾ Ibid., № 5811.

⁽²⁰⁾ Ibid., т. IX, № 7142 и т. XI, № 8195.

конѣ 1714 г. о единонаслѣдіи и возстановлены законы о наслѣдствѣ по Уложенію (9 декабря 1730 г.)⁽²²⁾, окончательно сглажено различіе между вотчинами и помѣстьями, названными вообще недвижимыми имѣніями, и подтверждено право раздѣла ихъ между дѣтьми по Уложенію⁽²³⁾, учреждена особая книга для записыванія грамотъ на вотчины⁽²⁴⁾. Обращено было также вниманіе и на составленіе законовъ. Выборные изъ шляхетства для сочиненія новаго уложенія, распущенные было въ 1729 г. по домамъ, снова вытребованы въ Москву въ 1730 г., а въ декабрѣ 1730 въ комиссію для сочиненія Уложенія прибавлены новые члены уже по назначенію⁽²⁵⁾.

На положеніе остальныхъ сословій не было обращено должнаго вниманія. Относительно духовенства правительство Анны Иоанновны ограничилось на первый разъ манифестомъ отъ 17 марта 1730 года, въ которомъ предписывалось синоду стараться: 1) о соблюденіи православными христіанами закона Божія и церковныхъ преданій, 2) о возобновленіи храмовъ и страннопріимныхъ домовъ, 3) объ учрежденіи духовныхъ училищъ, 4) объ исправленіи установленныхъ церковныхъ требъ, церемоній и моленій⁽²⁶⁾. Съ торговыхъ людей были сложены недоимки таможенныхъ пошлинъ по 1724 г. и повелѣно исправно платить ихъ на будущее время, (23 іюля 1730 г.), а также разрѣшена свободная продажа трески (23 апрѣля 1730 г.), по рядомъ съ этимъ отданы въ аренду питейные сборы (9 октября 1730 года)⁽²⁷⁾.

25 марта 1730 г. крестьяне освобождены отъ податей на майскую треть 1730 г. и введенъ контроль по расходованію податныхъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ⁽²⁸⁾. Бо-

(21) Ibid., т. VIII, № 5633, — 25 октября 1730 г.

(22) Ibid., № 5653.

(23) Ibid., № 5717, — 17 мар. 1731.

(24) Ibid., № 5884, — 18 нояб. т. г.

(25) Ibid., №№ 5577 и 5654.

(26) Ibid., № 5518.

(27) П. С. З., т. VIII, №№ 5580, 5545 и 5628. (20 іюня, 23 апр. и 9 окт. 1730 г.).

(28) Ibid., №№ 5525 и 5529 — 25 мар. и 13 апр. 1730 г.

лѣе всѣхъ выиграли жители вновь присоединенныхъ балтійскихъ областей: имъ подтверждены всѣ ихъ прежнія права и привилегіи ⁽²⁹⁾.

Изъ всѣхъ предположеній князя Д. М. Голицына приведено въ исполненіе только одно—увеличеніе гвардіи двумя полками. 22 сентября 1730 года былъ учрежденъ новый пѣхотный гвардейскій полкъ, названный по имени родовой вотчины Анны Іоанновны — измайловскимъ, а 31 декабря того же года изъ лейбъ-режима сформированъ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Командирами этихъ новыхъ полковъ сдѣланы лица, давшія знать Аннѣ Іоанновнѣ о „затѣйкахъ“ верховниковъ: измайловскаго полка — Густавъ фонъ Левенвольде, а коннаго—П. И. Ягупинской ⁽³⁰⁾.

Рядомъ съ перечисленными исполненіями нѣкоторыхъ шляхетскихъ ходатайствъ начались преслѣдованія верховниковъ и сторонниковъ ограниченія власти Анны Іоанновны. Ранѣе другихъ подвергаются опалѣ всѣ Долгорукіе, кромѣ фельдмаршала Голицыныхъ пока падаютъ: ихъ очевидно боятся тронуть такъ скоро. Гибель ихъ отсрочена; они „искореняются“ шесть лѣтъ позже. За Долгорукими наступаетъ очередь очень многихъ видныхъ представителей шляхетскихъ заявленій. В. Н. Татищевъ, С. Л. Вельяминовъ, Дашковъ, Пл. Ив. Мусинъ-Пушкинъ, И. И. Бибииковъ, И. М. Волынскій. Таракановъ, Вас. Θεод. Салтыковъ, Жолобовъ, Наумовъ, Матюшкинъ, Бестужевъ-Руминъ, Д. Θ. Еропкинъ, Л. В. и Ив. Петр. Измайловы—всѣ эти лица подъ благодиднымъ предлогомъ удаляются изъ Москвы на административныя должности и въ войска въ отдаленныя провинціи.

Имѣть копію съ „кондицій“ считается государственнымъ преступленіемъ. Изъ за этого возникаетъ цѣлый рядъ процессовъ, которыми дебутируетъ возобновленный преобразенскій приказъ, названный „тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріей“ и порученный Андрею Ивановичу Ушакову. Еще болѣе тяжкимъ преступленіемъ почитается оказывать сочувствіе Елизаветѣ Петровнѣ, или голштинскому принцу. За имѣніе у себя копій съ „кондицій“ и за сочув-

⁽²⁹⁾ Ibid., №№ 5607, 5608, 5610, 5730, 5731, 5732, 5766.

⁽³⁰⁾ Ibid., №№ 5623, 5664, 5692.

ствіе голштинскому принцу, гибнуть вице-президентъ коммерцъ-коллегіи Фикъ и адмираль Сиверсъ: первый сосылается въ Сибирь, а второй въ свою деревню. Но эти преслѣдованія и ссылки не останавливаютъ того порядка идей, который высказывало шляхетство въ своихъ проэктахъ. А. П. Волынской и люди, составлявшіе его кружокъ, выражаютъ тѣ же политическія желанія, какія высказывались шляхетствомъ въ 1730 г. Нѣкоторые изъ принадлежавшихъ къ его кружку участвовали въ шляхетскихъ проэктахъ; но эти люди гибнутъ на эшафотѣ.

Указанными выше льготами шляхетству и преслѣдованіемъ главныхъ дѣятелей 1730 г. не исчерпываются результаты самодержавія Анны Іоанновны. Челобитчики о самодержавіи не думали-не гадали, что изъ монархической власти Анны Іоанновны выростетъ та нѣмецкая олигархія, которая извѣстна подъ именемъ Бироновщины; не думали русскіе шляхтичи, что слово „русскій“ станетъ въ царствованіе Анны Іоанновны чуть не позорной вличкой, не предполагали они, что тѣ внутреннія нестроенія, которыя выразились въ пять лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго и поправить которыя они хотѣли средствами, предложенными ими въ проэктахъ,—еще болѣе усилятся въ самодержавное правленіе Анны Іоанновны.

Въ царствованіе Анны Іоанновны престолонаслѣдіе не только не получило опредѣленности, но явилось еще болѣе произвольнымъ, чѣмъ прежде. Императрица назначила своимъ преемникомъ несуществующее лице—того ребенка, который долженъ родиться отъ ея племянницы Анны Леопольдовны, а Анна Леопольдовна была при воцареніи Анны Іоанновны *одиннадцатилѣтней* дѣвочкой, такъ что о ея замужествѣ нельзя было и думать. Дѣйствительный наслѣдникъ Анны Іоанновны родился только въ послѣдній годъ ея царствованія и русскій императорскій скипетръ былъ врученъ двухмѣсячному ребенку. Такое самодержавіе повело къ дальнѣйшимъ замѣшательствамъ въ престолонаслѣдіи.

Личныя качества Анны Іоанновны, на которыя съ такимъ довѣріемъ положились русскіе люди, привели въ ея царствованіе къ совершенно противоположнымъ результатамъ, чѣмъ ожидали. Правителями стали нѣмцы. Московское

царство, преобразованное Петромъ въ російскую имперію, превращается въ третестепенное нѣмецкое герцогство, для котораго политическимъ идеаломъ является не идеаль европейскаго монархизма во главѣ коллегіальнаго строя, о чемъ мечталъ Петръ Великій, а государственное устройство Голштиніи, Мекленбурга и Курляндіи. Европейская дипломатія хозяйничаетъ въ Петербургѣ какъ у себя дома, и во внѣшней политикѣ петербургскій кабинетъ всецѣло зависитъ отъ капризнаго возрѣнія нѣмецкаго цесаря. Учрежденія Петра извращаются, система его внутренняго управленія измѣняется, флотъ, созданіе всей его жизни, „дѣтя его сердца“—приходитъ въ упадокъ, военная дисциплина превращается въ мекленбургско-голштинскую казарменную формалистику, торговля и промышленность чахнутъ, финансы разстраиваются, государственный долгъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

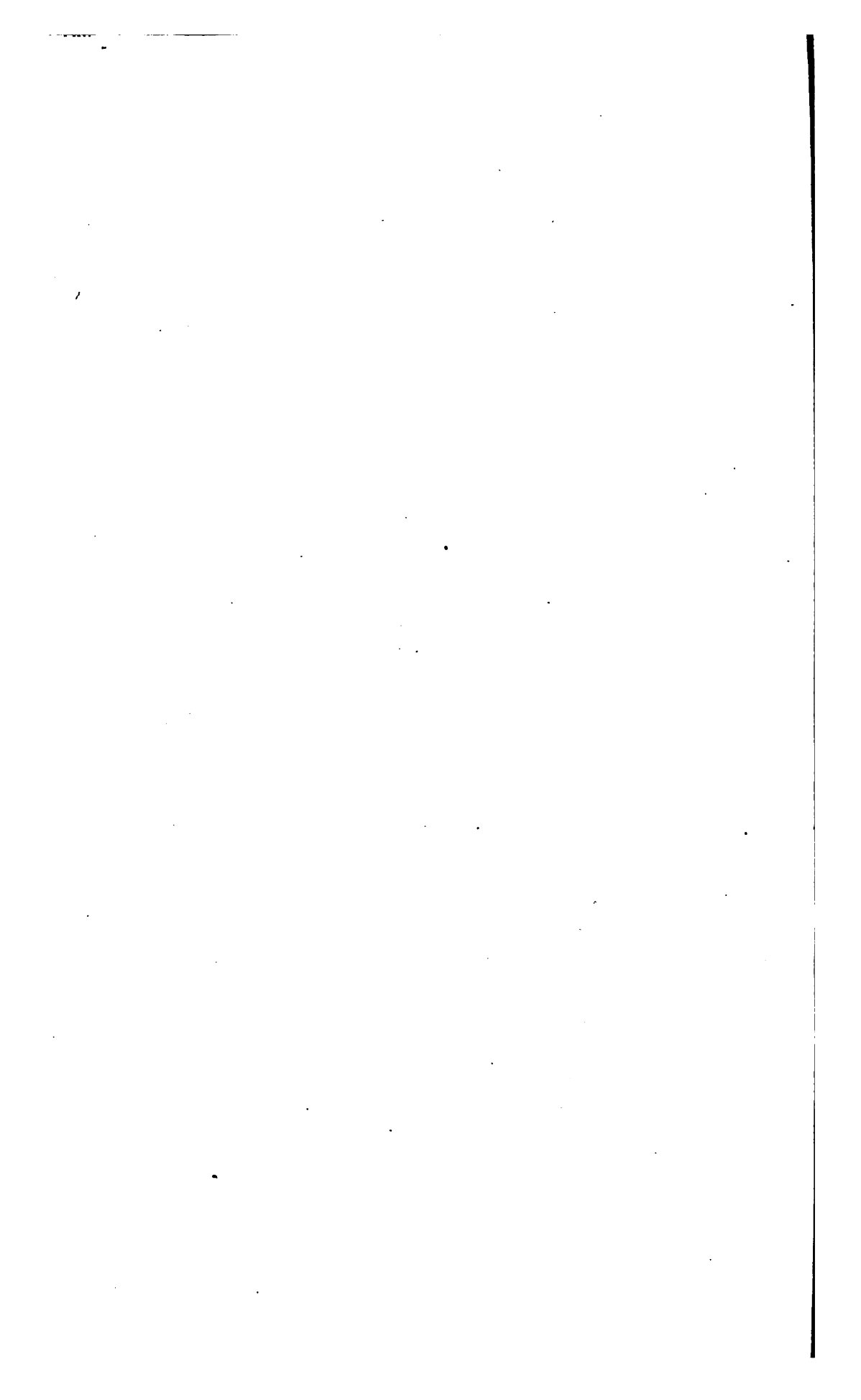
Шляхетство, получивъ при Аннѣ Іоанновнѣ нѣкоторыя льготы, все болѣе и болѣе удаляется отъ того значенія, которое желало получить себѣ въ 1730 г. „Родословные люди“ постепенно „искореняются“ нѣмцами - правителями, потомки старинныхъ служилыхъ людей все болѣе и болѣе бѣднѣютъ, вслѣдствіе отмѣны закона о единонаслѣдніи, раздробляя свои имѣнія на мелкопомѣстные участки; ряды шляхетства гуще и гуще наполняются „худородными“ людьми и иноземцами. Крѣпостное право становится съ каждымъ годомъ почти единственной прерогативой шляхетства, и въ сохраненіи и развитіи этой прерогативы ищетъ шляхетство своего выдающагося положенія въ обществѣ и государствѣ. Жестокость правительсва Анны Іоанновны, презрительное обращеніе съ русскими начальствующими лицъ вообще и генераловъ и офицеровъ въ частности, необходимость заискивать у нѣмцевъ - правителей путемъ лести и низкопоклонства — все это развращаетъ шляхетство болѣе и болѣе и все сильнѣе развиваются въ немъ дикіе инстинкты крѣпостничества. Идеалы его сдѣживаются и шляхетскія заявленія въ знаменитой екатерининской комиссіи 1767 г.—несравненно ниже шляхетскихъ возрѣній 1730 г. Только въ 1762 году шляхетство получаетъ совершенное освобожденіе отъ обязательной службы государству, но эта свобода шляхетства ведетъ за собою еще болѣе закрѣпощеніе вѣрстанья.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшіе результаты провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны. Этими результатами опредѣляется и историческое значеніе ея воцаренія. ✓

Да не упрекнутъ насъ нѣкоторые читатели въ предвзятой мысли и въ односторонности. Въ нашей книгѣ дѣйствующими лицами являются почти исключительно люди одного общественнаго класса — шляхетскаго; представитель духовенства, Теофанъ Прокоповичъ, скрывается за кулисами исторической сцены; другія лица изъ духовенства — только упоминаются; купцы, посадскіе, крестьяне — совсѣмъ отсутствуютъ.

Такъ было въ дѣйствительности. ✓

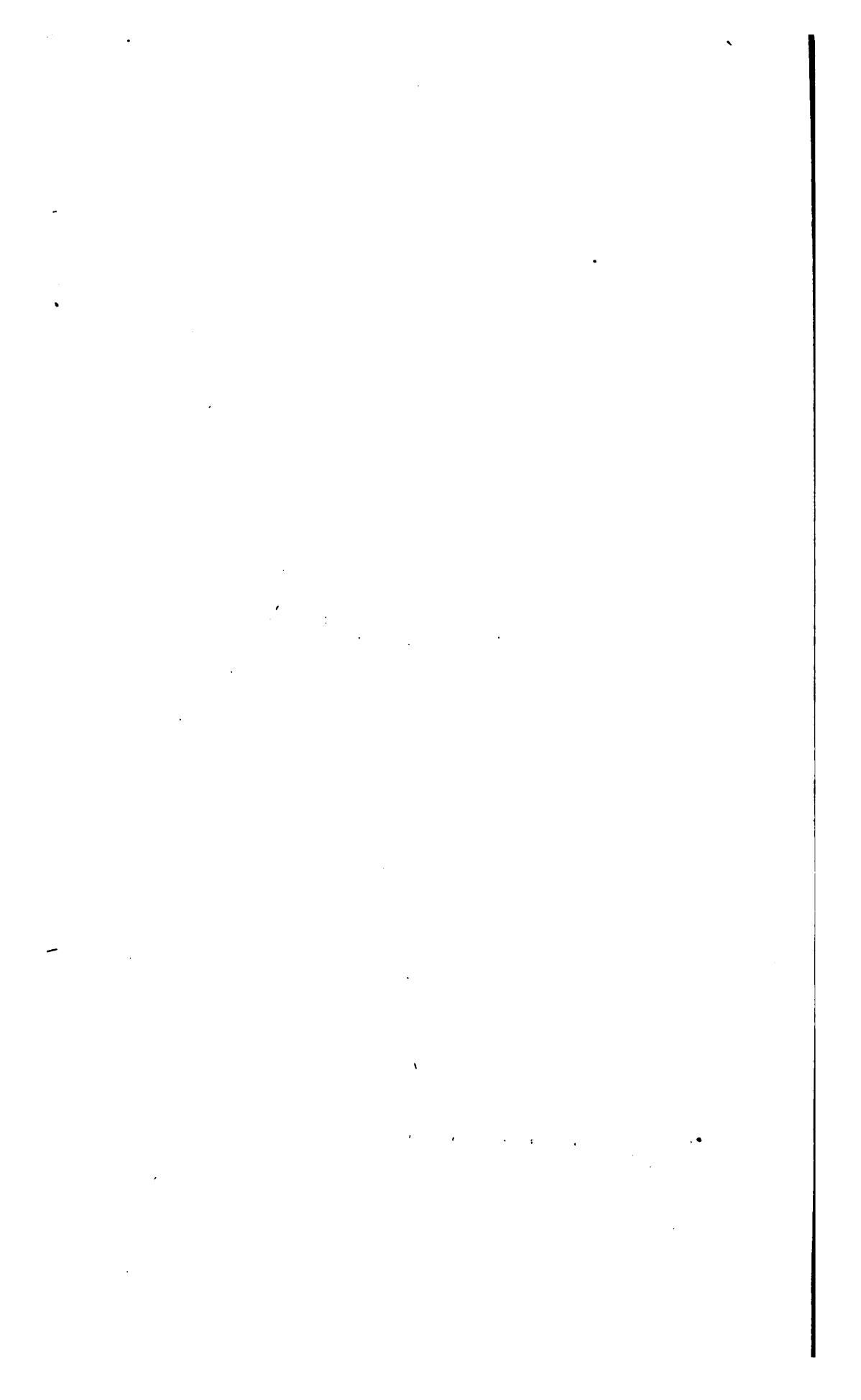
Движеніе, возбужденное замыслами верховниковъ и шляхетства ограничивалось ихъ кругомъ. Слегка задѣвая духовенство, оно не проникало въ средніе и низшіе слои русскаго народа. Эти слои, не посвященные въ тайны политики, не могли быть заинтересованы вопросами о подробностяхъ государственнаго устройства. Весь государственный строй земли Русской выражался у нихъ въ исконномъ представленіи о самодержавномъ государѣ. Они ничего не знали о замыслахъ верховниковъ и шляхетства, а вслѣдствіе этого и были безучастны въ событіяхъ, совершившихся въ Москвѣ въ началѣ 1730 г. ✓

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

Прѣлож. къ Учен. Зап.—Водарен. Анни Іоан.

1

№ 1.

Критико-библиографическія замѣтки о важнѣйшихъ официальныхъ документахъ, относящихся къ воцаренію императрицы Анны Іоанновны.

I.

КОНДИЦИИ ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ВЕРХОВНИКАМИ.

(Къ 1-й главѣ текста, с. 8—18).

A)

Списки кондицій Государственнаго Архива и ихъ варианты.

До насъ дошло три первоначальныхъ редакціи «пунктовъ». (Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, лл. 13—16). Извлеченія изъ первой редакціи мы привели въ текстѣ (с. 8—9); вторая и третья состоятъ изъ восьми пунктовъ и нѣсколько отличаются отъ первой (мы указали это различіе тамъ же); кромѣ того, встрѣчаются измѣненія въ выраженіяхъ первой и второй редакцій, но третья восстанавливаетъ выраженія первой. Такъ наприимѣръ, въ 3-мъ п. второй редакціи вставлено: «*никакими* новыми податями», а въ третьей редакціи того же пункта слово это исключено и восстановленъ текстъ первой редакціи; въ 5-мъ п. второй редакціи исключено слово «и чести», а въ третьей редакціи вставлено вновь. При сличеніи окончательной редакціи съ тремя первоначальными редакціями, мы замѣчаемъ, что она во всемъ тождественна съ третьей первоначальной редакціей, за исключеніемъ 3-го п., внесеннаго въ нее согласно съ первой редакціей. Эта окончательная редакція дошла до насъ въ трехъ официальныхъ спискахъ и въ двухъ копіяхъ, бѣловой и черновой (Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, лл. 29—31). Официальные списки находятс: 1) въ подлинномъ экземплярѣ «кондицій», собственноручно подписанномъ Анной Іоанновной и разорваннымъ ею 26 февраля 1730 г. Этотъ экземпляръ, разорванный вдоль

листа сверху до низу пополамъ, хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. III, л. № 6, л. 28),—2) въ протоколѣ В. Т. С. 19 января 1730 г. объ избраніи императрицы Анны Іоанновны (*ibid.*, л. 1—3).—3) въ пунктахъ «присяги» (*ibid.*, дѣло № 4, л. 19—20). [Снес. виже въ настоящемъ приложеніи отд. III.]. Всѣ эти списки сходны между собою и извлеченія изъ нихъ, приводимыя нами въ текстѣ (с. 17—18) впервые напечатаны по списку № 2, С. М. Соловьевымъ, въ его «Исторіи Россіи», т. XIX, с. 246—247.

Кромѣ перечисленныхъ нами списковъ кондицій, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, въ «Памятникахъ Новой Русской Исторіи» г. Кашпирева (т. I, отд. II, с. 3—4) напечатаны изъ бумагъ И. П. Шульгина два варианта кондицій, представляющіе значительныя отклоненія отъ списковъ Государственнаго Архива. Оба эти варианта, какъ значится въ ихъ заглавіи, были посланы въ Митаву съ тремя депутатами и подписаны собственною Ея Императорскою Величества рукою. Каждый изъ вариантовъ состоитъ изъ 8-ми пунктовъ.

Первый вариантъ представляетъ слѣдующія отличія отъ окончательной редакціи Государственнаго Архива: пп. 1—3 состав- ляютъ сокращеніе вступленія; пп. 1 и 2 окончательной редакціи Государственнаго Архива—опущены совершенно; 4-й пунктъ составляетъ перифразъ 6-го и 8-го пунктовъ; 5-й пунктъ—сокращеніе 4-го пункта окончательной редакціи Государств. Архива; 6-й пунктъ измѣняетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ 5-й пунктъ той же редакціи: «У шляхетства чиновъ, деревень и земель безъ суда не отнимать»; 7-й пунктъ представляетъ слѣдующую перефразировку того же пункта вышеупомянутой редакціи: «ко двору Ея Величества сверхъ опредѣленнаго штата никого не принимать»; 8-й пунктъ состоитъ изъ 3-го пункта этой редакціи со слѣдующимъ измѣненіемъ: «излишнихъ подаей сверхъ положеннаго ни на кого не накладывать».—Заключительныхъ словъ окончательной редакціи послѣ пунктовъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ читаемъ слѣдующее: «подписано подъ сими пунктами Ея Величества собственною рукою тако: *содержать по сему, а ежели что противно учиню, то лишена буду російскіе короны.*»

Второй вариантъ представляетъ еще большія отклоненія отъ окончательной редакціи Государственнаго Архива. Редакція этого варианта очень кратка, 1-й и 2-й пункты ея составляютъ сокращеніе первыхъ двухъ пунктовъ перваго варианта; 3-й пунктъ (о производствѣ въ чины и о придворныхъ)—заключаетъ въ себѣ сокращеніе 4-го и 7-го пп. окончательной редакціи Государственнаго Архива, 4-й пунктъ—1-го и 2-го пунктовъ той же редакціи; 5-й пунктъ—составляетъ часть 4-го пункта (о гвардіи и о прочихъ войскахъ); 6-й пунктъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ варьируетъ 6-й же пункта окончательной редакціи Государственнаго Ар-

жив: «Деревнями и ни чѣмъ не жаловать и денегъ не брать»; 7-й пунктъ почти повторяетъ тотъ же пунктъ окончательной редакціи, 8-й пунктъ представляетъ разнючение 3-го п. Онъ читается такъ: «Излишнихъ податей съ крестьянъ не имать» — После этого пункта находится слѣдующая приписка: «Правда, что Богъ всѣмъ владѣетъ, и Онъ вложилъ въ сердца Ваши такое попеченіе о мнѣ, однакожь я тотъ поступокъ почитаю за великое Ваше и всего народа усердіе ко мнѣ. И намереніе мое ко всему народу и къ Вамъ, сколько Богъ мнѣ поможетъ, всякую милость казать и во всемъ отечеству моему пользы и благополучія искать».

Подписаны-ли Анной Іоанновной оба эти варианта — мы не можемъ удостовѣрить, такъ какъ въ Государственномъ Архивѣ нѣтъ ни того, ни другаго. Но если они были дѣйствительно подписаны ею, то тогда мы невольно остановились бы на слѣдующемъ предположеніи: князь В. А. Долгорукой могъ взять съ собою всѣ три варианта «пунктовъ» и всѣ ихъ предложить подписать Аннѣ Іоанновнѣ. Приведенные варианты могли быть списаны съ тѣхъ набросковъ, изъ которыхъ многое диктовала кн. Долгорукой Степанову ночью съ 18 на 19 января, а затѣмъ привезъ съ собою 19-го утра въ Мастерскую Палату (См. Записку Степанова с. 10—11). По всей вѣроятности, рѣчь идетъ именно объ этихъ двухъ вариантахъ въ ресептѣ бумагъ кн. В. А. Долгорукаго: Поль № 2 занесено въ него: *Три черныя пункта, какковы посланы при вышеписанномъ письмѣ (отъ 19 янв. 1730 г. объ избраніи Анны Іоанновны).* — (Госуд. Арх., разд. III, л. № 6, л. 55). — Очень можетъ быть, что это именно черновые наброски трехъ главныхъ редакцій «пунктовъ»: 1) окончательной Государственного Архива, 2) первого варианта Шульгина, 3) его же второго варианта.

В.

Тексты кондицій по реляціямъ пословъ.

(Къ IV-й главѣ текста, с. 37).

Большинство иностранныхъ пословъ сообщаетъ своимъ правительствамъ о кондиціяхъ, начиная съ 22 января (2 февраля нов. ст.), только общее ихъ содержаніе (Лефорть, Сб. Русск. Ист. Общ., V, 345; Марлефельдъ, *ibid.*, XV, 404) — причемъ испанскій посолъ де-Лирія смѣшиваетъ кондиціи съ ходившими въ то время толками о планѣ князя Д. М. Голицына и о нѣкоторыхъ шляхетскихъ проэктахъ (См. XVIII в., III, с. 34—35). Только одинъ французскій резидентъ Маньянъ сообщаетъ полный текстъ кондицій вскорѣ после 22 января. Въ приложеніи къ его депешѣ № 2 находится *два редакціи* кондицій, одна изъ семи, другая изъ восьми пунктовъ.

(Напеч. у Тургенева, *La Russie et les Russes*, v. III, p. 260—264, и въ переводѣ на русскій языкъ въ «Памятникъ Новой Русской Исторіи» Кашпирева, т. I, отд. II, с. 362—363). Первая редакція Маньяна, также какъ и сообщеніе де-Лирія, сѣтъшиваетъ «кондиціи» съ ходившими тогда слухами; изъ нихъ, между прочимъ, почерпаетъ Маньянъ пп. 4, 5 и 6 своей первой редакціи; остальные пункты, 1—3 и 7 состоятъ въ перефразировкѣ вступленія къ кондиціямъ (п. 1, 2 и 7) и пункта 4-го (п. 3) первой черновой редакціи Государственнаго Архива. Первая редакція Маньяна перепечатана въ сборникѣ «*La Cour de Russie*», p. 12—13, а оттуда въ статью г. Щебалтскаго: «Вступленіе на престолъ императрицы Анны Иоанновны». Р. В. 1859 г. т. XIX, с. 37—38 и у кн. П. В. Долгорукаго «*Memoires*», I, p. 312.

Вторая редакція Маньяна представляетъ наскоро составленный переводъ первой черновой редакціи Государственнаго Архива. (См. нашъ текстъ, с. 8—9). Она перепечатана въ «*La Cour de Russie*», p. 13—14 и въ «*Memoires*» кн. Долгорукаго, I, p. 312—313.

Затѣмъ, изъ извѣстныхъ намъ доносеній иностранныхъ пословъ, мы находимъ тексты кондицій у *трехъ*: де-Лирія—въ депешѣ отъ 20 февраля нов. стиля (XVIII-й в., III, с. 41), Лефорва отъ 2 марта н. ст. (Сб. Русск. Истор. Общ., V, 359—360) и Вестфалена—отъ 9 марта нов. ст. (См. наше III-е приложение, депешу № 10).—Текстъ де-Лирія весьма близокъ къ первой черновой редакціи пунктовъ Государственнаго Архива. У него составилось 8 пунктовъ, потому что введеніе въ пунктахъ онъ ставитъ первымъ пунктомъ; 6-й пунктъ этой редакціи де-Лирія (п. 7-й) передаетъ такимъ образомъ: «Не можетъ конфисковать имущества ни одного дворянина, по крайней мѣрѣ если это не будетъ вызвано какимъ нибудь важнымъ преступленіемъ». Въмѣсто 7-го пункта въ его 8-мъ пунктѣ читаемъ: «Не можетъ отчуждать ни имущества, ни земли, принадлежащихъ коронѣ». Въ своихъ «*Extraits des depeches*» (рпш., стр. 94—95) онъ приводитъ новый текстъ «кондицій» въ 10 пунктовъ, представляющій вариантъ окончательной официальной редакціи пунктовъ. Этотъ текстъ въ русскомъ переводѣ «извлеченій» Языкова (подъ именемъ записокъ герцога Лирійскаго) почему-то опущенъ. Первые два пункта взяты изъ введенія къ кондиціямъ. Состояніемъ остальныхъ слѣдующее: 1-й и 2-й пп.—соединены въ одинъ *третій*; 3-й п. поставленъ девятымъ; изъ 4-го п. слѣдуютъ два—*четвертый* и *пятый*; 5-й пунктъ—поставленъ *восьмымъ*; 6-й и 8-й пункты дали содержаніе *шестому* пункту, въ слѣдующемъ измѣненіи: «*La czarine ne pourra point donner ou aliener un bien quelconque appartenant à la couronne, ni disposer de l'argent de la tresorerie*».—9-й пунктъ поставленъ *седьмымъ*, а изъ конца кондицій образовался *десятый* пунктъ.

Изъ сопоставленія двухъ редакцій де-Лира съ официальными редакціями кондичій уже видно, что иностранные дипломаты варьировали кондичіи на свой ладъ, перевода пункты не всегда точно и ставя ихъ одинъ послѣ другаго въ произвольномъ порядкѣ. Тоже самое мы находимъ въ текстахъ Лефорты и Вестфалена. Мы не станемъ утомлять вниманіе читателя выписками подлинныхъ мѣстъ изъ отступленій, а укажемъ только произвольность группировки пунктовъ у того и другаго; отсылая желающихъ ближе ознакомиться съ ихъ разнорѣчіями къ самымъ текстамъ ихъ. Оба текста, и Лефорты и Вестфалена, состоя изъ 8 ми пунктовъ, представляютъ сокращеніе и перефразъ окончательной бѣговой официальной редакціи кондичій.

Оффич. текстъ.	Лефорты.	Вестфаленъ.
<i>вступленіе.</i> —въ супружество не вступать.	1.	2.
наслѣдника не назначать.	1.	
учрежденный В. Т. С. въ 8-ми персонахъ содержать	(передъ 1-мъ п.)	1.
1 и 2.	2.	3.
3.	8.	5.
4.	3 и 5.	6.
5.	7.	8.
6.	4.	7.
7.	6.	не имѣется.
8.	не имѣется.	4.

Текстъ Лефорты, еще раньше изданія его въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», напечатанъ у Германа, въ его «Gesch. des Russ. Staates» (Bd. IV, 539—540) съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ послѣдовательности пунктовъ и съ небольшими отступленіями отъ подлиннаго текста Лефорты. Помѣщаемое Лефортомъ передъ первымъ пунктомъ (о В. Т. С.) у Германа поставлено 2-мъ пунктомъ, вслѣдствіе чего вся остальная нумерація пунктовъ Лефорты въ той же послѣдовательности является одной цифрой больше, 3-й пунктъ 4-мъ, 4-й—5-мъ, 6-й п. у Германа пропущенъ, а 7-й читается иначе, чѣмъ въ подлинномъ текстѣ Лефорты, а именно, у Лефорты: «Не лишать дворянъ безъ законныхъ причинъ имущества, свободы и чести»; у Германа: «Der Adel soll ohne rechtliches Erkenntnisz weder seiner Güter entsetzt noch an seiner Ehre gekränkt werden». Текстъ Германа, кромѣ русскаго перевода изъ «Gesch. des Russ. Staates» [Русскій Архивъ 1866 г.] приведенъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Щебальскаго (с. 39) и въ «Mémoires» кн. Долгорукаго (с. 313).

Текст Вестенлена никогда не был издавъ и является въ нашемъ изслѣдованіи впервые.

С)

Тексты кондицій въ современныхъ имъ періодическихъ изданіяхъ и въ мемуарахъ.

Вторая редакція кондицій французскаго резидента Маньяна (см. выше, стр. 6) послужила основнымъ текстомъ кондицій, напечатанныхъ въ тогданныхъ періодическихъ изданіяхъ, («Europaische Fama» 1730, ч. 328, с. 316;—Nationen Gespräche, 23 Entrevue), вслѣдствіе чего и получила наибольшее распространеніе. Она съ некоторыми измѣненіями приведена въ «Запискахъ Миниха-сына» (с. 43 и 44), у Вебера (Das veränderte Russland, III, 184—185) и у Манштейна (Зап., по изданію Русск. Стар., с. 20—21); а изъ Манштейна перепечатана въ «Зерцалѣ Россійскихъ Государей» Мальгина, 1822, с. 564—565; у Вейдемейера («Общ. происш.», 4-е изд., ч. IV, с. 97); въ примѣчаніяхъ Языкова къ «Запискамъ герц. Лирійскаго» (с. 159—160), и въ статьѣ г. Щедальскаго (с. 37—39). Весьма близокъ также ко второй редакціи Маньяна текстъ кондицій, записанный со словъ князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго, напеч. въ «Mémories» князя П. В. Долгорукаго, v. I, p. 312. (См. подробности въ нашемъ обзорѣ источниковъ при разсмотрѣніи записки кн. П. П. Долгорукаго).—Всѣ перечисленные передѣлки 2-й редакціи Маньяна состоятъ изъ семи пунктовъ. У Миниха-сына, а равно у Вебера и Манштейна, вторая редакція Маньяна подверглась, прежде всего, такой же передѣлкѣ, какой подверглись въ свою очередь официальные редакціи кондицій въ реляціяхъ иностранныхъ дипломатовъ, а именно: и у того и у другаго пункты иначе сгруппированы. У Миниха-сына 4-й п. Маньяна пропущенъ совершенно, 5-й его пунктъ поставленъ четвертымъ, 6-й и 7-й пункты соединены въ одинъ—шестой, а седьмой пунктъ соответствуетъ 8-му п. Маньяна. Веберъ и Манштейнъ представляютъ сокращеніе редакціи Маньяна, причѣмъ 6-й и 7-й пункты Маньяна соединены въ одинъ—шестой пунктъ. Поэтому оба они гораздо ближе къ своему подлиннику, чѣмъ Минихъ-сынъ; у него мы видимъ слѣдующія отступленія отъ Маньяна: 5-й пунктъ Миниха совершенно не находится у французскаго резидента и, какъ видно, заимствованъ изъ политическаго плана князя Д. М. Голицына. Онъ читается такъ: «Безпрекословно довольствоваться опредѣляемымъ на содержаніе ея особы и придворнаго штата годовымъ доходомъ». 6-й п. у Миниха представляетъ весьма замѣтную варьяцію 6-го и 7-го пунктовъ Маньяна. Минихъ-сынъ:

«Казенныхъ вѣтчинъ виному не дарить». Мавлявъ: 6-й п. «Имѣніе дворянина не можетъ быть конфисковано у него иначе, какъ по очевидномъ доказательствѣ его преступленія». 7-й п. «Безъ согласія Совѣта она не раздаетъ и не отчуждаетъ никакихъ имѣній, составляющихъ государственную собственность».

Кромѣ второй редакціи Мавлява, въ нѣкоторыхъ мемуарахъ встрѣчаются тексты «кондичій», близкіе къ тексту Манштейна, но представляющіе произвольныя его измѣненія. Очевидно, эти тексты принадлежатъ къ частнымъ спискамъ, которыхъ, не смотря на строгое ихъ преслѣдованіе при Аннѣ Іоанновнѣ, существовало очень много. Къ этой категоріи относятся тексты кондичій, напечатанныя въ примѣчаніяхъ Тарещенки къ Сказанію Феофана Прокоповича объ избраніи Анны Іоанновны, Спб. 1837, (с. 43—44), въ Запискахъ Муравьева и Лунина, изд. 1863 г. (с. 127), и въ Запискахъ Фонъ-Визина, изд. 1860 г. (с. 28—29).—Совершенно своеобразный текстъ кондичій (въ 8-ми пунктахъ), не отличающійся отъ одной изъ рассмотрѣнныхъ нами редакцій,—помѣщенъ въ брошюрѣ князя Вс. Долгорукаго: «Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргуванскіе», Спб. 1869 г. (стр. 116). Мы не останавливаемся на этомъ текстѣ, такъ какъ онъ составляетъ плодъ досужихъ измышленій князя Вс. Долгорукаго, подобно и всей его брошюрѣ.

II.

ТЕКСТЪ ДВУХЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ ДОСЕЛѢ ВЪ ПОДЛИННИКѢ ШЛЯХЕТСКИХЪ ПРОЭКТОВЪ.

А)

Проектъ Матюшкина.

1) Къ теперешнимъ членамъ Верховнаго Совѣта слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, прибавить еще нѣсколько человекъ, чтобы всѣхъ членовъ было 12 или 13; потому что для важныхъ дѣлъ, которыя касаются учрежденія правленія, или общей государственной пользы, должны быть созваны генералитетъ и шляхетство, какъ видно ниже въ 6-мъ пунктѣ; тогда собраніе не только не будетъ малочисленно, но даже многочисленно. Для веденія ежедневныхъ дѣлъ достаточно вышеупомянутаго числа членовъ⁽¹⁾.

2) Для замѣщенія ваканцій въ члены Верховнаго Совѣта теперь или впоследствии, военный и штатскій генералитетъ, а также и шляхетство должны выбирать 3-хъ кандидатовъ на одно мѣсто и представлять Верховному Совѣту, который избираетъ изъ нихъ наи-

болѣ достойнаго голосованіемъ, или баллотировкой, по своему усмотрѣнію.

3) Или же Верховный Совѣтъ можеть избрать 3-хъ кандидатовъ, одного изъ которыхъ назначаютъ потомъ военный генералитетъ, высшіе чины и шляхетство. При такихъ выборахъ должно быть не менѣе 70 персовъ, а изъ одной фамиліи не болѣе двухъ. Избирающіе кандидатовъ (т. е. члены Верховнаго Совѣта) не могутъ участвовать въ баллотированьи и замѣняются другими лицами, чтобы собраніе избирателей было въ полномъ составѣ (*).

4) Въ сенатѣ, по нашему мнѣнію, должно быть 11 членовъ. Выборъ членовъ сената, президентовъ коллегій и губернаторовъ представляется Верховному Совѣту, или же можеть производиться обществомъ посредствомъ баллотированія. Причина увеличенія числа сенаторовъ та, что въ силу указовъ, нѣкоторые изъ нихъ должны будутъ объѣзжать губерніи для наблюденія за губернаторами и воеводами (**).

5) Въ числѣ кандидатовъ не должно быть болѣе одного изъ каждой фамиліи.

6) Все, что будетъ впредь потребно для пополненія уставовъ, которые касаются государственнаго управленія, или общей пользы (*), должно быть утверждено съ общаго совѣта и желанія Верховнаго Совѣта, генералитета и шляхетства (**).

7) Слѣдуетъ прискаты лучший способъ для служебнаго производства шляхетства и военныхъ чиновъ и назначить сроки ихъ службы. Никого изъ шляхетства не должно насильно брать въ матросы, или ремесленники (**).

8) Удовлетворить по возможности нужды (жалобы) шляхетства, духовенства, купечества и всѣхъ другихъ, согласно ихъ положенію, такъ какъ на этомъ основаны сохраненіе и постоянство правленія (*); крестьянамъ же, по должномъ разсмотрѣніи, доставить нѣкоторое облегченіе въ податяхъ.

9) Обсудить производство офицеровъ и солдатъ и исправную выдачу имъ жалованья, назначивъ для этого извѣстные сроки.

10) Сдѣлать постановленіе о наследствѣ недвижимымъ имуществомъ и о вымирающихъ фамиліяхъ (*) для руководства въ будущемъ.

11) О резиденціи желаемъ мы, чтобы для общаго блага (*) была въ Москвѣ.

12) На все вышешисанное мы всеподданнѣйше просимъ, если Верховный Совѣтъ то одобритъ, исходатайствовать соизволенія Ея Императорскаго Величества.

(Подробности о проектѣ Матюшкина см. стр. 167 въ VI-й главѣ настоящаго изслѣдованія и примѣч. 19-е, на той же страницѣ, а также главу VII-ю).

Варианты по списку Госуд. Архива. 1) Текст Госуд. Архива: «Из В. Т. С., къ настоящимъ персонамъ ницца прибавить, чтобъ въ прежнихъ былъ отъ 12 до 15, понеже для важныхъ дѣлъ призвано будетъ общество, какъ показано будетъ ниже, въ 6-мъ пунктѣ, и тогда не токмо малоллюдно, но и многолюдно будетъ, а для повседневнаго правленія довольно бы вышесказанныхъ персонъ».

2) Этотъ пунктъ выложить въ списокъ Госуд. Архива, нѣсколько иначе. «Или выбравъ въ В. Т. С. 3-хъ персонъ и изъ тѣхъ трехъ персонъ балантировать генералитету и штатскихъ шляхетству не менѣе 70 персонъ, въ которые бы одной фамилии болѣе двухъ персонъ не было, а которые будутъ выбирать въ кандидаты тѣхъ бы не балантировать, а для балантированія выбирать другихъ такимъ образомъ, толко бы было не менѣе вышесказаннаго числа».

3) «По сколку человекъ (сенаторовъ-ревизоровъ) за благо разсуждено будетъ».

4) «Или какіе дѣла касатца будутъ, какъ къ государственной и общей пользѣ».

5) «В. Т. С., сената, генералитета и шляхетства».

6) «Для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способу и положить время до сколкихъ лѣтъ въ службѣ бытъ, также в матроны и въ мастерства неволю не брать».

7) «Шляхетству, духовенству, купечеству, и прочимъ всякому по состоянію ихъ учинить удовольствіе въ чемъ возможно, понеже отъ того зависить цѣлость и постоянство правленія».

8) «И о послѣднемъ въ фамиліи».

9) «Для общей пользы».

В)

Проектъ тринадцати.

1) Ueber die anjetzo im Geheimen Conseil sitzende Personen, müsse selbiges so weit verstärket werden, dass es wenigstens aus 15 Mitgliedern bestehe.

2) Damit gedachtes Conseil mit Geschäften nicht überhäufet werde, so müsse zu Abthung anderer Sachen und als ein höchstes Appellationsgericht in bürgerlichen Processen ein aus 11 Personen bestehender Senat bestellet werden.

3) In dem höchsten geheimen Conseil, wie auch in dem Senat müssen inclusive der anjetzo darinnen sitzenden Personen, unserer Meinung nach nicht mehr als zwei aus einer Familie sein.

4) Zu jetziger Verstärkung der höchsten Regierung, wie auch zu künftiger Besetzung der erledigten Stellen, so wohl im Senat als auch zu Gouverneurs und Präsidenten der Collegiorum müssen die

Generalität und der Adel gemeinschaftlich zu jeder Vacanz drei Candidaten durch Ballotirung erwählen und selbige dem höchsten Geheimen Conseil vorschlagen, welchen von ihnen dieses zu der erledigten Stelle avanciren wolle, so wie es in anderen freien Reichen zu geschehen pflegt.

5) In Civilbediengungen müsse ein Mann nicht mehr als eine Stelle zu versehen haben, damit die Expedition der Affairen nicht aufgehalten werde.

6) Die Versammlungen, in welchen man wegen der Candidaten ballotiren oder neue Verordnungen abfassen wolle (?), müssen wenigstens aus 80 Personen bestehen und unter dieselben nicht mehr als zwei von einer Familie sein. Auch müsse man nicht mehr als einen Candidaten aus einer Familie in Vorschlag bringen.

7) Wenn künftighin zu Supplirung der die Regierung des Reichs angehenden (?) Verordnungen neue Gesetze zu machen, oder eine Sache vorkommt, welche des Reichs- und gemeine Interesse concerniret, so müssen das höchste Geheime Conseil, der Senat, die Generalität und der Adel mit gemeinsamen Conseils (?) dieselbige abfassen und festsetzen.

8) Weil denn bei vielen Vorfällen der Adel zusammen gerufen werden muss, so müsse man zwischen dem alten und neuen Adel einen Unterschied machen, wie solches in anderen freien Reichen gebräuchlich ist. Auch müsse man auf eine bessere Methode denken, wie der Adel in Kriegsdiensten zu employren, und gewisse Jahre determiniren, wie lange ein jeder zu Wasser oder zu Lande dienen verbunden sei. Zu Handwerken aber und andere geringen Bediengungen müsse man den Adel nicht gebrauchen.

9) Die Geistlichkeit, die Kaufmannschaft und alle Anderen müsse man nach ihren Umständen, so viel möglich vergnügen, nach dem malen (?) davon die Wohlfahrt des Vaterlandes und die Beständigkeit der Regierung dependiret. Gleichfalls müsse dem Bauerstande in den Contributionen nach Befinden Erleichterung widerfahren lassen.

10) Die ordentliche Avancirung der Officiers und Soldaten, wie auch ihre richtige Bezahlung, damit die Gage in den gesetzten Terminen ausfallen könne, müsse man gleichfalls in Erwägung ziehen.

11) Auch müsse man überlegen, wie es wegen der Succession in die unbeweglichen Güter und des letzten von der Familie künftighin zu halten sei.

(Подробности о проэктѣ тринадцати см. на стр. 172 въ VI-й главѣ и примѣч. 23-е на той же страницѣ, а также въ VI-й главѣ).

III.

РАЗНЫЕ СПИСКИ И ВАРИАНТЫ „ПУНКТОВЪ“ ПРИСЯГИ.

(См. VI главу, примѣчаніе 30-е и соотв. страницы текста).

Бѣловой экземпляръ этихъ пунктовъ хранится въ Госуд. Архивѣ (разд. III, л. № 4, л. 19—26). Кромѣ бѣловаго, въ томъ же дѣлѣ находится нѣсколько черновыхъ экземпляровъ присяги. Они любопытны для опредѣленія процесса ея составленія. Всѣхъ черновыхъ экземпляровъ четыре: два полныхъ (*ibid.*, л. 29—35 и 37—44) и два отрывка; 1-й—объ установленіи гражданскихъ законовъ и уставовъ (*ibid.*, л. 36), 2-й—о провинціяхъ Лифляндіи и Эстляндіи (л. 36 и 45). Обѣ полныя черновыя редакціи представляютъ очень тщательную передѣлку какъ порядка пунктовъ, такъ и самыхъ выраженій. Изъ нихъ вторая редакція (л. 37—44) очень близка къ бѣловому списку,—измѣнены только послѣдовательность пунктовъ и редакція выраженій, не представляющая, впрочемъ, существенныхъ отиѣнъ. Первоначальной редакціей должна быть почтена первая черновая: (л. 29—35) въ ней находятся подробности, опущенныя въ бѣловой редакціи, нѣкоторыя выраженія отличающіяся отъ выраженій этой послѣдней, и иной порядокъ пунктовъ.

Эта черновая редакція состоитъ изъ двойной нумераціи «пунктовъ». *Первая нумерація* идетъ съ п. 1 до 9-го включительно; *вторая нумерація* начинается непосредственно послѣ 9-го пункта, съ пункта 5-го до 10-го включительно; но пп. 5—9-й первой нумераціи совершенно не схожи своимъ содержаніемъ съ соотвѣствующими имъ №№ второй нумераціи, а составляютъ ихъ продолженіе; такимъ образомъ мы имѣемъ въ первой черновой всего пятнадцать пунктовъ, которые находятся въ слѣдующемъ отношеніи къ бѣловой редакціи. (Помѣщаемъ пункты бѣловой редакціи въ скобкахъ). *Первой нумераціи*: п. 1, 2 и 3 (тоже), п. 4 и 7 (п. 4), п. 5 (п. 6); п. 6 (п. 7); п. 8 (п. 5); п. 9 (п. 8); *второй нумераціи*: п. 5 (п. 9 и 10); п. 6 (вторая половина 11-го п. объ иноземцахъ вообще); п. 7 (п. 12); п. 8 (п. 13); п. 9 (п. 9); п. 10 (п. 14). Затѣмъ идутъ равныя добавочныя предположенія безъ раздѣленія на пункты: о перенесеніи резиденціи въ Москву, о положеніи въ государствѣ иноземцевъ. Около послѣдняго на полѣ написано другой рукой: *о мѣлѣнцахъ и эстлянцахъ и о городахъ*.—Эти предположенія составили впоследствии 15-й и первую половину 11-го пункта бѣловой редакціи.

Сличая порядокъ 1-й черновой редакціи съ бѣловой мы видимъ: во первыхъ, что въ послѣдней вставлена заключительная, совершенно новая, статья—16-я о наказаніи за измѣну отечеству

и за пренебреженіе общественными интересами, не находящаяся въ первой черновой; во вторыхъ, что произошло измѣненіе въ объемѣ и содержаніи пунктовъ: 4 и 7 пункты первоначальной черновой редакціи слиты въ одинъ пунктъ 4-й; 8-й п.—поставленъ 5-мъ; 5-й пунктъ 2-й нумераціи разбитъ на два—9 и 10; 6-й пунктъ той же нумераціи поставленъ 11-мъ и добавленъ статью о Днеландіи и Эстландіи; 9-й п. той же нумераціи вошелъ въ составъ 9-го пункта бѣловаго. Кромѣ того, мы находимъ значительныя отличія въ редакціи многихъ пунктовъ, въ которыхъ бѣлова редакция допустила сокращенія и измѣненія, но объ этомъ мы скажемъ ниже. Обращаясь затѣмъ къ послѣдовательности пунктовъ 1-й черновой редакціи, насъ невольно поражаетъ повтореніе ея нумерацій съ 5-го пункта, что наводитъ насъ на слѣдующія соображенія.

Первоначально, какъ видно, было набросано 9 пунктовъ (1-й нумераціи), обвинявшихъ собою Верховный Тайный Совѣтъ, сенатъ, синодъ и права шляхетства. Прочитавъ ихъ, составитель пунктовъ,— по поводу 5-го пункта о присоединеніи къ шляхетству гражданскихъ чиновниковъ,—вспомнилъ о войскѣ, а затѣмъ уже, по весьма естественной ассоціаціи идей, и о другихъ общественныхъ группахъ и сословіяхъ: объ иноземцахъ, о купечествѣ, о крестьянствѣ, объ опредѣленіи въ службу вообще,—заключительнымъ пунктомъ явилась статья о пополненіи законовъ; такъ возникли новые шесть пунктовъ (п. 5—10) второй нумераціи. Послѣ этого, пункты присяги, какъ видно, были прочтены еще разъ, и явились новыя добавленія: о перенесеніи резиденціи въ Москву, опять объ иноземцахъ и о вновь присоединенныхъ балтійскихъ провинціяхъ: о послѣднихъ считали необходимымъ упомянуть, потому что къ иноземцамъ вообще, шляхетство недружелюбно относилось въ своихъ заявленіяхъ. О правахъ Малороссійскаго народа, получившаго мѣше двухъ лѣтъ тому назадъ, съ восстановленіемъ гетманщины, свои старинныя привилегіи, не упомянуто, потому что не было намѣренія вновь ихъ нарушить. О правахъ и привилегіяхъ инородцевъ Восточной Россіи и Кавказа—въ то время никто не заботился. Были забыты поволжскіе и уральскіе инородцы, калмыки и башкиры, доставлявшіе и прежде и впоследствии столько заботъ русскому правительству своими бунтами изъ-за нарушенія ихъ народныхъ правъ и обычаевъ; не вспомнили также о горскихъ племенахъ, не задолго передъ тѣмъ присоединенныхъ къ русской державѣ.

Обращаемся къ редакціоннымъ отличіямъ между 1-мъ черновымъ и бѣловымъ спискомъ. Весьма любопытныя отличія, находимыя въ черновой редакціи въ пп. 1, 7, 8 и 9 первой нумераціи и въ пп. 6, 8 и 9 второй нумераціи.

Пункты первой нумераціи.

Первый пункт о В. Т. С. имѣеть слѣдующія добавленія:

«Понеже нынѣ В. Т. С. состоитъ въ такихъ персонахъ, которые прежде сего блаженныя и вѣчно-достойныя памяти какъ государямъ императорамъ, такъ и государству знатныя и вѣрныя службы и опыты оказали (и понеже сіе вѣрховное собраніе, какъ прежде еще учреждено, такъ и нынѣ учреждено)» (*) и уже далѣе слѣдуетъ бѣловая редакція: «и понеже В. Т. С. состоитъ ни для какой собственной того собранія власти, точю для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ».

Первоначальный порядокъ мыслей составителей проекта при опредѣленіи обязанностей В. Т. С. былъ иной чѣмъ онъ явился въ окончательной редакціи. Вотъ въ какомъ видѣ является онъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Конецъ общей части первого пункта впоследствии составилъ особый 2-й §.—(См. текстъ нашего изслѣдованія, VI-ю главу). Затѣмъ излагаются мысли, вошедшія въ бѣловой редакціи въ параграфы въ такомъ порядкѣ: 4, 1 и 3. (См. также нашъ текстъ).

Второй пунктъ о Синодѣ подвергся также такимъ редакціоннымъ измѣненіямъ. Въ немъ первый параграфъ пѣликомъ вошелъ въ тотъ же § бѣловой редакціи, затѣмъ слѣдуетъ 2-й §: «буде же что касатца будетъ къ духовному правленію, то и синодскіе члены и протчіе архіереи по усмотренію важности дѣла»—должны быть призываемы въ В. Т. С.—Это въ случаѣ «государственнаго новаго и важнаго дѣла». Въ бѣловой редакціи этотъ § составилъ собою конецъ 3-го § 1-го пункта о В. Т. С.—Затѣмъ слѣдуетъ 2-й и 3-й § бѣловаго списка. Послѣ 3-го § снова слѣдуютъ 1 и 2 §

(*) Поставленное въ скобкахъ написано по зачеркнутому, очень трудно разбираемому писму. Смыслъ его заключается въ томъ, что составитель проекта хотѣлъ т. сказ. узаконить недавнее назначеніе В. Т. С. томъ двухъ новыхъ своихъ членовъ, фельдмаршаловъ кн. Голицына и Долгорукаго. («... вдобавокъ еще двухъ генераль-фельдмаршаловъ по ихъ вѣрнымъ заслугамъ присвокуплено, . . .»)—и опредѣлить число членовъ В. Т. С. Эти зачеркнутыя строки вошли въ составъ второй черновой редакціи въ слѣдующей передѣлкѣ: «и недавно къ тому присвокуплены по такимъ же знатнымъ и вѣрнымъ заслугамъ два генераль-фельдмаршала и понеже сіе собраніе, какъ прежде такъ и нынѣ учреждено» и т. д. Въ бѣловомъ спискѣ при началѣ 1-го п. на полѣ другою рукою написано: «верховное правленіе нынѣ состоитъ и съ еельтмаршала въ 7-ми персонахъ, да къ тому прибавлено бытъ имѣеть 5 человекъ, чтобъ всего было 12-ть человекъ, и тѣхъ добавочныхъ нынѣ выбрать и впредь на упальме мѣста выбирать». Эти семь персонъ были: пять «министровъ» В. Т. С. и два фельдмаршала.

бѣловаго списка, а въ заключеніе пункта о Синодѣ подъ заглавіемъ опять таки 3-го § мы читаемъ статью очевидно относящуюся къ первому пункту: «прилежно искать вышнему управленію правосудія, истреблять лихоимства и нежелательства общества».

Третій пунктъ, о Сенатѣ, подвергался редакціоннымъ измѣненіямъ *четыре* раза. Смыслъ этихъ измѣненій оставался одинъ и тотъ же—тотъ самый, который находится въ 3 п. бѣловаго списка; но способы выраженія, желаніе опредѣлить точно и лово свою мысль—затрудняли составителя проекта. Очевидно, составителю проекта никакъ не давалась формулировка назначенія Сената, которое онъ понималъ не въ томъ смыслѣ, какой придавалъ сенату Петръ I, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ вывести Сенатъ изъ того униженнаго положенія въ которомъ онъ находился со времени учрежденія В. Т. С.

Седьмой пунктъ представляетъ любопытные варианты изложенія правъ шляхетства, находящагося въ 4-мъ пунктѣ бѣловой редакціи. Сначала онъ былъ написанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

*«Шляхетство да почитено быть имѣть въ надлежащемъ почтеніи и отъ ея императорскаго величества особливой консида-
раціи, а особливо старые и знатные оамиліи да будутъ пре-
имущества и снабжены быть имѣють рангами и къ дѣламъ опре-
дѣлены по ихъ достоинству». Затѣмъ измѣнено слѣдующимъ обра-
зомъ: «Шляхетство да содержано имѣть, такъ какъ въ прочихъ
европейскихъ государствахъ въ надлежащемъ почтеніи и отъ ея и. в.
милости», и т. д.—(Конецъ оставленъ тотъ же).*

Противъ этой исправленной редакціи на полѣ написано: *«шля-
хетству все должно быть въ почтеніи и снабдить рангами
противъ прежняго отъ стольниковъ до жильцовъ, какъ заблаго-
разсудитца; и должно изъ молодыхъ, изъ вамильныхъ и изъ
шляхетства производить ко всякимъ дѣламъ для обученія, а въ
солдаты и матрозы и въ прочіе чины нижніе не писать».* (Напечатанное разрядкой отчеркнуто въ подлинникѣ). При дальнѣй-
шемъ обсужденіи пунктовъ, какъ видно, было принято только это
имѣніе, а желаніе возстановить прежніе московскіе чины отверг-
нуто.

Въ восьмомъ пунктѣ находимъ слѣдующій вариантъ 5-го пункта бѣловаго проекта. «А для обученія военнаго учинить особливые кадетскіе роты, изъ которыхъ опредѣлять по обученіи прямо въ оборъ офицеры, а служить онымъ 20 лѣтъ, а по 20 лѣтъ, ежели изъ службы пожелаетъ, такому дать абшидъ, а кто пожелаетъ отслуживъ положенные лѣта быть въ гражданской службѣ, тѣхъ по достоинству жаловать».

Пункты второй нумераціи.

Шестой пунктъ объ иноземцахъ. Въ немъ находится прибавка, не вошедшая въ бѣловой проектъ: «также купцовъ и ремес-

ловых иноземцевъ должно не озлоблять и прежніе волности и имѣть къ нимъ всякое охраненіе».

Восьмой пунктъ, читающійся въ бѣловой редакціи такъ: (п. 13-й). «Крестьянъ податми сколько можно облегчить, а излишніе расходы государственные рассмотреть»—первоначально вовсе не упоминаетъ о крестьянахъ. Первоначально вѣсто крестьянъ было написано: *«подданство должно»*, потомъ слово «подданство» поприлежено въ *«подданныхъ»*, затѣмъ зачеркнуто и сверху написано: *«крестьянъ»*.

Девятый пунктъ, вошедшій впоследствии въ конецъ пункта въ тѣмъ же номеромъ бѣловаго проекта, читается такъ: «Буде кто пожелаетъ въ какую службу добровольно—такихъ опредѣлять, смотря по достоинству, а не по страстямъ и не по издохству».

Въ десятомъ пунктѣ (14-й п. бѣловой редакціи), напечатанныя курсивомъ слова написаны подъ строкой, послѣ первоначальнаго изложенія. Онъ читается такъ: «Искать въ исполненіе законовъ общества какъ о церквѣ, такъ о гражданствѣ и о прочемъ *для государственной и народной общей пользы и благополучія всему отечеству безъ всякія страсти и боязни.*»

Вторая черновая редакція представляетъ измѣненіе первой черновой, какъ относительно последовательности пунктовъ, такъ и относительно самой ихъ редакціи. Эти измѣненія почти отождествляютъ вторую черновую редакцію съ бѣловой.

Такимъ образомъ 1-я черновая редакція состоитъ изъ 15 пунктовъ; 2-я черновая—изъ 17-ти, которые располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ, 1) о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, 2) о синодѣ, 3) о сенатѣ. (Здѣсь мы находимъ слѣдующее добавленіе: «того ради [сенатъ] долженъ крайнѣе попеченіе имѣть, дабы всѣ оныя дѣла съ пользою государственною рѣшены и отправляемы были по данной имъ должности». Это добавленіе зачеркнуто и не вошло въ бѣловую редакцію). 4—9—о правахъ и привилегіяхъ шляхетства, 10-й и 11-й—о войскѣ, 12) о правахъ иноземцевъ, 13) о купечествѣ, 14) о крестьянствѣ и о государственныхъ расходахъ, 15) о пополненіи законовъ, 16) о перевесеніи резиденціи въ Москву, 17) о наказаніи за измѣну отечеству.

Бѣловая редакція, соединивъ пункты 4-й и 5-й въ одинъ 4-й пунктъ, дополнила 12-ю статью о привилегіяхъ Лифляндіи и Эстляндіи—и такимъ образомъ составилось *шестнадцать* пунктовъ, разсмотрѣнныхъ нами въ текстѣ.

Отрывки: а) объ установленіи законовъ и б) о Лифляндіи и Эстляндіи—представляютъ слѣдующіе варианты бѣловаго текста.

Первый отрывокъ первоначально былъ написанъ такимъ образомъ: «Для государственной и всему обществу пользы и благополучія, какъ нынѣ такъ и впредь стараніе имѣть и прилежать. Ко установленію гражданскихъ законовъ и уставовъ (безъ всякія страсти и

боязни?), которые бы какъ божескому закону и преданіямъ святыхъ Апостолъ были согласны, такъ и по сугубаи здѣшняго государства народу къ (?) превращенію общаго благополучія впредь могли происходить и содержаны быть непрѣменно. — 14-й пунктъ бѣловой редакціи о томъ же читается такъ: «Искать въ пополненіе законовъ общества, какъ о церквахъ, такъ и о гражданствѣ и о прочемъ для государственной и народной общей пользы и благополучія всему отечеству безъ всякаго страха и боязни».

Второй отрывокъ въ первоначальной редакціи былъ гораздо короче, а именно: «Днепроднѣпровскіе, Эстляндію и тѣхъ губерній города, какъ шляхетство, такъ и граждане во всемъ да содержаны, будутъ по ихъ правамъ и привилегіямъ, которые конвертованы отъ ихъ императорскаго величества». — Въ бѣловые пункты онъ вошелъ въ дополненномъ видѣ.

Источниками для пунктовъ присяги послужили многіе параграфы изъ шляхетскихъ проектовъ и мнѣній. Тщательное сличеніе ихъ даетъ возможность указать слѣдующія заимствованія:

П. 1-й: опредѣленіе назначенія Верховнаго Тайнаго Совѣта — заимствованъ изъ анонимной записки и 1-го п. «способовъ».

3-й § перечисленія обязанностей Верховнаго Тайнаго Совѣта составленъ на основаніи мнѣній Секиртова, Алаберлеева, Грекова, Черкаскаго, Матюшкина, 13-ти, анонимной записки, конспекта и «способовъ», но съ слѣдующимъ важнымъ отличіемъ: Верховный Совѣтъ присваиваетъ себѣ тѣ прерогативы, которыя перечисленными проектами предоставляются Собранію генералитета и шляхетства, съ участіемъ Высшаго и Нижняго правительствъ.

1-й § 2-го пункта (о монастырскихъ вотчинахъ), изложенъ на основаніи «добавленій къ способамъ», а въ опредѣленіи круга дѣйствій синода (въ томъ же 1-мъ §) видно полемическое отношеніе къ замѣчанію объ обязанностяхъ епархіальныхъ архіереевъ въ тѣхъ же «добавленіяхъ».

3-й § составленъ весь на основаніи анонимной записки.

Въ правахъ и привилегіяхъ шляхетства (п. 4—8) замѣтны заимствованія изъ слѣдующихъ проектовъ:

1-й § составленъ подъ вліяніемъ анонимной записки: въ немъ мы находимъ такое же раздѣленіе шляхетства на фамиліныхъ людей и простое шляхетство, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ «присягѣ» всѣ первенствующіе чины высшихъ гражданскихъ управленій избираются *исключительно* изъ людей фамиліныхъ, генералитета и знатнаго шляхетства, а въ анонимной запискѣ одна половина ихъ состоитъ изъ людей фамиліныхъ, а другая изъ простаго шляхетства.

2-й § составленъ на основаніи 7-го пункта 4-го § проекта Черкаскаго и проекта 13-ти (п. 8-й), §§ 3-й, 4-й и 5-й на основаніи проектовъ — Черкаскаго и 25-ти. Въ § 6-мъ, относительно освобожденія шляхтичей отъ обязательной службы въ матросахъ, — утверж-

даются требованія всѣхъ шляхетскихъ проектовъ; о поступленіи въ сухопутное войско и во флотъ, этотъ § пользуется «конспектомъ», предоставляя шляхетству еще болѣе льготъ. Конспектъ требуетъ, чтобы шляхтичи поступали прямо офицерами въ армію, а «присяга» вмѣсто арміи ставитъ гвардію, сообразуясь въ этомъ случаѣ съ «дополненіями», которые довольствуются, впрочемъ, зачисленіемъ шляхтичей въ гвардію.—7-й § прямо заимствованъ изъ 8-го пункта проекта 13-ти.

Пункты 9-й и 10-й составлены на основаніи проектовъ Секиотова, Алабердева, Грекова, Черкаскаго, Матюшкина, 25-ти и 13-ти.

Первая половина 11-го пункта (объ иноземцахъ вообще) составлена подъ вліяніемъ «способовъ» (п. 1-й).

Въ 12-мъ пунктѣ приняты въ соображеніе требованія всѣхъ проектовъ, кромѣ п. 9-го проекта Черкаскаго (относительно «наискванія способовъ размноженія мануфактуръ и торговь»).

Пунктъ 13-й повторяетъ въ общихъ выраженіяхъ всѣ шляхетскіе проекты.

Въ 14-мъ пунктѣ видно вліяніе 4-го пункта проекта Черкаскаго, а 15-й—о перенесеніи резиденціи въ Москву—пѣшкомъ взять изъ проекта Матюшкина.

Слѣдующія предложенія шляхетскихъ проектовъ совершенно обойдены пунктами присяги: 1) Собранія Высшаго Правительства (В. Т. С.), сената, генералитета и шляхетства, 2) Избирательное собраніе, 3) Число лицъ изъ одной фамилии, 4) Изъ правъ шляхетства: а) тайная канцелярія, б) устройство училищъ (проектъ Черкаскаго), с) опредѣленіе лѣтъ службы, d) исключеніе изъ ремесленниковъ, e) уничтоженіе майората, 5) Изъ льготъ духовенству: а) увеличеніе доходовъ приходскаго духовенства, обученіе дѣтей и употребленіе избытковъ на дѣла полезныя Богу и государству (проектъ Черкаскаго), б) улучшеніе быта вообще и подробное изслѣдованіе нуждъ духовенства, 6) Разсмотрѣніе шляхетскихъ предложеній выборными отъ шляхетства, 7) Подчиненіе арміи—военной коллегіи, флота—адмиралтейской, гвардіи—сенату, 8) Избраніе вдовъ придворныхъ чиновъ.

Въ пункты «присяги» внесены въ свою очередь многія подробности, не находящіяся въ проектахъ и мѣстныхъ шляхетства. Сюда относятся: §§ 1-й, 2-й и 4-й первого пункта, 2-й и 3-й §§ второго пункта, 8-й § восьмага пункта (о правахъ и льготахъ шляхетства); вторая половина 11-го пункта (о привилегіяхъ Лифляндіи и Эстляндіи); пунктъ 16-й о смертной казни. Всѣ эти параграфы заимствованы, по всей вѣроятности, изъ политическаго плана князя Д. М. Голицына, известнаго намъ лишь въ неполныхъ извлеченіяхъ. Изъ нихъ, статья объ отменѣ конфискацій вошла въ «кондиціи» (См. п. 3-й вкоч. редакціи).

№ 2.

Полный списокъ всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ шляхетскихъ проэктахъ и прошеніяхъ и подписавшихъ ихъ (*).

I.

ПРОЭКТЪ КНЯЗЯ А. М. ЧЕРКАССКАГО.

1. * *Алавердеевъ, Семенъ.*

* *Апраксинъ графъ, Андр. Матв.*

* *Баскаковъ, Алекс. Петр.*

* *Бибиковъ, Ив. Ив., (старшій)*

5. * *Борятинской князь, Ив. Феод.*

Вельяминовъ, Петръ Борис., плкв.—1719 г., столичный, назнач. въ сибирскую канцел. для производства слѣдствій.—1722 г., назнач.

(*) Фамиліи, начертанныя курсивомъ, принадлежатъ лицамъ, подписавшимъ нѣсколько проэктовъ и прошеній, а начертанныя чернымъ шрифтомъ—только одну какой нибудь проектъ, или прошеніе.—Звѣздочкой отиѣчены тѣ лица, характеристики которыхъ помѣщены въ текстѣ.—При повтореніи въ проектѣ лица, уже встрѣчавшагося въ предъидущемъ проектѣ, означено въ какомъ именно проектѣ является это лицо впервые.—При цитатахъ въ настоящемъ спискѣ допущены нами слѣдующія сокращенія: Арх. Гл. Шт. (Матеріалы архива Главнаго Штаба, т. I. Спб. 1871 г.).—Берхъ (Жизнеопис. перв. росс. адмир., Спб. 1831).—Бодотовъ (Записки Бодотова, изд. «Русск. Стар.»).—Горюховъ (Дѣян. Петра В., 2-е изд.).—Долгор, (Росс. Родосл. Кн., изд. кн. П. В. Долгорукинъ).—Им. Ук. (Книга именныхъ указовъ и высочайш. повел. въ Архивѣ Правит. Сената).—Каб. (Резолюціи Кабинета-Министровъ, хранящ. тамъ-же).—П. П. В. (Письма Петра В., помѣщен. въ XI т. Сборт. Рус. Ист. О—ва).—Р. Р. С. (Родосл. Кн., изд. ред. «Русск. Стар.»).—Уч. В. Т. С. (Книги указовъ Верх. Тайн. Сов., расположенныя по годамъ, въ Архивѣ Правител. Сената).—Устряловъ (Ист. Царств. Петра В. Устрялова).

прокуроромъ камеръ-колл. (Им. ук., кн. 18 и 25).—У Голицова упоминаетъ плкв. Петръ Вельяминовъ-Зерновъ (См. указатель ко 2-му изд. Д. П. В.).

* Вельяминовъ, Степ. Лук.

* Воейковъ, Петръ Лук.

Вяземской князь, Василій, ген.-м.—При Петрѣ В. воевода и об.-коменд. моск.—й. (См. у Голицова: VI, 654; VII, 116, 329; XII, 569; XIII, 461, 642).—1728 г. произв. въ ген.-м. и увольн.: отъ должн. моск.—ого об.-коменд. (Ук. В. Т. С. 1728 г.).

10. Головкинъ графъ, Ив. Гавр., т. сов., сенат. († до 11 июля 1740 г.—П. С. З., XI, № 8169)—1720 г. плкв., стоитъ съ полками въ Мензелинскѣ. Дается ему инструкція при посылкѣ въ Уфу въ башкирцамъ для усмиренія ихъ и истребованія отъ нихъ русск. бѣглецовъ. (П. С. З., VI, № 3565, 3679, 4027).—1722 г. плкв. драг. рязанск. полка. (П. П. В. с. 442).—1728 г., т. сов., назнач. сенатор.—1730 г. Апр. 28-го, пож. д. т. с.—1731 г., увольн. отъ службы въ 1-гв. конномъ полку, съ оставл. въ сенатѣ. (Им. ук., кн. 108, 32, 34).—См. о немъ Голицова: XIII, 204; XIV, 323.

* Головкинъ графъ, Мих. Гавр.

* Грековъ, Максимъ.

* Грековъ, Степанъ.

* Данковъ, Алексѣй.

15. Еламинъ, Андрейнъ Никиф.

* Зыбинъ, Алексѣй.

* Измайловъ, Петръ Вас.

Колтовской, Иванъ.

По списку Карабавова въ 1730 г. б. д. с. с.—1728 г. увольн. отъ службы за старостию, въ чинѣ ген.-м. (Ук. В. Т. С. 1728 г.).—См. о немъ Голицова: VII, 116; XII, 411.—Колтовскіе одн. происх. съ Глѣбовыми отъ косожскаго князя Редеди (XI в.). Предкомъ ихъ б. Мих. Ив. Глѣбовъ, бояринъ вел. кн. рязанск., получившій отъ него въ вотчину волость Колтовскую въ каширскомъ уѣздѣ (XVI в. ?) См. Долг. род., IV, 87, 131.

* Кошелевъ, Род. Мих.

20. Кропотовъ, Ив. Ив., д. с. с.

1728 г. произв. въ д. с. с.—1731 г. назнач. презид. вѣтч. коллегіи. (Ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 34).

* Допухинъ, Степ. Вас.

* Макаровъ, Алекс. Вас.

* Мусинъ-Пушкинъ графъ, Плат. Ив.

* Новосильцовъ, Вас. Як.

25. * Осуфьевъ, Матв. Дм.

* Плещеевъ, Ив. Никиф.

* Салтыковъ, Сем. Андр.

* Секиотовъ, Сергѣй. Вас.

30. Сухоминъ, Сем. Павл. — 1719 г. назвач. коменд. въ Дерптъ. — 1731 г. назвач. генералъ-кригсъ-комиссаръ при арміи. (И. С. З., V, № 3380; им. укр. кн. 34). — См. о немъ Голицова: IX, 121; XIII, 364.

Таракановъ, Алекс. Ив.

Тарушицевъ, Вас. Никит.

Трубецкой, князь, Никита Юр.

Ушиковъ, Авар. Ив.

35. Черкасской князь, Алекс. Мих.

Чернышевъ, Григ. Петр.

Щадринской князь, Алекс. Ив.

Щенцовъ, Дм. Авар.

Юсуповъ, князь, Григ. Григ. — 1727 г. поручикъ полка поручикъ († въ 1737 г. въ чинѣ полк.). 1727 г. поручикъ, подполк. арміи. (Укр. В. Т. С.)

ПРОЭКЪ С. СЕКЮТОВА (БОЛЬШИНСТВА).

1. **Аничковъ, Иванъ.**

Аничковъ, Максимъ.

(Аничковы происх. татарск. Изъ предковъ Баркей принялъ христианство и назв. Аникиемъ. Перв. Аничковъ изв. въ 1528 г. 3-мъ воеводой лѣвой руки въ походѣ подъ Казань. — Въ 1699 г. 16-ть Аничковыхъ владѣли населен. имѣн., 5-ро изъ нихъ были стольниками Петра В. Изъ нихъ Петръ Дантелъ, А — въ б. въ Азовскомъ походѣ 1696 г. полк. 2-го полка пѣшого строя въ корпусѣ Лестока. Другіе 4 стольника: Ив. Петр., Вас. Ив., Кир. Алексѣевъ, и Мих. Степ. — См. Долгор., род. кн. IV, 241).

Аристовъ, Василий.

Арсеньевъ, Иванъ.

1733 г., капитанъ, назвач. товарищъ воеводы въ г. Цудилъ. (Им. укр. кн. 39).

5. **Арсеньевъ, Иванъ.**

(А — въ, Ив. Ив., ротмистръ л. гв. кирас. полка въ 1743 г. — Р. Ст. 1874 г., XI, 211—212).

[Роль Арсеньевыхъ производить себя отъ Ослана Мурзы, вятскаго татарина, выбѣжавшаго изъ Золотой Орды въ Москву въ XIV в. Въ 1699 г. 55 А — выхъ владѣли населен. имѣн. — Вас. Мих. Арсеньевъ б. гофмейстеромъ и Алдр. кавалеромъ (онъ б. живъ въ 1730 г., но жилъ въ ссылкѣ, въ своей деревнѣ. Сестра его Дарья Мих. († 1728 г.) была замужемъ за кн. А. Д. Меншиковымъ. По жен-

ской линии Арсеньевы первой полов. XVIII в. находились въ родствѣ съ кнз. Шаховскими, съ Копелевыми, Лопухинными и кнз. Гагаринскими. Съ именемъ *Ивана* является за это время *восьмь А—выхъ*. См. Долгор., IV, 244—249].

Арцыбышевы, Григорій.

(Арцыбышевы изъ нѣмцевъ [3 вѣтви: Арцыбашевы, Арцыбышевы, Арцибушевы] нач. XVI в.—Въ 1699 г. 13 Арц—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 235).

Аршеневскій, Исаи Захар.

Ахматовъ, Феодоръ.

(Первый Ахматовъ упом. въ Казанск. пох. 1544 г.—Ив. Степ. и Анд. Сав. б. б. столынк. Петра В.—Въ 1699 г. 6 Ахм—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 256).

Васкаковъ, Яковъ.

1739 г. б. воеводою въ Каширь; приговоръ сената о виновности его въ убійствѣ подьячаго Емельянова. (Им. ук., кн. 54).—Васкаковъ владѣлъ въ Астрахань и Персію съ Волыскимъ въ 1720 г. (Первый Баск—овъ уп. воевод. въ Каз. пох. 1544 г. Ермолай Б.—въ б. плав. стрѣleckий (1666 г.), сынъ его Григорій, столынк. царей Ивана и Петра, уб. подъ Азовомъ въ 1696 г.—3 другихъ Баск—овъ б. столынк. Петра В.: Петръ Ерм., Ив. Евдок., Ив. Мих.—Въ 1699 г. 9 Баск—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 263).

10. Батуринъ, Вас. Ив., сынъ столынка царя Петра, Ивана Степ. Батуринъ.

(Родонач. ихъ Батугерлъ изъ Венгрии (1492 г.) служилъ на Рязань; Крохъ Ив. Степ. столынк. б. б.; братья его Григ. Степ. и два другихъ Бат—на: Борисъ Миров. и Венед. Мир.—Въ 1699 г. 11 Бат—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 264—266)—См. о немъ Голицына, II, 31, 147; VII, 147.

Батуринъ, Григ. Ив., совѣтникъ, братъ Вас. Ив. Батуринъ.

1727 г. назнач. воеводою въ Пугачевъ. (И. С. З., VII, № 5053).—Въ 1700 г. Григ. Ив. Батуринъ сказалъ Сенату (Ксендз.) Алымову, что тотъ смотритъ на него върробразо. На это Алымовъ принесъ челобитню Петру В. (Р. Ст. 1871 г., IV, 682). По поводу от. челоб. указъ Петра В. о безчестныхъ словахъ, перечисляющій 19 вѣсьми любовныхъ безчестныхъ словъ, которыми кбрили другъ друга бояре. (Р. Ст. 1871 г., IV, *ibid*).—Указъ эт. наход. въ П. С. З., IV, № 1809. См. также Долгор., род. кн., IV, 265.

Батуринъ, Иванъ.

1726 г. флота унт.-лейт. (Берхъ, I, 26).—См. о немъ Голицына: XIII, 509; XV, 405.

Безобразовъ, Григ. Ив.

(Предокъ Безобразовыхъ выѣхалъ изъ Пруссій въ Мбскау въ нач. XV в.—Въ 1699 г. 47 Без—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 277—278).

Безобразовъ, Иванъ Григорьевичъ.

1712 г. посылается въ Ревель обуч. нѣм. яз. (П. П. В., 232).—
1722 г. команд. моск. пѣх. полка (Ibid., 442).—1731 г. въ чинѣ
бригадира назнач. въ канцел. конфискаціи.—1734 г. увол. изъ пол.
(Имен. ук., кн. 34 и 41).

15. Безобразовъ, Феофанъ.

Беклешищевъ, Феоф. Ив.

1731 г. опред. прокуроромъ въ Смол. губ. (П. С. З. VIII,
№ 5736, 5926).—(Бекл.—въ. майоръ, потомъ подполк., [безъ имени]
съ 27 апр. 1726 г по 1727 г. включ., состоитъ при казачьихъ
дѣлахъ, сначала полъ нач. Волынского, а потомъ полъ нач. князя
Мих. Мих. Голицына.—См. уи В. Т. С. 1726 и 1727 гг.)—(Пре-
докъ ихъ выѣх. въ Москву изъ Германіи къ нач. XV в.—Бекл.—въ
предш. поколѣній б. б. стольниками и плк.—ми къ рейтарск. войскѣ
во время правленія Софьи Алексѣевны.—Въ 1699 г. 141 Бекл. вла-
дѣли насел. имѣн.—См. Долгор, род. кн., IV, 279—285).

Бертово (?) Владиміръ.

Бибииковъ, Алекс. Юр.

Бибииковъ, Богд. Ив., сынъ стольника Ив. Богд.

1738 г., по довл. воен. коллегіи, будучи полковникомъ, по-
добно многимъ другимъ уволенъ отъ службы съ награжденіемъ
чиномъ бригадира, при чемъ дозволяется годныхъ изъ нихъ опре-
дѣлить къ гражд. дѣламъ. (Имен. ук. кн. 51).

20 *Бибииковъ, Ив. Ив. (старшій). (Черкас.).

**Бибииковъ, Ив. Ив. (меньшой), братъ Богд. Ив. и сынъ столь-
ника Ив. Богд.**

1728 г. назначенъ камеръ-юнкеромъ ко двору царицы Евдокіи
Феодоровны: (Уи. В. Т. С.).

Бибииковъ, Феоdorf Вас., сынъ стольника Вас. Богд.

Бобринцевъ-Пушкинъ, Емельянъ, капитанъ.

1711 г. рижскаго гарнизона поручикъ (П. П. В., 205).—У
Долгор., род. кн., IV, 58. см. Мусавы-Пушкины; фамилія Бобринце-
выхъ-Пушкиныхъ началась съ XVI в.

Богдановъ, Григ. Самс., стольникъ Петра В.

1718 г., камергеръ, б; комисс. для сбора даягъ по каваль-
ному дѣлу. (П. С. З., V, № 3249)—1733 г., комиссаръ по постр.
Ладожскаго канала, пожалъ ему 1000 р. изъ «прибылыхъ денегъ».
(Имен. ук., кн. 39).—См. также Долгор, род. кн., IV, 299. (1676—
1691 гг. Григ. Богд.—въ. думный дѣкъ при ц. Феоdorfъ Алекс.,—
при ц.—въ Софін и при ц.—хъ Петръ и Іоаннъ.—См. о немъ П. С. З.,
II, №№ 622, 648, 974; III, №№ 1302 и 1398.

25. Богдановъ, Яковъ Ив. стольникъ Петра В.

Бойковъ, Иванъ.

Болдаревъ, Феоdorf, полковникъ.

(При Петръ В. Василій Болд.—въ б; провизи. фискаль.—См.
указатель ко 2-му изд. Д. П. В. Гофманста).

*Болотовъ, Никита Матв.

Болтинъ, Иванъ.

1732 г., отст. майоръ, назнач. член. въ комис. о развед. конси заврл. въ госуд.—вѣ. (П. С. З., VIII, № 6967).—Сибирскій вице-губерн. Иванъ Болтинъ, назначен. на эту должность въ 1727 г., уволенъ лишь въ 1732 г. (Ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 34, 35).—По всей сѣверо-вост. части Сиб. Болтинъ (1711—1722 гг.), упоминаемый въ П. П. В. (96, 442) и ген.-м. Ма. Болтинъ (+ 1736 г.)—сибирскій вице-губернаторъ (См. П. С. З.; IX, № 6899 и 7057).—Родств. Бол.—хъ, истор. писат. Ив. Никит. Бол.—хъ, сынъ отомышника Никиты Борис. (р. 1 янв. 1735 + 6 окт. 1792 г.)—Родъ Бол.—хъ съ нач. XV в. Пред. ихъ Кучлубуга выѣх. въ Москву, изъ Б. Орды.—Еще 1699 г. 18 Бол.—хъ влад. насел. мѣст.—См. Долгор., род. кн., IV, 303).

30. Болтинъ, Степанъ.

*Борятинской князь, Ив. Феод. (Черкас.).

*Борятинской князь, Феодоръ.

Бохудровъ, Семель, наместникъ.

Бредихинъ, Александръ.

1715 г., капитанъ, участь. въ машхврадѣ на окладѣ князь паны Зюлова. (Р. Ст. 1872 г., IV, 886).—1719 г., въ чинѣ капит. послан. до Фарезунда.—1719 г., вмѣстѣ съ кн. А Шаховскимъ назнач. въ слѣдств. комис. вмѣсто Иренова и Яковлева.—1732 г., въ чинѣ подполковн. назнач. Новгород. вице-губерн.—1739 г., будучи на той же должности, пропав. въ ст. олов. (при немъ кавказ. въ Новгород. Долгоруковы 8 ноября 1739 г.)—1740 г., умор. на той же же долж. (Им. ук., кн. 88, 27, 36, 52; Кав., 62; П. С. З., IX, № 6870; X, 74, 762, 884).—См. о немъ Голицева: VI, 295; IX, 424, 433; X, 396.

35. Брусиловъ, Иванъ.

Булаватъ, Никитара.

Бѣлоусовъ, Юрь.

1739 г. упомин. Бѣлоусовъ, едлоавреца Оловского уѣзда (Анненъ)—(Сов. Арх. таб., кн. 53).

Вельминовъ, Никита.

1730 г., поруч. бутырского пѣх. полка; въ эт. же году, при учрежд. Иам. полка, перевод. въ него подпор. (Прилож. къ ист. Иам. полка, с. 4).

Вельминовъ, Петръ Борис. (Черкас.).

40. Вельминовъ-Зерновъ, Иванъ, подполк. См. Голицева: I, 256, 289 (стодышнѣ).—(Вельминовы-Зерновы происк. отъ оди. родонач. съ Голузовыми, гет. муромъ Чома, привезшаго въ 1330 г., въ южн. области, крещ. съ имен. Захарія и основавшаго южн. Пидъменіи монастырь.—См. Долгор., род. кн., IV, 76).

Воревкинъ, Иванъ († 1739 г.).

Девыщикъ Петра В., пот. капитанъ семен. полка. (Долгор., род. кн., IV, 329.)—См. Голикова: VIII, 116; XV, 301 (гв. поруч.).—Сынъ его, Мих. Из. (р. 1732 † 1795 г.), од. изъ сем. учен. людей св. врем., былъ, при учрежд. моск. универ., вмѣстѣ съ Ив. Из. Мехискино, товарищ. губорн. въ Кавказѣ и въ перс. дерент. открытой имъ тамъ гимназш.—Прѣд. Вер.—въ родоств. новгор., ученикъ числ. служил. людей въ 1849 г.—См. Долгор., род. кн., IV, 329.

Владимиръ, Иванъ.

1735 г. мичманъ. (П. С. З., IX, № 6842, 6855).

Волховской князь, Аларъ.

См. Голикова: VI, 153; (гардемарина) XV (авекат) 252.—1726 г., флота унт.-лейт. (Берхъ, I, 26).—1729 г. подпоруч.—1732 г. поруч. (П. С. З., VIII, № 5458, 6017).

Волховской князь, Вас. Степ.

1727 г., подполкв., назнач. воевод. Перемл. еров. (П. С. З., VII, № 5029)—1737 г., въ томъ же чинѣ назнач. въ степн. малорос. канц. (Им. ук., кн. 49).

45. **Волховской князь, Иванъ.**

Флота лейтент. (Берхъ, I, 26)—См. Голикова: XII, 407, 414.

Волховской князь, Мих. Из. (?)

1713 г. гв. майоръ; отправл. въ Арханг. губ. на службу; прикоманд. также ездочивъ по жалобѣ голландцевъ и получ. повел. достав. лично Петру В. свѣд. о семъ дѣлѣ.—1714 г. убитъ служебн. дѣлу арханг. вице-губ. Курбатова и послыкаемъ ему въ Арх.—къ лаврихтера Нахалова; а затѣмъ вызванъ его въ Спб.—1716 г. производ. на слѣдов. о сорѣ его съ Курбатовымъ.—1717 г., доносеніе его Петру В. о неправ. дѣйствіяхъ Курбатова въ Арх.—въ (Им. ук., кн. 27 и 6)—1727 г. отписыв. у него дѣла въ отд. отъ матерн. кн. Даръ Вол.—ой. (Ук. В. Т. С.).

Волховской князь, Николай.

Изъ л.-регимента перевод. подпоруч.; въ кон. гв. при основанш. ея. (Исторія л.-гв. коннаго полка, сост. Анненковымъ, ч. IV).

Волховской, Из. Мих.

Ворожничъ, Леонаснъ.

(Въ царств. Петра В. Голиковъ упом. двухъ Ворожничихъ: Никиту, фабриканта (VII, 8) и Якова (XIV, II).—Кромѣ того въ 1717 г. упом. Ворожничъ Иванъ и Кузьма.—Историческіе документы (Арх. Гв. Шд., 354, 375, 379, 398, 249—250).—Въ 1727 и 1728 гг. явленіе 18-ои В.—тн.—Въ 1739 г. убитъ Ворожничъ одноименн. (Свѣд. именн.)—Им. ук., кн. 54, 57, 59).

50. **Вяземской князь, Аларъ.**

Грибановъ, Яковъ.

Григоровъ, Иванъ, капит.

(При Елиз. Петр. упом. бѣдѣннѣй углинѣй дворянѣ Григоровъ, находившійся при строеніи Царскаго села. — См. Караб., «Разсказы», Р. Ст. 1871 г., IV, 691:—Въ 1586 г. 2 брата Григоровы б. б. дьяками; около того же времени третій Гр—въ участъ въ войнахъ. — Въ 1699 г. 15 Грег—хъ влад. насел. мѣст.: изъ нихъ 4 б. б. стольниками Петра В.; мож. быть Иванъ Гр—въ сынъ одного изъ нихъ. — См. Долгоруц., род. кн., IV, 373).

60. Губаревъ, Василій.

Мож. быть стольникъ Петра В. (Родомач. Губ—хъ, Тимофей Дм. Губ—хъ, служилъ воеводою въ войскахъ вел. кн. Вас. Юзв. и б. воевъ въ гдѣхъ полками въ 1514 г. — Въ 1699 г. 2 Губарета владѣли насел. мѣст.: изъ нихъ Василій Доросевичъ б. стольникомъ Петра В. — См. Долгор., род. кн., IV, 378). — 1736 г., подполк. воевода въ Переяславѣ-Залѣскомъ; опред. для следенія общихъ счетовъ разнѣхъ счетныхъ комиссіахъ, СЧБ. при соединеніи ихъ въ одну. (П. С. З. X, № 7310).

Гурьевъ, Григорій.

Гурьевъ, Осолоръ, семипной жезуитеръ.

Деметривъ, Ермолай Давридовичъ.

Дохтуровъ, Аванасій.

1738 г., майоръ, назнач. содѣл. моск. дворц. келлеръ. (Пм. г. ук., кн. 51)—(Врѣд. Докт—хъ воев. воеводою въ Каз. шк. 1544 г. — См. Долгор., род. кн., IV, 394).

65. Дубенской, Аверкій.

(Родомач. Дуб—хъ, Осолоръ Дубенскій, дьякъ при вел. кн. Вас. Вас. Темномъ; внуки его б. б. дѣтьми болгарскими 4 Дуб—хъ б. б. стольниками Петра В. — См. Долгор.; род. кн., IV, 394, 395).

Дубровской, Иванъ.

При Петрѣ В. ученикъ. (Голицковъ, VI, 153)—1729 г., вѣюръ, жал. ему 70 дворовъ изъ отп. деревень дѣли его Осол. Дуб—го. (Ук. В. Т. С.)—(Предомъ ихъ участъ въ Колыванск. шх. 1540 г. Дѣла Ивана Дуб—го, Осол. Петр. Дубр—ій, ф. стольникъ Петра В. и замѣшанъ въ дѣлѣ царев. Алексѣя Петр.—Въ 1699 г. 5 Дубр—хъ влад. насел. мѣст. — См. Долгор., род. кн., IV, 395—596).

Дурново, Петръ.

(Дурново одв. происх. съ графами и дворянами Толстыми, — См. Долгор., род. кн., IV, 379, 398).

Дуровъ, Тимофей.

Стольникъ Петра В. (Дуровы служилые люди XVI в., а въ нач. XVII в. являются город. дворян. города Романова Ярослав. обл.—Въ 1699 г. 22 Дурова влад. насел. мѣст.; 8 изъ нихъ б. б. стольникъ Петра В. — См. Долгор., IV, 398—399).

Владимъ, Алексѣй.

70. Ермолаевъ, Петръ.

Ермоловъ, Михайла Петр., дядя Петра Леонт. (См. ниже, № 72).

(Родонач. изъ мурза Арсланъ-Ермодъ служилъ челоу вел. кн. Вас. Юзеф. въ 1506 г.—Въ 1699 г. 11 Ерм—хъ влад, насад. имѣн.: 6 изъ нихъ б. б. стольникъ Петра В.—См. Долгор., род. кн., IV, 404, 408).

Ермоловъ, Петръ Леонт., сынъ стольн. Петра В.

1732 г., отставной капит., назнач. член. въ комис. по раздел. войск. завод. (П. С. З., VIII, № 6067).—1733 г., назнач. ассессор. въ конноп. канцел.—1737 г. уволен. отъ службы по болѣзни (Им. ук., кн. 38; Каб., кн. 47)—Сынъ этого Ермолова, Алдръ Петроичъ б. фаворитомъ Екатерины II. Знаменитый дѣлатель царств. Алексаандра I и Николая Павловича, Алексѣй Петр. Ермоловъ (р. 1777 + 1861 г.), приходится роднымъ внукомъ брату Петра Леонт., Алексѣю Леонтьевичу. (Долгор., род. кн., IV, 406).

Ерощидъ, Василій.

Ерощидъ, Михайла.

1712 г., школьникъ, посыл. въ Ревель для обуч. немец. яз. (П. П. В., 232).

75. Ждановъ, Сергѣй.

1733 г., стольникъ, служ. въ соляной кохторѣ (П. С. З., IX, № 6309)—(О сынѣ его, Ник. Серг. Ждановъ, бригадиръ 1793 г., говоритъ Болотовъ: IV, 1120, 1123, 1141, 1142, 44, 46, 90, 91.—Алдръ Серг. Ждановъ, одоевскій помещикъ (1792 г.)—См. Болотова: IV, 928, 29, 35, 36, 38, 40 47, 1022, 26, 33, 38, 44, 47, 49, 51, 54, 57, 58, 62, 77).

Желдбужской, Никита Мих.

1726 г., флота секретарь 1-го ранга (Берхъ, I, 25)—1739 г., поручикъ флота, опред. прокуроромъ адмир. коллегіи. (Им. ук., кн. 54) — (Одинъ изъ предковъ ихъ упомина. въ числѣ моск. служил. людей во второй полов. XVI в.—Ив. Асон. Желдбужской (р. 1638 г.) б. при Алексѣе Михайловичѣ посломъ въ Вѣрь, думн. дворянин. и окольнич. съ 1684 по 1709 г. (?); онъ оставилъ записки о событіяхъ съ 1682 по 1709 гг.—См. Р. Р. С., 156—157).

Жерлицинъ, Петръ.

Жолдобовъ, Алексѣй.

Загряской (Загряжской) Берисъ.

80. Загряжской, Семья.

Засѣкинъ князь, Григ. Ив.

Зас—къ; (безъ кн.) гофмейстеръ при Петрѣ В.—См. Годиковъ; VI, 283; X, 158. (Кн. Засѣкины, подобно кн. Вяземскимъ, происх. отъ кн. Смоленскихъ; въ службѣ моск. вел. кн. и царей.

важных мѣсть они не занимали. — См. Додіевъ, родъ № 148, 161).

Засѣтчикъ князь, Николай.

Засѣткой, Степанъ.

Зиновьевъ, Андру Степ.

Поруч. ассесоръ вѣдѣн. коллегіи, полк. бригад (Р. Р. С., 168) — 1738 г. офицеръ геодезіи (партипорт), послы. сенаторъ въ

распоряж. с. с. Иона Кириллова въ Уфимскую провинцію для из-
мѣренія башкирскихъ земель. (П. С. З., IX, № 6721) — Зиновьевы —

родня Скутыковъ. — См. родосл. Салтукъ. (Зиновьевы происх. серб-
скаго; Ихъ предокъ Алексій Зиновьевъ вых. въ 1400 г. изъ Лан-
въ, куда переселился его отецъ въ Москву къ вел. кн. Василию Дмит-
ріевичу. Потомки его б. б. большую частью столыниками и высок.
должн. не занимали. — См. Р. Р. С., 166).

85. Знаменщиковъ, Елисей.

Зыбинъ, Алдръ Вейковъ 1760 г. — 1726 г., флота секретарь 1-го ранга (Берхъ, Г. 25) — 1740 г.,

совѣтн. адмир. конт., назнач. совѣтн. въ полкѣ. (Им. укр., кн. 57) —

1743 г., об. шт. кригс-комис. флота. Участіе его въ 1743 допу-
хивныхъ ссылокъ и житве въ ссылкѣ Числ. XII, № 8775 (Р.
Ст. 1874 г., XI, 20 — 25, 42, 192 — 197; 217 — 221. — Замѣтка о

немъ: Ibid., 1875 г., XII, 400).

Зыбинъ, Василий.

Зыбинъ, Иванъ.

Иванчичъ Писаревъ, Михайлъ.

90. Иватовъ, Петръ.

Ивашницевъ, Кирига.

Ивашкинъ, Дороей Савичъ.

При Петръ В. гвардіи прапорщ. (См. Голубкова: VIII, 117. —
1731 г.) гв. капит. и назнач. въ Моск. полкѣ. (П. С. З., VIII,
№ 6721).

Игнатевъ, Степ. Лук.

Илютинъ, Иларіонъ.

95. Исаковъ, Михайлъ.

Кайсаровъ, Левъ.

См. Р. Ст. 1873 г., VIII, 11. (1728 г.) — (Кайсаровъ (безъ ии),
камеръ-юнкеръ Высоч. двора. Въ 1730 г., при учрежд. Изм. полка
зачисленъ въ него подпоруч. — См. Прилож. къ Ив. Ст. пункта
с. 4. — Кайсаровы: Алдръ (камерд. Екат. П.), Леонацій (тѣ поруч.) и
Семень — См. Оп. Сен Арх., II, указ., с. 792 — 793).

Кайсаровъ, Михайлъ.

(1699 г.) воевода въ г. Таръ. П. С. З., III, № 1669 и 1670

Кажинской; Федотъ Мих., камеръ-юнкеръ. Впосл. онъ б.
ген. майоръ, — его жена Анна Алекс. Зыбина. — Его дочь Алдра
Федотовна, б. замужемъ за Алекс. Андру Ржевскимъ (писа-
телемъ) и сама б. писательницей. (См. о ней Р. Ст. 1870 г., II,

80).—Его сынъ, Мих. Фодот., сельдмаршалъ (р. 1788 г.) (1800 г.).—
См. Р. С. 1874 г., X, 26; 1875 г., XII, 406; 1876 г., XIV, 406.

Комыницъ, Афонасій Иван., полковникъ (р. 1777 г.) (1800 г.)
1727 г., колл. прокуроръ, назнач. сол. воев. колл. 1-мъ ватѣмъ
привзв. въ полк.—1737 г., командиръ въ Малороссіи в ар. дѣлахъ.—
1740 г. назнач. вице-прекд. воев. колл. (Ук. В. Т. С. 1737 г.;
им. ук., 62; каф. кн. 49)—(Комыны происх. татарскаго. Предокъ
ихъ, Бурданъ, во свѣ. крещеніи Деміилъ Комынинъ изъ вѣн. орд.
Зол. орды при вел. кн. Вас. Іоан.—Потомки его вѣн. гетмановъ
зависали.—См. Р. Р. С. 179).

100. Камыницъ, Петръ.

Карашиперовъ, Дмитрій, капит.

Касаткинъ-Ростовскій князь, Иванъ, род. 1770 г.

Кн. Касаткинъ-Ростовскій (безъ им.), вѣн. 1730 г. изъ вѣн. орд.
бу-тырск. пѣх. полка; въ вѣн. войска, при упрямѣ Неманска, апрѣвол.
въ него полк.—изъ адъют. (Прилож. къ ист. Пеша-Подкарпатск.)

Квашинъ-Самаринъ, Петръ Вас. (?), обл. вѣн. комисс.

Голицковъ, VI, 154; XIII, 360; XV, 350 (ученикъ);
1727 г., директ. вѣн. камеры; увол. отъ вѣн. службы; назнач.
срѣд. кст. кодл.—1730 г., 28 апр., жал. вѣн. с.—1731—1739 г.
герольдмейстеръ (Ук. В. Т. С. 1727 г.; имп. указ. 22, 28 и 54);
При вѣн. двѣ Анж. Делоръ, вѣн. 1744 г. (марта); назнач. камер.
въ комиссію для разсмотр. вѣн. сочинен. Давидовск. указ. С.
П. С. З., XI, № 8355). Пред. Квашинныхъ и Квашинныхъ-Самари-
ныхъ—дружижникъ изъ южн. Галицы, бѣриж. галицки корабл. Дѣл.
Давидовиче, арб. вѣн. Междуцокло 1300 р. самаринскій въ 1700
чел.; вѣн. отъ Нестеръ Рабцы.—См. Долгар. род. кн. IV, 117, 124).

Киселевъ, Алексѣй.

1720 г., плкв., коменд. въ городѣ Тарн. (Им. С. З., VI, №
3609).

105. Козловской князь, Иванъ, род. 1770 г.

Голицковъ, XIII, 184.—1676 г. стольникъ абсарвѣ Туринскій
для объѣзд. вѣн. князь ц. Алексѣя Мих. и для привожденія изъ при-
садѣ ц. Фод. Алекс. (П. С. З., т. II, № 624).—1711 г. царевн.
рентъ (ibid., IV, № 2884). (Родонач. кн. Козловскіхъ общій съ кн.
Варемскими. См. Долгар. род. кн. I, 143 и 198.—Кн. Козловскіхъ
родца Свѣтловымъ.—См. тамъ же, родосл. С.—хъ).

Козловской князь, Сем. Мих. род. 1770 г.

1698 г. сержантъ семеновскаго пѣх. (Мстравѣ, III, 371);
1711 г. царевн. рента. (П. С. З., IV, № 2334).—1727 г. вѣн. комисс.
столян., назнач. воеводою Соликамской провинціи.—1732 г. вѣн. комисс.
вице-губ.—1734 г., вызыв. въ Спб. и уволн. отъ должности.—1739 г.,
донесъ на него поруч. Петра Богдановича и вѣн. комисс. въ
сенаѣ. (Ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 35, 41; каф. кн. 53).
См. Голицкова: XIII, 578.

(Колтоужской, Изья).

Колычевъ, Петръ Степ., сынъ Степ. Андр. Голянковъ: VI, 154; XIV, 493 (ученикъ); VI, 385 (адъют.)—1725—1733 г., капит. (П. С. З., VII, № 4729; IX, № 6487).

Кондыревъ, Алексѣй, подполк.

1731 г. произв. въ чинъ. (П. С. З., VIII, № 8920)—Дарья Васил. Кинделова (р. 1704 † 1780 г.) замуж. 1) за Скуратовымъ, 2) за Потемкинымъ (отцомъ Таврическаго).—См. Потемкинъ, Алдръ Васил. въ текстъ.

110. Кондыревъ, Никита.

Колонинъ, Григорій.

Коробьинъ, Матвей.

1726—1732 г., флота капит. 2-го ранга. (Берхъ, I, 29, 27).

Коховской, Иванъ.

(Изъ смежанской шляхты им. ун. нн. 41).

Кочелевъ, Иванъ.

1715 г. капитанъ (Берхъ, I, 14)—1723 г., флота капитанъ-поруч., въ командѣ вице-адм. Вильстера. 3-го дек. дана грамота Вильстеру, капит. Мяснову и Кочелеву о принятіи подлѣ покров. Россіи Мадагаскарскаго короля и о позволеніи ему жить въ Россіи (прежде король этотъ иск. протекціи шведск. кор., а по смерти Карла XII, Петръ В. самъ предл. ему свою помощь).—См. П. С. З., № 4382.—1726 г., капит. 1-го ранга (Берхъ, I, 22).—1729 г. произв. въ капит. команд. (Уч. В. Т. С.).

111. Крестовникъ князь, Константинъ.

(Кн. Крестовникъ происх. отъ кн. Смоленскихъ, вмѣстѣ съ кн. Вяземскими.—См. Долгор., род. кн. I, 146 и 198.—Въ род. князей Кр.—хъ князя Константина не находится).

Крестовниковъ, Никита.

Шталмейстеръ двора Елиз. Петр.—1736 г., подполк.; назнач. генер.-провіантмейстеромъ при арміи. (П. С. З., IX, № 6980).—Креч.—въ; Петръ Никит.—См. Болотова; IV, 12.—Мих. Никит. (род. въ 1720-хъ гг. † 1793 г.) губ. волотскій, затѣмъ вѣдѣстникъ тульскій, калужскій и рязанскій. (1777 г.)—См. Болотова; III, 663, 715, 722, 1074, 1149, 1177, 1199, 1200, 1206; IV, 84, 83 и далѣе.—Отношеніе къ Вельяминовымъ: *ibid.*; III, 1186.—Кромѣ того о Мих. Никит. Креч.—въ см.; Р. Ст. 1872 г., V, 133; 1874 г., X, 38, 189, 671; 1875 г., XII, 386.—Указат. въ дневнику Храповицкаго, с. 524.—Въ 1772 г. Креч.—въ (Безъ им.) исков. губ. (Зав. Миниха, 101).

Крыловъ, Степанъ.

Куташовъ, Самъ.

Кусановъ, Петръ.

120. Куташевъ, Василій.

Лавровъ, Гаврилъ.

Лавровъ, Григорій.

Лавровъ, Сергѣй Юр., капит.

Лазаревъ, Андрей.

125. Ларионовъ, Осипъ.

Левашевъ, Яковъ Вас.

1729 г., плкв., назнач. Перновскимъ коменд. — 1730 г., жалуются ему мыза Цинтенгофъ, (Ук. В. Т. С. 1729 г., им. ук. кн. 32). — См. Голикова: I, 259 (поручикъ). — Пред. Левашевыхъ Долг. во св. крещ. Василий, выѣх. изъ нѣмецк. земли въ Псковъ, а оттуда въ Тверь къ вел. кн. Алдру Михайловичу (1324—1327 гг.) и былъ при немъ боариномъ. — См. Р. Р. С., 93).

Левшинъ, Иванъ.

(Предокъ Левш — хъ Суволь Левша (Сцеволь Левештейнъ) выходецъ изъ Швабш въ 1365 г. въ Дмитрію Донскому. — См. Р. Р. С., 198. — Лицъ съ имен. Ивана въ IX—X колѣн. родосл. (кон. XVII и нач. XVIII вв.) оч. много, такъ что опредѣл. личности было бы во всѣхъ случ. гадательно. — См. Р. Р. С., 201—203).

Лесми, Георгій, плкв.

1709 г., плкв. (Арх. Гл. Шт., 25) — 1722 г. плкв. драг. озернепскаго полка. (П. П. В., 442).

Линевъ, Василій.

130. Литвиновъ, Ив. Ив.

1711 г., недоросль, высыл. въ Преобр. полкъ для допроса. (Им. ук., кн. 4). См. Голикова: XV, 257 (недоросль; Алексинскій помѣщикъ).

Лихаревъ, Андрей.

1698 г. прапорщ. Преобр. полка (Устряловъ, III, 564).

Лихаревъ, Василій, плкв.

Лихаревъ, Введенъ.

1726 г. унт. лейтен. (Берхъ, I, 25).

Лихачевъ, Алексѣй Ив., сынъ Ив. Ив. (См. ниже). (Родовач.

Лихачевыхъ, Олегъ Богуславичъ Лихачъ, выѣхалъ изъ Литвы въ 1426 г. къ вел. кн. Василю Темному: во св. крещ. онъ названъ Алексѣемъ. Ему пожалов. въ землѣ Новгород., въ деревской пятицѣ, въ логоцкомъ погостѣ, дер. Раковицы и Тугансоги, а въ сытежскомъ погостѣ дер. Шелавицы. — Лихачевы приближенные царя Феодора Алексѣевича. — См. Р. Р. С., 212).

135. Лихачевъ, Ив. Ив.

Логвиновъ, Петръ.

(Логиновъ, Илья, прива. пѣвчій; въ 1728 г. жал. ему крестьяне. (Ук. В. Т. С.) — Логиновъ — откупщикъ. — Купцы, воровствомъ короны обогатившися, большіе чины получили, яко Логиновъ, бывший откупщикъ и не токмо воръ по откупамъ, но и причислившійся въ воровствѣ комиссаріатской суммы, чины штатскіе получить. —

(при Екатерине II).—Щербатовъ «Повр. вр.» Р. С., 1871 г., III, 683).

* Лонукинъ, Абрамъ Ѳеодор.

Лукинъ (?), Кипр. Ив.

Лутковской, плкв.

1727 г., плкв. (П. С. З., VII, № 5212).

140. Лутовниковъ, Василій.

1696 г. воевода въ Туринскѣ (П. С. З., III, № 1547).—1727 г. назнач. воеводою въ Устюжну. (Ibid., VII, № 5053).

Лутовниковъ, Иввазъ.

Львовъ князь, Алексѣй Яковлевичъ.

(Кн. Львовы общ. происх. съ кн. Вяземскими.—См. Долгор., род. кн., I, 146, 185).

Львовъ князь, Алексѣй (другое лице?) 1733—1736 гг. ассесоръ возобновл. доимочн. приказа (П. С. З., IX, № 6412, 6880).

Львовъ князь, Сергѣй Яковлевичъ (братъ кн. Алексѣя Яковлев., см. выше).

145. Львовъ, Алексѣй Ив. (?).

1731 г., назнач. прокур. въ Бѣгородскую губ. (П. С. З., VIII, № 5736, 5926).

Львовъ, Алексѣй (другое лице?).

Львовъ, Никифоръ.

1727 г., подплкв., назнач. товарищемъ воеводы тамб. пров. (П. С. З., VII, № 5029).—См. о немъ Годикова: XIII, 520).

Любучениновъ, Сем. Мих., капит.

1729 г., назнач. къ счету дѣламъ. (Ук. В. Т. С.).

Ляпуновъ, Николай.

(Ляпуновы, предки знаменит. братьевъ Прокошя и Захара Петровичей Ляпуновыхъ, происходятъ отъ Рюриковичей, кн. Галицкихъ.—См. Долгор., род. кн., IV, 6, 15).

150. Мазовской, Евсей.

Мансуровъ, Петръ.

(Родонач. Мансуровыхъ, Алиштей Шигильеевъ сынъ Мансуровъ, вых. изъ Орды при вел. кн. Иоаниѣ Давиловичѣ Калитѣ и во св. вращ. получилъ има Бориса.—См. Р. Р. С., 221).

Марковъ, Алексѣй.

1715 г., артил. поруч., командир. въ Каз. губ. для сбора отрубковъ и сучьевъ, остающихся отъ кораб. дѣсовъ, чтобы употребить на дѣланіе колесъ и лафетовъ къ артил. орудіямъ. (П. С. З., V, № 2913).—(Марковы или Морковы—новгородскыя родомъ. Предокъ ихъ, Ив. Ив. Морковъ, б. новгор посл. въ Москвѣ въ 1477 г.—34 Марковыхъ и Морковыхъ владѣли населен. имѣн. въ 1699 г.—Архадій Ив. Морковъ, изв. дипломатъ царств. Екатерины II, и 2 брата его б. б. произв. въ 1796 г. въ графское достоинство импер. герм. Францомъ II.—Кромъ того есть еще 2 дворянскихъ фамиліи

Марковыхъ: предокъ первой, дворян. моск. Марковъ, отличился въ моск. сѣдѣніи съ 1607 по 1610 гг.; предокъ второй—Никонъ Марковъ, влад. помѣстьями въ 1645 г.—См. Долгорука., род. кн., III, 199, 201—202).

Масловъ, Аларъ.

1737 г., плкв. (П. С. З., X, № 7368).

Масловъ, Матвій.

155. Матрушинъ, Нефедъ.

Мещерицовъ, Алексѣй (Ив.?).

1723 г., капит. роты бѣлгородскаго пѣх. полка, назнач. для караула въ Нарвѣ къ прибытію Петра В. (Нащокинъ, 17).

Мещерской князь, Борисъ Вас.

1723 г., отправленъ резидент. къ шаху персидскому (П. С. З., II, № 4301)—(У Долгорукова наход. 2 родословныхъ кн. Мещерскихъ: первая кончается XVII-мъ в., вторая начин. XVIII-мъ в., составляя только поколѣніе кн. Вас. Ив., женатаго на граф. Нат. Алар. Матвѣевой, и никакъ не связана съ первой.—Кн. Мещерскіе, по бархатной книгѣ, происх. отъ ширинскаго князя Усейна, сынъ котораго, Бахметъ, завоевалъ Мещеру въ 1298 г. и оставилъ ее сыну своему Беклемишу, во св. крещеніи Михаилу; отъ послѣдній и сталъ родовач. кн. Мещерскихъ, бывшихъ удѣльн. князьями до втор. пол. XV в.—Кн. Мещерскіе не занимали особ. вѣдѣн. мѣстъ при вел. кн. московскихъ.—См. Долгор., род. кн., II, 15, 23, 25).

Мещерской князь, Вас. Алекс.

Въ это время явл. 2 кн. Вас. Мещ.—хъ: 1) 1728 г., капит., командир. для произв. слѣдств. о поступк. нижегор. вице-губ. Ржевскаго. (Ук. В. Т. С.)—2) 1731 г., стольникъ, назнач. къ дѣламъ въ сибирск. прик.—1732 г. въ комис. по разсм. прих. и расх. сиб. приказа. (Им. ук., кн. 34, 35).

Мещерской князь, Ив. Алекс.

Кн. Иванъ (безъ отч.) послѣ 1727 г. директ. петерб. акціонной камеры. (П. С. З., VIII, № 6274).—См. о немъ у Голикова: XIII, 81.

Мещерской князь, Ив. Вас.

Мещерской князь, Мих. Ив.

1698 г. сержантъ преображ. полка, (Устряловъ, III, 365—1731 г., подпор., назнач. член. моск. полиціи. (П. С. З., VIII, № 5721).

Микулинъ, Аеонасій.

1725 г. гв. лейтен. (Им. ук., кн. 29).

Мичуринъ, Иванъ.

1724 г. учител. въ Голландіи голландской архитект., осеблнво строенію фундамент., расположенію и украшенію огородовъ и дѣланію шлюзовъ, подъ надз. русск. дипломат. агента, фанъ-дербъ-

Буря: (П. С. З., VII, № 4984). — 1729 г. посылается на испыт. въ гр. Мшкху. (Ук. В. Т. С.).

Мошковъ, Вас. Ив.

Голиковъ: X, 400; XIII, 722 (дворянинъ). (1743 г. Вас. Мошковъ, гофъ-юнкеръ. — П. С. З., XI, № 8824). — См. Р. Ст. 1873 г., VIII, 95 (ген.-пор.). — Сынъ его и дочери ibid., idem. — (Петръ Мошковъ, одинъ изъ управителей дома Петра В. 1724 г. — См. П. II. В., 58, 364 и Р. Ст. 1870 г., I, 76. — Мошковъ, П. Ив., интендантъ дворца 1730 г. — См. Р. Ст. 1874 г., IV, 684).

165. Мининъ, Асавсий.

Мякинъ, Осодоръ.

Мятлевъ, Алдръ.

(Матлевъ, происхожд. отъ Радши свѣтъ съ Пушкиными. — См. Дѣлгор., род. кн. IV, 156).

Нарышкинъ, Мих. Григ. (?)

Нашокинъ, Никита Ив. (Р. П. С. № 487).

170. Небловъ, Иванъ.

1728 г., ассессоръ; вездѣ съѣздъ за вѣдѣн. имъ и ген.-м. Генсина въ канц. деньги въ Екатеринбургъ. — 1732 г., назн. быть въ свѣтъ при слушаніи доклада вочной главы. — 1736 г., прокуроръ магисъ-конторы, назнач. состоять при Нарышкинѣ для повѣрки счетовъ Курмедина, и повел. ему присутств. въ канцел. отъ строеній. (Ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук. кн. 36 и 45).

Небловъ, Иванъ.

1739 г., помѣщ. вологодскій; упомин. о его крестьян. переселенныхъ въ охтенскія слободы. (Им. ук., кн. 54).

Несловъ, Петръ.

Неплюбохтинъ, Василий.

1709 г. деньщикъ Петра В. (Арх. Гл. III, 56).

Неплюевъ (?), Петръ.

1693—1694, Московскій дворянинъ Петръ Неплюевъ, посланъ въ Благородъ за вины (какія?, не участіе ли въ стрѣльцкихъ возмущеніях?), и велѣно ему быть тамъ въ начальныхъ людяхъ. (П. С. З., III, №№ 1477, 1497). Голиковъ: I, 84. — (Неплюевы одного происх. съ Колычевыми и Романовыми. — См. Дѣлгор., род. кн., IV, 159).

173. Несвицкой князь, Василий.

1726 г. унт.-лейтен. флота. (Берхъ, I, 25).

Несвицкой князь, Иванъ Вас. (?)

1726 г. унт.-лейт. флота (Берхъ, I, 25). 1727 г., воевода г. Дмитрова, уволенъ отъ воеводства, а на его мѣсто назн. подполк. Войновъ. — 1729 г., поруч., назнач. воеводой тамбовск. пров. (П. С. З., VII, № 5053; Ук. В. Т. С. 1729 г.).

Несвицкой князь, Михайлъ.

1726 г. флота лейтен. (Берхъ, I, 24).

Нестеровъ, Сергѣй.

Нестеровъ, Феодоръ.

Мушкетеръ цесаревны Елизаветы Петровны. — Родственникъ его женатъ на сестрѣ Е. А. Соловцова, приближеннаго содворского шала Долгорукаго (См. Р. Ст. 1873 г., VIII, 19—20, 24, 26). — 1743 г. поруч. Вѣлгородск. пѣх. полка, опредѣленъ въ каморъ-фурьеромъ къ и-цѣ Елизаветѣ Петр., съ рангомъ полковничимъ. — (П. С. З., XI, № 8824).

180. Печневъ, Левъ. — 1770 г. поруч. Вѣлгородск. пѣх. полка, опредѣленъ въ каморъ-фурьеромъ къ и-цѣ Елизаветѣ Петр., съ рангомъ полковничимъ. — (П. С. З., XII, № 824, 1075).

Новосіевъ, Семень.

Новокщеновъ, Дмитрій.

1724 г., подплк., командир. въ сиб. губ. авд. распорядк. Укв. М. В. Долгорукаго, для опредѣл. вице-губ. въ Иркутскъ, а затѣмъ въ Енисейскъ, по его усмотрѣнію (П. С. З., VIII, № 4606). — Новокщенова Татьяна, шутиха импер. Анны Іоанновны. — См. Р. Ст. 1873 г., VII, 340).

Новокщеновъ, Феодоръ.

1721 г., отъ бомбардиръ-поручикъ, командированъ въ рабочи-ми по рѣкѣ Емтѣ, Москв. губ., Моск. уѣзда (перекладывавшъ круж-тыя думъ вольными рабочими). — См. П. С. З., VI, № 3827.

Оболенской князь, Алексѣй Андр., д. с. с. (р. 1684—† 1760 г.)

1736 г., об. кригсъ-комис., вѣдн. сов. въ счетъ акциз. ош. коллегіи. (П. С. З., IX, № 6899). — 1740 г. вице-губ. арханг. губ. (имп. дек. инд. 57). — Отецъ его, Андрей Никит., б. при Петрѣ Великомъ, въ Новгородѣ.

185. Овцынъ, Гавр. Мих.

Овцынъ, Григорій.

(Одинъ Овцынъ открылъ Обскую губу. — См. в немъ Р. Ст. 1873 г., VIII, 325. — Овцыны зажиточныя воядер. и покол. помѣ-щики. — См. Карабѣнова, Р. Ст. 1874 г., III, 279). — 1728 г., подплк., пожегъ въ Москвѣ (Укв. В. Т. С.).

Овцынъ, Давидъ.

1722 г., майоръ. Занимаясь ревизіей (паромн. переписью) въ селѣ Перелазь-Задѣской пров., самовольно учредилъ двоуд. члѣн. и конпель въ домѣ синод. палачикъ, въ ода. изъ деревенн. при-надеж. Никитскому монастырю. (П. С. З., VI, № 4126).

Озвобининъ, Дм. Дм. (Р. Р. С. № 52).

(Предокъ ихъ въ концѣ XIII в. выѣх. изъ Польши. — См. Р. Ст. С. 1259. — Озвобининъ (безъ им.) 1708 г. Петрѣ В. посыл. съ мнѣніемъ изъ Варшавы бывш. чертежнуу (книжк. изъ Моск. Академ. вѣдомствъ) сиб. губернатору, кн. Матв. Петр. Гагарину. (П. С. В., 118, 120). — Орловъ, Игнатій.

(Ив. Мих. Орловъ б. деньщ. Петра В. — См. Р. Ст. 1874 г., III, 465—466).

190. Орловъ, Никита.

Отдѣвъ, Иванъ.

(Пред. ихъ, Феод. Борисов. Хвостовъ, по прозвищу Отей, правнукъ моск. тысяцкаго Алексѣя Петр. Хвоста.—См. у Долгор. род. кн., IV, 169, Хвостовы).

Павловъ, Григорій, майоръ.

Павловъ, Михайла:

1727 г., шляхтичъ, назнач. въ комиссію о коммерціи. — 1730 г. апр. 28, жалуется чиномъ совѣта, отъ коллегіи. (Ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 32).

Павловъ, Степанъ Карповъ.

195. Павловъ, Тимофей, плкв.

1711 г. поручикъ. (П. П. В., 183).

Павловъ, Яковъ.

1717 г., недоросль и школьникъ, отправл. для наукъ въ Сиб. съ поруч. Щепотевымъ въ Амстердавъ. (П. П. В., 51).

Пановъ, Михайла.

Панковъ, Михайла.

(Пред. ихъ Григорій Пашкевичъ выѣх. изъ Польши при Юаннѣ Грозномъ; дѣти его писались Пашковыми и не занимали высок. служеб. мѣстъ.—Въ первой полов. XVIII в. является 2 Михаила: 1) Еремѣвичъ, стольникъ 1730 г., 2) Львовичъ.—Анна Еремѣвна, сестра Мих. Ерем. б. замужемъ: 1) съ 1715 по 1717 г. за Никитою Моисеев. Зотовымъ († 1717 г.), 2) съ 1721 г. за Петр. Ив. Бутурлинымъ, (оба б. б. вназъями-папами). Двоюр. братъ Мих. Ерем., Егоръ Ив., денщикъ Петра В., при Петрѣ II-мъ членъ воен. кол., сильный врагъ Меншикова, запутанный въ дѣло кн. Аграф. Петр. Волховской.—См. Р. Р. С., 273—274).

Пестриковъ, Иванъ.

200. Пестровъ, Василій.

Петрово-Соловово, Алдръ.

1723—1736 Сибирскій вице-губернаторъ. (Им. ук., кн. 26 и 69).—Находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кн. Алекс. Мих. Черкасскимъ и кн. Мих. Влад. Долгорукимъ, бывшими въ его время, однимъ изъ слѣдъ за другимъ, губернаторами въ Сибири.

Петрово-Соловово, Григорій Алдръ, сынъ предыдущаго.

1726 г. камеръ-пажъ, отправляется въ Швецію состоящимъ при полномочи. послѣ кн. В. Л. Долгорукомъ, при чемъ выдаются ему деньги.—1729 г., гофмаршалъ цесар. Елиз. Петр., наказ. за оскорбл. отставн. напрала кн. Крепоткина. (Ук. В. Т. С. 1726 и 1729 гг.). Сторонникъ Елиз. Петр.; впоследствии женился на ея племянницѣ Агаѣѣ Симоновѣ Гендриковой († 1741 г. до воцаренія Елиз. Петр.)—См. Долгор., II, 146.

Петровъ, Артемьевъ.

Писаревъ, Василій.

205. Плещеевъ, Андрей, полк.

Голицовъ: X, 561.—1733 г. назнач. Иркутск. вице-губ. (Им. ук., кн. 39).—Родович. изъ Феод. Акинѣевичъ Бяконтъ, сынъ боярина черниговскаго, переселился изъ Чернигова въ Москву около 1300 г. и б. бояриномъ вел. кн. Симеона Гордаго. Его сынъ Елевферій-Симеонъ, впоследствии св. митрополитъ Алексій (р. 1293 † 1738 г.)—См. Долгор., рол. кн., IV, 171).

Плещеевъ, Феод. Львовичъ (?)

1697 г. отправа. Петромъ В. въ чинъ стольника для обуч. морскому дѣлу въ Италию. (Устряловъ, II, 567).—1698 г. сержантъ преобр. полка. (Устряловъ, III, 565).—1711 г. капит. моск. гарниз. (П. П. В., 183).—См. о немъ Голицова: I, 388.

*Позняковъ, с. с.

Полибинъ, Григ. Ив.

Голицовъ: XI, 475, 483; XIV, 549, 556.

Полибинъ, Илья.

1737 г., подполк., опред. товарищемъ судьи въ сиб. приваза, съ пожалов. чина совѣтника. (Им. ук., кн. 47).

210. Полонской, Григорій.

1740 г., подполк., уволенъ отъ службы и награжд. чиномъ. (Им. ук., кн. 57).—См. Голицова: ген.-м. (безъ им.) при Петрѣ В. IV, 80, 285, 436; V, 82, 104, 105, 384, 446; VI, 380; VII, 116; XI, 214, 224, 383, 385; XIV, 571; XV, 39, 146, 154, 168.—1743 г. (безъ им.). ген.-м. участв. въ засѣд. комиссiи по дѣлу Лопухъ-хъ.—См. Р. Ст., 1874 г., XI, 41. (Сынъ Григорiя Полонскаго, Ив. Григ., отст. полк., помѣщикъ 1765 г., другъ Болотова; объ немъ говоритъ очень много Болотовъ въ своихъ Запискахъ).

Полонской, Дм. Вас., полк.

Голицовъ: I, 618 (воевода при Петрѣ В.).—1724 г. прапор. рецъ, назнач. въ распоряж. сиб. губерн. Мих. Влад. Долгоруцкаго для опред. въ вице-губерн. въ сиб. губ., по его усмотрѣнiю. (П. С. З., VII, № 4606).—1733 г., полк., назнач. воеводою въ арзамас. пров.—1740 г., командир. въ вижегор. губ. для слѣдствiя, съ назнач. ему жалованья. (Им. ук., кн. 39; каб., кн. 57).

Полочаниновъ, Алексѣй.

Полочаниновъ, Семень.

1734 г., капит., назнач. прокур. въ вижег. губ.—1738—1739 гг. рассмотрив. въ сенатѣ дѣло о неплатежѣ имъ подуши. денегъ за своихъ крестьянъ. (Каб., кн. 50, 54).

Полтевъ, Василій.

Голицовъ: XIII, 459. (совѣтникъ).

215. Потемкинъ, Алдръ.

Потемкинъ, Сергѣй Дм.

1727 г., майоръ, назнач. воеводою въ калужскую пров. (П. С. З., VII, № 5029).—1732 г. назнач. на службу полк. нач. петерб.

генер.-полковник. (ibid., VIII, № 6190).—Потемкинъ Мих. Серг., ген.-пор.—См. Р. Ст. 1876 г., XV, 689—691.—Пот.—въ гр. Пав. Серг., писатель, ген.-анш. кавк. ген.-губери. (р. 1743 † 1796 г.)—См. о немъ Р. Ст. 1876 г., XV, 202—203, 479, 498, 689; XVI, 41—42, 441; XVII, 65, 69; ibid., 1878 г., XXI, 106.—Ст. Долгинова, Р. Ст. 1871 г., IV, 574—577.

Протасовъ, Степ. Феод. (р. 1703 † 1767 г.). Quiz б. вице-баскет-ин сенаторомъ. 1-я жена его N.N., 2-я—Афисья Никитишна Орлова (р. 1721 † 1775 г.) двоюмъ сестра Григ. Орлова и его братьевъ.—См. Р. Р. Ст., 87.—(Пред. ихъ Лука Протасевичъ, моск. бояринъ 1130 г. при Иоаннѣ Калитѣ; потомки его высок. мѣсть не занимали.—См. Р. Р. С., 86).

Протасовъ, подполк.

Путятинъ князь, Алдръ.

(Кн. Путятинъ происход. вмѣстѣ съ кн. Друцкими отъ Галицко-Волынскихъ князей (XIII в.).—См. Долгор., род. кн., I, 132, 136).

220. Пушкинъ, Ив. Ив., сынъ Ив. Феодоровича, окольниково паря Алексѣя Михайловича.

Голиковъ: VI, 283; XII, 526.—Ив. Ив. одинъ изъ предковъ знаменитаго поэта Алдра Сергѣев. Пушкина (р. 26 мая 1799 † 19 апр. 1837 г.).—Пушкины происход. отъ Радши, вмѣстѣ съ Мусиными-Пушкирыми: предокъ ихъ жилъ во втор. полов. XIV в.—См. Долгор., род. кн., IV, 183).

Радщевъ, Глѣбъ.

Родственникъ писателя Алдра Никол. Радщевца (род. 1749 † 1802 г.).

Раевской, Иванъ Артемьевичъ.

1730 г. прапорщ. армейск. драг. полка; при учрежд. въ эт. году Нам. полка, назнач. туда полковымъ обознымъ. (Прилож. къ ист. Нам. полка, с. 6).

Рахманиновъ, Феодоръ.

(1742 г. рядовой преображенск. гренад. роты, переименованн. въ лейбъ-кампанію, получ. въ числѣ прочихъ 258 рядов., 29 д. крестьянъ.—П. С. З., XI, № 8666).

*Ржевской, Алдръ Тимоѳ.

225. *Ржевской, Андрей Ив.

*Ржевской, Иванъ.

*Ржевской, Матвѣй.

*Ржевской, Петръ.

*Римскій-Корсаковъ, Яковъ.

230. Рославлевъ, Иванъ, плкв.

(Сынъ его, Ник. Ив., ген.-пор. († 1785 г.), участвуетъ въ заговорѣ прот. Екатерины II.—См. Карабанова, Фрейлиры,

Р. Ст. 1871 г., IV, 379—380; 1872 г., V, 131; 1873 г., VIII, 694—695; 1874 г., IX, 409, 422; 1875 г., XII, 491).

Ростиславской. Аларь.

Ртищевъ, Василей.

1698 г. малодѣтній сержантъ семеновскаго полка. (Устряловъ, III, 571)—1711 г. поручикъ. (П. П. В., 181).—1726 г. подполк. опред. вѣжинск. коменд.—1727 г., отозванъ въ Спб. отъ должности.—1730 г., назнач. об. крисъ-комис. при арміи.—1736 г., об. крисъ-комис. походнаго комиссаріата, на мѣсто полк. Селиверста Гурьева. (Ув. В. Т. С. 1726 и 1727 гг., им. ук. кн. 32; каб. кн. 44).—(Бояринъ Ртищевъ при Алексѣй Мих. заводитъ училище въ Москвѣ—къ нему приѣзжаютъ первые ученые изъ духовныхъ южноруссовъ).

Рудаковъ, Алексѣй.

(упом. Р—въ, безъ именъ, Голикъ, X, 448).

Рукниъ, Феодоръ.

Р—въ, по словамъ кн. М. М. Щербатова, б. незаконн. с. кн. Вас. Влад. Долгорукаго (фельдмарш.).—См. «о поврежд. нравовъ», Р. Ст. 1870 г., II, 115.—Встрѣчаются и другіе Р—вы. См.: Рукниъ, Иванъ, поруч. преображенск. п. въ 1698 г. (Устряловъ, III, 564); Рукниъ, Алексѣй (Голиковъ, XII, 212, 213).

235. Рыкачевъ, Осипъ.

Рѣдкинъ, Емельянъ.

Сабуровъ, Василій Ивановичъ, (р. 1675 † 1749).

1731—1732 г., прокур. юстицъ-колл. (П. С. З., VIII, № 5736).—1733 г., пожалов. полковникъ, 1738 г. назнач. Спб. воеводою, и всл. затѣмъ товарищемъ Спб. вице-губернат. Наумова (Им. ук., кн. 38 и 50).—См. о немъ у Долгор., род., IV, с. 199—200).—Сабуровы одного происхожденія съ Голуновыми и Вельяминовыми-Зерновыми (ibid., 197).

Сабуровъ, Иванъ Вас. (с. стольника Вас. Ив. дворянцѣй братъ, предъидущ.,—р. 1678 † 1758 г.).

1737 г., подполк., назнач. въ счетную малоросс. комисс. (Им. ук., кн. 49).

Сабуровъ, Яковъ Васильевичъ, родной братъ предъидущ.

Голикъ, XIV, 493.—(Сынъ его, Ив. Яковл., тамбовск. помѣщ.

[р. 1772 † 1792] упоминаетъ часто Болотовымъ въ Запискахъ.

240. *Салтыковъ, Александръ.

*Салтыковъ, Василій Феодоровичъ.

Сатинъ, Ларіонъ.

(С—ны—Рюриковичи; происходятъ отъ князей Червиговскихъ и Козельскихъ, вѣстѣ съ княз. Одесскими. У Долгорукаго помѣщ. родосл. С—ныхъ только до полов. XVI в.—См. Родословн. кн., I, 47—50; IV, 35).

Сафоновъ, Иванъ.

1680 г., подъячій Большаго Приходу. (П. С. З., № 824).—
1722 г. прокур. бергъ-колл.,—1727 г., совѣтн. камеръ-колл. и всл.
затѣмъ бриг.,—1739 г., повел. разсмотр. въ особ. комисс. дѣло о
начетахъ на него въ бытн. его въ 4.-гв. преобраз. ц. (Им. укл., кн.
18 и 53; укл. В. Т. С. 1727 г.).

Свищевъ, Сергѣй.

243. **Свищевъ, Иванъ.**

(Дѣдъ его, въ монашествѣ Юсафъ, б. Тамбовскій дворяни-
номъ; дядя его (сынъ предъидущаго) Артемій († 1709 г.) имѣлъ по-
мѣстья и вотчины въ у. у. Муромскомъ, Шацкомъ, Керевскомъ.
Всѣми этими имѣньями наследовали два брата Василиій и Иванъ
Свищевы въ 1711 г.; 1-й б. въ то вр. солдатъ 1.-гв. преобраз.
полку, объ обществ. полож. 2-го неизвѣстно; вѣрно въ то время онъ
былъ недоросль. (П. С. З., IV, № 2461).

Свѣчинъ, Иванъ.

1711 г., капит. (П. П. В., 182).—(Сынъ его, Петръ Ив. С.—въ—
предсѣдат. тульск. гражд. пал., 1792 г.; о немъ въ Запискахъ Бо-
лотова, т. IV, с. 615, 627, 643, 711, 748; 942, 943; 1027, 1053,
1064.—Св.—ны, олд. происхожд. съ Левашевыми, не занимали важ-
ныхъ должностей на службѣ моск. в. кн. и царей.—См. Р. Р. С.,
285).

***Секіотовъ, Сергѣй Васильевичъ.**

Сидеицкииъ, Теодоръ Васильевичъ.

1727 г. состоитъ въ Бахмутѣ при соляныхъ дѣлахъ и въ слѣ-
дующ. назн. воеводою бахмутской провинціи. (П. С. З., VII, № 5020)—
[Предокъ С.—ыхъ, Алехна Сенива, выѣхалъ изъ Польши въ Москву
въ вѣк. XVI в.—См. Р. Р. С., 290).

Скорятииъ, Марка, подполк.

250. **Скорняковъ-Писаревъ, Богданъ.**

1721 г., полк. (Арх. Гл. Шт., 841).—Родственникъ извѣстн.
об.-прок. сената при Петрѣ В., Григорія С—ва П—ва, сослани. Мен-
шиковымъ въ Сибирь, въ 1727 г.

Скорняковъ-Писаревъ, Сила.

***Соймоновъ, Θεод. Ив.**

(жена Дарья Ив. Отлева).

***Соковиниъ, Петръ Алексѣевъ, подполк.**

Солнцева-Засѣкинъ, князь Андрей (безъ имен., полковн.—
Голик., IX, 76; X, 125.—Князья Солнцева, общаго происх.
съ кн. Вяземскими, въ XVII в. раздѣлились на 2 вѣтви: С. З.—ыхъ и
С.—ыхъ. (См. Долгор., I, 148—165).

255. **Солнцева-Засѣкинъ, князь Θεодоръ.**

Страховъ, Григорій.

Стрекаловъ, Григорій.

1736 г., подполк. пермск. пѣх. п. (П. С. З., IX, № 7054).—

(Сынъ его, Фед. Гр., адъютантъ при гр. Шуваловѣ въ 1778 г.; см. о немъ въ Запискахъ Волотова, т. III).

Стремоуховъ, Василий, бригадиръ.

1720 г., подполк., служ. въ ямскомъ приказѣ. назнач. для описи и размежев. земли ямщикамъ (П. С. З., VI, № 3630).— 1728 г., полк., назнач. сѣвскимъ воеводою и вслѣдъ затѣмъ уволенъ отъ военн. службы съ чин. бриг—ра.—1729 г., февр., отпѣн. назнач. его сѣвск. воеводою. (Ук. В. Т. С. 1728 и 1729 гг.).

Сухотинъ, Иванъ.

Стольн., (Голик., I, 184, 264).

260. *Сухотинъ, Кирила.*

Тарбневъ, Беремъ.

1727, майоръ; въ июнѣ, назнач. въ доимочн. канц.; въ октябрѣ— уволенъ отъ дѣлъ за болѣзн. (Ук. В. Т. С. 1727 г.).

Татарниковъ, Гаврила.

**Татищевъ, Вас. Никит. (Черкасск.).*

Татищевъ, Иванъ.

1720 г., завѣд. заповѣдн. лѣсами въ Петерб., Новгор. и Лудской провинц. (П. С. З., VI, № 3548)—1726 г., флота лейтенантъ (Берхъ, I, 24).—Капит. у Голик. II, 257, 452; III, 186; 266, 315; IV, 123, 147, 154, 446; V, 277; XIV, 79, 85, 288, 405, 526; XV, 77, 89, 126, 128; XV, анекд. 264.

265. *Татищевъ, Сергѣй.*

1726 г., флота лейтенантъ. (Берхъ, I, 24) у Голикова (безъ им.) лейтен., IX, 217.

Теленевъ, Степанъ.

Т—въ (безъ им.) чл. бергъ-колл., 1728 г. уволенъ отъ дѣлъ при сибирск. горныхъ заводахъ. (Ук. В. Т. С. 1728 г.).

Телѣгнѣвъ, Сергѣй Никифор.

Телѣгнѣвъ, Феодоръ.

Телятевъ, Иванъ.

270. *Тимирязевъ, Аеонасій, стольникъ.*

(Т—въ, д. с. с., осужденный им—цей Елизаветой Петр., вмѣстѣ съ Остерманомъ, Минихомъ и Головкинымъ (1742),—по имени не извѣстенъ).

Толстой, Андрей Ив. (Феодоръ-Андрей).

Сынъ Ив. Андр. Т—го, старш. брата приближенн. Петра В., графа Петра Андр. Т—го (р. 1645 † 1729 г.). (Второй сынъ гр. Петра Андр. жен. на Ульянѣ Ив. Скоропадской.—Т—ые ведутъ свой родъ отъ Пидриса, выѣхавшаго изъ Германіи въ Черниговъ; 1358 г., съ 2 сыновьями и съ 3 тыю. дружинниковъ.—См. Долг., Родосл. кн., II, 121—123).

Толстой, Матвѣй, поруч.

1724 г. штыкъ-юнкеръ (Р. Стар., 1872 г., т. V, стр. 950).— 1757 г. генер.-лейт.; участъ въ Семилѣтней войнѣ, раненъ. (Запис-

ки. Нашкина, 313). — [Его сыновья, Феодоръ Мать., любимый, чапъ и — цы Екатерины II; о немъ см. у Бодотова, Записки, т. III, 791; т. IV, с. 12, 41, 49, 51, 93] — У Долгор., въ родосл. книгѣ Матвѣе, Толстаго, не показано.

Торлацкой (?), Алексѣй.

Травинъ, Феодоръ.

1711 г., офицеръ; вероятно записанъ въ нижняе чины въ числѣ десяти чел.; убѣжавшихъ военн. службы (П. П. Д., 184). — 1717 (безъ им.) поручикъ, посланъ на мѣсто Кожина осматривать Каспійское м. (Арх. гл. шт., 289, 292, 300, 472, 487). — [Анар. Фед., его сыновья, тверской пом., (р. 1770) упом. у Бодотова, въ Зап., см. т. I и II] — (Т — ны — Рюриковичи, происх. отъ кн. Смоленскихъ, вмѣстѣ съ кн. Вяземскими. У Долгор. родосл. ихъ доведена только до конца XVII в.; См. род. кн. I, 140. — 444; IV, 40), 275. Траханиотовъ, Николай.

(Т — въ [безъ имени] верхотурскій воевода въ 1713 г. — [Р. Ст. 1873, VIII, 985]; у Голикова — безъ имени, X, 385. — Трак — вы ведутъ свой родъ отъ азиатскаго грека царя Морей, Эмман. Траханиота, сыновья котораго прибыли въ Москву, въ 1473 г. На службѣ царей московскихъ начиная съ Ювана IV, Т — вы занимали должности бояръ, царскихъ казначеевъ и окормленыхъ. См. Долгор., IV, 206 — 207).

Трегубовъ, Андрей.

1727, майоръ, назнач. товарищ. воеводы юрьевской прив. (П. С. З., т. VII, № 5029).

Трегубовъ, Михаилъ.

1732 г., имѣя стариннаго чина, стольника, б. посланъ переписать раскольниковъ въ дворцовой Городецкой вол., Нижегород. губ., для привед. въ извѣстн. недоимки, числищейся на нихъ съ особыхъ сборовъ съ раскольниковъ. (П. С. З., т. VIII, № 6449).

*Трубецкой князь, Никита Юрьев. (Черкасск.)

Тушинъ, Тихонъ Аевнасьев. (?)

(Т — ны одного, происх. съ Квашницкими-Самариными. — См. Долгор., IV, 208).

280. Улыбышевъ, Петръ.

Урусовъ князь, Василій Алексѣев. (р. 1742)

Въ 1713 — 1715 гг. служилъ въ Голландіи, капитаномъ. — 1726 г., флота кав. 3-го р., состоитъ при Астраханск. адмиралтѣ (Берхъ I, 22), 1729 г., уволенъ по прош. отъ должности; 1730, апр. 28 пож. капитаномъ, 1732 г., опрад. совѣтн. адмиралтѣ, флота; 1737 г. чл. генер. олда царь кн. Д. М. Голицынымъ; 1739 — 1740 — генер. поруч. и главн. команд. оренбургск. комисс. (ук. в. Т. С. 1729 г.; имени. ук., кн. 32, 36, 47, 53 и 57). — [Кн. Урусовы, потомки ногайскихъ даровъ, ведутъ свой родъ отъ извѣстн. подполковна Тамерлана Эммеда, вмѣстѣ съ кн. Юсуповыми, (конецъ XIV и нач.

XV в.). [Предки кн. У—ва поступили на службу ц. Иоанна IV во второй половине XVI в.—См. Долгор. II, 26, 31, 32].—О кн. В. А. У—вѣ см. у Голикова. VI, 285; VII, 58, 343; IX, 239.

Ушаковъ, Иванъ Дмитр.

1712, школьникъ и недоросль, посылается въ солдаты въ Преображенск. п. (П. П. В., 233)—1726 г., команд. въ Украину, къ фельдмарш. кн. Мих. Мих. Голицыну съ указани В. Т. С., 1740 г., капитанъ, находитъ въ Бѣлозерской пров. для въскакии недоимокъ. (Ук. В. Т. С. 1726 г., каб., кн. 57).—См.: о немъ у Голикова, XIV, 229; XV, 113.

Ушаковъ, Никита.

Хитрово, Алексѣй Андреев. (р. 1700 † 1756).

1737 г., конной гв. корнетъ; отпускаются ему деньги на дост. въ Сиб. сѣна съ новгородск. казенн. луговъ. (Каб., кн. 85).—Впосл. б. генер.-лейт. (при Елиз. Петр.)—Жена его Наталья Ив., рожд. Шувалова, сестра Петра и Алара Ив. Ш—выхъ: Дочь его, Анна Алекс. Хитрово—Фрейлина Елиз. Петр. (См. о ней Карабанова, «статск.-дамы и Фрейл.», Р. Ст. 1871 г., т. IV, с. 64).—[Предокъ Хитрово, *Еду-Ханъ*, по прозванію «сильно-хитръ», выгнанный изъ Золотой Орды во 2-й пол. XIV в., къ Олегу, в. кн. Рязанскому; во св. креат. *Андрей*, въ иночествѣ *Анфимъ*. (Родной братъ его, Силкоширь—родович. Апраксиныхъ). См. Род. Р. Стар., с. 314.—Ивъ потомковъ Еду-Хана въ XVII в. особенно прославился двое Хитровыхъ: Богданъ Матв., наместникъ Ржевскій, бояр., дворецк. и оружейничій (р. 1615 † 1680) и Иванъ Богдановичъ, воспитатель ц. Феодора Алексѣевича (р. 1620 † 1682).—Х—въ концѣ XVII и перв. полов. XVIII в. были въ родствѣ: съ Мордзавыми, Лопухиными, Смбакиными (родств. п—цы Евд. Фед. Лопухиной), кн. Троекуровыми, кн. Шаховскими, Бутурлиными, кн. Голицыными, кн. Долгорукими, кн. Кольцовыми-Масальскими, Головкиными и Ягушиевскими. Первая жена П. И. Я—скаго б. *Аннѣ Феодор. Хитрово*. Въ 1722 г. онъ съ нею развелся и она б. заключена въ монастырь. (Ibid., 313—319).

285. Хитрово, Алекс. Ив. (род. послѣ 1699), дальній родственникъ Алекс. Анар. (Дѣдушка его, Никита Савичъ [† 1716], б. стольникомъ п—цы Натальи Кирил.—См. тамъ же).

Хитрово, Мих. Андр. отставн. подпоруч. (р. 1684 г.)—дальн. родств. Алекс. Андр.

Хитрово, Яковъ Лукичъ († 1771 г.).

1712 г., школьникъ и недоросль, отправл. въ Ревель для обуч. нѣм. яз. (П. П. В., 233).—1726 г., флота лейтен. (Берхъ, I, 24).—1738 г., советн. адмиралъ колл. (Кабин., кн. 38).—Впосл. б. д. т. с.

Хитрово, Павелъ Андр. (родной братъ Мих. Андр., см. выше, № 286).

Хлоновъ. Василій.

1711 г., майоръ, посылается въ Ригу, въ Киквиу (П. П. В. 178).

290. **Хлоновской (?) Семёнъ.**

(Х—скій, безъ ин., Р. Ст. 1873 г. VII, 441; VIII, 398.—См. Голикова, XII, 56).

Хмелевской. Иванъ.

Ходыревъ, Андрей.

Ходыревъ, Кѣнигъ.

Хо(а)дыревъ, Петръ.

1717 г., школьн. и ведор., отправляется изъ Сиб. въ Голландію для обученія корабельному дѣлу. (П. П. В., 51).

295. **Ходыревъ, Сергій.**

Хомяковъ, Поликарпъ.

Чаадаевъ, Феодоръ.

1726 г., флота лейт. (Берхъ, I, 23).

Чагинъ (?) Сергій Игнатьев.

Чебышевъ, Сергій.

300. **Чевкинъ, Иванъ Наумовичъ.**

1751 г. подполковн., (Р. Ст. 1877 г., т. XVIII, с. 718).—См. также о немъ П. С. З., т. XXI, с. 232—234.—(Въ 1727 г. Дан. Чевкинъ б. камергеръ, а въ 1730 г. Фел. Гавр. Ч—въ—генер.-поруч.—Ч—ны происх. отъ косожскаго князя Редеди.—См. уш. В. Т. С. 1727 г.; Голик., VI, 283; X, 157, 400; Слжс. Карабанова; Р. Стар. 1877 г., т. XIX, с. 2—3).

Челищевъ, Артемій Ив.

1740 г. стольникъ, дядя Льва Челищева (См. прош. о воспріятіи самодержавія № 115). [П. С. З., XI, № 8127].

**Черкасской князь, Алдръ Андр., камергеръ.*

Черицовъ, Иванъ.

1697 г. подъячій великаго посольства. (Устрял., III, 574).—1711—1722 г. полковн. драгунск. Новгородск. полка. (П. П. В., 174, 441).—См о немъ у Голикова: III, 281; V, 580; VII, 289; VIII, 342.

Чернышевъ, Андр. Ив.

Стольникъ ц—цы Нат. Кирмл. (Долгор., Родосл., II, 101—104; Род. Р. Ст., 368—370).—1722 г., полк. Нижегород. драг. полка, навнач. для располож. полковъ въ Спб—ской губ. (П. П. В., 442, 449).

305. **Чернышевъ, Гаврила Брочеев.**

(1742 г. рядовой гренад. роты преобр. п., переним. при воцареніи Елиз. Петр. въ лейбъ-компанію; получ. на равнѣ съ проч. ряд. эт. роты, 29 д. крестьянъ. П. С. З., XI, № 8666). [Сынъ его, Андр. Гавр., Спб—скій об. коменд. (1789); см. о немъ въ Запискахъ Болотова, т. IV, с. 683—693, 714].

Чертковъ, Петръ Яковъ.

Сынъ герольдмейстера, Якова Гавр. Ч—ва (Р. Р. Ст., стр. 330).—1735 г., подполковн. (им. ук., кв. 43).—[Троюродный братъ его, Евгр. Алдр. Ч—въ, д. т. с. при Екатеринѣ II, б. одн. изъ главн. пособниковъ ея восшествію на прест. См. Р. Р. Ст., с. 330].

Чичеринъ Иванъ,

Отецъ Дениса Ив. Ч—на, извѣстнаго сибирскаго губернатора при Екатеринѣ II. (См. биогр. послѣдн. у Бантыша-Камернскаго, Словарь, изд. 1836 г., т. V, с. 276—279).—1722 г. полк., навнач. командир. пѣхотн. Полтавск. п. (Имп. ук., кв. 28).

Чулковъ, Устинъ.

Шаношниковъ, Троф., подплк.

310. **Шатиловъ, Тарасей.**

1731 г. подплк., произв. въ плквн.—1736 г. бригадиръ, назн. совѣтн. цалмейстерск. экспед. военн. колл.—1738 г., варскій комендантъ. (П. С. З., т. IX, №№ 6899 и 7057; Ук. В. Т. С. 1730; каб., кв. 51).

Шушеринъ, Петръ, плковн.

Щепотевъ, Алексѣй.

1726 г. лейтен. флота (Берхъ, I, 24).

Служилъ съ 1708 г. Въ 1713—1715 обучался въ Голландіи «навигациі». Въ 1741 г. совѣтникъ адмиралт. колл.; въ апрѣлѣ эт. года просится въ отставку и увольняется съ чиномъ капит.-команд. (П. С. З., т. XI, № 8361).—[Щепотевъ женат. на Веселовской.—См. о Веселовскихъ, родственникахъ Шафирова, въ текстѣ нашей VII-й гл. и въ Р. Стар., 1871 г., т. IV, с. 447—449].

Щербатовъ князь, Николай Петр.

Щербатовъ князь, Осипъ Ив.

315. **Щербачевъ, Борисъ.**

1693 г., февр., полковн. подъ начальствомъ окольного кн. Ѳед. Юрьев. Братинскаго; стоитъ съ св. полк. въ Сѣвскѣ и получ. приказ. возвратиться вм. съ плк. въ Москву. (П. С. З., III, № 1461).

Щербининъ, Яковъ.

(Щ—въ, [безъ имени], адъют. фельдм. кн. Долгорукаго въ 1728 г.).—См. Зап. фельдм. Миниха, изд. Шубинскаго; прилож., с. 249.

Юровъ, Алексѣй.

1717—1724 обучается въ Парижѣ инженерному искусству.—См. письма его оттуда къ Петру Великому (жалобы на недостатокъ въ деньгахъ) въ книгѣ Пекарскаго «Наука и литер. при Петрѣ», I, 163—166; II, 661.

Юсуповъ князь, Борисъ Григ. камеръ-юнкеръ (р. 1696 † 1759) (с. Григорія Борисовича, сенатора).

1712 л., школьникъ и недоросль, отправл. въ Ревель для обуч. яѣм. яз. (П. II. В., 232).—1736 г. камергеръ, назнач. сенаторомъ,

1738 г. московскій вице-губернаторъ. 1740 г. т. с., московскій губернаторъ; при Елизавет. Петровнѣ президентъ комм.-колл. (П. С. З., X, № 7790, 7799, 8684, им. ук., кн. 45).

Яковлевъ, Иванъ.

1698 г. служилъ въ преображенск. п. «за подкомъ», им. съ кн. Андр. Ромодановск и Кирил. Матюшк. (Устрал., III, 565).—1722 г. подполк., назнач. въ стародубск. п. (именя. ук., кн. 18).—См. о немъ у Голик., XIV, 206, 393, 414, 462.—[Яковлевыхъ—нѣсколь-ко двор. фамилій, неаходящихся между собою въ родствѣ. Ова фамилія Яковлевыхъ происходитъ отъ Андрея Кобылы, общаго родоначальника съ царств. домоу Романовыхъ; но въ числѣ членовъ этой фамиліи за первую половину XVIII в. Ивана Я—ва не находится. Онъ не мож. б. также сыномъ и другога Я—ва, Савы, извѣстнаго богача, такъ какъ сыновья его родились послѣ 1730 г.—См. Р. Р. Сл., с. 353—357].

320. Яковлевъ, Степанъ, капитанъ.

1717 г. сержантъ (Арх. Гл. Шт., с. 377, 383, 385)—1740 г. подпк., награжд. при увольненіи отъ военн. службы чин. колл. сов. (Им. ук., кн. 57).

Филисовъ, Фома.

Кромѣ того пять фамилій не разобрано. Итого 326 человекъ.

III.

ПРОКЪТЪ АЛАБЕРДЕЕВА.

(С. Г. Нарышкина).

1. *Алабердеевъ, Семень. (См. Черкасск., № 1).

Левшинъ, Федулъ Ив., надв. сов. (р. 1691 † 1757 г.).

См. о немъ Род. Р. Стар., с. 202.—(Сынъ его, Гавр. Федул., премьеръ майоръ 1797 г., а внукъ Никол. Гавр. (р. 1788 † 1845) оставилъ Записки съ 1788 по 1804 г. [напеч. въ Р. Стар. 1873 г., т. VIII].—Характеристика Гавр. Федул. Левшина въ эт. Записк. на стр. 825, 836—839).

Мусивъ-Пушкинъ графъ, Епифрод. Иван., совѣтникъ юстицъ-коллегии.

Сынъ гр. Ив. Алекс. Мус.-Пушкина. (См. текстъ нашего изслѣд. с. 50).—1728 г. назн. совѣтн. юстицъ колл. (ук. В. Т. С.).

*Нарышкинъ, Симеонъ Григорьев.

3. *Одоевскій князь, Василій Юрьев.

*Строгановъ баронъ, Аларъ Григ.

7. *Хрущовъ, Андрей Феодор.

IV.

ПРОЕКТЪ М. ГРЕКОВА.

1. *Апраксинъ графъ, Андрей Матв. (Черк.)
*Баскановъ, Алек. Петр. (ib.).
*Бибииковъ, Ив. Ив. (ib.).
*Борятинской князь, Иванъ Феод. (Черкасск., Секіот.)
5. Вельяминовъ, Петръ Борис. (Черк., Секіот.)
*Вельяминовъ, Степ. Лук. (Черк.)
*Воейковъ, Петръ Лук. (ib.).
Вяземской князь, Василий (ib.).
Головкинъ графъ, Ив. Гавр. (ib.)
10. *Головкинъ графъ, Мих. Гавр. (ib.).
*Грековъ, Максимъ (ib.).
*Елагинъ, Андреянъ Никиф. (ib.).
*Зыбинъ, Алекс. (ib.).
Кропотовъ, (Ив. Ив. ?) (Черк.)
15. *Допухинъ, Степ. Вас. (ib.).
*Макаровъ, Алекс. Вас. (ib.).
*Мушинъ-Пушкинъ графъ, Плат. Ив. (ib.).
*Новосильцовъ, Вас. Як. (ib.).
*Олсуфьевъ, Матв. Дм. (ib.).
20. *Плещеевъ, Ив. Никиф. (ib.).
*Сукинъ, Сем. Ив. (ib.).
Сухотинъ, Мих. Андр. (ib.).
*Таракановъ, Алекс. Ив. (ib.).
*Ушиковъ, Андр. Ив. (ib.).
25. *Черкасской князь, Алексій Мих. (Черк.).
*Чернышевъ, Григорій Петр. (Черк.).
*Шаховской князь, Алекс. Ив. (ib.).
28. *Юсуповъ князь, Фриг. Дм.
(См: виже: прош. Черк. 25 февр. и прош. о самелерж.):

V.

ПРОЕКТЪ М. А. МАТЮШКИНА.

1. *Бестужевъ-Рюминъ, Петръ Мих.
*Воейковъ, Матвѣи Феодор.
- *Дмитріевъ-Мамоновъ, Ив. Ил.
3. *Долгорукой князь, Серг. Григ.
*Еропкинъ, Дм. Феод.

- *Измайловъ, Ив. Петр.
- *Измайловъ, Левъ Вас.
- *Измайловъ, Петръ Вас. (Черк.).

10. *Матюшкинъ, Мих. Асеп.

*Наумовъ, Фед. Вас.

Савеловъ, Петръ († 1739).

1704 г. адъютантъ (Арх. гл. шт., с. 150, 174, 176).—1722 г. плк. Владимирскаго драгунскаго п. (П. II. В., 441); за тѣмъ бригадиръ (Голик. IV, 340; VII, 53; 272; XI, 505; XIII, 458).—1728 г. пож. въ д. с. с.—1730 г. назн. член. въ дворян. канц. (ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 32).

Шейдаковъ князь, Семень, оберъ-егермейстеръ.

*Шереметевъ, Ив. Петр.

15. *Шуваловъ, Ив. Макс.

VI.

ПРОЕКТЪ ТРИНАДЦАТИ.

1. Аладьинъ, Богданъ.

Родственникъ князя А. Б. Куракина (См. дѣло о нн. Д. М. Голицына 1736—1737 г. въ Госуд. Арх.).—1731 г. гв. капитанъ, назвач. совѣтникомъ каморъ-коллегии.—1736 г. совѣтн. мастерской палаты.—1737 г. ассессоръ каморъ-коллегии, обвин. въ неправильномъ рѣшеніи дѣла о наследствѣ кн. Кацтемиръ. (Им. ук., кн. 34, 44 и 47).—[Аладьины—Рюриковичи, происх. отъ княз. Смоленскихъ.—См. Долгор., род. кн., IV, 5].

Бутурлинъ, Феодоръ Ив.

Съ 1713 по 1715 г. учился навигацкой наукѣ въ Голландіи (Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В., I, 142). (В—ны были связаны близкими родственными отношеніями съ кн. Голицыными и Куракиными. Родственница Фед. Ив., Евд. Ив. Б—на [р. 1674. † 1743], б. замужемъ за фельдм., кн. М. М. Голицынымъ. По ея кончинѣ, онъ вступилъ во 2-й бракъ съ княж. Татьяной Борисовной Куракиной, [р. 1695 † 1757], сестрой кн. А. Б. Куракина [См. въ наст. списокѣ ниже, № 6].—Родственникъ Фед. Ив., Ив. Ив. Б—нъ, былъ женатъ на Савеловой, сестрѣ Петра С—ва. [См. проектъ Матюшкина, № 12]. Онъ б. замѣшанъ въ дѣло Девьера и Толстаго и посланъ въ деревню. Приближенный псес—ны Елиз. Петр., Александръ Борис. Бут—нъ, влдсл. графъ, б. женатъ, въ первомъ бракѣ, на кн. Ан. Мих. Голицыной, дочери фельдмаршала († 1728 г.), а во второмъ бракѣ на сестрѣ кн. А. Б. Куракина, Екат. Борис.—Алдръ Бор. Б—нъ приход. дядьимъ родственн. Фед. Ив—чу. [Объ А. Б. Бутурлинѣ см. у Арсеньева, Царск. Петра II, с. 82—83].—

Б—ны происходят отъ Радши, общаго предка съ Пушкиными, [См. Долгор., Род. кн. II, 151, 159].

*Голицынъ князь, Алекс. Дм.

*Голицынъ князь, Сергѣй Дм.

5. Головинъ, Сергѣй Автономов. (Сек.).

Сынъ извѣстн. сподв. Петра В., генерала Артов. Мих. Г—на († 1720). 1734 г. гвард. кап.-поруч.; 1737 г. увольняется съ зван. отъ службы. (Им. ук., кн. 28 и 47).—Жен. на Аннѣ Ив. Бутурлиной. (Г—ны въ родствѣ съ Лопухиными и кн. Голицыными.—[См. Долгор., III, 108—109].—Г—вы происх. отъ выѣхавшаго въ Москву изъ Крыма въ 1391 г., при в. кн. Вас. Дмитр., грека князя Ст. Ховра. Г—ны очень возвысились въ XV—XVI вв.; почти постоянно занимая должность казачья, и нося высокіе чины боярина и окольного; особенно прославились Г—ны при Петрѣ В.—*ibid.*, 105, 116).

*Куракинъ князь, Александръ Борис.

Лопухинъ, Ив. (родственникъ князя А. Б. Куракина).

Лопухинъ, Теодоръ Абрамовичъ (тоже родственникъ кн. А. Б. К—на) сынъ Абрама Теодор. Л—на, роднаго брата ц—цы Емелии Теодоровны. (Абр. Теодор. Л—въ сосланъ въ ссылку въ 1718 г.; обезглавленъ 8 дек. того же года въ Спб.).—1727 г. гофъ-юнкеръ; возвращается ему, вмѣстѣ съ братомъ Василиемъ, отчисани въ казну дворы, деревни и серебро его отца.—1730 г. камеръ-юнкеръ; апр. 16 эт. года увольняется отъ службы, съ пожал. въ бригадиръ.—1738 г. оберъ-штатъ-квартальеръ крѣпост.-комисс. при адмиралтействѣ, вмѣсто Ф. И. Соймонова.—1740 г. главн. судья въ канцелярш кон-фискацій. (Ук. В. Т. С. 1727—1729 г.; им. ук., кн. 32, 50 и 62).

Оболенской князь, Василій, капит.-поруч.

10. Одоевской князь, Ив. Мих.

1725—1726 г. гофъ-юнкеръ и флота лейтен. (им. ук., кн. 23; Берхъ, I, 24).—1732 г. камеръ-юнкеръ, назнач. совѣтн. воечнн. колл.—1733 г. произв. въ с. с.—1738 г. совѣтн. дворц. конт.—1740 г. презид. воечнн. колл. (им. ук., кн. 36, 39, 51 и 62).—Князь Д. М. Голицынъ б. женатъ на кн. Аннѣ Як. Одоевской; двоюродной теткѣ отца Ив. Мих., кн. Мих. Юр. Од—ского; влѣдствие чего кн. И. М. Од—ской прих. троюроднымъ племянникомъ сыновьямъ кн. Д. М. Г—на: Алексѣю и Сергѣю (См. выше: наст. спис., №№ 3 и 4).—Долгор., I, 55—56.

*Салтыковъ, Петръ Семен.

Сибирскій князь, Яковъ (Вас.?) (р. 1709 † 1742 г.).

Жен. на Аннѣ Ст. Глѣбовой.—(Ц—чъ Сибирскій, стороны ц—ча Алексѣя Петр., б., по всей вѣр., отпечъ кн. Яв. С—ского.—Князь С—скій происх. отъ Кучума, царя Сибирскаго, и въ разсатр. время росли въ родствѣ съ Нарышкиными, кн. Хитковыми

ИИ: ки! Долгорукими, кн. Голицыными, Волынскими, Салтыковыми.—См. Долгор., III, 53—54).

13. Хованской князь, Никита.

1733 г. прапорщикъ лейбъ-гвардіи (П. С. З., т. IX, № 6797).— [X—скій Ник. родственн. штабм. кн. Вас. Петр. Хованскаго, жена-тѣсто на б—сѣѣ Екат. Петр. Шафировой, родной сестрѣ жены кн. Серг. Гр. Долгорукаго.—См. Долгор., I, 283].

VII.

ПРОШЕНІЕ ПОДАНОЕ КНЯЗЕМЪ А. М. ЧЕРКАССКИМЪ

25 февраля 1730 г.

1. *Апраксинъ, Степанъ Осодоровичъ.*

Бибиковъ, Василій.

1726 г. гв. сержантъ; отправляются съ нимъ мѣховые товары изъ Москвы въ Сиб. (им. ук., кн. 79).

Бибиковъ, Ив. Ив. (старш.) (Черк., Сек., Грек.).

Борисовской князь, Андрей;

1734 г. бригадиръ, назнач. въ Малороссійск. генер. войск. рота 1734 г., отпра. въ армію въ команду Миниха (Турецк. в.).— 1740 г. уволенъ въ отставку.—(Им. ук., кн. 41, 57, таб. 68).

Борщинской князь, Ив. Фед. (Черк., Сек., Грек.).

Вельяминовъ, Сл. Лук. (Черк., Грек.).

Васильковъ, Петръ Лук. (Черк., Грек.).

Волынской, Ив. Мих. (Сек.).

Гагаринъ князь, Семень (Черк.).

10. *Доложкинъ графъ, Ив. Гавр. (Черк., Грек.).*

Доложкинъ графъ, Мих. Гавр. (Черк., Грек.).

Горсткннъ, Борисъ.

Изъ каваларгардовъ капитанскаго ранга въ конную гвардію перевед. поруч., при учрежденіи полка.—1739 г. изъ поруч. конн. гв. перевед. въ Выборгскій гарнизонъ подполк. (Анненковъ, Ист. 1-гв. коннаго п., ч. IV, прилож.) [Г—ны—сѣмство не многочисленное. Въ селеніи владѣльц. населена имѣн. въ 1699 г. встрѣчается одинъ Г—нъ. Предокъ ихъ, Семень Г—нъ б. воеводой в. кн. Вас. Вас. Темнаго, убитъ Татарами подъ Бѣлзномъ въ 1437 г.—Долгор., IV, 372].

Емелиновъ, Сидосьянъ.

1730 г. канцл. лейт.; поручается ему проше. свидѣствіа о по-мощеніи на казенн. деньги дворахъ.—1733 г. прокуроръ воен. канцл.—(Им. ук., кн. 32 и 38).—1736 г. полковн., опредѣл. софѣтн.

въ высшейст. экспед. военн. колл. (П. С. З., т. IX, №№ 6899 и 6914).

Замыцкой, Алексѣй.—Л.-гв. преобр. п. капитанъ.

1732 г. подполк.; жалуется въ полк., съ назнач. воеводою въ Ярослав. пров. (им. ук., кн. 36).—[Замыцкіе ведутъ родъ свой отъ Радши, вмѣстѣ съ Пушкиными и Бугурлявыми; родъ ихъ выдѣлился въ XV в.—См. Долгор., IV, 104].

15. *Золотиловъ, подпор.*

**Зыбинъ, Алексѣй* (Черк., Грек.).

Ильинъ, Иванъ Алимпіев.

1711 г. поруч., посылается въ Ригу въ Кикину (П. П. В., 178).—1730 г. офиц. кавалергардск. к-са, назнач. кап.-поруч. Иам. п. при его учрежд. (Прилож. къ Ист. Иам. п., с. 2).—1731 г. майоръ, назн. прокур. Новгород. губ. (П. С. З., т. VIII, №№ 5736 и 5926).—[Есть нѣсколько дворянскихъ семействъ Ильиныхъ; больш. изъ нихъ весьма недавняго происх., но есть одна фамилія Ильиныхъ, происх. отъ Рюриковичей, отъ княз. Галицкихъ. См. Долгор., IV, 6, 15, 16].

Кишкинъ, Семень Тимофеевичъ.

1709—1716 прапорщикъ. (Арх. Гл. Шт., с. 14, 25; 47, 48).

Колоколцовъ, Потапъ.

1728 г. капит.-лейт. (Ук. В. Т. С.).

20. **Кошелевъ, Род. Мих.* (Черкасск.).

Допухинъ, Андрей, поруч.

**Матвѣевъ графъ, Фед. Андр.*, кап. поруч.

Наумовъ, Иванъ.

При Петрѣ В. Н—въ, Ив. Фед. воевода, (см. Голиц., IX, 458).—1732 г., Н—въ Ив., майоръ, назнач. въ комисс. о новоскихъ заводахъ (П. С. З., т. VIII, № 6067).

**Новосилмовъ, Вас. Як* (Черк., Грек.).

25. *Павловъ, Михайла* (Сек.).

Полонской, Теодоръ, капит. гв.

1725 г., Жалуется ему отъ 40 до 45 вкrest. дворовъ изъ отписныхъ деревень бывш. сибирск. ц-ча Василія.—1729 г. жал. ему 134 души. (Им. ук., кн. 29; ук. В. Т. С. 1729 г.).

Раевской, Алдръ, капит.

1730 г., опредѣл. прокур. въ одну изъ колл.; а вслѣдъ затѣмъ назнач. член. въ дворц. канцел. съ пожал. въ полковн. (им. ук. кн. 32).

**Ржевской, Алдръ* Тимоф. (Сек.).

Румянцевъ, Алдръ.

(Родственникъ приближенн. Петра В. генерала Алдра Ив. Румянцева, отца Румянцова-Задунайскаго; А. И. Р.—въ б. женатъ на гр. Мар. Андр. Матвѣевой, сестрѣ гр. Фед. Андр. Матвѣева. (см. вы-

ше). — Р — вы вѣдутъ свой родъ отъ извѣстнаго нижегородскаго боярина Вас. Румянца. (1391 г.). [См. Род. Р. Ст., с. 73].

30. *Салтыковъ, Петръ Сем. (Кур.).

... *Салтыковъ, Сем. Авдр. (Черк.).

... *Секіотовъ, Сергій Вас. (Черк., Сек.).

... *Семенинъ, Никита, поруч.

... *Сукинъ, Сем. Ив. (Черк., Грек.).

35. *Сухотинъ, Мих. Авдр. (Черк., Грек.).

... *Тиранковъ, Алекс. Ив. (Черк., Грек.).

... *Татишевъ, Вас. Никит. (Черк., Секіот.).

... *Трубецкой князь, Никита Юр. (тоже):

... *Усовъ, Андрей:

... 1698 г. капитанъ-мусъ семеновск. п. (Устр., III, 570). — 1727 г. капитанъ, пожалов. ему 30 крест. двор. въ Галицкомъ у. — 1729 г. ему же жав. 150 душъ изъ Бѣгородск. деревень, купленныхъ у ризв. лицъ Адмиралт. приказ. (Уч. В. Т. С. 1727 и 1729 г.). — [Дѣлъ его, также Андрей Усовъ, служилъ дякомъ въ помѣстномъ приказѣ, въ 1628 г. — См. П. С. З., т. II, № 809].

40. *Ушаковъ, Авдр. Ив. (Черк., Грек.).

... *Ушаковъ, Фед. Ив. († 1766 г. ген. анш.).

Родственникъ Авдр. Ив. б. при Петрѣ В. простымъ дворяниномъ (Арх. Главн. Шт., 77, 118, 131). — 1735 г. капит.-пор., чл. слѣдственной комисс. надъ Иркут. вице-губ. Жолобовымъ. — 1739 г. капит. Преображ. п., назнач. член. въ комисс. по устройству конск. завод. (Им. ук., кн. 43 и 54). — При Елиз. Петр. ген.-майоръ и ген.-поруч., при Екатер. II генер. анш. (Записки Нащокина, с. 84, 97, 156, 168. — Руск. Стар. 1873 г., т. VIII, с. 94).

... *Ханьковъ, Петръ Ив. (?), поручикъ.

1724 г. серж. гв. Х — въ (безъ имени) отвозить указъ Петра В. къ М. А. Матюшкину (И. П. В., с. 555). — П. И. Х — въ въ 80 хъ гг. XVIII в., при Екатеринѣ II, былъ контръ-адмираломъ. (Дв. Храпов. с. 250).

... *Черкасской князь, Алкаръ Авдр. (Сек.).

... *Черкасской князь, Алексій Мих. (Черк., Грек.).

45. *Черкасской князь, Петръ Борис. Капит.-поруч.

... *Чернышевъ, Григорій Петр. (Черк., Грек.).

... *Шиховской князь, Авдрей Федор. (?).

... 1730 г. офиц. лейбъ-режима; перевод. поручикомъ въ конную гвардію, при учрежденіи этого полка. (Анненковъ, Ист. конн. полка, ч. IV, прилож.). — 1737 г. выбылъ изъ полка и назнач. на службу въ Малоросс. (им. ук. 1739 г., кн. 65).

... *Шемякинъ, Степанъ, л.-гв. капит.

... 1708 г. курьеръ. (Арх. Гл. Шт.). — 1736 г., полк., увольняется отъ воинской службы и определяется козедой въ г. Уфу. — 1737 г. Башкирскія замѣшательства и жалобы на него. Въмѣсто него жела-

ють челоѣка знатнаго происхожденія и безкорыстнаго; назнач. слѣдствіе о противозаконныхъ поступкахъ его. (Каб., кн. 44, 48, 49).

* *Шепелевъ*, Дм. Андр. (Черк.).

50. *Шепелевъ*, Степ. Андр.

Братъ предъидущ.,—1727 г. капит. 1-гв. семеновск. п., пожалов. въ майоры. (Ук. В. Т. С.).—Сынъ его, Анплій Степанов. III—въ, впол. гв. подплк. и ген. пор., женатъ на гр. Праск. Андр. Матвѣевой, сестрѣ графа Фед. Андр. Матвѣева. (См. выше).—[Род. Рус. Ст., с. 339].

Шушеринъ, Феодоръ (?), гв. капит.

1711 г. курьеръ (П. П. В., 213).—1726 г. жалуются ему изъ дворц. имѣній село Омино—1727 г. опечатываетъ въ Новгор. эперхи налич. деньги.—1737 г. временно исправл. должн. нарвскаго коменд. (им. ук. кн. 29 и 47; ук. В. Т. С. 1727 г.).

Юббазниковъ (?) Никита.

Юсуповъ князь. Борисъ Григ. (Секіог.).

54. * *Юсуповъ* князь, Григ. Дм. (отецъ предъидущ.). (Грек.).

Кромѣ того кавалергарды нижнихъ (солдатскихъ) чиновъ: (*)

1. *Бобирькинъ*, Лукьянъ.

Бухвастовъ, Левъ.

Возницинъ, Алдръ.

Гурьевъ, Иванъ.

5. *Даниловъ*, Ларіонъ.

Капит. поруч. Изм. п., при его учрежденіи (Ист. Изм. п.).

Дохтуровъ, Петръ.

Друцкой князь. Данило.

Капит. поруч. Изм. п., при его учрежд. (ibid).

Дурново, Иванъ.

Тоже (ibid.).

Елизаровъ, Аевасій.

Изъ вицекапрал. перев. въ конную гвардію при учрежд. полк. —1732 г. назнач. полковн. одного изъ армейск. полковъ. (Анненковъ, Ист. 1-гв. конн. п., ч. IV).—Фамилія Елизаровыхъ впервые появл. при Алексѣѣ Мих.; при немъ б. два брата Е—хъ—оба думные дворяне (Долгор., IV, 93).

10. *Зузинъ*, Мих.

Кабановъ, Ив.

Кайсаровъ, Семенъ.

Кап. поруч. Изм. п., при его учрежд. (Ист. Изм. п., прил., с. 3).

Кологривовъ, Андрей.

(*) Лица, фамиліи которыхъ начеч. курсивомъ, участвуютъ въ прошеніи о самодержавіи.

- Касаловъ*, Андрей.
18. *Лужновъ*, Николай.
Мансуровъ, Максимъ.
Нащокинъ, Иванъ.
Остафѣевъ, Григорій.
Пашковъ, Иванъ, вицекапралъ. Ретмистръ конной гв. при основ. полка.—1732 г. полк. одного изъ армейскихъ полковъ. (Анненковъ, ист. конн. п., ч. IV).—Въ 1746 г. бригадиръ (Записки Нащокина, с. 74—75).
20. *Полонской*, Николай.
Савеловъ, Автономъ.
Кап.-пор. Изм. п. при его учрежд. (Ист. изм. п., прил., с. 3).
Хвостовъ, Михайла.
(Предокъ Х—выхъ, Алекс. Петр. Хвостъ, б. моск. тысяцк. при Ив. Давид. Калитѣ; уб. 1356 г.—Долгор., III, 289).
Хитрово, Алдръ.
Хитрово, Петръ.
25. *Чубаровъ*, Иванъ.
Юшковъ, Алдръ.
(Свѣд. о двор. Юшковыхъ—см. въ Р. Ст. 1872, т. VI, 559—563; VII, 415).
Юшковъ, Семень.
Языковъ, Иванъ.
29. *Феофилактовъ*, Иванъ.
Кромѣ того четыре фамиліи неразобраны; итого восемьдесятъ семь лицъ.

VIII.

ПРОШЕНІЕ О ВОСПРІЯТІИ САМОДЕРЖАВІЯ, ПОДАННОЕ КНЯЗЕМЪ И. Ю. ТРУБЕЦКИМЪ 25 ФЕВРАЛЯ 1730 Г.

(вслѣдъ за предъидущимъ прошеніемъ).

1. **Алабердеевъ*, Семень, (Алаб., Черк.).

Анненковъ, Иванъ, капит.

1731 г. подплк., назнач. въ конюшенн. приказъ для управленія конюшенными волостями.—1736 г. совѣтн. въ мушкетерной эксп. (Им. ук., кн. 34, II. С. З., т. IX, № 6899).—1737 г. май, назнач. надъ нимъ слѣдствіе объ отдачѣ въ работу Башкирамъ солдата Казанцева (слѣдствіе произв. ген.-м. Соймоновъ); того же года въ августѣ уволенъ отъ службы по прошен. съ чиномъ полк., а Казанцевъ наказ. по докл. сената, за оклеветаніе. (Им. ук., кн. 48, каб., кн. 48).—[Анн—вы упом. въ числѣ воеводъ въ перв. пол. XVI в.—Долгор., IV, 241].

**Апраксинъ графъ*, Андрей Матв. (Черк., Грек.).

**Апраксинъ*, Степ. Ѳеодор., капит.-пор. (1-е 25 февр.).

5. **Баклановскій**, Семень.

[Б—скій (безъ им.) камеръ-пажъ при Петръ В., Голик., УИ, 41, 48. 322; XIV, 360.—Б—скій (безъ им.) курьеръ въ 1718 г.— (П. П. В., 263).—Б—скій (безъ им.), воевода Красноярскій въ 1734 г. (Р. Ст. 1872, т. VIII, с. 19).—Родоначальникъ ихъ Ив. Вас. Б—скій, стрѣлецкій голова въ 1554 г., Долгор., IV, 258].

**Бискаковъ*, Ал. Петр. (Черк., Грек.).

Безобразовъ, Ив. Григ. (Сек.).

Беклемишевъ, Ив., адъют. Преображ. п.

Бестужевъ, гвардіи отъ бомбардиръ-подпоручикъ.

(Вѣроятно родственникъ Петра Мих. Б—ва, бывш. гофмейстера курляндскаго двора Анны Іоан.).

10. **Бенцой**, Иванъ Ивановичъ (р. 1704 † 1795). Неазковн: сынъ князя Ив. Юр. Трубецкаго. извѣстный впоследствии педагогъ и филантропъ эпохи Екатерины II.

Болтинъ, Иванъ (Сек.).

Борятинской князь, Андрей (1-е 25 февр.).

**Борятинской князь*, Ив. Ѳед. (Черк., Сек., Грек., 1-е 25 февр.).

Брылкинъ, Алекс., капит.

15. **Брылкинъ**, Иванъ, полполк.

1726 г., назв. въ Петерб. полиціймейст. канцел.—1731 г. по просьбѣ пожал. въ статск. сов.—1732 г. камеръ-юнк., жал. ему 100 крестьянск. дворовъ изъ бывш. имѣній Сем. Маврина. (Ук. В. Т. С. 1726 г.; им. ук., кн. 33 и 36).—1741 г. при прав. Аннѣ Леопольд. камергеръ и об.-прок. сената (П. С. З., т. XI, №№ 8480 и 8585).—См. о немъ въ Запискахъ князя Шаховскаго, с. 34.—Мавштейнъ передаетъ объ Ив. Брылкинѣ слѣдующее: «Бр—нъ, камеръ-юнкеръ императрицы (1735 г.), пользовавшійся добрымъ расположеніемъ принцессы (Анны Леопольдовны), б. удал. отъ двора и записанъ капит. въ Казанскій гарнизонъ, по подозрѣнію, что онъ знаетъ о сношеніяхъ принцессы съ иностр. послан., незадолго передъ тѣмъ удаленъ изъ Спб. (маркизъ Ботта). После ареста герц. курляндскаго, Анна Леопольдовна вызвала Брылкина изъ Казани, пожаловала его камергеромъ и назначила генералъ-прокур. (оберъ-пр—ромъ?) сената. (Зап. Мавштейна, изд. Руск. Ст., с. 64).

**Булгакъ*, Ив. Мих., секр. л.-гв. преображ. п.

Васьковъ, Петръ, капит.

(Прелки В—выхъ, ярославскіе дворяне и дѣки.—Одинъ изъ нихъ упом. въ лѣткахъ въ 1550 г., Долгор., IV, 324).

Вельяминовъ, Никита. (Сек.).

**Вельяминовъ*, Ст. Лук. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.).

20. ***Волонской князь**, Семень Ѳед.

**Волынской*, Ив. Мих. (Сек., 1-е 25 февр.).

- Газаринъ князь, Семенъ* (тоже).
Гамбовъ, Иванъ (Сек.).
**Головинъ графъ, Ив. Мих.*
25. **Головкинъ графъ, Мих. Гавр.* (Черк., Грек., 1-е 25 февр.)
**Гурьевъ, Василій.*
Дубровской, Иванъ (Сек.)
Дурасовъ, Феодоръ, оберъ-аудиторъ. (Предокъ Д—выхъ выхъ изъ Литвы въ Московское г—во въ XV в. Въ 1699 г. влад. насел. имѣніями 13 Д—выхъ.—Долгор., род. кн., IV, 397).
**Елагинъ, Андреевъ Никиф.* (Черк., Грек.)
30. **Епшиковъ, Савостьянъ, капит.* (1-е 25 февр.)
Ермоловъ, Петръ Леонтьев. (Сек.)
**Еропкинъ, Дм. Фед.* (Матюшк.)
**Еропкинъ, Петръ Мих.*
Замыцкой, Алексѣй, преобрж. п. капит. (1-е 25 февраля).
35. **Зиновьевъ, Андр. Ст.* (Сек.)
Зиновьевъ, Ив. Вас., поруч.
1712 школьникъ, посланъ въ Голландію (П. П. В., 234).—См. о немъ у Голикова, VI, 154; XV (авекл.) 250.—(въ 1681 г. упом. Ив. З—въ, голова житнаго и мучнаго рада въ Москвѣ. П. С. З., т. II, № 874).
Зиѣвъ, Феодоръ.
(Въ концѣ XVII в. упом. Вас. Сем. сынъ З—въ, комватный стольникъ, П. С. З., т. II, № 648).
Золотиловъ, подпор. (1-е 25 февр.)
Зыбинъ, Алекс. (Черк., Грек., 1-е февр.)
40. **Измайловъ, Левъ Вас.* (Мат.)
Каменской, Федотъ Мих., камеръ-юнкеръ (Сек.)
**Кантемиръ князь, Антиохъ Дм.*
Колокольцовъ, Потапъ (1-е 25 февр.)
Коркачевъ, Петръ майоръ. (За него приложилъ руку Ив. Беклемишевъ. См. выше № 8).
45. **Кошловъ, Род. Мих.* (Черк., 1-е 25 февр.)
Крамеръ, капит.-поруч.
Кречетниковъ, Никита. (Сек.)
Лавровъ, Серг. Юрьев., капит. (Сек.)
Лесли, Георгій (Сек.)
50. **Допухинъ, Андреевъ, поруч.* (1-е 25 февр.)
Маевской, Борисъ, Симбирской провинціи воевода.
**Макаровъ, Алекс. Вас.* (Черк., Грек.)
**Матвеевъ графъ, Фед. Андр., капит.-поруч.* (1-е 25 февр.)
**Матюшкинъ, Мих. Аeon.* (Мат.)
55. **Мельгуновъ, Петръ, капитанъ.* Нач. службу въ гвардіи въ 1707 году.—См. о немъ у Голикова, VIII, 491, IX, 486; X, 157, 404, 405, 410.—Въ 1736—37 гг. былъ прокур. каморъ-коллегии.

Уличень въ служебн. неисправ. по процессу кн. Кантемиръ съ па-
сынками, но, во вним. къ продолжит. службѣ и ранамъ, только
отставлень отъ должности съ полученіемъ «репризианда» отъ ея ве-
личества (См. «Судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ» — Др. и Нов. Рос-
сія 1879 г., т. XV, с. 61).

Мещерской князь, Феодоръ Вас., гв. поруч. († 1756 г. въ чи-
нѣ гев. м., [Долгор., II, 25] 1726 г. флота—унт. лейт. (Берхъ, I,
26) 1735 замѣшанъ въ дѣло Ирк. вице-губ. Жолобова, съ котор.
наход. въ перепискѣ (им. ук., кн. 46). — См. о немъ у Голикова;
XV (анекд.) с. 270.

Микулинъ, Левъ л. гвард. преображ. п. поруч. († 1737).

Мусинъ-Пушкинъ графъ, Епофрод. (Алаб.)

**Мусинъ-Пушкинъ графъ*, Плат. Ив (Черк., Грек.)

60. *Наумовъ*, Ив. (1-е 25 февр.)

**Новосильцовъ*, Вас. Як. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.)

Новосильцовъ, Потапъ. кап. пор.

Оболенской князь, Василій, капит.-пор. (Кур.)

Обуховъ, Григорій, л. гв. преобр. п. поруч.

(О—въ [безъ им.] прап. 1717 г., Арх. Гл. Шт., 384).

65. *Овцынъ*, Давидъ (Сек.)

**Одоевской князь*, Василій (Алаб.)

**Олсуфьевъ*, Матв. Дм. (Черк., Грек.). (Прошеніе о самоде-
ржавіи подписалъ дважды).

Павловъ, Григорій, майоръ (Сек.)

Павловъ, Михайла (Сек., 1-е 25 февр.)

70. *Павловъ*, Михайла, оберъ-директоръ.

Павловъ, Тимофей, полк. (Сек.)

Павловъ, Яковъ (Сек.)

Павловъ, Яковъ, поруч.

Потаповъ, Алекс. Ив., л. гв. московск. батал. 1730 г., капит.,
поручается ему осмотръ подводъ, назнач. для поѣздки изъ Риги
имп. Анны Юанн. (Ук. В. Т. С. 1730 г.)—См. о немъ у Голикова,
XI, 439.

75. *Полонской*, Дм. Вас., полк. (Сек.)

Полонской, Феодоръ, капит. (1-е 25 февр.)

Пырской, Стенанъ, л. гв. преображ. п. капит.—1698 г. алебард-
щикъ преображ. п. (Устряловъ, III, 583).—1721 г. капит., коман-
дируется на Бѣлоозеро, въ Вологду, Шую, Каргополь, Устюгъ и
Холмогоры для набора плотниковъ, годныхъ къ судовой работѣ, и
для доставл. ихъ съ ихъ семьями въ Спб.—1724 г. съ той же цѣ-
лю командир. въ Архангельскую губ. Въ послѣд. гг. команд. для
той же цѣли въ другія мѣстности (П. С. З., т. VI, № 3763., т.
VIII, № 5520; им. ук., кн. 31).—1722 г. подъ его наблюденіемъ
производятся работы въ Спб. (П. С. З., VI, №№ 3915 и 3938)—
1727 г. жал. ему крестьяне изъ выморочн. дерев.; того же

года съ сент. по дек. сост. приставомъ въ Рашенбургѣ, при сослани-
номъ туда кн. Меншиковѣ.—1728 г. пред. военн. суду за неспособ-
ност. инструкциѣю по надз. за кн. Меншиков.—1729 слагается съ него
штрафъ (Указ. В. Т. С. 1727—1729).

Радичевъ, Аеокасій, плк.

1734 г., янв., послѣ смерти малоросс. гетмана Дав. Апостола,
поручается ему, вм. съ друг., вступить въ управл. Малоросс. дѣлами;
до прибыт. кн. Шаховскаго.—Того же г., сент., назнач. команд.
стародубск. п. (Каб., кн. 68; им. ук., кн. 41).

Ржевской, Алдръ капит. (1-е 25 февр.)

80. **Решинъ (?)**, Семенъ, л. гв. преобр. п. адъют.

Ржевской, Алдръ Тим, (Сек., 1-е 25 февр.)

Ржевской, Петръ, отъ флота лейтенантъ (Сек.)

**Римской-Корсаковъ, Яковъ (Сек.)*

Румянцовъ, Петръ Иван. (братъ Алдра Ив. Ру—ва, приближ.
Петра В., См. Род. Р. Ст., с. 74).

85. **Сабуровъ.**

Савеловъ, Петръ (Мат.)

Савеловъ, Тимофей, Ст. Сов.

1704 г., адъют. (Арх. Гл. Шт., с. 150, 174, 176). 1728 г.,
пожал. ст. сов.—1737 г. въ Моск. севатск. конторѣ дѣло о завладѣ-
нiи имъ пустошами можайск. стрѣлецк. слоб. (Ук. В. Т. С. 1728
г. и Каб., кн. 47).

**Салтыковъ, Влад Семен., л. гв. преобр. п. поруч. (сынъ С.
А. Салтыкова).*

**Салтыковъ, Иванъ Алексѣевичъ.*

90. ***Салтыковъ, Николай,** подпоруч.

**Салтыковъ, Петръ Сем. (сынъ Сем. Авдр. С—ва) [Кур., 1-е
25 февр.]*

**Салтыковъ, Сем. Авдр. (Черк., 1-е 25 февр.)*

Сафоновъ, Дмитр., капит.

Впослѣдствiи родственникъ по Гендриховымъ и—цѣ Елиза Петр.
Марса Симонов. Гендрихова (р. 1727 † 1754) статсъ-дама Елиза.
Петр. б. замужемъ за генер.—поруч. Мих. Ив. Сафоновымъ.—См.
Р. Стар. 1870 г., т. II, с. 471, 490; III, с. 266).

**Секіотовъ, Сергѣй, бригадиръ. (Сек., Черк., 1-е 25 февр.)*

95. ***Сокозникъ, Никита,** поруч. (1-е 25 февр.)

Стремоуховъ, Василій, бригадиръ (Сек.)

**Сукинъ, Сем. Ив. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.)*

Сухотинъ, Мих. Авдр. (тоже).

**Таракановъ, Алекс. Ив. (тоже).*

100. **Тарбеевъ, Ефремъ,** майоръ (Сек.).

Татищевъ, Аеокасій Даниловичъ. 1730 и 1731 гг. гв.-пору-
чикъ. (Им. ук., кн. 33).

**Татищевъ, Вас. Никит. (Черк., Сек., 1-е 25 февр.)*

Тимирязевъ, Аѳнасій (Сек.).

Толстой, Матвѣй, поруч. (Сек.).

105. **Трубецкой князь, Ив. Юрьев.*

**Трубецкой князь, Никита Юр. (Черк., Сек., 1-е 25 февр.).*

Тюменевъ, Ѳеодоръ, л. гв. преобр. п. поручикъ.

1730 г., пожал. ему, по его прошенію 37 крест. дворовъ и помѣщичій домъ въ Брянск. у., изъ отписныхъ деревень кн. Меншикова.—(Им. ук., кн. 32).

**Ушаковъ, Андр. Ив. (Черк. Грек., 1-е 25 февр.).*

Ушаковъ, Конст., адъютантъ.

110. **Ханьковъ, Петръ Ив. поруч.. (1-е 25 февр.).*

**Херасковъ, Матв. Андр.*

Хрущевъ, Мих. Семенов., ген.-майоръ.

1736 г. командир. для управл. дѣлами башкирской комиссіи.—

1737 г. назнач. къ арміи въ команду гр. Миника,—1740 г., ген.-лейтен., назнач. къ присутствію въ сенатъ. (Им. ук., кн. 57; Каб., 45, 47).

Хрущевъ, Як. Ѳед., поручикъ.

1731 г. назначенъ въ Московскую полицію. (П. С. З., VIII, № 5721).

Чебышовъ, Ив. Вас., плк.

1728 г. чл. комис. по подрядамъ на денежн. дворы. 1733—

1739 г. завѣдуетъ Ямскою канцел.—1740 уволенъ отъ службы и награжд. ранг. ген.-м. (Ук. В. Т. С. 1728 г., им. ук., кн. 39 и 57 и Каб., кн. 52).

115. *Челищевъ, Левъ Мих., поруч. († окт. 1740).*

1720 г. назыв. Новгородцемъ, надсмотр. за спускомъ судовъ въ Боровицкихъ порогахъ (Новгор. губ.); инструкція ему отъ сената (П. С. З., VI, № 3556).—1726 г. выход. при предм. должн.; за взятки приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжн. раб.; освобожд. Екатериной I и ему возвращ. все его движим. имущ. и половина недв. имѣній. (Им. ук., кн. 29).—[Вдова Л. М. Ч—ва Степанида, вскорѣ по его смерти, вышла замужъ за капит.-пор. л.-гв. изм. п. Гавр. Рахманова. Петръ Спирид. Сумароковъ, голецъ Ягушвицкаго къ Аннѣ Иоанн. въ Митаву, б. ея родной племянникъ.—По см. Ч—ва оспаривалось его дядей Арт. Ив. Ч—вымъ дух. его завѣщ. въ пользу Петра Челищева.—См. П. С. З., XI, № 8127].

**Черкасской князь, Алдръ Андр. (Сек., 1-е 25 февр.).*

**Черкасской князь, Алекс. Мих. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.).*

**Черкасской князь, Петръ Борис. (1-е 25 февр.).*

**Чернышевъ, Григорій Петр. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.).*

120. **Шаховской князь, Андр. Ѳеодор. (1-е 25 февр.).*

Шемакинъ, Степ., л.-гв. капит. (1-е 25 февр.).

**Шепелевъ, Дм. Андр. (Черк., 1-е 25 февр.).*

Шушеринъ, Петръ, полк. (Сек.).

- Шушеринъ*, Теодоръ (?), кап. (1-е 25 февр.).
125. *Щетининъ князь*, Иванъ (гвардейскій офицеръ?).
(Родоначал. общій съ кнз. Ваземскими, Долгор. I, 147.—Въ XVIII в. явл. *четыре* кн. Щ.—на съ имениемъ Ивана; сыномъ одного изъ нихъ, кн. Григоріемъ Ив. (годъ † его неизв.) прекратился родъ кнз. Щ.—ныхъ, *ibid.*, 160).
- **Юсуповъ князь*, Борисъ Григ. (Сек., 1-е 25 февр.).
Юсуповъ князь, Григ. Григ. поруч. л.-гв. преображ. п. (Терк.).
**Юсуповъ князь*, Григ. Дм. (Грек., 1-е 25 февр.).
129. *Юсуповъ князь*, Серг. Григ., л.-гв. преобр. п. поруч.
1733 г. произв. слѣдствіе по дѣлу купца Бородулина. (Им. уз., кн. 39).

(Одна фамилія неразобрана).

- Кромѣ того кавалергарды нижнихъ (солдатскихъ) чиновъ (*).
1. *Арбелевъ* (?), Григорій.
Бобарыкинъ, Лукьянъ.
Борятинской князь, Алдръ.
Бухвостовъ, Левъ.
5. *Великопольской*, Ив.
Возницянъ, Алдръ.
Горчаковъ князь, Иванъ.
Даниловъ, Ларіонъ.
Дмитріевъ, Родіонъ.
Капит.-поруч. Изм. полка, при его учрежденіи. (Ист. Изм. п., прил., с. 2).
10. *Друцкой князь*, Давило.
Дурново, Ив.
Елизаровъ, Аеовас.
Зузинъ, Мих.
Кабановъ, Ив.
15. *Кологривовъ*, Андр.
Косаловъ, Андр.
Мансуровъ, Макс.
Михевъ, Андрей.
Наумовъ, Андрей.
20. *Нащокинъ*, Ив.
Остафьевъ, Григорій.
Павловъ, Иванъ.
Кап.-поруч. Изм. п. при его учрежд. (Ист. Изм. п., прил., с. 3).
Панинъ, Алдръ.

(*) Напечатанн: курсивомъ подписали также прошеніе, представленное кн. А. М. Черкасскимъ 25 февраля.

- Пашковъ, Ив.*
25. *Полонской, Николай.*
Рославлевъ, Богданъ.
Кап.-пор. Изм. п. при его учрежд. (Ист. Изм. п., прил., с. 3).
Савеловъ, Автономъ.
Тургеневъ, Романъ (?)
Хвостовъ, Мих.
30. *Хитрово, Алдръ.*
Хитрово, Петръ.
Чирковъ, Ив.
Юшковъ, Алдръ.
Языковъ, Ив.
Языковъ, Николай.
36. *Феофилактовъ, Ив.*

Всего 166 человекъ.

Примръчаніе. Приводимыя въ текстъ данныя о происхожденіи, родственныхъ отношеніяхъ и служебномъ дѣйствіи разныхъ лицъ, поди- савшихъ шляхетскіе проэкты и прошенія, — имѣютъ значеніе какъ мате- ріалъ для біографій многихъ замѣчательныхъ дѣятелей ц—ви Анны Иоанн., Елизаветы Екатерины II. и Александра I. Въ этомъ отношеніи, су- хія на первый взглядъ подробности не лишены интереса.

№ 3.

Извлеченія изъ депешъ датскаго посланника

И. Г. Вестфалена (*).

(Изъ дѣлъ королевскаго копенгагенскаго архива).

I.

26/15 Janvier 1730.

Sire; c'est aujourd'hui le 6-m jour, que le jeun monarque de la Rüssie est malade de la petite verole, selon les ùns, avec apparence d'une bonne issuë, mais selon d'autre sans espoir d'échapper. Il est connu à vôtre majestè qu' il me manque le necessaire pour intriguer a faire tourner la revolution à nôtre avantage, en cas que le czaar viendroit à mourire ce qu'à Dieu ne plaise.

(*) Большинство депешъ писано непосредственно самому королю; депешы за №№ 2, 7, 8, 11, 12—къ статсъ-секретарю Даниѣ фонѣ Гагену; №№ 3-й и 17— адресованы на имя неизвѣстнаго лица, но какъ видно принца датскаго королевскаго дома (В—нъ титулуеть его «monseigneur»).—Французскій языкъ В—на весьма неправиленъ; кромѣ того депешы его, писанныя второпяхъ, наполнены пропусками и своеобразной транскрипціей собственныхъ именъ. Обращаемъ вниманіе на главнѣйшіе изъ всѣхъ этихъ ошибокъ Вест—на. Въ 1-й депешѣ, во фразѣ: «si j'étois de ces gens à qui tout est indifferent, me tenir *les croisés*», пропущено слово: bras.— Въ X-й депешѣ вмѣсто *reconnaissant*, В—нъ пишетъ *reconessants*.— Князя В. Л. Долгорукаго онъ вездѣ называетъ *Wasili Lukawitz*, а въ одной депешѣ (IV-й) *Wasilikowitz*.—Мы печатаемъ депешы Вестфалена съ *дипломатическою точностію*; буква въ букву согласно съ подлинникомъ, на основаніи сверенныхъ съ нимъ копій.—Все помѣщаемое у насъ въ скобкахъ въ текстѣ депешъ В—на въ подлинникѣ написано шифромъ.

Sous cette circonstance, je pourrois, si j'étois de ces gens qui tout est indifférent, me tenir les croisés. Mais rien n'est indifférent à moi, où l'intérêt de V. M. entre (mon indigence misérable le cœur) uniquement pour cause de V. M. (en à quel facheux devoir son intérêt ne deviendrait point sujet, ni la princesse Elisabeth viendrait de s'emparer du trône de la Russie. (Le coup d'État n'est pas à tout prix) ou si par accident et sans nous en rendre compte. On mon grand éloignement me mettait hors d'état de recevoir à temps, ay, ordre, ny secours, ay, conseil sur un qui j'aurai à faire dans cette très dangereuse conjoncture, j'en suis avisé de s'inscrire à quatre des principaux (Dolgoroucky) pour les exhorter à se montrer en cas que le Czaar passeroit la pais, gens de viguerie, et de fermeté. Cette lettre circulait, étoit épinglée, et les lettres: Mon prince. L'affaire pressée et j'en peut de l'importance, point, trouver à la maison, c'est pourquoy j'ay écrit à la plume pour vous informer que messieurs les Holsteinuis de cette filabode, d'ourni adhérents les Suédois et autres malintentionnés en font ressentir l'effet sur l'état de la maladie de votre jeune monarque, qui fait trembler d'autant plus que (ils soutiennent hautement, que le Czaar decede. La princesse Elisabeth ne manquera pas de trouver moyen de s'emparer du trône de la Russie soit pour elle mesme ou pour son neveu à Kiel.) J'espere de la bonté Divine que les malintentionnés en auront le dementi.

Cependant comme telle chose pourroit arriver et qu'il est bien constant qu'un tel événement attireroit infalliblement (des grandes disgrâces sur la famille de Dolgoroucky particulièrement sur la personne au present monarque et qu'il assureroit du l'indivisi des affaires de cette monarchie, soit elle direction, étrangers, qui vous fera prendre de tous côtés de mesures fausses et incompatibles avec le véritable intérêt de la Russie) et de moi du fond de mon cœur, bien intentionné (comme tout le monde le sçait) et dévoué à l'illustre maison de Dolgoroucky et souhaitant de cause de la sympathie l'intérêt entre les deux cœurs) infiniment de du bien à la Russie, je m'attens de votre sagesse, prudence et du pouvoir que les Dolgoroucky ont presentement en main, que vous n'entreprendrez de sauver la couronne de votre patrie en maintenant la cause de votre oncle en cas de la mort du Czaar et que vous vous unirez avec d'autres seigneurs Russes dans un même secours dans la ferme et inébranlable résolution de pousser l'affaire jusqu'à son entier accomplissement. Ce grand ouvrage commence et cela à tout prix, une grande affaire si elle doit bien réussir ne doit point être faite à demi. Or si une vigoureuse et ferme résolution de leurs hommes comme Tolstoy ou Demickoff a pu procurer la couronne de la Russie à la defunte Czarionne, non obstant qu'un monde de circonstances la y opposerent, pourquoy

Le même avantage ne seroit elle pas à procurer à une vertueuse princesse comme votre niece. Tout bien considéré, examiné et pesé on verra que le salut de la vie du Czar et de la resolution, que vous prenez si la mort l'emporte.

Adieu messieurs au dernier cas d'une dernière vigueur et vous éviteres de succomber avec votre patrie sous mille tristes inconvénients.

Excusés mon prince la liberté que je me donne sur l'affection que je vous porte et à votre illustre famille particulièrement et sur tout à ma patrie et après à la votre qui devroient selon le système de leur véritable interet être au jamais bien unies mais qui ne le seront jamais; si la princesse Elisabeth montrera sur le trône de la Russie ou bien son neveu.

Voilà le plan que je me suis projeté et sur lequel je ne cesserois pas de travailler dans la vue de faire, s'il sera possible, l'affaire que je me suis proposé au bien d'une autre dont je ne me puis point encore expliquer (pour parer le coup menaçant de l'élection de la princesse Elisabeth ou de son neveu sur le trône de la Russie).

III. Le grand événement de la mort du czar et de la nomination de madame la duchesse de Churland pour le succéder.

Le grand événement de la mort du czar et de la nomination de madame la duchesse de Churland pour le succéder. L'extractoy joint d'une de mes relations au roy de France passée le 21. m d'Avril qui se rapporte à une autre du 2. m

Cette juste apprehension qui ne me quitta jamais pas même au milieu de la joye publique des festins à la cour, auxquelles on jetois toujours invité m'a induit à sonder déjà depuis bien longtemps les esprits sur leur penchant au regard à la personne qui luy succederait en cas que le jeune monarque vint à mourir inopinément.

Le grand événement de la mort du czar et de la nomination de madame la duchesse de Churland pour le succéder.

de Decembre 1728, me rend pleine justice, que j'avois parfaitement à fonds pénétré les vues des principaux d'entre les Russes, par rapport à la succession du jeune monarque en cas que la mort nous le raviroit.

Or, le cas venant d'exister lorsque l'on y pensa le moins, je n'ai pu, connoissant la disposition des premiers d'entre les Russes, comme je la connoissois, gagner sur moy de rester les bras croisés, je me mettois en devoir d'en tirer avantage afin de tourner la révolution dont nous venions d'être menacé le plus qu'il seroit possible au bien du roy.

Mais considerant, qu'il n'est guërre possible d'agir efficacement dans des occurrences de pareille nature sans quelque secours pecuniair, j'allai trouver le consul Anglois, luy remontrant le danger de la conjoncture et la nécessité ou je me trouvai de m'en mesler, luy demandant à cette fin quelque secours d'argent.

Il eut la generosité de m'offrir d'abord jusqua vingt mille roubles, et d'avantage s'il en seroit question, je ne luy demandai d'abord que 6000, et il me remit à l'instant trois mille ducats d'or.

Je n'eus pas plustôt en main, cette adjûte de Costa, que j'entrai en matiere, et la distribution que j'en faisois de 1500 à quatre differentes personnes me procura la connoissance de tous les pas que firent les ministres de Suede, de Holstein, de l'Empire, et de Blankenbourg, avec ce qui se passa chez la princesse Elisabeth, et me mit en état de les contrarier efficacement, en avertissant ceux qui menoient le bransle de la révolution de toutes les trames que ceux cy mirent en oeuvre pour faire monter sur le throne l'enfant à Kial sous la tutelle de la princesse Elisabeth, etc.

Tout cela reussit à souhait, et je ne doute nullement que le roy n'aura tres-gracieusement égard au service signalé que je luy ai rendu encore à cette occasion, le remboursement de ce que je dois au consul Anglois à part, icy je ne dois point omettre de rapporter que la meme personne que le grand Gallitzin m'avoit envoye pour m'accuser, que ny la princesse Elisabeth ny son mary monteroient sur le throne m'ayant le trentieme du mois passé (vers les cinq heures de matin, averti de la nomination de la presente Czarienne, j'allay le meme moment apres diner faire present à son épouse d'un petit coffre de filigran fermant mille beaux ducats), de quoi l'interest du roy se ressentira en temps et lieu.

Il est vray, que je n'ai point au pour ce que j'ay fait d'ordre, mais comment faire pour en être pourvu à juste temps? si la presente Czarienne viendroit à mourir demain, l'interest du roy ne voudra-t-il pas, que je ramasse ciel et terre pour operer encore une fois l'exclusion de l'enfant en Holstein, et la princesse Elisabeth, et dût il couter au roy cent mille roubles, et d'avantage, qu'est ce monseigneur (qu'une poignée d'argent au prix de l'interest du Dag,

nemarc, sauvé dans une affaire aussi intéressante que de voir sur le trône de la Russie une personne qui nous convient, ou qui nous convient pas.

Ce ne sera du moins plus en considération de la Russie que les grandes puissances de l'Europe auront dorénavant des égards pour le duc de Holstein, ce qui a été jusqu'icy le champ de bataille des ministres de ce prince et le prétexte dont ces puissances qui nous envient l'acquisition du Sleswig ducal, ont coloré leur partialité envers le duc.

Quant à moy en mon particulier, j'ai porté en ce pais cy ma réputation à un point que tout le monde me charge de louanges. Mr. Koford me le pourra attester en conscience et sur sa foy d'honneur, tout le monde disant et soutenant hautement qu'il ny a point de ministre étranger à cette cour qui sert son maître comme moy. Le grand Gallizin l'a encore dit hier au general Bohn en présence de 20 personnes, et le Baron Ostermann l'a dit 20 fois de sa vie au duc de Liria et d'autres. Je devrois donc avoir naturellement lieu d'espérer qu'à Copenhague on ne pourra qu'être de toute manière content de moy. Je m'en flatte, sans m'en relever. Je me recommande monseigneur à vos bonnes et dignes grâces et protection.

ИМПЕРАТОРИИ Е. И. ВЕЛИКОМУ № 3.

**Extrait d'une de mes relations au roy de l'année
passée 21 d'Avril (1729).**

Je souhaite de Dieu, que la maladie du czar n'ait point de suite, mais si dans le temps où nous sommes et sous les circonstances, où je me trouve, il viendroit à mourir, nous courrons infaillement hazard de voir sur le trône de la Russie ou le fils de la défunte duchesse de Holstein ou la princesse Elisabeth, et l'intérêt de roy Frédéric Quatrième en souffrira jusqu'aux os, au lieu que si on eût fait réflexion à ce que j'ai pris la liberté de remontrer par certaine relation des moy du 9me de Decembre 1728 et que l'on m'eût mis en état de pouvoir disposer de quelque somme considerable avec l'autorité de m'engager au paiement du reste, je pourrois bien opérer, que la duchesse de Mecklenbourg ou une de ses sœurs fut élevée sur le trône, et cela sans l'ajoute du comte Watslaw; je ne suis pas si mal avisé de me mêler dans cette affaire à ce ministre imperial, après qu'il n'y auroit plus d'enfants en vie de la sœur de l'impératrice.

Le bourgeois de la presente maladie du czar se passera, j'espère sans aucune suite funeste, il est cependant toujours bon de se préparer pour tout événement, et c'est justement pourquoy, que je prends la liberté de souvenir encore votre majeste tres humblement

passeroit le pas; et pour ce qui étoit de l'enfant de Holstein et de la princesse Elisabeth, ny l'un, ny l'autre monteroit sur le trône de la Russie, que non seulement (les Dolgoroucky mes diverses autres familles) se feroient plutôt hacher en pièce.

Il ne m'eut pas plutôt quitte, que sur ce point important il me vivrent les mêmes assurances de la part de (Demetri Gallitzin qui a mené le brasle de toute la révolution), dont il est aujourd'hui question. Alors j'allai trouver le secrétaire Koefold dans sa chambre, tout expres pour qu'il me pût attester en temps et lieu, que je luy avois prédit ce qui arriveroit, luy declarant, que l'interet de votre majesté étoit sauvé en cas, que le Czaar viendroit à mourir, que j'étois seur de mon fait; et que je dormerois plus tranquillement, que je ne l'avois pû faire jusqu' alors; ceuy se passa le soir du 26 de Janvier après le depart de la poste.

Le lendemain 27 de Janvier on croyoit le jeune monarque si bien hors de danger, que la garde monta au chasteau tambour battant et à son d'hautbois, on divulgoit alors, que les postules étoient entierement sorties, et que leur maturation commençoit déjà à se manifester par cy par là. L'on s'estoit trompé, car la nuit du 27 au 28 il luy en, viurent encore une grande quantité dans le gosier, même dans le nez, ce que luy empeschant de respirer, et une fièvre ardante suivant de bien prez, on conceut le 28, me que sa vie étoit en danger.

Le 29, me au matin il n'y avoit guerre plus d'apparence qu'il rechapperoit, et vers les 3 heures d'apres diner la maladie ayant encore considerablement augmentée, tous les membres du conseil furent sommé de se rendre incessamment dans la chambre de lit de sa majesté, de même que les 3 géraux feldsmarscheaux, prince Gallizin, prince Dolgorouki et le prince Trobetzkoï; on fit aussi venir l'archevesque de Novogrod pour administrer à sa majesté le sacrement de l'extreme onction.

En attendant on avoit fait sonde la vieille czaarienne ayeule du jeune monarque, si elle voudroit bien se charger de la regence en cas que la mort leur raviroit du jeune monarque son petit fils, mais elle s'en octusa sur ses frequentes infirmités et sur la foiblesse de son esprit et de sa memoire, L'un et l'autre (disoit elle) n'ayant pû que baisser tres considerablement sous le poids des souffrances indixprimables que la rage de ses ennemis l'avoit fait souffrir, pendant l'espace de 30 années entieres; particulièrement durant le regne de Cathrina, Alexiewna, elle se rendit pourtant sur la 10 heure du soir au palais de son petit fils, où elle se tint dans un appartement joignant celui du malade, là, elle attendit en priant à genou au pied d'un crucifix vissue de la triste scene de son expiration. Il avoit déjà alors perdu la parole et ce fut à la fin un quart heure apres mourut, qu'il rendit l'ame.

Alors les 3 feldmarschaux et tout le haut conseil l'allerent prendre, la conduisant au lit du tressé; dès qu'elle se fut appertue qu'il ne vivoit plus, elle poussa un grand cri et tomba en défaillance. On fut obligé de la saigner sur le champ, et on eut toute la peine du monde de luy faire revénir le sentiment.

Le haut conseil et les trois feldmarschaux ne laisserent la sentre les mains des medecins et des chirurgiens. et passerent dans un autre appartement pour delibérer sur le choix d'un autre souverain à la place du defunt. Il n'y eut que le baron Osterman, qui ne vouloit point prendre part à cette delibération. à cause, dit il, qu'il étoit étranger, donnant néanmoins sa parole de vouloir acquiescer à ce qu'ils conviendroient entre eux, en regard de la succession leur recommandant l'accord et l'unanimité.

La porte de l'appartement fermée à clef, et celle cy posée sur la table, les deux Dolgorukinos cordons bleus, commencerent à parler en faveur de leur niece, la promise au defunt monarque, mais le conseiller privé Demetri Michalowitz Gellizin leur fit doucement comprendre que la personne de leur niece n'ayant pas devers elle que seulement une simple promesse de mariage en face de l'église, il étoit vray, mais la copulation sacerdotale luy manquant avec la consommation du mariage, et le defunt monarque n'ayant non plus rien stipulé par voye de testament en sa faveur par rapport à la succession, elle n'avoit aucun titre pour y prétendre, à quoy les Dolgoruki n'ayant rien eü à repliquer avec fondement, Gellizin passa outre, il leva la parole et dit à haute voix: Mes freres, Dieu pour punir les pechez enormes qui se commettent au Russie plus que dans aucun autre état du monde, particulièrement apres que les Russes ont adopté aussi les vices qui sont en vogue parmi les étrangers, venant de nous ravir un souverain sur lequel toute notre esperance étoit fondée avec raison, et l'empire de la Russie étant d'une constitution qu'il luy faut sans perte de temps un chef pour le gouverner et à qui s'adresser, lequel nous avons à choisir dans l'illustre famille de Romarnow et ne par ailleurs; la lignée masculine de cette maison étant entièrement éteinte dans la personne de Pierre le second, que nous venons de perdre, nous ne pouvons que nous tourner vers la lignée feminine de la meame maison, et choisir entre d'autres filles du czar Ivan celle qui nous conviendra le plus; je me declarerais certainement pour l'ainée, la duchesse Mecklenbourg, si elle n'est mariée à un prince étranger, cette circonstance n'est pas favorablement avec la convenance de la Russie, je croirois sa sœur, la duchesse d'Oldenbourg de Churland, Anna Ivanawa, si elle n'est mariée à un prince étranger, elle est née parmy nous d'une mere Russe, elle est d'une ancienne et noble famille, nous connoissons la bonté de sa nature et ses autres belles qualités, pour ces raisons je la croie la plus digne pour regner sur nous, et voilà mes freres, quel

est mon opinion, si vous pouvez me convaincre d'une meilleure je l'adopterais; si non je me tiens à celle que je vous ai expliquée.

Le feldmarechal Dolgoruki luy répondit de la manière qui suit: Demetri Michalewitz, d'une pensée vient de Dieu, et est partie d'un coeur patriotique; Dieu te veuille benir, et vive notre impératrice Anna Ivanowna. Tous les autres suivirent son exemple de sorte que l'appartement retentissoit bientôt d'un vivat à l'impératrice, Anna Ivanowna unanime, ce que le baron Ostermann entendit, il courut à la porte, et la luy ouvrit, et se joignit, son vivat à celui des autres, et étoit vers les quatre heures du matin, del 17° 11° Janvier que cecy se passa.

Le 10° du mois de Mars, le même matin Gallizin se rendit au palais de Kremlin dans le sénat qui est depuis le bureau de l'empereur Catharina le 2° collège de la pégenie en ce qu'il oy, luy communiquant la nomination de la duchesse de Churland pour succéder au défunt monarque en qualité d'impératrice de toute la Russie, et y demandant sa concurrence au vivat unanime de tous les membres de l'impératrice Anna Ivanowna, fut la réponse, que Pop luy fit, que là il passa dans l'appartement, ou s'étoient rassemblés tous les généraux: jusqu'aux brigadiers inclusive, qui luy répondirent comme avoient fait ceux qui composent le sénat de la Russie: Le grand Poloyé n'a point été consulté et n'a pas par conséquent eu aucun part à l'élevation de cette czarinienne sur le trône de ses ancêtres, on dit, que le grand chancelier s'est donné beaucoup de mouvement en sa faveur, mais Gallizin se soutenant avec quelle dignité soy best langue barbe, agitait lors de la mort du czar Pierre le premier jusqu'à ce qu'il eut copert de l'élévation du vray héritier de la couronne, se devouant, moyennant large récompense, à une femme étrangère qui avoit été autre fois publiquement la maîtresse de Menzikow, il n'en a pas voulu entendre parler, déclarant que les ordres de Dieu de la Russie étoient donc devant le conseil privé, le sénat, et le generalat.

Le dit Gallizin ne fut pas plutôt de retour dans le haut conseil, qui se tint constamment assemblée au palais de Menzikow dans le faubourg des étrangers, que l'on se mit à dresser l'acte de la nomination de la duchesse de Churland etc. en suite on nomma trois ambassadeurs pour le luy porter à Mittaw et pour la conduire à Moscou, à savoir Wasili Lukawitz, Dolgoruki du haut conseil, le frère de Gallizin du sénat, et le major general Lavontof de l'état militaire, ces trois messieurs partant encore le même soir pour se rendre par posta à Mittaw, le lendemain 31° de Janvier les deux feldmarschaux Gallizin et Dolgoruki prirent place dans le haut conseil en qualité de ses premiers membres après le grand chancelier comte Goltowkin et alors l'on se mit à délibérer sur le moyen de borner le despotisme de l'empereur de la Russie et de commencer par le présent czarinienne, les esprits sont présentement fort occupés de cette deli-

et dangereuse matiere. (Gallitzin qui en est l'auteur et le fauteur me demanda hier) quelle des (deux formes de gouvernements) je croyois être la meilleure (la Suedoise ou celle de l'Angleterre. Je luy repondis, que la Suedoise estoit la plus jetive (!) de tous) et je ne croi pas, disois je que (celle d'Angleterre puisse être introduite en Russie, il n'y repondit rien).

Sire, voila l'histoire de la maladie et de la mort de Pierre le second, aussi bien que de l'elevation de la presente czaarienne sur le throne de la Russie avec un detail de quelques uns des mouvemens que je me suis donné pour nous rendre la revolution favorable, le reste de ce que j'ai fait à cet égard se trouvera ailleurs, c'est dans cet état que se trouvent les affaires d'icy aujourd'hui le 2-me de Fevrier 1730.

A quoy j'ay encore à ajouter, que le grand maître des ceremonies m'a été voir pendant ces entrefaits deux fois de suite, la premiere fois pour m'annoncer la mort du jeune monarque, et la seconde fois pour me donner part de sa succession.

Comme le discours qu'il me tint à cette dernière occasion, étoit tout autrement tourné que celui qui me fut tenu lors de l'évenement du defunt czaar à la couronne, je me croi obligé d'en detailler le précis par les memes mots et les memes expressions pour autant que ma memoire y puisse fournir. Je vous ai monsieur deja annoncé la mort inopinée et tresaffligeante du tres haut et tres puissant empereur Pierre le second de ce nom, à present je viens par ordre expres du haut conseil pour vous avertire, que tous les ordres de cet empire ont sous l'assistance divine unanimement choisi la tres haute et tres puissante princesse czaarienne et duchesse d'ovariere de Churland Anna Ivannava pour remplir le throne de la Russie en qualité d'imperatrice de ce puissant et vaste empire. Vous sçavez monsieur qu'elle est absente, mais j'ay ordre de vous dire et de vous declarer; que sa majeste imperiale n'aura pas plustot prise en mains les renés du gouvernement, que le haut conseil prendra à tâche de luy faire bien reconnoître l'importance d'une parfaite et cordiale amitié et bonne intelligence entre la Russie et le Danemarck, et combien il sera avantageux pour les deux nations d'en serrer une autre fois si bien le noeud, que les envieux de leur union ne le puissent jamais dissoudre le dit haut conseil de la Russie croyant avoir raison de se prometre de la part du conseil de sa majesté Danoise une pareille disposition.

Une autre chose que l'ay encore à communiquer à cause de son importance, est, que le comte Wratislaw a de concert avec les ministres de Holsteim et de Blanckenbourg briqué l'elevation de l'enfant à Kiel sur le throne de la Russie sous la tutelle de la princesse Elisabeth, ils ont pris le parti de s'en ouvrir premierement à (Jagotschinsky), qui les a conseillé, particulierement au comte Wratislaw

de n'en point ouvrir la botte, cela non obstant celuy cy et Cramme en font la proposition a (Osterman) qui les renvoit au grand chancelier sur cet avis ils entrent en consultation et conviennent que comme le comte Bonde parle le Russe en perfection, il s'en doit ouvrir au grand chancelier; de quoy moy ayant eü du vent je le previens et en donne bon avis de sorte que lorsqu'il vint en parler à ce ministre il est traité de haut en bas et avec tant de desdain que le grand chancelier déclare nettement à comte Bonde que le duc son maître n'a rien à prétendre en Russie et c'est par pure charité qu'on luy a donné de sommes aussi considerables qu'il a tiré de leur tresor sans l'avoir meritè par rien. Bonde qui ne s'attendoit pas à ce traitement la en ayant fait rapport au comte Wratislaw n'ose celuy cy ny Cramm point entreprendre de passer plus outre, et pendant ces entrefaits le denouement de la scene arrive par la mort du czaar, et la nomination de la duchesse de Churlande à luy succeder, sur quoy le haut conseil fait scavoit au comte Bonde qu'il seroit bien aise qu'il voulut penser à son depart d'icy. Il s'excuse sur l'estat de son epouse qui est prestè d'accoucher, promettant de s'en retourner le plus tost qu'il sera possible et voicà à la fois bien de nouvelles qui interessent.

V.

Ce 9 de Fevr. (29 Janv).

Sire! Je n'ai plus rien à dire sur le triste evenement de la mort du dernier czaar de la Russie, ny sur la revolution qui en est suivie, qui est aussi considerable et importante qu'elle est avantageuse à votre majestè et à son interet. Tout est icy tranquile et personne remue, la princesse Elisabeth se tient coi, et les adherants de l'enfant en Holstein n'oseroient grouiller, on attend avec impatience l'arrivée des ambassadeurs a Mitow, où ils pourront se trouver à l'heur qu'il est selon la plus juste supputation. Le haut conseil de la Russie, dans lequel les feldsmarcheaux Dolgorucki et Gallizin ont pris de fait possession, dirigent en attendant toute les affaires de la monarchie en pleine souverainité, les membres qui le composent presentement sont le grand chancelier comte Gollofkin, les deux feldsmarcheaux mentionnés, le prince Demetri Michalowitz Gallizin, grand et excellent homme sans contredit, le baron Ostermann, prince Gregori Alexeiwitz Dolgoruki, pere de la malheureuse promise au defunt czaar, et le prince Wasily Lukowitz Dolgorucki, nôtre cordon bleu, qui est absent et voila un conseil aussi bien constitué qu'il y en ait un en Europe, tous gens d'esprit, de coeur, de probité, et zelès patriots, le baron Ostermann quoyque étranger aussi grand que les autres Je commence à douter que le projeté

changement de la forme du gouvernement aye lieu, j'en regarde l'établissement d'une tres difficile execution et nullement conforme à l'interet de votre majesté qui ne doit point en consideration de la Svede desirer l'abbaissiance de la Russie, je vise en soutenant cette these politique à l'interet et à la convenience de vôte majesté et, nullement à sa personne sacrée. Elle sçaura en peu ce qui en sera et peutêtre par l'ordinaire prochain le contenu des depesches qui viennent d'etre apportées au compte Wratisslaw par un courier du cabinet on les croit estre d'une derniere importance.

VI.

16 de Fevr.

Ceux qui composent presentement le haut conseil de la Russie, excepté le baron Ostermann, qui n'y a pas mis le pied depuis la mort du jeune monarque à cause d'une indisposition qui luy est survenue, travaillent encore sans relâche, à mettre la forme du gouvernement de la Russie sur un autre pied qu'elle n'a été jusqu'icy, le grand but de ces messieurs est de moderer le pouvoir arbitraire des monarques de ce pais cy, en quoy ils sont vertement contrécarré par ceux de la petite noblesse Russienne les efforts qu'ils font de part et d'autre rendent l'issue de l'affaire fort douteux.

Il est cependant arrivé, que Jagouschinsky, cordon bleu, grand escuyer, commandant du corps des gardes chevaliers et gendre du grand chancelier comte Golloffkin vient d'etre arreté par ordre du haut conseil pour avoir depesche sous main un homme de sa confiance à la czaarienne pour l'avertire de ce qui se tramoit icy contre son autorité et pour la deconseiller d'y sousmettre, mais de se reposer sur son épée et sur celles d'un tres grand nombre de la nation qui detestent les procedures du haut conseil. On luy a ôté son ordre, et il est gardé à vue. Le parti que j'ay pris dans cette dangereuse conjuncture est celui de demeurer à la maison et de ne me point mesler de ce qui se passe au Cremelin pas seulement par le moindre raisonnement. Je plains du fond de mon coeur le vieu grand chancelier de ce qui luy vient d'arriver dans la personne de son gendre, j'ay grand peur de voir encore d'autres catastrophes pareilles. On releve beaucoup au préjudice du pouvbir arbitraire en Russie, un fait qui s'est passé sous le regne de la czaarienne Cathrine qui est, qu'elle doit avoir consumée dans sa cour pendant le temps de son courte regne pour sept cents mille roubles vins d'Hongrie et pour 160000 rub. des aquavits de Dantzig pendant que de milliers de ses sujets mangvoient du pain sec pour

vivre, et pour faire vivre leurs enfants; à quoy les autres repondent qu' une hirondelle ne fait point l'eté.

VII.

10/2 Fevrier.

Monsieur! Les portes de l'appartement où le haut conseil de la Russie s'assemble, ont été ouvertes toute la semaine passée à tous ceux qui auroient quelque chose à dire ou à proposer pour ou contre le changement que l'on medite de faire dans l'ancienne forme de gouvernement de cette monarchie.

De l'etat militaire les genereaux, brigadiers jusqu 'aux collosnels inclusive ont eu cette liberté, de mesmes que tous les membres du senat et des autres colleges de la regence, tous ceux qui ont le rang de collonel, les archivesques, evesques et archimandrits ont été sommé d'y venire, non pas en corps, mais à la fois 3 evesques et trois archimandrits. Il s' est dit à cette occasion tant de bonnes et mauvaises choses pour et contre l'establissement en question, qui a été attaqué et deffendü avec tant de vehemence, que sur la fin la confusion devint grande jusques là qu 'on n 'etoit pas sans apprehension de quelque souslevement, mais les deux feldsmarescheaux ne sont pas gens à s' epouvanter facilement.

Cependant, comme je ne suis point accoutumé de retracter aujourdhu y ce que j'ai avance hier, dans la fermentation ou cette grande affaire se trouve presentement. je suspendrai encore pour quelques jours mon jugement sur ce que j'en croi devoir arriver; et je me contenterai de vous dire seulement sur ce sujet que (il y a à mon avis autant à craindre que les Dolgoroucky et les Gallizins reüssiront dans leur entreprise. qu'il y a à esperer que les affaires demeureront sur l'ancien pié). Je ne doute pas monsieur que vous ne vous donnerez volontiers la peine d'informer le roy et son conseil de ce mon sentiment preliminaire.

VIII.

23/12 Fevrier.

Monsieur! C'est pour vous avertire, que la confusion va encore icy en augmentant que je me donne l'honneur de vous escrire la presente (elle est mesme monteé à un si haut degrez, qu'il s'est formé un parti sous la direction du prince Tzercassi, membre du senat, qui veut et demande) a haute voix (non seulement la conservation de l'ancienne forme du gouvernement mais l'expulsion)

mesme (des Dolgoroucky et des Gallizins hors du haut conseil) excepté (une seule personne de chaque famille. Ceux de ce parti accusent hautement de bouche et par escrit les Gallizins et les Dolgoroucky de porter une haine implacable à la memoire de Pierre le grand et à sa pauvre posterité qui estoit traiteé) comme si la Russie (n'avoit point de part à elle, ni elle à la Russie) de la maniere que les affaires commencent à tourner (à l'interêt du roy. C'est bien heureux que la nomination de la czaarienne s'est faite); çar si elle estoit (encore à faire et que les Dolgoroucky et les Gallizins estoient hors de pouvoir), en verité de Dieu (l'enfant de Holstein monteroit sur le trone de la Russie).

Le jeune monarque fut hier enterré, la precipitation s'y fit remarquer à vue d'oeil.

IX.

Ce 2 de Mars (19. de Fevrier).

Sire! La nouvelle czaarienne est à present à Moscau, dimanche passé elle y fit son entree publique, et hier premier de ce mois j'eus l'honneur de la saluer et de luy faire mon compliment de condoléance sur la mort du precedent monarque et de felicitation sur son avenement à la couronne; comme j'estois, le premier des ministres des têtes couronnées residants à cette cour qui se trouva dans l'antichambre, je fus aussi le premier introduit auprès d'elle immédiatement aprez l'ambassadeur d'Espagne; à dire la verité ce fût sur un avertissement d' Amy, que je me rendis au Cremlin bien une heure avant les autres, et la resolution ayant été prise dans le haut conseil de faire cette fois une distinction entre les ministres des têtes couronnées et les ministres de autres puissances et de les admettre à l'audience à mesure qu'ils seroient arrivés, j'eus l'avantage de la précédence devant les autres comme devant les envoyés extraordinaires de Suede, de Pologne et de Prusse.

Cette princesse a été de tout temps fort aimée et considerée de la nation, aussi les esprits se sont ils beaucoup calmées depuis son arrivée, mais il est toujours bien certain, que je ne puis inferer autre chose de ce que je vois et entends, si non que les grands de ce pais cy ne cessent pas de mediter un changement de l'ancienne forme de gouvernement de la Russie et que leurs desseins ne soit de restreindre, à l'avenir le pouvoir arbitraire des czaars de la Russie par quelques nouvelles loix d'etat

La czaarienne avant de faire son entree dans cette capitale s'arreta 5 à 6 jours dans un village à 8 werstes de Moscau. Elle ne porta pas encore alors aucun de ses ordres, ny le cordon bleu,

ny le cordon rouge, et ce fut seulement la veille de son départ de là, que le haut conseil, suivi de grand nombre des genereaux et de la noblesse alla en corps les luy remettre. Le grand chancelier comte Golloffkin, qui les porta sur un coussin de drap d'or, mit un genou à terre pour les offrir à la souveraine, et le conseiller privé Dimetri Michalovitsch Gallizin tint à cette occasion ce notable discours à la czaarienne:

Orthodoxe et tres gracieuse imperatrice. Nous treshumbles et fidels sujets les membres du haut conseil de la Russie ensemble avec la generalité et la noblesse Russienne, nous te reconnoissants être la fontaine d'ou doivent écouler les honneurs et les dignités en Russie, nous venons te remettre ton ordre de St. Andree, qui est le premier et le plus honorable et aussi celuy de St. Alexandre, qui fut institué par l'empereur Pierre le premier à l'occasion de sa glorieuse paix avec ce puissant royaume de Suede affin de les porter chacun à son temps et de les conferer à ceux, que tu en jugeras digne.

Nous te remercions de ce que tu as bien voulu approuver l'election que nous avons fait de ta personne, pour regner sur nous en qualité de notre gracieuse imperatrice, que tu as bien voulu recevoir ta couronne de nos mains et faire la diligence, que tu as fait pour retourner dans la patrie, et nous te remercions pas moins affectueusement de ce que tu as bien voulu condescendre à souscrire les articles, que nos deputés t'ont presentés en notre nom pour ta propre gloire et pour le bien de ton peuple. Et voila orthodoxe imperatrice le sujet de notre venue en corps aupres ta majesté. Daignes de prendre tout cela de bonne part; et reposez sur notre fidelité inviolable pour ta personne.

A ce remarquable discours la czaarienne repondit de la maniere qui suit et cela sans hesiter:

Demetri Michalowitsch et vous autres messieurs de la generalité et de la noblesse, Vous devez sçavoir, que je regarde l'election, que vous avez fait de moy pour regner sur vous en qualité de votre imperatrice comme une marque de l'affection, que vous portez à ma person et à la memoire de feu mon pere. Je tâcherai de faire en sorte que le tout le monde sera content de moy, et comme c'est pour vous satisfaire, que j'ai signé à Mitau les articles, dont tu Demetri Gallizin fait mention: vous pouvez être persuadés, que je les observerai tres religieusement, jusqu'à l'article de ma mort, dans l'esperance ou je suis, que vous ne sortirez jamais des bornes de votre devoir et fidelité envers moy et envers la patrie dont le salut dait faire l'unique objet de nos peines et de nos travaux.

X.

Ce 9 de Mars (26 Fevrier).

Sire! L'homme étant de son naturel enclin à croire facilement ce qu'il souhaite, il n'est pas par consequent surprennant, que dans ma depesche du 9-me du mois passé (j'ai laissé entrevoir quelque esperence qu'il n'y aura aucun notable changement dans la forme du gouvernement de la Russie; mais comme j'ai esté depuis l'ordinaire passé informé à fonds de ce qui se passe au haut conseil et dans les frequentes assemblées nocturnes des grands de ce pais) aussi bien que (ce qui contiennent les articles, qu'on a fait signer et jurer à la czaarienne en acceptant la couronne, je puis à present assurer sûr de seurs fondements, que le dit changement a si bien lieu qu'il a deja commencé, qu'il pouroit mesme selon toutes les apparences aller tellemen (!) en augmentant, que (les Russes modernes auront) à la fin (raison de dire avec certain autheur Romain); mais à rebours nos (!) nos (!) ancêtres ont vû par experience ce qu'il y avoit d'extrême dans une servitude trop dure, et nous éprouverons au prejudice de l'etat ce qu'il y a d'extrême dans une liberté precipitée.

Ma dernière treshumble relation étoit du 2-me dũ mois courant. Il est arrivé depuis, que le haut conseil, le senat et les autres colleges de la regence de ce vaste etat ensemble avec la generalité, les chefs des régiments, les moindres officiers et les trouppes qui se trouvent icy et aux environs de cette capitale, au nombre de bien 16000 hommes, de mesme que le magistrats (!) de cette grande ville et ses habitants ont pretez à la presente czaarienne leur serment de fidelité sur le pied du formulaire cy joint.

Or, pour que l'on puisse juger de la difference, qu'il y a entre le serment du temps passé et entre celui d'aujourd'hui, j'ay jugé à propos d'y joindre le formulaire du serment qui fut prété à la czaarienne Cathrine en l'an 1725 (*).

Le haut conseil est à present occupé à former à sa majesté czaarienne sa cour, qui sera dit on moins brillante que n'étoit celle du defunt monarque, l'etat des finances de la Russie ayant dit on besoin de quelque épargne. Dès aussitot qu'on aura achevé de la former, je ne manquerai pas d'en communiquer l'etat, aussi bien que la somme que l'on accordera à sa majesté pour subvenir à cette depense, à celle de ses menu plaisirs et à ses autres besoins, et nous verrons dans la suite (si on voudra l'obliger d'observer à la rigueur

(*) Въ приложеніи къ подлиннымъ депешамъ находятся объ эти присяги во французскомъ переводѣ.

tout ce à quoy elle s'est obligée par les articles, q'elle a signée à Mietaū comme une condition sine quā son election n'auroit point eüe lieu. Quant aux articles mesmes, dont il est icy question, ils contiennent en substance rien moins que ce qui suit icy:

1) Elle regnera et gouvernera son peuple par l'avis de son conseil. 2) Elle ne se remariera pas sans le consentement de son conseil. 3) Elle ne pourra point entrer en guerre ny conclure la paix ny contracter des alliances avec d'autres sans l'approbation de son conseil. 4) Elle ne pourra point disposer des deniers publiques sans l'avis du conseil. 5) Elle ne pourra pas charger son peuple d'aucune imposition pecuniere sans l'avis de son conseil. 6) Les premiers charges de l'estat, de l'armée et de la flotte seront conferées de l'avis du conseil. 7) Il ne luy sera pas permis d'aliener aucun domaine de la couronne. 8) Personne de la noblesse grande ou petite sera mis à mort, envoyé en exil ou ses biens confisqués sans un proces formel et impartial).

P. S. Dans ce moment je suis averti, qu'il y a de grands remunages (!) au Cremlin; plusieurs genereaux et autres officiers de la petite noblesse, tant civils que militaires s'etants assemblé et insistant positivement dessus, que le haut conseil soit augmenté d'encore 13 membres, et qu'il n'y resterat des familles de Gallizin et de Dolgoruki que deux personnes, les autres de ces noms en devant être mis de hors.

XI.

9 de Mars.

Monsieur! Mon paquet est deja porté à la poste, quand le grand chancelier monsieur le comte Gollowkin me fait dire par un des secretaires de la chancellerie, qu'il avoit plù à Dieū de diriger les choses d'une maniere, que sa majesté la nouvelle imperatrice avoit été (il n'y avoit qu'une heure) declarée souveraine, de quoy son excellence n'avoit pas voulu manquer de me donner part comme à un ministre bien intentionné, me conseillant de me trouver demain vers les 10 heures au Cremlin pour en feliciter sa majesté. J'ay garde monsieur de ne vous point communiquer sur le champ cette grande, notable et interessante nouvelle, même par estaffette, si la poste est deja parti, bien loin que je püsse gagner sur moy de remettre sa communication pour l'ordinaire prochain. Vous scaurez alors la cause mouvante de ce subit changement, elle m'est jus qu' icy inconnue.

XII.

12/2 Mars.

(Nos amis les Gallitzins et les Dolgorücky se portent mal, grace soit a ma bonne étoile, qu'ils se portent autant il y a six semaines;

quel diable de figure ferois je a présent icy, si l'enfant en Holstein fut monté sur le trohne de la Russie ou bien la princesse Elisabeth).

XIII.

(Отъ того же числа).

Sire! Les revolutions ont été si frequentes en ce pais cy particulièrement depuis les intrigues illicites de la czaarienne Cathrine avec le chambellan Moons, qui produisoient la cassation du testament que Pierre le premier avoit fait en sa faveur, et par lequel il l'avoit nommé à luy devoir succeder dans la regence, que l'on n'est plus seur de rien, ny sçait on plus à quel Saint se vouer.

La mort tragique de Moons fut bientôt suivie par celle du czaar et par l'elevation de sa femme en seconde sur le trone de la Russie à l'exclusion des vrâyes heritiers de la couronne, malgrez la cassation du testament du czaar, malgrez l'obscurité de la naissance de cette femme et malgrez l'énorme dereglement de sa vie avant qu'elle eut le bonheur de passer des mains de Menzikow dans celles du czaar. Sa mort donna occasion à Pierre le second d'emporter sous faveur de sa promesse de mariage à la fille de Menzikow la couronne de ses ancetres sur la duchesse de Holstein qui y pretendoit par le droit de l'usurpation, et qui y auroit selon toutes les apparences reüssie, si on n'eut gagné le prince Menzikow par l'appas de cette alliance, affaire à la quelle je me puis vanter d'avoir eũ beaucoup de part conjointement avec feu le comte Rabbutin, et qui a coûté bien cher à ma petite bourse.

Ce monarque ne fut pas plustot tombé malade de la petite verolle, que les plus gens de bien d'entres les Russes et les plus autorisés prirent de ma bonne connoissance entre eux la ferme resolution d'exclure de la succession cet enfant qui est né à Kieï ensemble avec la princesse Elisabeth, fille de Pierre le premier de son second lit, mais née hors du mariage, ce qui doit être selon la loy fondamentale de ce pais cy et selon les canons de l'eglise grecque une tasche ineffaçable, un mal auquel la legitimation la plus solemne ne scauroit apporter remede, de quoi ma despesche du 26-e Decembre 1729 N° 492 fait pleinement foy, le defunt monarque se trouvant encore alors en pleine vie, quand j'ay assuré positivement que cela arriveroit.

Cette resolution prise, et le cas de la mort du czaar venant d'exister trois jours apres, le haut conseil de la Russie, dont le nombre fut augmenté par les deux feldmarecheaux Gallizin et Dolgoruky, qui de fait y prirent place, eleva sur le throne de la Russie par un choix unanime, la seconde fille du czaar Ivan Alexewitz duchesse dowarière de Churlande, choix qui fut approuvé par le se-

nat, la generalité et par tous les autres colleges de la regence Rus-
sienné sans qu'ame vivante y eut contredit pas seulement par la
moindre reflexion. Si le dit conseil se fut contenté de ce son heu-
reux choix et de l'approbation generale qu'il rencontra partout, il
se seroit conservé sa consideration, son pouvoir et son autorité.
Mais ayant de son chef sans consulter les autres colleges de la re-
gence, pas seulement la generalité, entrepris de changer la forme
du gouvernement, en obligeant la nouvelle czaarienne de signer des
articles par lesquels on la depouilloit des plus considerables prero-
gatives de la royauté autorisoit son conseil de regner de pair avec
elle, cela donna lieu à plusieurs personnes de la generalité et moindres
officiers du senat et des autres colleges de la regence, issus de
la petite noblesse, qui est naturellement et pour plusieurs solides
raisons plus porté pour la monarchie que pour un gouvernement
aristocratique de trouver à redire à ce que le haut conseil avoit
fait de son propre chef pour changer l'ancienne forme du gouver-
nement.

Cependant, comme pas un seul d'entre eux, vouloit avoir le
nom d'être contraire à l'établissement d'une liberé nationale, il (!)
s'attacharent uniquement au point d'avoir le haut conseil reformé,
de l'avoir augmenté jusqu'au nombre 21 et d'en faire sortir les
Dolgoruky et les Gallizins excepté une seule personne de chascune
de ces deux familles; cela fut le voile sous lequel étoit caché leur
véritable dessein, qui étoit de maintenir l'ancienne forme de gouver-
nement, quoique dans leurs remontrances au conseil ils n'en tou-
choient pas la corde ny de bouche ny par escrit.

Ceux qui attiserent le feu de cette dissention et de cette ami-
osité contre les Gallizins et les Dolgoruky étoient le grand clergé
(le baron Osterman sa femme) les Soltikows, parents de la czaarienne
du côté de sa mère, sa tante maternelle l'épouse du knias Romani-
dowsky; la princesse Tzercassi, chaude amie de la famille de Solti-
kow et souveraine maîtresse de son mari, et enfin les amis et adhe-
rants de la princesse Elisabeth et de l'enfant en Holstein, ceux cy
seulement par depot pour embrouiller les affaires et pour mortifier les
Gallizins et les Dolgorucki, qui ayant choqué outre le grand clergé
la personne du grand chancelier comte Gollowkin en faisant arreter
son gendre Jagoushinsky et le traitant comme un criminel d'état
pour la raison, qui se trouve marqué dans ma depesche du (sic)
et s'étant par la aliéné l'esprit de ce venerable vieillard, le dit con-
seil eût le chagrin de le voir aussi se jeter dans le parti des me-
contents, dont le nombre s'étant à la fin si fortement accru, que
plus de 800 personnes tous gentilshommes, en charges civiles ou
militaires avoient le 8-me de ce mois signés l'acte de leurs hum-
bles remontrances, ils crurent qu'il étoit temps de frapper leur coup
de parti. 150 des premiers de la troupe, ayants à leur tete le

senateur prince Tzercassi, homme de tête, de maison illustre et ancienne, mais d'origine tartare et pour cette raison pas assés considérée des autres anciennes maisons de la Russie; le lieutenant general et major des gardes knias Yusouppow, aussi de race tartare et de sa famille le premier qui ay esté baptilisé, son pere étant mort mahometan, et aussi pour cette raison, souverainement méprisé par les anciennes familles de la Russie, et le lieutenant general Tzernissoff; cordon rouge et issu de la petite nobless, d'ailleurs un homme fort intriguant, vont au Cremelin demandant au conseil, qui se trouva justement assemblé, d'être écoutés, ce que leur ayant esté accordé, ils delivrent un papier contenant leurs justes griefs; le conseil ordonna qu'il fut lû à haute voix et apres avoir bien compris ce qu'il contenoit, le dit conseil leur declare d'être prêt, de leur donner toute la satisfaction imaginable et qu'il en parlera à sa majesté mesme. Les remontrants se retirent, et s'ayisent de trouver eux mesme leur souveraine, dont ils avoient tiré sous mains parole, qu'ils seront bien reçeu et favorablement escoutés, ils se font annoncer, et sa majesté a la bonté de les admettre, à l'instant à son audience, et apres avoir escouté leurs griefs, elle leur donne pour reponse, qu'elle seroit bien aise, qu'on put etablire une bonne union entre eux et le grand conseil, qui ne se sera pas plustot déterminé à deferer à leurs demandes, qu'elle concourera dans le même dessein et approuvera le tout.

Les remontrants retournent la dessus au conseil, lui rapportant ce qui s'est passé dans leur audience auprez la czaarienne; Cela fait, Youssupoff prend la parole et dit, à moy il me semble, que la condescendance de notre très gracieuse souveraine et ses manieres d'agir envers ses sujets; merite bien de notre part le retour de quelque vive reconnoissance, à quoy Chernischof adjoute: Nous ne pouvons mieü reconnoitre toutes les bontez qu'elle temoigne avoir pour son peuple, qu'en luy rendant ce qu'on luy a oté, scavoir la mesme souveraineté et pouvoir absolu, dont tous ses ancetres ont jovic, knias Tzercassi adhere au même sentiment, ce que le grand chancelier ayant aussi fait tout le monde cria à gorge deployé: Vivat notre absolue et souveraine dame l'imperatrice Anna Ivannawa, à quoy les Gallizias et les Dolgorucki ne pouvant plus resister, allons, disent ils, faire comme les autres et arrive en ce que la divine providence aura decreté. La czaarienne avertie de la scene, qui s'est passée, elle commande en sousriant d'ouvrir les portes de son appartement, car j'aurai, dit elle, bientôt grande compagnie chez moy.

Les remontrants arrivent les premiers, offrant à sa majesté la souveraineté au nom de toute la noblesse, ce qui fait le haut conseil aussi de son coté un moment apres. Elle ne hesite pas de l'accepter et de dechirer en leur presence les articles qu'on luy avoit fait signer à Mittaw, en suite elle les remercie tous très benigne-

ment et leur permet de se retirer chacun chez soy tirant à part notre cordon bleu Wasili Lukowitz Dolgorucki et luy donne à entendre, qu'elle seroit bien aise qu'il qvita ses appartements au Crémelin, puisqu'elles (!) les destinoit a son parent le lieutenant general et major des gardes Simon Soltikow, à qui elle ordonne de changer la garde au chatteau et de patrouiller luy même pendant toute la nuit, ensuite elle fait élargire Jagouschinsky, à qui son épée et son ordre ayant été rendu il retourne con fiochi à sa maison. Elle ordonne de quitter le deuil pour trois jours, et que toutes les maisons de cette grande ville et de ses fauxbourgs soient illuminées trois soirs de suite, et le lendemain les ministres étrangers et apres eux tous ceux de la grande et de la petite noblesse sont admis à la complimenter sur ce grand et notable événement. Il n'y a point de doute, qu'il ne soit svivi de grands changements dans le ministère et à la cour.

Cependant voila en abrégé le veritable histoire de la revolution que nous eumes leu jeudi dernier 9-me de ce mois de Mars selon le n. st. Il y a de gens, qui sont d'opinion, que l'affaire ne demeurera pas là, mais qu'on verra encore sauter quelques têtes pour intimider ceux qui pouroient en quelque autre occasion favorable à leur dessein entreprendre de renverser la souveraineté, qui est le premier et le plus beau fleuron de la couronne Russienne. Je ne suis pas tout à fait de ce sentiment là, j'avoue qu'après ce qui s'est passé et ce qui vient d'arriver il n'est pas naturel de croire, qui ny les Dolgoruki ny les Gallizins auront la premiere place dans la confiance de la czaarienne. Ils pouroient mesme bien courire risque d'être privé de leurs charges et employs. Mais cgmme il est pourtant seur et constant, que sans les Gallizins et les Dolgaruckis la czaarienne aujourdhay regnante ne seroit certainement point montée sur le trohne mais bien l'enfant en Holstein ou la princesse Elisabeth et la czaarienne étant une femme d'esprit et naturellement bienfaisante, mon avis est, qu'elle reconnoitera en princesse genereuse le bien et le service que ces deux considerables familles luy on fait sans oublier pourtant le mal qui luy ont voulu faire en la depouillant de sa souveraineté.

Du reste à eux les Dez, j'ay à peine bougé de ma maison depuis le commencement jusqu'à la fin de toute cette dangereuse manoeuvre et pendant tout ce temps je n'ai vu qu'une seule fois le feldmareschal Gallizin et knias Wasily Lukowitz Dolgoruki.

A present je plains mes amys, et je me rejoyis de la conservation du pouvoir absolu des czaars de la Russie, laquelle je croi être plus conforme à l'interet de votre majesté qu'un trop notable abaissement des forces Russiennes, qui auroit infalliblement suivi le renversement de la souveraineté, et ce qui me fait raisonner de la sorte, c'est que je suis persuadé comme de la clarté du jour, que

de toutes les nations du monde la Svedoise est celle qui veut naturellement et voudra en éternité le plus de mal au Dannemarc, or; l'intéret de la Russie n'aimant pas celui de la Svede et l'intéret de la Svede haissant à mort la prospérité Russienne je croi ce mon systheme politique fondé sur un tres solide raison d'état.

P. S. Le general Münnich, qui a le gouvernement de Pets. a mandé icy, que les troupes Svedoises en Finlande faisoient mine de vouloir s'assembler en un corps, mais comme ils ne sont qu'au nombre de 10 à 12000 hommes, Munnich les écraserait avec les forces qu'il il peut assembler en cas qu'il leur prit envie de degainer; on n'est nullement embarrassé de cette nouvelle.

XIV.

16/8 de Mars.

Sire! Votre majesté et son conseil sont par mes treshumbles relations precedentes succinctement informé de la maniere que le cy-devant haut conseil de la Russie s'y étoit pris pour changer la forme de son gouvernement, aussi bien que de la maniere que s'y est prise la czaarienne aujourd'hui regnante pour recouvrir sa souverainité; la dernière de mes relations qui ont traité de cette grande et importante affaire étoit du 13-me de ce mois. Dès ce jour là jusqu' aujourd'hui on a été occupé à faire prêter a tout le monde le nouveau serment de fidelité selon le formulaire que j'ay communiqué par l'ordinair dernier. On tient le haut conseil autant que supprimé, et on veut, que sa majesté nommera un nouveau conseil privé seulement de trois à quatre personnes. Il n'y a nulle doute, que le grand chancelier, pour vù-seulement qu'il veuille continuer de servir, et le vicechancelier baron Ostermann y auront place; si les Gallizins et les Dolgoruki en seront, c'est une chose à voir, peu de jours esclairciront cet article interessant, on a remarqué à leur égard que depuis quelques jours ils evitent de venir à la cour.

XVI(*).

22/12 Mars.

Sire! Ma dernière treshumble relation à votre majesté, qui étoit du 20-me de ce mois courant, renfermoit tout ce qu'il y avoit

(*) № XV кратко сообщает о провозглашении Анны Иоанновны самодержицей. Къ этому № приложены: 1) прошение, врученное кн. И. Ю. Трубецкимъ, 2) списокъ 24-го вновь назначеннаго сенатора (4 марта 1730).

encore à dire relativement à la dernière révolution arrivée à cette cour, apresent on y jouit de la plus parfaite tranquillité, sa majesté gratieusant presque sur un pied egal ceux qui l'ont élvé sur le trone et ceux qui luy ont fait recouvriré sa souverainité de sorte que je n'ai plus rien à dire sur ce sujet.

Je n'ai pas voulu pourtant omettre de rapporter une affaire particulière arrivée à cette cour pendant ces entrefaits qui nous interesse par rapport à certaines circonstances. Un Wibikow, major general et general procureur dans le vieu senat, homme d'esprit hardi et intrigvant et de tout temps attaché à l'interet du duc de Holstein et de sa defunte, ayant eû pendant la maladie du dernier monarque de frequentes entretiens nocturnes avec les ministres de Holstein à cette cour de même qu'avec l'envoyé de Svede ce qu'étant parvenu à la connoissance du haut conseil, d'allors celuy cy decreta son éloignement de la ville de Moscow, et il eut ordre de se preparer pour aller commander à une place appartenant à la Russie, qui n'est qu'à 40 miles d'Allemagne de la fameuse muraille chinoise.

Mais il eut l'adresse de trainer son depart jusqu'à l'arrivée de la czaarienne, auprès laquelle il se proposait faire un dernier effort pour obtenir de pouvoir demeurer icy en place ou d'avoir la permission de se retirer sur ses terres avec sa famille.

Or, des qu'il s'apperçut, que les brovilleries entre le haut conseil et une partie de la petite noblessé alloient devenir une affaire serieuse, il se jeta dans ce dernier parti en qualité d'un leediags mann et signa son nom avec de grands caracteres sous le memoir par lequel ce parti suppia sa majesté de casser les articles, qu'on luy avoit fait signer à Mittaw, le haut conseil ensemble avec l'ancien senat, et lorsqu'il fut admis à luy baiser la main, il luy insinua adroitement, que sans avoir fait la moindre faute les Dolgoruki qui le haïssoit (!) l'avoient condamné d'aller en Siberie commander une bicoque, que l'on pouvoit confier à un second lieutenant, ainsi il supplioit sa majesté treshumblement de vouloir pour la conservation de sa famille luy permettre de se retirer sur ses terres, en cas qu'il ne put demeurer en poste icy à Moscow, ce que la czaarienne luy accorda. Mais le (grand chancelier) en ayant eû du vent, il va trouver la czaarienne luy remontrant le penchant de cet homme et les raisons qui veulent qu'il soit éloigné, sa majesté est en peine d'un coté à cause des raisons qui sont alleguées pour soutenir l'éloignement de Wibikow et d'autre côté à cause de sa parole donnée, on trouve à la fin un milieu, qui est, qu'au lieu de le releguer en Siberie on l'envoie en l'Ukraine pour y commander une petite forteresse nommé Biallogorod, ainsi que son éloignement d'icy a pourtant lieu. Cette petite histoire repandant de nouvelles lumieres sur la disposition de cette cour par rapport au duc de Holstein relativement à la succession en Russie j'ay crû la devoir rapporter dans toute

son étendue et d'assurer en même temps, que ce que j'ay mandé par ma despesche penultime touchant les avantages que le roy Tamasch auroit remporté sur l'usurpateur Escheref m'a été confirmé par le feldmarechal Dolgorúki même excepté la prise d'Ispahan, vers laquelle le vainqueur s'approchoit après avoir battu pour une troisième fois les troupes d'Escheref, pour la bloquer. C'est ainsi que s'explique le rapport du general en chef des forces Russiennes en Perse.

XVII.

28 / 19 Mars.

Monseigneur! Je suis dans la joye de mon coeur d'avoir deviné juste (en esgard aux Gallezins et Dolgorucky, car ils sont en verité de dieu aussi le grand chancellier de l'interest du roy les meilleurs amis en Russie, ils haissent mortellement le duc de Holstein, ses fauteurs, le fils de sa defunte) ensemble avec (la princesse Elisabeth, ceux qui adherent a ce party ne font pas un petit objet en Russie). J'en avertis vótre excellence en toute fidelité comme d'une chose, qui merite bien qu'il y soit fait reflexion sûr tout par rapport au futur. Si en politique d'état on n'eut à lutter que contre les affaires du present, le prendre nos mesures à juste temps pour eluder le mal et procurer le bien ne seroit pas une chose tant difficile. Mais ce qui rend le metier d'un ministre en poste tant du premier que du dernier rang extrêmement difficile, c'est l'obligation dans lequel il est de penetrer à fonds l'avenire, si en ce point là il se méprend, les mesures pour parer les coups dont nous sommes menacé et de profiter des avantages que l'avenire nous promet sont ordinairement mal prises et de la procedent la ruine des royaumes et etats.

Je supplie votre excellence treshumblement de vouloir se souvenir en grace de la lettre particuliere que j'ay pris la liberté de luy escrire le 2-me du mois passé, le temps auquel je dois rembourser le consul Anglois la somme qu'il me pretà 22 dũ Janvier et laquelle j'ay employé au service du roy approche, ma parole d'honneur et le maintien de mon credit y est interessé, et je ne suis rien moins qu'en état d'acquiter cette dette de mon propre, et devois je vendre tout ce que j'ay au monde d'autant plus que je declare à votre excellence icy sur tout ce qu'il y a de plus saint, et de plus respectable dans la societé humaine que le regne de la czaarienne Chatrina et la revolution qui suivit sa mort a couté à moy en mon petit particulier au de la de 5000 roubles argent content, je l'ai fait scavoir a diverses reprises à monsieur de Hagen, mais il n'a jamais daigné de m'y reprendre, cela est pourtant dur.

Votre excellencce y voudra avoir égard aussi bien qu'au danger que l'interet du roy a couru par la subite mort du czaar Pierre le second et au mal irreparable qui seroit resulté à nos affaires, si la succession du jeune monarque eut tournée autrement qu'elle a fait. Je ne puis pas justement dire d'avoir directement contribué à faire revissire le choix de la czaarienne regnante, mais je me puis bien et hardiment vanter d'avoir indirectement beaucoup contribué à faire donner l'exclusion à l'enfant à Kiel.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Страницы</i>
☐ Предисловіе	I—IV
☐ Введеніе. Характеръ реакціи, наступившей вслѣдъ за кончицей Петра В.—Главнѣйшія явленія внутренней государственной жизни Россіи съ 1725 по 1730 годъ.—Событія воцаренія Анны Іоанновны, какъ результатъ этихъ явленій.—Главнѣйшіе источники и литература исторіи воцаренія Анны Іоанновны.	I—XIV.

Обзоръ источниковъ и литературы.

Полное собраніе Законовъ	XV.
Государственный Архивъ.	XVI.
Архивъ Прав. Сената.	XVII.
Дѣла Верхняго Тайнаго Совѣта	XVIII.
Архивъ Св. Синода	XIX.
Геофанъ Промоповичъ	XX.
В. Н. Татищевъ.	XXII.
Записка В. П. Степанова	XXIII.
Записка Ненавѣстнаго	XXIV.
Графъ Х. Б. Минихъ	XXV.
Графъ І. Э. Минихъ	XXV.
Манштейнъ.	XXVI.
Замѣчанія на Записки Манштейна	XXVII.
Князь М. М. Щербатовъ.	XXVIII.
Записка князя П. П. Долгорукаго	XXIX.
«La Cour de Russie il y a cent ans» и Кв. Рондо	XXX.
Маньянъ	XXXI.
Де-Бюсси	XXXII.
Лефорть	XXXIII.
Аксель Мардефельдъ	XXXIV.
Вестфаленъ	XXXV.
Герцогъ де-Лирія и де-Херико	XXXVI.
Шницль-Физельдекъ	XXXVII.

II

Memoires du prince Pierre Dolgoroukow. XXXVI.

Обзоръ Литературы XXXVIII—XLIII.

I. 19 января 1730 года. Кончина Петра II.—Удаление трехъ архіереевъ.—Составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, его застѣваніе въ ночь съ 18 на 19 января и избраніе Анны Іоанновны.—Подробности этого застѣванія и роль въ немъ князя Д. М. Голицына;—Ожиданіе генералитета и разговоръ П. И. Ягушинскаго съ княземъ С. Т. Долгорукимъ.—Составленіе «пунктовъ» и ихъ первоначальная редакція.—Собраніе генералитета, знатнаго шляхетства и духовенства въ Кремлѣ, утромъ 19 января.—Пересмотръ и дополненіе «пунктовъ».—Назначеніе въ Митаву трехъ депутатовъ и данная имъ инструкція.—Письмо верховниковъ къ Аннѣ Іоанновнѣ.—Окончательная редакція «пунктовъ» 1—18. X

II. Верховники и главнѣйшіе ихъ противники изъ генералитета и синода. Политическое значеніе князей Долгорукихъ и Голицыныхъ и ихъ предки и старшіе родственники XVII вѣка.—Князья Долгорузіе и Голицыны въ Верховномъ Совѣтѣ въ 1730 году.—Г. Д. Головкинъ и А. И. Остерманъ.—П. И. Ягушинской, князь И. Ю. Трубецкой и графъ Мусинъ-Пушкинъ.—Князь М. М. Голицынъ-младшій и М. И. Леонтьевъ.—Оеофанъ Прокоповичъ, Оеофлактъ Лопухинскій и Георгій Дашковъ 19—57. X

III. Характеристика Анны Іоанновны и ея жизнь до вѣнчанія. Характеристика Анны Іоанновны. Ея переписка съ Салтыковымъ (1732—1740) какъ матеріалъ для этой характеристики.—Воспитаніе и обученіе Анны Іоанновны.—Ея замужество и жизнь въ Курляндіи.—Графъ Мбринъ, Самсоновскій и Э. І. Биронъ.—Отношеніе Анны Іоанновны къ Петру Великому, Екатеринѣ I, Меншикову, Остерману и другимъ.—Востужевскій кружокъ.—Родственныя отношенія Анны Іоанновны 58—76. X

IV. Верховники и шляхетство съ 20 января по 2 февраля. Противники верховниковъ.—Отправленіе Ягушинскаго въ Митаву П. С. Сумарокова и другіе гонимыя посланцы къ Аннѣ Іоанновнѣ.—Рейнгольдъ Ф. Левенвольде и С. А. Салтыковъ.—Сторонники Анны Іоанновны.—Слухи о ея избраніи.—Шляхетскіе кружки и ихъ политическія воззрѣнія.—Сторонники Евдокіи Теодоровны, голштинскаго принца, Елизаветы Петровны и Екатерины Іоанновны мекленбургской.—Вицегатеніе, произведенное избраніемъ Анны Іоанновны.—Роль князя Д. М. Голицына. Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 20 января по 2 февраля 77—113. J

III

У. Отъ 2-го до 10-го февраля 1730 года. Засѣданіе 2-го февраля. — Письмо Анны Іоанновны изъ Митава отъ 28-го января. — Арестъ Ягушинскаго вѣтзвы объ этомъ иностранныхъ пословъ. — Разныя распоряженія верховниковъ 2-го и 3-го февраля. — Молебствіе въ Успенскомъ соборѣ 3-го февраля. — День 4-го февраля. — Засѣданія Верховнаго Совѣта 5-го, 6-го и 7-го февраля: пренія о манифестѣ и привлеченіе духовечества къ подписанію протокола о засѣданіи 2-го февраля. — Путь Анны Іоанновны отъ Митава до Всесвятскаго. — Проповѣдь Феофана Прокоповича. — Приготовленія къ похоронамъ Петра II и ко «выходу» Анны Іоанновны. — Занятія Верховнаго Тайнаго Совѣта текущими дѣлами 114—145. ✓

VI. Проекты и мнѣнія шляхетства, планъ князя Д. М. Голицына и «дужкы присяги». Перечисленіе и общая характеристика шляхетскихъ проектовъ и мнѣній, какъ поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и не поданныхъ, и число лицъ подписавшихъ проекты. — Шляхетскія совѣщанія. — Изложеніе содержанія проектовъ и мнѣній. — Планъ князя Д. М. Голицына. — Уступки верховниковъ шляхетскимъ требованіямъ и «пункты» присяги 146—188. ✕

VII. Главнѣйшіе участники шляхетскихъ проектовъ. Главныя группы, на которыя распадалось шляхетство: а) люди родословные, б) старинныя шляхетскія фамиліи, с) новые люди. — Характеристика проектовъ на основаніи этихъ группъ. — Участники проекта князя Черкаскаго. — Участники проекта Секиотова. — Участники проекта Алабердзева и Максима Грека. — Участники проекта Матюшина и проекта тринадцати 189—239. ✕

VIII. Отъ 10-го до 25-го февраля 1730 года. Прибытіе Анны Іоанновны во Всесвятское. — Приемъ императрицей В. Т. С., сената и генералитета и рѣчь князя Д. М. Голицына. — Торжественный въездъ Анны Іоанновны въ Москву. — Присяга 20 февраля. — Мѣры В. Т. С. къ сближенію со шляхетствомъ: «заявленіе» В. Т. С. и «мнѣніе» князя В. Л. Долгорукаго. — Планъ дѣйствій Остермана въ пользу самодержавія Анны Іоанновны, главнѣйшіе исполнители этого плана и сторонники его. — «Анонимная записка», объ интересахъ средняго шляхетства. — Новыя совѣщанія шляхетства. 240—267. ✕

IX. 25 февраля 1730 года. Засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. — Собраніе шляхетства въ Кремлевскомъ дворцѣ и прошеніе о пересмотрѣ шляхетскихъ проектовъ и мнѣній. — Прошеніе о «воспріятіи» самодержавія. — Издраніе «кондицій»

IV

и письма отъ 26 января.—Объявленіе Анны Іоанновны самодержавной императрицей 268—278. X

Х. Заключение. Источники политическихъ возрѣвій верховниковъ и шляхетства.—Общій характеръ стремленій тѣхъ и другихъ.—Причины, вслѣдствіе которыхъ стремленія ихъ не осуществились.—Результаты провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны 279—303. X

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

№ 1.

Критико-библиографическія замѣтки о важнѣйшихъ официальныхъ документахъ, относящихся къ воцаренію императрицы Анны Іоанновны.

I. Кондиціи, предложенныя верховниками. А) Списки кондицій государственнаго Архива и ихъ варианты — В) Тексты кондицій по редакціямъ пословъ — С) Тексты кондицій въ современныхъ имъ періодическихъ изданіяхъ и въ мемуарахъ).	1—9
II. Тексты двухъ неизвестныхъ доселѣ въ подлинникѣ шляхетскихъ проектовъ: а) Проекта Матюшкина, б) Проекта тринадцати)	9—13.
III. Разные списки и варианты «пунктовъ» присяги	13—19.

№ 2.

Полный списокъ всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ шляхетскихъ проектахъ и прошеніяхъ и подписавшихъ ихъ:

I. Проектъ князя А. М. Черкаскаго.	20—22.
II. Проектъ С. Секиотова.	22—48.
III. Проектъ Алабердева.	48.
IV. Проектъ Максима Грекова.	49.
V. Проектъ Матюшкина.	49—50.
VI. Проектъ тринадцати.	50—51.
VII. Прошеніе поданное княземъ А. М. Черкасскимъ 25 февраля 1730 года	51—55.
VIII. Прошеніе о воспріятіи самодержавія, поданное тоже 25 февраля 1730 года	55—63.

№ 3.

Извлеченія изъ депешъ датскаго посланника I. Г. Вестфалена (изъ дѣлъ королевскаго копенгагенскаго Архива) 64—88.

ГЛАВНѢЙШЕ ОПЕЧАТКИ И НЕВНИМАНИЯ.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
XIII.	6 ст.	подготовили тѣ за- мыслы.	подготовили проявленіе тѣхъ замысловъ.
XIV.	12 ст.	относительно событій	относительно второстепен- ныхъ событій.
XIX.	4 ст.	оставилъ намъ	оставилъ.
XXV.	19 ст.	Христіанъ Германъ Манштейнъ	Христофоръ Германъ Ман- штейнъ.
XXXVII.	10 ст.	Въ заключеніи	Въ заключеніе.
	13.	3 ст. связка 74.	связка 7-я.
	61.	1 ст. заимствованныхъ нами	заимствованныхъ
	63.	20 ст. 1745 г.	1735 г.
	77.	5 ст. весьма враждебно на- строенными	явились весьма враждебно настроенными.
	88.	20—21. 20 ноября 1729.	30 ноября 1729
	89.	8 ст. 1218	1091.
	97.	20 ст. свое право	право
	115.	8 ст. вслѣдствіе че.	вслѣдствіе чего
	128.	17 ст. самодержавной	самодержицей
	147.	5—7 ст. проекты подписаны ты- сячью слѣшкомъ лицъ (4110 человекъ съ небольшимъ).	проекты подписаны тысячью слѣшкомъ лицъ (1091 че- ловѣкъ).
	Ibid.	2 ст. 1118.	1000
	Ibid.	6 ст. 1218.	1091.
	151.	18 ст. передавать	подавать
	152.	1—2 ст. правосенія	правленія
	Ibid.	2 ст. важень	важенъ
	Ibid.	3 ст. всообенно	особенно.
	177.	16 ст. присвоелется	не присвоелется
	Ibid.	20 ст. Главное	Затѣмъ
	188.	4 ст. объ	въ
	197.	19 ст. почиталъ	читалъ
	222.	14 ст. дѣтей	дочерей

VI

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
Ibid.	24 св.	уже отчасти	отчасти
230.	18 св.	Воронежъ	Воронежъ
237.	17 св.	Князь Алексѣй Кура- кинъ	Князь Александръ Куракинъ
247.	5 св.	замѣнены	замѣнены
277.	19—20 св.	возвратить	возвратить
288.	17 св.	богатствъ	богатству
Ibid.	18 св.	богатствъ	богатству
290	2	ихъ	изъ
Ibid.	14 св.	выставляетъ не только	не только выставляетъ
292.	4 св.	выйдетъ	войдетъ

24. 10-11 св. сосланъ въ почетную ссылку: онъ назначенъ судьей Приказа Казанскаго Дворца
 сосланъ въ почетную ссылку— удаленъ въ свою деревню, но черезъ годъ онъ возвращенъ снова въ Москву, назначенъ судьей Приказа Казанскаго Дворца

260. 1 св. круглая сирота
 сирота